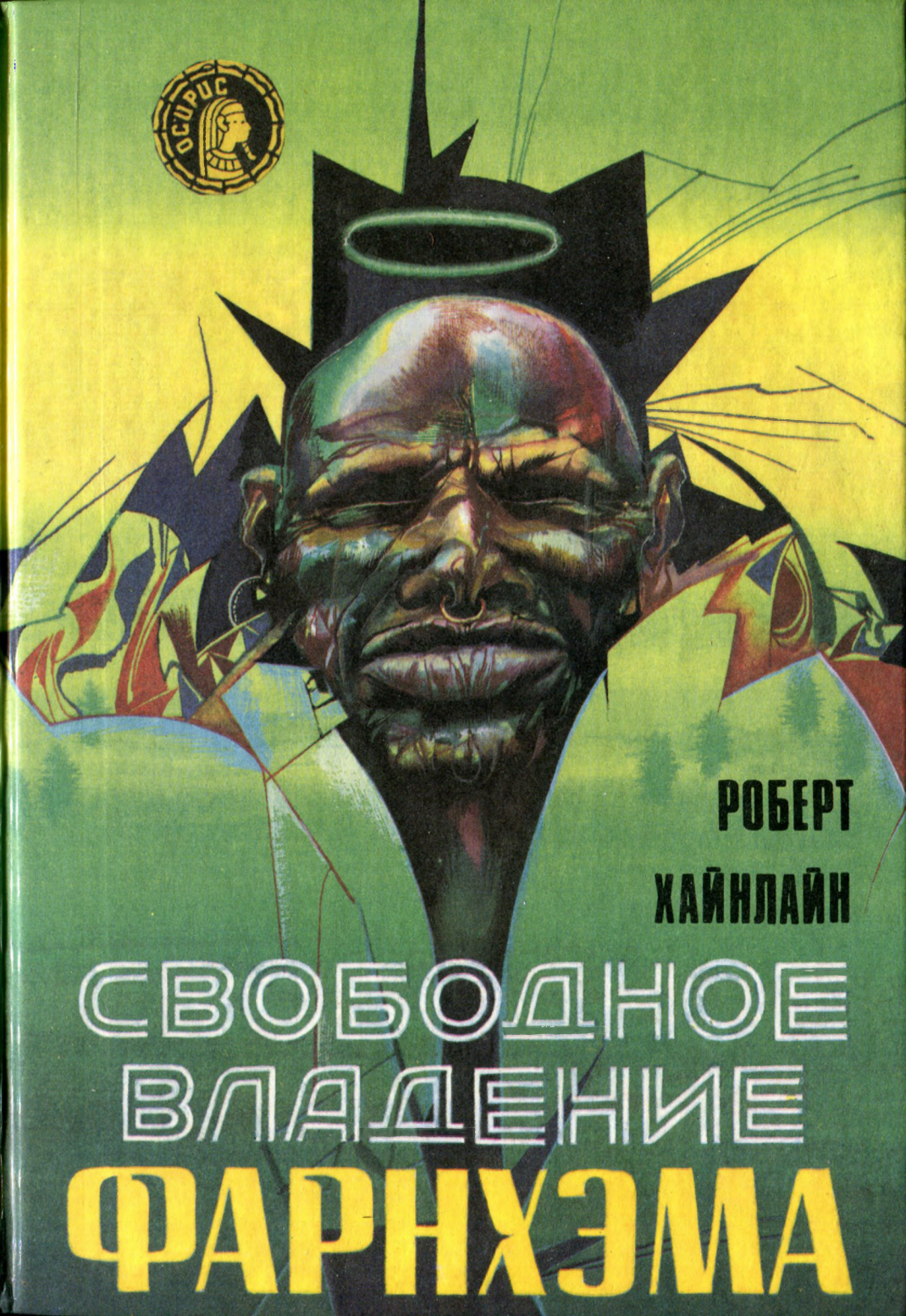

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ
ФАРНХЭМА

РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН

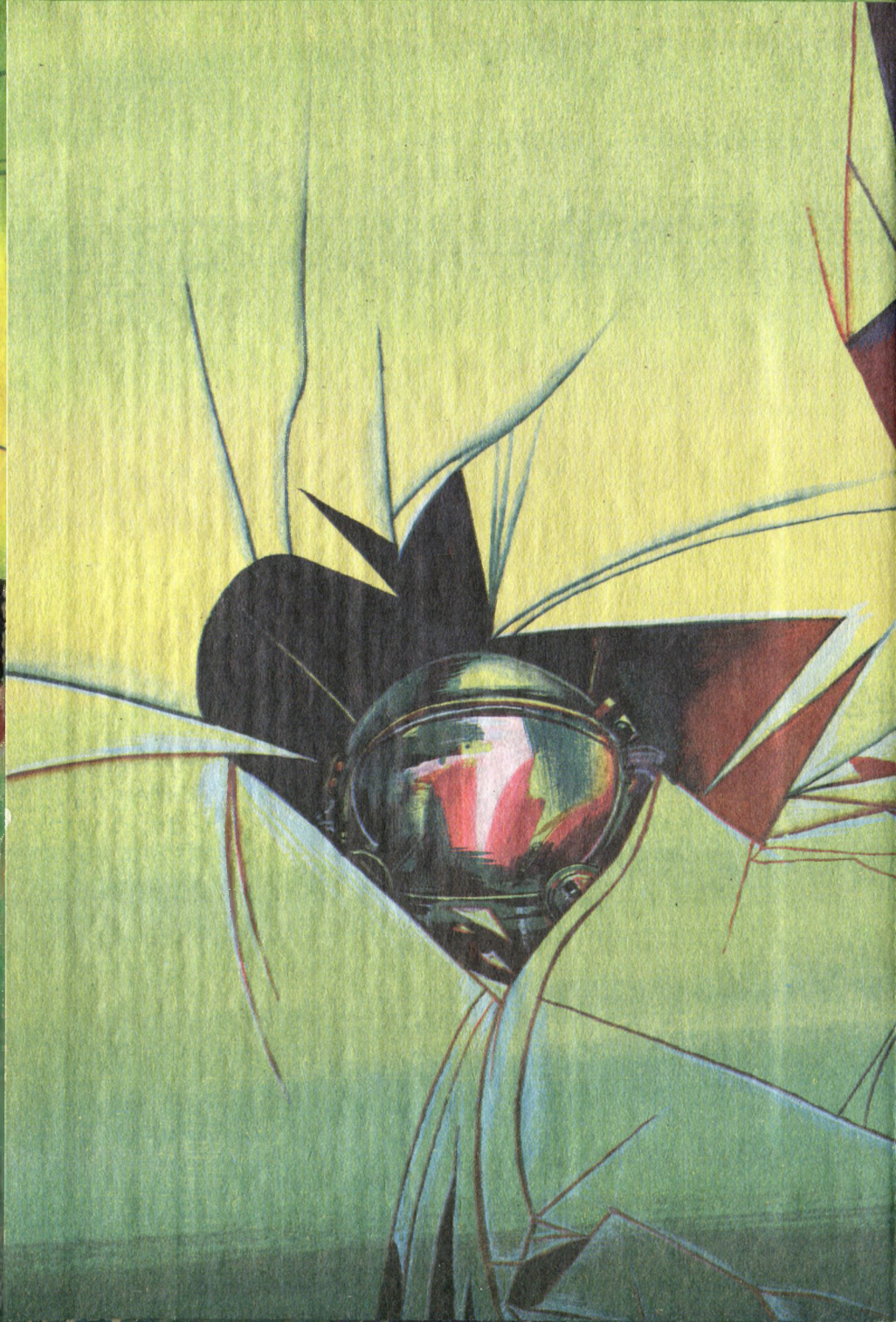
26

РОБЕРТ

ХАЙНЛАЙН

СВОБОДНОЕ
ВЛАДЕНИЕ
ФАРНХЭМА

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ
ФАРНХЭМА

фантастические романы

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Москва

1992

ББК 84.7 (США)

X15

Серия "Осирис" выпускается с 1992 года

Выпуск 26

Хайнлайн Роберт

X15 Свободное владение Фарнхэма: Фантастические романы, рассказы. - Пер. с англ.- "Осирис". Вып. 26 - М.: Центрполиграф, 1992. - 544 с.

Автор этой книги — один из немногих "грандмастеров", которые сделали американскую фантастику именно такой, какой мы ее знаем: беспредельно-смелой, увлекательной, понятной читателям всего мира. Из необозримого творческого наследия Р. Хайнлайна (1907 — 1988) отобраны наиболее характерные произведения.

ББК 84.7 (США)

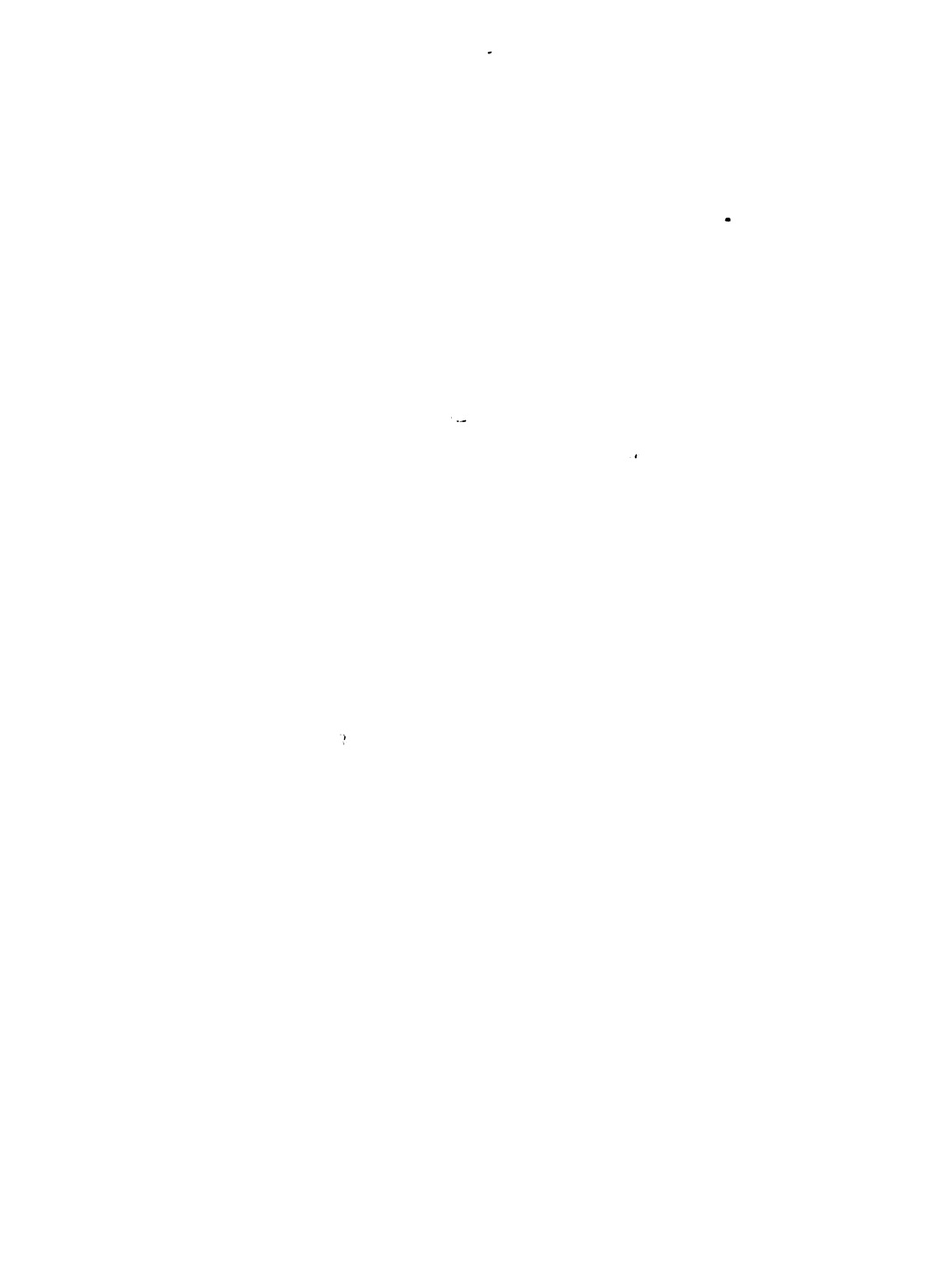
ISBN 5-7001-0045-2

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
"Центрполиграф", 1992

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ

повесть, рассказы

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ

Повесть

Глава 1

— Ты должен быть верующим!

Джорж Стронг лишь фыркнул в ответ на это заявление своего партнера.

— Дилоуз, почему бы тебе не сдать? Ты столько лет поешь свою песню. Может быть, люди отправятся когда-нибудь на Луну, хотя я в этом и сомневаюсь. Но мы-то с тобой все равно до этого не доживем. Для нашего поколения все решилось потерей мощного энергетического спутника.

Д.Д.Хорримэн хмыкнул.

— Не доживем, если будем просто так просиживать свои задницы и не делать ровным счетом ничего. А ведь мы кое-что можем.

— Вопрос первый: каким образом? Вопрос второй: для чего?

— Для чего? Этот человек спрашивает «для чего»? Джорж, да есть ли в твоей душе что-нибудь, кроме дисконтов и дивидендов? Неужели тебе никогда не приходилось сидеть ночью с девушкой, смотреть на Луну и спрашивать себя: а что там творится?

— Ну, как-то раз было. И я простудился.

Воздев руки к небесам, Хорримэн пожелал узнать, за какие грехи он отдан в руки филистеров. Потом он снова обернулся к приятелю.

— Я мог бы объяснить тебе причину, действительную причину, но ты все равно бы меня не понял. Тебя ведь этот вопрос интересует с точки зрения денег, не так ли? Ты хочешь знать, какую прибыль может получить «Хорримэн Стронг и К°» или «Предприятие Хорримэн», не так ли?

— Да, — согласился Стронг, — и не морочь мне, пожалуйста, голову туристическими путешествиями и мифическими лунными драгоценностями. Я сыт всем этим по горло.

— Ты хочешь, чтобы я составил тебе бюджет совершенно нового предприятия. Знай, что это невозможно. Это все равно что спрашивать у «братьев-праведников» из Китти Хаук, какие прибыли получит со временем «Куртис-Райт корпорейшн» от строительства самолетов. Я скажу по-другому. Ты же не хочешь, чтобы мы снова занимались пластиковыми домами, верно? А если бы ты действовал, как считаешь нужным, мы бы все еще сидели в Канзас-Сити, деля коровьи пастбища, да составляли списки арендаторов.

Стронг пожал плечами.

— Каков доход «Нью Уолд Хоунз»? — спросил его Хорримэн.

С рассеянным видом Стронг пустил в ход тот свой талант, который явился его вкладом в компанию.

— Гм... 172.946.004.62, за вычетом налогов в конце финансового года. Что касается нынешнего бюджета, то...

— Невозможно. Какова наша доля в общей сумме?

— Э... партнерство, за исключением той части, которую ты приобрел лично, а потом продал мне, получило от «Нью Уолд Хоунз» прибыли в 13.010.437.20, не считая личных налогов. Кстати, нужно отметить эту систему двойных налогов. Взимание налогов с зажиточных и бережливых — как раз то, что ведет эту страну к...

— Не об этом речь! Сколько мы получили со «Скайбласт Фрайт» и «Антиподз Трансвай»?

Стронг сказал ему.

— А мне ведь пришлось угрожать тебе серьезными повреждениями, чтобы получить согласие на покупку контрольного пакета акций по производству форсунок. Ты говорил, что ракеты лишь временная причуда.

— Нам просто повезло, — возразил Стронг. — А ты не знал, что на урановых разработках в Австралии должна разразиться ужасная забастовка. Не будь ее, компания «Скайбласт» принесла бы нам убытки и «Нью Уолд Хоунз» тоже, если бы города, расположенные вдоль дорог, не согласились предоставить рынок сбыта.

— Ерунда и то и другое. Быстрая перевозка окупается, так было всегда. Что касается «Нью Уолд Хоунз», то когда десятки миллионам семей нужны новые дома, а мы можем продавать их дешево, их купят. И они не позволят, чтобы им мешали. В этом заключаются местные законы о недвижимости. Мы играли наверняка. Вспомни, Джордж, на каких авантюрах мы потеряли деньги, а какие принесли нам прибыль? Прибыль принесла каждая из моих безумных идей, не так ли? Деньги мы теряли лишь тогда, когда пытались построить состояние на всяких консервативных обломках.

— Но некоторые из консервативных сделок тоже давали нам деньги, — запротестовал Стронг.

— Которых не хватало на то, чтобы уплатить за яхту. Будь честным, Джордж, «Андз Дивелоплин компани», патент на распространение пентографа, каждое из тех диких предприятий, в которые я тебя втянул, принесло прибыль.

— Я трудился до кровавого пота, чтобы это случилось, — проворчал Стронг.

— Потому-то мы и компаньоны. Я ловлю дикую лошадь за хвост, ты ее запрягаешь и заставляешь работать. Теперь мы возьмемся за Луну — и ты заставишь ее платить.

— Говори за себя. Я на Луну не собираюсь.

— А я собираюсь.

— Гм! И тогда, несмотря на то что мы разбогатели, благодаря твоим фантазиям, ты потеряешь последнюю рубашку. Есть такая старая притча о кувшине, который зашел однажды слишком далеко...

— К черту, Джордж, я собираюсь на Луну! Если ты не хочешь меня поддерживать — давай сворачивай дело. Буду действовать сам.

Стронг ударил ладонью по письменному столу.

— Да брось ты, Дилоуз, никто ведь не говорил, что не следует тебя поддерживать.

— Пан или пропал. Появилась возможность, и я ее не упущу. Я хочу быть Человеком на Луне.

— Э... пойдём-ка. Мы опоздали на совещание.

Прежде чем они вышли из конторы, Стронг, всегда крайне бережливый, выключил свет. Хорримэн тысячи раз видел, как он это делает, на этот раз он заметил:

— Джордж, как насчет того, чтобы свет выключался автоматически, когда ты выходишь из комнаты?

— Гм... а если кто-нибудь остался в комнате?

— Ну... Устройство будет срабатывать только в том случае, если в комнате никого нет. Когда кто-то есть, свет выключаться не будет, возможна реакция на излучаемое телом тепло.

— Слишком дорого и сложно.

— Совсем необязательно. Подброшу-ка я эту идею Фергюссону. Устройство должно быть не больше теперешнего выключателя и достаточно дешевым, чтобы за год его стоимость окупилась сэкономленной энергией.

— Как оно будет работать? — спросил Стронг.

— Откуда мне знать? Я не инженер. Это уже забота Фергюссона и других образованных парней.

Стронг возразил:

— С точки зрения коммерции ничего хорошего в этом нет. Выключать свет или нет — это вопрос темперамента. Мой темперамент велит мне делать это, твой — нет. Если данный вопрос не отвечает темпераменту человека, то он его и не заинтересует.

— Может заинтересовать, если результат принесет значительную выгоду. Сейчас большая нехватка энергии, и она еще возрастет.

— Весьма убедительно. Это заседание должно устранить дальнейшие трудности.

— Джордж, в этом мире нет ничего постоянного временных трудностей. Новый выключатель найдет себе покупателей.

Стронг извлек блокнот и авторучку.

— Завтра позвоню насчет этого Фергюссону.

Хорримэн забыл об этом деле и никогда больше не вспоминал.

Друзья вышли на крышу. Хорримэн подозвал такси и повернулся к Стронгу.

— Сколько бы идей мы могли реализовать, если бы забрали свои деньги из «Роудпейз», «Белт Транспорт корпорейшн» и из «Нью Уолд Хоунз»?

— Что? Ты в своем уме?

— Возможно, что и нет. Но я собираюсь собрать всю наличность, которую только ты сможешь для меня вытрясти. «Роудпейз» и «Белт Транс-порт» все равно нехороши: нам следовало бы забрать вложения раньше.

— Ты безумец! Это ведь единственные по-настоящему консервативные предприятия, которые ты поддерживаешь.

— Но когда я начал их поддерживать, они были совсем не консервативными. Поверь мне, Джордж, дело с городами у дорог идет к концу. Они умирают, как было когда-то с теми, которые стояли у железных дорог. Через сотни лет ни одного из них не останется на континенте. Каким законом надо руководствоваться, если хочешь делать деньги, Джордж?

— Покупай по низкой цене, продавай по высокой.

— Это лишь половина закона, твоя половина. Нужно угадывать направление движения, поддерживать его и следить за тем, чтобы ты оказался в центре его. Ликвидируй это дело, Джордж, мне нужны свободные деньги. Опустилось такси, они сели в него и взлетели.

Такси приземлилось на крыше Хемисоома Пауэр биллинг: они прошли в совещательную комнату правления, находившуюся насколько возможно низко. Только посадочная площадка могла располагаться наверху. В те дни, несмотря на годы мира, промышленные магнаты предпочитали обычно такие места, где легче было защититься от атомной бомбы. Комната не выглядела как бомбоубежище, она походила на гостиную богатого дома, с огромным панно, изображавшим город с высоты.

Остальные директора уже были на месте. Председатель Совета Диксон кивнул им, бросив взгляд на часы, и сказал:

— Что же, джентльмены, наш сорванец явился. Можем начинать. — Он занял председательское место и постучал по столу, призывая к порядку: — Протоколы последнего заседания в ваших блокнотах, дайте сигнал, когда будете готовы.

Хорримэн бросил взгляд на сводку и одновременно нажал на выключатель настольной лампы. Круг зеленого света упал на стол перед ним. Большая часть директоров последовала его примеру.

— Кто начинает? — спросил Хорримэн, оглядывая присутствующих. — А... вы, Джордж. Давайте.

— Я бы хотел проверить цифры, — раздраженно ответил его компаньон и тоже включил лампу.

Следующим кнопку нажал председатель Диксон, но растекшееся перед ним пятно зеленого света было больше, чем у остальных, на табличке, укрепленной в дюйме-двух над столом, зажглось слово «Запись».

— Отчеты по операциям, — произнес Диксон и нажал на другую кнопку.

Из ниоткуда возник женский голос. Хорримэн следил за отчетом, держа наготове листок бумаги. В настоящий момент действовали тринадцать ядерных реакторов типа «Кюри» — на пять больше, чем во время их последней встречи, «Атлантик Роуденти» вновь вернул свою прежнюю пропускную

способность, и дороги на Сускеханы и Чарльстон опять работали с нормальной загрузкой. Ожидали, что Чикагская дорога тоже будет восстановлена в течение двух ближайших недель. Ограничение энергии останется прежним, но кризис уже удастся преодолеть.

Все очень любопытно, но непосредственного интереса для Хорримэна в этих сообщениях нет. Энергетический кризис, вызванный взрывом энергетического спутника, преодолелся вполне удовлетворительно, даже хорошо, но для Хорримэна этот факт не был интересен, поскольку служил лишь препятствием для космического полета.

Когда года три назад было создано изотопное искусственное горючее Харпера-Эриксона, казалось, что появился новый толчок к развитию космических полетов. Это горючее послужило дополнительным фактором к разрешению дилеммы о безопасном использовании энергетического источника, без которого невозможна была экономическая жизнь континента.

Аризонский ядерный реактор был установлен на одной из самых больших ракет «Антипод». Ракета, действуя на изотопном горючем, сама стала являться ядерным реактором и вращалась вокруг Земли по определенной орбите. Ракеты меньших размеров курсировали между спутником и Землей, неся на своем борту питание для реактора, а на Землю возвращаясь с запасом синтетического радиоактивного горючего для нуждающейся в нем промышленности Земли.

Как директор энергетического синдиката, Хорримэн поддерживал энергетический спутник, преследуя при этом свои личные, корыстные цели: он надеялся снабдить горючим, производимым энергетическим спутником, космический корабль и совершить первый полет на Луну. Он не делал никаких попыток раскачать отдел обороны, он не желал никаких субсидий от правительства — дело было верное, кто угодно мог с ним справиться, а Хорримэн должен был это сделать. У него был корабль, скоро будет и горючее.

Но на корабле двигатели должны были быть заменены; крылья предстояло снять. Корабль ждал, готовый принять горючее. Он назывался «Святая Мария», и сделали его в «Сити ов Бризбоун».

Но с горючим вышла заминка. Все оно уходило на ракету-челнок; позже возник прорыв с горючим на континенте. И прорыв этот увеличивался быстрее, чем энергетический спутник успевал выработать энергию. Еще далекий от того, чтобы признать «бесполезность» полета на Луну, синдикат ухватился за безопасные, но более эффективные урановые соли низкой температуры и тяжелую воду, установки типа Кюри для прямого использования урана, таким образом соглашаясь на большее потребление энергии, чем на строительство и выведение на орбиту других спутников.

К несчастью, установки Кюри не создавали условий, необходимых для получения изотопных горючих, нужных для ракеты. Хорримэн с неохотой пришел к мысли о том, что ему придется прибегнуть к политическому давлению, дабы добиться необходимого разрешения на посылку «Святой Марии» к Луне.

А потом энергетический спутник взлетел на воздух.

Хорримэн был выведен из задумчивости голосом Диксона:

— Отчеты об операциях выглядят удовлетворительными, джентльмены. Если возражений нет, зарегистрируем их согласно предлагаемому варианту. Заметьте, что через девяносто дней мы снова вернемся к тому энергетическому уровню, который существовал, перед тем как мы вынуждены были закрыть Аризонский реактор.

— Но без запасов для будущих нужд, — указал Хорримэн. — Пока мы здесь сидим, народилось много детей.

— Следует ли рассматривать ваше замечание, как возражение по отчету, Д.Д.?

— Нет.

— Отлично. Теперь отчет по общественным связям, и позвольте мне, джентльмены, привлечь ваше внимание к первому пункту. Вице-президент отдела рекомендует систему ежегодной ренты, льгот, стипендий и так далее для членов семей персонала, обслуживающего атомный реактор, и пилота «Шерона»: смотри примечание «С».

Директор, сидящий напротив Хорримэна, Финиас Морган, председатель производственного треста «Квизин Инкорпорейдет», запротестовал:

— Зачем все это? Конечно, очень жаль, что они погибли, но мы же платили им повышенные суммы. К чему эта благотворительность?

Хорримэн усмехнулся:

— Неужели неясно? Нужно платить — таково мое мнение. «Долг платежом красен».

— Для девятист тысяч я бы придумал лучшее название, нежели «долг», — запротестовал Морган.

— Минуточку, джентльмены. — Голос принадлежал вице-президенту отдела общественных связей. — Если вы внимательно рассмотрите положение вещей, мистер Морган, то поймете, сто восемьдесят пять процентов вложений окупаются рекламированием подарка.

Морган изучил цифры.

— О... так почему же вы этого не сказали? Что ж, я полагаю, что дары можно рассматривать, как нечто неизбежное, но плох сам инцидент.

— В противном случае нам бы нечего было рекламировать.

— Да, но...

Вмешался Диксон:

— Мистер Хорримэн высказал предложение. Прошу выразить ваше к нему отношение.

Загорелись зеленые огоньки, даже Морган, поколебавшись, ответил утвердительно.

— Следующий пункт сходен с предыдущим, — произнес Диксон. — Миссис... э, Гарфилд через своих поверенных доводит до нашего сведения, что мы ответственны за врожденный физический недостаток ее четвертого ребенка. Дело в том, что ее ребенок родился в момент взрыва спутника,

и миссис Гарфилд находилась в это время в районе того меридиана, что проходил как раз под спутником. Она хочет получить возмещение в размере полумиллиона.

Морган посмотрел на Хорримэна:

— Дилоуз, ты, я полагаю, посоветуешь не доводить дело до суда?

— Не глупи. Мы его выиграем.

Диксон огляделся, удивленный.

— Но почему, Д.Д.? Я считаю, что мы могли бы уладить дело за десять—пятнадцать тысяч, и именно это я и собираюсь посоветовать. Я удивлен тем, что юридический отдел рекомендует огласку.

— Причина этого очевидна: огласка будет подобна взрыву. И мы должны бороться, несмотря на огласку. Она нам нужна. Этот случай не идентичен предыдущему: миссис Гарфилд и ее отродье не являются нашими людьми. И любому остолопу известно, что нельзя оградить ребенка от радиоактивности при рождении: нужно по крайней мере воздействовать на генетические клетки предыдущего поколения. И еще: если мы пустим это дело на самотек, то в дальнейшем нам придется отвечать за каждого появившегося на свет уродца. Так что следует потратиться на защиту, но на компромисс не тратить и ломаного гроша.

— Защита может влететь в копеечку, — заметил Диксон.

— А если мы не станем защищаться, то потеряем еще больше. В случае необходимости можно будет подкупить судью.

Глава отдела по общественным связям что-то прошептал Диксону, потом объявил:

— Я поддерживаю точку зрения мистера Хорримэна. Таковы рекомендации моего отдела.

Предложение было одобрено.

— Следующий вопрос, — продолжал Диксон, — касается жалоб, возникших в связи с замедлением движения на городских дорогах из-за энергетического кризиса. Жалобщики ссылаются на простой в делах, потерю времени, потерю того и этого, но в основе всех жалоб лежит одно и то же. Самыми серьезными, возможно, являются заявления акционеров, в которых говорится о том, что «Роудпейз» и эта компания так тесно связаны между собой, что решение об отводе энергии не отвечает интересам акционеров «Роудпейз». Дилоуз, это твой конек. Что посоветуешь?

— Забыть об этом.

— Почему?

— Это жалобы прицельщиков. Наша корпорация для них не ответчик. Я смотрю на это дело так: «Роудпейз» волен продавать энергию, потому что я это предсказал. Но директораты никак не связаны, по крайней мере на бумаге. Вот почему рождаются подставные лица. Забудьте об этом, ибо на каждую из тех жалоб, что имеются здесь, «Роудпейз» получает дюжину. Мы их побьем.

— Что внушает вам подобную уверенность?

— Вот что. — Хорримэн откинулся на спинку стула и перекинул ногу через подлокотник. — Когда-то, много лет назад, я был посыльным в «Вестерн Юнион». В ожидании поручений я читал все, что попадалось мне под руку, включая и контракты на оборотной стороне телеграфных бланков. Помните их? Такие большие листы желтой бумаги: заполняя графы на лицевой стороне, вы тем самым соглашаетесь и на контракт, напечатанный на оборотной стороне, только большая часть людей этого не осознавала. Вы знаете, к чему обязывал компанию подобный контракт?

— Ксылке телеграмм, полагаю.

— Ничего подобного. Компания обещала попытаться выполнить возложенное на нее поручение с помощью каравана верблюдов, или спины улитки, или тому подобных действенных методов, если они окажутся доступными, но, в случае неудачи, компания ответственности не несет. Я читал этот великолепный текст столько раз, что в конце концов выучил его наизусть. Более прекрасного прозаического произведения я в своей жизни не встречал. С тех пор все мои контракты составляются по тому же самому принципу. Каждый, кто возбудит дело против «Роудпейз», обнаружит, что «Роудпейз» нельзя преследовать из-за несоблюдения временного фактора, ибо время не является вещественным. В случае полного невыполнения контракта — а такого еще не бывало, — «Роудпейз» финансово отвечает лишь за стоимость грузовых перевозок или стоимость билетов на транспорт. Так что забудем об этом.

Морган выпрямился:

— Предположим, Д.Д., я сегодня вечером решил поехать в свой загородный дом поездом, а из-за какой-то неисправности мне не удастся добраться туда до завтра. Вы хотите сказать, что «Роудпейз» ответственности за это не несет?

Хорримэн усмехнулся:

— Компания не будет нести ответственности даже в том случае, если в течение этой поездки вы умрете голодной смертью. Летите-ка лучше на своем коптере.

Он повернулся к Диксону:

— Так что я предлагаю сложить все эти жалобы, и пусть за нас действует «Роудпейз».

— Вопросы повестки исчерпаны, — объявил позднее Диксон, — и мы предоставляем право нашему коллеге мистеру Хорримэну высказаться по вопросу, который его интересует. Он не изложил его суть заранее, но, перед тем как разойтись, мы согласны его выслушать.

Морган бросил на Хорримэна кислый взгляд.

— Хорошо. — Хорримэн усмехнулся. — За два цента я согласен заставить вас мучаться от любопытства.

Поднявшийся шум указал ему, что ждать аудитории не хочет. Хорримэн встал.

— Господин председатель. Друзья... — Он бросил взгляд на Моргана. — И партнеры. Как вам известно, меня интересуют космические путешествия.

Диксон бросил на него острый взгляд:

— Не заводитесь снова, Дилоуз! Если бы я не был председателем, я бы сам предпочел уйти.

— Как всегда, — согласился Хорримэн. — Так есть, и так будет. Послушайте-ка меня. Три года тому назад, когда мы только взялись за аризонский источник энергии, нам казалось, что космические путешествия — награда, данная нам свыше. Некоторые из сидящих здесь сейчас, так же, как и я, вошли в состав «Спейсвейз Инкорпорейшн», чтобы вести экспериментальную и исследовательскую работу, после чего можно было приступить к реализации, пространство было покорено, ракеты, способные установить орбитальный курс, могли быть переделаны и посланы на Луну, а оттуда — куда угодно. Это был лишь вопрос времени. Оставалось решить некоторые финансовые вопросы — и политические тоже.

Действительно, основные технические проблемы космических перелетов уже решены после второй мировой войны. Завоевание космоса долгое время оставалось вопросом денег и политики. Но казалось почти непреложным фактом, что открытие Харнера-Эриксона, создание курсирующей по круговой орбите ракеты и экономичного горючего сделали наконец эти полеты совершенной реальностью, настолько приблизив их к настоящему времени, что я не стал возражать, когда часть горючего стала забираться на нужды промышленности.

Он оглядел собравшихся.

— Мне бы не следовало сидеть спокойно и ждать. Мне следовало бы также возвысить голос, прибегнуть к давлению и вынудить вас дать мне горючее хотя бы для того, чтобы от меня избавиться. Ибо мы упустили самую лучшую возможность. Спутника больше нет. Нет даже ракеты-челнока. Мы вернулись к той исходной точке, в которой находились в 1950 году. Тем не менее... — Он помолчал. — Тем не менее я предлагаю построить космический корабль и послать его на Луну!

Диксон первым нарушил молчание:

— Дилоуз, вы же сами себе противоречите! Вы только что сказали, что это невозможно. Теперь вы говорите, что нужно строить корабль.

— Я не говорил, что это невозможно: я сказал лишь, что мы упустили лучшую возможность. Настало время космических полетов. Наш шар с каждым годом становится все более перенаселенным. Несмотря на технические преимущества, дневной рацион сейчас ниже, чем был тридцать лет тому назад, а ведь каждую минуту появляется 46 новых младенцев, то есть 65 000 каждый день и 25 000 000 каждый год. Наша раса готова к тому, чтобы вырваться с планеты. И если мы воспользуемся этой возможностью, которую представляет нам Бог, мы разрешим эту проблему.

Да, лучший шанс мы упустили, но должны быть разрешены некоторые детали, связанные с конструированием. Основной вопрос в том, кто будет нести расходы? Вот почему я обращаюсь к вам, джентльмены, ибо эта комната является финансовой столицей нашей планеты.

Морган встал:

— Господин председатель, если деловая часть окончена, я вынужден просить извинить меня.

Диксон кивнул. Хорримэн сказал:

— До свидания, Финиаз. Не могу вас задерживать. Как я уже сказал, теперь весь вопрос упирается в деньги, а деньги нужно искать здесь. Я считаю, что мы должны финансировать полет на Луну.

Предложение это не вызвало особого волнения: эти люди знали Хорримэна. Наконец Диксон проговорил:

— Хочет кто-нибудь поддержать предложение Д.Д.?

— Минутку, господин председатель.

Голос принадлежал Джеку Энтенца, президенту «Континентс Амьюзмент компани».

— Я хочу задать Дилоузу несколько вопросов. — Он повернулся к Хорримэну:

— Д.Д., вы знаете, что я поддерживал вас, когда вы занялись «Спейсвейз». Дело казалось не слишком дорогостоящим и выгодным как с общеразовой, так и с научной точки зрения. Что же касается космических путешествий между планетами, то в них я никогда не верил — это фантастика. Я не возражаю против того, чтобы подыгрывать вашим мечтам, пока они не выходят из рамок благоразумия. Но каким образом вы рассчитываете достичь Луны? Вы же сами сказали, что горячего нет.

Хорримэн все еще улыбался.

— Не пытайтесь меня обмануть, Джек. Я же знаю, почему вы меня поддерживали. Никакой наукой вы не интересуетесь: вы никогда не вложили в науку и пяти центов. Вы хотели добиться монополии на телевидении. Что ж, вы ее получите, если будете меня поддерживать, в противном случае, я войду в соглашение с «Рикшейнш Онлимитед». Там мне согласны платить хотя бы за то, чтобы я держал вас в поле зрения.

Энтенца бросил на него недоверчивый взгляд:

— Во что мне это обойдется?

— В вашу последнюю рубашку, зубную щетку и обручальное кольцо вашей жены, если только «Рикшейнш» не заплатит больше.

— Черт возьми, Дилоуз, вы хитрее самого дьявола.

— Услышать такое от вас, Джек, равносильно комплименту. Что же касается способа достичь Луны, то это смешной вопрос. В этой комнате нет человека, которому приходилось оперировать с прибором более сложным, чем нож и вилка. Вы же не отличите реактивный двигатель от обезьяны, а задаете мне вопросы о космическом корабле. Что ж, я расскажу вам, как достичь Луны. Я найду мальчиков с ясными головами, дам им все, что они захотят, присмотрю за ними, чтобы они получили деньги, которые смогут использовать, потолкую с ними хорошенько, а потом отойду в тень и буду наблюдать за их действиями. Я поставлю дело наподобие того, как это было с «Манхэттен проектом».

Большая часть из вас помнит историю создания атомной бомбы, а некоторые из вас помнят «Миссисипи Бабль». Парень, который возглавлял

«Манхэттен прожект», не мог отличить нейтрон от дядюшки Джорджа, но он добился успеха. Эту проблему они разрешили четырьмя способами. Вот почему я не беспокоюсь о горючем. Горючее у меня будет, и даже нескольких типов.

Диксон удивился:

— Предполагаете, что вам удастся эта авантюра? Мне кажется, вы хотите поставить компанию под удар ради разработки, истинная ценность которой, не говоря уже о научной, неизвестна. Эксплуатация же ее одно-разовая. Я не против вас, я не пожалел бы десяти—пятнадцати тысяч на поддержку ценного начинания, но ваше предложение я не могу рассматривать как деловое.

Опершись о стол, Хорримэн подался вперед и оглядел собравшихся.

— Десяти—пятнадцати тысяч! Речь идет по крайней мере о паре миллионов. И, прежде чем мы закончим, вам придется еще не раз раскошиться. Это же самое крупное предприятие с тех самых пор, как Колумб открыл Новый Свет. Не спрашивайте меня о том, какую выгоду мы получим из этого, я не могу перечислить вам по пунктам все преимущества, но я их чувствую. Преимущество кроется в самой планете — целая планета. Ведь ничего подобного не было никогда. А ведь есть и еще планеты. Если мы не сможем найти способа быстренько выжать несколько долларов благодаря этому обстоятельству, то нам лучше отправляться на покой. Это все равно как если бы вам предложили Манхэттен за двадцать четыре доллара и ящик виски.

Диксон улыбнулся:

— Послушать вас, так нам просто дается единственный шанс в жизни.

— Шанс в жизни, вот чепуха! Да это самый великий шанс за всю историю! С неба падает золото, только подставляй корзину.

Рядом с Эntenца сидел Гастон П. Джонс, директор «Транс Америки» и полдюжины других банков, один из самых богатых людей среди всех, находившихся в комнате. Он осторожно стряхнул с сигары двухдюймовый слой пепла и сухо произнес:

— Мистер Хорримэн, я готов продать вам все свои интересы, связанные с Луной, как настоящие, так и будущие, за пятьдесят центов.

Хорримэн пришел в восторг.

— Продано!

Эntenца прикусил губу и слушал с озабоченным видом. Теперь он встал.

— Минутку, я даю вам за них доллар.

— Полтора доллара, — парировал Хорримэн.

— Два доллара, — медленно проговорил Эntenца.

— Пять.

Они продолжали спорить. На десяти долларах Эntenца уступил Хорримэну и сел. Вид у него по-прежнему был задумчивый. Хорримэн до-вольно оглядел присутствующих.

— Кто из вас, присутствующих, юрист? — спросил он. Вопрос этот был чисто риторический, ему было известно, что одиннадцать директоров из семнадцати — юристы. — Эй, Тони, — продолжал он. — Швырни-ка мне прямо сейчас такую статью, чтобы мы смогли составить соглашение, которое нельзя будет расторгнуть даже перед лицом Господа Бога. Учти все интересы, права, титулы, естественные интересы, будущие интересы, интересы прямые или диктуемые, возникающие теперь или в будущем, и так далее и тому подобное. И изложи все на латыни. Суть в том, что все интересы мистера Джонса на Луне принадлежат мне на десять долларов, плата наличными. Правильно, мистер Джонс?

Джонс сухо усмехнулся.

— Правильно, молодой человек. — Он сунул в карман банкноту. — Она будет служить мне наглядным пособием, чтобы мои внуки поняли, как легко делать деньги.

Энтенца переводил взгляд с Джонса на Хорримэна.

— Хорошо, — сказал Хорримэн. — Джентльмены, мистер Джонс установил рыночную цену на продажу своей части интереса на нашем спутнике. Поскольку на нашем шаре живет около трех биллионов человек, то, значит, стоимость Луны можно оценить примерно в тридцать биллионов долларов. — Он вытащил из кармана бумажник. — Еще есть желающие? Покупаю любую предложенную долю, десять долларов за порцию.

— Плачу двадцать! — выкрикнул Энтенца.

Хорримэн мрачно взглянул на него.

— Джек, не делай этого! Мы же в одной команде. Давай лучше поделим цену пополам.

Диксон постучал по столу, призывая к порядку:

— Джентльмены, прошу заняться подобными вопросами после того, как я закрою заседание. Поддерживает ли кто-нибудь еще предложение мистера Хорримэна?

Гастон Джонс сказал:

— Я передал все полномочия по этому вопросу мистеру Хорримэну. Предлагаю устроить голосование.

Возражений не последовало. Все проголосовали. Получилось одиннадцать к трем не в пользу Хорримэна: Хорримэн, Стронг и Энтенца — за, остальные — против. Прежде чем кто-либо поднялся, чтобы уйти, Хорримэн вскочил и проговорил:

— Я этого ожидал. Истинная моя цель такова: поскольку компания больше не интересуется космическими полетами, не будет ли она так любезна продать мне то, что может понадобиться мне в дальнейшем, как-то: патенты, технологические процессы, оборудование и так далее, все, что принадлежит теперь компании, но связано с космическими полетами, а не с производством энергии на этой планете? Наш короткий медовый месяц с энергетическим спутником дал потомство: я хочу его использовать. Ничего формального — лишь соглашение, что компа-

ния из уважения к моим нуждам готова дать согласие не противодействовать моим личным интересам, не связанным с интересами компании. Как вы насчет этого, джентльмены? Сделайте это, и я не буду вам больше докучать.

Джонс снова уставился на кончик своей сигары.

— Не вижу причин, по которым мы не смогли бы пойти ему навстречу, джентльмены, причем я говорю как сторона, абсолютно незаинтересованная.

— Думаю, что мы можем это сделать, Дилоуз, — согласился Диксон, — только продавать мы ничего не будем, мы вам дадим займы. А потом, если вам удастся сорвать куш, компания будет по-прежнему участвовать в деле. Есть возражения? — Он обвел взглядом присутствующих.

Возражений не последовало: линия поведения компании по этому вопросу была, таким образом, намечена, и совещание закрылось. Хорримэн прекратил шептаться с Эntenца, договорившись в конце концов о встрече. Гастон Джонс, остановившись в дверях, что-то тихо говорил председателю Диксону. Он повернулся к Стронгу, компаньону Хорримэна:

— Джордж, я могу обратиться к вам с личным вопросом?

— Я не гарантирую ответа. Пожалуйста.

— Вы всегда производили на меня впечатление исключительно уравновешенного человека. Скажите мне... чем объясняется ваше сотрудничество с Хорримэном? Ведь он просто не в своем уме.

Стронг казался смущенным:

— Мне не следовало бы это отрицать, он мой друг... но я не могу. Только черт с ним, с его безумием. Каждый раз, когда Дилоуза осеняет дикая идея, она в конце концов становится стоящей. Терпеть не могу слепо следовать за кем-то как привязанный — это мне действует на нервы. Но я научился доверять его нелепым идеям больше, чем подробным финансовым отчетам кого-нибудь другого.

Джонс приподнял одну бровь.

— Это что же, прикосновение Мидаса?

— Можете назвать мое чувство как вам угодно.

— Помните, что случилось с царем Мидасом с течением времени. Всего доброго, джентльмены.

Хорримэн отошел от Эntenца. Стронг присоединился к нему. Диксон стоял и смотрел им вслед. Лицо его хранило выражение глубокой задумчивости.

Глава 2

Дом Хорримэна был построен в те времена, когда каждый, кто мог, старался забраться как можно ниже. Та его часть, которая возвышалась над землей, представляла собой великолепный маленький коттедж куполообразной формы. Наружные его стены скрывали бронированный каркас, стоящий посреди удивительной красоты участка. Часть дома, находившаяся под землей, была раза в четыре-пять больше наземной. Она была надежно защищена

от всего, кроме прямого попадания, и снабжена независимым воздухохранилищем с запасом воздуха на тысячу часов. Во время безумных лет обычная стена тоже была заменена другой, внешне выглядевшей так же, но способной послужить надежной преградой для движущегося танка. Ворота были под стать стене: их решетки были так чувствительны к личности входящего в них, как прекрасно тренированная собака.

Несмотря на свои качества, крепость-дом был удобен. И уход за ним требовал огромных средств.

Хорримэн не возражал против расходов: Шарлотта любила дом, в нем она была постоянно занята. Первое время после их женитьбы она безропотно жила в маленькой и неудобной квартире над бакалейным магазином, и если сейчас Шарлотте нравилось играть в замок, то Хорримэн против этого не возражал.

Но теперь он снова стоял перед лицом опасной авантюры, и несколько тысяч, ежемесячно уходящих на содержание дома, могли в какой-то момент стать той самой гирей, которая перетянет чашу весов или в пользу успеха, или в пользу судебного исполнителя.

В этот вечер за обедом, после того как слуги подали кофе и удалились, он решился:

— Дорогая моя, я все думаю о том, как ты согласишься на возможность провести несколько месяцев во Флориде.

Жена удивленно посмотрела на него:

— Флорида? Дилоуз, о чем ты только думаешь? Флорида в это время года просто невыносима.

— Тогда Швейцария. Сама выбирай место. Отдохни по-настоящему, и столько, сколько ты захочешь.

— Дилоуз, ты что-то затеваешь.

Хорримэн вздохнул. «Что-то затеваешь» было для любого мужа-американца непростительным преступлением, для которого даже не придумано название, и любой муж-американец мгновенно осуждался за него, и ему выносился суровый приговор. Он подумал о том, как было бы хорошо, если бы мужская половина человечества могла вести себя так, чтобы соответствовать женским правилам и женской логике, подобно тому, как ведет себя школьник на глазах у старого учителя.

— В некотором смысле, возможно, и так. Оба мы согласны, что этот дом — нечто вроде белого слона. Я подумывал, не забросить ли его; может, даже стоит избавиться от земли — она теперь стоит дороже, чем когда ее купили. А потом, со временем, мы могли бы построить что-то более современное и менее похожее на бомбоубежище.

Миссис Хорримэн несколько заинтриговало это предложение.

— Что же, я тоже думала, что было бы неплохо построиться в другом месте. Дилоуз... скажем, маленькое шале, запрятанное в горах, ничего показного, не более двух-трех слуг. Но до тех пор, пока шале не будет построено, мы не можем бросить дом. Дилоуз... в конце концов, нужно где-то жить.

— Я не думал о том, чтобы строиться прямо сейчас, — осторожно ответил он.

— Почему же нет? Мы не молодеем, Дилоуз: если мы собираемся наслаждаться всякими приятными вещами, то с этим лучше не тянуть. Тебе ни о чем не стоит беспокоиться, я сама за всем пригляжу.

Хорримэн начал обдумывать возможность новой постройки. Если он сумеет выделить сумму на «маленькое шале», то жена станет жить в отеле, неподалеку от того места, где предстоит построить новый дом, а он сможет продать чудовище, в котором они сейчас обитали. Поскольку ближайшее шоссе находилось менее чем в десяти милях, их земля стоила дорого, и этой суммы вполне хватит на постройку нового дома. А он избавится от ежемесячного опустошения своего кошелька.

— Возможно, ты права, — согласился Хорримэн. — Но ведь если ты начнешь строиться немедленно, то не сможешь здесь жить, поскольку каждую деталь нужно решать на месте. Я считаю, что этот дом нам нужно продать: слишком много уходит на налоги, содержание и текущие расходы.

Она покачала головой.

— Это совершенно невозможно, Дилоуз. Мой дом здесь.

Он притушил почти нераскуренную сигарету.

— Мне очень жаль, Шарлотта, но и то и другое ты иметь не сможешь. Если хочешь строиться, то здесь оставаться нельзя. Если останешься здесь, то мы закрываем эти нижние катакомбы, рассчитываем около полудюжины паразитов и перебираемся в коттедж на поверхности. Я сокращаю расходы.

— Рассчитать слуг! Дилоуз, если ты думаешь, что я попытаюсь вести свой дом без надлежащего штата, то ты просто...

— Прекрати! — Он встал и отбросил сигарету. — Для того чтобы вести хозяйство, вовсе не нужен эскадрон слуг. Когда мы только поженились, у тебя не было слуг, и ты стирала и гладила мои рубашки в придачу. Но потом у нас появился дом. И он принадлежит тому самому штату, о котором ты говорила. Так вот, мы избавимся от него. Оставим только кухарку и подручного.

Теперь она, казалось, не слушала его.

— Дилоуз! Сядь, пожалуйста, и веди себя прилично. Почему вдруг такое желание сократить расходы? Ты попал в затруднительное положение?

— Для тебя — да. Так в чем же дело?

— Не пытайся увильнуть.

— Но послушай, Шарлотта, мы с тобой давно договорились, что дела я буду вести в конторе. Что же касается дома, то нам просто не нужен дом таких размеров. Если бы у нас была куча ребятшек...

— О! Снова обвиняешь меня в этом!..

— Но послушай, Шарлотта, — устало продолжал он. — Я никогда тебя не обвинял и теперь не обвиняю. Все, что я сделал, — это предложил тебе

когда-то, чтобы мы оба сходили к врачу и узнали, почему у нас нет детей. И в течение двадцати лет ты заставляла меня платить за одно это предложение. Однако все давно решено и подписано. Сейчас речь идет лишь о том, что двадцать две комнаты — слишком много для двоих. Я согласен заплатить за новый дом сумму в пределах разумного, если ты этого захочешь, и дать тебе достаточное количество денег на расходы. — Он решил было назвать сумму, но потом передумал. — Или же нам придется закрыть нижние этажи и жить в коттедже наверху. Речь идет лишь о том, что мы должны сократить наши расходы на некоторое время.

Она ухватилась за последнюю фразу.

— «На некоторое время»? Что происходит, Дилоуз? На что ты собираешься тратить деньги? — Поскольку ответа не последовало, она продолжала: — Отлично, если ты не хочешь мне сказать, я позвоню Джорджу. Он мне скажет.

— Не делай этого, Шарлотта. Предупреждаю тебя, я...

— Что «ты»? — Она внимательно изучала его лицо. — Мне не нужно даже говорить с Джорджем. Я сама все поняла по выражению твоего лица. Такое же лицо было у тебя тогда, когда ты пришел домой и сказал мне, что вложил все деньги в эти сумасшедшие ракеты.

— Шарлотта, это нечестно. «Спейсвейз» себя окупил. Он принес нам кучу денег.

— Речь не об этом. Я знаю, почему ты так странно себя ведешь: ты опять ударился в свои безумные планы насчет Луны. Но я этого не потерплю, слышишь? Я тебя останавливаю. Я не хочу иметь с этим ничего общего. Утром я поеду к мистеру Камензу и узнаю, что нужно сделать, чтобы заставить тебя вести себя прилично. — Жилы на шее вздулись.

Он подождал, взяв себя в руки, потом заговорил:

— Шарлотта, у тебя нет причин для жалоб: что бы со мной ни случилось, твое будущее обеспечено.

— Ты думаешь, я хочу быть вдовой?

Он задумчиво посмотрел на нее:

— Хотел бы я это знать.

— Но... но... ты просто бесчувственное чудовище. — Она встала. — Больше мы об этом говорить не будем. Понятно?

Она вышла, не дожидаясь его ответа.

Слуга уже поджидал его, и, когда он вошел в свою комнату, Дженкинс поспешно встал и принялся наполнять ванну.

— Оставьте, — проворчал Хорримэн. — Я разденусь сам.

— На сегодня вам ничего больше не понадобится, сэр?

— Ничего. Но не уходите, если вам не хочется. Садитесь и выпейте что-нибудь. Эд, вы давно женаты?

— Спасибо. — Слуга наполнил бокалы. — В мае будет двадцать три года, сэр.

— И как вам жилось, если только вас не смущает вопрос?

— Неплохо. Бывали, конечно, времена.

— Я знаю, что вы имеете в виду. Эд, если бы вы не работали у меня, то чем бы вы занимались?

— Мы с женой много раз толковали об открытии маленького ресторана. Ничего претенциозного. Просто хороший ресторан, где джентльмен может спокойно и хорошо пообедать.

— Холостяцкий ресторан, так?

— Нет, не совсем, сэр. Но там была бы гостиная только для джентльменов. И никаких официанток: я бы сам обслуживал эту комнату.

— Присматривайте-ка лучше здание, Эд. Практически вы уже начинаете дело.

Глава 3

Стронг вошел в их двойной офис на следующее утро, как обычно, ровно в девять. Он с удивлением обнаружил, что Хорримэн уже здесь, ибо Хорримэн никогда не показывался в конторе раньше клерков.

Перед Хорримэном стоял глобус и лежала книга «Национальный альманах», как заметил Стронг. Хорримэн едва взглянул на него.

— Доброе утро, Джордж. А кто у нас занимается Бразилией?

— Для чего тебе?

— Мне нужно несколько ловкачей, которые говорили бы по-португальски. И еще несколько знающих испанский. Не говоря уже о двух-трех дюжинах, которые рассредоточатся по стране. Я набрел на что-то очень интересное. Смотри сюда... Согласно этим таблицам Луна вращается между двадцатью восьмью — двадцатью девятью градусами северной и южной широты. — Он взял карандаш и показал на глобус. — Вот тут. Это тебе о чем-нибудь говорит?

— Нет. Кроме того, что ты портишь пометками шестидолларовый глобус.

— Старый ты биржевой маклер! Что получает человек, приобретая кусок земли?

— Это зависит от юридического акта. Обычно права на полезные ископаемые и все прочее, что находится...

— Это неважно. Предположим, он покупает, не оговаривая права. Насколько далеко распространяются его возможности?

— Ему принадлежат недра до центра Земли. Он может вести работы по бурению, искать нефть... Теоретически он имеет право пользоваться и той территорией, что лежит и над участком, но в этот пункт был внесен ряд поправок после того, как появились коммерческие воздушные пути. Для нас это получилось весьма кстати, иначе пришлось бы платить каждый раз, когда наши ракеты пролетали над Австралией.

— Нет, нет, нет, Джордж! Ты неверно понял. Было установлено право пролета, но право владения пространством над Землей остается прежним. И даже право пролета не является абсолютным: можно построить на своей

земле тысячефутовую башню как раз на том месте, через которое имеют обыкновение пролетать самолеты, ракеты, что угодно, и корабли вынуждены будут ее облетать, не смея тронуть башню. Помнишь, как мы вынуждены были взять в аренду воздух южнее Хьюз Филд, чтобы застраховаться от того, что наши дела будут преданы огласке?

У Стронга был задумчивый вид.

— Да, я понимаю твою точку зрения. Древний принцип владения землей остается прежним — вниз, к центру Земли, вверх — до бесконечности. Ну и что? Это же чисто теоретически. Ты рассчитываешь платить пошлину, чтобы манипулировать теми космическими кораблями, о которых ты вечно говоришь? — Он улыбнулся собственной проницательности.

— Нет, нет. Речь идет совершенно о другом. Джордж, кому принадлежит Луна?

Челюсть Стронга отвисла в буквальном смысле этого слова.

— Дилоуз, ты шутишь?

— Совсем нет. И снова спрашиваю тебя: если закон гласит, что человек владеет той частью неба, которая находится непосредственно над его участком, кому принадлежит Луна? Посмотри на этот глобус и скажи мне.

Стронг посмотрел.

— Но это ничего не значит, Дилоуз. Земные законы не распространяются на Луну.

— Но они действуют на территории Земли, а именно это меня и волнует. Луна постоянно пребывает над той частью Земли, что ограничена двадцать девятой северной широтой и такой же южной. Если бы один человек владел этой частью Земли, то есть, грубо говоря, тропическим поясом, он бы получил в свое распоряжение Луну, не так ли? Согласно всем положениям о частной собственности, которыми манипулируют наши суды. А если уж быть совсем точным и мыслить так, как мыслят юристы, то различные владельцы этой частной земли имеют юридически право владения — коллективное право владения Луны. Тот факт, что распространение права владения представляется несколько неясным, не станет тревожить юристов — они растолстели от ведения дел о подобных смутных правах владения, связанных с завещаниями.

— Фантастика!

— Джордж, когда ты впервые понял, что «фантастика» — это не то определение, которое беспокоит юристов?

— Но ты же не собираешься купить всю тропическую зону — а ведь именно это тебе необходимо сделать.

— Нет, — медленно проговорил Хорримэн, — однако можно ведь купить сразу право на владение и эксплуатацию Луны у всех государств, владеющих этой территорией. Если бы я был уверен в том, что все может остаться в тайне, и на биржах не возникнет шум, я бы попробовал. Можно удивительно дешево заплатить за то, что человек считает для себя абсолютно бесполезным, торопясь всучить тебе это «что-то», пока ты не при-

дешь в себя. Но суть не в том, — продолжал он. — Джордж, мне нужна корпорация — местная корпорация, в каждой из этих стран. Я хочу, чтобы законодательная власть каждой из них дала официальное разрешение этой корпорации на изучение и эксплуатацию Луны, и так далее, конечно, без субсидий, с расчетом на средства бескорыстно заинтересованных патриотов. И я хочу, чтобы все это было проделано спокойно, с тем чтобы не пришлось давать слишком больших взяток. Корпорациями, конечно, будем владеть мы — вот зачем мне нужен штат специалистов-ловкачей. Скоро за Луну начнется самая настоящая драка, и я хочу укрепить наши позиции, с тем чтобы мы выиграли, какая бы нам ни выпала карта.

— Но ведь это невероятно дорогое предприятие, Дилоуз. Ты ведь не можешь даже знать, достигнешь ли ты когда-нибудь Луны, и еще меньше — извлечешь ли ты из нее пользу, даже если ты ее и достигнешь.

— Мы непременно там будем! Было бы более накладным не начинать всю эту историю. Так или иначе предприятие это не должно быть чересчур дорогостоящим: умение давать взятки — это тоже вид искусства, и надо использовать его, как катализатор. В середине прошлого столетия четверо людей прибыли из Калифорнии в Вашингтон с четырьмя тысячами долларов, это было все их состояние. Через несколько недель они были розданы — и конгресс присудил им право на владение железной дорогой стоимостью в миллиард долларов. Весь фокус в том, чтобы не всполошить рынок.

Стронг покачал головой.

— Твое право владения все равно ничего не даст. Луна не стоит на одном месте: конечно, она проходит над указанной территорией, но то же самое делают и перелетные птицы.

— Но ни у кого нет права владения перелетными птицами. Я понял твою мысль, но ведь Луна всегда держится в пределах одного и того же пояса. Разве ты потеряешь право владения на валун, лежащий в твоём саду, если передвинешь его? Он же остается твоей собственностью. Законы на право владения ведь не изменяются. В таком же аспекте можно рассматривать право владения на собственность, находящуюся на блуждающих островах Миссисипи. Джордж, Земля перемещается по мере того, как река прорывает новое русло, но кто-то всегда ею владеет. В данном случае этим «кто-то» рассчитываю стать я.

Стронг приподнял бровь.

— Мне кажется, я припоминаю, что в случае с перемещениями Земли одни дела решались так, другие — по-другому.

— Мы выберем те решения, которые нас устраивают. Именно поэтому жены адвокатов носят норковые манто. Вперед, Джордж. Займемся делом.

— Каким?

— Нужно изыскать деньги.

— О... — Стронг вздохнул с облегчением. — Я думал, ты хочешь использовать наши деньги.

— Хочу. Но их будет недостаточно. Наши деньги мы используем на крупные операции, на то, чтобы все привести в действие; тем временем мы должны разработать пути получения денежных средств. — Он нажал на вделанную в его письменный стол кнопку, и на экране возникло лицо Саула Каменза, главы их легального штата служащих.

— Эй, Саул, можешь ты незаметно выскочить? Нужно кое-что обсудить.

— О чем бы ни шла речь, скажите им «нет», и все, — отвечал поверенный. — Я все устрою.

— Отлично. Давай приходи. Тут собираются Ад перевозить, и я приобрел право на первые десять килограммов груза.

Каменз появился очень быстро. Через несколько минут Хорримэн уже объяснял ему о своем намерении получить юридические права на Луну.

— Кроме этих проклятых корпораций, — продолжал он, — нам понадобится агентство, которое сможет получать пожертвования, не давая при этом права на получения жертвователями финансового интереса, как Национальное Географическое общество.

Каменз покачал головой:

— Вы не можете купить Национальное Географическое общество.

— Черт возьми, а кто говорит, что мы собираемся его покупать? Мы можем основать свое собственное.

— Об этом я и хотел сказать.

— Отлично. Насколько я понимаю, нам понадобится по крайней мере одна свободная от налогов, не работающая на доходы корпорация, возглавляемая нужными людьми. Конечно, мы будем осуществлять за ней негласный контроль. Возможно, нам понадобится не одна такая корпорация: мы будем основывать их по мере необходимости. И нам понадобится по крайней мере одна обычная корпорация, не свободная от налогов. Но она не будет давать прибыль до тех пор, пока мы не будем готовы. Основная идея состоит в том, чтобы вся огласка и весь престиж пришелся на долю неприбыльных корпораций — а тогда остальные смогут тихо, без шума, получить прибыли. Мы участвовали в обмене ценностями между корпорациями и знаем это дело. Если хорошенько подумать, то нам лучше иметь по крайней мере обычные корпорации, с тем чтобы мы могли позволить одной из них обанкротиться, если сочтем необходимым вызвать бучу. Такова основная картина. Займись делом и поставь все на юридическую основу. Хорошо?

Каменз сказал:

— Знаете, Дилоуз, было бы гораздо честнее, если бы вы делали это силой оружия.

— Юрист толкует мне о честности! Ничего, Саул, я на самом деле не собираюсь никого обманывать...

— Гм!

— ... я просто хочу слетать на Луну. За это-то все и будут платить. Так что устрой, чтобы все было легально, будь пай-мальчиком.

— Я вспоминаю слова, сказанные старшим юристом Вандербильда старику при сходных обстоятельствах: «Все и так хорошо, зачем портить дело, ставя его на легальную основу?» О'кей, брат-воришка, я подправляю твою уловку плутовством. Еще что-нибудь?

— Конечно. Порыскай сам. Может, тебе придет в голову еще что-нибудь? Джордж, попроси Монтгомери прийти.

Монтгомери, глава отдела публикаций, имел в глазах своего нанимателя два преимущества: во-первых, он был личным служащим Хорримэна, а во-вторых, вполне способным спланировать компанию по убеждению общественности, что на Леди Годиве во время ее знаменитого рейда был пояс верности или что вся геркулесова сила выражалась в его обжорстве.

Он явился с большим портфелем под мышкой.

— Рад, что вы за мной послали, шеф. У меня есть... — Он достал папку, положил ее перед Хорримэном и начал выкладывать наброски и заметки. — Работа Кенски. Ну и парень!

— Для чего все это снаряжение? — спросил Хорримэн.

— Ха! Для «Нью Уолд Хоунз».

— Я не хочу его видеть, мы откалываемся от «Нью Уолд Хоунз». Подождите... не поднимайте крик. Пусть мальчики закончат. За что уплачено, то должно быть съедено. Но наводрите уши на другое дело. — Он быстро объяснил новую затею.

Монтгомери кивнул.

— Когда начнем и сколько потратим?

— Сразу, тратьте столько, сколько нужно. О расходах не беспокойтесь — это самое крупное дело, за которое мы когда-либо брались. — Стронг вздрогнул. Хорримэн продолжал: — Сегодня вечером хорошенько все обдумайте: завтра увидимся и все обговорим.

— Минуточку, шеф. Как вы собираетесь контролировать все эти привилегии... э... лунных государств? Тех стран, над которыми проходит Луна, пока разворачивается компания? И как велик кусок для каждого? Не боитесь сами зажать себя в угол?

— Разве у меня глупый вид? Мы заполучим привилегии раньше, чем выпустим джинна из бутылки — вы получите их, вы и Каменз. Это первая часть вашей работы.

— Гм... — Монтгомери в задумчивости покусал ноготь большого пальца. — Ну, хорошо. Несколько исходных точек мне видны. Через какое время они должны находиться у вас в руках?

— Я даю вам шесть недель. В противном случае жду прошения об отставке по почте, и чтобы написано было на вашей шкуре.

— Напишу-ка я его лучше сейчас, вот только помогите мне держать зеркало.

— К черту, Монти, я же знаю, что вы справитесь за шесть недель. Но действуйте быстрее: мы и цента не сможем потратить на то, чтобы пустить машину в ход, пока эти привилегии не будут выработаны, иначе Луны нам не видать.

Стронг сказал:

— Дилоуз, зачем эти фокусы насчет договора с кучей людоедских стран? Если вы так твердо решили отправиться на Луну, давайте позвоним Фергюссону и сразу же возьмемся за дело.

— Мне нравится твой прямой подход, Джордж, — нахмурившись, сказал Хорримэн. — Гм... году в 1845—1846 один brave офицер американской армии оккупировал Калифорнию. Знаете, что сделал Государственный департамент?

— Нет.

— Заставил его отдать ее обратно. Что-то он там не сделал или нарушил какое-то условие. Так вот, я не хочу, чтобы это случилось с нами. Недостаточно просто ступить на Луну и заявить об этом. Мы должны придать законную силу своим действиям через земные суды, иначе нас ждет куча неприятностей. А, Саул?

Каменз кивнул.

— Помните, что сказал Колумб?

— Конечно. Мы не хотим оказаться одураченными на манер того, как это случилось с Колумбом.

Монтгомери сплюнул отгрызенный им кусочек ногтя.

— Но, шеф, вам же чертовски хорошо известно, что заверения этих банановых государств не будут стоять и ломаного гроша после того, как я их облапошу. Почему бы не получить привилегию прямо от Объединенных Наций и не решить тем самым вопрос? Их убедить легче, чем мешок косоглазых бездельников. Собственно, у меня уже есть наметки — мы действуем через Совет Безопасности, и...

— Продолжайте работать в этом направлении: мы используем твою идею позже. Ты не видишь полностью механизма авантюры, Монти. Конечно, их заверения не стоят ничего, кроме одного нюанса — ценности. Но этот нюанс и является самым важным. Послушай, мы достигнем Луны, это почти обязательно произойдет. Каждая из этих стран поднимет писк: мы одурачили их с помощью дутых корпораций, которым они дали привилегии. Куда они кинутся жаловаться? Конечно, в Объединенные Нации. Дальше. Большие страны, богатые и важные, все расположены в умеренном и северном полушариях. Они поймут, на чем основаны требования, и посмотрят на глобус. Луна не проходит ни через одну из этих стран. Самая большая из этих стран, Россия, не владеет и горсткой земли к югу от двадцать девятой параллели. Так что все требования будут отклонены. А может быть, и нет, — продолжал Хорримэн. — Могут заартачиться США. Луна проходит над Флоридой и южной частью Техаса. Вашингтон в тревоге. Следует ли им поддерживать тропические страны и традиционную теорию права владения землей, а также мысль, что Луна принадлежит всем? Или же Соединенные Штаты захотят предъявить свои требования, поскольку первыми до Луны добрались американцы? И тут мы выползаем из укрытия. Оказывается, космический корабль и все расходы оплачены неприбыльной корпорацией, созданной самой ООН...

— Подожди, — прервал его Стронг. — Я не знал, что ООН может создавать корпорации.

— Ты узнаешь об этом, — ответил его компаньон. — Как, Саул? (Каменз кивнул.) Во всяком случае, — продолжал Хорримэн, — корпорация у меня уже есть. Я основал ее несколько лет тому назад. Она может делать большую часть того, что имеет отношение к науке и образованию... и, друзья, это же все покрывает! Но вернемся к насущному вопросу. Эта корпорация, создание ООН, просит у своего родителя объявить лунную колонию автономной территорией, находящейся под протекцией ООН. Мы не станем просить сразу полного членства, потому что хотим, чтобы все было постепенно и по-простому.

— Он называет это простым! — сказал Монтгомери.

— Простым. Эта новая колония будет суверенным государством де-факто, распространяя этот свой титул на всю Луну, и — слушайте внимательно! — способным покупать, продавать, принимать законы, заявлять право собственности на землю, устанавливать монополии, собирать налоги и так далее, без конца. И мы всем этим владеем!

Причина, по которой все это нам удастся, заключается в том, что главные государства в ООН не смогут выдумать требование такое же законное, как требование, выдвинутое тропическими странами: они не сумеют договориться между собой о том, как разделить добычу в случае попытки применения грубой силы, и другие великие державы не захотят позволить США наложить лапу на все сразу. Они решат дилемму самым легким путем, передав весь контроль ООН. На самом же деле весь контроль и все, связанное с юриспруденцией, будет принадлежать нам. Теперь тебе понятна моя точка зрения, Монти?

Монтгомери улыбнулся.

— Черт меня заberi, если я понимаю, нужно все это или нет, шеф, но мне это дело нравится. Красивое дело.

— А я вот так не считаю, — сердито проворчал Стронг. — Дилоуз, я уже много раз был свидетелем того, как ты брался за сложные дела, и некоторые из них были настолько чудными, что у меня мурашки бегали по коже, но это дело — самое худшее из всех. Я думаю, ты чересчур увлекся перспективой стряпать дела, в которых кого-то можно надуть.

Хорримэн, прежде чем ответить, глубоко затянулся сигарой.

— Мне безразлично, Джордж. Называй мои действия софистикой, как угодно называй, я собираюсь на Луну! Если для того, чтобы выполнить это мое желание, мне придется манипулировать миллионами людей, я это сделаю.

— Но совсем необязательно идти этим путем.

— Ну а как бы поступил ты?

— Я? Я бы создал сплоченную корпорацию. Я бы получил в конгрессе резолюцию, делающую мою корпорацию избранным способом воздействия Соединенных Штатов...

— Подкуп?

— Не обязательно. Может оказаться достаточно влияния и давления. Потом я бы занялся изысканием средств и организацией полета.

— И тогда Луной завладели бы Соединенные Штаты?

— Естественно, — несколько натянуто ответил Стронг.

Хорримэн вскочил и начал расхаживать по комнате туда-сюда.

— Ты не понимаешь, Джордж, ты не понимаешь!.. Луна не должна принадлежать какой-то стране, будь это даже Соединенные Штаты.

— Она, конечно, должна принадлежать тебе, как я понимаю.

— Видишь, если бы она стала моим владением на какое-то время, я бы не злоупотреблял этим и позаботился бы о том, чтобы и другие не стали. Черт возьми, национализму в стратосфере не место. Неужели ты не понимаешь, что произойдет, если Соединенные Штаты предъявят свои требования на Луну? Остальные государства не признают этих требований. Начнутся бесконечные дебаты в Совете Безопасности, и это тогда, когда мы начали подходить к тому состоянию, когда человек может строить деловые планы, не боясь, что каждое мгновение они могут быть прерваны войной. Остальные страны, и вполне обоснованно, могут смотреть в ночное небо, пытаясь разглядеть ракетную базу Соединенных Штатов, направляющую ракеты им в самую маковку. И они будут это терпеть? Нет, господа, они попытаются отхватить кусок Луны в собственное пользование. Луна слишком велика, чтобы удержать ее одному. На ней возникнут и другие базы, а потом разразится такая кошмарная война, какой еще не видела эта планета, и виноваты в ней будем мы.

Нет, нужно устроить так, чтобы все было хорошо — вот зачем нужен наш план, вот почему мы должны подумать о всех возможностях, думать и изобретать до тех пор, пока все не будет готово для того, чтобы мы могли приняться за дело. И потом, Джордж, если мы украсим свое предприятие именем Соединенных Штатов, знаешь, где мы будем как бизнесмены?

— На водительском месте, — ответил Стронг.

— За бортом, вот где. Мы просто выйдем из игры! Департамент государственной безопасности ответит нам: «Спасибо, мистер Хорримэн. Спасибо, мистер Стронг. Мы все решим в интересах национальной безопасности, а вы можете идти домой». И нам ничего больше не останется, как идти домой и ждать следующей атомной войны. Я не собираюсь этого делать, Джордж. Я не собираюсь дать джинну возможность вылезти из бутылки. Я собираюсь основать лунную колонию и растить ее до тех пор, пока она не станет достаточно велика, чтобы твердо держаться на ногах.

Я говорю вам, всем вам, со времени открытия огня — это самое крупное дело в истории человечества. Возьметесь за него с нужной стороны, и может возникнуть новый прекрасный мир. Возьметесь за него неверно и получите билет до Армагеддона в один конец. Важный день приближается, и он настанет, возьмемся ли мы за дело или нет. Но я решил сам стать человеком на Луне — и сделаю все, чтобы как следует справиться с этой задачей.

Он замолчал. Стронг спросил:

— Кончил исповедь, Дилоуз?

— Нет, не кончил, — сердито ответил Хорримэн. — Ты не понимаешь. Ты знаешь, что мы можем там найти? — Он указал рукой на потолок. — Людей!

— На Луне? — удивился Каменз.

— А почему бы и нет? — прошептал Монтгомери Стронгу.

— Нет, не на Луне: я бы, по крайней мере, удивился, если бы раскопали кого-нибудь под безвоздушной оболочкой. Луна свое отжила. Я говорю о других планетах — Марсе, Венере и спутниках Юпитера. Может быть, даже о других звездах. А если мы найдем людей? Подумайте, что это означает для нас. Мы были одни-единственные, совсем одни, — единственная разумная раса в единственно известном нам мире. С собаками и обезьянами мы говорить не могли. Мы, как несчастные сироты, должны были сами до всего додумываться. Но предположим, что мы найдем людей, разумных людей, которые мыслят собственным путем. Мы не будем больше одни! Мы сможем смело смотреть на звезды и ничего не бояться!

Он закончил. Вид у него был усталый и несколько пристыженный собственной горячностью, как у человека, который сам удивляется своему поведению. Хорримэн смотрел на друзей, изучая выражение их лиц.

— Отличная выдумка, шеф, — сказал Монтгомери. — Я смогу ее использовать. Когда вы начнете это?

— Думаешь, тебе удалось запомнить все, что я сказал?

— А это и не нужно, я включил стенографистку-невидимку.

— Ах, чертов хитрец!

— Мы пустим пленку по видео. Это надо артистически сыграть.

Улыбка Хорримэна была почти мальчишеской.

— Мне никогда не приходилось играть, но если ты думаешь, что я принесу пользу, то я готов...

— О, нет, не вы, шеф, — в ужасе прервал его Монтгомери. — У вас не тот тип. Я думаю использовать Базиля Уилкс-Бус. С его голосом, звучащим, как орган, и лицом, как у архангела, он всех купит.

Хорримэн бросил взгляд на свое брюшко и сердито сказал:

— О'кей, вернемся к делу. Теперь насчет денег. В первую голову мы можем заняться вовлечением одной из неприбыльных корпораций. Как это делается обычно, с пожертвованиями на колледжи. Как вы думаете, сколько нам удастся собрать таким путем?

— Очень мало, — сказал Стронг. — Эта корова почти что недойна.

— Дойная, дойная. Всегда есть богатые люди, предпочитающие делать подарки, нежели платить налоги. Сколько человек согласится заплатить за то, чтобы кратер на Луне был назван его именем?

— А я думал, что все они уже имеют названия, — заметил юрист.

— Многие — нет, и потом, мы собираемся отправиться на ту сторону, которой еще не занимались. Мы не будем решать вопрос с названиями прямо сейчас: просто составим список. Монти, я хочу бросить клич и

среди школьников. Если сорок миллионов школьников дадут по десятицентовику, мы получим четыре миллиона долларов. Мы сможем их использовать.

— Зачем останавливаться на десятицентовике? — спросил Монтгомери. — Если ребенок по-настоящему заинтересуется, он и доллар наскребет.

— Да, но что мы можем предложить ему взамен? Кроме чести участвовать в благороднейшем предприятии и тому подобное.

— Гм... — Монтгомери вновь принялся за ноготь. — Предположим, что мы станем охотиться и за десятицентовиками, и за долларами. За десять центов ребенок сможет получить карточку, которая гласит, что он является членом клуба «Лунный луч»...

— Нет, «Юный астронавт».

— О'кей. «Лунный луч» оставим для девочек — не забудьте втянуть в это дело бойскаутов и герлскаутов. Каждому ребенку мы дадим карточку. Когда он принесет еще десятицентовик, мы ставим на карточку штамп. Когда набирается штампов на доллар, мы выдаем удостоверение, пригодное для того, чтобы вставить его в рамку. На карточке будет стоять его имя и выгравирован какой-нибудь девиз, а на обратной стороне карточки будет изображение Луны.

— На лицевой, — уточнил Хорримэн. — Нужно выпустить их очень большим тиражом. Так будет дешевле и солиднее. Мы дадим им еще кое-что: полную гарантию, что его имя поместят в списках «Юных покорителей Луны», а список этот будет помещен внутри того монумента, что будет воздвигнут на Луне на месте посадки первого космического корабля. На микропленке, конечно. Нам нужно держать марку!

— Прекрасно! — одобрил Монтгомери. — Можно продолжить работу, не так ли, шеф? Когда сумма, сданная ребенком, достигнет десяти долларов, мы дадим ему солидного вида значок, позолоченный, с изображением светящейся звезды, и звание старшего пионера с правом голоса или еще чем-нибудь. И его имя должно быть на памятнике выгравировано платиновыми буквами на микрооснове.

У Стронга был такой вид, будто он раскусил лимон.

— А что произойдет, когда сумма достигнет ста долларов?

— Ну, тогда, — весело ответил Монтгомери, — мы дадим ему еще одну карточку, он сможет начать все сначала. Не беспокойтесь, мистер Стронг, если ребенок доберется до таких высот, он получит другую награду. Возможно, мы возьмем его на осмотр ракеты, перед тем как она взлетит, и дадим абсолютно бесплатно фотографию с изображением его и пилота, стоящих рядом перед ракетой, и с автографом пилота.

— Обманывать детей! Ба!

— Вовсе нет, — совершенно искренне ответил Монтгомери. — Нечто неосязаемое — самый честный товар, который только можно купить. Такие товары всегда стоят столько, сколько за них платят, и никогда не изнашиваются. Они остаются для человека нетускнеющими до самой могилы.

— Гм!

Хорримэн слушал все это молча, с улыбкой. Каменз откашлялся.

— Если вы, два вурдалака, разработали план пожирания земных де-тишек, у меня возникла другая мысль.

— Выкладывай.

— Джордж, ты ведь собираешь марки, не так ли?

— Да.

— Сколько могла бы стоить марка, погашенная на Луне?

— Что? Ты ведь знаешь, что это невозможно.

— Я думаю, что мы могли бы без особых волнений достать в почтовом управлении такое разрешение для нашего корабля. Так сколько бы она стоила?

— Уф, это зависит от того, насколько она редкая.

— Должно быть какое-то минимальное число марок, которое даст максимум прибыли. Ты можешь его установить?

В глазах Стронга появилось отрешенное выражение. Он взял старомодный карандаш и принялся считать.

Хорримэн продолжал:

— Саул, доля моего успеха заключается в покупке части Луны в доле с Джорджем. Как насчет того, чтобы продавать участки Луны?

— Будь серьезным, Дилоуз. Ты не сможешь этого сделать до того, как высадишься там.

— Я серьезен. Я знаю, ты думаешь о тех правилах сороковых годов, в которых говорится, что такая земля должна быть исследована и подробно описана. Я хочу продавать лунную поверхность на Луне. Ты должен найти законные пути. Я хочу продать всю Луну, если смогу, — права на поверхность, на полезные ископаемые.

— А что, если владельцы захотят занять свои участки?

— Прекрасно. Тем ближе к сути дела мы подойдем. Я бы хотел также указать, что мы вправе собирать налоги на то, что продали. Если кто-нибудь не хочет платить налоги, участки возвращаются нам. Теперь ты понимаешь, как вести дело без того, чтобы попасть в тюрьму. Ты можешь поместить объявления за границей, а потом организовать в этой стране торговлю вразнос, как ирландец продает билеты.

У Каменза был задумчивый вид.

— Мы могли бы объявить земельную кампанию в Панаме и вести передачи из Мексики по телевидению и радио. Ты действительно считаешь, что сможешь это продать?

— Можно продать даже снег в Гренландии, — вставил Монтгомери. — Весь вопрос в поощрении.

Хорримэн добавил:

— Ты когда-нибудь читал о земельном буме во Флориде, Саул? Люди покупали участки, которые они никогда не видели, и продавали их по тройной цене, так никогда и не увидев, что они продают. Иногда земля дюжину раз меняла своих владельцев, прежде чем кто-нибудь узнавал, что

весь сыр-бор разгорелся из-за десятифутового клочка, находящегося глубоко под водой. Мы можем предложить больше, чем эти сделки: гарантированный акр сухой почвы, отлично освещенный солнцем, за, скажем, десять долларов или тысячу акров по доллару за акр. Кто может отвергнуть такую сделку? Особенно после того, как пойдут слухи о том, что Луна просто начинена урановыми рудами.

— А они там есть?

— А я откуда знаю? Когда немного утихнет бум, мы объявим о будущем строительстве Луна-Сити, и нужно будет объявить, что поверхность в месте строительства еще не продавалась. Не беспокойся, Саул, если удастся уладить это юридически, мы с Джорджем сможем все продать. Ведь в Озорисе, где участки были расположены на хребте, мы смогли продать стороны одного и того же владения. — Хорримэн задумался. — Я думаю, нам удастся сохранить за собой и право на разработку полезных ископаемых — там же действительно может оказаться уран!

Каменз усмехнулся:

— Дилоуз, вы в душе ребенок. Огромный балованный переросток, разбойник!

Стронг выпрямился:

— Думаю, полмиллиона.

— Полмиллиона на что? — спросил Хорримэн.

— На покрытие расходов по печатанию марок, конечно. Ведь речь шла об этом. Пять тысяч — таково, я считаю, должно быть предельное число образцов, которые могут быть распределены среди серьезных коллекционеров и среди дельцов. Даже если нас обяжут приостановить их печатание, мы все равно успеем все сделать до тех пор, пока корабль не будет построен,

— О'кей, — согласился Хорримэн. — Вы с этим справитесь. Хочу лишь заметить, что мы сможем к концу выставить себя еще на полмиллиона.

— А я разве не получу комиссионных? — спросил Каменз.

— Ты получишь весомую благодарность и десять акров на Луне. Итак, какие еще источники поступлений мы можем придумать?

— А ты планировал продажу акций? — спросил Каменз.

— Я об этом думал. Конечно, не привилегированных акций: насильственная реорганизация нам ни к чему. Обычное соучастие, без права голоса.

— Похоже на подобные корпорации банановых государств.

— Естественно, но мне нужно, чтобы часть ее вошла в состав нью-йоркской биржи, и ты должен этим заниматься. А теперь хватит об этом — это наша витрина, и вы должны сразу же сделать ее живой и блестящей.

— А может быть, мне лучше переплыть Гелеспонт?

— Ну, не будь таким, Саул. У юристов, ведущих дела пострадавших от дорожного транспорта, ситуации бывают и потруднее, а?

- Я в этом не уверен.
- Ну, так больше жизни!

Экран на письменном столе Хорримэна загорелся. Появилась девушка и сказала:

— Мистер Хорримэн, здесь мистер Диксон. Он пришел без предварительного договора, но говорит, что вы захотите его видеть.

— Я думал, что изолировал его, — пробормотал Хорримэн. Потом нажал на кнопку и сказал: — О'кей, пригласите его.

— Хорошо, сэр... О, мистер Хорримэн, только что вошел мистер Энтенца...

— Пригласите их обоих. — Хорримэн закончил разговор и обернулся к своим помощникам: — Ну, парни, прикусите губы и держитесь за бумажники.

— От кого мы это слышим? — спросил Каменз.

Вошел Диксон, сопровождаемый Энтенца. Он сел, огляделся, начал было говорить, но осекся. Он снова огляделся. Особенно долго его взгляд задержался на Энтенца.

— Давай, Дэн, — приободрил его Хорримэн. — Считаю всех, здесь присутствующих, цыплятами, и только.

Диксон наконец решился.

— Я решил пойти с вами, Д.Д., — объявил он. — Честно говоря, я взял на себя труд получить вот это. — Он вытащил из кармана бумагу и развернул ее. Это было соглашение о продаже лунных прав Финиаса Моргана Диксону, составленное точно на такой же манер, как гарантии, полученные Хорримэном от Джонса.

Энтенца посмотрел на него с озадаченным видом, потом сунул руку во внутренний карман пиджака. На свет появились еще три таких же контракта, каждый — от одного из директоров всемогущего синдиката. Хорримэн поднял бровь.

— На вас, Дэн, снизошло благословение свыше. Скооперировались?

Диксон мрачно улыбнулся.

— Мы только что встретились. — Он добавил к стопке еще два документа и протянул руку Энтенца.

— Похоже, ничья. — Хорримэн решил ничего не говорить пока о семи таких же документах, запертых в его письменном столе. Накануне вечером, перед тем как лечь спать, он почти до полуночи висел на телефоне. — Джон, сколько ты за это уплатил?

— Стендши удержался на тысяче, остальные оказались дешевле.

— Черт возьми, я же предупреждал, чтобы вы не вздували цены. Стендши начнет болтать. Как насчет вас, Дэн?

— Я получил свои по удовлетворительным ценам.

— Так вы не хотите говорить? Ничего, джентльмены, насколько серьезно вы относитесь к этому предприятию? Сколько денег вы в него вкладываете?

— Сколько вы могли поднять?

Диксон пожал плечами.

— Нам некогда было это обсуждать. Давайте говорить цифрами. Сто тысячч.

— Я понял так, что в конечном итоге вы хотите зарезервировать себе место на первом лунном корабле из тех, что будут отправляться по расписанию. За эту цену я его вам продаю.

— Не будем препираться, Дилоуз. Сколько?

Лицо Хорримэна оставалось бесстрастным, но он напряженно думал. Он был захвачен врасплох. Информация, которой он располагал, была еще чересчур ничтожной — он даже не обсудил цифры с главным инженером. К черту! И почему он только не выключил телефон?

— Дэн, я же вас предупреждал, что это будет стоить вам не меньше миллиона, и то лишь потому, что я вас хорошо знаю.

— Я так и думал. Сколько нужно на то, чтобы остаться в вашей игре?

— Все, что у тебя есть.

— Не глумите, Дилоуз. У меня есть больше, чем у вас.

Хорримэн закурил сигару, лишь этим выказывая свое волнение.

— Предположим, вы передадите все это нам.

— Почему я должен платить столько?

— О'кей, внесите столько, сколько внес каждый из нас. Доля с долей равны. И я за этим прослежу.

— Вы возглавите операцию, — согласился Диксон. — Отлично, я даю миллион сейчас и в случае необходимости еще. Вы, конечно, не будете возражать против участия в деле моего финансового контролера?

— Я когда-нибудь вас обманывал, Дэн?

— Нет, и начинать ни к чему.

— Делайте, как вам нравится, но посылайте такого человека, в умении молчать которого вы уверены на сто процентов.

— Он будет молчать. Его сердце останется в моем сейфе на сохранении.

Хорримэн как раз думал о дальнейших вкладах Диксона.

— Позже мы можем попросить у вас еще столько же. Операция обещает быть дорогостоящей.

Диксон сложил ладони, аккуратно прижав палец к пальцу.

— Мы вернемся к этому вопросу, когда подойдем к нему вплотную. Я не верю в то, что операции могут сворачиваться из-за отсутствия капитала.

— Хорошо. — Хорримэн повернулся к Энтенца. — Вы слышали, что только что сказал Дэн, Джек? Вам нравятся условия?

Лоб Энтенца был усеян капельками пота.

— Я не могу так быстро выдать миллион.

— Все в порядке, Джек. Он не нужен нам прямо вот сейчас, утром. Можешь потратить на его изъятие столько времени, сколько необходимо.

— Но вы сказали, что миллион — всего лишь начало. Я не могу снабжать вас до бесконечности: есть пределы моим возможностям. Я должен посоветоваться с семьей.

— И никаких годовых доходов, Джек? Никаких сумм, переведенных на попечительство? У вас разве их нет?

— Речь не об этом. Вы можете меня прогнать — отделаться от меня.

Хорримэн ждал, что скажет Диксон. Наконец Диксон проговорил:

— Мы не станем вас прижимать, Джек, пока вы сможете доказывать, что конвертируете все активы, которые имеются в вашем распоряжении. Мы позволим вам остаться на твердой почве.

Хорримэн кивнул.

— Правильно, Джек. — Он думал о том, что любое сокращение доли Энтенца даст лично ему и Стронгу возможно больше прав.

Стронг думал о чем-то похожем, ибо он внезапно проговорил:

— Мне это не нравится. Четыре равных партнера — мы очень легко можем оказаться в тупике.

Диксон пожал плечами.

— Я отказываюсь об этом беспокоиться. Я нахожусь здесь потому, что уверен — Дилоуз сможет извлечь пользу из этого дела.

— Мы полетим на Луну, Дэн? — спросил Джордж Энтенца.

— Я этого не сказал. Я уверен в том, что ты сможешь извлечь пользу из этого дела вне зависимости от того, связано оно с Луной или нет. Вчерашний вечер я провел, просматривая публичные отчеты некоторых из ваших компаний. Они очень интересны. Полагаю, что мы избежим тупиков, если назначим директора. Вас, Дилоуз. Согласны, Энтенца?

— О, конечно!

Хорримэн был взволнован, но старался этого не показывать. Он не доверял Диксону, даже Диксону, делавшему подарки. Внезапно он встал.

— Я должен бежать, джентльмены. Оставляю вас мистеру Стронгу и мистеру Камензу. Пойдемте, Монти.

Каменз — Хорримэн был уверен в этом — не станет ни о чем говорить напрямик даже с партнерами. Что же касается Стронга, он не сомневался: Джордж не позволит даже своей левой руке знать, сколько пальцев на правой.

Он расстался с Монтгомери у дверей в личный кабинет компаньона и прошел через холл. Эндрю Фергюссон, глава инженерного отдела «Хорримэн Интер Прейз», поднял глаза при его появлении.

— Привет, босс. Мистер Стронг подкинул мне сегодня утром интересную мыслишку насчет выключения света. На первый взгляд она кажется непрактичной, но...

— Оставь это. Перекинь ее одному из мальчиков и забудь о ней. Ты знаешь, в каком вы пошли направлении?

— Слухи были, — спокойно ответил Фергюссон.

— Рассчитай того, от кого исходили эти слухи. Нет, пошли его со специальным заданием в Тибет, и пусть он остается там до тех пор, пока мы не закончим. Я хочу, чтобы ты построил космический корабль как можно скорее.

Фергюссон перекинул ногу через ручку кресла, вытащил перочинный нож и начал чистить ногти.

— Вы произнесли это так, будто приказали мне построить уборную.

— А почему бы и нет? Теоретически адекватное горючее существует с 1949 года. Ты создаешь команду, потом вся банда строит корабль, а я плачу по счетам. Что может быть проще?

Фергюссон посмотрел в потолок.

— Адекватное горючее... — повторил он как во сне.

— Да, я так сказал. Цифры показывают, что водорода и кислорода в нем недостаточно, чтобы ракета слетала на Луну и обратно. Весь вопрос в верной конструкции.

— Он говорит о верной конструкции, — все тем же вкрадчивым тоном повторил Фергюссон. Потом он вдруг вскочил, швырнул бумаги на стол и заорал: — Что вы знаете о верной конструкции? Где я возьму сталь? Из чего буду делать прокладку соединительной части? Как с вашей чертовой смесью я рассчитаю верный коэффициент? Почему вы не дали мне построить настоящий корабль, когда горючее было?

Хорримэн подождал, пока он успокоится, затем продолжал:

— Что будем с этим делать, Энди?

— Гм... я думал об этом вчера вечером, когда лежал в кровати, и моя старушка зла на вас, как черт. Пришлось мне заканчивать ночь на тахте. Прежде всего, мистер Хорримэн, нужно добиться от отдела национальной безопасности субсидии на исследования. Потом, вы...

— Черт с этим со всем, Энди. Ты занимаешься конструкцией, а уж политическими и финансовыми вопросами я сам займусь. Твои советы мне не нужны.

— Черт возьми, Дилоуз, не лезьте в бутылку. Я и говорю о конструкции. У правительства есть целая куча проектов ракет всех типов. Без договора с правительством на них не удастся взглянуть даже одним глазком.

— Ну и что это дает особенного? Разве правительственное ракетостроение может достичь чего-то такого, что не по плечу ракетостроению «Спейсвейз»? Ты мне сам говорил, что Федеральному ракетостроению не на что больше рассчитывать.

Фергюссон смотрел на него с презрением.

— Боюсь, я не могу объяснить вам нужным языком. Вы должны поверить мне на слово: нам нужны эти правительственные отчеты о проделанной работе. Нет смысла тратить тысячи долларов на работу, которая уже проделана.

— Тратьте тысячи.

— Может быть, миллионы...

— Тратьте миллионы. Не бойтесь тратить деньги, Энди, я не хочу, чтобы этим делом занимались военные. — Он решил развить перед инженером политическую подоплеку своего решения, заключив, что так будет лучше. — Насколько серьезна твоя потребность в этих государственных бумагах? Неужели ты не можешь достичь тех же результатов, наняв инженеров, которые работали и на правительство? Или даже отобрать их у правительства прямо сейчас.

Фергюссон поджал губы.

— Если вы хотите мне мешать, то как вы рассчитываете получить от меня результаты?

— Я тебе не мешаю. Я говорю, что этот проект не правительственный. Если ты не хочешь попытаться вести дело на таких условиях, дай мне знать теперь же, чтобы я мог найти того, кто захочет.

Фергюссон принялся выстукивать пальцами по столу какую-то мелодию. Потом, прервав свое занятие, он спокойно сказал:

— Я знаю одного парня, работающего на правительство в Уайт Стендз. Ловкий парень и полезный. Глава секции.

— Думаешь, он мог бы возглавить твою команду?

— Идея такова.

— Как его зовут? Где он? На кого работает?

— Когда случилось, что правительство прикрыло Уайт Стендз, мне стало жаль, что такой хороший парень может оказаться без работы, и я поместил его в «Спейсвейз». Он глава отдела эксплуатации на побережье.

— Эксплуатации? Что за чертова работа для способного человека! Но ты говоришь, он теперь работает на нас? Свяжись с ним по видео... Нет, свяжись с побережьем, и пусть его пришлют сюда специальной ракетой: мы вместе позавтракаем.

— Все уже устроено, — спокойно сказал Фергюссон. — Вчера ночью я встал и позвонил ему, это-то и разозлило мою хозяйку. Он ждет вон там. Костер. Боб Костер.

Медленная улыбка осветила лицо Хорримэна:

— Энди! Ну, что за злюка, что за негодник! Зачем ты притворялся, будто артачишься?

— Я не притворялся. Мне здесь нравится, мистер Хорримэн. Пока вы не вмешиваетесь, я делаю свою работу. Теперь я вот что предлагаю: мы делаем молодого Костера главным инженером проекта и даем ему возможность надеяться на собственную голову. Я не стану болтаться у него под ногами: лишь буду читать отчеты. Ничто не может разозлить хорошего инженера, как вмешательство некомпетентного простофили с чековой книжкой, подсказывающего ему, как вести дело.

— Идет. Но я тоже не хочу, чтобы всякие там старые дураки замедляли его работу. Ты ему тоже не мешай, а не то я вышибу почву у тебя из-под ног. Мы друг друга поняли?

— Думаю, что так.

— Тогда давай его сюда.

Очевидно, понятие «парень» Фергюссон относил к возрасту тридцать пять лет, ибо столько, по мнению Хорримэна, было Костеру. Он был высокий, худой и весьма порывистый. Пожав ему руку, Хорримэн обнял его и сказал:

— Боб, ты можешь построить ракету, которая долетела бы до Луны?

Костер принял этот вопрос, не моргнув глазом.

— У вас есть источник Х-горючего? — ответил он вопросом на вопрос, употребив тот термин, которым ракетчики пользовались для обозначения изотопного горючего, производимого до недавнего времени энергетическим спутником.

— Нет.

Несколько секунд Костер молчал, потом ответил:

— Я могу послать на лицевую сторону Луны ракету без людей.

— Не совсем то. Я хочу, чтобы она прилетела туда, опустилась и вернулась обратно. Приземлится ли она сама по возвращении, или ее посадят — это неважно.

Казалось, что Костер никогда не решится ответить Хорримэну. Тому казалось, что он слышит, как движутся мысли в голове его собеседника.

— Работа будет очень дорогостоящей.

— Кто спрашивает о том, сколько она будет стоить? Ты можешь ее сделать?

— Я попытаюсь.

— Попытайся, черт возьми. Уверен, ты сможешь это сделать. Готов ли ты заложить свою рубашку? Готов рискнуть своей головой? Если ты не веришь в себя, старина, то всегда сорвешься.

— Скольким вы рискуете, сэр? Я сказал вам, что предприятие будет дорогим, но сомневаюсь, понимаете ли вы, насколько дорогим.

— А я велел тебе не беспокоиться о деньгах. Трать столько, сколько нужно: платить по счетам — мое дело. Сможешь?

— Смогу. Позже я дам вам знать, сколько это будет стоить и сколько времени займет.

— Хорошо. Начинай сколачивать свою команду прямо сейчас. Где будем работать, Энди? — спросил он, обращаясь к Фергюссону. — В Австралии?

— Нет, — ответил Костер. — Австралия не годится. Запуск должен производиться в горах, тогда мы сэкономим одну ступень.

— Какая нужна гора? — спросил Хорримэн. — Тикс Пик подойдет?

— Нужны Анды, — возразил Фергюссон. — Эти горы выше и расположены ближе к экватору. В конце концов, у нас там есть аппаратура. И только у «Андз Дивелоппин компани».

— Делай, что считаешь нужным, Боб, — сказал Хорримэн Костеру. — Я бы предпочел Тикс Пик, но решать тебе. — Он думал о том, как было бы великолепно расположить первый космопорт Земли в пределах Соединенных Штатов и, кроме того, каким бы триумфальным был запуск кос-

мического корабля с вершины Тикс Пик, открытой для обозрения на сотни миль к востоку.

— Я дам вам знать.

— Теперь о гонораре. Забудь о том, что платить тебе будем мы. Сколько ты хочешь?

Костер нетерпеливо отмахнулся:

— Я работаю за кофе и кекс.

— Не глупи.

— Дайте мне закончить. Кофе и кекс — это одно. Я хочу совершить полет.

Хорримэн моргнул.

— А, это я могу понять, — медленно проговорил он. — Ну что ж, это я тебе обещаю. — Потом добавил: — Если ты не пилот, то строй корабль исходя из расчета еще трех посадочных мест.

— Я не пилот.

— Значит, три места. Видишь ли, я тоже собираюсь лететь.

Глава 4

— Хорошо, что вы решились войти, Дэн, — проговорил Хорримэн, — иначе оказались бы без работы. Я собираюсь полностью расстроить планы компании магнатов, прежде чем покончу со всем этим.

Диксон принялся намазывать маслом рогалик.

— Да ну? Как же?

— Мы установим ядерный реактор высокой температуры, подобный Аризонскому, тому, что взорвался на обратной стороне Луны. Контроль будет осуществляться с пульта управления, расположенного на расстоянии, так что если он взорвется — не важно. И я получу за неделю больше Х-горючего, чем компания за три месяца. Лично я здесь вообще ни причем — просто мне нужен источник горючего для межпланетных лайнеров. Если мы не можем получить его здесь, то получим на Луне.

— Интересно. Но где вы полагаете получить уран для шести реакторов. По последним слухам, Атомная Энергетическая комиссия рассчитала все запасы на десять лет вперед.

— Уран? Не будьте глупцом: мы добудем его на Луне.

— На Луне? На Луне есть уран?

— А разве вы не знаете? Я думал, что именно поэтому вы и решили ко мне присоединиться.

— Нет, я не знал, — медленно проговорил Диксон. — Какие у вас есть доказательства?

— У меня? Я не ученый, но это же ясно. Спектроскопия, или что-нибудь в этом роде. Свяжитесь с одним из профессоров. Но не выказывайте слишком большой интерес, ведь мы не готовы к тому, чтобы заявить о себе.

Дэн Диксон встал.

— Я должен бежать, не то опоздаю на роттер — домашний автобус. Спасибо за ленч. — Он схватил шляпу и вышел.

В кабинет вошел Вандербильт.

Хорримэн продолжал беседу:

— Садитесь, господин Вандербильт. Я даю вам и вашим коллегам шанс. Все геологи сходятся на том, что алмазы получаются в результате вулканической деятельности. Что, как вы думаете, мы найдем там? — Он положил на стол большую фотографию Луны.

Торговец бриллиантами бесстрастно рассматривал фотографию планеты, испещренную тысячами гигантских кратеров.

— Если вы туда доберетесь, мистер Хорримэн.

Хорримэн убрал фотографию.

— Мы туда доберемся. И найдем алмазы — хотя готов допустить, что может пройти двадцать и даже сорок лет, прежде чем нам удастся набрести на достаточно крупное месторождение. Я разговариваю с вами, потому что верю: самый большой чудак в нашем обществе — это тот, кто занимается каким-либо делом, не учитывая экономических факторов, не планируя их развития с учетом мирного разрешения конфликтов. Я не люблю паники. Но все, что я могу сделать, — это предупредить вас.

— Не волнуйтесь, мистер Хорримэн. Меня всегда смущает, когда человек объясняет мне, как он собирается делать добро для меня. Предположим, вы расскажите мне, как вы сделаете добро для себя? Потом мы сможем обсудить, как защитить мировой рынок от внезапной инфляции, вызванной поступлением лунных алмазов.

И они начали беседовать.

* * *

Хорримэн закрутил дело, пришлось повернуться и ему самому. Поездки, визиты, уговоры. И вот он в Нидерландах. Хорримэн любил Нидерланды. Он с радостью наблюдал за молочным возком, хозяин которого был обут в настоящие деревянные башмаки; он в восторге делал снимки и щедро одарял детей, не ведая, что все, виденное им, было организовано специально для туристов. Он нанес визиты нескольким торговцам бриллиантами, но о Луне с ними не заговаривал. Среди прочих покупок была брошь для Шарлотты. С ее помощью он надеялся возродить мир в семье.

Потом он отправился в Лондон, придумал историю для представителей алмазного синдиката, устроил со своими лондонскими стряпчими страховку у Ллойда против подставных лиц и успешного полета на Луну и вызвал свой домашний офис. Он выслушал многочисленные отчеты, особенно те, что касались Монтгомери, и узнал, что Монтгомери находился в Новом Дели. Он позвонил туда, долго беседовал с ним, потом поспешил в порт и прибыл как раз вовремя, чтобы успеть на лайнер. На следующее утро он был уже в Колорадо.

В Петерсон Филд, что расположена несколько южнее Колорадо-Спрингс, он с большим трудом прошел на территорию, хотя и явился в свои собственные владения. Конечно, он мог вызвать Костера, и все бы сразу стало на свои места, но он намеревался оглядеться до того, как увидится с Костером. К счастью, начальник охраны знал его в лицо: Хорримэн прошел на территорию и в течение часа, а то и больше бродил туда-сюда: трехцветный значок, приколотый к пальто, давал ему право на свободу перемещения.

В механической мастерской люди были заняты делом, в литейной тоже... но большая часть других почти пустовала. Хорримэн вышел из мастерских и прошел в главное инженерное здание. В чертежной и прилегающих к ней помещениях жизнь кипела вовсю, так же, как и в компьютерном отделе. Но в отделе структурной группы стояли пустые столы, а в группе металлов и в соседней с нею металлургической лаборатории висела тишина, как в церкви. Он собирался перейти в отдел экономических и прикладных материалов, когда перед ним внезапно возник Костер.

— Мистер Хорримэн! Я только что услышал, что вы здесь!

— Повсюду шпики, — заметил Хорримэн. — Я не хотел тебя беспокоить.

— Никакого беспокойства. Пройдемте в мой кабинет.

Когда через некоторое время они расположились в кабинете, Хорримэн спросил:

— Ну, как дела?

Костер нахмурился:

— Вроде бы хорошо.

Хорримэн отметил, что корзина для бумаг была забита бумагами инженера. Груда их загромождала и письменный стол. Прежде чем Хорримэн сумел ответить, на письменном столе Костера загорелся огонек коммуникатора, и мягкий женский голос проговорил:

— Мистер Костер, вас вызывает мистер Моргенштерн.

— Скажите ему, что я занят.

Через некоторое время вновь послышался взволнованный голос девушки:

— Он говорит, что непременно должен с вами поговорить, сэр.

Лицо Костера стало озабоченным.

— Извините меня, мистер Хорримэн. О'кей, я его слушаю.

Девушку сменил мужчина. Он произнес:

— О, вот вы где... Почему задержка? Слушайте, шеф, мы здорово вляпались с этими грузовиками. Каждый из них требует капитального ремонта, и теперь оказалось, что компания «Уайт Римет» никакого отношения к этому не имеет, у них есть великолепно оформленный контракт. Мое мнение такое: мы должны расторгнуть этот контракт и вести дело с «Пик Сити Транспорт». Они предлагают сделку, которая кажется удачной. Они гарантируют...

— Позаботьтесь об этом! — рявкнул Костер. — Вы заключали договор, и в вашей власти его прекратить. Вам это известно.

— Да, но, шеф, я подумал, что вы лично захотите заняться этим делом. Речь идет о простой вежливости и...

— Позаботьтесь об этом! Мне безразлично, что вы там делаете, пока мы обеспечены транспортом. — Он прервал связь.

— Кто этот человек? — спросил Хорримэн.

— Кто? А, это Моргенштерн, Клод Моргенштерн.

— Не имя. Чем он занимается?

— Он один из моих помощников — помещения, земля и транспорт.

— Рассчитайте его!

Костер заупрямился. Прежде чем он успел ответить, вошла секретарша и решительно встала у его локтя с пачкой бумаг в руках. Он нахмурился, подписал бумаги и велел ей уйти.

— О, я не настаиваю. Это не приказ, — добавил Хорримэн, — но я даю вам самый серьезный совет. Я не стану раздавать приказы через вашу голову, но готовы ли вы уделить мне несколько минут?

— Естественно, — ответил Костер с тревогой в голосе.

— Гм... вам никогда не приходилось выступать в качестве такого большого начальника?

Поколебавшись, Костер согласился с тем, что не приходилось.

— Я нанял вас, потому что Фергюссон верит в то, что вы и есть тот инженер, у которого больше, чем у других, шансов построить ракету, которая полетит на Луну. У меня нет причин менять свое мнение. Но высшая административная работа — не инженерная, и, если вы мне позволите, я, быть может, покажу вам несколько фокусов. — Хорримэн помолчал. — Я не критикую, — добавил он. — Высший бизнес — это как секс: до того, как не занимаешься, ничего не знаешь. — Хорримэн мысленно уже решил, что если парень не последует его совету, то окажется без работы, независимо от того, насколько это понравится Фергюссону.

Костер побарабанил пальцами по крышке стола.

— Я не знаю, что, собственно, не так. Похоже, что я ничего не могу устроить, как следует. Мне кажется, будто я все время плыву против течения.

— Много работали в последнее время?

— Я пытался. — Костер махнул рукой в сторону другого письменного стола, стоявшего в углу. — Вчера работал до поздней ночи.

— Плохо. Я вас нанял, как инженера. Боб, у вас тут все неверно устроено. Штат должен крутиться, а он не крутится. Твой кабинет должен быть спокойным как могила. Вместо этого именно здесь все крутится, а завод похож на кладбище.

Костер закрыл лицо руками, потом вновь отнял их.

— Я знаю, знаю, что нужно сделать, но каждый раз, когда я пытаюсь решить техническую проблему, какой-нибудь дурак проклятый отрывает меня, чтобы решить проблему грузовиков, или телефонов, или еще чего-нибудь. Мне очень жаль, мистер Хорримэн. Мистер Фергюссон надеялся. Я думал, что смогу.

Хорримэн очень мягко сказал:

— Не принимай это очень близко к сердцу, Боб. Ты сегодня мало спал, верно? Я тебе вот что скажу. Я оккупирую один из этих столов на несколько дней и займусь твоим штатом, чтобы защитить тебя от всех этих вопросов. Я хочу, чтобы твои мозги были заняты мыслями о реактивных векторах, нужном горючем и давлении, а не контрактами насчет грузовиков. — Хорримэн подошел к двери, выглянул в приемную и позвал человека, который мог быть, а мог и не быть клерком. — Эй, вы, идите сюда!

С удивленным выражением на лице человек встал, подошел к двери и спросил:

— Да?

— Мне нужно, чтобы этот стол в углу и все, что в нем находится, было перенесено в пустой кабинет на этом этаже, и немедленно.

Клерк поднял брови.

— А кто вы? Могу я спросить?

— К черту это...

— Делайте, что вам велят, Бебер, — вмешался Костер.

— Мне нужно, чтобы все было сделано за двадцать минут, — добавил Хорримэн.

Он подошел к другому письменному столу Костера и нажал на кнопку коммуникатора. Через несколько мгновений он уже разговаривал с главным офисом «Сколовиз».

— Джим, твой парнишка Джон Беркли поблизости? Немедленно пришли его ко мне в Петерсон Филд специальным рейсом. Мне нужно, чтобы самолет, которым он полетит, оторвался от земли через десять минут после того, как мы разделимся. Пошли за ним. — Хорримэн послушал, что ему ответили, потом добавил: — Нет, ваша организация не распадется, если вы потеряете Джона, а если это случится, значит, самые большие деньги получают не те, кто должен... О'кей, о'кей, можешь прищемить мне хвост в следующий раз, когда мы встретимся, но пришли мне Джона. Пока.

Он пронаблюдал за тем, как Костер и его письменный стол переселился в другой кабинет, заставил отключить там телефон и, в довершение всего, велел перенести туда диван.

— Проекционный аппарат, кульман и книжные шкафы, а также все, что тебе нужно, будет туда принесено, — сказал он Костеру. — Составь только список всего, что тебе нужно, чтобы работать над конструкцией. А если что-либо понадобится, позови меня. — Он вернулся в директорский кабинет и с удовольствием погрузился в работу, пытаясь понять, на чем держится учреждение и что в нем не так.

Через четыре часа он зашел к Костеру вместе с Беркли. Главный инженер спал, сидя за письменным столом и положив голову на руки. Хорримэн пошел было назад, но Костер вскочил.

— Ой, извините! — вспыхнул он. — Я, должно быть, задремал.

— Для этого я и велел поставить тебе диван, — сказал Хорримэн. — Так лучше отдохнешь. Боб, познакомься с Джоном Беркли. Это твой новый

раб. Ты останешься главным инженером и высшей административной властью. Джон — твой помощник на все руки. Начиная с этой минуты тебе совершенно не о чем беспокоиться — если не считать небольших деталей постройки космического корабля.

Они пожали друг другу руки.

— Я попрошу только одного, мистер Костер, — серьезно сказал Беркли. — Переписывайтесь мне все, что захотите, но технической стороной дела придется заниматься вам. И ради всех святых, не скрывайте свои желания, чтобы я мог знать, о чем идет речь. Я установлю на вашем столе коммуникатор, напрямую связанный с моим кабинетом.

— Прекрасно! — Костер ответил не задумываясь.

— А если вам будет нужно что-то, не имеющее отношение к технике, сами этого не делайте. Нажмите только на кнопку и свистните — все будет сделано! — Беркли бросил взгляд на Хорримэна. — Босс говорит, что хочет поговорить с вами о вашей настоящей работе. Я оставляю вас и спешу заняться делом. — Он вышел.

Хорримэн сел. Костер прошел в кабинет и произнес:

— Уф!

— Лучше стало?

— Мне нравится этот парень Беркли.

— Отлично, с настоящего момента он — твой брат-близнец. Никаких больше беспокойств не будет, я уже имел с ним дело. Тебе покажется, что ты живешь в прекрасно оборудованной больнице. Между прочим, где ты живешь?

— В пансионе в Спрингс.

— Это смешно. И тебе негде даже поспать? — Хорримэн подошел к столу Костера и связался с Беркли. — Джон, устрой для мистера Костера номер в Бродморе на вымышленное имя.

— Хорошо.

— И переоборудуй комнату, примыкающую к его кабинету, в жилое помещение.

— Хорошо. Сегодня к вечеру все будет готово.

— Теперь, Боб, насчет космического корабля. Что нового?

Все следующие два часа они провели, обсуждая проблемы, по мере того как Костер их выкладывал. Работы пока проделано было немного, но, прежде чем окунуться в административную деятельность, Костер успел продвинуться в теории и расчетах. Хорримэн, не будучи инженером и тем более математиком, если не считать умения фиксировать денежные суммы, так подробно прочитывал все, что ему удавалось достать о космических путешествиях, что мог следовать большинству мыслей Костера.

— Я не вижу здесь ничего, связанного с твоей горной капсулой, — сказал он наконец.

Вид у Костера был раздосадованный.

— А, это... Мистер Хорримэн, я слишком необдуманно говорил.

— Что? Мальчики Монтгомери нарисовали мне прекрасную картину того, как все будет, когда мы начнем совершать регулярные полеты. Я намереваюсь сделать Колорадо-Спрингс космической столицей мира. А сейчас нас держат в плену старые железнодорожные жулики. В чем же загвоздка?

— Во времени и в деньгах.

— О деньгах забудь. Это мое дело.

— Значит, время. Я все еще думаю, что электронный ускоритель — наилучшая возможность придать ускорение ракете. Вот так. — Он быстро начал набрасывать схему. — Невозможно опустить первую ступень ракеты. Она, конечно, больше всех остальных, поставленных одна на другую, и ужасно неэффективна — слишком плохой коэффициент массы. Но что мы можем поделать? Невозможно построить башню, башню в несколько миль высотой, достаточно прочную, чтобы выдержать толчок, по крайней мере невозможно в этом году. Так что придется использовать горы. Тикс Пик хорош так же, как и другие: по крайней мере, пригоден. Но какую вы хотите извлечь из этого пользу? Во-первых, нужен туннель, прорезающий боковую часть, от Маниту до пика, и достаточно широкий, чтобы можно было доставить груз...

— Проведите его от вершины вниз, — предложил Хорримэн.

Костер ответил:

— Я уже думал об этом. Элеваторы в две мили высотой для космических кораблей делаются не из пружин: для них, собственно, не годится ни один доступный материал. Возможно преобразовать саму катапульту, с тем чтобы ускорительные спирали экономились и рассчитывались по-другому, но, поверьте мне, мистер Хорримэн, это привело бы вас к проблеме таким же гигантским, как... строительство железной дороги на вершине корабля. И шахту все равно необходимо копать. Она не может быть величиной с корабль, как ствол ружья, не может быть величиной с пулю. Она должна быть значительно больше: столб воздуха в две мили высотой безнаказанно не сожмешь. О, горная катапульта может быть построена, но постройка ее может занять десять лет, а то и больше.

— Тогда забудь об этом. Постройка ее откладывается на будущее, и не для этого полета. Нет, подожди, как насчет космической катапульты? Нельзя ли расковырять край горы, а к концу изогнуть туннель.

— Честно говоря, я думал о чем-то в этом роде. Но на сегодняшний день такая работа лишь поставила бы нас перед лицом новых трудностей. Если бы даже мы смогли изобрести электрическую катапульту, с помощью которой можно было бы создать эту последнюю кривую, что в настоящее время мы не можем, корабль придется перестраивать из-за огромного бокового давления, а весь дополнительный вес окажется паразитическим, принимая во внимание нашу основную цель, которой и должна обуславливаться конструкция корабля.

— Так каково же твое решение, Боб?

Костер нахмурился.

— Вернуться к тому, что мы знаем. Строить ступенчатую ракету.

— Монти...

— Да, шеф?

— Ты слышал когда-нибудь песню? — Хорримэн пропел: — «Луна принадлежит всем, лучшее, что есть в жизни, и притом свободно для всех». — Хорримэн сильно фальшивил.

— Не могу сказать, слышал ли я ее когда-нибудь...

— Она была популярна до того, как ты вошел в сознательный возраст. Я хочу снова ее раскопать. Я хочу, чтобы она ожила, стала крайне популярной, была у всех на устах.

— О'кей, — Монтгомери достал свою записную книжку. — Когда мода на нее должна достичь апогея?

Хорримэн подумал:

— Скажем, через три месяца. Потом припев должен быть использован для рекламных объявлений.

— Заметано.

— Как дела во Флориде, Монти?

— Я думаю, что мы купим эту проклятую законодательную власть до того, как распусят слухи, что Лос-Анджелес заключил контракт на использование территории на Луне, право на которую имеют все граждане Лос-Анджелеса. Я уверен, что они на это клонут.

— Хорошо. — Хорримэн кивнул. — Знаешь, это неплохая мысль. Как ты думаешь, сколько торговая палата Лос-Анджелеса сможет заплатить за эту картину?

Монтгомери сделал еще одну пометку.

— Я этим займусь.

— Полагаю, что теперь, когда с Флоридой закручено, ты собираешься приняться за Техас?

— Думаю, мы посвятим ему львиную долю своего времени. Прежде всего распространим кое-какие ложные слухи.

Заголовок из далласской газеты «Банкир»:

«Луна принадлежит Техасу!

...Вот ребяташки, как обстоят дела на сегодняшний день. Не забудьте опустить свои сочинения в наш специальный ящик. Помните: первый приз — тысяча акров, которые вы сможете использовать по своему усмотрению на самой Луне; второй приз — шестифутовая ступенчатая модель настоящего космического корабля, а есть еще пятьдесят—шестьдесят третьих призов, это шотландские пони, умеющие ходить под седлом. Ваше сочинение на сто слов «Почему я хочу лететь на Луну?» будет оцениваться за искренность и оригинальность, а не судиться по литературным меркам. Шлите ваши письма к дядюшке Таффи, почтовый ящик 214, Джуариц, Старый Иехико».

Хорримэна провели в кабинет президента «Мока-Колла компани» («Только у Мока настоящая Кока»). Он помедлил у двери, расположенной футлах в двадцати от президентского стола, и быстро приколол к отвороту пиджака значок диаметром два дюйма.

Паттерсон Григз поднял голову.

— О, какая честь! Входите, и... — Фабрикант прохладительных напитков осека, выражение его лица изменилось. — Что вы хотите сказать, цепляя вот это? — огрызнулся он. — Пытаетесь меня раздосадовать?

«Этим» оказался тот самый значок диаметром в два дюйма: Хорримэн отколол его и положил в карман. Это был целлулоидный значок — реклама бледно-желтого цвета. На нем, занимая почти всю его площадь, черным была выгравирована фабричная марка единственного серьезного конкурента «Мока-Коллы» — компании «6+».

— Нет, — сказал Хорримэн, — хотя я и не виню вас за вашу раздражительность. Мне попало полдюжины малышей с такими вот смешными значками. Но я пришел к вам для того, чтобы дать вам дружеский совет, а не для того, чтобы раздражать.

— Что вы имеете в виду?

— Когда я стоял у вашей двери, значок на отвороте моего пиджака был для вас, сидящего за письменным столом, того размера, каким полная Луна бывает для человека, стоящего в саду и взирающего на нее снизу вверх. Вы же без труда прочли, что написано на значке, правда? Я знаю, что это так: вы заорали на меня, прежде чем каждый из нас успел пошевелиться.

— Ну и что?

— Как бы вам понравилось и как бы это отразилось на вашей торговле, если бы такой вот значок торчал бы на Луне, а не на свитере школьника?

Григз подумал и ответил:

— Д.Д., не шутите так зло. У меня был трудный день.

— Я не шучу. Как вы, вероятно, слышали на улице, за этой авантюрой с Луной стою я. Между нами, Пат, предприятие это довольно дорогостоящее, даже для меня. Несколько дней тому назад ко мне пришел человек, вы извините меня, если я не назову его по имени? Вы можете догадаться сами, что человек представлял интересы клиента, который хотел бы купить право на лунную рекламу. Он знает, что мы не уверены в успехе, но сказал, что его клиент готов рискнуть. Вначале я не мог взять в толк, о чем он говорит: меня застали врасплох. Потом решил, что он шутит. Потом я пришел в замешательство. Посмотрите на это... — Хорримэн достал большой лист бумаги и положил его на письменный стол Григза. — Смотрите, оборудование устанавливается неподалеку от центра Луны, как мы его считаем. Восемнадцать пиротехнических ракет выстрелят в восемнадцать направлений: искры полетят в разные стороны, как спицы колеса, но на точно вычисленные расстояния. Они загорятся, и снаряды, которые они в себе несут, на вычисленное же расстояние распространят угольную пыль. На Луне, как вы знаете, воздуха нет. Пат, пыль полетит с такой же легкостью, с какой летит копе. А вот результат. — Он перевернул листок,

на обратной стороне были набросаны контуры Луны. Поверх них черным карандашом было выведено «6+».

— Вот что они придумали, эти отправители из «шести плюс».

— Нет, нет, я так не говорил! Но эта картина иллюстрирует суть: в названии «Шесть плюс» лишь два знака, их нельзя распространить настолько, чтобы они читались отовсюду, например с Земли.

Григз усталился на ужасное объявление.

— Я не верю в то, что это работает.

— Надежная пиротехническая фирма гарантирует, что сработает при условии, что я переброшу их оборудование. В конце концов, Пат, это не так уж дорого обойдется: переброска на Луну маленьких пиротехнических ракет. Там нельзя бросить бейсбольный мяч даже совсем недалеко, не прибегая ни к чьей помощи: небольшая гравитация.

— Люди никогда на это не согласятся. Это святотатство!

У Хорримэна был печальный вид.

— Хотел бы я, чтобы вы оказались правы. Но люди же одобрили коммерческое телевидение и небесную рекламу.

Григз пошевелил губами.

— Но я не понимаю, почему вы пришли ко мне, — взорвался он. — Вам чертовски хорошо известно, что название моей продукции для лунной рекламы не годится. Буквы будут малы, их невозможно будет прочесть.

Хорримэн кивнул.

— Вот почему я к вам и пришел, Пат. Для меня это не просто деловая авантюра, нет, это сердце мое и душа. Я просто болеваю при мысли о том, что кто-то действительно сможет использовать Луну для объявлений. Как вы сами сказали, это святотатство. Но эти шакалы каким-то образом разнюхали, что я нахожусь в стесненных обстоятельствах. Они пришли ко мне, когда узнали, что я вынужден буду их слушать. Я отложил свое решение. Обещал дать ответ в четверг. Потом я поехал домой, лег, но никак не мог уснуть — все думал об этом деле. Потом я вспомнил о вас.

— Обо мне?

— О вас. О вас и о вашей компании. В конце концов, вы производите хороший продукт, и вам необходима хорошая реклама. Мне пришла мысль, что есть много способов использовать Луну для объявлений, нежели изменять ее внешний вид, как она смотрится с Земли. Теперь предположите только, что ваша компания купила самую лучшую концессию, но дав при этом обещание никогда ее не использовать. Предположим, вы коснетесь этого факта в своих объявлениях. Предположим, далее вы выпустите картинки с изображением юноши и девушки, сидящих под луной с бутылкой «Мока». Предположим, «Мока» будет единственным безалкогольным напитком, который те, кто полетит к Луне первым рейсом, возьмут с собой. Но не мне вам говорить, что и как с этим делать. — Он бросил взгляд на часы. — Я должен бежать. Кроме того, я не хочу на вас наседать. Захотите делать дело — дайте знать мне завтра до полудня, а я велю нашему человеку Монтгомери связаться с шефом вашей рекламы.

Глава большой, с несколькими филиалами газеты заставил его ждать минимум отведенного для промышленных магнатов и членов кабинета времени. Вновь Хорримэн, переступив порог большого кабинета, прикрепил к лацкану пиджака значок.

— Привет, Дилоуз, — произнес издатель, — как идет торговля зеленым сыром? — Он увидел значок и нахмурился. — Если это шутка, то шутка дурного вкуса.

Хорримэн отколол значок: на нем был изображен не «б+», а серп и молот.

— Нет, — сказал он. — Это не шутка, это кошмар. Полковник, мы с вами принадлежим к той части людей этой страны, которая понимает, что коммунизм все еще остается угрозой.

Через некоторое время они беседовали так дружелюбно, как будто газета полковника не препятствовала лунной авантюре с самого начала. Издатель спросил:

— Как вам удалось проникнуть в эти планы? Украли их?

— Они были скопированы, — ответил Хорримэн, не слишком заботясь о правдивости своих слов. — Но это неважно. Важно попасть туда первыми, мы не можем рисковать появлением на Луне вражеской базы. Мне годами снится один и тот же кошмар, будто я просыпаюсь и вижу заголовки в газетах о том, что русские высадились на Луне и объявили об организации лунных Советов. Скажем, тридцать мужчин и две женщины-ученые. Они послали петицию в СССР с просьбой включить их в состав государства, а Советы, конечно, с радостью приняли эту петицию. Я не знаю, планируют ли они на самом деле водрузить над Луной серп и молот; но такой шаг вполне отвечает их психологии. Посмотрите только на эти плакаты.

Издатель потушил сигарету.

— Посмотрим, что мы можем сделать. Есть ли какая-нибудь возможность ускорить ваше предприятие?

Глава 6

— Мистер Хорримэн?

— Да?

— Здесь снова мистер Ле-Круа.

— Скажи ему, что я не желаю его видеть.

— Да, сэр... видите ли, мистер Хорримэн, о нем ничего не известно, но он утверждает, что он пилот космического корабля.

— Черт возьми, отошли его в «Спейсвейз», я пилотов не нанимаю.

На экране перед Хорримэном вместо секретаря возникло изображение мужчины.

— Мистер Хорримэн, я Лесли Ле-Круа, сменный пилот «Шарона».

— Мне все равно, будь вы хоть архангелом Гаври... «Шарона», вы ска-
зали?

— Да, «Шарона». Мне нужно с вами поговорить.

— Входите.

Хорримэн поздоровался со своим посетителем, предложил ему закурить и с интересом осмотрел его. «Шарон», грузовая ракета погибшего энергетического спутника, ближе всего по своей конструкции стояла к космическому кораблю, еще не виданному миром. Его пилот, ставший жертвой того же взрыва, который уничтожил спутник и «Шарон», был первым из грядущей когорты космонавтов.

Хорримэн удивился: как же он не подумал о том, что у пилота «Шарона» был дублер! Он, конечно, знал об этом, но как-то забыл заняться данным фактом вплотную. Он списал со счетов энергетический спутник, ракету-челнок и все с ними связанное в небытие и перестал об этом думать. Теперь Хорримэн с любопытством смотрел на пилота.

Перед ним стоял маленький аккуратный человек с тонким умным лицом и большими ловкими руками наездника. Ле-Круа, пока его разглядывали, стоял совершенно спокойно. Он казался невозмутимым и полностью в себе уверенным.

— Итак, капитан Ле-Круа?

— Вы строите космический корабль.

— Кто так говорит?

— Строится корабль, который полетит к Луне. Мальчики говорят, за этим делом стоите вы.

— Ну и что?

— Я хочу его пилотировать.

— Почему именно вы?

— Потому что лучше меня никого нет.

Хорримэн выпустил клуб табачного дыма.

— Если вы сможете это доказать, штурвал ваш.

— Вот это разговор. — Ле-Круа встал. — Я оставляю имя и адрес у секретаря.

— Минутку. Я сказал «если». Давайте потолкуем. Я сам собираюсь в этот полет и хочу узнать о вас больше, иначе не смогу вам доверять.

Они обсудили полет на Луну, межпланетные путешествия, проблемы ракетостроения, то, что они могли бы найти на Луне. Хорримэн постепенно оттаивал, обнаружив, что встретил человека, чьи мечты были так схожи с его собственными. Мысленно он уже принял Ле-Круа: разговор начал принимать деловой оборот.

После продолжительного времени Хорримэн спросил:

— Все это прекрасно, Ле-Круа, но предстоит еще много работы, иначе никто из нас не попадет на Луну. Ты отправишься в Петерсон Филд и познакомишься с Бобом Костером, я ему позвоню. Если вы с ним поладите, поговорим о контракте. — Он нацарапал несколько слов на листке бумаги и протянул его Ле-Круа. — Передайте это мисс Перкинс, когда будете уходить, а она поставит вас на довольствие.

— С этим можно подождать.

— Есть всем нужно.

Ле-Круа принял листок, но своим видом показал, что уходить не собирается.

— Есть одно обстоятельство, которого я не могу понять.

— Да?

— Зачем вам нужен корабль, работающий на химикатах? Не то, чтобы я возражал, я приму его и таким. Но зачем идти таким тяжелым путем? Я знаю, что «Сити ов Брисбоун» снова полна Х-горючим...

Хорримэн пристально посмотрел на него.

— Ты что, не в своем уме, Ле? Спрашивать свинью, почему у нее нет крыльев... Да никакого горючего нет и не будет до тех пор, пока мы сами его не сделаем на Луне.

— Кто вам это сказал?

— Что ты имеешь в виду?

— Я слышал, что Комиссия по атомной энергии зарезервировала Х-горючее по договору для нескольких стран, но некоторые из них не готовы к тому, чтобы им воспользоваться. И все равно они его получили. Что с этим делать?

— А, это! Ле, некоторые маленькие государства Центральной и Южной Америки урвали для себя этот кусок пирога по политическим причинам, хотя он им не по зубам. Но для нас, конечно, это выгодно, мы откупили его опять и использовали для того, чтобы самортизировать нехватку энергии. — Хорримэн нахмурился. — Впрочем, ты прав. Мне следовало бы тогда захватить часть его в свои руки.

— Вы уверены в том, что оно все разошлось?

— Конечно... Нет, я не уверен. Нужно будет этим заняться. До свидания.

Его помощники смогли предоставить отчет за каждый фунт Х-горючего, оставленного для использования Коста-Рикой. Это государство отказалось перепродавать горючее потому, что для его электростанции, почти законченной ко времени катастрофы, Х-горючее вполне подходило. Еще одно расследование доказало, что эта электростанция так никогда и не была построена.

Монтгомери побывал даже в Манагуа — в Никарагуа, где сменилось правительство, он захотел убедиться в том, что особая позиция лунной корпорации этой страны не изменилась. Хорримэн послал с ним кодированную записку в Сан-Хосе, уведомляющую о том, что нужно определить местонахождение Х-горючего, купить его и переправить назад, на побережье. Потом Хорримэн отправился к главе Атомной Энергетической комиссии.

Это официальное лицо явно было радо видеть его и являло собой образец любезности. Хорримэн пустился в объяснения, что ему нужна лицензия на ведение экспериментальной работы с изотопами, а если быть точным — с Х-горючим.

— Все должно идти по обычным каналам, мистер Хорримэн.
— Конечно. Это предварительное обследование. Я хочу знать вашу реакцию.

— В конце концов, я не единственное доверенное лицо... и мы почти всегда следуем рекомендациям нашего технического отдела.

— Не морочьте мне голову, Норм. Вам чертовски хорошо известно, что большинство членов отдела находится под вашим влиянием. Вы могли бы помочь нам неофициально.

— Но, Д.Д., неофициальным путем... нельзя достать Х-горючее, так для чего же лицензия?

— Пусть это будет моей заботой.

— Гм... мы не собирались контролировать каждый миллиграмм Х-горючего, поскольку оно не относится к разряду пригодных для массового оружия. И все равно всем известно, что с ним стало. Свободного горючего нет.

Хорримэн хранил молчание.

— С другой стороны, вы сможете получить лицензию на Х-горючее, если захотите — для любой цели, кроме оснащения ракеты.

— Почему такие ограничения?

— Вы строите космический корабль, не так ли?

— Я?

— Теперь вы не морочьте мне голову, Д.Д. Знать — уже мое дело. Вы не сможете использовать Х-горючее для ракет, даже если и сумеете его найти, этого вы сделать не сумеете. — Председатель прошел к книжному шкафу и вернулся с небольшой книжкой, которую он положил перед Хорримэном. Книжка называлась: «Теоретическое исследование стабильности некоторых радиоизотопических горючих, с замечаниями о катастрофе с энергетическим спутником «Шарон». На обложке стояло несколько номеров и имелась пометка «Секретно».

Хорримэн отстранил ее.

— Мне некогда ее читать, да я и не понял бы ничего.

Председатель усмехнулся:

— Отлично, я расскажу вам, что там написано. Я намеренно связываю вам руки, Д.Д., посвящаю вас в государственную тайну...

— Не стану я слушать, говорю вам.

— Не пытайтесь насытить космический корабль Х-горючим, Д.Д. Это хорошее горючее, но в любом месте космоса оно может вспыхнуть, как факел. В отчете объясняется почему.

— К черту! Мы почти три года работали с «Шароном»!

— Вам повезло. Официальное, по крайней мере конфиденциальное, мнение правительства состоит в том, что «Шарон» скорее подействовал на энергетический спутник, чем энергетический спутник — на «Шарон». Вначале мы считали по-другому, и это, конечно, было возможно, но нас беспокоили данные радарных установок. Похоже на то, что корабль взорвался на секунду раньше, чем спутник. И мы провели

тщательное теоретическое расследование: X-горючее слишком опасно для ракет.

— Но это смешно! На каждый фунт этого горючего, использованного «Шароном», приходилось не меньше сотни фунтов, использованных земными электростанциями. Почему же они не взорвались?

— Все дело в защите. Ракета требует меньше защитных экранов, чем промышленные предприятия, но экраны эти действуют в условиях космоса. И это все усложняет. Они постоянно подвергаются действию жесткого космического излучения. Если хотите, я вызову кого-нибудь из математиков и физиков, и они вам все объяснят.

Хорримэн покачал головой.

— Вы знаете, что на этом языке я не говорю. — Он подумал. — Полагаю, больше с этим ничего нельзя сделать.

— Боюсь, что так. Мне очень жаль. — Хорримэн встал, намереваясь идти. — Да, еще одно, Д.Д. Вы ведь не собираетесь обратиться к одному из моих подчиненных?

— Нет, конечно. Зачем бы мне это делать?

— Рад это слышать. Знаете, мистер Хорримэн, может быть, некоторые из наших служащих и не являются самыми блестящими в мире учеными — в условиях государственной службы трудно создать первоклассным ученым интересующие их условия. Но в одном я уверен наверняка, все они абсолютно неподкупны. Зная это, я принял бы как личное оскорбление любую попытку повлиять на кого-либо из моих людей. Для меня это оказалось бы очень тяжелым оскорблением.

— И что же?

— Вот так. Между прочим, учась в колледже, я занимался боксом. Я и сейчас в форме.

— Гм... а я никогда не ходил в колледж. Зато я хорошо играю в покер. — Хорримэн внезапно улыбнулся. — Я не стану портить ваших мальчиков, Норм. Это было бы слишком — все равно что предлагать взятку голодающим. Что ж, пока...

Вернувшись в свой офис, Хорримэн вызвал одного из своих доверенных клерков.

— Пошлите мистеру Монтгомери еще одно кодированное письмо. Пусть он переправит груз в Панама-Сити, а не в Штаты. — Затем он начал диктовать другое письмо, предназначенное для Костера, в котором тому предлагалось прекратить постройку «Пионера», чей каркас уже устремился в небо над колорадской прерией.

Он придумал лучший план. Запуск должен производиться вне пределов Соединенных Штатов. Принимая во внимание поведение Атомной Энергетической комиссии, нечего пытаться перебраться в Санта-Марию, иначе все вылезет наружу.

Кроме того, корабль нельзя переместить, не снабдив предварительно горючим. Нет, он, Хорримэн, может снять с линии другой корабль типа «Тризбона» и послать его в Панаму, а электростанция в Санта-Марию

может быть демонтирована и тоже переправлена туда. Костер смог бы подготовить новый корабль за шесть недель. И тогда он, Хорримэн, Костер и Ле-Круа отправятся на Луну.

Черт с ним, с жестким космическим излучением! Действовал же «Шарон» в течение трех лет, так? Они совершат перелет, докажут, что это возможно, а потом, если понадобится более безопасное горючее, можно будет до него докопаться. Самое важное — совершить путешествие. Если бы Колумб ждал, пока появится такой корабль, а не другой, мы бы все еще сидели в Европе. Нужно пользоваться случаем, иначе ни к чему не придешь.

Он начал просматривать корреспонденцию, надеясь получить еще какую-нибудь нить.

Его занятие прервало появление секретаря.

— Мистер Хорримэн, с вами хочет поговорить мистер Монтгомери.

— Как? Он уже получил мое кодированное сообщение?

— Не знаю, сэр.

— Хорошо, соедините меня с ним.

Монтгомери не получал нового послания. Но у него были новости для Хорримэна: Коста-Рика продала свое Х-горючее английскому энергетическому министерству вскоре после катастрофы. Ни унции его не осталось ни в Коста-Рике, ни в Англии.

Несколько минут спустя после того, как изображение Монтгомери исчезло с экрана, Хорримэн сидел неподвижно и о чем-то думал. Потом он вызвал Костера.

— Боб? Ле-Круа здесь?

— Подождите... Мы как раз собирались пойти пообедать. Пока здесь.

— Привет, Ле. Ле, ты чертовски хорошо все придумал, но твоя идея не сработала. Кто-то украл младенца.

— Вот как? А, понял. Мне очень жаль. Идем вперед прежним путем, и мы придем к своей цели!

— Конечно, придем.

Глава 7

Из июльского выпуска журнала «Техника для всех»: «На Луне должен быть уран». Статья, подкрепленная фактами, о вновь возникающей отрасли производства.

Из «Хомуэй»: «Медовый месяц на Луне — обсуждение отчета, основанного на проведенном опросе о том, что бы понравилось вашим детям».

Из «Американ Санди Магазин»: «Бриллианты на Луне». «Известные в мире ученые показывают, почему они считают необходимым нахождение в лунных кратерах бриллиантов».

— Конечно, Клем, об электронике мне неизвестно ничего, но кое-что мне объяснили. Ведь в наши дни телелуч можно переместить на градус или около этого, не так ли?

— Да... если есть, конечно, большой экран. — Электронщик Клем задумался.

— Места будет достаточно. Земля, какой она видится с Луны, занимает территорию в два градуса шириной. Расстояние между ними, конечно, довольно значительное, зато никаких потерь в мощности и абсолютно превосходные и неменяющиеся условия для передачи. Как только с устройством все будет покончено, передачи станут не более дорогими, чем если бы вести их с горной вершины здесь, на Земле, и гораздо более дешевыми, чем те, которые вы ведете отсюда, когда размещаете вертолеты между двумя побережьями.

— Фантастическая выдумка, Дилоуз.

— Что в этом фантастического? Как добраться до Луны — моя забота, а не ваша. Как только мы окажемся там, телевизионная связь окажется возможной. Можете заложить свою рубашку. Если вас это не интересует, мне придется найти кого-нибудь другого.

— Я не сказал, что не интересует.

— Ну, так решайтесь. Есть и еще одно, Клем... я не хочу совать свой нос в ваши дела, но разве у вас не было затруднений с тех пор, как вы потеряли возможность использовать энергетический спутник в качестве ретрансляционной станции?

— Ответ вам известен, не подкалывайте меня. Столько расходов — и ничего взамен.

— Я имел в виду совсем не это. Как насчет цензуры?

Телевизионщик всплеснул руками.

— Не произносите этого слова! Как можно заниматься делом со всеми этими пуританами, желающими наложить вето на то, что мы можем показывать, и на то, что не можем показывать. От всего этого можно с ума сойти. Сам принцип неверен. Это все равно, что заставить взрослого питаться одним лишь молоком потому, что младенцы не едят бифштексов. Если бы я мог добраться до этих проклятых... законодательных, елейных...

— Полегче, полегче, — прервал его Хорримэн. — А вам никогда не приходило в голову, что нет ничего невозможного в передачах с Луны и что никакие цензоры на Земле ни в каком случае не смогут апеллировать к юрисдикции?

— Что? Повторите сначала!

«ЖИЗНЬ ИДЕТ К ЛУНЕ». Тайм-Лайф Инкорпорейшн с гордостью объявляет о том, что закончены приготовления, которые дадут возможность всем зрителям «Лайфа» следить за первым полетом к спутнику. Вместо обычного еженедельника — «Лайф» едет в гости сразу же, после возвращения первого успешного...

«НОВОЕ В СТРАХОВАНИИ»

(Отрывок из объявления Северо-Атлантической страховой компании)

«...Те, кто умеют смотреть вперед, те, кого наша фирма сумела защитить после чикагского пожара, сан-францисского землетрясения, после лубой из катастроф начиная с войны 1812 года, смогут теперь быть защищены от неожиданной потери даже на Луне...»

— Мистер Хорримэн, не могли бы вы приехать?

— Что случилось, Боб?

— Неприятности, — жестко ответил Костер.

— Какого рода?

Костер колебался.

— Я бы предпочел не говорить об этом по видео. Если вы не можете приехать, то, может быть, Ле или мне лучше приехать к вам.

— Буду сегодня вечером.

Когда Хорримэн приехал на место, он увидел скрытую горечь на лице Ле-Круа. У Костера был мрачный и виноватый вид. Он дождался, пока они не остались вдвоем в кабинете Костера, и сказал:

— Давайте, мальчики.

Ле-Круа посмотрел на Костера. Инженер пожевал губами и сказал:

— Мистер Хорримэн, вы знаете, что стадию внешнего оформления мы прошли.

— Более или менее.

— Нам пришлось отказаться от основной идеи. Потом мы подошли к этому... — Костер открыл ящик стола и вытащил чертеж четырехступенчатой ракеты, большой, но довольно грациозной. — Теоретически такое было возможно, практически — абсолютно нет. После того, как каждая группа добавила свои приспособления, мы подошли к этому. — Он извлек чертеж. Ракета, изображенная на нем, походила на первую, но была более квадратной, почти пирамидальной. — Мы добавили пятую ступень, как кольцо вокруг четвертой. Нам почти удалось сохранить вес старой ракеты путем использования большего числа вспомогательных механизмов и контрольного оборудования четвертой ступени для контроля за пятой. И все же секционная плотность ее достаточна для того, чтобы пробиться сквозь атмосферу без особого лобового сопротивления, даже если она и кажется достаточно неуклюжей.

Хорримэн кивнул:

— Знаешь, Боб, мы будем вынуждены отказаться от идеи ступенчатой ракеты до того, как введем регулярные рейсы на Луну.

— Не понимаю, как вы сможете этого избежать, пока ракеты создаются на химико-энергетической основе.

— Если бы у тебя была такая катапульта, которая могла бы вывести одноступенчатую ракету, созданную на химико-энергетическом принципе, на орбиту, то ты смог бы этого избежать?

— Конечно.

— Вот это мы и сделаем. Потом, когда она будет на орбите, снова снабдим ее горючим.

— Старая идея о космической станции. Я думаю, она неплоха, я даже уверен в этом. Только корабль не станет перезаряжаться и останется на Луне. Это влетит в копеечку: специальные корабли, которые никогда нигде не приземлятся, чтобы отправиться к следующей заправочной станции из числа рассеянных вокруг Луны. Потом...

Ле-Круа выказывал явные признаки нетерпения.

— Все это теперь ничего не значит. Продолжай свой рассказ, Боб.

— Правильно, — согласился Хорримэн.

— Итак, с этой моделью все должно пойти было как надо. И черт возьми, пока так оно и считается.

У Хорримэна был озадаченный вид.

— Но, Боб, ведь эта конструкция одобрена, не так ли? И корабль уже построен на две трети?

— Да. — Вид у Костера был усталый. — Но ничего из этого не выйдет. Она не сработает.

— Почему?

— Потому что мне пришлось добавить чересчур много бесполезного веса, вот почему. Мистер Хорримэн, вы не инженер, вы понятия не имеете о том, как быстро падает коэффициент полезного действия, когда корабль загромождается чем-то иным, нежели горючим и машинами. Возьмите посадочное устройство для кольца пятой ступени. Эта ступень используется в течение полутора минут, а потом отбрасывается. Но ведь вы не осмелитесь сбросить ее над Уичитой или Канзас-Сити. Значит, нужно добавить парашютный отсек. Даже когда мы вынуждены будем планировать радарное управление и радиоконтроль, чтобы приземление произошло над сельской местностью с не слишком большой высоты. А это означает новую порцию добавочного веса, не считая парашюта. К тому времени как мы закончим, эта ступень не даст нам добавления к скорости большей, чем миля в секунду. А тогда скорость будет слишком мала.

Хорримэн выпрямился.

— Похоже, мы первоначально сделали ошибку, пытаясь запустить ракету в Штатах. Предположим, мы запустили бы ее из какого-нибудь малонаселенного пункта, например, с бразильского побережья, и пусть бы тогда ненужные ступени падали в Атлантический океан, — сколько бы вы на этом сэкономили?

Костер посмотрел куда-то в пространство, потом достал счетную линейку.

— Могло бы сработать.

— Много работы потребуется на то, чтобы перевезти ракету сейчас?

— Что же, для этого пришлось бы полностью ее демонтировать, другого выхода нет. Я не могу предоставить вам точные данные, но предприятие будет дорогим.

— Сколько времени уйдет на перевозку?

— Гм... мистер Хорримэн, я не могу дать вам ответ вот так сразу. Два года... месяцев восемнадцать при удаче. Нужно подготовить участок, нужно построить мастерские.

Хорримэн задумался, хотя сердцем он уже знал ответ. Он стоял за опасный путь. Он не мог ждать еще два года, жить одной болтовней, он должен был совершить успешный перелет — и быстро, иначе вся финансовая структура неминуемо распадется.

— Не пойдет, Боб.

— Этого я и боялся. Что ж, я попытаюсь добавить еще и шестую ступень. — Он протянул еще один чертеж. — Видите это чудовище? Я добивался уменьшения отдачи, конечное ускорение этого уродца меньше, чем у пятиступенчатой ракеты.

— Означает ли это, что ты потерпел неудачу, Боб? Ты не можешь построить космический корабль?

— Нет, я...

Ле-Круа внезапно сказал:

— Очистите Канзас.

— А? — спросил Хорримэн.

— Вывезите всех из Канзаса и Восточного Колорадо. Пусть пятая и четвертая секции падают где хотят. Третья секция упадет в Атлантический океан, вторая секция выйдет на постоянную орбиту — и сам корабль отправится на Луну. Все получится, если не придется терять вес на парашютные отсеки для пятой и четвертой секций. Спросите у Боба.

— А? Как ты, Боб?

— То же самое я уже говорил раньше. Нам мешали нагрузки-паразиты. В основном же конструкция хороша.

— Гм... Дайте мне какой-нибудь атлас. — Хорримэн, глядя на изображение Канзаса и Колорадо, сделал несколько предварительных вычислений. Потом, уставившись в пространство, он просидел несколько секунд неподвижно, как это делал Костер, когда размышлял насчет своей работы.

Наконец он сказал:

— Не пойдет.

— Почему?

— Деньги. Я сказал, чтобы вы не беспокоились о деньгах во всем, что касается корабля. Но на то, чтобы эвакуировать хотя бы на день все население этой территории, понадобится шесть-семь миллионов долларов. А кроме того, найдутся упрямцы, которые вообще не пожелают двигаться с места.

Ле-Круа с яростью добавил:

— А если эти ненормальные не захотят двигаться, пусть играют с судьбой.

— Я знаю, что ты должен чувствовать, Ле. Но этот проект слишком велик для того, чтобы его скрыть, и слишком велик для того, чтобы выполнить. Если мы не защитим всех упрямцев, суд не станет с нами церемониться. Я не могу подкупить всех судей штата. А некоторых из них вообще не купишь.

— Ты неплохо придумал, Ле, — утешил того Костер.

— Я думал, что моя идея могла бы явиться для всех нас выходом, — ответил пилот.

Хорримэн сказал:

— Ты начал было говорить о другом решении, Боб.

Костер казался смущенным.

— Вы же знаете, каким мы планировали сам корабль, — все для троих людей.

— Да, к чему ты клонишь?

— С тремя ничего не выйдет. Уменьшите корабль до минимума так, чтобы хватало места для одного человека. Это единственный путь. — Он достал еще один чертеж. — Видите? Один человек, и все необходимое меньше чем на неделю. Никаких воздушных замков — пилот остается в своем скафандре. Никаких подсобных помещений. Никакой чепухи. Лишь минимум того, что нужно на поддержание человеческой жизни в течение максимум двухсот часов. Это работает.

— Это работает, — повторил Ле-Круа, глядя на Костера.

Хорримэн смотрел на чертеж, ощущая в желудке странное сосущее чувство. Да, это работает, никаких сомнений быть не может — и для тех целей, которые он ставит перед собой сейчас, неважно, полетят на Луну трое или один человек. Достаточно было просто полететь и вернуться: он был уверен, что один успешный полет необходим для того, чтобы наладить производство пассажирских кораблей. Братья Уайт начинали с меньшего.

— Если вопрос упирается в то, что я должен примириться с нынешним положением вещей, что ж, примирюсь.

У Костера был довольный вид.

— Прекрасно. Есть еще одна деталь. Вам известно, на каких условиях я согласился взяться за эту работу — я собирался лететь. А теперь Ле подписывает у меня под носом контракт и говорит, что пилот — он.

— Дело не в этом, — возразил Ле-Круа. — Ты не пилот, Боб. Ты убьешь себя и разрушишь всю затею лишь из-за своего бычьего упрямства.

— Я буду знать, как управлять кораблем, в конце концов, я же его конструктор. Послушайте, мистер Хорримэн, мне неприятно на вас давить — Ле говорит, что возбудит судебное дело, — но мой контракт предусматривает это условие. И я намерен добиться его выполнения.

— Не слушайте его, мистер Хорримэн. Пусть себе ходит по судам. Я поведу корабль и прилечу на нем назад. А он его разобьет.

— Или я лечу, или не строю корабль, — упрямо настаивал Костер.

Хорримэн знаком попросил обоих успокоиться.

— Полегче, полегче, вы, оба. Можете оба подавать на меня в суд, если это доставит вам удовольствие. Боб, не болтай чепухи: на этой стадии постройки я могу нанять инженеров, которые закончат твою работу. Ты сказал мне, что в корабле должен быть только один человек.

— Верно.

— Ты видишь его перед собой.

Оба они воззрились на него.

— Захлопните рты, — рявкнул Хорримэн. — Что здесь удивительного? Вы оба в курсе, что я намеревался это сделать. Не думаете ли вы, что я прошел через все эти неприятности только для того, чтобы дать возможность вам двоим лететь на Луну? Лететь намерен я. Чем я плох, как летчик? Здоровье у меня в порядке, зрение хорошее. Я все еще достаточно ловок для того, чтобы выучить то, что мне нужно выучить. Я не отступлюсь ни для кого, ни для кого, вы меня слышите?

Костер первым обрел дар речи.

— Босс, да вы сами не знаете, что говорите.

Два часа спустя они все еще спорили. Большую часть этого времени Хорримэн сидел мрачный и отказывался отвечать на их аргументы. Наконец он вышел из комнаты на несколько минут. Вернувшись, он сказал:

— Боб, сколько ты вешишь?

— Я? Немногим более двухсот фунтов.

— А я, думаю, около двухсот двадцати. Ле, сколько ты вешишь?

— Сто двадцать шесть.

— Боб, сконструируй корабль с расчетом чистого груза плюс сто двадцать шесть фунтов.

— Что? Минуточку, мистер Хорримэн...

— Заткнись! Если я не могу научиться вождению космического корабля за шесть недель, то и ты не сможешь.

— Но у меня есть математические знания, и...

— Заткнись, я сказал! Ле потратил на изучение своей профессии столько времени, сколько ты на изучение своей. Он может за шесть недель стать инженером? Так что же тебе дает уверенность в том, что ты сможешь за это время изучить его работу? Я не собираюсь позволить тебе разбить мой корабль в угоду твоему воспаленному эгоизму. Во всяком случае, ты сам дал ключ к решению проблемы. Основной ограничительный фактор — вес пассажира, не так ли? Все-все должно быть пропорционально этой массе. Правильно?

— Да, но...

— Правильно или нет?

— Но... да, правильно. Я просто хотел...

— Человек меньшей массы может прожить на меньшем количестве воды, ему требуется меньше воздуха, он занимает меньше места. Ле подходит. — Хорримэн подошел к нему и положил руку на плечо Костера. — Не принимай это так близко к сердцу, сынок. Тебе отнюдь не хуже, чем мне. Этот полет должен быть удачным, а это значит, что нам с тобой придется отказаться от чести быть первыми на Луне. Но вот что я тебе обещаю: мы отправимся во второе путешествие, и Ле будет нашим личным шофером. Этот полет будет первым и приведет нас к множеству пассажирских полетов. Послушай, Боб, если ты возьмешь верный курс, то сможешь быть большим человеком в этой игре. Как бы ты посмотрел на должность главного инженера первой лунной колонии?

Костеру удалось выдать улыбку:

— Неплохая перспектива.

— Тебе понравится. Жизнь на Луне станет технической проблемой: мы с тобой об этом еще поговорим. Хотел бы ты увидеть свои теории, претворенные в жизнь? Строить первый город? Строить большую обсерваторию, которую мы планировали? Знать, что ты — человек, который это сделал?

Костеру явно понравилась такая перспектива.

— Хорошо у вас получается. А что будете делать вы?

— Я? Может быть, буду первым мэром Луна-Сити. — Эта мысль была для него новостью, и он попробовал ее на вкус. — Дistinguished Дилоуз Дэвид Хорримэн, мэр Луна-Сити. Мне нравится! Знаете, я никогда не занимал таких постов: я занимался лишь собственностью. — Он огляделся. — Итак, все улажено?

— Думаю, что так, — медленно проговорил Костер. Внезапно он протянул руку Ле-Круа. — Ты полетишь на ней, Ле, а я ее построю.

Ле-Круа схватил его руку.

— Решено. А вы с боссом возьмитесь за обсуждение следующей работы, ракеты, достаточно большой для всех нас.

— Верно!

Хорримэн накрыл своей ладонью их сомкнутые руки.

— Вот такой разговор мне нравится. Будем идти вместе и вместе обоснуем Луна-Сити.

— Думаю, что нам лучше назвать его «Хорримэн», — серьезно сказал Ле-Круа.

— Ерунда. Я думал о нем, как о Луна-Сити еще тогда, когда был ребенком, и он будет Луна-Сити. Может быть, разобьем в центре города Хорримэн-сквер.

— Я так и отмечу на планах, — согласился Костер.

Хорримэн сразу же уехал. Несмотря на то что решение было принято, он чувствовал себя совершенно разбитым и не хотел, чтобы его коллеги это видели. Это была пиррова победа: он спас изобретение, но чувствовал себя, как животное, откусившее собственную ногу, чтобы спастись из капкана.

Глава 8

Стронг один сидел в общем кабинете компаньонов, когда позвонил Диксон.

— Джордж, я ищу Д.Д. Он здесь?

— Нет. Он в Вашингтоне... Нужно кое-что уладить. Вероятно, скоро вернется.

— Гм... мы с Энтенца хотим его видеть. Мы приедем.

Они действительно приехали очень быстро. Энтенца был чем-то явно взволнован. Диксон выглядел таким же бесстрастным, как обычно. Поздоровавшись, Диксон помолчал немного, потом сказал:

— Джек, тебе нужно провести какое-то дело, не так ли?

Энтенца вскочил, потом вытащил из кармана чек.

— О, да! Джордж, в конце концов, я не стремлюсь к пропорциональному распределению. Вот обязательство о выплате суммы, которая вместе с выплаченной мной ранее составляет полную долю.

Стронг взял чек.

— Я знаю, что Дилоуз будет рад. — Он убрал его в ящик.

— А вы не собираетесь дать расписку? — резко спросил Диксон.

— Если Джеку нужна расписка, пожалуйста. — Стронг, без дальнейших комментариев, написал расписку.

Энтенца принял ее. Они немного подождали. Потом Диксон спросил:

— Джордж, ты глубоко влез в это дело, не так ли?

— Возможно.

— Хотите укрепить свои позиции?

— Каким образом?

— Честно говоря, я надеюсь и себя защитить. Хотите продать мне половину процентов своей доли?

Стронг задумался. Он был по-настоящему обеспокоен. Присутствие контролера Диксона вынуждало их держаться в финансовых рамках наличности, и только. Стронг знал, как близко они подошли к критическому рубежу в своих затратах.

— Почему вы этого хотите?

— О, не для того, чтобы вмешиваться в операции Дилоуза. Он — наш человек: мы его поддерживаем. Но я буду чувствовать себя в большей безопасности, если стану иметь право требовать половину, в том случае, если он попытается принудить нас к чему-то, за что мы не сможем заплатить. Вы Дилоуза знаете, он неисправимый оптимист. Нужно же как-то тормозить его желания.

Стронг опять задумался. Самую большую боль ему причиняло то, что он был согласен со всем, что сказал Диксон: он стоял в стороне и наблюдал за тем, как Дилоуз потрошит два состояния, сколачиваемые годами. Д.Д., казалось, все было нипочем. Лишь этим утром он отказался даже взглянуть на отчеты об автоматическом домашнем выключателе «Хорримэн, Стронг и К°» и просто передал его Стронгу.

Диксон подался вперед.

— Назовите цифру, Джордж. Я буду великодушным.

Стронг расправил ссутулившиеся плечи.

— Я продам...

— Хорошо!

— Если Дилоуз одобрит мои намерения. Только в этом случае.

Диксон что-то забормотал. Энтенца засопел. Разговор мог зайти достаточно далеко, если бы не вошел Хорримэн.

Никто не заговорил насчет предложения, сделанного Стронгу.

Стронг принялся расспрашивать насчет поездки. Хорримэн щелкнул пальцами.

— Все в ажуре! Но цены в Вашингтоне вздуваются с каждым днем. — Он повернулся к остальным. — Как дела? У сборщика есть какие-то особые цели? Закрытое заседание?

Диксон повернулся к Эntenца.

— Скажите ему, Джек.

Эntenца посмотрел прямо в лицо Хорримэну.

— Что вы имеете в виду, передавая все права на телевидение?

Хорримэн поднял бровь.

— Почему бы нет?

— Потому что вы обещали их мне, вот почему. Таково было соглашение. У меня есть документ.

— Посмотрите лучше на это с другой стороны, Джек. И не сходите с ума. У вас есть эксплуатационные права на радио, телевидение и другие увеселительные учреждения и особые фильмы, которые возникнут в связи с первым полетом на Луну. Они по-прежнему остаются у вас, включая право на передачу с борта корабля. — Хорримэн решил, что сейчас неподходящее время для упоминания о том, что в связи с последними преобразованиями проведение этих передач сделалось невозможным: «Пионер» не сможет взять никакого электронного оборудования, необходимого для такого рода передач. — Я продал лишь право на установку телевизионной станции на Луне, и притом много позже. Между прочим, это право не является даже особым, хотя Илем Хаггерти и думает, что является. Если вы хотите купить такое и для себя, мы можем пойти вам навстречу.

— Купить! Но ведь вы...

— Подождите! А можете получить их просто так, если сумеете убедить Диксона и Джорджа в том, что вы имеете на них право. Еще что-нибудь?

Диксон пошел напрямик.

— Как наши дела сейчас, Дилоуз?

— Джентльмены, можете поверить мне на слово, что «Пионер» отправится по расписанию — в следующую среду. А теперь, если вы меня извините, я отправляюсь в Петерсон Филд.

После того как он уехал, трое его компаньонов некоторое время сидели в молчании, причем Эntenца что-то бормотал себе под нос. Диксон о чем-то размышлял, а Стронг просто ждал. Наконец, Диксон сказал:

— Так как насчет этой доли, Джордж?

— При Дилоузе вы об этом не заговорили.

— Понятно. — Диксон осторожно стряхнул пепел с сигареты. — Он странный человек, не правда ли?

Стронг огляделся.

— Да.

— Как давно вы его знаете?

— Подождите, он начал работать на меня в...

— Он работал на вас?

— Несколько месяцев. Потом мы основали компанию. — Стронг вернулся мыслями к прошлому. — Думаю, даже тогда у него был комплекс власти.

— Нет, — возразил Диксон. — Нет. Я не стал бы называть эту черту комплексом власти. У него комплекс мессии.

Энтенца поднял на них взгляд.

— Он хитрющий сукин сын, вот кто он такой.

Стронг бросил на него холодный взгляд.

— Я бы предпочел, чтобы вы так о нем не говорили. Я просто настаиваю на этом.

— Прекратите, Джек, — произнес Диксон. — Может быть, вы вынуждаете Джорджа нажать на вас. Одна из странностей Хорримэна, — продолжал Диксон, — состоит в том, что он как бы внушает почти феодальную преданность. Возьмите, к примеру, себя. Я знаю, что вас обчистили, Джордж, и все же вы не позволяете мне спасти вас. Это выше логики, здесь уже нечто личностное.

Стронг кивнул.

— Он странный человек. Иногда я думаю, что он последний из баронов Робберов.

Диксон покачал головой.

— Не последний. Последний открыл Западную Америку. Он первый из новых баронов Робберов, и нам с вами не дано увидеть их конец. Вы когда-нибудь читали Карлейля?

Стронг снова кивнул.

— Я понимаю, что вы имеете в виду — теорию «героя», но я с нею не согласен.

— И все же в ней что-то есть, — ответил Диксон. — По правде говоря, я не думаю, чтобы Дилоуз знал, что творит. Он основывает новый империализм. И будет заплачена куча денег, прежде чем это станет ясным. — Он встал. — Может быть, нам следовало бы подождать. Может быть, нам следовало бы его удержать, если бы мы смогли. Что ж, что сделано, то сделано. Мы все на карусели, и остановить ее не в нашей власти. Надеюсь, вам понравится катание. Идемте, Джек.

Глава 9

Колорадские прерии погружались в сумерки. Солнце скрылось за горным пиком, и широкое белое лицо Луны, полное и круглое, поднималось на востоке. В центре Петерсон Филд, устремившись к небу, стоял «Пионер». Колючая проволока, образующая окружность в тысячу акров, сдерживала толпу. Внутри кольца безостановочно циркулировала охрана. В толпе тоже сновали охранники. В пределах кольца, недалеко от ограды, размещались телевизионные камеры и оборудование. Кабели и микрофоны, управляемые с расстояния, расположились с разных сторон корабля.

Хорримэн ждал в кабинете у Костера: сам Костер был на поле. Диксона и Энтенца отвели в собственную комнату. Ле-Круа, все еще находящийся под действием снотворного, лежал в спальне Костера.

У дверей кто-то завопил. Хорримэн осторожно приоткрыл ее.

— Если опять репортер, скажи ему «нет». Пусть обращается к мистеру Монтгомери. Капитан Ле-Круа интервью не дает.

— Дилоуз! Позвольте мне войти.

— А, это ты, Джордж. Входи, нас просто затравили.

Стронг вошел и вручил Хорримэну большой тяжелый пакет.

— Они здесь.

— Что значит «они»?

— Марки и компостеры для филателистического синдиката. Ты о них забыл. А это полмиллиона долларов, Дилоуз, — пожаловался он. — Если бы я не заметил их в твоём платяном шкафу, мы попали бы в хороший переплет.

Хорримэн всмотрелся в его лицо:

— Джордж, ну что ты за молодчина!

— Мне самому положить его в корабль? — с беспокойством спросил Стронг.

— А? Нет, нет. Ими займется Ле. — Он посмотрел на часы. — Пора его будить. — Он взял пакет и добавил: — Не ходи к нему сейчас. Попрощайся с ним на поле.

Хорримэн подошел к следующей двери, вошел в комнату, захлопнул дверь за собой, подождал, пока сестра сделает спящему пилоту стимулирующий укол, и попросил ее уйти. Когда он повернулся к Ле, тот сидел и протирал глаза.

— Как себя чувствуешь, Ле?

— Прекрасно. Итак, свершилось.

— Да. Мы все бодем за тебя, мальчик. Послушай, тебе лучше встать и показаться им на пару минут. Все готово, но мне еще нужно тебе кое-что сказать.

— Да?

— Видишь этот пакет? — Хорримэн торопливо объяснил, что в нем и зачем.

У Ле-Круа был обескураженный вид.

— Но я не могу его взять, Дилоуз. Все рассчитано до последней унции.

— Кто говорит, что ты должен его взять? Конечно, ты не можешь, он, должно быть, весит фунтов шестьдесят—семьдесят. Я как раз и планировал его забыть. Итак, мы сделаем вот что: на время я просто спрячу его здесь... — Хорримэн убрал пакет в глубину платяного шкафа. — Когда приземлишься, я буду ждать тебя с ним. Потом мы сделаем небольшой фокус, и ты достанешь пакет из ракеты.

Ле-Круа покачал головой.

— Дилоуз, вы меня удивляете. Но спорить с вами я не в состоянии.

— Рад, что так, в противном случае, я пошел бы под суд за презрение полмиллиона долларов. Мы уже потратили деньги. Так или иначе, какая разница, — добавил он. — Об этом не будет знать никто, кроме нас двоих,

и коллекционеры вернут свои затраты сторицей. — Он смотрел на молодого человека с беспокойством, ожидая одобрения.

— О'кей, — ответил Ле-Круа. — Почему я должен беспокоиться о пол-миллионе... в такой вечер? Пойдемте!

— Еще одно, — сказал Хорримэн и вытащил маленький матерчатый мешочек. — Это ты возьмешь с собой. Его вес очень мал. Я за этим присмотрел. Теперь о том, что ты с ним будешь делать. — Он подробно, в деталях объяснил все, что нужно делать.

У Ле-Круа был озадаченный вид.

— Я правильно все расслышал? Я должен дать возможность его найти... а потом рассказать правду о случившемся?

— Правильно.

— О'кей. — Ле-Круа сунул мешочек в карман комбинезона. — Пойдемте на поле. Осталась двадцать одна минута до отлета.

Стронг присоединился к Хорримэну, находящемуся в контрольном пункте, после того как Ле-Круа поднялся на борт корабля.

— Они там? — с беспокойством спросил он. — Ле-Круа ничего с собой не нес.

— Ну конечно, — уверил его Хорримэн. — Я послал их раньше. Занимай лучше свое место. Уже был дан сигнал приготовиться.

Диксон, Энтенца, губернатор Колорадо, вице президент Соединенных Штатов и дюжина людей из VIP уже прильнули к перископам, рядами стоящим на балконе над контрольным помещением. Стронг и Хорримэн поднялись по лесенке и заняли два оставшихся стула.

Хорримэн весь вспотел. Он поймал себя на том, что дрожит мелкой дрожью. В перископ ему был виден корабль: снизу доносился голос Костера, отрывисто и нервно бросающего слова команды. Один из репортеров-комментаторов вел репортаж происходящего. Сам Хорримэн был — по крайней мере, так он считал — чем-то вроде адмирала в происходящих событиях, но теперь он не мог делать ничего другого, как ждать, наблюдать и пытаться молиться.

Вторая сигнальная ракета взвилась в воздух, озарив небо красными и зелеными сполохами. Пять минут.

Медленно тянулись секунды. Когда осталось две минуты, Хорримэн обнаружил, что он больше не может смотреть в крошечный глазок: ему необходимо было быть наверху, самому принять участие в происходящем. Он опустился вниз и поспешил к выходу. Костер оглянулся и посмотрел на него удивленно. Но он не пытался остановить Хорримэна: что бы ни случилось, Костер не мог оставить свой пост. Хорримэн оттолкнул охранника и выбрался наружу.

К востоку от него на фоне неба застыл корабль. Его стройное пирамидальное тело казалось черным в ярком свете Луны. Он ждал.

И продолжал ждать.

Что же случилось? Когда он вышел на поверхность, оставалось меньше двух минут, он был в этом уверен. И все же корабль продолжал стоять, темный, молчаливый, неподвижный. Если не считать отдаленного звука сирен, предупреждающих зрителей, толпящихся вдалеке, за оградой, все кругом было тихо. Хорримэну показалось, что сердце комом застыло в груди, воздух застрял в пересохшем горле. Что-то не удалось. Провал.

Из-за помещения контрольной службы вырвался столб света: пламя вспыхнуло у основания корабля.

Оно все ширилось и ширилось и казалось совершенно белым. Медленно и как бы нехотя «Пионер» оторвался от земли, помедлил мгновение, балансируя на гребне пламени, и вдруг ринулся в небо с такой скоростью, что почти мгновенно оказался в зените. Он взлетел так быстро, будто подпрыгнул лишь для того, чтобы снова упасть вниз. Хорримэну показалось, что он сейчас рухнет прямо на голову. Инстинктивным жестом он закрыл лицо руками.

Его слуха достиг звук. Даже не звук — дикий рев, шум на всех частотах. Громче, громче, еще громче. Это был какой-то суперзвук, настолько перенасыщенный энергией, что у Хорримэна стеснило грудь. Он слышал его всем своим телом — зубами, костями, а не только ушами. Опустившись на колени, он вжался в них лицом.

Вслед за звуком на него налетела волна воздуха, настоящий ураган. Она впиалась в его одежду, не давая дышать. Он бросился было назад, пытаясь вернуться в бетонное укрытие, но его сбilo с ног.

С трудом поднявшись, кашляя и задыхаясь, он вспомнил, что нужно посмотреть на небо. Прямо над головой мерцала звезда. Потом она исчезла.

Хорримэн вошел в контрольное помещение.

В комнате было шумно. У Хорримэна все еще звенело в ушах, но он расслышал несущиеся из приемника слова:

— Первая направляющая — контрольному пункту. Пятая ступень отпала вовремя. Корабль и пятая ступень видны по отдельности.

...И голос Костера, высокий и сердитый:

— Первая направляющая: ведите пятую! Вы за ней следите?

В глубине помещения комментатор все еще вел передачу:

— Великий день, люди, великий день! Могущественный «Пионер», взлетевший, как ангел господень, с огненным мечом в руке, совершает сейчас славный путь к нашей сестре-планете. Большая часть из вас наблюдала его взлет на экранах телевизоров: хотелось бы мне, чтобы вы видели его так, как видел я — стрелой взметнувшимся в вечернее небо с ценным грузом...

— Заткните эту проклятую штуковину! — приказал Костер. Потом обратился к зрителям на балконе: — А вы успокойтесь! Тихо!

Вице-президент Соединенных Штатов оглянулся и закрыл рот. При этом он не забыл улыбнуться. Остальные члены VIP замолчали, потом снова потихоньку зашептались. Тишину нарушил девичий голос:

— Первая направляющая — контрольному. Пятая ступень прослеживается высоко, плюс два.

В углу послышался шорох. Осветилось большое плексигласовое панно.

Оно представляло собой карту Колорадо и Канзаса с координатами, красными точками горели большие и малые города. Незвакуированные фермы мигали красными огоньками.

Человек за пультом тронул кнопки: осветилось местонахождение пятой ступени. Перед картой-экраном спокойно сидел молодой человек. В руке он держал выключатель в форме груши. Его палец застыл на кнопке. Это был бомбардир военно-воздушных сил. Когда он нажмет кнопку, контролируемая по радио пятая ступень должна была привести в действие парашютное устройство, с тем чтобы ступень опустилась на землю. Он работал, руководствуясь отчетами радаров, без помощи каких-нибудь компьютерных авиаприцелов. Он работал, почти следуя инстинкту или скорее следуя подсознательному пониманию своего ремесла, быстро осмысливая и решая, где приземлится многотонная масса пятой ступени, если он нажмет на кнопку именно в данный момент. Он казался совершенно бесстрашным.

— Первая направляющая — контрольному пункту! — снова зазвучал мужской голос. — Четвертая ступень освободилась по расписанию.

И, почти немедленно, зазвучал другой мужской голос, более низкий:

— Вторая направляющая ведет четвертую ступень: высота — девятьсот пятьдесят одна миля, вектор вычислен.

На Хорримэна никто не обратил внимания.

Под пластиковым колпаком все росла и росла траектория падения пятой ступени. Она бежала рядом с намеченной, но не накладывалась на нее. Возле каждого огонька — населенного пункта — стояла цифра, указывающая на высоту нахождения ступени над данным населенным пунктом.

Спокойный человек, наблюдавший за экраном, внезапно нажал на кнопку. Потом он встал, потянулся и сказал:

— Есть у кого-нибудь сигареты?

— Вторая направляющая! — было ему ответом. — Четвертая ступень... первое вычисление... сорок миль к западу от Чарльстона, Южная Каролина.

— Повторите! — закричал Костер.

Динамик без передышки выпалил:

— Поправка, поправка... сорок миль к востоку, повторяю, к востоку.

Костер вздохнул. Вздох его тут же был прерван новым сообщением:

— Первая направляющая — контрольному пункту... третья ступень освободилась минус пять секунд.

Из приемника на контрольном столе Костера послышался голос:

— Мистер Костер, мистер Костер, с вами хочет говорить Паломарская обсерватория.

— Скажите, чтобы отправлялись..., нет, скажите, чтобы подождали.

Немедленно вмешался другой голос:

— Первая направляющая, малая гряда Фокс — первая направляющая... пятая ступень собирается упасть возле Додж-Сити, в Канзасе.

— Как «возле»?

Ответа не последовало. Потом голос из Первой направляющей сказал:

— Приблизительно в пятнадцати милях к северо-западу от Додж-Сити.

— Потери?

Пятая ступень упала раньше, чем первая направляющая успела ответить.

— Вторая ступень освободилась, вторая ступень освободилась... теперь корабль свободен!

— Мистер Костер, пожалуйста, мистер Костер...

И совершенно новый голос:

— Вторая направляющая — контрольному пункту... мы ведем корабль. Слушайте наши отчеты, слушайте наши отчеты...

— Первая направляющая — контрольному пункту. Четвертая ступень упала в Атлантический океан в пяти милях к северо-востоку от Чарльстона. Повторяю...

Костер раздраженно оглянулся.

— Неужели в этом болоте нет питьевой воды?

— Мистер Костер, пожалуйста... Паломар говорит, что им просто необходимо с вами поговорить.

Хорримэн пробрался к двери и вышел. Внезапно он почувствовал себя крайне усталым, измотанным и опустошенным.

Поле выглядело так странно без корабля. Он наблюдал за тем, как он рос, и внезапно все кончилось. Луна, по-прежнему полная, казалась забытой, а космические путешествия оставались такой же отдаленной мечтой, какой были в детстве.

В том месте, где стоял корабль, копошились несколько крошечных фигур охотников за сувенирами. Кто-то вынырнул из мрака.

— Мистер Хорримэн?

— А?

— Хопкинс из А.П. Как насчет заявления?

— А? Нет никаких заявлений. Я не в себе.

— Ну, хотя бы словечко. Как чувствует себя человек, стоящий за спиной первого успешного полета на Луну — если он окажется успешным.

— Он будет успешным. — Хорримэн подумал мгновение, потом устало расправил плечи и сказал: — Скажите им, что это — начало величайшей эры человечества. Скажите им, что каждый из них получит шанс пойти по стопам капитана Ле-Круа, отправиться на поиски новых планет, построить свой дом на новой земле. Скажите им, что это означает новые границы, возможность для процветания. Скажите им... — Он осекся. — На сегодня — все. Я выдохся, сынок. Оставь меня одного, идет?

Тут появился Костер в сопровождении членов VIP. Хорримэн подошел к Костеру.

— Все в порядке?

— Конечно. Почему бы и нет? Третья ступень опустилась в намеченных границах... дело в шляпе. — Костер добавил: — Пятая ступень при приземлении убила корову.

— Забудь об этом... у нас будет бифштекс на завтрак.

Хорримэн вступил в разговор с губернатором и вице-президентом, а затем проводил их к самолету. Диксон и Энтенца отбыли вместе, и отлет их

сопровождался меньшими формальностями. Наконец Костер и Хорримэн остались одни, не считая помощников и охраны, защищавшей их от толпы.

— Куда направишься, Боб?

— В Бродмур. Завалюсь спать на неделю. А вы?

— Если не возражаешь, вздремну в твоей квартире.

— Располагайтесь. Снотворное в ванной.

— Оно мне не нужно.

Они выпили вместе на квартире у Костера, немного поболтали, потом Костер приказал подать ему вертолет и направился в отель. Хорримэн лег, снова встал, прочитал дневной выпуск денверской «Пост» с фотографиями «Пионера», наконец сдался и принял две таблетки снотворного из фонда Костера.

Глава 10

Кто-то тряс его за плечо.

— Мистер Хорримэн! Проснитесь, мистер Костер на экране.

— А? Что? Ах, да. — Он встал и, шатаясь, подошел к телефону.

У Костера был взволнованный вид.

— Эй, босс, он это сделал! Только что звонил Паломар. Они видели его след, а теперь поймали сам корабль. Он...

— Минутку, Боб. Потихе. Он еще не может там быть. Он же только вчера улетел.

У Костера был обескураженный вид.

— Что случилось, мистер Хорримэн? Вы здоровы? Он улетел в среду...

Хорримэн попытался сориентироваться. Нет, взлет состоялся не накануне ночью... он смутно помнил поездку в горы, день, проведенный на солнце, какую-то вечеринку, на которой он слишком много выпил. Какой сегодня день? Он этого не знал. Если Ле-Круа опустился на Луне, то... не важно.

— Все в порядке, Боб. Просто я до конца не проснулся. Наверное, я еще раз увидел взлет во сне. А теперь расскажи мне новости, и помедленнее.

Костер начал снова:

— Ле-Круа опустился к западу от кратера Архимеда. Из Паломара можно увидеть его корабль. Говорят, получился настоящий фокус — место посадки угольно-черное. Должно быть, Ле отметил не меньше двух акров. Говорят, сияет, как школьная доска.

— Может быть, нам лучше спуститься и посмотреть. Нет, позже, — решил он. — Мы будем заняты.

— Не понимаю, что мы еще можем сделать, мистер Хорримэн. Двенадцать лучших компьютеров и так уже рассчитывают для вас все возможные пути.

Хорримэн принялся было говорить человеку, что нужно подключить к ним еще двенадцать, но вместо этого выключил экран.

Он все еще был в Петерсон Филд, а один из лучших стратостатов «Спейсвейз» ожидал его на улице, чтобы доставить в ту точку земного шара, где приземлится Ле-Круа. Ле-Круа находился в верхних слоях атмосферы вот уже более двадцати четырех часов. Пилот медленно и осторожно убирал конечное ускорение, при этом невероятное количество кинетической энергии превращалось в ударную взрывную волну и волны жара.

...Его вели радары вокруг Земли, снова и снова... и все же невозможно было узнать, какую именно посадочную площадку выберет пилот. Хорримэн слушал отчеты поступающих радаров, ругал себя за то, что они сэкономили вес ракеты за счет радиооборудования.

Цифры на экране побежали быстрее.

Ворвался чей-то голос:

— Он собирается сесть!

— Готовьте поле! — закричал Хорримэн. Затаив дыхание, он ждал.

Прошло несколько беспоконных бесконечных секунд, прежде чем слышался другой голос:

— Космический корабль приземляется. Он сядет в старом Мехико, несколько западнее Чихуахуа.

Хорримэн бросился к двери.

Летчик Хорримэна вел самолет, руководствуясь сообщениями по радио. Он заметил пятнышко «Пионера» на пустынных песках и умело посадил свою машину совсем рядом с космическим кораблем. Хорримэн открыл дверь раньше, чем машина успела окончательно остановиться.

Ле-Круа сидел на земле, прислонившись спиной к боку корабля и наслаждался тенью, отбрасываемой его короткими треугольными крыльями. Перед ним, глядя на него с открытым ртом, стоял крестьянин-пастух. Хорримэн бросился к космонавту.

Ле-Круа встал, отбросил окуроч сигареты и сказал:

— Привет, босс!

— Ле! — Хорримэн обнял пилота. — Рад тебя видеть, мальчик!

— Приятно видеть и вас. Педро не говорит на моем языке. — Ле-Круа огляделся, поблизости никого не было, лишь летчик, стоящий у машины Хорримэна. — Где вся банда? Где Боб?

— Я не стал ждать. Они наверняка будут здесь через несколько минут, а, да вот они уже!

Над песком крутился другой самолет. Хорримэн повернулся к летчику.

— Билл, иди к ним навстречу.

— А? Да они и так прибегут.

— Делай, как я сказал.

— Вы главный. — Пилот зашагал по песку, даже спиной выражая неодобрение.

У Ле-Круа был озадаченный вид.

— Быстро, Ле... помоги мне с этим.

«Этим» было пять тысяч заклеенных конвертов, которые должны были побывать на Луне. Они перенесли их с машины Хорримэна на борт космического корабля и сложили в пустой ящик из-под еды. Самолет Хорримэна скрывал их действия от прибывших.

— Ох... — сказал Хорримэн. — Мы были близко от потери полумиллиона долларов. Они нам нужны, Ле.

— Конечно, но послушайте, мистер Хорримэн, брил...

— Ш-ш-ш! Они уже близко. Как насчет другого дела? Готов действовать?

— Да. Но я пытаюсь вам рассказать...

— Тихо!

Прибывшие не были их коллегами: это оказался целый рой репортеров, кинооператоров, интервьюеров, комментаторов и техников.

Хорримэн отмахнулся от них.

— Давайте сами, ребята, снимайте, лазайте по кораблю. Чувствуйте себя как дома. Смотрите все, что хотите. Только не тормозите капитана Ле-Круа. Он устал.

Приземлился еще один самолет. На сей раз прибыли Костер, Диксон и Стронг. Эntenца прилетел на собственном самолете и привез с собой группу операторов и комментаторов телевидения. Приземлился большой транспортный самолет с отрядом одетых в хаки солдат-мексиканцев. Откуда-то, очевидно из песков, возникла дюжина местных крестьян. Хорримэн отошел от репортеров и быстро переговорил с капитаном отряда, и кольцо солдат окружило «Пионер», с тем чтобы его не разнесли на куски.

— Оставьте все, как было! — послышался из «Пионера» голос Ле-Круа. Хорримэн ожидал, прислушиваясь. — Не твое дело! — возвысил голос пилот. — Положи на место!

Хорримэн проложил себе путь ко входу в корабль.

— В чем дело, Ле?

В тесном помещении рубки, едва вмещавшим большую телекамеру, стояли трое: Ле-Круа и два репортера. У всех троих был сердитый вид.

— В чем дело, Ле? — повторил Хорримэн.

Ле-Круа держал маленький матерчатый мешочек, явно пустой. На приборной доске между ним и репортерами были разбросаны небольшие, тускло светящиеся камешки. Один из репортеров держал такой камешек и внимательно его разглядывал.

— Эти парни суют свои носы в то, что их не касается, — сердито сказал Ле-Круа.

Репортер посмотрел на камень и сказал:

— Вы же разрешили нам смотреть то, что нас интересует, не так ли, мистер Хорримэн?

— Да.

— Этот ваш пилот, — он указал пальцами на Ле-Круа, — явно не ожидал, что мы найдем вот это. Они были спрятаны в ручке его кресла.

- Что это?
- Бриллианты.
- Почему вы так решили?
- Это бриллианты.

Хорримэн остановился и снял целлофан с сигары. Потом он сказал:

— Бриллианты были там, где вы их нашли, потому что я их туда положил.

За спиной Хорримэна вспыхнул свет, голос сказал:

— Держи камешек повыше, Джеф.

Репортер, которого, по-видимому, звали Джефом, проговорил:

— Такой поступок кажется очень странным, мистер Хорримэн.

— Меня интересовало действие внешней космической радиации на необработанные алмазы. По моему приказу капитан Ле-Круа поместил мешочек с алмазами на корабль.

Джеф задумчиво присвистнул.

— Знаете, мистер Хорримэн, если бы вы не дали этого объяснения, то я бы подумал, что Ле-Круа нашел камешки на Луне и попытался утаить их от вас.

— Попробуйте напечатать это, и вас притянут за клевету. Я полностью доверяю капитану Ле-Круа. А теперь отдайте мне алмазы.

Брови Джефа поползли вверх.

— Однако вы доверяете ему не настолько, чтобы позволить ему оставить камешки у себя.

— Дайте мне камни и уходите.

Хорримэн освободил Ле-Круа из рук репортеров так быстро, как это было возможно, и привел его на борт своего самолета.

— Пока все, — сказал он газетчикам и киношникам. — Увидимся в Петерсон Филд.

Когда машина взвилась в воздух, он обернулся к Ле-Круа.

— Ты проделал отличную работу, Ле.

— Тот репортер, которого зовут Джефом, должно быть, в шоке.

— А? Ах, это... Нет, я имел в виду полет. Тебе удалось. Ты — главный человек на этой планете...

Ле-Круа перебил его.

— Боб построил хороший корабль. Так что труд был невелик. Теперь насчет этих бриллиантов...

— Забудь о бриллиантах. Ты свою роль сыграл. Мы подложили эти камешки в корабль, теперь мы всем сообщили об этом так правдиво, как только можно. И не наша вина, если нам не поверят.

— Но, мистер Хорримэн...

— Что?

Ле-Круа расстегнул карман комбинезона, достал грязный платок с завязанными на манер торбы углами. Он развязал платок и высыпал на ладонь Хорримэна алмазы — прекрасные, крупные алмазы. Их было гораздо больше, чем Хорримэн велел спрятать на корабле.

ДА БУДЕТ СВЕТ

Рассказ

Арчибальд Дуглас, доктор математических наук, доктор естественных наук, бакалавр философии раздраженно перечитал телеграмму:

**«ПРИЕДУ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ТЧК ВСТРЕЧА ПОВОДУ
ХОЛОДНОГО СВЕТА ВАШЕЙ ЛАБОРАТОРИИ Др. М.Л.МАРТИН».**

Он, видите ли, приедет, он, видите ли, намерен. Что он думает, это лаборатория или отель? Или думает, что ему делать нечего, кроме того, чтобы встречаться с каждым, у кого хватит денег на телеграмму? Или что доктор Дуглас устремится в аэропорт встречать его? Очень хорошо, пусть приезжает. Дуглас не собирается встречаться с ним.

Однако природное любопытство заставило его взять с полки том «КТО ЕСТЬ КТО. НАУКА» и найти статью о докторе Мартине. Вот что там было: Мартин М.Л., биохимик и эколог, профессор философии и так далее. Званий хватило бы на несколько докторов. Гммм... директор Гуггенхаймского института защиты фауны Ориноко, автор труда «Случаи симбиоза у долгоносиков» и других книг... и далее три дюйма петита... Старикашка имел определенный вес в науке, и притом немалый.

Немного погодя, доктор Дуглас прихорашивался перед зеркалом в ванной комнате. Он снял грязную рабочую спецовку, достал из нагрудного кармана расческу и заботливо расчесал блестящую черную шевелюру. Затем надел пиджак, сшитый у хорошего портного и модную шляпу, потрогал бледный шрам, пересекавший загорелую щеку. «Недурственно, — подумал он, — если не считать шрама». Если не считать еще и сломанного носа, то он и в самом деле выглядел о'кей.

В ресторане, где он обычно обедал, народу было немного — спектакли в театрах еще не кончились. Дуглас любил этот ресторанчик за хорошую кухню и приличный оркестр. Приканчивая десерт, он заметил молодую женщину, которая прошла мимо его столика и села за соседний. Он обшарил ее с ног до головы взглядом знатока. Прелестна! Фигура как у звезды стриптиза, копна золотистых волос, приятное лицо и огромные ласковые голубые глаза. Выглядит неприступно, но попытаться стоит.

Он решил пригласить ее выпить. Если все пойдет хорошо, доктор Мартин может катиться ко всем чертям. Он написал несколько слов на обороте меню и подозвал официанта:

— Кто она, Лео? Девушка по вызову?

— Нет, месье, я раньше ее не видел.

Дуглас расслабился и стал ждать результата. Он знал, что выглядит привлекательно, и был заранее уверен в ответе. Девушка прочитала его записку и посмотрела на него с легкой улыбкой. Он улыбнулся в ответ, сопровождая улыбку вопрошающим взглядом. Она взяла у официанта карандаш и написала что-то на том же меню. Лео тут же принес ответ Дугласу.

«Простите, — прочел он, — но я сегодня занята. Спасибо за приглашение».

Дуглас расплатился по счету и вернулся в лабораторию.

Лаборатория располагалась на верхнем этаже фабрики, которой владел его отец. Он оставил наружную дверь открытой и опустил лифт, чтобы доктор Мартин поднялся к нему без затруднений, потом занялся поисками источника раздражающего шума в лабораторной центрифуге. Ровно в десять он услышал, что лифт поднимается, и поспешил навстречу посетителю.

Перед ним стояла та самая загорелая девушка, которую он пытался подцепить в ресторане.

— Какого черта вам здесь нужно? — взорвался он. — Вы что, решили меня преследовать?

— У меня встреча с доктором Дугласом, — холодно сказала она. — Пожалуйста, скажите ему, что я уже здесь.

— Черта с два. Что вы затеяли?

Она хорошо владела собой, но было видно, чего это ей стоит.

— Я полагаю, что доктору Дугласу лучше судить об этом. Сначала передайте ему, что я здесь.

— Он перед вами. Я — доктор Дуглас.

— Вы?! Не может быть. Вы больше походите на... на гангстера.

— И тем не менее, это я. А теперь шутки в сторону, сестричка, и расскажи мне, что это за рэкет. Как тебя зовут?

— Я — доктор М.Л.Мартин.

Дуглас остолбенел, но быстро справился с собой и решил продолжать игру.

— Кроме шуток? И ты не обманываешь меня, деревенщину? Заходите, док, окажите честь.

Она вошла следом за ним настороженная и готовая к любым неожиданностям, села на стул и снова обратилась к нему:

— Вы в самом деле доктор Дуглас?

— Во плоти, и могу это доказать. А как насчет вас? Я продолжаю подозревать, что вы пришли шантажировать меня.

— Вам что, показать документы?

— Вы могли убить доктора Мартина в лифте и сбросить тело старикашки в шахту.

Она вспыхнула, схватила сумочку и перчатки и встала.

— Я проделала полторы тысячи миль, чтобы встретиться с вами. Извините за беспокойство. До свидания, доктор Дуглас.

— О, не принимайте это всерьез, — спохватился Дуглас. — Я ждал вас. Просто меня удивило, что достопримечательный доктор Мартин так похожа на Бетти Грейбл¹. Садитесь вот здесь, — он вежливо, но настой-

¹ Популярная звезда стриптиза.

чиво отобрал у нее перчатки, — и скажите, что вы предпочитаете для выпивки.

Она продолжала сердиться, однако природная доброта победила.

— Ладно, черт с вами, — сказала она, расслабляясь.

— Вот и хорошо. Что же будете пить? Скотч или бурбон?

— Бурбон. И поменьше содовой.

После виски и сигарет исчезли последние остатки напряженности.

— Скажите, — начал он, — чему я обязан вашим визитом? Ведь в биологии я ни черта не смыслю.

Она выпустила колечко дыма и проткнула его крашеным ноготком.

— Вы помните вашу статью в апрельском номере «Физикаль ревью»? Насчет холодного света и способов его получения?

Он кивнул.

— «Электролюминесценция или хемолюминисценция». Но что там интересного для биолога?

— Но ведь и я работаю над тем же.

— С какого конца?

— Я пытаюсь выяснить механизм свечения насекомых. В Южной Америке я видела особенно ярких светляков, и это заставило меня задуматься.

— Гм... не лишено смысла. И чего же вы достигли?

— Немногого. Вы, возможно, знаете, что светляки — невероятно эффективный источник света — до девяносто шести процентов отдачи. А теперь скажите, какова отдача средней лампочки с вольфрамовой нитью?

— В лучшем случае — не более двух процентов.

— Верно. А глупый маленький жучок отдает в пятьдесят раз больше и не перегорает. Мы так не можем, а?

— Не можем, — согласился он. — Но продолжайте о жуках.

— У светляков в брюшке есть активное органическое соединение — очень сложное, — которое называется люциферин. Когда оно окисляется в присутствии катализатора, люциферазы, вся энергия окисления превращается в свет — и никакого тепла. Отнимите от получившегося продукта один атом водорода — и вещество снова готово светить. Мне удалось повторить этот процесс в лабораторных условиях.

— Черт меня побери! Поздравляю! Тогда у вас нет нужды во мне, и я могу прикрывать свою лавочку.

— Не так быстро. Этот процесс нерентабелен, предстоит еще работать и работать. Например, я никак не могу получить достаточно яркий свет, поэтому приехала к вам, чтобы посмотреть, не сможем ли мы, обменявшись информацией и соединив наши усилия, добиться лучших результатов.

Три недели спустя, в четыре часа утра доктор М.Л.Мартин — для друзей просто Мери Лу — жарила яичницу на бунзековской горелке. Поверх шортов и свитера на ней был длинный резиновый фартук. Золотистые волосы были распущены по плечам. Вкупе со стройными ногами она выглядела картинкой, сошедшей с обложки журнала по домоводству.

Она повернулась к креслу, в котором бесформенной кучей тряпья валялся измотанный Дуглас.

— Послушай, Арчи, похоже, кофейник прогорел. Что, если я приготавливаю кофе в дистилляторе?

— Но ведь ты держишь в нем змеиный яд.

— Ну и что? Я сполосну его.

— Боже мой, женщина! Ты что, угрожать меня хочешь? А заодно и себя?

— Фи! Змеиный яд не причинит тебе никакого вреда, даже если ты выпьешь его. Разумеется, если ты не допился до язвы желудка. Еда готова!

Она сняла фартук, отбросила его в сторону и села, скрестив ноги. Он автоматически взглянул на них.

— Мери Лу, ты непристойна. Почему бы тебе не надевать во время работы что-нибудь подлиннее? Ты возбуждаешь во мне романтические чувства.

— Чепуха. У тебя их нет. Однако вернемся к делам. Где мы с тобой остановились?

— По-моему, в тупике. Все наши попытки провалились, — ответил он, запустив ладони в волосы.

— Наши усилия были направлены только на видимую часть волнового спектра.

— А теперь мы занимаемся звуками, о ясноглазая.

— Оставь свой сарказм. Вернемся к обычной электрической лампочке. Волосок раскаляется добела, где-то около двух процентов энергии превращается в свет, остальное же — в инфракрасное излучение и ультрафиолет.

— Прекрасно. Верно.

— Слушай внимательно, горилла. Ты, конечно, устал, но послушай мамочку. Есть несколько способов изменения длины волны. Как насчет того, чтобы попробовать способ, используемый на радио?

Он поднял голову.

— В эти дебри лучше не суйся. Если тебе и удастся возбудить резонансные колебания нужной частоты, потери энергии будут слишком велики и ни о каком свете уже и речи не будет.

— Это единственный способ управления частотой?

— Практически — да. Некоторые радиостанции — все исключительно любительские — используют разрезанные определенным образом кристаллы кварца, у которых есть природное свойство излучать собственную частоту.

— А почему бы нам не разрезать кристаллы так, чтобы они испускали волны видимой частоты спектра?

Дуглас мгновенно сел.

— Боже правый, детка! Ты, кажется, раскусила этот орешек!

Он начал ходить из угла в угол, рассуждая на ходу.

— Они используют кварцевый кристалл для обычных частот и турмалин для коротких волн. Частота колебаний прямо зависит от раскрытия кри-

сталла. Есть простая формула... — Он остановился и снял с полки справочник. — Гмм... вот она. Для кварца: каждый миллиметр толщины пластинки добавляет добрую сотню метров длине волны. Частота, естественно, обратно пропорциональна длине волны. У турмалина примерно то же самое, только для коротких волн. Эти кристаллы, — продолжал он читать, — обладают свойством изменять свои механические свойства в зависимости от приложенного к ним электрического воздействия и наоборот, подвергнутые механическому воздействию, преобразуют его в электричество. Частота зависит от качества кристалла и определяется его геометрической формой. Используемые в радиостанциях кристаллы способны продуцировать одну и только одну для данного кристалла частоту. Это то самое, детка, то самое! Итак, если мы отыщем кристалл, продуцирующий частоту видимого света, то сможем превращать электрическую энергию в световую без потерь!

— Вот какой у мамы умный мальчик, — закудахтала Мери Лу. — Мапочка знает, что у него все получится, если он будет пытаться.

Меньше чем через полгода Дуглас пригласил отца посмотреть на результаты. Он провел почтенного седовласого джентльмена в свою святая святых, знаком попросил Мери Лу задернуть шторы и указал на потолок:

— Вот он, па, холодный свет — без побочных явлений.

Почтенный старец посмотрел вверх и увидел серого цвета экран размером с ломберный столик, подвешенный к потолку. Мери Лу повернула выключатель. Экран засиял, но не резким светом, а как бы перламутровым. Комната осветилась чистым, без бликов, белым светом.

Молодой ученый смотрел на отца, словно щенок, ожидающий, чтобы его погладили.

— Как тебе это нравится, па? Энергии не хватило бы и на односвечную лампочку. Обычной лампочке потребовалось бы сто ватт, а мы обходимся двумя. Пол-ампера и четыре вольта.

Старик рассеянным взглядом посмотрел на экран.

— Чудесно, сынок, чудесно. Я очень рад, что у тебя получилось.

— Знаешь, па, из чего сделан этот экран? Обыкновенный глинозем, алюминосиликат. Его можно сделать практически из любой глины или руды, лишь бы она содержала алюминий. Можно использовать бокситы, криолиты и все, что угодно. Достаточно бульдозера, чтобы найти это сырье в любом из штатов.

— Ты все закончил? Можно патентовать?

— По-моему, да, па.

— А теперь давай пройдем в твой кабинет. Я хочу с тобой кое-что обсудить. Пригласи и юную леди.

Дуглас подчинился, хотя было видно, что его обеспокоил тревожный тон отца. Как только они уселись, он спросил:

— Что тебя тревожит, па? Я могу чем-нибудь помочь?

— Спасибо, Арчи, но боюсь, что нет. Я собираюсь просить тебя закрыть лабораторию.

Молодой человек принял это спокойно.

— Да, па?

— Ты знаешь, я всегда гордился твоими работами. С тех пор, как умерла твоя мама, моей главной задачей было, чтобы ты не ощущал недостатка ни в деньгах, ни в оборудовании для твоих экспериментов.

— Ты всегда был очень щедр, па.

— Мне было приятно это делать, но сейчас настали плохие времена. Фабрика больше не сможет субсидировать твои эксперименты и исследования. Скорее всего, и саму фабрику придется закрыть.

— Неужели дела так плохи, па? Ведь в последнем квартале было много заказов.

— Да, заказов было много, но прибыли от них мало. Помнишь, я говорил тебе однажды насчет законопроекта о предприятиях общественного пользования. Его внесли на последней сессии Законодательного собрания.

— Да, припоминаю, но мне казалось, что губернатор наложил на него вето.

— Наложил, но им удалось обойти запрет. Такого расцвета коррупции наш штат еще не видел. Лоббисты энергетических компаний купили и сенат, и Капитолий со всеми потрохами. — Голос старого джентльмена задрожал.

— Но каким образом это касается нас, па?

— Этот законопроект предусматривает плату за энергию в соответствии с кредитоспособностью потребителя. Фактически это означает, что они могут обдирать потребителей как захотят. Я всегда был против них, но теперь они прижали меня к стенке и пытаются раздавить.

— Но боже мой, папа! Они не имеют права. Есть же законы!

— В нашем штате, сынок? — поднял белые брови отец.

— Должен же быть выход. — Дуглас вскочил и стал ходить из угла в угол. — Должен быть!

Отец покачал головой.

— Больше всего меня огорчает то, что эта энергия на самом деле принадлежит народу. Правительство отпускает достаточно дешевой энергии — хватит на всех, — но эти местные пираты загребли ее под себя и пользуются, как своей собственностью.

Когда старый джентльмен ушел, Мери Лу положила руку на плечо Дугласа и посмотрела ему в глаза.

— Бедный мальчик!

Сейчас, когда отец ушел, он уже не скрывал огорчения.

— Ну и ну, Мери Лу... Мы держались хорошо. Это нужно было сделать ради отца.

— Да, я знаю.

— Я ничего не могу поделать. Эти политики, эти грязные бандиты купили весь штат с потрохами.

Она посмотрела на него удивленно и даже с некоторым подозрением.

— Ты тряпка, Арчи. Ты что, собираешься сдаться без боя?

Он тупо смотрел на нее.

— Нет, конечно, но заранее ясно, что я проиграю. Это не моя область.

Она заметалась по комнате.

— Ты меня удивляешь. Сделал величайшее со времен изобретения динамита открытие и готов к поражению.

— Это твоё открытие и твоё мышление.

— Чепуха! Кто нашел материал? Кто заставил его испускать только видимые лучи? В конце концов, тебе нет нужды выходить за пределы твоей науки. В чем загвоздка? В энергии! Они хотят лишиться твоей энергии. Но ты же физик. Найди какой-нибудь другой способ получать энергию, чтобы не покупать у них.

— Что ты имеешь в виду? Атомную энергию?

— Будь практичнее. Ведь ты еще не Комиссия по атомной энергии.

— Еще я могу установить на крыше ветровой генератор.

— Уже лучше, хотя и не совсем то. Ну а теперь поработай тем, чем заканчивается сверху твой позвоночник. Я, пожалуй, приготовлю кофе. Кажется, нам предстоит еще одна бессонная ночь.

Он выпучился на нее.

— О'кей, Гордость Нации. Я понял!

Она счастливо улыбнулась ему.

— Вот это другой разговор.

Он вскочил с кресла, прыгнул к ней, облапил ее и поцеловал. Она ослабла в его объятиях и уже готова была ответить на поцелуй, но вдруг оттолкнула его.

— Арчи, ты напоминаешь мне лозунг цирка Барнса: «Каждое действие — животное действие».

К утру они успели смонтировать экраны друг против друга. Арчи отрегулировал зазор, доведя его до одного дюйма.

— Теперь практически весь свет от одного экрана будет падать на другой. Поддай напряжение на первый экран, сексапилочка.

Она повернула выключатель, и первый экран озарился светом.

— Сейчас мы увидим, на что годна наша теория.

Он достал вольтметр и подключил к полюсам экрана. Потом щелкнул тумблером — стрелка прыгнула на два вольта. Мери Лу беспокойно смотрела поверх его плеча.

— Работает! Несомненно, работает. Экраны действуют в обе стороны. Поддай на них ток — получишь свет. Поддай свет — получишь ток.

— А каковы потери, Арчи?

— Минутку... — Он наклонился к амперметру. — Смотри-ка — около тридцати процентов. Наверное, за счет излучения по краям экрана.

— Солнце взошло, Арчи. Давай отнесем второй экран на крышу. Попробуем использовать солнечный свет.

Несколько минут спустя они уже были на крыше. Арчи установил экран так, чтобы солнечные лучи падали прямо на него, и подключил вольтметр. Он показал два вольта.

Мери Лу подпрыгнула.

— Работает!

— Обязан работать, — подтвердил Арчи. — Если свет одного экрана заставил работать другой, то уж солнечный свет — тем более. Дай амперметр. Посмотри, сколько энергии мы получили?

Амперметр показал 18,7.

Мери Лу посчитала на логарифмической линейке.

— 18,7 ампера, 37,4 ватта или около пяти сотых лошадиной силы. Не так уж и много. Я надеялась на большее.

— Так и должно быть, детка. Мы же используем только видимое излучение солнца, а оно составляет едва пятнадцать процентов, остальное приходится на инфракрасное и ультрафиолетовое излучение. Дай-ка мне линейку. Солнце излучает около полутора лошадиных сил или 1,12 киловатта на каждый квадратный метр земной поверхности, при условии, что этот квадратный метр находится прямо под ним. Атмосфера поглощает около трети излучения даже в полдень в Сахаре. Таким образом, выходит около одной лошадиной силы на квадратный метр. Солнце только поднимается, так что мы не можем рассчитывать больше, чем на одну треть лошадиной силы. А пятнадцать процентов от этой величины и составляет пять сотых лошадиной силы. Что нам и требовалось доказать... Ты что такая грустная?

— Я надеялась, что мы сможем снять с крыши столько энергии, чтобы хватило для всей фабрики. А если для одной лошадиной силы нужно двадцать квадратных метров поверхности, то не стоит и возиться.

— Смотри веселей, детуля. Мы сделали экран, который реагирует только на видимый свет. Мы сделаем и другой, он будет использовать весь солнечный спектр, превращать все излучение в электричество. С одной этой крыши мы снимем тысячу лошадиных сил. А ведь мы можем использовать крыши складов и цехов, и тогда нам хватит энергии и днем, и ночью.

Она подняла на него большие синие глаза.

— Арчи, у тебя когда-нибудь болела голова?

Через двадцать минут он уже с головой погрузился в расчеты. Мери Лу тем временем доедала то, что заменяло им завтрак.

— Куда ты спрятал бутылку, Дон Жуан? — прервала она его размышления.

Он поднял голову и ответил:

— Неприлично маленьким девочкам пить с утра.

— Вылезай из своей канавы, приятель. Я не отказалась бы от пары пирожных из Сюжетты и, если уж нет бренди, рюмочки ликера.

— Отставить гастрономию, доктор Мартин. Я должен быть в форме. Для моей работы нужна ясная голова.

Она резко повернулась и замахнулась на него сковородой.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин. Арчи, ты — переучившийся неандерталец, не способный чувствовать прелести жизни.

— Не буду спорить, блондиночка. Я вот тут придумал экран, который будет работать на всех частотах.

— Кроме шуток, Арчи?

— Кроме шуток, детка. Нечто похожее мы наблюдали в первых опытах, но тогда торопились изготовить наш экран и не обратили на это внимания. И я придумал кое-что еще.

— Мамочки мои!

— Мы можем изготовить инфракрасный экран, такой же удобный, как и световой. Ускла? Во всех приборах посторонняя теплота или высокое напряжение представляют опасность, как пожарную, так и травматическую. А мы можем спроектировать экраны, которые, — тут он начал загибать пальцы, — во-первых, используют солнечную энергию на все сто процентов, во-вторых, превратят его в холодный свет, в-третьих, в тепло и, в-четвертых, в электричество. Мы можем соединить их параллельно и получать любое напряжение. Все это будет совершенно задаром, если не считать расходов на монтаж.

Она помолчала, прежде чем ответить.

— И все это получилось из нашей попытки получить холодный свет. Иди завтракать, Эйнштейн. Или такие низменные вещи тебя не интересуют?

Они молча поели, занятые своими мыслями, и, наконец, Дуглас сказал:

— Мери Лу, ты представляешь, как это грандиозно?

— Да, я думала об этом.

— Это и в самом деле грандиозно. Энергия эта была у нас всегда, а мы ее совсем не использовали — свыше двухсот тридцати триллионов лошадиных сил в день.

— Неужели так много, Арчи?

— Я не сам придумал эту цифру, а нашел ее в «Астрономии» Ричардсона. Мы можем получать свыше двадцати тысяч лошадиных сил с крыши каждого квартала. Ты представляешь, что это значит? Даровая энергия, доступная каждому! Да, такого изобретения не было со времен паровой машины. — Он вдруг замолк, заметив, что она нахмурилась. — В чем дело, детка? Разве я не прав?

Она повертела вилку между пальцами.

— Нет, Арчи, ты прав. Я тоже об этом думала. Децентрализация городов, механизация быта, доступная каждому роскошь — все это возможно, но я чувствую, что не все будет так гладко, как тебе представляется. Ты когда-нибудь слышал о «Брэкейдж Лимитед»¹?

¹ Буквально: авария, поломка (англ.).

— Что это такое? Ремонтная фирма?

— Да ты просто тупица! Ты что-нибудь читал, кроме учебников? Джорджа Бернарда Шоу, например? Это из вступления к его пьесе «Назад к Мафусаилу». Там он в иронических тонах описал, как корпорации противятся изменениям, которые могут угрожать их прибылям, а ты угрожаешь всем промышленникам, сынок, и поэтому подвергаешься опасности. Как ты думаешь, что случилось с атомной энергией?

Он покачался на стуле.

— Не может быть. Ты просто устала и разочаровалась. Промышленность с радостью принимает все новое. Все крупные корпорации имеют свои институты и привлекают туда лучших ученых. Атомщиков тоже...

— Верно... А теперь представь себе, что некий юный гений сделал открытие. Он зависимый человек, его открытие принадлежит корпорации. Но оно опасно для ее доходов, и его кладут под сукно. Неужели ты в самом деле думаешь, что они пропустят твои экраны и смирятся с потерей миллиардов долларов?

Дуглас нахмурился, потом расслабился и рассмеялся.

— Это несерьезно, детка. Забудь об этом.

— Это ты так думаешь. Ты когда-нибудь слышал о целанине? Нет, наверное. Это синтетическая ткань, напоминающая шифон, только гораздо лучше: не пачкается и стоит центов сорок за метр. Шифон же вчетверо дороже. Так вот, целанина ты нигде не купишь. Его «зарезали». Мой брат пять лет назад купил пять метров, а потом нигде не мог его найти. Они убрали целанин из магазинов, и он был вынужден удовлетвориться старыми сортами синтетики. Они изъяли весь целанин из продажи.

А слышал ты когда-нибудь о парне, который придумал новое горючее, лучше и дешевле бензина? Это было четыре года назад. Он подал заявку на патент и через несколько дней утонул. Я не хочу сказать, что его убили, но формула горючего пропала — это совершенно точно.

А вот еще один случай. Однажды я видела вырезку из «Лос-Анджелес Ньюс». Человек переоборудовал серийный грузовик и на двух галлонах бензина доехал из Сан-Диего до Лос-Анджелеса. А чтобы доехать до Агуаселенте, ему было нужно всего три галлона. Через неделю компания, производящая грузовики, отыскала его и купила изобретение. Удивительно, что ему еще оставили машину даже с измененным двигателем.

Ты никогда не видел тяжелый грузовик, проходящий на одном галлоне топлива семьдесят миль? Нет? И не увидишь, пока верховодит «Брэкейдж Лимитед». Но все эти истории абсолютная правда, можешь посмотреть в газетах.

Все знают, что автомобили специально делаются непрочными, чтобы они быстрее изнашивались, чтобы люди чаще покупали новые. Так диктуют законы торговли. Вспомни, сколько времени потребовалось двигателю внутреннего сгорания, чтобы вытеснить паровики.

Дуглас рассмеялся в ответ.

— Не унывай, моя сладкая. У тебя просто мания преследования. Давай поговорим о чем-нибудь более приятном, о нас с тобой, например. Ты чудесно готовишь кофе. Как насчет того, чтобы нам оформить брачный союз?

Она ничего не ответила.

— А почему бы и нет? Я молод и вполне здоров. Может быть, даже здоровее тебя.

— Арчи, я говорила тебе когда-нибудь об одном туземном вожде, который предлагал мне остаться в Южной Америке?

— Не припомню. А что?

— Он хотел жениться на мне, даже предложил убить семнадцать остальных жен и подать их на стол во время свадебного пира.

— Но какое отношение это имеет к моему предложению?

— Может быть, я приму его. Девушка не должна отказывать, не поймав.

Арчи нервно курил, бегая по лаборатории. Мери Лу сидела на лабораторном стуле-вертушке и встревоженно глядела на него. Когда он остановился, чтобы прикурить от окурка новую сигарету, она решила вмешаться:

— Ну, мистер Умник, что у тебя сегодня?

Он закончил раскуривать сигарету, глубоко затянулся, вполголоса выругался и ответил:

— Ты была права, Кассандра. Мы влипли, как никогда. Если мы начнем качать энергию от солнца, они закоптят небо. Не буквально, конечно, но вроде этого. Когда я отказался продать патент, мне пригрозили, что отсудят его.

— Закон на нашей стороне.

— Знаю, но у них неограниченные средства, а у нас их нет. Они могут судиться несколько месяцев или даже лет, а мы — нет.

— Ну, и что же дальше? Идти у них на поводу?

— Не хочу. Они, конечно, еще раз попытаются купить меня, будут угрожать. Я бы послал их ко всем чертям, если б не отец. Уже дважды в его дом врывались неизвестные личности, в он не в том возрасте, когда плюют на это.

— Да и наша работа изрядно беспокоила его.

— Конечно. Ведь все эти неприятности начались с тех пор, как мы начали промышленное производство экранов. Раньше у него все шло гладко, он всегда ладил с рабочими, обходился с профсоюзниками, как с собственными детьми. Неудивительно, что сейчас он нервничает. Я тоже нервничаю. Кто-то все время следит за мной, куда бы я ни пошел.

Мери Лу выпустила облачко дыма.

— В последние дни — и за мной тоже.

— Черт побери! С меня хватит! Нынче же покончу с этим!

— Продашь патент?

— Нет.

Он подошел к столу, выдвинул ящик, достал пистолет тридцать восьмого калибра, сунул в карман.

Мери Лу прыгнула со стула и подбежала к нему. Взяв его за плечи, она с беспokoйством заглянула ему в глаза.

— Арчи!

— Да, детка?

— Не рискуй. Если с тобой что-нибудь случится, я с ума сойду.

Он погладил ее волосы.

— Это самое лучшее из всего, что я слышал за последние недели.

Вернулся Дуглас в час дня. Мери Лу ждала его у лифта.

— Ну что?

— Пляши. Ничего не случилось, несмотря на мои воинственные намерения.

— Они тебе угрожали?

— Не совсем. Они спросили, на сколько долларов я застраховал свою жизнь.

— И что ты им ответил?

— Ничего. Я сунул руку в карман и показал им, что вооружен. Я думаю, это заставит их несколько пересмотреть свои планы. На этом наша беседа кончилась, и я ушел. Какой-то тип шел за мной, как обычно, до самого дома.

— Тот же ублюдок, что и вчера?

— Он самый или его близнец. Хотя, пожалуй, у него не может быть братьев. Они, наверное, еще в колыбели померли бы со страху, глядя на него.

— Пожалуй. Есть будешь?

— Не здесь. Давай спустимся и пообедаем, как подобает приличным людям, в ресторане. Забудем на время о наших с тобой бедах.

В ресторане было пусто. Они почти не разговаривали. Мери Лу смотрела куда-то поверх его головы. После второй чашки кофе она тронула его за плечо.

— Арчи, знаешь ли ты, что древние китайцы советовали женщинам, подвергающимся насилию?

— Нет. А что?

— Всего одну вещь — расслабиться. Вот что нам нужно сделать.

— Говори по-английски.

— Я тебе переведу. Почему они на нас нападают?

— Мы не делаем того, что хотят они.

— Не только. Они хотят изолировать нас, чтобы о нас никто не узнал. Они хотят купить тебя или запугать, чтобы ты прекратил работу над изобретением. Если не получится, они попробуют что-нибудь пожестче.

Сейчас ты для них опасен, и опасность твоя в том, что у тебя есть секрет. А что, если этот секрет перестанет быть секретом? Если каждый будет знать твою тайну?

— Тогда им придется весьма и весьма плохо.

— Да, но что они смогут сделать? Ничего. Эти удавы — практический народ. Они не потратят на твою осаду ни гроша, если это не принесет им прибыли.

— И что ты предлагаешь?

— Огласить наш секрет. Рассказать о нем всему миру. Пусть наши экраны делают все, кто захочет. Процесс так прост, что его можно воспроизвести в любой лаборатории, — только объясни им, как это сделать. Можно назвать, по меньшей мере, тысячу фабрик, которые уже сейчас, с имеющимся оборудованием, смогут серийно производить наши экраны.

— Боже мой, Мери Лу! Тогда мы не получим ни гроша!

— А что ты теряешь? Держа в секрете наше изобретение, мы теряем еще больше. Ты получишь патент, кое-какой гонорар и будешь обдирать производителей, скажем, десять центов с квадратного метра. Понадобятся миллионы квадратных метров. В первый же год ты получишь сотни тысяч долларов, а дальше — больше. Ты сможешь оборудовать лучшую в стране лабораторию.

Он швырнул салфетку на стол.

— Сдается мне, детка, что ты права.

— Не забудь, кроме того, что ты делаешь это для своей страны. По всему Юго-Западу, повсюду, где светит солнце, вырастут новые фабрики. Даровая энергия! Ты станешь великим освободителем.

Он поднялся. Глаза его блестели.

— Так мы и сделаем, детка! Я тотчас же расскажу отцу о нашем решении и вскоре весь город узнает об этом.

Два часа спустя во всех редакциях страны телетайпы отщелкивали сообщение. Дуглас включил в него технические детали процесса и условия производства. Когда они с Мери Лу вышли из здания «Ассошиэйтед Пресс», экстренный выпуск уже поступил в продажу.

«ГЕНИЙ ПОДАРИЛ ЛЮДЯМ БЕСПЛАТНУЮ ЭНЕРГИЮ!»

Дуглас купил газету и кивнул громиле, который следил за ним.

— Или сюда, малыш. Ты хорошо поработал, и у меня есть для тебя поручение. — Он вручил ему газету.

Громила смущенно взял ее. За всю его долгую и беспокойную карьеру никто из «объектов» не обращался к нему так вежливо.

— Отнеси эту газету своему хозяину и скажи, что Арчи Дуглас шлет ему тысячу поцелуев. И не пялся на меня! Бегом, пока я не проломил твою тупую башку!

Когда шпион исчез в толпе, Мери Лу взяла Арчи за руку.

— Ну что, полегчало, сынок?

- Немного.
- Все заботы позади?
- Все, кроме одной.

Он сгреб ее за плечи и закружил.

- Нам с тобой нужно решить еще один вопрос. Идем.

- Какого черта, Арчи! Отпусти меня!

— И не надейся. Видишь этот дом? Это мэрия. Там мы зайдем в комнату, и нам выдадут брачное свидетельство.

- Но я не собираюсь замуж за тебя!

— А мне наплевать! Ты долгое время оставалась в моей лаборатории, поэтому я скомпрометирован. Ты должна вернуть мне доброе имя, или я начну вопить на всю улицу.

- Это шантаж!

Когда он втащил ее в мэрию, она почти не сопротивлялась.

РЕКВИЕМ

Рассказ

На одном из высоких холмов на Самоа есть могила, и там на надгробном камне начертано:

«К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру,
Я радостно жил и легко умру
И вам завещаю одно —
Написать на моей плите гробовой:
«Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шел давно».

Эти же строчки можно увидеть и в другом месте — они выцарапаны на регистрационной пластине кислородного баллона, которая приколоты к грунту ножом.

Ничего особенного ярмарка из себя в общем-то не представляла — бывают и лучше. Скачки тоже не обещали никаких сюрпризов, хотя, по уверениям организаторов, в нескольких заездах участвовали потомки некогда знаменитых скакунов. Палаток и лотков на площади было немного, да и сами торговцы выглядели несколько разочарованно.

Шоферу Д.Д.Хорримэна казалось, что останавливаться тут незачем, поскольку их ждали в Канзас-Сити на совещании совета директоров. Вернее, там ждали только Хорримэна, однако и у шофера были свои причины торопиться — веселая компания на Восемнадцатой улице. Тем не менее Хорримэн не только велел остановиться, но и решил задержаться. За ипподромом

располагалась большая огороженная зона. Перед входом высилась полотняная арка, украшенная флагами. Красные с золотом буквы гласили:

Только у нас:
ЛУННАЯ РАКЕТА!!!!

Хотите отправиться в полет?

Демонстрационные полеты — дважды в день.

У нас **НАСТОЯЩАЯ РАКЕТА** — на такой же человек впервые достиг **ЛУНЫ!!!**

Не упускайте свой шанс — всего 50 долларов!!!

У входа, разглядывая рекламный щит, околавивался мальчишка лет девяти-десяти.

— Хочешь взглянуть на корабль, сынок?

Глаза у мальчишки заблестели.

— Еще бы, сэр. Конечно.

— Я тоже. Пошли.

Хорримэн заплатил доллар за два розовых билетика, которые давали право пройти за ограду и осмотреть ракету. С детской непосредственностью мальчишка вырвал у него из рук свой билет и, не оглядываясь, умчался вперед. Хорримэн остановился поодаль и, окинув тупоносый обтекаемый корпус ракеты профессиональным взглядом, отметил, что это однодюзовая модель с маневровыми двигателями в центральной части. Затем, прищутив глаза, прочел название корабля, выписанное золотыми буквами на празднично-красном корпусе — «Беззаботный». Заплатив еще двадцать пять центов, Хорримэн прошел в кабину управления.

Иллюминаторы были закрыты темными противорадиационными фильмами, и, когда глаза привыкли к царившему в кабине полумраку, Хорримэн медленно, любовно прошелся взглядом по клавиатуре приборной консоли и расположенным над ней индикаторам и экранам. Каждый прибор — на своем месте, и все до единого он знал по памяти, словно они были выгравированы у него в душе.

Охваченный теплым ностальгическим чувством, Хорримэн задумчиво разглядывал пульт управления, но тут в кабину вошел пилот и тронул его за руку.

— Прошу прощения, сэр, но нам пора отправляться в демонстрационный полет.

— А? — Хорримэн вздрогнул и посмотрел на вошедшего: симпатичный, черт, крупная голова, сильные плечи, глаза бесшабашные, чувственный рот, но волевой подбородок... — Да, извините, капитан.

— Ничего страшного.

— М-м-м... Я хотел спросить, капитан...

— Макинтайр.

— Капитан Макинтайр, вы не возьмете в этот полет еще одного пассажира? — Старик с надеждой взглянул на капитана и даже чуть подался вперед.

— Разумеется, если вы пожелаете. Прошу за мной. — Он провел Хорримэна в павильончик у ограды, на дверях которого значилось «Контроль». — Пассажир на осмотр, док.

Хорримэн хотел было возразить, но все же позволил доктору прослушать его худощавую грудь стетоскопом, а затем застегнуть на руке резиновый бандаж. Спустя несколько секунд тот убрал прибор, взглянул на Макинтайра и покачал головой.

— Не судьба, док?

— Верно, капитан.

Хорримэн перевел взгляд с одного на другого и сказал:

— Но сердце у меня в порядке. Почти не болит.

Врач удивленно вскинул брови.

— Ой ли? Впрочем, дело не только в сердце. В нашем возрасте кости становятся хрупкими — слишком хрупкими, чтобы рисковать на перегрузках при взлете.

— Извините, сэр, — добавил капитан, — но Контрольная комиссия округа Бейтс платит доктору именно за то, чтобы он не допускал к полетам людей, которые могут пострадать при перегрузках.

Плечи старика поникли.

— Я в общем-то был готов к этому.

— Извините, сэр. — Макинтайр повернулся и вышел, но Хорримэн последовал за ним.

— Минутку, капитан...

— Да?

— Не согласитесь ли вы и ваш... э-э-э... бортинженер пообедать со мной после полета?

Пилот взглянул на него с интересом.

— Почему бы и нет... Спасибо.

— Я никак не могу понять, капитан Макинтайр, что может побудить человека оставить маршрут Земля—Луна.

Жареные цыплята и горячие бисквиты в отдельном кабинете лучшего из отелей, которым мог похвастаться маленький городок Батлер, плюс выдержанное бренди и дорогие сигары создали идеальную атмосферу для откровенного разговора.

— Мне просто там не понравилось.

— Да брось ты, Мак. Тебя же вышибли из-за «Правил С», — сказал механик и налил себе еще бренди.

Макинтайр насупился.

— Ну подумаешь, выпил пару раз лишнего. В конце концов, для меня бросить пить — раз плюнуть. Но мне просто осточертели эти дурацкие правила... И вообще, кто бы говорил? Контрабандист!

— Ну и что? А кто бы не польстился, когда там эти камешки на каждом шагу валяются? Красотища! Они просто сами просятся на Землю.

Один раз у меня был алмаз величиной... Да если бы меня не поймали, я бы сейчас сидел не здесь, а где-нибудь в Луна-Сити. И ты тоже, пьянь ты этакая... Представляешь: все нас угощают, девочки стреляют глазками и сами вешаются на шею... — Он уронил голову на стол и тихо всхлипнул.

Макинтайр потряс его за плечо.

— Набрался.

— Неважно. — Хорримэн махнул рукой. — Но скажите, вас в самом деле это устраивает, что вы больше не работаете на лунных перевозках?

Макинтайр закусил губу.

— Он прав, конечно... Разумеется, нет. Этот балаган меня совсем не устраивает. Одно время мы перебрасывали всякий хлам вверх и вниз по Миссисипи — спали в туристских лагерях и постоянно ели какую-то дрянь. А теперь... В половине случаев местный шериф налагает на корабль арест, в остальных же обязательно находится Общество-Против-Того-Или-Сего, которое, едва мы появимся, подает в суд, чтобы запретить наши полеты. Что же это за жизнь для космического пилота?

— Если вы попадете на Луну, это поможет?

— Да... Пожалуй. Обрато на трассу Земля—Луна меня не возьмут. Но если бы я оказался в Луна-Сити, я бы устроился возить руду для компании: у них вечно не хватает пилотов, а там мое прошлое никого не волнует. А со временем — если все будет чисто, — меня бы взяли обратно на трассу.

Хорримэн задумчиво повертел ложечку и поднял взгляд.

— Джентльмены, вы готовы выслушать мое деловое предложение?

— Возможно. А в чем оно заключается?

— «Беззаботный» принадлежит вам?

— Да. В смысле, Чарли и мне. Правда, есть парочка долговых расписок, где он у нас стоит в обеспечение... А что?

— Я хотел бы арендовать корабль... чтобы вы с Чарли доставили меня на Луну.

Чарли рывком выпрямился.

— Ты слышал его, Мак? Он хочет, чтобы мы летели на этой старой калоше на Луну!

Макинтайр покачал головой.

— Ничего не выйдет, мистер Хорримэн. Развалюха не выдержит. Чтобы достичь скорости отрыва, нужно специальное горючее, а мы даже стандартную смесь не используем — только бензин и жидкий кислород. И то Чарли постоянно что-то там латает. Когда-нибудь эта рухлядь просто взорвется.

— Послушайте, мистер Хорримэн, — вставил Чарли, — а что мешает вам получить экскурсионное разрешение и отправиться туда кораблем компании?

— Это не для меня, сынок, — ответил старик. — Пустой номер. Ты же знаешь условия, по которым ООН передала компании монопольное право на использование Луны. Ни один человек, чье физическое состояние вызывает сомнения, не может быть допущен в космос. Компания принимает на себя всю полную ответственность за безопасность и здоровье любого гражданина

Земли, находящегося за пределами стратосферы. Официально — чтобы избежать лишних жертв в первые годы освоения космического пространства.

— И у вас никаких шансов пройти медкомиссию?

Хорримэн покачал головой.

— Ну тогда... Если уж вы, черт побери, в состоянии позволить себе нанять нас, почему бы просто не подкупить кого-нибудь из медиков компании? Это уже делалось, и не раз.

Губы Хорримэна изогнулись в печальной улыбке.

— Я знаю, Чарли, но тут тоже ничего не выйдет. Видишь ли, я для этого слишком известен. Меня зовут Делос Д. Хорримэн.

— Что? Тот самый Хорримэн?! Вот дьявольщина! Один из владельцев компании! Да нет, что там, вы же и есть компания! В чем тогда дело? Для вас правила не писаны.

— Это весьма распространенное мнение, но оно, к сожалению, неверное. У богатых людей свободы отнюдь не меньше, чем у других, скорее, меньше, намного меньше. Я уже пытался повернуть такой фокус, но члены совета директоров мне просто не позволили. Они боятся нарушить условия ООН и потерять монопольное право. Ситуация и без того обходится недешево... Политические контакты и прочее...

— Чтоб я сдох! Ты что-нибудь понимаешь, Мак? У человека полно «капусты», а он не может ее потратить, как ему вздумается!

Макинтайр промолчал, ожидая, что скажет Хорримэн.

— Капитан Макинтайр, если бы у вас был корабль, вы бы взяли с собой доставить меня на Луну?

Тот задумчиво потер подбородок.

— Это противозаконно.

— Но я могу очень хорошо заплатить.

— Конечно же, он возьмется, мистер Хорримэн! О чем речь, Мак! Вспомни: Луна-Сити, и все такое... О, боже!

— А почему вам хочется на Луну, мистер Хорримэн?

— Дело в том, капитан, что это моя единственная настоящая мечта. С самого детства. Я даже не знаю, смогу ли это объяснить. Вы, молодые, росли вместе с освоением космоса, как я рос с развитием авиации. Я ведь намного старше вас, по крайней мере, лет на пятьдесят... Когда я был мальчишкой, никто не верил, что люди когда-нибудь достигнут Луны. Вам-то ракеты знакомы, а когда я был в таком возрасте, люди просто смеялись над этой идеей. Но я верил. Все равно верил. Читал Уэллса, Жюль Верна, Смита и верил, что мы можем... нет, что обязательно будем на Луне. Еще я решил, что стану одним из первых, кто оставит на Луне свои следы, что я увижу висящую над головой Землю... Помню, я ходил голодный, потому что деньги, которые мне давали на ленч, тратил, чтобы заплатить взносы Американскому ракетному обществу. Мне верилось, что я помогаю приблизить день, когда мы доберемся до Луны... Правда, когда этот день настал, я был уже стариком. Я прожил явно дольше, чем следовало, но я не мог умереть — не умру! — пока не побываю на Луне.

Макинтайр встал и протянул ему руку.

— Ищите корабль, мистер Хорримэн. Я готов.

— Молодец, Мак!.. Я же говорил, что он согласится, мистер Хорримэн.

По дороге до Канзас-Сити, которая заняла не больше получаса, Хорримэн, убаюканный легким покачиванием машины, то и дело погружался в тревожную стариковскую полудрему. Словно легкие тени, всплывали и растворялись в памяти эпизоды его долгой жизни. Вот тот случай... Когда же это было?.. В 1910-м, пожалуй... «Что это, папа?» — «Комета, сынок». — «А откуда она взялась?» — «Не знаю, сынок. Прилетела откуда-то издалека, должно быть». — «Как краси-и-иво! Папа, я хочу ее потрогать». — «Боюсь, ничего не выйдет, сынок...»

Или...«Делос, ты хочешь сказать, что вложил все деньги, которые мы скопили на дом, в эту бредовую ракетную компанию?» — «Ну, не горячись, Шарлотта. Никакая она не «бредовая» — это деловой трезвый расчет. Когда-нибудь — уже скоро — реактивные ракеты заполнят все небо. Корабли и поезда останутся в прошлом. Вспомни, наконец, что уготовила судьба людям, у которых хватило ума вложить деньги в дело Генри Форда!» — «Я эту песню уже слышала». — «Шарлотта, поверь мне, настанет день, когда люди вознесутся над Землей, достигнут Луны и даже других планет. Мы пока в самом начале пути». — «А кричать-то зачем?» — «Извини, но...» — «У меня опять начинается головная боль. Не шуми, пожалуйста, когда будешь ложиться спать».

Он тогда так и не лег. Всю ночь напролет просидел на веранде, глядя, как ползет по небу полная Луна. Утром придется расплачиваться за бессонную ночь, утром будет сердито поджатые губы жены, обиженное молчание, но он не уступит. В чем угодно, но только не в этом. И ночь будет его. Сегодня он один на один со старым другом... Взгляд его скользнул по знакомому лицу. Где же море Кризисов? Странно, но он уже не может его отыскать. Мальчишкой находил без труда, а сейчас... Видимо, нужно заказать новые очки... Эта постоянная работа с бумагами зрения не улучшает...

Впрочем, ему не нужно видеть Луну перед собой, он и так знает все ее черты наизусть — море Кризисов, море Плодородия, море Спокойствия — как хорошо это звучит! — Апеннины, Карпаты, старый кратер Тихо с раскинувшимися таинственными лучами.

Двести сорок тысяч миль — всего десять раз вокруг Земли по экватору. Неужели людям не под силу будет перекинуть мост на столь мизерное расстояние? Ведь вот она, Луна, почти рядом, за ветвями старого вяза, — кажется, протяни руку, и дотронешься...

Однако он ничем не может помочь: не хватает образования.

«Делос, мне нужно серьезно с тобой поговорить». — «Да, мама...» — «Я знаю, что ты надеялся поступить в следующем году в колледж...» (Надеялся! Он только ради этого и жил! Сначала Чикагский университет, обучение под руководством Молтона, а затем Йоркская обсерватория,

работа у самого доктора Фроста...) «...и я тоже надеялась. Но теперь, когда мы остались без папы, а девочки уже подрастают, нам очень трудно будет свести концы с концами. Ты — хороший сын и работал изо всех сил, чтобы помочь семье... Я знаю, что ты поймешь...» — «Да, мама».

«Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! СТРАТОСФЕРНАЯ РАКЕТА ДОСТИГЛА ПАРИЖА! Читайте экстренный выпуск!» Худощавый невысокий мужчина в бифокальных очках выхватил у разносчика газету и заторопился обратно в контору. «Ты только посмотри, Джордж!» — «А? Да, любопытно, а что?» — «Да как же ты не понимаешь? Следующий шаг — Луна!» — «Ну и лопух же ты, Делос. Похоже, тебе вредно читать эти дрянные журнальчики. Я тут на прошлой неделе нашел у своего парня один такой — «Удивительные истории» или еще что-то подобное, — и устроил ему хорошую выволочку. Твоим родителям следовало поступить так же».

Хорримэн расправил узкие, уже поникшие к середине жизни плечи. «Но они будут на Луне!» Его партнер рассмеялся: «Как скажешь. Чем бы дитя не тешилось... Однако ты лучше займись скидками и комиссионными — вот где нас ждут деньги!»

Длинная машина прошелестела по Пасео и свернула на бульвар Армор. Старик Хорримэн судорожно дернулся в полудреме и что-то невнятно пробормотал.

— Но, мистер Хорримэн... — В глазах молодого человека с блокнотом отразилось беспокойство.

— Ты слышал, что я сказал, — проворчал старик. — Продавай. Я хочу обратить в наличные все мои акции, и как можно скорей. «Космические пути», «Снабжение космических путей», «Шахты Артемис», «Развлечение в Луна-Сити» — все до единой.

— Но они сразу понизятся в цене. Вы не получите полной стоимости своих владений.

— Ты думаешь, я этого не понимаю? Однако я могу позволить себе такой ход.

— А как насчет акций, которые вы собирались завещать обсерватории Ричардсона и стипендиальному фонду Хорримэна?

— Да, верно. Эти не продавай. Организуй передачу акций в попечительство соответствующих фондов. Давно это следовало сделать... Скажи молодому Каменсу, пусть подготовит необходимые документы. Он знает, что мне нужно.

Вспыхнул экран интеркома на столе.

— Джентльмены уже прибыли, мистер Хорримэн.

— Пригласите их. Это все, Эшли. К делу.

Выходя из кабинета, секретарь столкнулся в дверях с Макинтайром и Чарли. Хорримэн поднялся из-за стола и засеменил им навстречу.

— Входите, парни, входите. Очень рад вас видеть. Усаживайтесь. Усаживайтесь поудобней. Сигары. Угощайтесь.

— Мы тоже рады вас видеть, мистер Хорримэн, — признался Чарли. — Сказать по правде, нам просто необходимо было вас видеть.

— Какие-то осложнения, джентльмены? — Хорримэн перевел взгляд с одного на другого.

— Ваше предложение по-прежнему в силе, мистер Хорримэн? — спросил Макинтайр.

— В силе? Разумеется. А вы часом не собрались на попятную?

— Ни в коем случае. Эта работа нам теперь просто необходима. Дело в том, что «Беззаботный» сейчас на дне реки Осейдж, и дюза маршевого двигателя лопнула до самого инжектора.

— Боже правый! Вы не пострадали?

— Нет, разве что несколько царапин и синяков. Пришлось катапультироваться.

— Я даже поймал зубами какую-то рыбину, — добавил Чарли и фыркнул.

Однако спустя несколько минут они перешли к делу.

— Вам двоим придется купить для меня корабль. Сам я не могу это сделать в открытую: мои коллеги сразу поймут, что я задумал, и попытаются мне помешать. Необходимые средства я предоставляю. Ваша задача — найти корабль, который можно будет переоснастить для полета к Луне. Придумайте убедительную легенду: мол, получили заказ на стратосферную яхту от какого-нибудь богатого бездельника, или собираетесь открыть туристский маршрут Арктика — Антарктида, или еще что. Главное, никто не должен заподозрить, что вы готовите корабль для полета на Луну. Затем, когда транспортный департамент выдаст вам лицензию на стратосферные полеты, вы посадите корабль в пустыне, где-нибудь на западе — я выберу подходящий участок земли и куплю его, — и дождетесь меня. После чего мы установим дополнительные баки для горючего, поменяем инжекторы, таймеры, и все такое — короче, подготовим корабль к перелету. Ну, как план?

Макинтайр с сомнением покачал головой.

— Тут немало работы будет...Как по-твоему, Чарли, ты справишься с этим делом в полевых условиях?

— Я-то? Конечно, справлюсь — если ты сам не будешь отлынивать. Дайте мне необходимые материалы и оборудование, и я все сделаю. Только не очень гоните. Разумеется, получится не бог как вещь красиво, зато...

— Красота меня не интересует. Мне нужен корабль, который не разлетится на куски, когда я начну щелкать переключателями. Изотопное горючее — это тебе не шутка.

— Не волнуйся, Мак, не разлетится.

— То же самое ты говорил и про «Беззаботного».

— Ну, это просто нечестно, Мак. Ей-богу, мистер Хорримэн... По «Беззаботному» давно уже свалка плакала, и Мак это прекрасно знает. Но сейчас все будет по-другому. Мы ведь не будем жалеть денег и сделаем все честь по чести. Верно, мистер Хорримэн?

Тот потрепал его по плечу.

— Верно, Чарли. Деньги можешь тратить сколько угодно. Это наименьшая из наших проблем. И кстати, устраивает ли вас предложенное вознаграждение? Мне бы не хотелось, чтобы вы остались потом на мели...

— ...Как вам известно, мои клиенты являются ближайшими родственниками мистера Хорримэна, и они озабочены исключительно его благосостоянием. Мы утверждаем, что поведение мистера Хорримэна за последние несколько недель — и приведенные здесь доказательства подтверждают это — свидетельствуют о старческом слабоумии, постигшем человека, известного некогда своими блестящими финансовыми операциями. Следовательно, мы с глубочайшим прискорбием просим уважаемый суд, буде он согласится с нами, объявить мистера Хорримэна недееспособным и назначить опекуна для соблюдения его финансовых интересов и финансовых интересов его будущих наследников и правопреемников... — Довольный собой адвокат сел на место.

Поднялся мистер Каменс.

— Если мой глубокоуважаемый коллега полностью закончил свое выступление, я с позволения суда замечу, что последними словами он практически подытожил суть выступления и обнажил его смысл. Финансовые интересы будущих наследников и правопреемников! Совершенно очевидно, что заявители убеждены, будто мой клиент должен вести свои финансовые дела таким образом, чтобы гарантировать своим племянницам, племянникам и их потомкам ничем не заслуженное безбедное существование до конца их жизни. Жена моего клиента умерла, и своих детей у него не было. Известно, что мистер Хорримэн всегда был щедр к своим сестрам и их детям в прошлом, и, кроме того, он позаботился о ежегодных выплатах для ближайших родственников, не имеющих достаточных средств к существованию. Теперь же ближайшие родственники моего клиента, как стервятники — хуже, чем стервятники, потому что они даже не позволяют ему умереть спокойно, — решили воспрепятствовать его праву распоряжаться своим состоянием так, как ему заблагорассудится. Верно, он распродал все свои владения, но что же тут странного, когда пожилой человек решает отойти от дел? Верно, в результате этой финансовой операции он потерял какую-то часть своих средств, однако, как говорится, вещь стоит ровно столько, сколько за нее дадут. Мой клиент решил уйти на покой и потребовал наличные — что же тут необычного? Я согласен, он отказался обсуждать свои действия с нежно любящими его родственниками. Но с каких это пор человек должен обсуждать со своими племянницами вообще что бы то ни было? Следовательно, мы просим глубокоуважаемый суд подтвердить право моего клиента поступать

со своей собственностью таким образом, как ему заблагорассудится, отклонить исковое заявление родственников клиента и указать им на то, чтобы они не лезли в дела, которые их не касаются.

Судья снял очки и в задумчивости протер стекла.

— Мистер Каменс, суд относится к свободе личности с неменьшим уважением, чем вы. Можете быть уверены, любое принятое решение будет полностью в интересах вашего клиента. Тем не менее люди действительно стареют, действительно порой впадают в старческие заблуждения, и в таких случаях они нуждаются в защите от самих себя. Я откладываю вынесение решения до завтра. Заседание суда закрывается.

Из «Канзас-Сити Стар»:

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЭКСЦЕНТРИЧНОГО МИЛЛИОНЕРА

...не появился на последнем заседании суда. Судебные исполнители, направленные по адресам, где обычно бывает Хорримэн, вернулись с сообщением о том, что его никто не видел с предыдущего вечера. Вынесено постановление о неуважении к суду и...»

Закат в пустыне возбуждает аппетит не хуже, чем варьете в ресторане. Чарли убедительно доказал это, старательно подобрав куском хлеба последние остатки мясной подливки в тарелке, после чего Хорримэн протянул молодым людям по сигаре и одну взял сам.

— Мой врач утверждает, что это вредно для сердца, — заметил он, раскуривая сигару, но, с тех пор как я прибыл сюда к вам на ранчо, его рекомендации вызывают у меня серьезные сомнения. — Хорримэн выпустил облако серо-голубого дыма и продолжил: — Похоже, здоровье человека зависит не от того, что он делает, а от того, хочется ли ему это делать. Я вот сейчас делаю то, что мне хочется.

— Чего же еще желать от жизни? — согласился Макинтайр.

— Как продвигается работа, парни?

— У меня — почти полный порядок, — ответил Чарли.

— Сегодня мы закончили повторные испытания новых баков и теплопровода. Все наземные проверки проведены, осталось только откалибровать датчики. Это быстро — всего часа на четыре, если ничего не случится. А как ты, Мак?

Макинтайр принялся загибать пальцы.

— Продукты и вода уже на борту. Три скафандра плюс один запасной и аварийные наборы. Медицинские припасы. Все, что необходимо для стратосферного полета, входило в комплектацию с самого начала. Пока не прибыло только космонавигационное оборудование.

— Когда ты его ожидаешь?

— В любую минуту: его должны доставить сегодня. Хотя, в принципе, мы можем обойтись и без него. Все эти разговоры о том, как трудно

проложить трассу отсюда до Луны, просто болтовня, чтобы произвести впечатление на публику. Здесь, в конце концов, цель путешествия видна — не то что в океане. С хорошим секстантом и радаром я посажу вас в любой точке Луны, даже не раскрывая звездного атласа, — мне достаточно только знать относительные скорости.

— Будет тебе хвастаться, Колумб! — сказал Чарли. — Так уж и быть, поверим, что шляпой в стену ты не промахнешься. Надо понимать, ты готов отправиться прямо сейчас, так?

— Точно.

— Ну раз так, то я вполне могу провести калибровку и сегодня. Что-то я немного нервничаю — уж слишком гладко все шло до сих пор. Если ты мне поможешь, мы управимся еще до полуночи.

— Ладно, только сигару докурю.

Некоторое время они курили в молчании. Каждый думал о приближающемся полете и о том, что с ним связано. Хорримэн старался унять возбуждение, охватившее его при мысли о том, что мечта его жизни вот-вот осуществится.

— Мистер Хорримэн?

— А? Что такое, Чарли?

— Как люди становятся богатыми — вот как вы хотя бы?

— Богатыми? Я никогда не стремился разбогатеть. Никогда не хотел ни богатства, ни известности, ни чего-нибудь еще в таком же духе.

— Как это?

— Просто я хотел жить долго и все увидеть своими глазами. Впрочем, парней вроде меня было тогда много: мы сами мастерили радиоприемники, делали телескопы и строили аэропланы. У нас были научные клубы, подвальные лаборатории, научно-фантастические лиги — для таких парней в одном номере «Электрического экспериментатора» больше романтики, чем во всех книгах Дюма. Нам не хотелось разбогатеть, нет, — мы просто мечтали строить космические корабли. И некоторым из нас мечта покорилась.

— Да, папаша, судя по твоим словам, вы нескучно жили.

— Так оно и было, Чарли. Двадцатый век — век романтики и надежд, несмотря на все его трагедии. И с каждым годом жить становилось интереснее. Нет, я не хотел быть богатым, мне просто хотелось дожить до тех пор, когда человек отправится к звездам, и, даст бог, полететь на Луну самому. — Хорримэн осторожно стряхнул пепел в блюдце. — Я прожил хорошую жизнь. Мне не на что жаловаться.

Макинтайр оттолкнул кресло назад.

— Ладно, Чарли, если ты готов, пошли займемся делом.

— О'кей.

Хорримэн тоже поднялся. Он хотел что-то сказать, но вдруг схватился за грудь, и лицо его стало смертельно бледным.

— Держи его, Мак!

— Где у него лекарство?

— В нагрудном кармане.

Они уложили его на диван. Макинтайр отломил головку ампулы, обмотав ее платком, и сунул ампулу под нос Хорримэну. Летучее лекарство, похоже, помогло, и щеки старика немного порозовели. Теперь они ждали, когда Хорримэн придет в себя.

Первым нарушил молчание Чарли:

— Мак, а может, бросить нам все это дело, а?

— Почему?

— Это же чистое убийство. Старик не выдержит стартовой перегрузки.

— Может, и не выдержит, но он сам этого хочет. Ты же его слышал.

— Но мы обязаны помешать ему.

— С какой стати? Это его жизнь, и не ты, ни это вонючее правительство, которое всюду сует свой нос, не вправе запрещать человеку рисковать своей жизнью, если он действительно этого хочет.

— Все равно мне как-то не по себе. Такой отличный старикан...

— Так чего же ты хочешь? Отправить его обратно, в Канзас-Сити, к этим старым гарпиям, которые засунут его в дурдом? Чтобы он там умер от тоски?

— Боже, нет!

— Ну тогда дуй к ракете и готовь приборы к испытаниям. Я сейчас подойду.

На следующее утро в ворота ранчо проехал джип с широкими колесами и остановился перед домом. Из машины выбрался плечистый, крепкий мужчина с твердым, но добродушным лицом и обратился к Макинтайру, который вышел из дома навстречу:

— Джеймс Макинтайр?

— А в чем дело?

— Я — заместитель начальника полиции в здешних местах. У меня ордер на ваш арест.

— По какому обвинению?

— Действия имели целью нарушить Акт о безопасности космических полетов.

Тут из дома появился Чарли.

— Что за шум, Мак?

— А вы, надо полагать, Чарльз Каммингз. На вас тоже есть ордер. Плюс на человека по фамилии Хорримэн, и судебное постановление опечатать ваш космический корабль.

— У нас нет никакого космического корабля.

— А вон в том ангаре что?

— Стратосферная яхта.

— Да? Ну тогда за неимением корабля я опечатаю яхту. Где Хорримэн?

— А вон он. — Чарли указал рукой, не обращая внимания на мрачную гримасу Макинтайра.

Полисмен повернул голову. Чарли врезал ему, должно быть, прямо в солнечное сплетение, потому что тот свалился как подкошенный.

— Черт бы его побрал! — обиженно пробормотал Чарли, потирая руку. — Тот же самый палец я уже сломал один раз, когда играл в баскетбол. Вечно ему достается...

— Быстро давай старика в кабину, — перебил его Макинтайр, — и пристегни его к противоперегрузочному гамаку.

— Слушаюсь, капитан.

Они прицепили ракету к тягачу, вывезли ее из ангара, развернулись и двинулись подальше от дома. Затем забрались в кабину. В правый иллюминатор Макинтайр заметил очухавшегося полицейского — тот беспомощно смотрел им вслед.

Капитан застегнул ремни безопасности и связался с двигательным отсеком:

— Все в порядке, Чарли?

— Да, капитан. Но мы не можем взлететь, Мак. У корабля нет названия!

— У нас нет времени на твои суеверия!

Тут раздался слабый голос Хорримэна:

— Назовите его «Лунатик». Лучше и не придумаешь.

Макинтайр откинул голову на противоперегрузочную подушку, нажал две клавиши, затем еще три, и «Лунатик» взлетел.

— Ну как ты тут, папаша?

Чарли встревоженно глядел в лицо Хорримэна. Тот облизал губы и с трудом произнес:

— Все в порядке, сынок. В лучшем виде.

— Ускорение закончено. Теперь будет полегче. Я тебя развяжу, чтобы ты мог шевелиться, но пока тебе лучше оставаться в гамаке.

Он потянул за пряжку ремня, и Хорримэн коротко простонал.

— Что такое, папаша?

— Ничего. Все нормально. Но полегче с этим боком.

Чарли пробежался по его боку пальцами, легкими, уверенными прикосновениями опытного механика отыскивая повреждение.

— Тебе меня не перехитрить, папаша. Но тут уж до самой посадки я ничем не смогу помочь.

— Чарли...

— Да?

— Ты можешь передвинуть меня к иллюминатору? Я хочу увидеть Землю.

— Пока еще смотреть не на что. Она под кораблем. Но как только мы развернемся, я тебя передвину. А сейчас, пожалуй, дам тебе снотворного и разбужу, когда мы развернемся.

— Нет!

- А?
- Я не буду спать!
- Как скажешь, папаша.

Чарли, словно обезьяна, пробрался в нос корабля и ухватился за крепление пилотского кресла. Макинтайр посмотрел на него вопросительным взглядом.

- Жив, — ответил Чарли, — но не в лучшей форме.
- Что с ним?
- Два ребра сломаны точно, а уж что там еще, я не знаю. И неизвестно, протянет ли он до конца полета, Мак. Сердце у него совсем ни к черту.
- Он выдержит, Чарли, не беспокойся. Крепкий старикан.
- Крепкий? Да он как канарейка — еле-еле душа в теле.
- Я о другом. Он в душе крепкий, а это важнее.
- Ладно. Но если ты хочешь, чтобы после посадки команда была в полном составе, тебе нужно будет садиться о-о-очень мягко.
- Сяду. Я сделаю полный оборот вокруг Луны и пойду по сужающейся спирали. Горючего у нас, думаю, хватит.

Теперь они двигались без ускорения. Когда Макинтайр развернул корабль, Чарли вернулся к Хорримэну, отцепил гамак и перенес его к бортовому иллюминатору. Макинтайр зафиксировал «Лунатика» в положении дюзами к Солнцу, затем дал короткий тангенциальный импульс двумя расположенными в середине корабля маневровыми двигателями — корабль начал вращаться вдоль своей оси, создавая слабое подобие гравитации. Период невесомости, наступивший по окончании первого этапа полета, вызвал у старика, как это обычно бывает, тошноту и головокружение, и Макинтайру хотелось избавить своего пассажира, по крайней мере, от этих неудобств.

Но сам Хорримэн почти не замечал собственного состояния.

Ведь вот он, космос, — все, как ему представлялось раньше. Луна, величественно проплывающая в иллюминаторе, только гораздо больше, чем он когда-либо видел с Земли, и все ее знакомые черты различимы теперь так ясно, словно они вырезаны на камне... Затем корабль поворачивался, и в поле зрения появлялась сама Земля — да, именно так он видел ее в своих мечтах: огромный диск благородного небесного тела, будто спутник неведомой планеты, во много раз больше Луны и во много раз ярче, и несравненно красивее. Чарующая, манящая красота... К Атлантическому побережью Америки приближался закат, граница тени прорезала северную часть континента, пересекала Кубу и почти целиком, кроме западного побережья, скрывала Южную Америку. Хорримэн наслаждался ясной голубизной Тихого океана, ошупывал взглядом размытую зелень и мягкие коричневые тона материков, восторженно взирал на холодные бело-голубые полярные шапки. Канаду

и северные штаты закрывали облака, зона низкого давления расплзлась почти на весь континент, но чистая белизна отраженного от облаков света радовала глаз больше, чем полярные снега.

Затем корабль поворачивался дальше, Земля уплывала из поля зрения, и в иллюминаторе появлялись звезды — те же знакомые с Земли звезды, только яркие, немигающие, на фоне абсолютной, почти живой черноты. Затем снова появлялась Луна и вновь овладевала мыслями...

Хорримэн был безмятежно счастлив; такое счастье редко дается людям, даже прожившим долгую жизнь. Он чувствовал себя так, словно в нем соединились сразу все люди, жившие когда-то на Земле, заглядывавшиеся на звезды и мечтавшие.

Тянулись долгие часы полета, а он все смотрел и смотрел, иногда впадая в полудрему и видя сны. Один раз он, должно быть, и в самом деле уснул, потому что проснулся, услышав голос Шарлотты, его жены: «Делос! Ну-ка немедленно иди домой! Ты что, хочешь простудиться и умереть?!»

Бедная Шарлотта! Она была ему хорошей женой, действительно хорошей. Хорримэн не сомневался, что, умирая, она жалела только об одном — о том, что некому будет о нем позаботиться. И не ее вина, что ей не дано было разделить его мечту, его тягу к звездам.

Когда они зашли над обратной стороной Луны, Чарли приладил гамак к правому иллюминатору. Хорримэн разглядывал знакомые по тысяче фотоснимков черты лунной поверхности с каким-то ностальгическим восторгом — как будто его ждало возвращение на родину. Вскоре они вновь очутились над обращенной к Земле стороной, и Макинтайр медленно снизился, готовясь к посадке на востоке от моря Плодородия, в десяти милях от Луна-Сити.

Учитывая обстоятельства, посадка прошла не так уж плохо. Макинтайр садился без наводок с поверхности и без второго пилота, который следил бы за радаром. Стараясь опустить корабль помягче, он увлекся маневром и промахнулся миль на тридцать в сторону от намеченной точки, но тем не менее сделал все, что было в его силах. Немного, конечно, но их все-таки трянуло.

Когда осела взметенная дюзами пыль, в рубке появился Чарли.

— Как там наш пассажир? — встревоженно спросил Макинтайр.

— Сейчас погляжу, но ручаться ни за что не стану: это не самая лучшая твоя посадка, Мак.

— Черт побери, я и так сделал все, что мог!

— Я знаю, капитан. Не обращай на меня внимания.

Пассажир был жив и в сознании, хотя из носа у него текла кровь, а у губ пузырилась розовая пена. Он безуспешно пытался выбраться из гамака, и Чарли с Макинтайром вдвоем освободили его наконец от ремней безопасности.

— Где скафандры? — спросил Хорримэн первым делом.

— Спокойно, мистер Хорримэн. Вам нельзя выходить в таком состоянии. Сначала мы должны оказать вам первую медицинскую помощь!

— К черту первую помощь! Скафандры!

Они молча подчинились. Левая нога у Хорримэна почти не двигалась, и им пришлось сопровождать его через шлюз к трапу. Но на Луне он весил всего фунтов двадцать, так что это было нетрудно. Они отыскили место в пятидесяти ярдах от корабля и усадили Хорримэна спиной к камню, чтобы он видел окрестности.

Макинтайр прислонил свой шлем к шлему старика и сказал:

— Мы оставим вас пока наслаждаться пейзажем, а сами подготовимся к переходу до города. Это не так далеко, миль сорок, но надо взять запасные баллоны с воздухом, питание и все такое. Мы скоро вернемся.

Хорримэн молча кивнул и на удивление крепко сжал их руки в перчатках.

Он сидел почти не шевелясь, и только гладил руками лунный грунт рядом с собой, с удивлением ощущая, как слабо давит его тело на поверхность. В сердце его наконец-то воцарился покой. Боль куда-то ушла. Он исполнил все-таки свою мечту и попал туда, куда стремился всю жизнь. Над горизонтом, словно гигантский зелено-голубой спутник, висела Земля в последней четверти. Еще выше сияло с черного, усыпанного звездами неба Солнце. А под ним была Луна. Он на Луне, черт побери!

Хорримэн откинулся назад, каждой клеточкой своей ощущая накативший, словно прилив, покой.

На мгновение он задумался, и ему снова показалось, что кто-то зовет его по имени. «Глупо, — подумал Хорримэн, — я действительно стар, и мне мерещится всякая всячина...»

В кабине корабля Чарли и Мак прилаживали к носилкам заплечные ремни.

— Отлично, — сказал Макинтайр. — сойдет. Надо привести старика. Пора двигаться.

— Я его принесу, — ответил Чарли. — Он пока ничего не весит.

Чарли отсутствовал дольше, чем ожидал Макинтайр, и вернулся один. Макинтайр подождал, пока он закроет шлюзовую камеру и снимет шлем.

— Что случилось?

— Носилки можно оставить, капитан. Они нам уже не понадобятся, — Он помолчал, потом добавил: — Старик умер. Я сделал все, что нужно.

Макинтайр молча наклонился и поднял с пола широкие лыжи для передвижения по лунной пыли. Чарли сделал то же самое. Затем они вскинули на плечи запасные баллоны с воздухом и вышли из корабля.

Наружный люк шлюзовой камеры так и остался открытым.

ДОРОГИ ДОЛЖНЫ КАТИТЬСЯ

Рассказ

— Кто заставляет дороги катиться?

Оратор, стоя на трибуне, ждал ответа своей аудитории. Нестройные выкрики вскоре слились в злобный гул.

— Мы!.. Мы!.. Мы, черт побери!

— Кто делает всю грязную работу под землей, чтобы люди могли ездить на них?

Тут же послышался громовой ответ:

— Мы!

Оратор развивал успех, теперь его речь полилась потоком. Он наклонился к толпе, переводя взгляд с одного лица на другое, словно обращаясь к каждому в отдельности.

— Что обеспечивает бизнес? Дороги! Что доставляет людям пищу? Дороги! Что везет их на работу? Дороги! Что возвращает их домой, к женам? Дороги!

Он сделал эффектную паузу, потом уже тише продолжал:

— Что люди будут делать, если вы перестанете опекать дороги? Им опять придется ходить пешком, и все это великолепно знают. А что они делают для вас? Тьфу! Разве мы просим чего-то невозможного? Разве наши требования необоснованы? «Право на увольнение по собственному желанию». Оно есть у всех, кроме нас. «Равная с инженерами заработная плата». А почему бы и нет? Кто из нас настоящие инженеры? Кто лучше разбирается в механизмах дорог? Кто по-настоящему отработывает свою зарплату — «джентльмены» в конторах или вы под землей? Что еще мы просим? «Право выбирать своих инженеров». Какого черта нам не позволяют этого? Кто, как не мы, имеет на это право? Мы, механики, или эти идиоты-экзаменаторы, которые ни разу не были под землей и не смогут отличить ротор от катка? — Он снова сделал эффектную паузу и уже спокойнее продолжал: — Вот что я вам скажу, братья: мы должны бросить писать петиции в сенатскую комиссию по транспорту и начать действовать. Пусть они треплются о демократии, мы-то знаем цену этим разговорам. У нас есть сила, братья, и мы сможем ею воспользоваться.

Пока он говорил, из задних рядов к трибуне пробрался один из слушателей. Воспользовавшись паузой, он обратился к оратору:

— Брат председатель, можно мне сказать пару слов?

— Пожалуйста, брат Харвин.

— Вот что я хочу спросить: чего ради весь этот шум? Ведь мы получаем заработную плату по самым высоким тарифам, больше, чем любые другие механики; кроме того, получаем полную страховку и полную пенсию. Если не считать угрозы глухоты, то у нас вполне недурные условия труда. — Он сдвинул на затылок шлем с антифонами и вытер вспотевший лоб. — Верно, мы должны подавать заявление об увольнении за девяносто дней,

но ведь мы знали об этом, когда подписывали контракт. Дороги должны катиться — они должны катиться, пока есть люди, желающие ездить на них. И еще, Сопи... — Тут его прервал удар председательского молоточка. — Простите, я хотел сказать б р а т Сопи — расскажите нам, насколько мы сильны и что вы имели в виду, говоря о действиях? Все это чепуха! Чтобы затруднить работу дорог, ввергнуть в хаос всю систему коммуникаций, не обязательно быть механиком, достаточно идиота с пузырьком нитроглицерина. И мы вовсе не пуп земли. Конечно, наша работа важна для общества, но что бы мы делали без фермеров, металлургов, без множества людей других профессий?

Его перебил невысокий человек с желтоватой кожей и выпирающими зубами.

— Брат председатель, я хочу спросить брата Харви, — тут он повернулся к Харви и продолжил лукаво, — говорит он от имени Гильдии или только от своего имени? Может быть, он не верит в Гильдию? А может быть, — он смерил взглядом длинную фигуру Харви — его подослали шпионы за нами?

Харви посмотрел на него, словно на мокрицу в тарелке.

— Сайкс, — сказал он, — если бы ты не был таким пигмеем, я заставил бы тебя подавиться своим собственным языком. Я помогал создавать нашу Гильдию, бастовал в шестьдесят шестом году, а где был ты? Среди скэбов¹?

Председатель снова стукнул своим молоточком.

— Хватит, — сказал он. — каждый, кто хоть немного знает историю Гильдии, подтвердит, что брат Харви — ваш до мозга костей. Давайте продолжать. — Он остановился, облизнув губы. — Обычно мы не допускаем посторонних на наши собрания. Многие из нас терпеть не могут инженеров, наших начальников, но вот инженер, которому чужды предрассудки его касты, может быть, потому, что он сам из механиков. Мы с радостью послушаем его. Итак, я представляю вам мистера Шорти Ван Клика...

Его прервал ропот.

— Б р а т а Ван Клика, первого заместителя Главного Инженера этого родтауна².

— Спасибо, брат председатель, — гость бодро выступил вперед, быстро оглядел толпу, словно ожидая одобрения, — спасибо, братья. Наш председатель прав: я гораздо лучше чувствую себя здесь, нежели среди инженеров, потому что к своей должности я шел из-под земли. Теперь о ваших требованиях, отвергнутых сенатской комиссией... Я могу говорить откровенно?

— Конечно, Шорти! Положись на нас!

— Вот и хорошо. Конечно, я не могу сказать ничего нового, если не буду знать, что вы намерены делать. Дороги — величайшее сооружение наших дней, а вы — люди, заставляющие их катиться. Такое положение вещей предполагает, что ваши требования должны быть выслушаны, а ваши

¹ Скэб — здесь: штрейкбрехер, шпион предпринимателя. Букв. — вонючка.

² Родтаун — букв. — город-дорога.

желания — исполнены. Считается, что ведущая сила нашего общества — политики. Помнится, однажды ночью я проснулся и подумал, почему механики не пытаются ничего изменить и...

— Мистер Гейнс, вас вызывает ваша жена.

— Хорошо. — Он взял трубку и повернулся к экрану.

— Да, дорогая, помню, я обещал, но... Ты совершенно права, дорогая, но из Вашингтона попросили встретить министра Блейкинсопа и показать ему все, что он захочет. Я не знал, что он придет именно сегодня... Нет, я не могу поручить это заместителю. Это будет просто невежливо. Он министр транспорта Австралии. Я же тебе говорил, что... Да, дорогая, я знаю, что вежливость начинается с семьи, но дороги должны катиться. Такая уж у меня работа, ты это знала, когда выходила за меня замуж. А это часть моей работы... Ну, вот и умница. Мы обязательно позавтракаем вместе. Устроим пикник, только ты закажи лошадей и завтрак. Встретимся как обычно, в Бейкерсфилде... До свидания, дорогая. Поцелуй за меня малыша.

Он положил трубку, и прелестное негодующее лицо на экране померкло. В кабинет вошла девушка. На наружной стороне двери мелькнули литеры: «ДИЕГО — РИНО РОДТАУН. КАБИНЕТ ГЛАВНОГО ИНЖЕНЕРА».

Гейнс беспокойно поднял глаза.

— А, это вы. Никогда не выходите замуж за инженера, Долорес, выходите за художника. Он будет чаще бывать дома.

— Да, мистер Гейнс. Здесь мистер Блейкинсоп, мистер Гейнс.

— Уже? Я не ждал его так скоро. Разве корабль прибывает так рано?

— Да, мистер Гейнс.

— Гмм... Звучит невероятно, однако вы никогда не ошибаетесь. Послушайте, Долорес, у вас есть какие-нибудь эмоции?

— Да, мистер Гейнс.

— Ну что ж; пригласите сюда мистера Блейкинсопа.

— Хорошо, мистер Гейнс.

Ларри Гейнс встал навстречу гостю. «Ничего особенного, какой-то коротышка, — подумал он, пока шел обмен рукопожатиями и формальными приветствиями, — котелок и зонтик явно непривычны ему, а из-под оксфордского акцента так и прет гнусавый австралийский говор».

— Рад видеть вас здесь, мистер Блейкинсоп. Надеюсь, вы останетесь довольны.

— Я в этом уверен, — улыбнулся коротышка. — Я впервые в вашей стране, но чувствую себя, как дома: и эвкалипты, и горы...

— Ваша поездка чисто деловая?

— Да-да. Основная моя цель — изучить ваши родтауны и доложить моему правительству о целесообразности внедрения ваших методов решения социальных проблем. Подземных. Вы, я думаю, понимаете, почему меня послали именно к вам.

— Да, в основном. Правда, я не знаю, что бы вы хотели увидеть. Вы, конечно, слышали и о родтаунах, и об их обслуживании, и об управлении ими?

— Да, читал кое-что. Правда, я не инженер, мистер Гейнс. Моя стихия — социальная политика. Я хотел бы увидеть, как техническая революция повлияла на людей, так что рассказывайте мне о дорогах так, словно говорите с круглым невеждой.

— Пусть будет так. Кстати, сколько человек в вашей делегации?

— Один, секретаря я отослал в Вашингтон.

— Понятно. — Гейнс посмотрел на часы. — Близится время обеда. Идемте на Стоктонскую полосу. Там мой любимый китайский ресторанчик. Это займет не более часа, зато по пути вы увидите дороги в действии.

— Отлично.

Гейнс нажал кнопку на своем столе, засветился экран, на нем появился угловатый молодой человек, сидящий у полукруглого усеянного приборами пульты. В уголке рта торчала сигарета. Он поднял глаза, взгляделся и помахал рукой.

— Приветствую, шеф. Чем могу служить?

— Привет, Дейв. Так это вы дежурите нынче вечером? Я отправляюсь обедать в сектор Стоктона. Где Ван Клик?

— Отправился на какое-то собрание, но не сказал куда.

— Есть что-нибудь важное?

— Ничего, шеф. Дороги катятся, люди едут обедать.

— О'кей, пусть катятся.

— Будут катиться, шеф.

Гейнс отключился и повернулся к Блейкинсону.

— Ван Клик — мой первый заместитель. Он все время на дорогах, и в управлении его заставить трудно. Идемте, Девидсон отлично справится сам.

Они спустились на эскалатор и вышли к дороге, к полосе, что бежала на север со скоростью пяти миль в час, дошли до указателя «ПЕРЕХОД НА ЮЖНУЮ ДОРОГУ» и шагнули на полосу.

— Приходилось вам кататься на конвейерной ленте? — поинтересовался Гейнс. — Это то же самое, только помните, что вставать на нее нужно лицом к направлению движения.

Они переходили с полосы на полосу, проталкиваясь в толпе спешащих домой людей. Полоса, делающая двадцать миль в час, была разгорожена зеркальными кабинками с крышами. Увидев их, уважаемый министр Блейкинсон изволил удивленно поднять брови.

Гейнс ответил на невысказанный вопрос, но сначала откатил дверь и пригласил гостя внутрь.

— Это ветроломы — единственный способ защититься от встречного воздушного потока. На полосе со скоростью в сто миль он мог бы разорвать на нас одежду в клочья.

Он говорил, низко наклонившись к Блейкинсону, пытаясь перекричать свист обтекающего кабинку воздуха, гул толпы и рокот движущихся дорогу

механизмов. По мере приближения к середине дороги разговаривать становилось все труднее. Они прошли сорокамильную полосу, потом шестидесятимильную и восьмидесятимильную и, наконец, добрались до самой быстрой, стомильной, которая могла донести их от Сан-Диего до Рино и обратно всего за двенадцать часов. Как только Блейкинсон очутился на широком разделительном тротуаре, немедленно вспыхнула реклама:

РЕСТОРАН ДЖЕЙКА № 4

Лучшие блюда на лучшей дороге.

Хорошо пообедать с ветерком, пока
мили проносятся мимо.

— Чудесно! — сказал мистер Блейкинсон. — Все равно что обедать в вагоне-ресторане. Это действительно очень хороший ресторан?

— Один из самых лучших. Не то чтобы модный, но все же достаточно известный.

— Я хотел сказать...

Гейнс улыбнулся.

— Попробуйте, сэр, не пожалеете.

— Но я не хотел бы мешать вам.

— Этого не бойтесь. Давайте войдем.

Гейнс приветствовал хозяйку, как старую знакомую.

— Хэлло, миссис Маккой. Как поживаете?

— Господи, да неужто сам шеф пожаловал! Давненько вы нам не оказывали чести. Надеюсь, вы с вашим другом отобедаете у нас?

— Непременно, миссис Маккой. Распорядитесь за нас и, пожалуйста, не забудьте о бифштексах.

— Конечно. Двухдюймовые, из молодого бычка.

Она проводила их в отдельный кабинет и упорхнула с грацией, неожиданной для ее грузного тела.

Перво-наперво она с мудрой предусмотрительностью принесла телевизионный аппарат. Гейнс подключил его к сети и набрал номер.

— Алло... Девидсон? Дейв, это шеф. Я у Джейка. Да, в Четвертом. Если понадобится, позвони десять-«эл»-шесть-шесть.

Когда он положил трубку, Блейкинсон вежливо спросил:

— Вам каждый раз необходимо отмечаться?

— Не то чтобы необходимо, — ответил Гейнс, — а так, на всякий случай. Обычно дежурство несем либо я, либо Ван Клик. Девидсон отлично справится сам, но в случае крайней необходимости... Конечно, в таком случае я бы предпочел быть там.

— Что вы называете крайним случаем?

— В основном две вещи. Если нарушится подача энергии к роторам, дороги останутся и миллионы людей окажутся за сотни миль от дома. Если это случится в часы «пик», мы должны будем как можно скорее эвакуировать их с дороги.

— Вы сказали — миллионы, а сколько миллионов?

— С этой дорогой связаны двенадцать миллионов человек, которые работают на предприятиях и живут в домах, простирающихся на пять миль в каждую сторону от дороги.

Энергетическая эра незаметно сменилась эрой транспорта. Этот переход ознаменовали два события: утилизация дешевой солнечной энергии и пуск первой самодвижущейся дороги. К тому времени энергетические ресурсы Соединенных Штатов были вконец истощены хищнической эксплуатацией нефти и угля, начавшейся еще в первые годы двадцатого столетия. Этому особенно способствовал небывалый взлет автомобильной промышленности. Из неуклюжих безлошадных повозок автомобили превратились в стальных чудовищ, сотни лошадиных сил позволяли им покрывать сотни миль в час. Они переполняли страну — в 1955 году на каждых двух человек приходился, согласно статистике, один автомобиль.

Но автомобиль нес в себе семена собственной гибели. Восемьдесят миллионов стальных дьяволов, управляемых несовершенными созданиями, их бешеные скорости уносили больше жизней, нежели войны. В некоторые годы автомобильные страховки перекрывали по сумме стоимость самих автомобилей. Страховые компании, большие и малые, стали самым обычным явлением. Автомобили скупивались в городах, пешеходы практически исчезли.

Собственно, пешеходами стали называть тех, кто шел куда-либо с автомобильной стоянки. Автомобили сделали возможным существование огромных городов, но сами же душили их своей многочисленностью. Еще в 1900 году Герберт Джордж Уэллс заметил, что величина городов должна быть прямо пропорциональна их транспортным возможностям. Автомобили позволили построить города до двухсот миль в диаметре, но сделали их неудобными и даже опасными для людей.

В 1955 году федеральное шоссе № 66 Лос-Анджелес — Чикаго, «Главная Улица Америки», как его называли, превратилось в автомобильный конвейер, движение по которому разрешалось со скоростью не ниже шестидесяти миль в час. Во время его постройки неожиданно обнаружилось новое явление: два города-гиганта, Чикаго и Сан-Луи, сомкнулись где-то в районе Блумингтона, штат Иллинойс. В результате образовался один огромный город.

В этом же году в Сан-Франциско произошла замена устаревших трамваев на самодвижущиеся эскалаторы, приводимые в движение энергией солнечных экранов Дугласа—Мартина. Хотя права на вождение автомобилей еще сохраняли свою силу, конец автомобилизма был предreshен. Последний удар ему нанес Закон о национальной обороне, изданный в 1975 году.

В свое время этот закон вызвал массу споров: он объявил нефть исключительно стратегическим сырьем и, таким образом, вооруженные силы овладели всей нефтью, а восемьдесят миллионов гражданских машин стали бесполезным хламом. Такая мера уже вводилась во времена второй мировой войны, но теперь на ее «временность» уже никто не уповал.

Возьмите супершоссе того времени, по обе стороны которых высились города, добавьте самодвижущиеся эскалаторы в Сан-Франциско, учтите при этом катастрофическую нехватку бензина и присущую янки изобретательность. В 1960 году была пущена первая самодвижущаяся дорога между Цинциннати и Кливлендом.

На нынешний взгляд ее конструкция была ужасно примитивной, и она более всего напоминала транспортер для руды, применявшийся пару десятилетий назад. Самая быстрая полоса развивала всего двадцать миль в час, была узкой, и уж конечно, ни о какой торговле на ней не могло быть и речи. Но несмотря на все недостатки, она стала прототипом, определившим образ жизни страны на ближайшие десятилетия — ни городской, ни сельской, а точнее — и той и другой, продиктованной существованием быстрых, безопасных, дешевых и удобных самодвижущихся дорог.

Фабрики — широкие, приземистые здания, крытые солнечными энергетическими экранами (такие же приводили в движение дороги), — тянулись по обеим сторонам дорог. Позади них располагались отели, магазины, театры, кинозалы, меблированные комнаты, а еще дальше — жилые дома, которые покрывали холмы, вклинивались между фермами, стояли по берегам рек. Люди работали в «городе», а жили в «деревне», и чтобы попасть из одного места в другое, нужно было не более десяти минут.

Миссис Маккой сама обслуживала шефа и его гостя. При виде двух чудесных бифштексов они прервали беседу.

Было время ежечасных рапортов, дежурные инженеры секторов слушали механиков.

— Субсектор-один — порядок!

— Субсектор-два — порядок!

Натяжение полос, вольтаж, температура деталей, синхронность.

— Субсектор-семь — порядок!

Крепко скроенные, жилистые мужчины в хлопчатобумажных робах, большую часть жизни проводящие «под землей», среди неизменного воя механизмов скоростных полос, визга роторов и подвывания подшипников.

Девидсон в просторной пилотской кабине изучал действующий макет дорог сектора Фресно. Он взглянул на стюильную полосу и подсознательно отметил Четвертый ресторан Джейка. Шеф сейчас был в Стоктоне, следовало позвонить ему после приема рапортов. Пока все было тихо, движение для этих часов нормальное, так что он чуть было не заснул. Тогда он повернулся к младшему инженеру:

— Мистер Бернс...

— Да, сэр.

— Что вы думаете насчет чашечки кофе?

— Чудесная мысль, сэр. Как только приму рапорты, я сразу же закажу.

Через минуту стрелки хронометра сомкнулись на двенадцати. Младший вахтенный повернул переключатель.

— Всем секторам — рапорт, — сказал он ровным голосом.

На экране возникли два человека. Младший из них ответил, заметно волнуясь:

— Диего-Кольцевая — катятся!

Их тут же сменили двое других:

— Сектор Анджелес — катятся!

Потом:

— Сектор Бейкерсфилд — катятся!

И:

— Сектор Фресно — катятся!

Наконец когда отрапортовала Рино-Кольцевая, младший вахтенный повернулся к Дэвидсону и доложил:

— Катятся, сэр.

— Хорошо — пусть катятся!

Экран вспыхнул снова:

— Сектор Сакраменто, дополнительный рапорт.

— Давайте.

— Кадет Дженфер, младший вахтенный инженер сектора, производя осмотр, обнаружил кадета Алека Джинса, вахтенного техника субсектора, занятого игрой в карты с Россом, механиком второго класса того же субсектора. Невозможно сказать, в который раз они играли, вместо того чтобы патрулировать свой сектор.

— Есть повреждения?

— Один из роторов перегрелся и разбалансировался. Сейчас же все приведено в порядок.

— Хорошо. Прикажите кассиру и бухгалтерии рассчитать Росса и передайте его городским властям. Кадета Джинса поместите под арест и прикажите ему доложиться мне.

— Хорошо, сэр.

— Пусть катятся!

Дэвидсон повернулся к пульту и набрал временный номер Главного Инженера Гейнса.

— Мистер Гейнс, вы упомянули о двух вещах, представляющих для дорог наибольшую опасность, а рассказали только об одной.

Прежде чем ответить, Гейнс пожевал листочек латука.

— Этой второй опасности практически не существует. Это просто невозможно. Но я все же расскажу. Можете ли вы себе представить, что произойдет, если наша полоса внезапно остановится?

— Гм, — мистер Блейкинсон нервно поерзал на стуле, — лучше не думать об этом, правда? Даже как-то не верится, что мы сидим в этом уютном кабинете и в тоже время несемся куда-то. А что бы случилось?

— Не беспокойтесь, ничего особенного. Покрытие порваться не может, ибо его секции спроектированы так, что перекрывают друг друга и разве

что сдвинутся. Даже если на протяжении нескольких миль разом остановятся все роторы, остальные примут нагрузку на себя и обеспечат движение полосы.

Но мы никогда не забываем о катастрофе на дороге Филадельфия—Джерси-Сити. Линия была одной из первых, самых первых, а нагрузка на нее была довольно велика, так как она обслуживала большой индустриальный район. Линия больше напоминала простой конвейер, и никто не мог предвидеть, что она сдаст. Это случилось в часы максимальной нагрузки, когда по скоростным полосам ехали толпы людей. За местом обрыва дорога вспучилась на протяжении нескольких миль, сбросив пассажиров на крыши восьмидесятимильной полосы, а передняя часть словно хлыстом ударила по другим полосам, расплющивая людей, сбрасывая их в жернова роторов, вминая в барьеры. Эта авария погубила свыше трех тысяч человек, и началась агитация за запрещение самодвижущихся дорог. По приказу президента они были остановлены на целую неделю, потом он был вынужден этот запрет снять — у него просто не было выбора.

— Почему?

— Вся экономика страны зависела от дорог, а в индустриальных районах они стали главным средством передвижения, чтобы не сказать — единственным. Фабрики останавливались, невозможно было подвезти продовольствие, люди начали волноваться — и президент был вынужден пустить дороги снова. Больше ему ничего не оставалось делать, так как дороги вошли в плоть и кровь страны, за одну неделю изменить это было нельзя. В них нуждались не только для перевозки людей, но и для производства и торговли.

Мистер Блейкинсоп скомкал свою салфетку и осторожно сказал:

— Мистер Гейнс, я далек от мысли принижать предусмотрительность вашего великого народа, но не кажется ли вам опасным, что вся экономика зависит от машин одного типа?

— Я вас понимаю, — рассудительно начал Гейнс. — И да, и нет. Существование любой цивилизации, кроме чисто аграрной, определяется каким-то типом машин. На старом Юге это были хлопкоочистительные машины. Британская империя была невозможна без паровых машин. Мощная цивилизация, чтобы жить, должна иметь и силовые, и транспортные, и обрабатывающие машины.

Без них она просто не разовьется, но это вовсе не недостаток машины, а ее преимущество. Правда, мы довели развитие технологии до той степени, когда без нее уже невозможно поддержание высокого жизненного уровня, и мы стоим перед выбором: развивать технологию или охранять природу. Но ведь опасны не машины, а люди, которые ими управляют. Как машины, дороги чудесно работают. Они прочны и безопасны, они совершенствуются. Но дороги — не машины, дороги — это люди. Когда страна зависит от машин, она зависит от людей, которые ими управляют. Если это люди высокой морали, с обостренным чувством долга, то...

Кто-то включил радио, из динамика понеслась музыка, прервавшая Гейнса. Когда звук немного убавили, он сказал:

— Послушайте. Вот подтверждение моих слов.

Блейкинсон повернулся, чтобы лучше слышать. Играли бравурный марш с четким ритмом, аранжированный в духе времени. Местами слышался шум машин, клацание железа. Узнав мелодию, австралиец широко улыбнулся.

— Ведь это же марш артиллеристов «Катится зарядный ящик», да? Но я не понимаю, какое он имеет отношение к нашему разговору?

— Верно, когда-то это был «Зарядный ящик», но мы приспособили его для современных нужд, и теперь это «Походная песня транспортных кадетов». Слушайте.

Марш продолжал гроыхать, его четкий ритм сливался с пульсом дороги в единую мелодию. Потом вступил мужской хор:

«Слушай гуденье! Блюди движенье!
Нашей работе нет конца.
Пусть катятся наши дороги!
Пока вы несетесь по быстрым дорогам,
Мы в «подземелье» в поте лица.
И катятся наши дороги!
О, это скорость, скорость, да!
Мы у роторов всегда.
Блюдаем свои секторы строго!
Раз, два, три! Куда б ты ни ехал,
Помни всегда, что катятся наши дороги!
ПУСТЬ КАТЯТСЯ!
Что катятся наши дороги!»

— Слышите? — спросил Гейне с воодушевлением. — Слышите? Вот в чем главная цель Транспортной Академии Соединенных Штатов. Вот почему транспортный инженер — полувойенная профессия со строгой дисциплиной. Мы — неотъемлемая часть всей индустрии, всей экономики. В других отраслях могут быть забастовки, которые создадут лишь частичные и временные неудобства; в сельском хозяйстве может быть неурожай — он отразится только на торговле, но если встанут дороги — остановится все, как при всеобщей забастовке. Но всеобщая стачка хотя и затрагивает большинство населения, хотя и вызывает массу недовольства, остается лишь стачкой, а остановка дорог — это полный паралич. Одна забастовка транспортников уже была в шестьдесят шестом году. Она была обоснована и помогла исправить некоторые злоупотребления. Но такое больше не повторится.

— Чем же вы от этого застрахованы, мистер Гейнс?

— Высоким чувством долга. Механики, обслуживающие дороги, относятся к своей работе с религиозным почтением. Мы всячески стараемся поднять их социальный статус. Особо важную роль играет академия, она стремится выпускать из своих стен преданных своему делу инженеров, дисциплинированных, осознающих свой долг перед обществом и стремящихся выполнить его во что бы то ни стало. В ней царит дух Вест-Пойнта и Годдара.

— Годдара? Ах да, ваше ракетное училище. Ну, и насколько вы в этом преуспели?

— Нам хотелось бы большего, но создание традиций требует времени. Полностью решить проблему мы сможем только тогда, когда самые старшие из инженеров будут выпускниками академии.

— Вы, конечно, один из них?

— Вы мне льстите, — осклабился Гейнс. — Должно быть, я выгляжу моложе своих лет. Меня перевели из армии. После забастовки шестьдесят шестого года дороги на три месяца перешли под руководство Министерства Обороны. Меня включили в комиссию по урегулированию, которая занималась вопросами повышения заработной платы и удовлетворением требований рабочих, а потом я так и остался на транспорте...

На видеотелефоне вспыхнул сигнал вызова.

— Извините, — сказал Гейнс, включая аппарат. — Слушаю.

Блейкинсон тоже слышал голос с другого конца провода.

— Это Девидсон, шеф. Дороги катятся.

— Хорошо. Пусть катятся.

— Поступил еще один тревожный рапорт из сектора Сакраменто.

— Снова? Когда?

Прежде чем Девидсон успел ответить, видеотелефон замолк. Гейнс повернулся, чтобы набрать номер, и в это время ему на колени опрокинулась полная чашка кофе. Блейкинсона качнуло так, что он ударился о край стола. Заметно изменился звук, идущий от роторов.

— Что случилось, мистер Гейнс?

— Не знаю. Аварийная остановка, черт знает почему. — Он раздраженно отшвырнул трубку. — Видеотелефон скис. Идемте! Хотя нет, здесь безопаснее. Ждите.

— Чего?

— Ладно, идемте вместе. Держитесь поближе ко мне.

Он повернулся к выходу, словно разом забыл о существовании австралийского министра. Полоса медленно останавливалась. Замерли гигантские роторы, еле вращались аварийные маховики. Обеспокоенные посетители ресторана, прервав обед, толпились у выхода.

— Стойте!

Это было сказано человеком, привыкшим приказывать. В его голосе чувствовались власть и сила: так укротитель умиряет хищных зверей. Одно это слово заставило толпу подчиниться. Все повернулись к нему.

Гейнс продолжал:

— Оставайтесь на местах, пока мы не будем готовы к эвакуации. Я — Главный Инженер. Здесь мы в безопасности. Вот вы. — Он указал на здорового детину у дверей. — Назначаю вас моим заместителем здесь. Никого не выпускайте без специального разрешения. Миссис Маккой, распорядитесь всех накормить.

Гейнс шагнул к двери, Блейкинсон — следом за ним. Снаружи все казалось не так плохо, как можно было ожидать. Остановилась только стомильная полоса; в нескольких футах от нее продолжала нестись

девятистопильная. Люди, едущие на ней, казались смазанными, нереальными, словно фигуры на засаленных картах.

Вся двадцатифутовая экспресс-полоса была забита: из магазинов, кафе, телетеатров и прочих заведений толпами высыпали люди — посмотреть, что произошло. Несчастный случай не заставил себя ждать.

Толпа колыхнулась, стоявшая с краю средних лет женщина, пытаясь сохранить равновесие, ступила на соседнюю девятистопильную полосу. Она едва успела крикнуть... Ее перевернуло, бросило на движущееся полотно, и со скоростью девятисто пять миль в час — сто тридцать девять футов в секунду — проволокло по нему. словно серп траву подсекла она людей и пропала из виду.

Но дело этим не кончилось. Один из сбитых ею был вышвырнут на неподвижную стопильную полосу, прямо в толпу. Он чудом остался жив — всю силу удара приняли на себя те, кто теперь вокруг него, — истекающие кровью, изломанные жертвы его дикого скачка. Мало того. Удар снова колыхнул толпу, и еще несколько несчастных, стоявших у границы полос, были сброшены на движущееся полотно.

Центр событий переместился, и Блейкинсоп больше ничего не увидел. Он, политик, привыкший разговаривать с толпой, был совершенно выбит из колеи. Его подташнивало.

К удивлению Блейкинсопа, Гейнс не бросился на помощь пострадавшим, не попытался успокоить охваченную паникой толпу, а быстро повернулся к двери ресторана. Увидев, что Гейнс собирается войти туда, Блейкинсоп воздел руки.

— Неужели вы не можете этим несчастным?!

Гейнс обернулся. Сейчас он менее всего напоминал остроумного и радушного хозяина, каким был несколько минут назад.

— Нет. Им помогут другие. Я отвечаю за всю дорогу. Не вмешивайтесь.

Блейкинсоп был обескуражен и возмущен, однако замолчал, понимая умом, что Гейнс прав, что на нем лежит ответственность за безопасность миллионов людей и он не может размениваться на частные случаи, но его чувства восставали против такого холодного рационализма.

Гейнс вошел в ресторан.

— Миссис Маккой, где у вас запасной выход?

— В кладовой, сэр.

Гейнс поспешил туда, Блейкинсоп — следом за ним. Молодой филиппинец вскочил из-за стойки, смахнув на пол какую-то зеленую смесь, ибо прямо над ним был круглый люк с запорным маховиком в центре. К нему вела тонкая, но прочная металлическая лестница.

Блейкинсоп потерял шляпу, пытаясь поспеть за Гейнсом; когда они выбрались на крышу здания, Гейнс осветил ряды дорожных кабин карманным фонариком. От крыши их отделяли четыре фута свободного пространства.

Наконец мистер Гейнс обнаружил то, что искал, — такой же люк футах в пятидесяти от них. Он опустил крышку люка, встал одной ногой на

крышу кабины, уперся руками и резким движением перебросил себя на кабину. Блейкинсоп сделал то же, правда, не так легко.

Они стояли в темноте, осыпаемые мелким холодным дождем. Под ними и по обе стороны, насколько хватало глаз, простирались слабо светящиеся экраны, превращающие солнечную энергию в электрическую. Свет был не особенно яркий; так призрачно и жутко светится снег в безлунную ночь.

Этот свет выхватывал из темноты узкую, выгнутую дугой над крышами кабин дорожку, ведущую к зданию на краю дороги, затянутому сеткой дождя. Они побежали по ней так быстро, насколько позволяли скользкое покрытие под ногами и темнота. Гейнс показался Блейкинсопу совершенно отрешенным. Конечно, он был умен и обаятелен, что совершенно необходимо для его работы, но, как казалось австралийцу, надо всем преобладал холодный расчет. Таких людей он опасался. Ведь с точки зрения чистого разума, нет веских причин для существования человечества, не говоря уже об отдельных людях.

Если бы он мог проникнуть в мысли Гейнса, то изменил бы свое мнение. Внешнее спокойствие лишь прикрывало напряженную работу мозга. Словно компьютер, перебирал он варианты решений, отбрасывая негодные и отыскивая единственно верные. Под панцирем жестокой самодисциплины были и чувства. Во всем он винил только себя. То, что он видел, отдавалось болью в сердце, но болью удвоенной, ибо он отвечал за все это. Он нес сверхчеловеческий груз ответственности; далеко не каждый мог выдержать такое и сохранить здравый рассудок. Сейчас он чувствовал себя капитаном, стоящим на мостике тонущего корабля, и только необходимость в немедленных действиях поддерживала его. Но его лицо было спокойно.

На стене здания поблескивал ряд зеленых стрелок, над которыми светилась надпись: «ПРОХОД ВНИЗ». Он побежал вдоль стрелок, а Блейкинсоп пыхтел за спиной. Они нырнули в дверь и оказались на узкой лестнице, освещенной всего лишь одной лампой дневного света. Гейнс сбежал по ней и оказался на загруженном людьми шумном тротуаре северной полосы.

Рядом со входом, справа, стояла будка связи. За стеклянной дверью солидный, хорошо одетый мужчина разговаривал со своей половиной, маячившей на экране. Еще трое дожидались своей очереди.

Пробежав мимо них, Гейнс распахнул дверь, схватил за плечи солидного джентльмена и вытолкнул его из будки, недоумевающего и возмущенного. Прежде чем его благоверная успела сообразить, что происходит, Гейнс отключил ее и нажал кнопку аварийной связи.

Он набрал свой личный кодовый номер, и на экране тотчас же появилось встревоженное лицо Девидсона.

— Докладывайте!

— Это вы, шеф! Слава богу! Где вы? — В голосе Девидсона слышалось почти патетическое облегчение.

— Доклад!

Старший вахтенный инженер подавил свои чувства и заговорил короткими деловыми фразами:

— В семь часов девять минут пополудни на двенадцатой полосе сектора Сакраменто внезапно резко подскочило напряжение, потом упало до аварийного уровня. Покрытие цело, но энергия отключена. Причины инцидента неизвестны. Прямая связь с управлением сектора прервана, не работают также вспомогательная и коммерческая линии связи. Мы пытаемся связаться с Сакраменто и послали туда человека, Пострадавших нет. Мы передали по радио просьбу очистить двенадцатую полосу. Начинается эвакуация...

— Пострадавшие есть, — прервал его Гейнс. — Пошлите туда медиков и полицию. Живее!

— Есть, сэр! — Девидсон махнул своему помощнику, но тот уже набрал нужные номера. — Должен ли я остановить другие полосы, шеф?

— Нет. Это только увеличит беспорядки. Продолжайте объявления по радио, а остальные полосы пусть катятся, иначе мы вовек не разберемся.

Гейнс твердо знал, что другие полосы останавливать нельзя. Конечно, эвакуировать людей через неподвижные полосы было бы гораздо проще, но роторы могли не выдержать нагрузки, не говоря уже о том, что пять миллионов возбужденных людей на неподвижной дороге будут представлять собой нешуточную полицейскую проблему. Уж лучше эвакуировать пассажиров двенадцатой полосы по крышам, позволив им добираться домой по другим полосам.

— Сообщите мэру и губернатору, что я беру на себя чрезвычайные полномочия. Начальник полиции поступает в ваше распоряжение. Велите коменданту вооружить кадетов и ждать приказа. Быстрее!

— Есть, сэр. Должен ли я вызвать свободных от вахты инженеров?

— Не нужно. Это не инженерная проблема. Посмотрите на приборы: сектор отключился сразу — кто-то вручную вырубил все роторы. Всех свободных от вахты держите наготове, но не вооружайте и не посылайте к роторам. Прикажете коменданту послать всех кадетов старших курсов в управление сектора Стоктон. Пусть их снабдят интрациклами, пистолетами и гранатами с усыпляющим газом.

— Есть, шеф. — За спиной Девидсона возник клерк и что-то сказал ему. — Шеф, с вами хочет говорить губернатор.

— Мне не до него, впрочем, вам тоже. Кто ваш сменщик? Вы послали за ним?

— Хаббард. Он уже здесь.

— Предоставьте ему право разговаривать с губернатором, мэром, пресой и со всеми, даже с Белым домом. Несите вашу вахту. Я отключаюсь. Свяжусь с вами снова, как только найду патрульную машину. — И прежде чем погас экран, Гейнс выскочил из будки. Блейкинсон не рискнул с ним заговорить, а просто побежал следом.

Пробежав двенадцатимильную полосу, Гейнс остановился, повернул за ветробойник и поднял глаза на пробежавшую мимо стену, отыскивая невидимые Блейкинсону ориентиры. Гейнс отыскал нужный знак и побежал навстречу движению полосы так быстро, что австралиец отстал на добрую

сотню футов и едва не потерял его, когда тот нырнул в проход и побежал вниз по лестнице.

Они оказались на узкой дорожке «под землей». Все вокруг было наполнено грохотом, потрясшим не только звук, но и сами тела. Блейкинсон никогда раньше не слышал ничего подобного. Прямо перед ним, освещенный желтым светом дуговых ламп, вращался ротор с путаницей проводов внутри, похожий на барабан. Вверху он соприкасался с внутренней стороной полосы, передавая ей свое мерное движение. Справа и слева, насколько хватало глаз, на равном расстоянии друг от друга вращались другие роторы. Промежутки между ними перекрывались узкими катками, уложенными на решетчатых стальных фермах, словно сигары в коробках. На сотни ярдов вокруг вращались, поблескивая, их стальные тела.

Линия стальных прутьев отделяла дорожку, на которой они стояли, от узких мостков, что шли параллельно линии роторов, но не вплотную к ним. В этот промежуток и смотрел Гейнс, отыскивая что-то, с ясно видимой досадой на лице. Блейкинсон спросил было его о причине беспокойства, но не услышал собственного голоса — он утонул в шуме тысяч роторов и мириад катков.

Словно угадав его вопрос, Гейнс повернулся, сложил руки рупором и прокричал Блейкинсону в самое ухо:

— Машины нет. Я рассчитывал найти здесь патрульный автомобиль.

Австралиец, желая ему помочь, ткнул пальцем в стальные джунгли. Гейнс посмотрел туда и увидел людей, работающих у снятого с подшипников ротора. Они уже опустили его на тяжелую приземистую платформу и готовились увезти.

Главный Инженер благодарно улыбнулся австралийцу, достал из кармана фонарь и направил в ту сторону узкий, как игла, яркий луч. Один из механиков поднял голову, и Гейнс начал мигать фонариком, повторяя какой-то сигнал. Человек сорвался с места и подбежал к ним.

Это был стройный юноша в полотняной робе. На ушах его были антифоны, а на голове какая-то несуразная ермолка со знаками различия. Узнав Главного Инженера, юноша козырнул, и его лицо приняло по-мальчишески серьезное выражение.

Гейнс сунул фонарь в карман и начал быстро жестикулировать обеими руками, так быстро и отточено, словно отроду был глухонемым. Блейкинсон вспомнил все, что знал из антропологии, и решил, что это напоминает язык жестов американских индейцев. Как ни странно, он пригодился здесь для чисто производственных надобностей.

Кадет кивнул, ступил на мостки и посветил фонарем куда-то вдаль. Тут же в его луче возникла бешено несущаяся машина. Она остановилась прямо перед ними.

Формой она напоминала яйцо на двух колесах. Спереди откинулся стеклянный колпак, и показался водитель, тоже кадет. Гейнс что-то объяснил ему жестами, после чего втолкнул Блейкинсона в тесный пассажирский отсек. Над водителем опустился колпак, навстречу им рванул тугой

воздух, и когда австралиец поднял глаза, то увидел, что позади остались по меньшей мере три тяжелых экипажа. В кузове последнего, кажется, мелькнули сквозь окна ермолки кадетов, но поручиться за это он не мог — скорость машины была не меньше двухсот миль в час. Он даже не успел удивиться тому, как кадет рванул машину с места, а Гейнс, игнорируя перегрузку, уже вызвал Девидсона по встроенному визору. С тех пор как за ними захлопнулась дверь, в машине установилась относительная тишина. На экране появилось лицо дежурной.

— Дайте мне Девидсона, старшего вахтенного.

— О! Это мистер Гейнс! С вами хочет поговорить мэр, мистер Гейнс.

— Пошлите его подальше и дайте мне Девидсона, да поживее!

— Есть, сэр!

— И вот еще что — поддерживайте этот канал до тех пор, пока я сам не прикажу его отключить.

— Хорошо.

На экране появился Девидсон.

— Это вы, шеф? Пока все без изменений.

— Хорошо. Вы можете отыскать меня на этой линии или в управлении Десятого субсектора. Теперь сгиньте.

На экране снова появилась дежурная.

— Вызывает ваша жена, мистер Гейнс. Соединить?

Гейнс пробормотал что-то не особенно учтивое и ответил:

— Да.

На экране расцвела фальшивой улыбкой миссис Гейнс. Прежде чем она успела открыть рот, он выпалил на одном дыхании:

— Дорогая, не волнуйся, со мной все в порядке, дома буду, когда вернусь оттуда, куда сейчас еду, — и отключился.

Наконец они остановились у лестницы, ведущей в управление Десятого сектора, и вышли из машины. У рампы стояли три больших грузовика, а рядом выстроились в шеренгу три взвода кадетов.

Один из кадетов подбежал к Гейнсу, отсалютовал и доложил:

— Линдсей, сэр, младший вахтенный. Вахтенный инженер просил вас сразу же зайти в пультовую.

Когда они зашли в пультовую, навстречу им поднялся вахтенный инженер.

— Вас вызывает Ван Клик, шеф.

— Соединяйте.

На большом экране появился Ван Клик.

— Хэлло, Ван, где вы?

— В управлении сектора Сакраменто. А теперь слушайте...

— В Сакраменто! Отлично! Докладывайте.

— «Докладывайте», — раздраженно передразнил Ван Клик. — Черта с два! Я больше не ваш заместитель, Гейнс. А теперь...

— Вы что, белены объелись?

— Слушайте меня и не перебивайте. Все узнаете. Короче, Гейнс, меня выбрали председателем Временного исполнительного комитета Нового Порядка.

— А вы не бредите, Ван? Что это значит «Новый Порядок»?

— Узнаете. Короче — функциональная революция. Мы внутри — вы снаружи. Мы остановили двенадцатую полосу, чтобы показать вам малую долю того, что мы можем.

«О функциях. Тратат о Естественном Состоянии Общества», библия функционалистов, увидел свет в 1930 году. Его называли всеобъемлющей научной теорией социальных взаимоотношений. Автор, Пол Декер, называл идеи демократии и равенства людей «отжившими и вредными». Он предлагал социальную систему, при которой люди оценивались бы по своим «функциональным» качествам, то есть по производственным показателям. Если же человек выходил за рамки своих функций, добиваясь успеха в других областях, то это признавалось ненужным, вредным и «противоречащим естественному состоянию». Такой порядок подсказывало тогдашнее состояние экономики.

Свои тезисы Декер обряжал в тогу псевдопсихологических рассуждений, основанных на наблюдениях над домашними птицами и на опытах Павлова по выработке у собак условных рефлексов. Он не придавал особого значения тому факту, что человек не собака и не цыпленок. Старый доктор Павлов отверг Декера так же, как отвергал множество других, пытавшихся превратить его важные, но узкоспециальные выводы в научную догму.

Функционализм, однако, не исчез — в тридцатые годы почти все, от водителей грузовиков до горничных, имели свой, доступный для понимания, взгляд на устройство общества и, что самое удивительное, некоторые из них даже добивались публикации своих теорий. Функционализм получил широкое распространение среди «маленьких людей», которым нужно было сознание своей полезности и иллюзия того, что при «естественном» состоянии они могли бы быть наверху социальной лестницы. Для тех же, чья работа была по-настоящему полезна, это было тем более очевидным.

Гейнс с минуту смотрел на Ван Клика, прежде чем ответить.

— Ван, — сказал он медленно, — неужели вы всерьез полагаете, что добьетесь успеха?..

— Почему бы и нет, — прервал его коротышка. — Мы уже добились успеха. Вы не сможете пустить двенадцатую полосу, пока я вам этого не позволю. А если будет нужно, я остановлю все дороги.

Гейнсу стало не по себе. Он отлично понимал, что это не простая похвальба. С трудом сдерживаясь, он продолжал:

— Конечно, можете, Ван, но что вы думаете насчет всей остальной страны? По-вашему, армия Соединенных Штатов будет смиренно сидеть и смотреть, как вы хозяйничаете в Калифорнии, словно царек?

— Я подумал об этом, — хитро улыбнулся Ван Клик. — Как раз я заканчиваю манифест для радио ко всем механикам страны. Я расскажу им, что мы сделали и призову их бороться за свои права. Когда по всей

стране останутся дороги и население начнет голодать, президент не раз подумает, прежде чем посылать против нас войска. Конечно, у него хватит сил арестовать или убить меня — я не боюсь смерти! Но он не сможет перестрелять всех механиков, потому что страна не сможет жить без нас. Скорее всего, он согласится на наши условия!

В этом была горькая правда. Если восстание дорожных механиков станет всеобщим, правительство не сможет подавить его силой. Это будет все равно что лечить больную голову гильотиной. Но станет ли оно всеобщим?

— Почему вы думаете, что за вами пойдут все остальные механики?

— А почему бы и нет? Это вполне естественно. Сейчас век машин, поэтому механики представляют повсюду единственно реальную силу. До сих пор их удавалось дурачить, и они этой силой не пользовались. А работники дорог — элита, их работа наиболее необходима. И вот теперь они показывают свою силу — разве это не естественно?! — Он на секунду отвернулся, перебирая на столе какие-то бумаги, потом добавил: — Я собираюсь связаться с Белым домом, оповестить президента о случившемся. Если хотите уцелеть, работайте и ведите себя хорошо.

Несколько минут Гейнс неподвижно сидел перед погасшим экраном. Вот оно что! Удивительно, если Вану удастся поднять всех механиков на дорогах. Конечно, это невозможно, но ведь случилось же на его собственной дороге. Наверное, он ошибался, отказываясь от внешних контактов. Нет, нет, с губернатором и с газетчиками только начини говорить — конца не будет. Не будет...

Он вызвал Девидсона.

— Дейв, в других секторах есть какие-нибудь беспорядки?

— Нет, шеф.

— А на других дорогах?

— Никаких известий.

— Вы слышали мой разговор с Ван Кликом?

— Да, мой аппарат был подключен к вашей линии.

— Хорошо. Пусть Хаббард позвонит президенту и губернатору и скажет им, что я категорически против использования внутренних сил, пока беспорядки ограничиваются одной нашей дорогой. Пусть он заявит далее, что я снимаю с себя ответственность, если войска будут посланы без моей просьбы.

— Вы думаете справиться сами, шеф? — удивился Девидсон.

— Да, думаю! Если мы попытаемся вышибить Вана и его бунтарей силой, то, скорее всего, вызовем такие же волнения по всей стране. Кроме того, он может так испортить механизмы, что сам Господь Бог не починит их. Какая сейчас нагрузка?

— Пятьдесят три процента пиковой.

— Что с двенадцатой полосой?

— Почти все эвакуированы.

— Хорошо. Как можно скорее эвакуируйте все магазины. Попросите шефа полиции помочь — пусть его люди не пускают никого в торговые

заведения и на других полосах. Ван вскоре может остановить все полосы, а может быть, нам самим придется это сделать. Вот мой план: я с вооруженными кадетами спускаюсь вниз. Мы продвигаемся вперед, подавляя по одному очаги сопротивления. Вы берете вахтенных механиков и прочий обслуживающий персонал и идете по пятам за нами. Каждый пройденный вами ротор вы переключаете на пульт сектора Стоктона. Это будет сумасшедшая работа безо всякой техники безопасности, но только таким путем мы можем предотвратить катастрофу.

Если этот план сработает, мы перехватим контроль над всем сектором Сакраменто, Ван останется на бобах и будет беситься у мертвого пульта. — Он повернулся к вахтенному инженеру субсектора: — Эдмонс, дайте мне шлем и оружие.

— Есть, сэр. — Он выдвинул ящик и передал Главному Инженеру изящный, но грозный пистолет.

Гейнс повесил его на пояс, потом нахлобучил шлем, открыл антифоны и услышал Блейкинсопа.

— Можно, э... мне тоже надеть шлем, — спросил он.

— Что? — повернулся к нему Гейнс. — А, шлем. Вам он не понадобится, мистер Блейкинсоп. Вам лучше остаться здесь, до тех пор пока я не скажу.

— Но... — начал было министр, но осекся.

В дверях стоял младший вахтенный инженер и знаками пытался привлечь внимание шефа.

— Мистер Гейнс, тут вас хочет видеть один механик. Его зовут Харви.

— Я не принимаю.

— Он из сектора Сакраменто, сэр.

— О! Зовите его сюда.

Харви быстро рассказал Гейнсу обо всем, что произошло сегодня на собрании Гильдии.

— Мне это не понравилось, и я ушел. Я не думал об этом, пока не встала двенадцатая полоса. Как только я узнал о беспорядках в секторе Сакраменто, тут же пошел к вам.

— А давно это готовилось?

— Я думаю, достаточно давно. Знаете, как это бывает: найдется несколько горячих голов, а некоторые из них — функционалисты. Но их нельзя выставить с работы за политические взгляды, ведь у нас свободная страна.

— Вам бы прийти чуть пораньше, Харви, — сказал Гейнс, изучая упрямое лицо механика. — Нет, все правильно. Это мое дело — отбирать кадры, а не ваше. Вы верно сказали, у нас свободная страна. Что-нибудь еще?

— Ну... если уж это случилось, я могу помочь вам, указав зачинщиков.

— Спасибо. Оставайтесь со мной. Мы идем «под землю», будем там наводить порядок.

Дверь внезапно распахнулась, и вошли двое: механик и кадет. Они несли на руках третьего, потом положили его на пол, встав рядом.

Это был безнадежно мертвый юноша. Его форма на груди набрякла кровью.

Гейнс посмотрел на вахтенного.

— Кто это?

Эдмонс поднял глаза и ответил:

— Кадет Хьюджерс. Я посылал его наладить связь с сектором Сакраменто. От него не было вестей, и я послал следом Марстоуна и кадета Дженкинса.

Гейнс что-то пробормотал себе под нос и повернулся к выходу.

— Идемте, Харви.

Кадеты выстроились шеренгой. Гейнс заметил, что мальчишеское воодушевление сменилось злобой. Многие обменивались жестами, некоторые передергивали затворы пистолетов.

Он осмотрел их с ног до головы и подозвал старшего. Последовал короткий обмен жестами, потом кадет отсалютовал, повернулся к своей команде, сделал несколько жестов и щегольски встал по стойке «смирно». Кадеты гуськом поднялись по лестнице в соседнюю пустую комнату. Гейнс шел следом.

Когда все вошли, Гейнс подождал, пока утихнет шум, и обратился к кадетам:

— Вы видели, как принесли Хьюджерса. Кто из вас готов своими руками убить гнид, которые его застрелили?

Тут же три кадета выступили вперед. Гейнс холодно посмотрел на них.

— Хорошо. Вы, трое, сдайте оружие и отправляйтесь по домам. Если кто-нибудь думает, что нам предстоит карательная экспедиция или охота, пусть присоединяется к нам. — Он выдержал длинную паузу и продолжил: — Сектор Сакраменто захвачен безответственными людьми. Мы собираемся его отбить, но без жертв с противной стороны, если это будет возможно, и не останавливая дорог. Наш план таков: захватывать ротор за ротором и переключать их на Стоктон. Задача нашей группы — продвинуться как можно дальше в северном направлении, отыскивая и обезвреживая всех, кто попадется по дороге. Крепко-накрепко запомните, что большая часть тех, кто будет арестован, совершенно невиновны, поэтому уж лучше пользуйтесь снотворным газом и стреляйте только в самом крайнем случае.

Капитан кадетов, разделите ваших людей на три группы по десять человек и назначьте старших. Каждая группа образует цепь поперек всей подземной части дороги и на интрациклах будет двигаться в северном направлении со скоростью пятнадцать километров в час. Интервал между группами — сто ярдов. Если по пути встретится человек, первая цепь захватывает его и в машине отправляет назад, к следующей цепи. Назначьте водителей и проинструктируйте их. Кроме того, отберите штурмовую группу для захвата управления субсектора, но не начинайте атаки до тех пор, пока роторы не будут переключены на Стоктон. Позаботьтесь

о связи. Вопросы есть? — Он окинул взглядом строй кадетов, но все молчали. Тогда он сказал, повернувшись спиной к опальной троице: — Отлично, господа. Выполняйте приказ!

Через некоторое время все приготовления были закончены. Прибыла первая группа механиков, Гейнс назначил старшего и проинструктировал его. Кадеты стояли рядом со своими интрациклами, словно спешившиеся кавалеристы. Капитан кадетов выжидающе смотрел на Гейнса. Когда тот кивнул, капитан кадетов щелкнул каблуками, его люди оседлали интрациклы и первая цепь двинулась на север.

Гейнс и Харви вскочили на свои интрациклы и поехали рядом с капитаном кадетов, ярдах в двадцати пяти от передовой цепи. Немало времени прошло с тех пор, когда Главный Инженер в последний раз пользовался этой неуклюжей на вид машиной. Гейнс чувствовал себя неловко — интрацикл отнюдь не прибавлял личного достоинства: человек на нем больше всего напоминал картофелину, зачем-то подвешенную в центре обруча. Однако «под землей» его использовали часто. На нем можно было проехать там, где дорога была не шире плеч, он ловко управлялся, гидростабилизатор позволял водителю оставлять машину на стоянках в вертикальном положении.

Маленький верткий экипаж быстро нес Гейнса между роторов, а он тем временем отдавал распоряжения по внутреннему коммуникатору.

Первые двести ярдов сектора Сакраменто они прошли спокойно, потом один из кадетов обнаружил стоящий около ротора интрацикл, а неподалеку, у основания ротора, возился механик. Он что-то измерял и не заметил приближающейся цепи.

Механик был безоружен, сопротивления не оказал, но был явно удивлен и возмущен.

Гейнс подождал, пока его обгонит следующая цепь. Через три мили на их счету было тридцать семь арестованных и ни одного убитого, двое из кадетов были легко ранены, Гейнс отослал их назад. Только у четырех задержанных было оружие, в одном из них Харви опознал зачинщика. Он выразил желание попытаться переговорить с отщепенцами, и Гейнс, подумав, согласился. Он давно знал Харви как авторитетного лидера рабочих, к тому же он не хотел терять надежду ликвидировать беспорядки мирным путем.

Немного погодя передовая цепь обнаружила прятавшегося за ротором механика. Он был вооружен, но не сопротивлялся, однако, прежде чем его схватили, он попытался что-то сказать в микрофон, торчащий у основания ротора.

Гейнс подскочил к нему сзади и рванул микрофон с такой силой, что чуть не сломал пленнику челюсть. Тот выплюнул сломанный зуб, злобно посмотрел на Гейнса, но ничего не сказал. Все заданные вопросы остались без ответа.

Несмотря на быстрое вмешательство Гейнса, оставалась вероятность, что механик успел предупредить своих, так что на внезапность рассчитывать больше не приходилось. Слово вылетело, теперь его не поймашь.

Пессимизм Гейнса можно было понять. Навстречу им уже катили в интрациклах несколько человек. Их было немного, но точную численность противника установить было невозможно — наверняка многие скрывались за роторами. Харви посмотрел на Гейнса. Тот кивнул и знаком велел капитану кадетов остановить своих людей.

Харви выступил вперед безоружный, подняв руки и чуть пошатываясь. Люди на интрациклах замедлили ход, потом остановились. Харви подошел к ним метров на десять и тоже остановился. Один из инсургентов, по-видимому старший, обратился к нему на языке жестов.

Из-за расстояния и слепящего света нельзя было разобрать, о чем они говорят. «Беседа» длилась считанные минуты, потом прервалась. Похоже было, что вожак не знал, как поступить. Один из его людей подъехал к нему, на ходу засовывая пистолет в кобуру, и что-то сказал. Вожак сделал жест отрицания, тот повторил свой довод и получил тот же ответ. Тогда он сделал непристойный жест, достал пистолет и выстрелил в Харви. Харви согнулся пополам, шагнул вперед. Человек выстрелил еще раз, и Харви, дернувшись, рухнул на пол.

Капитан кадетов рванулся вперед. Когда пуля настигла убийцу, тот поднял недоуменный взгляд, словно чему-то удивившись и еще не понимая, что это — его смерть.

Кадеты открыли огонь. Каждый из них сделал не больше двух выстрелов, но и этого нестройного залпа было достаточно, чтобы деморализовать противника. Менее чем за полминуты инсургенты были кто убит, кто ранен, кто схвачен. Гейнс насчитал двух убитых (помимо того, кто убил Харви) и двух раненых.

Применяясь к обстоятельствам, Гейнс изменил тактику наступления. Преимущество внезапности они утратили, теперь все решали скорость и натиск. Теперь вторая цепь должна была идти буквально по пятам за первой, третья — в двадцати пяти ярдах от них. Гейнс приказал не обращать внимания на безоружных — ими займется четвертая цепь — и стрелять по всем, у кого будет замечено оружие, но так, чтобы ранить, а не убивать, хотя отлично понимал, что мало кто послушается его и будет убийства. Что ж, он не хотел этого, а теперь у него просто не оставалось выбора. Каждый вооруженный — потенциальный убийца. Было бы просто нечестно подставлять своих людей под пули.

Кадеты перестроились в новые боевые порядки. Гейнс подал капитану кадетов знак, и интрациклы первой и второй цепи ушли вперед на предельной скорости — около восемнадцати миль в час. Гейнс тронулся следом за ними.

Он притормозил, объезжая тело Харви, и невольно заметил, что даже смерть не обезобразила его лицо, на котором навеки застыло решительное и упрямое выражение. Глядя на него, Гейнс уже не жалел, что отдал

приказ стрелять, хотя почти физически ощущал на душе тяжесть, словно потерял что-то не менее важное и нужное, чем честь.

По пути им встретились несколько механиков, однако стрелять не пришлось, и у Гейнса вновь появилась надежда на бескровную победу. Вдруг он заметил, как изменился шум машин, слышимый даже сквозь антифоны. Сняв наушники, он услышал рокочущие диминуэндо останавливающихся роторов и катков.

Дорога встала.

— Остановите людей! — крикнул он капитану кадетов, и его голос эхом раскатился в наступившей тишине.

Он подошел к патрульной машине.

— Шеф, — сказал водитель. — Вас вызывают.

На экране появилась дежурная, потом Девидсон.

— Шеф, вас вызывает Ван Клик.

— Кто остановил дорогу?

— Он.

— Есть еще что-нибудь важное?

— Нет. Когда он остановил дорогу, полосы были практически пусты.

— Хорошо. Давайте сюда Ван Клика.

Увидев Гейнса, предводитель мятежников не смог сдержать злобной гримасы.

— Что, дурачком меня считали, да? — рявкнул он. — А что вы думаете теперь, мистер Главный Инженер?

Гейнс подавил желание немедленно выложить ему, что он думает обо всем этом и о самом Ван Клике в частности. Голос коротышки раздражал его, словно ножом водили по медной тарелке. Но он не мог позволить себе роскошь говорить то, что думает, поэтому заставил себя говорить в своей обычной манере, словно уговаривая собеседника:

— Я был готов к вашей выходке, Ван. И не думайте, что я стал принимать вас всерьез только после остановки дороги. Я давно следил за вашей работой и знаю, что ваши слова не расходятся с делом.

Слова Гейнса доставили Ван Клику явное удовольствие, хотя он и пытался это скрыть.

— Тогда почему же вы не прекращаете сопротивление? — напирал он. — Вы не сможете победить нас.

— Может быть, и нет, Ван, но вы же знаете — я обязан попытаться. Кроме того, с чего вы это взяли, что я не смогу победить вас? Вы же сами говорили, что при желании я могу вызвать сюда всю армию Соединенных Штатов?

Ван Клик торжествующе улыбнулся.

— А это вы видели? — Он указал на пузатую ручку рубильника с привязанной к ней длинной веревкой. — Стоит мне дернуть за веревку, и весь сектор взлетит к небесам. В крайнем случае я просто обрежу веревку и взорву к чертям весь сектор.

Гейнс здорово пожалел, что мало разбирается в психологии. Ну что ж, может быть, это и к лучшему — интуиция поможет ему найти правильный ответ.

— Конечно, это серьезно, Ван, но я не понимаю, каким образом это помешает нам?

— Да неужто? Тогда я скажу вам еще кое-что. Предположим, вы заставите меня взорвать дорогу, а как насчет тех людей, которые неизбежно погибнут при этом?

Гейнса даже передернуло. Он не сомневался, что Ван Клиг выполнит свою угрозу. Дело было в другом: фразеология Ван Клига, это его нелогичное «если вы меня заставите...» — обличали его душевную неустойчивость. Такой взрыв может повредить жилые дома сектора и наверняка разрушит магазины и прочие заведения на дороге. Ван был абсолютно прав: Гейнс не мог рисковать людьми, даже не подозревавшими об опасности, — пусть даже дороги не двинутся до скончания веков. Кроме того, он не мог допустить разрушения дороги — это тоже нанесет вред людям.

В голове Гейнса забилась мелодия: «Слушай гудень, блюди движение. Нашей работе нет конца». Что делать? Что делать? «Пока вы несетесь по быстрым дорогам, мы...» И почему это случилось именно здесь?

Он снова вернулся к экрану.

— Знаете, Ван, вы ведь не хотите взрывать дорогу, хотя и можете сделать это. Я тоже не хочу этого. Давайте я приду к вам в штаб, и мы с вами обсудим все это. Два разумных человека всегда смогут договориться.

— Задумали какой-нибудь финт? — недоверчиво спросил Ван Клиг.

— Какой? Я к вам явлюсь один и без оружия, прямо сейчас.

— А ваши люди?

— Останутся здесь, пока я не вернусь. Можете послать наблюдателей.

Ван Клиг на минуту задумался. В нем боролись страх перед возможной ловушкой и тщеславное желание увидеть своего начальника в роли просителя. Наконец он неохотно кивнул.

Гейнс проинструктировал людей и сообщил о своем решении Дэвидсону.

— Если я не вернусь через час, действуйте по своему усмотрению, Дейв.

— Будьте осторожны, шеф.

— Буду.

Он высадил из машины кадета-водителя, вывел ее на рампу, ведущую к мосткам, развернулся и включил мотор на полную мощность.

Теперь, несмотря на скорость в двести миль в час, он мог собраться с мыслями. Предположим, он побьет Ван Клига, тогда нужно будет многое изменить. Во-первых, нужно будет связать все полосы аварийных переходов, чтобы остановка одной полосы не представляла опасности для соседних. То, что случилось сегодня на двенадцатой, не должно больше повториться! Это дело техники, и сделать это просто. Главная проблема — люди. Нужно ужесточить систему психологических тестов,

чтобы на дорогах работали уравновешенные, здравомыслящие люди. Но, черт побери, то же должна делать и существующая система. До сих пор не было повода сомневаться в методе Хамма—Уодсфорда—Бартона. Как удалось Ван Клику склонить к восстанию людей, прошедших классификационную проверку? Это не лезет ни в какие ворота. Весь сектор не мог спятить. Один человек — куда ни шло, но большие группы людей по всем законам должны работать, как машины. Это же проверенные люди. Он представил себе механиков, занятых своим делом. А! Вот оно что! Ван Клик, первый заместитель Главного Инженера, в глазах всего коллектива оставался начальником!

Да, это объясняет все. Ван Клик отвечал за личный состав и мог безошибочно собрать всех недовольных в одном секторе. Наверняка он не один год занимался этим и даже, может быть, фальсифицировал результаты классификационных тестов.

Во-вторых, надо будет ввести строгую проверку руководящего состава, проверять и перепроверять его работу. Даже он, Гейнс, должен подвергнуться этой проверке. *Qui custodiet ipsos custodes*¹, кто проверит проверяющих? Хотя латынь и мертвый язык, но древние римляне до сих пор помогают советом.

Наконец он понял, где ошибался, понял с каким-то равнодушным удовольствием. Проверки и перепроверки, охранные системы — все это слишком громоздко и малоэффективно.

Он не должен был облекать Ван Клика такой большой властью, не изучив его вдоль и поперек. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Он нажал кнопку тормоза, и машина резко остановилась.

— Станция! Соедините меня с моим кабинетом.

На экране появилась Долорес.

— Вы на месте — чудесно! Я боялся, что вы уже ушли домой.

— Я вернулась, мистер Гейнс.

— Умница девочка! Прочтите мне личное дело Ван Клика, его классификационные данные.

Она быстро сходила за его досье и начала сыпать символами и процентами. Гейнс кивал — все подтверждало его подозрения: скрытый комплекс неполноценности.

— Заключение комиссии, — продолжала Долорес. — Несмотря на некоторую неустойчивость показателей «А» и «Д» на объединенном графике, комиссия заключает, что данный человек вполне пригоден для руководящей работы. Рекомендовано его продвижение по службе.

— Хватит, Долорес, спасибо.

— Да, мистер Гейнс.

— Я иду ва-банк. Сложите-ка пальцы на счастье.

— Но, мистер Гейнс...

Во Фресно Долорес таращилась на пустой экран.

¹ Кто охранит самих сторожей (лат.).

— Отведите меня к мистеру Ван Клику!

Человек с видимой неохотой отвел винтовку и кивком предложил Гейнсу идти впереди него. Гейнс захлопнул фонарь машины и пошел вверх по лестнице. Конвоир шел сзади.

За пультом управления сектором Ван Клик выглядел лучше, чем в кабинете. Его окружало поддюжины людей, все с оружием.

— Добрый вечер, Директор Ван Клик.

Коротышка на глазах распухал — вот как сам Гейнс обращается к нему!

— Мы здесь обходимся без титулов, — бросил он с важной небрежностью. — Зовите меня просто Ван. Садитесь, Гейнс.

Гейнс так и сделал. Теперь было необходимо убрать из комнаты всех остальных. Он с равнодушным любопытством осмотрел охрану.

— Что, Ван, боитесь, что один не справится с безоружным человеком? Или господа функционалисты уже не доверяют друг другу?

Ван Клик побагровел. Гейнс бесстрашно улыбался. Наконец, коротышка достал пистолет и показал своим людям на дверь.

— Выметайтесь, ребята.

— Но, Ван...

— Убирайтесь, я сказал!

Когда они остались вдвоем, Ван Клик потрогал рублильник, тот самый, который показывал Гейнсу на экране визора, и направил на своего бывшего шефа пистолет.

— Вот так, — прорычал он. — Только попробуйте рыпнуться! С чем вы пришли?

Гейнс широко улыбнулся.

Ван Клик нахмурился.

— Чему вы радуетесь? — спросил он.

Гейнс, наконец, снизошел до ответа.

— Вы искренни, Ван. Это хорошо. Вы затеяли функционалистскую революцию, а себе оставили одну функцию — взорвать дорогу. Скажите, чего вы так боитесь?

— Я не боюсь!

— Не боитесь? Вы? Сидите здесь, собираетесь с помощью этого рычажка сделать хакакири и при этом пытаетесь убедить меня; что ничего не боитесь. Да если ваши люди узнают, что должны воевать лишь ради ваших амбиций, они вас шлепнут в один момент. Вы этого не боитесь?

Ван Клик оставил рублильник и вскочил.

— Я не боюсь! — завопил он, подбегая к Гейнсу, который продолжал сидеть, широко улыбаясь.

— Боитесь! В эту минуту вы боитесь меня. Боитесь, что я найду прореху в вашей защите, боитесь кадетов, которые не салютуют вам, боитесь, что они будут смеяться у вас за спиной, боитесь за обедом взять не ту вилку, боитесь всех, кого видите — боитесь, что они вас не заметят.

— Нет! — заорал Ван Клик. — Вы... Вы вонючий сноб! Думаете, если вы важная шишка, значит, все хуже вас! — Он запнулся, пытаясь сдерживать слезы ярости. — Вы и ваши гнусные кадетишки...

Гейнс смотрел на него изучающе. Вот когда раскрылся характер Ван Клика, и удивительно, что он не замечал этого раньше. Он припомнил, что Ван Клик не представлял собой ничего особенного, пока он сам не помог выбраться ему наверх. Теперь нужно было сыграть на его слабостях, отвлечь от рубильника. Пусть вся его ярость будет направлена на Гейнса. Только сделать это нужно осторожно, чтобы не допустить пальбы, да и самому обойтись без крови, отвоевывая рубильник.

— Ван, — с улыбкой сказал Гейнс, — вы ведь всего лишь надутое ничтожество. Это у вас на лбу написано. Я же вас насквозь вижу: вы третьесортный человечиска, Ван, и всю жизнь боялись, как бы кто-нибудь не дал вам пинка. Директор... Тьфу! Если бы все функционалисты были вроде вас, мы бы наплевали на них — пусть захлебываются в своем дерьме. — И он демонстративно повернул свой стул, садясь спиной к Ван Клику и его пистолету.

Ван Клик бросился к обличителю, встал в нескольких футах от него и прокричал:

— Ты... Я тебе покажу... Всажу в тебя весь магазин и вот мой ответ!

Гейнс откинулся на спинку стула, потом встал с него и пружинистым шагом пошел на Ван Клика.

— Положите вашу пукалку на место, пока сами на застрелились.

Ван Клик отступал шаг за шагом.

— Не подходите ко мне! — закричал он. — Не подходите — или я застрелю вас, кланусь богом!

«Вот так», — подумал Гейнс и кинулся коротышке под ноги.

Пистолет рывкнул над самым его ухом. Слава богу, не задело. Они катались по полу. Для такого коротышки Ван Клик был крепок. Где пистолет? Вот он! Гейнс схватил пистолет, вырвался.

Ван Клик остался лежать, скорчившись, на полу, и из-под его век катились слезы. Он всхлипывал, как обиженный ребенок.

Гейнс посмотрел на него с каким-то подобием жалости, наклонился и легонько тронул его за ухом рукояткой пистолета, потом подошел к двери, прислушался и осторожно запер.

Веревка все еще была натянута. Он осмотрел узел и развязал его, отведя рубильник в безопасное положение. Потом повернулся к экрану на контрольной панели и вызвал Фресно.

— Все в порядке, Дейв, — сказал он, — начинай атаку, и, ради всего святого, поживее! — И выключил экран, чтобы вахтенный не увидел, как его трясет.

На следующее утро Гейнс, довольный, расхаживал по помещению Главного Пульта. Дороги катились — их пустили уже давно. Это была долгая ночь. Инженеры и кадеты дюйм за дюймом проверили весь сектор Сакраменто, потом переключили на другие пульта два испор-

ченных субсектора. Но дороги катились — даже сквозь пол была слышна их вибрация.

Он остановился позади изможденного, заросшего щетиной человека.

— Почему вы не идете домой, Дейв? — спросил он. — Макферсон справится и без вас.

— А вы сами, шеф? Вид у вас далеко не цветущий.

— Ну, я-то вздремну после завтрака у себя в кабинете. Я позвонил жене и сказал, что не мог вчера встретить ее, теперь она едет за мной сюда.

— Злитесь?

— Не то чтобы очень, но вы ведь знаете, как это бывает у женщин. — Он повернулся к приборной панели, изучая данные всех шести секторов: Кольцевая Сан-Диего, сектор Анджелес, сектор Бейкерсфилд, сектор Фресно, сектор Сток... Стоктон! Боже правый! Блейкинсон! Он же оставил австралийского министра в Стоктоне и за всю ночь даже не вспомнил о нем!

Он бросился к двери, крикнув через плечо:

— Дейв, велите мне подать машину и как можно быстрее!

Он пересек зал и заглянул в свой кабинет.

— Долорес!

— Да, мистер Гейнс.

— Позвоните моей жене и скажите ей, что я поехал в Стоктон. Если ее не будет дома, подождите ее здесь. И еще, Долорес...

— Да, мистер Гейнс.

— Ну что за умница!

Он вышел из своего кабинета и сбежал по лестнице к дороге. Вид бегущих полос обрадовал его, как никогда. Почти бегом он подошел к двери, на которой было написано: «ПРОХОД ВНИЗ», открыл ее, и громкая музыка «подземелья» слилась с мелодией, которую он насвистывал:

«О, это скорость, скорость, да!
Мы у роторов всегда.
Блюдам свои секторы строго!
Раз! Два! Три!
Куда бы ты ни ехал, помни всегда,
Что катятся наши дороги!»

З В Е З Д Н Ы Е
РЕЙНДЖЕРЫ
роман

1

*Эй, вперед, обезьяны! Или вы хотите жить
вечно?*

Неизвестный сержант. 1918 год

Я всегда начинаю дрожать перед десантом. Понятно, мне делают инъекцию и проводят гипнотическую подготовку, так что на самом деле я просто не могу трусить. Наш корабельный психиатр, проанализировав данные моего биополя и задав мне, пока я спал, кучу глупых вопросов, заявил, что это не страх, что в этом вообще нет ничего серьезного — так дрожит хороший рысак перед скачками.

Я ничего не мог сказать на этот счет, так же как не мог представить себя рысаком. Но факт оставался фактом: каждый раз я, как идиот, начинал дрожать.

За полчаса до выброса, после того как мы собрались в нужном отсеке нашего корабля — «Роджера Янга», командир отряда осмотрел каждого. По-настоящему он не был нашим командиром — в прошлом десанте лейтенант Расжак получил свое, и теперь его не было с нами. Осмотр проводил сержант крейсера Джелал. Джелли был наполовину финн, наполовину турок с Искандера системы Проксимы. Смуглый, небольшого роста, он напоминал заурядного клерка, но однажды я видел, как он расправился с двумя рядовыми — богатырями скандинавами, такими высоченными, что он едва смог дотянуться до их голов. Но эти головы треснули друг о друга, как два кокосовых ореха, а он спокойно отступил на шаг, когда здоровяки свалились на пол.

Вне службы с ним можно было общаться запросто. Ты мог даже в глаза называть его Джелли. Новобранцы, конечно, себе этого не позволяли, но так мог обращаться к нему всякий, кто хотя бы раз побывал в боевом десанте.

Но сейчас он был, что называется, при исполнении. Каждый уже осмотрел свое боевое снаряжение, после этого все тщательно прощупал сержант отряда, а потом уже нас проинспектировал Джелли: бесстрастное лицо, глаза, которые, кажется, автоматически фиксировали малейшее упущение. Он остановился возле Дженкинса, замершего напротив меня, и надавил кнопку на его поясе, которая включала датчик физического состояния десантника.

— Покинуть строй!

— Но, сержант, это всего лишь легкая простуда. Врач сказал...

Джелли, не дал ему договорить.

— «Но, сержант...» — передразнил он. — Лекарь, по-моему, не собирается участвовать в десанте. И ты не будешь — вместе со своей «легкой простудой». Или ты думаешь, я стану с тобой лясы точить перед самым выбросом? Покинуть строй!

Дженкинс ушел, и было видно, как его одолевают и злость, и стыд, и тоска. Мне самому стало тоскливо. Поскольку нашего лейтенанта не было, произошло повышение по цепочке, и меня назначили помощником командира 2-го отделения в этом десанте, и теперь в моем отделении образовалась дырка, которую нечем было заполнить. А это могло означать, что если кто-нибудь из моих ребят попадет в беду, будет звать на помощь, то помочь ему не сможет никто.

Джелли уже больше ни к кому не подходил. Он отступил от строя на несколько шагов и осмотрел нас, качая головой.

— Что за банда обезьян! — буркнул он. — Если вернетесь из десанта, может быть, стоит начать сначала и сделать из вас таких, каких хотел видеть лейтенант. Хотя, может, и вообще ничего не выйдет — уж такие к нам нынче идут новобранцы...

Он выразительно посмотрел на нас и вдруг, выпрямившись, как будто став больше ростом, крикнул:

— Я только хочу напомнить вам, обезьянам, что каждый, без исключения, обошелся государству в круглую сумму — если считать оружие, бронескафандр, специальные боеприпасы, прочую амуницию и все остальное, включая жратву! Все это стоит по меньшей мере полмиллиона. Добавьте сюда еще тридцать центов — столько на самом деле стоите вы сами — и получите окончательный ответ!..

Он оглядел нас.

— Я думаю, что теперь вы все поняли! Мы можем потерять всех вас, но мы не можем позволить себе терять то, что на вас надето. Герои мне не нужны. И лейтенанту лишнее геройство не понравилось бы. Вас ждет работа, вы спуститесь, выполните ее и будете ждать сигнала к отбою. Понятно?

Он еще раз скользнул взглядом по нашим лицам.

— Считается, что вы знакомы с планом операции. Но надежды на вас мало даже с гипнозом. Поэтому я повторяю еще раз. Выбрасываться будете в две цепи, с рассчитанным интервалом в две тысячи ярдов. Все время держите контакт со мной. Все время держите контакт и соблюдайте дистанцию со своими товарищами с обеих сторон, пока не займете настоящую оборону. Постарайтесь получше вычислить все там внизу, чтобы фланговые спокойно ткнулись носом в землю. (Он говорил обо мне: как помощник командира отделения, я должен быть левофланговым, и с одной стороны меня не прикрывал никто. Я начал дрожать.)

— ...Как только они приземлятся, выровняйте цепи и разберитесь с интервалом. Двенадцать секунд. Потом вперед перебежками — четные и нечетные. Помощники командиров следят за счетом и порядком.

Он посмотрел на меня.

— Если все сделаете правильно, в чем я сильно сомневаюсь, фланги сомкнутся как раз перед сигналом отбоя, а там уже и домой. Вопросы?

Вопросов не было. Впрочем, их не было никогда. Он продолжил:

— Еще одно. Это всего лишь рейд, а не настоящий бой. Это демонстрация нашей огневой мощи, мы должны их пугнуть. Наша задача — дать врагу понять, что мы можем легко уничтожить их город, но пока не хотим разрушать его. Пусть знают, что они не находятся в безопасности, даже если мы и не применяем тотальной бомбардировки. Пленных не брать. Убивать только по необходимости. Но вся площадь, которую займем, должна быть вычищена. Я не хочу, чтобы какой-нибудь бродяга из вашего отряда притащил на корабль взрывающееся устройство. Всем понятно?

Он взглянул на часы.

— У «Сорвиголов Расжака» высокая марка, и нужно ее держать. Лейтенант просил передать, что будет следить за вами... и надеется, вы сумеете прославить свои имена!

Джелли бросил взгляд на сержанта Миглаччио, командира первого отделения:

— Пять минут для падре.

Парни один за другим выходили из строя и становились на колени перед сержантом Миглаччио. Совершенно неважно, кто ты был, во что верил — в Алаха, Христа, Иегову или какую-нибудь ересь, — ты мог встать перед падре на колени, он обращал свое сердце к каждому, кто хотел с ним поговорить перед десантом. Я слышал, что где-то есть священники, которые не идут в бой вместе со всеми, и никогда не мог понять, как такие священники могут работать в войсках. Как может священник благословлять кого-нибудь на то, чего он сам не хочет и не может делать? Так или иначе, в десанте выбрасывался каждый и воевал тоже каждый — вплоть до капеллана и повара. Когда мы начали спускаться по широкому коридору, никто из «сорвиголов» не остался в отсеке, — кроме Дженкинса, конечно, но это была не его вина.

К падре я с другими не подошел: я всегда боялся, что кто-нибудь заметит, как меня трясет. В конце концов, он вполне мог благословить меня и на расстоянии. Но вдруг он сам подошел ко мне, когда последний из преклонивших колени встал, и прижал свой шлем к моему.

— Джонни, — сказал он тихо, — ты первый раз участвуешь в выбросе как сержант.

— Да, — сказал я, хотя на самом деле я был таким же сержантом, как Джелли офицером.

— Я только вот что хочу сказать, Джонни. Не пытайся сразу стать генералом. Ты знаешь свою работу. Исполни ее. Только исполни. Не старайся получить медаль.

— О, спасибо, падре. Все будет нормально.

Он проговорил что-то ласковое на языке, которого я не знал, потрепал меня по плечу и заторопился к своему отделению.

- Тэнн, заткнись! — скомандовал Джелли, и мы все подтянулись.
- Отряд!
- Отделение! — эхом ответили Миглаччио и Джонсон.
- По отделениям — приготовиться к выбросу!
- Отделение! По капсулам! Исполняй!
- Группы!

Мне пришлось подождать, пока четвертая и пятая группы рассядутся по капсулам, а уже затем пройти по отсеку отстрела капсул к своей. Я устраивался в капсуле и думал: «Интересно, тех древних, которые залезли в Троянского коня, тоже трясло? Или это только я один такой?» Джелли проверил герметичность каждого и собственноручно закупорил меня. Закрывая колпак, он нагнулся ко мне и сказал:

— Не теряй головы, Джонни. Считай, что ты на учениях.

Он закрыл капсулу, и я остался один. «На учениях»! Меня затрясло еще сильнее.

В наушниках раздался голос Джелли:

— Контакт! «Сорвиголовы Расжака»... готовы к выбросу!

— Семнадцать секунд, лейтенант! — отозвалось бодрое контральто капитана корабля. Меня резануло, что она назвала Джелли лейтенантом. Конечно, лейтенанта нет в живых, а Джелли, вполне возможно, займет его место... Но мы все еще оставались «Сорвиголовами Расжака».

— Счастливо, ребята! — сказала она.

— Спасибо, капитан.

— Пристегивайтесь. Пять секунд.

Я был плотно пристегнут к креслу — лоб, живот, голени, — но дрожал больше прежнего.

Когда отделишься от корабля, становится легче. Сначала сидишь в крошечной темноте, замотанный, как мумия, так что едва дышишь — для того, чтобы снять последствия ускорения. Сидишь и знаешь только то, что в капсуле вокруг тебя азот и шлем снимать нельзя (хотя и при всем желании ты не смог бы этого сделать). Знаешь, что отсек отстрела забит такими же капсулами, и если по кораблю ударят, то тебе останется только молиться и спокойно помирать. Не в силах двинуться с места, будешь бесконечно дожидаться в темноте смерти и думать, что все про тебя забыли... Будешь вертеться на орбите в развороченной скорлупе корабля, мертвой скорлупе, и наконец получишь свое, не в силах двинуться, чувствуя только, как удушье сдавливает горло. Или корабль сойдет с орбиты, и ты получишь свое внизу, если не сгоришь на пути к планете.

Потом сработала программа, капсулы были отстрелены, и я перестал дрожать. Когда кораблем управляет женщина, не жди никакого комфорта. Синяки обеспечены где только возможно. Да, я знаю, что они лучше справляются с работой пилота, чем мужчины, у них более быстрая реакция. В бою это важно, так как повышает твои шансы, равно как и шансы самих пилотов. Но они мало чем могут помочь, когда на ваш хребет наваливается тяжесть, в десять раз превосходящая обычный ваш вес.

Хотя я должен отметить, что капитан Деладрие свое дело знала. Я даже не почувствовал, когда «Роджер Янг» перестал тормозить. Прозвучала ее команда:

— Центральный отсек... отстрел! — И два звучных хлопка: бум! бум! Это Джелли и сержант отряда отделились от корабля. И тут же: — Отсеки левое и правого борта — автоматический отстрел!

Бум! И капсула дергается и передвигается на новое место. Бум! И она дергается снова, как патрон в магазине старинного автоматического оружия. Что ж, так оно на самом деле и есть... только вместо стволов длинные туннели отсеков космического военного крейсера, а каждый патрон - капсула с десантником в полном боевом снаряжении.

Бум! Я всегда был номером третьим и покидал корабль одним из первых. Теперь же я был «крайним Чарли» — замыкал выброс трех групп. С непривычки ожидание казалось долгим, хотя каждую секунду отстреливалось по капсуле. Я стал считать хлопки. Двенадцать. Тринадцать. Бум! Четырнадцать — странный звук — это пошла пустая, в которой должен был быть Дженкинс. Бум!..

Что-то клацнуло: мой черед, моя капсула в камере отстрела. И наконец — А-А, М-М! — взрыв, сила которого заставляет вспомнить маневр торможения нашего капитана как детскую ласку.

И тут же неожиданно все ощущения пропадают.

Пустота. Нет звуков, давления, веса. Парение в темноте... свободное падение, примерная высота — тридцать миль. Атмосферы как таковой еще нет, плавно падаешь навстречу планете, на которой никогда не был. Но дрожь прошла: ожидание кончилось. Когда ты отделился, особенно плохо тебе уже не будет; случись беда, все произойдет так быстро, что получишь свое, не успев ничего заметить.

Я почувствоваал вибрацию и раскачивание капсулы, вес возвращался быстро, и вскоре мне стало совсем хорошо (нам сказали, что сила тяжести на планете будет чуть меньше земной). Все это означало, что капсула вошла в атмосферу. Пилот, если он артист, мастер своего дела (а наш капитан такой и была), должен производить маневр торможения и отстрела капсул таким образом, чтобы их скорость совпадала со скоростью вращения планеты. От этого зависит, насколько точным будет приземление. Неуклюжий пилот может так разбросать капсулы, что десанту будет очень трудно собраться, восстановить строй и выполнить свою миссию. Десантник чего-либо стоит тогда, когда его точно выводят на цель. Я подумал, что в нашем деле пилот не менее важен, чем сам десантник.

По тому, как плавно моя капсула вошла в атмосферу, я могу судить: капитан положила нас с почти нулевым боковым вектором — об этом можно было только мечтать. Я почувствовал себя счастливым не только потому, что мы придем точно к цели в нужное время, но и потому, что нам выпало работать с таким капитаном.

Внешняя оболочка капсулы прогорела и отвалилась. Атмосфера начала тут же раздирать вторую оболочку, качка и тряска усилились, потом стали

еще сильнее — вторая оболочка прогорела и отваливалась по кускам. Одна из тех уловок, которые позволяют десантнику, летящему в капсуле, надеяться дожить до пенсии. Куски оболочки, которые отваливаются от капсулы, не только тормозят падение, но и наполняют небо бессчетным количеством целей, способным сбить с толку любой радар — каждая из них может быть десантником, бомбой или чем-нибудь еще. Этих кусков достаточно, чтобы свести с ума любой баллистический компьютер — и сводят.

Для пущей забавы с корабля выпускается целая куча фальшивых яиц-капсул сразу после выброса десанта, и эти фальшивки летят быстрее наших капсул, потому что оболочек не сбрасывают. Они достигают поверхности планеты, взрываются, отвлекая внимание, расчищают площадку — короче, прибавляют дел комитету по организации встречи на планете.

В то же время радиосвязь корабля, игнорируя всякий радарный шум, намертво привязана к направленному сигналу командира отряда. Компьютеры корабля рассчитывают твою ближайшую задачу.

Когда вторая оболочка отлетела, из третьей был автоматически выброшен первый ленточный парашют. Он работал недолго, да и не был рассчитан на это: один чувствительный, мощный рывок — и парашют летит своей дорогой, я своей. Второй парашют работал чуть дольше, а третий уже довольно длительное время. Я увидел, что внутри капсулы начинает подниматься температура, и начал думать о приземлении.

Третья оболочка отлетела, когда до конца отработал третий парашют, и теперь вокруг меня не было ничего, кроме бронескафандра и пластикового яйца, внутри которого я все еще был привязан. Наступало время решать, где и когда я буду приземляться. Не двигая руками (я не мог), пальцем включил экран ближнего видения и, когда он засветился чуть выше моих глаз на внутренней поверхности шлема, начал считывать данные.

Миля плюс восемьдесят метров. Немного ближе, чем я люблю, особенно в отсутствии компании. Яйцо теперь падало с постоянной скоростью, и не было никакого смысла оставаться внутри. Однако температура на поверхности яйца показывала, что автоматически оно откроется еще не скоро. Поэтому другим пальцем я нажал на кнопку, освобождавшую меня немедленно.

Первая часть программы отрезала ремни, которые меня опутывали. Вторая взорвала окружающий меня пластик, и он стал падать, расколовшись на восемь частей. Я был на свободе, «сидел» на воздухе и видел все своими глазами! Меня согревала мысль, что оболочка пластикового яйца покрыта тонким слоем металла и каждый кусок ее выглядит на экране радара точно так же, как десантник в бронескафандре. Тому, кто обрабатывал данные радары — будь это живое существо или компьютер, — предстояла неприятная задача: решить, какой из девяти объектов является десантником, не говоря уже о тысячах кусков и обломков, летящих на расстоянии нескольких миль вокруг. При подготовке десантнику обязательно дают поглядеть — и своими глазами, и на экране радара, — в какое замешательство приводит

выброс десанта силы обороны на земле: уж больно беззащитным и словно раздетым чувствуешь себя, когда кувыркаешься вот так в воздухе без скорлупы. Можно легко впасть в панику, открыть парашют слишком рано и превратиться, как у нас говорят, в сидящую утку. Или вообще не открыть парашют и сломать ноги, позвоночник или переломить череп.

Я вытянулся, распрямился и огляделся вокруг. Потом сложился и снова выпрямился теперь уже в позиции «ныряющий лебедь», лицом вниз, и попытался получше рассмотреть, что там подо мной. На планете, как и планировалось, была ночь, но инфравидение, если к нему привыкаешь, дает вполне четкую картину. Река, по диагонали пересекающая город, была прямо подо мной. Она стремительно приближалась, сияя, так как температура воды была выше, чем земли. Мне было все равно, на какой берег приземляться, лишь бы не в воду: это бы сильно затормозило дело.

Сбоку, по правую руку, примерно на моей высоте, мелькнула вспышка. Кто-то из не очень дружелюбных туземцев, засевших внизу, кажется, сжег кусок оболочки моего яйца. Не медля, я выбросил первый парашют — только для того, чтобы как можно скорее исчезнуть из поля зрения радара, если они начнут кучно обстреливать выбранный кусок неба. Я быстро пришел в себя после рывка и еще секунд двадцать плыл на парашюте вниз, а потом отбросил его, не желая привлекать внимания.

Должно быть, все это сработало. Меня не сожгли.

Примерно на высоте шестисот футов я открыл второй парашют... затем заметил, что меня несет прямо в реку и что на высоте примерно в сто футов я пролечу над чем-то вроде склада — строением с плоской крышей, стоящим у реки... Я отбросил парашют и с помощью реактивных двигателей скафандра приземлился на крышу склада. Первое, что я сделал, попробовал запеленговать сигнал нашего сержанта Джелала.

И обнаружил, что оказался не на той стороне реки. На кольце компаса в моем шлеме огонек Джелала горел далеко к югу от того места, где я ожидал его увидеть. Значит, я взял слишком к северу. Я побежал к краю крыши, на ходу пытаюсь наладить связь с командиром ближайшей группы. Он оказался где-то в миле от меня.

— Эй! Выравнивай цепь! — крикнул я, бросил позади себя портативную бомбу и резко стартовал, чтобы пересечь реку и добраться до другого берега на двигателях. Эйс ответил так, как я и думал. Он засек меня, но не собирался бросать свою группу. Я почувствовал, что он вообще не настроен слушать мои приказы.

Склад за моей спиной поднялся в воздух, и взрывная волна настигла меня над рекой, хотя я предполагал, что взрыв произойдет, когда я буду уже укрыт зданиями на дальнем берегу. Что-то нарушилось в гироскопической системе, и я был близок к тому, чтобы кувырнуться в воду. Ведь я поставил взрыватель на пятнадцать секунд... или не поставил? Я вдруг понял, что позволил себе потерять над собой контроль. Худшая вещь, которая может случиться с тобой в бою на поверхности планеты. «Все равно

что на учениях» — так предупредил меня Джелли. «Делай все спокойно и правильно, пусть это отнимет у тебя лишние полсекунды».

Добравшись до другого берега, я снова связался с Эйсом и приказал, чтобы он перестраивал группу. Он не ответил: видимо, уже занялся этим. Он делал свою работу, и до поры мне было наплевать на его невоспитанность. Но на корабле (если Джелли утвердит меня помощником командира) придется выяснять с ним отношения, чтобы понять, кто начальник. Он был капралом, а я лишь занимал капральскую должность. Но он должен мне подчиняться, и я не мог допустить, чтобы мои приказы в бою игнорировались. Это было бы губительным для всех.

Но времени размышлять у меня не оставалось. Еще над рекой я засек прекрасную цель и хотел взять ее, пока никто другой ее не заметил: группа сооружений на холме, напоминавших общественные здания. Какие-то храмы или, может быть, дворцы... Они были расположены в нескольких милях от той зоны, которую мы должны были охватить. Однако существовало правило, согласно которому разрешалось до половины боеприпасов израсходовать в стороне от зоны захвата (и, конечно, быстро оттуда ретироваться), с тем чтобы затруднить противнику определение твоей настоящей цели и месторасположения. Все, однако, надо было проделать очень быстро, практически все время находясь в движении. Самое главное — чтобы тебя никогда не могли точно засечь, и здесь могут выручить только внезапность и скорость.

Я подключился к Эйсу, повторил свой приказ насчет выпрямления цепи и одновременно начал готовить свою пусковую ракетную установку. Голос Джелли застиг меня в самый разгар приготовлений:

— Отряд! Перебежками! Вперед!

Мой босс, сержант Джонсон, тут же прогремел:

— Перебежками!! Нечетные номера! Вперед!

Это означало, что у меня еще есть двадцать секунд. Я запрыгнул на крышу рядом стоящего здания, приложил ракетомет к плечу, нашел цель и нажал на первый курок: теперь ракета сама увидела свою цель. Тогда я нажал на второй курок, проводил взглядом ракету и спрыгнул с крыши на землю.

— Второе отделение!! Нечетные номера! — прокричал я, просчитав сколько нужно в уме и приказал: — Вперед!

И сам выполнил свою команду, взлетев над следующим рядом домов и успев уже в воздухе выпустить струю пламени из ручного огнемета по домам, стоящим прямо у реки. Похоже было, что эти дома из дерева — так они занялись. Одновременно с бомбодержателя стартовали две портативные бомбы на двести ярдов вправо и влево от меня, но их полет я уже не проследил: взорвалась моя первая ракета. Взрыв с автоматической настройкой не спутаешь ни с чем (если ты уже когда-нибудь его видел). Конечно, это была не самая крупная штука — меньше двух килотонн по номиналу, но кому охота устраивать рядом с собой космические катастрофы? Ракеты хватило на то, чтобы выбить начисто верхушку холма и

заставить тех, кто находился в городе, призадуматься и поискать укромное местечко. Кроме того, каждый, кто глядел в момент взрыва на холм, не сможет вообще ничего больше увидеть в течение ближайших двух часов. Ни мне, ни кому-нибудь из наших это уже не угрожало: обзорное окно шлема было покрыто специальным составом и, кроме того, имелись автоматические затемнители.

Поэтому я лишь мигнул, зажмурился на мгновение и тут же открыл глаза, как раз чтобы увидеть, как из дома рядом со мной выходит скинн. Он посмотрел на меня, я — на него. Он начал поднимать что-то, скорее всего оружие. А тут еще Джелли закричал:

— Нечетные! Вперед!

Мне некогда было валять дурака: я находился еще за пятьсот ярдов от того места, где надлежало. В моей левой руке еще был ручной огнемет, я включил его и подпрыгнул над домом, из которого этот абориген вышел. Огнемет, конечно, обычно служит для поджигания, но это и хорошее защитное оружие, если перед тобой один противник. Из него, по крайней мере, не надо целиться.

Я был все же чересчур несобран: уж слишком высоко подпрыгнул. Да и в сторону слишком много забрал. Часто возникает желание выжать максимум из двигателя бронескафандра, но никогда нельзя делать этого! Иначе долгие секунды будешь висеть в воздухе, представляя прекрасную мишень. Лучший способ продвижения — скользить над домами. При этом нельзя оставаться на одном месте больше одной-двух минут, нельзя допускать, чтобы тебя хоть на миг взяли на мушку. Будь везде и нигде. Шевелись.

В этот раз я подпрыгнул выше домов и обнаружил, что в очередной раз опускаюсь на крышу. Эта крыша была не такой удобной, как те, с которой запустил ракету. Она была покрыта джунглями каких-то столбов, труб и подпорок — может быть, фабрика или химический завод. Ни одной нормальной площадки для приземления. И что еще хуже, с полдюжины туземцев высыпало прямо на эту крышу. Скинны были гуманоидами восьми-девяти футов ростом, но гораздо более тощими, чем мы, и с более высокой температурой тела. Они не носили одежды и на инфракрасном шлема казались составленными из светящихся неоновых трубочек. Они выглядели еще забавнее, если смотреть невооруженным глазом, но сейчас я не веселился: передо мной была моя смерть.

Если эти ребята попали на крышу тридцать секунд назад, когда взорвалась моя ракета, то увидеть меня или кого-нибудь из наших они бы не смогли. Но я ни в чем не мог быть уверен, и рисковать было бы слишком глупо. Поэтому я подпрыгнул еще раз прямо с воздуха, бросил вниз горсть пилюль, которые на десять секунд зададут им жару, приземлился, подпрыгнул опять и крикнул в микрофон:

— Второе отделение! Четные номера... Вперед!

Одновременно я продолжал продвигаться, стараясь сократить разрыв с отрядом и выискивая при каждом прыжке цель, которая стояла бы ракеты.

У меня еще были три небольшие ракеты класса А, и, уж во всяком случае, не хотелось тащить их обратно на корабль. Однако в сознание было крепко вколочено, что с атомным оружием нужно обращаться так, чтобы цель оправдывала затраченные на изготовление ракеты средства. Этот вид оружия мне доверили только второй раз.

Сейчас я мечтал, обнаружить какие-нибудь водопроводные сооружения: прямое попадание могло сделать целый город непригодным для жилья. Так можно было, никого прямо не убивая, заставить эвакуироваться все население. Как раз такой, кстати, была боевая задача.

Судя по карте, которую мы выучили под гипнозом, водопровод должен был находиться где-то в трех милях вверх по течению реки. Но засечь его я никак не мог. Наверное, высоты прыжков не хватало. Меня так и подмывало прыгнуть повыше, но я хорошо помнил совет Миглаччио не мечтать о медали, а придерживаться схемы боя. Я поставил пусковую установку на автоматический режим, чтобы две небольшие портативные бомбы отделились каждый раз, когда я прыгаю. Таким образом я уничтожил различные цели в небольшом радиусе вокруг себя, но все-таки глаза сами выискивали стоящую цель и прежде всего водопровод.

Вот что-то появилось в пределах досягаемости — не знаю, водопровод или нет, но что-то довольно большое. Подпрыгнув на крышу самого высокого из близлежащих строений, я прицелился и пустил ракету. Когда я уже опускался, в наушниках послышался голос Джелли:

— Джонни! Внимательней! Пора загнать фланги. Рэд, это и тебя касается.

Я подтвердил получение приказа и услышал, как то же сделал Рэд. Включив свой передатчик на равномерную подачу сигнала, чтобы Рэд всегда мог меня запеленговать, я настроился на его волну и произнес:

— Второе отделение! Складываемся в конверт! Командирам групп подтвердить приказ.

Четвертая и пятая группа ответили «принято». Эйс пробурчал:

— Мы уже выполняем. побыстрее перебирай ногами.

Сигнал Рэда показывал, что правый фланг находится почти на линии моего продвижения, но еще в добрых пятнадцати милях отсюда. Никуда не денешься, Эйс прав. Нужно поторапливаться, иначе я никогда их не догоню. А ведь на мне еще оставалось два центнера боеприпасов и всякой всячины, которую нужно пустить в дело. На это тоже требовалось время. Десант приземлился в форме буквы V: Джелли находился в точке, из которой расходились лучи, а мы с Рэдом на самых краях цепей. Теперь мы должны были замкнуть круг, окружив заданную площадь... Это означало, что Рэду и мне придется пройти гораздо больше остальных, но в то же время я мог на полную катушку участвовать в боевых действиях.

Хорошо еще, что продвижение рывками и перебежками кончилось, как только мы начали замыкать круг. Теперь я мог спокойнее все рассчитать и сосредоточиться на скорости продвижения. Но как быстро мы ни двигались, обстановка становилась все опаснее. Мы начали десант с огромным

преимуществом благодаря внезапности удара, нас не смогли расстрелять в воздухе (я надеялся, что этого избежали все), и мы так продуманно ведем бой, что не приходится бояться, что перестреляем друг друга, тогда как у них есть постоянная опасность попасть в своих, когда они метят в нас. (Если у них вообще есть возможность взять кого-нибудь из нас на прицел. Я не специалист по теории игр, но сильно сомневаюсь, что какой бы то ни было компьютер способен на основе анализа моих действий предусмотреть, где я буду находиться в следующий момент.)

Так или иначе, но местная оборона начала отвечать огнем. На мою долю пришлось два весьма ощутимых взрыва где-то совсем недалеко: вернее, так близко, что даже в бронескафандре я стукнул зубами и чуть не откусил себе язык. Мне показалось, что в какое-то мгновение сквозь меня прошел луч такого жесткого излучения, что волосы на голове зашевелились, а сам я на какую-то долю секунды был словно парализован — не мог двинуть руками, будто сломаны обе ключицы. Если бы за мгновение до этого скафандр не получил приказ на прыжок, не знаю, как бы я оттуда выбрался.

Подобные ситуации заставляют хорошенько задуматься: какой черт толкнул тебя стать солдатом? Но я был слишком занят, чтобы останавливаться и раздумывать. Дважды прыгнув вслепую над домами, я опустился прямо в гущу туземцев, тут же снова подпрыгнул, успев лишь несколько раз наугад махнуть вокруг себя огнеметом.

Так я несясь сломя голову и сократил половину своего отставания — мили четыре — в минимальный срок, правда не ведя мощного огня, а производя лишь случайные разрушения. Мой бомбовый запас опустел еще два прыжка назад, и, оказавшись в покое на колодец дворе, я остановился на секунду, чтобы проверить резерв боеприпасов и переговорить с Эйсом. Оказалось, что я достаточно далеко от фланговой группы и вполне еще могу подумать, куда деть оставшиеся ракеты класса А. Я подпрыгнул на самое поблизости высокое здание.

Уже совсем рассвело, и видимость стала хорошей. Я поднял затемнители и быстро obeжал глазами окрестности. Мне нужно было найти что-либо — времени на выбор у меня уже почти не было.

Я обнаружил кое-что любопытное на горизонте, по направлению к их космодрому, — может, административные или инженерные сооружения, возможно, даже космический корабль. Примерно на половине пути к этой штуковине громоздилось строение, которое я даже приблизительно не мог опознать. Космопорт находился почти на пределе дальности полета, но я все же дал ракете взглянуть на него. «А ну-ка, найди его, малышка!» — сказал я и выпустил ее. Затем выстрелил последней ракетой по первой бросившейся в глаза цели. И тут же подпрыгнул.

Здание, которое я покинул, сразу вспыхнуло: прямое попадание. Наверное, эти тощие ребята решили (и правильно), что ради того, чтобы приручить одного из нас, можно пожертвовать домом. Или, может быть, это один из моих приятелей, забыв о правилах ведения боя, пальнул куда

ни попадая? Так или иначе, но мне после всего этого расхотелось подпрыгивать высоко в воздух или скользить над крышами. Я решил пройти следующую пару домов насквозь. Снял со спины тяжелый огнемёт, опустил на шлем затемнители и сконцентрированным направленным пламенем, как ножом, вырезал кусок стены. И вошел...

Я выскочил оттуда быстрее, чем можно себе представить.

Я не знал, куда я вломился. Церковь? Зал для духовных собраний? А может быть, ночлежка для этих тощих. Или даже штаб их обороны. Что бы там ни было, но огромный зал был заполнен таким количеством этих дохляк, которое я не мечтал увидеть за всю мою жизнь.

Нет, это была не церковь, потому что кто-то выстрелил, когда я уже подался назад. Но, благодаря бронескафандру, я ощутил лишь средней силы удар, выбивший из моих рук оружие, в ушах зазвенело, но я даже не был ранен — пуля ушла рикошетом. Однако они сами натолкнули меня на мысль, что я не могу уйти от них просто так, не оставив на память сувенир. Я сорвал с пояса первую попавшуюся штукину и бросил ее в зал. Она тут же начала квакать. Как нам всегда говорили во время тренинга на базе, выполнить действие сразу гораздо полезнее, чем долго обдумывать оптимальный ход и сделать его через час.

По счастливой случайности я выбрал наилучший вариант. Это была бомба, выданная каждому из нас в единичном экземпляре специально для этой миссии. Кваканье, которое я услышал, когда ее бросил, оказалось голосом самой бомбы, на туземном языке кричавшей:

— Я бомба с тридцатисекундным механизмом действия! Я бомба, которая взорвется через тридцать секунд! Двадцать девять!.. Двадцать восемь!.. Двадцать семь!

Предполагалось, что подобная штука должна здорово попортить им нервы. Наверное, так и было; лично мои нервы плохо выдерживали это кваканье: как будто негодный мальчишка проговаривает считалку, чтоб убить всякого, кто ему подвернется. Конца считалки я ждать не стал — подпрыгнул и только успел еще подумать: хватит ли им всем дверей, чтобы вовремя убраться?

В самой высокой точке прыжка я поймал сигнал Рэда, когда приземлился — сигнал Эйса. Я опять отставал, нужно было торопиться.

И все же три минуты спустя мы благополучно замкнули круг. Слева от меня, примерно в полумиле, был Рэд. Он доложил об этом Джелли. Мы услышали облегченное рычание сержанта и его команду:

— Кругок замкнулся, но сигнала пока еще нет. Начинайте медленно двигаться вперед и хорошенько прочищайте все вокруг. Подбавьте немножко перца. Но каждый пусть помнит о парнях по бокам, не устраивайте парилку для своих. Все было сделано хорошо, смотрите не испортите собственную работу. Отряд!.. Начать сближение!

Мне тоже казалось, что все сделано хорошо. Большая часть города пылала, и, хотя было уже совсем светло, я не решался снять со шлема щиток — настолько густым был дым.

Джонсон, командир нашего отделения, командовал:

— Второе отделение! Рассчитайся!

Я вторил ему:

— Четвертая, пятая и шестая группы — рассчитаться и доложить!

Система связи и руководства боем была простой, отлаженной и надежной. Любая операция проводилась быстро. Джелли мог связаться с кем угодно, прежде всего с командирами отделений. Командир отделения был тоже связан не только со своими ребятами, но и с другими отделениями. В результате отряд мог устроить переключку в считанные секунды. Я слушал, как переключается четвертая группа, а пока осматривал свою амуницию, прикидывал в уме оставшуюся огневую силу и даже успел бросить небольшую бомбу в тощего, который высунул свою голову из-за угла. Он исчез, и то же самое сделал я: «прочистить вокруг» — так сказал наш командир.

В четвертой группе что-то бубнили, сбиваясь со счета, пока командир группы не вспомнил, что нет Дженкина. Пятая группа отщелкала как заводная, и я уже начал предвкушать приятное возвращение домой... но переключка остановилась после номера четвертого в группе Эйса. Я позвал:

— Эйс, где Диззи?

— Заткнись, — буркнул он. — Номер шесть! Отвечай!

— Шесть, — отчеканил Смит.

— Семь!

— Шестая группа, у нас нет Диззи Флореса, — сказал Эйс. — Командир группы выходит на поиск.

— Отсутствует один человек, — доложил я Джонсону. — Флорес, шестая группа.

— Потерялся или убит?

— Не знаю. Командир группы и помощник командира отделения выходят на поиск.

— Джонни, пускай этим займется Эйс.

Но я словно не слышал его, поэтому ничего и не ответил. Зато я прекрасно слышал, как он докладывает Джелли и как Джелли проклинает все на свете. Прошу меня правильно понять: я вовсе не рвался за медалью. Поиск пропавшего десантника — прямое дело помощника командира отделения. Именно он, если возникнет необходимость, заранее предназначен для одинокой охоты, он «крайний», подсознательно его заранее относят к статье расходов. Если отделение уже собрано, помощник командира практически не нужен — если жив командир, конечно.

В одно из мгновений я особенно остро почувствовал, что отделен от всех, что мне, наверное, не удастся вернуться. И все из-за чудесных звуков, разнесшихся в пространстве — шлюпка, предназначенная для нашего возвращения, уже приземлилась и звала нас к себе. В принципе сигнал посылает автоматическая ракета, которая выстреливается впереди шлюпки. Эдакий гвоздь, зарывающийся в почву и начинающий вещать сладкую приветственную музыку. Шлюпка прибывает по этому сигналу тремя минутами

позже, и самое лучшее для тебя — заранее ждать на остановке, потому что этот автобус обычно ждать не может, а следующего, как правило, не предвидится.

Но бросить десантника просто так нельзя — по крайней мере пока еще есть шанс, что он жив. Так принято у «Сорвиголов Расжака». Так принято в любой части десанта или, как нас еще называют, мобильной пехоты. Ты обязан постараться найти пропавшего.

Я услышал приказ Джелли:

— Выше головы, приятели! Собирайтесь в тесный кружок, готовьтесь к возвращению. Но не забывайте прикрывать отход! Ну поскакали!

И я услышал ласковую мелодию позывных:

К вечной славе пехоты
Да прославится имя,
Да прославится имя
Роджера Янга!

Как близки сердцу эта музыка, эти слова. Мне показалось, что я ощущаю сладкий вкус мелодии на своих губах.

Но действительность была мрачной: мой путь пока лежал в другую сторону. Я приближался к Эйсу, по пути расходуя все бомбы, гранаты и взрывчатые пилюли, которые тянули меня вниз.

— Эйс! Ты засек его?

— Да. Можешь возвращаться. Бесполезно!!!

— Я вижу, где ты. А где он?

— Прямо передо мной, с четверть мили. Убирайся к черту! Это мой человек.

Я не ответил и взял левее, чтобы соединиться с Эйсом там, где по его словам, находился Диззи.

Я увидел такую картину: Эйс стоял над телом Диззи, рядом лежали двое убитых тощих, еще большее количество живых разбегалось в стороны. Я опустил ся рядом.

— Давай снимем с него скафандр. До прилета шлюпки считанные секунды.

— Он слишком сильно задет.

Я пригляделся и понял, что он говорит правду: в скафандре Диззи зияла дыра, из нее сочилась кровь. Я словно оцепенел. Чтоб транспортировать безнадежно раненного, нужно снять с него бронескафандр... потом подхватываешь его — и улетаешь. Человек без бронескафандра весит гораздо меньше самой амуниции и боеприпасов.

— Что же делать?

— Поташим, — сказал Эйс мрачно. — Берись с левой стороны.

Он схватил Флореса за пояс справа, и мы поставили тело на ноги.

— Держи крепче. Теперь... по счету приготовься к прыжку. Один, два...

Мы прыгнули. Прыгнули косо и не слишком далеко. Один человек не смог бы и оторвать его от земли: слишком тяжел бронескафандр. У двоих это кое-как получилось.

Мы снова прыгнули, потом еще и еще раз. Каждый раз Эйс отсчитывал старт, а при приземлении нам приходилось несладко. Балансировать было тяжело — видно, гироскопы у Диззи совсем вышли из строя.

Мы услышали, как оборвались позывные — это приземлилась шлюпка. Я даже засек посадку, но это было слишком далеко от нас. Мы услышали и команду сержанта отряда:

— В порядке очереди приготовиться к посадке!

И тут же голос Джелли:

— Последний приказ пока не выполнять!

Мы выбрались наконец на открытую местность, увидели вертикально стоящую шлюпку, услышали завывание сигнала, предупреждавшего об отлете. Отряд еще не начал грузиться, а занял оборону вокруг ракеты, образовав как бы щит, который должен обезопасить шлюпку.

Тотчас раздалась команда Джелли:

— В порядке очереди — начать погрузку.

Но мы все же были еще слишком далеко! Я видел, как грузится первая группа, как сжимается и уплотняется круг десантников вокруг шлюпки.

Одинокaя фигура вдруг отделилась от отряда и понеслась к нам со скоростью, возможной только для офицерского скафандра.

Джелли перехватил нас, когда мы находились в воздухе, ухватился за пусковую установку Флореса и помог нам мощными двигателями своего скафандра.

В три прыжка мы добрались до шлюпки. Все давно уже находились внутри, но дверь была открыта. Мы ворвались внутрь, втащили Флореса и задраили люк. В динамике раздавался угрюмый голос капитана, она крыла нас, что не сможет вовремя быть в точке встречи, и мы все — именно все — получим свое! Джелли не обращал на нее внимания. Мы уложили Флореса и сами легли рядом. Когда стартовали, Джелли сказал самому себе:

— Все на борту, лейтенант. Трое раненых, но все на борту.

О капитане Деладрие я уже, кажется, говорил: лучшего пилота нельзя и придумать. Встреча шлюпки и корабля на орбите рассчитывается и выверяется невероятно тщательно. Я не знаю, как это делается, но только мне сто раз втолковывали, что раз она рассчитана, изменить ничего нельзя. Никто не в состоянии ничего изменить.

И только она это сделала. Она засекла, что шлюпка опаздывает и не может прийти к месту встречи вовремя, ухитрилась затормозить, потом опять набрать скорость, встретить нас и забрать на борт — и все лишь с помощью глаз и рук, не имея даже времени обработать данные на компьютере. Если Всемогущему когда-нибудь понадобится помощник, который следил бы за тем, как звезды соблюдают предназначенные им траектории, я знаю, где можно такого помощника найти.

Флорес умер, когда мы подлетали к кораблю.

*Было страшно невмочь,
И я бросился прочь
И бежал тогда как ненормальный,
Сам от страха не свой,
Я примчался домой
И закрылся у мамочки в спальне.
Янки Дубль, помоги,
Янки Дубль — денди.
Научи плясать и петь
И с подружкой не робеть,
Янки Дубль, денди.*

Я никогда не думал, что пойду в армию, тем более в пехоту. Обмолвился я о подобном в детстве, меня бы просто выпороли, а будь я постарше — удостоили бы отцовской проповеди о том, как некоторые нерадивые сыновья только и делают, что позорят свою фамилию.

Я, конечно, говорил отцу, что собираюсь поступить на Федеральную Службу — тогда уже учился в старших классах. Я думаю, что в таком возрасте каждый парень начинает думать об этом. Мне исполнилось восемнадцать через неделю после окончания школы. Однако большинство ребят относились к такой перспективе не очень серьезно — скорее так, в шутку. Они некоторое время забавлялись этой идеей, щекотали себе нервы, а потом благополучно поступали в колледж, нанимались на работу или находили еще что-нибудь. Вполне возможно, что так случилось бы и со мной... если бы мой лучший друг всерьез не решил поступить на службу.

В средней школе мы с Карлом всегда были заодно и все делали вместе, вместе высматривали девушек, вместе приударяли за ними, вместе гуляли с подружками. Мы вместе занимались физикой и электроникой в самодельной лаборатории, устроенной дома у Карла. Я не был силен в теории, но зато ловко паял и собирал схемы. Как правило, Карл разрабатывал идею, составлял схему, а я следовал его инструкциям.

Это было здорово! Вообще все, что ни делали мы с ним, было здорово. У родителей Карла не было такого состояния, как у моего отца, но это не влияло на наши отношения. Когда отец купил мне к четырнадцатилетию небольшой вертолет, машина настолько же принадлежала Карлу, насколько и мне. То же и с лабораторией, устроенной в подвале их дома: я мог распоряжаться в ней по своему усмотрению.

Когда Карл неожиданно заявил, что не хочет сразу после школы идти дальше учиться, а решил сначала попробовать военной службы, я призадумался. Похоже, он считал такой путь для себя естественным.

В конце концов я сказал, что пойду с ним.

— Твой старик тебе не позволит.

— Чего? Как это не позволит?!

Я возмущался, но в глубине души понимал, что Карл прав. Отец пытается сделать все, что в его силах, причем будет действовать скрытно. Вербовка на Федеральную Службу была первым полностью свободным выбором человека (и, похоже, последним). Если юноше или девушке исполнилось восемнадцать, он или она могли сделать свой выбор, и никто не смел вмешиваться.

— Поживем — увидим, — сказал Карл и заговорил о другом.

В один прекрасный момент я как бы походя завел с отцом осторожный разговор.

Он отложил газету, вынул изо рта сигару и уставился на меня:

— Ты что, парень?

Я пробормотал, что мне мои устремления не кажутся ненормальными.

Он вздохнул.

— Что ж... наверное, нужно было ожидать подобного. Да-а, я помню, как ты научился ходить и из тихого младенца превратился в сорванца, который долгое время был наказанием для всего дома. Помню, ты великолепно грохнул одну из любимых маминых ваз — китайскую, эпохи Мин. Причем вполне сознательно — я в этом уверен. Ты был, конечно, слишком мал, чтобы понимать цену этой вазы, поэтому я тебя просто отшлепал по рукам... Еще я помню, как ты стащил одну из моих сигар и как тебе потом было плохо. Мальчишкам просто необходимо попробовать, чтобы понять, что забавы мужчин пока еще не для них. Мы наблюдали, как ты вступаешь в пору юности и начинаешь замечать, что девочки не все на одно лицо и что среди них есть такие, что заставляют чаще биться сердце.

Он опять вздохнул, будто я уже умер.

— Но, папа, я не собираюсь разрушать свою жизнь. Всего лишь один срок службы. Это же не навсегда!

— Давай, по крайней мере пока, не спешить. Хорошо? Все нужно хорошенько обдумать. И послушай, что я думаю об этом. Даже если ты уже решил, постарайся понять и меня. Хочу тебе напомнить, что наша семья вот уже сто лет далека от всякой политики, она выращивает свой сад на своем куске земли. И я не вижу причин, ради которых ты стал бы нарушителем этой замечательной традиции. Сдается мне, что здесь не обошлось без влияния одного из твоих учителей в старших классах — как его имя? Ты знаешь, о ком я говорю.

Он имел в виду нашего преподавателя истории и нравственной философии, который был ветераном Федеральной Армии.

— Мистер Дюбуа?

— Глупое имя, но ему подходит. Иностранец, конечно. Похоже, что против всех имеющихся законов кто-то использует школы как скрытые центры вербовки в армию. Похоже, мне стоит написать резкое письмоце на эту тему. У налогоплательщиков тоже есть кое-какие права!

— Он совсем не замешан ни в чем таком! Он... — Я остановился, не в силах найти подходящие слова. Мистер Дюбуа на самом деле всегда

относился к нам с нескрываемым чувством собственного превосходства. Он ясно давал понять, что никто из нас не достоин службы. Мне он просто не нравился.

— Наоборот, — сказал я, — он всегда смеется над нами.

— Не будем толочь воду в ступе. Стоит ли покупать кота в мешке? Окончишь школу, потом поедешь в Гарвард и будешь там изучать теорию и практику бизнеса. Ты это и раньше себе представлял. После поедешь в Сорбонну, будешь путешествовать понемногу, встречаться с нашими клиентами и контрагентами и сам увидишь, как делается бизнес в других частях света. Потом возвратишься домой и приступишь к работе. Начнешь с самой примитивной. Биржевым агентом или кем-нибудь в этом роде. Это нужно, чтобы соблюсти ритуал. Но не успеешь моргнуть глазом, как окажешься среди управленцев. Я не хочу, чтобы кто-нибудь помоложе и пошустрее лез вперед тебя. Насколько быстро ты станешь боссом, будет зависеть только от твоего желания и терпения. Вот так! Как тебе сюжет?

Я не ответил. Ничего нового я пока не услышал: я знал, что этот путь всегда был моим. Отец встал и положил мне на плечо руку.

— Так что не думай, сынок, что я о тебе забыл или отношусь к тебе с предубеждением. Ты мне нравишься. И давай посмотрим еще раз непредвзято на твою затею. Если где-нибудь шла война, я бы первый тебя поддержал. Но войн теперь нет и, слава Богу, больше не предвидится. Сама возможность войны искоренена. Планета живет мирно, счастливо и, кроме того, имеет прекрасные отношения с другими планетами. Чем же тогда занимается так называемая Федеральная Служба? Паразитирует, паразитирует! Бесполезный, ни на что не пригодный орган, живущий за счет налогоплательщиков. Надо сказать, весьма дорогостоящий способ содержать на общественные деньги бездарей, которые иначе были бы просто безработными. Их содержат годами, потом они преспокойно отдыхают до конца жизни. А может быть, ты только этого и хочешь?

— Карл вовсе не бездарный человек!

— Карл? Конечно, он хороший парень... только слегка без царя в голове. — Отец пожал плечами и улыбнулся: — Сынок, я хотел приберечь кое-что в качестве сюрприза — как подарок к окончанию школы. Но сейчас решил открыть секрет, и, быть может, он поможет тебе поскорее выкинуть всю эту чепуху из головы. Я не хочу, чтобы ты думал, что боюсь какого бы то ни было твоего решения. Я слишком доверяю твоему здравому смыслу, хотя ты и молод. Но ты сейчас в сомнении, в тревоге. Я знаю — мой подарок поможет прочистить тебе мозги. Ну, угадай, что это?

— Ну, не знаю...

Он ухмыльнулся:

— Туристическая поездка на Марс.

Наверное, у меня был дурацкий вид.

— Господи, папа, но я и не думал...

— Я хотел, чтобы мой сюрприз удивил, и так оно и вышло. Я знаю, мальчишки сходят с ума от таких путешествий. И для тебя сейчас такое

путешествие как раз необходимо. Побудешь один в необычной обстановке. Иногда это очень полезно. Тем более что, когда ты по-настоящему включишься в нашу работу, тебе будет трудно выкроить всего несколько дней, чтобы слетать даже на Луну.

Он взял газету.

— И не надо меня благодарить. Можешь заняться своими делами — мне надо еще немного поработать.

Я вышел из комнаты. Отец считал, что все уже уладил... Да и я как-то упокоился: мне тоже казалось, что все решено. Марс! И меня никто не будет опекать, буду делать, что захочу! Но я не сказал о поездке Карлу. У меня было противное чувство: вдруг он решит, будто меня просто купили. Что ж, может, так оно и было. Карлу я просто сказал, что отец смотрит на службу в армии не так, как я.

— Еще бы, — ответил он. — Мой тоже. Но это моя судьба.

Я все раздумывал, пока шли последние занятия по истории и нравственной философии. Эти предметы отличались от других тем, что каждый обязан был принимать участие в занятиях, но экзаменов не было. И мистер Дюбуа, похоже, особенно не заботился о том, чтобы мы отчитывались о своих знаниях. Иногда он, правда, тыкал в кого-то пальцем левой руки (он никогда не утруждал себя запоминанием имен) и задавал короткий вопрос. Но если не получал ответа, это ничего не меняло.

На самом последнем уроке, правда, как мне показалось, он все-таки решил исподволь узнать, что же мы усвоили. Одна из девочек вдруг с вызовом заявила:

— А моя мама говорит, что насилие никогда не может ничего создать.

— Да? — Дюбуа холодно посмотрел на нее. — А я уверен, что отцы известного тебе города Карфагена были бы очень удивлены, узнав об этом. Почему к ним не обратилась твоя мать? Или ты сама?

Они цепляли друг друга уже давно: девочка не считала нужным лезбизить или опасаться Дюбуа, ведь экзаменов по его курсу не было. Она и сейчас не скрывала раздражения:

— Все пытаетесь посмеяться надо мной! Всем известно, что Карфаген был разрушен!

— Мне казалось, что ты этого не знаешь, — сказал Дюбуа без всякого намека на улыбку. — Но раз ты в курсе дела, может быть, тогда ответишь: что иное, как не насилие, навсегда определило их судьбу? И вообще я не собирался смеяться лично над тобой. Я против своей воли начинаю презирать беззастенчиво глупые идеи и принципы — тут уж ничего не могу поделать. Всякому, кто исповедует исторически не обоснованную и аморальную концепцию насчет того, что «насилие не в состоянии ничего создать», я посоветовал бы подискутировать с духами Наполеона Бонапарта и герцога Веллингтона. Насилие, откровенная сила в истории человечества решила гораздо больше вопросов, чем какой-либо другой фактор, и противоположное мнение не имеет права даже называться концепцией. Группы, забывающие эту главную правду в истории человечества, всегда платят,

или, во всяком случае, платили за это недомыслие своей жизнью и свободой... Еще один год, еще один класс отучился — и еще одно поражение. В ребенка еще можно заложить какие-то знания, но научить думать взрослого человека, видимо, невозможно.

Вдруг он ткнул пальцем в меня:

— Ты. Какая разница в области морали, если она вообще есть, лежит между воин и гражданским человеком?

— Разница, — сказал я, лихорадочно соображая, — разница в сфере гражданских обязанностей, гражданского долга. Воин, солдат принимает личную ответственность за безопасность того политического объединения, членом которого состоит и ради защиты которого он при необходимости должен пожертвовать своей жизнью. Гражданский человек этого делать не обязан.

— Почти слово в слово по учебнику, — сказал Дюбуа, как всегда пренебрежительно. — Но ты хоть понимаешь, что сейчас сказал? Ты веришь в это?

— ...Я не знаю, сэръ...

— Конечно, не знаешь! Я вообще сомневаюсь, что кто-либо из вас способен вспомнить о своем «гражданском долге» даже в самых экстремальных обстоятельствах.

Он посмотрел на часы:

— Ну вот наконец и все. Последнее прости. Кто знает, может быть, мы с кем-нибудь еще увидимся в менее удручающей обстановке. Свободны.

Через три дня нам вручили дипломы об окончании школы, еще через три мы отпраздновали мой день рождения, а через неделю — Карла. И все это время я так и не смог ему признаться, что передумал идти в армию. Я был абсолютно уверен, что он и так все понимает, и мы этого вопроса просто не касались — наверное, оба чувствовали какую-то неловкость. А через день после его дня рождения я отправился провожать Карла к пункту вербовки.

По пути к Федеральному Центру мы столкнулись с Карменситой Ибанес, нашей одноклассницей, заставлявшей любого испытывать удовольствие от того факта, что он принадлежит к расе, разделенной на два пола. Кармен не была моей девочкой. Она вообще была ничьей: никогда не назначала два свидания подряд одному и тому же парню и ко всем нам относилась одинаково приветливо. Мне иногда казалось, что она не видит между нами разницы. Но знаком я с ней был довольно близко, потому что она часто пользовалась нашим бассейном — он был точно таких размеров, какие установлены для соревнований на олимпиадах. Она приходила то с одним приятелем, то с другим, иногда одна, чему радовалась моя мама. Мама считала, что Кармен должна оказывать на меня хорошее влияние. Что ж, может, мама была права.

Она заметила нас, подождала, пока мы ее нагоним, и улыбнулась:

— Привет, ребята!

— Хэлло, Очи Черные, — сказал я, — каким ветром?

- А ты не догадываешься? Сегодня мой день рождения.
- Да? Поздравляем! Будь счастлива!
- И вот я решила пойти на Федеральную Службу.
- Что?

Думаю, Карл был так же сильно удивлен, как и я. Но на нее это было очень похоже. Она никогда не болтала зря и обычно все секреты держала при себе.

— Ты не шутишь? — задал я очень умный вопрос.

— С чего бы? Я решила стать пилотом звездного корабля. Во всяком случае, хочу попытаться.

— Думаю, тебе действительно нужно попробовать, — сказал быстро Карл. Он был прав — теперь-то я знал это точно. Кармен была небольшого роста, изящная и ловкая, с отличным здоровьем и изумительной реакцией. Она к тому же довольно профессионально занималась прыжками в воду, любила математику. Я окончил школу с индексом «удовлетворительно» по алгебре и «хорошо» по деловой арифметике. Она же легко проскочила весь курс по математике, который могла предложить наша школа, и успела еще закончить специальный курс. Я никогда не задумывался, зачем ей это нужно. Наверное, потому, что она казалась всегда такой неземной, созданной только для развлечений — такой бабочкой. Так что и мысли не возникло, что она может заняться чем-то серьезным.

— Мы... то есть я, — сказал Карл, — я тоже буду вербоваться.

— И я, — вдруг подтвердил я, хотя минуту назад об этом и не помышлял, — мы оба будем.

Удивительно, но мой язык как будто жил своей отдельной жизнью.

— О, это прекрасно!

— И я хочу учиться на космического пилота, — сказал я твердо.

Кармен не рассмеялась и ответила очень серьезно:

— Ох, как здорово! Мы, наверное, и тренироваться будем вместе. Мне бы так этого хотелось. Карл, а ты тоже хочешь стать пилотом?

— Я? — переспросил Карл. — Нет, я не собираюсь в водители грузовиков. Вы меня знаете. «Старсайд, Ар энд Ди», электроника. Если, конечно, подойду.

— Скажешь тоже — «водитель грузовика»! А вот засунут тебя на Плутон, и будешь там мерзнуть всю жизнь!

— Нет уж, мне повезет, это точно.

— Ладно, хватит. Давайте лучше поторопимся.

Пункт помещался за оградой в изящной ротонде. За столом улыбался настоящий сержант Звездного Флота в настоящей форме. Мне даже показалось, что он даже слишком разукрашен, как клоун в цирке. Вся грудь у него была усеяна непонятными значками и наградами. Потом я заметил, что правой руки у него нет. Так нет, что и рукав зашит.

Карл сказал:

— Доброе утро. Я решил поступить на службу.

— Я тоже, — кивнул я.

Но сержант не обратил на нас никакого внимания. Он поклонился, не вставая, и произнес:

— Доброе утро, юная леди. Что я могу для вас сделать?

— Я тоже решила поступить.

Он улыбнулся еще шире:

— Чудесная девушка! Если вас не затруднит, поднимитесь в комнату 204 и спросите майора Роджэс, она вами займется.

Он кинул на нее еще один быстрый оценивающий взгляд.

— В пилоты?

— Если это возможно.

— Сдается, у вас все для этого есть. Найдите мисс Роджэс.

Кармен ушла, поблагодарив его и ободряюще махнув нам на прощание. Сержант наконец обратил внимание на нас, разглядывая меня и Карла, но даже без намека на то дружелюбие, с каким встретил Кармен.

— Итак? — буркнул он. — В чем дело? Стройбат?

— О нет, сэр, — сказал я. — Я бы хотел стать пилотом.

Он даже не счел нужным задержать на мне взгляд и со скучающим видом повернулся к Карлу.

— Вы?

— А я хотел бы попасть в Корпорацию исследований и развития, — сдержанно сказал тот. — Лучше всего что-нибудь, связанное с электроникой. Я думаю, что я бы там справился.

— Возможно, если сумеете себя показать, — буркнул сержант. — Но ничего не получится, если вы пришли с плохой подготовкой и пустой головой. А ну-ка, парни, как вы думаете: почему меня держат здесь, у двери?

Я не понял его. Карл спросил:

— Почему?

— Да потому, что у правительства одна миска помоев для всех — не важно, сколько и как ты служил, да и служил ли вообще! Потому что у некоторых сейчас — и таких все больше — считается хорошим тоном отслужить один срок, получить привилегии и носить знак, который всякому будет говорить, что он ветеран. А он при этом, может, и пороха-то по-настоящему не нюхал... Но если вы действительно хотите поступить и я не смогу вас от этого отговорить, то нам придется вас принять, потому что это ваше право, закрепленное не где-нибудь, а в конституции. Читали? Каждый, не важно, мужчина он или женщина, имеет от рождения право принять участие в Федеральной Службе и обрести полные права гражданства. И на деле получается, что мы вынуждены пристраивать и находить дело для каждого, хотя подавляющее большинство просто не в силах сделать что-то полезное для службы, я уж не говорю — прославить ее. Знаете, что требуется тому, кто хочет стать настоящим солдатом?

— Нет, — признался я.

— Каждый считает, что достаточно иметь две руки, две ноги и тупую башку — и готово, он солдат. Что ж, на пушечное мясо сгодится. Может быть, этого хватило бы даже какому-нибудь Юлию Цезарю. Но сегодня

настоящий солдат — специалист высочайшей подготовки, которого в любой другой отрасли назвали бы не иначе как «мастер». Мы не имеем права допускать к нашему ремеслу тупиц. Поэтому для тех, кто настаивает на своем праве отслужить один срок и кто явно не годится для нас по разным параметрам, мы выдумали целый список грязных, безобразных, опасных работ, так что почти все они убираются домой, поджав хвост, еще до окончания этого несчастного срока... по крайней мере, мы заставляем их помнить до конца жизни, что их гражданство не пустое слово, что оно дорого стоит — ведь им приходится за него дорого платить. Возьмем, к примеру, эту юную леди, которая только что была тут. Она хочет быть пилотом. Надеюсь, она добьется своего. Но если у нее ничего не получится, то окажется она в лучшем случае где-нибудь в Антарктике, ее красивые глазки покраснеют при искусственном свете, а ручки станут уродливыми от работы и грязи.

Я хотел было сказать ему, что самое худшее, на что может надеяться Карменста, — место программиста на станции космического слежения. Ведь она по-настоящему талантливый математик. Но он продолжал бубнить свое:

— И вот они посадили меня здесь как пугало для таких, как вы. Посмотрите-ка вот сюда. — Он повернул свой стул, и мы увидели, что у него нет ног. — Предположим, вас не зашвырнут копать туннели на Луне и не заставят быть подопытной свиньей для изучения неизвестных болезней на новых планетах. Пусть у вас даже обнаружат кой-какие таланты. Допустим даже, что мы сумеем сделать из вас способных к настоящему бою солдат. Так вот, поглядите на меня — вот что вы можете получить в результате всего... если вашим родителям не отобьют телеграмму с «глубокими соболезнованиями».

Он помолчал, потом снова заговорил:

— Так что, ребята? Не вернуться ли вам домой, не пойти учиться в колледж, а потом заняться химией, страхованием или еще Бог знает чем? Срок службы — это не приключение в детском саду. Это действительно военная служба, грубая и опасная даже в мирное время... Никакого отпуща. Никакой романтики... Так что?

— Я уже решил, — сказал Карл.

— Я тоже.

— А вы понимаете, что не вам в конечном счете определять сферу вашей службы?

— Я думаю, — сказал Карл, — мы сможем настаивать на своих интересах.

— Конечно, конечно. Это первое и последнее, о чем вы можете просить до конца срока. Офицер-распределитель обратит внимание на вашу просьбу. Но первое, что он сделает, — проверит, не требовались ли на этой неделе, например, стеклодувы для примитивной работы. И будет уверять при этом, что именно тут ваша судьба и ваше счастье.

— Я могу заниматься электроникой, — сказал твердо Карл. — Если для этого есть хоть какая-нибудь возможность.

— Да? А ты что скажешь, приятель?

Я колебался. И вдруг очень отчетливо понял: если я сейчас ни на что не решусь, то всю жизнь потом буду гадать и мучиться — стою ли я чего-нибудь на этом свете или просто обычный «сынок босса»?

— Я собираюсь попробовать.

— Понятно. Давайте ваши свидетельства о рождении и школьные дипломы.

Через десять минут мы были уже на верхнем этаже, и нас прощупывали, простукивали и просвечивали. Мне почему-то пришло в голову, что главная цель всех этих проверок не в том, чтобы узнать, здоров я или нет, а в том, чтобы найти болезнь, даже если ее нет. Это была, на мой взгляд, попытка легко и просто избавиться от нас еще до того, как мы попадем на службу.

Я решился спросить одного из докторов, какой процент поступающих отсеивают по причине физических недостатков. Он искренне удивился:

— Как это? Мы никого не отсеиваем. Закон не позволяет нам этого.

— Хм. Но прошу меня извинить, доктор, зачем тогда весь этот парад?

— Определенная цель есть, — ответил он, слегка отодвинувшись и ударив меня по колену молоточком, — хотя бы для того, чтобы определить, какие обязанности вы сможете выполнять по своим физическим данным. Хотя, если вы даже прикатите сюда на инвалидной коляске, будете слепым на оба глаза и достаточно тупым, чтобы настаивать на поступлении, — и тогда вам найдут что-нибудь подходящее. Пересчитывать что-нибудь на ощупь, например. Единственный шанс не попасть на службу — это получить у психиатра удостоверение в том, что вы не можете понять, о чем говорится в присяге.

— Доктор, у вас уже было медицинское образование, когда поступили на службу? Или они решили, что вам лучше всего исполнять эти обязанности и послали вас учиться?

— Меня? — Он был не на шутку удивлен. — Я что, парень, с виду такой дурак? Я штатский. Вольнонаемный.

— О, извините, сэр.

— Ничего-ничего. Я просто хочу тебе сказать: по моему глубокому убеждению, военная служба — для муравьев. Поверь мне. Я наблюдал, как они приходят сюда и уходят, потом часто возвращаются опять — если, конечно, вообще возвращаются. Зачем? Для чего? Для чисто абстрактной, номинальной политической привилегии, которая не приносит ни цента и которой они никогда не могут по-умному воспользоваться. Ты можешь мне не верить, но послушай, мальчик, — ты не успеешь сосчитать до десяти, как снова окажешься здесь. Если, как я уже говорил, вообще вернешься... Так, а теперь возьми вот эти бумаги и отправляйся к сержанту, который вас встречал. И помни, что я сказал.

Я вернулся в круглый холл ротонды. Карл был уже там. Сержант Звездного Флота быстро просмотрел мои бумаги и мрачно заметил:

— Вы оба до неприличия здоровы. Так, теперь еще некоторые формальные процедуры.

Он нажал на кнопку, и в холле появились две женщины — одна, похожая на боевую алебарду, и другая, весьма изящная и миловидная.

Сержант ткнул пальцем в бумаги медицинского осмотра, наши свидетельства о рождении и дипломы и сказал официальным тоном:

— Я пригласил вас сюда для выполнения очередного задания. Необходимо проверить этих двух молодых людей, желающих поступить к нам. Нужно определить, чего они стоят, на что каждый из них по отдельности может согнуться и насколько точны все эти документы.

Женщины смотрели на нас с казенным равнодушием. Да и могло ли быть иначе — ведь это их каждодневные обязанности.

Так или иначе, они тщательно просмотрели все наши документы. Потом сняли отпечатки пальцев, и та, что помиловидней, вставила в глаз лупу — такую, какие бывают у часовщиков и ювелиров, — и долго сравнивала отпечатки наших пальцев от рождения до сегодняшнего дня. Точно так же она рассматривала и сравнивала наши подписи. Я уже начал сомневаться, происходит ли все это на вербовочном пункте.

Сержант подал голос:

— Вы нашли подтверждение тому, что они отвечают за свои действия и могут принять присягу?

— Мы обнаружили, — начала та, что постарше, — что документы, отражающие их нынешнее физическое состояние, являются официальным авторитетным заключением, сделанным специальной комиссией психиатров. Комиссией установлено, что оба претендента психически нормальны и могут принять присягу. Никто из них не находится под влиянием алкоголя, наркотиков или других препаратов, а также гипноза.

— Очень хорошо. — Он повернулся к нам. — Повторяйте за мной: я, достигнув совершеннолетия, по своей собственной воле...

— Я, — как эхо, начали повторять мы, — достигнув совершеннолетия, по своей собственной воле...

— ... без всякого насилия со стороны кого бы то ни было, при отсутствии посторонних стимулов, после получения всех необходимых предупреждений и объяснений о последствиях присяги...

— ... поступаю на Федеральную Службу Федерации Землян на срок не менее двух лет, а также на любой более длительный срок, если это будет вызвано необходимостью службы...

На этом месте я слегка поперхнулся. Я всегда думал, что срок — это только два года, потому что так говорили все, и никто не упоминал других сроков. Неужели нас вербуют на всю жизнь?

— Я клянусь соблюдать и защищать Конституцию Федерации от любых возможных врагов на Земле и вне Земли; поддерживать и защищать конституционные свободы и права граждан и жителей Федерации, включенных в нее государств и территорий; выполнять на Земле и вне Земли все предписанные мне законом обязанности, а также обязанности, предписанные мне моим командованием...

— ... выполнять все соответствующие законам приказы Главнокомандующего Федеральной Службы, всех офицеров и лиц, облеченных необходимыми полномочиями...

— ... требовать такого же подчинения приказам от всех находящихся на службе гуманоидов и негуманоидов, подчиненных мне...

— ... и после увольнения с активной службы по окончании полного вышеуказанного срока выполнять все обязанности и пользоваться всеми правами федерального гражданства...

Удивительно. Мистер Дюбуа довольно долго проводил анализ присяги Федеральной Службы с точки зрения истории и нравственной философии. Он даже заставлял нас выучить эту присягу фразу за фразой, но теперь эти слова подступили вплотную, надвинулись, слившись в тяжелую громадину, готовую раздавить, словно колеса Джаггер-нута.

В какой-то момент я вдруг почувствовал, что перестал быть штатским человеком, в голове появилась звенящая пустота: я еще не знал, кем стану, хотя понял уже, кем перестал быть.

— И да поможет мне Господь! — проговорили мы оба вслед за сержантом, и Карл перекрестился. Перекрестилась и женщина, что была помоложе.

После этого опять было изрядное количество подписей, опять брали отпечатки пальцев — причем со всех пяти. Нас сфотографировали, и цветные фотографии подшили в дело. Наконец сержант Звездного Флота оглядел нас в последний раз:

— Так. Вот вроде и все. Самое время отправляться на ланч. Леди, вы свободны.

Я с трудом проглотил слюну.

— ... Сержант?

— Что? Слушаю.

— Могу ли я отсюда как-то уведомить своих родителей? Сказать им, что я... Сказать им о результате?

— Мы можем обставить все еще лучше.

— Сэр?

— Вы оба свободны теперь на сорок восемь часов. — Он холодно улыбнулся. — Вы знаете, что будет, если вы не вернетесь?

— Трибунал?

— Можно обойтись без бутафории. Просто на ваших бумагах появиться отметка: срок службы удовлетворительно не закончен. И у вас никогда не будет другого шанса. Мы даем вам время остыть. А те детки, что приходят сюда, ничего серьезного не имея в виду, больше не возвращаются. Это спасает правительство от лишних расходов, а ребятишек и их родителей от стыда: ведь никто ни о чем так и не узнает. Вы даже можете не говорить своим родителям... Итак, в полдень послезавтра мы увидимся, если, конечно, увидимся.

То, что случилось дома, трудно описать. Отец сначала набросился на меня, потом утих и начал увещавать. Мама ушла и закрылась в спальне. Когда я покидал дом — на час раньше, чем требовалось, — меня никто не провожал.

Я остановился перед столом, за которым сидел сержант, и подумал, что нужно как-то отсалютовать. Но не знал как. Он поднял голову и посмотрел на меня.

— А, вот твои бумаги. Возьми и иди в комнату 201. Они возьмут тебя в оборот. Постучи и войди.

Через два дня я уже знал, что пилотом мне стать не суждено. После разного рода осмотров и тестов мои бумаги пополнились новыми записями: невысокая степень интуитивного восприятия... невысокий уровень математических способностей... невысокий уровень математической подготовки... хорошая реакция... хорошее зрение. Я был рад, что хоть что-то у меня хорошее, и с тоской думал, что максимально доступная мне скорость — это скорость счета на пальцах.

Еще четыре дня я подвергался испытаниям дикими, немыслимыми тестами, о которых никогда даже не слышал. Хотел бы я знать, например, что они от меня хотели, когда стенографистка вдруг вспрыгнула на свой стул и завизжала:

— Змеи!

Никаких змей, конечно, не было — дрянная пластиковая кишка.

Письменные и устные тесты все были такими же глупыми, но раз им все это нравилось, я не сопротивлялся. Тщательнее всего я составлял «список предпочтений» — работ, на которые я бы хотел попасть.

Естественно, прежде других я выбрал из длинного перечня все виды работ в Космическом Флоте. Я знал, что предпочел бы обслуживать двигатели или работать на кухне космического корабля, но не служить в частях наземной армии: мне хотелось попутешествовать. За флотом я пометил разведку. Разведчики тоже должны много путешествовать, и я считал, что такая работа должна быть очень интересной.

Дальше я поставил психологическую войну, химическую войну, биологическую войну, экологическую войну (я не знал, что это такое, но все казалось интересным) и еще дюжину наименований. После некоторых колебаний в самом конце я выбрал какой-то Корпус К-9 и пехоту.

Среди небоевых, гражданских служб я выбирать не стал: если не в боевые части, то все равно, куда пошлют. Будут использовать как подопытное животное или рабочую силу для колонизации Венеры. И то и другое означало: так тебе и надо, дурак.

Мистер Вейсс — офицер-распределитель — занимался мною почти неделю после того, как я был допущен к проверке. Он был специалистом по психологической войне, майором в отставке. Хотя он фактически продолжал службу, но ходил только в штатском. В его присутствии я расслаблялся и чувствовал себя свободно. В один из дней он взял мой список предпочтений, результаты всех проверок и тестов и школьный диплом. Последнее меня порадовало: в школе дела у меня шли довольно хорошо. Показатели были достаточно высокие, чтобы не выглядеть дураком, и достаточно низкие, чтобы не показаться выскочкой и зубрилой. Занятий, за редким исключением, я не пропускал. Да и вне школы был, по нашим меркам, заметным человеком:

активное участие в команде по плаванию, по гонкам на треке, должность казначея класса и немало еще подобной ерунды.

Он взглянул на меня, когда я вошел, и сказал:

— Садись, Джонни.

Еще полистал бумажки и наконец положил их на стол.

— Любишь собак?

— Да, сэр.

— Насколько ты их любишь? Твоя собака спит с тобой в одной постели? И вообще, где сейчас твоя собака?

— Но... у меня нет собаки. По крайней мере сейчас. А если бы у меня собака была... что ж, думаю, я бы не пустил ее в свою кровать. Видите ли, мама вообще не хотела, чтобы в доме были собаки.

— Так. Но ты когда-нибудь приводил собаку в дом тайком?

— Ну... — Я подумал, что не смогу ему объяснить, что мама никогда не сердится, но так умеет обдать тебя холодом, что пропадет даже мысль в чем-то ее переубедить. — Нет, сэр, никогда.

— Ммм... ты когда-нибудь видел неопса?

— Один раз. Их показывали на выставке в Театре Макарура два года назад.

— Так. Давай я тебе расскажу о команде К-9. Ведь неопес — это не просто собака, которая разговаривает.

— Вообще-то я не очень разобрался с этими нео тогда в театре. Они что, на самом деле говорят?

— Говорят. Только нужно, чтобы ухо привыкло к их речи. Они не выговаривают буквы «б», «м», «п» и «в», и нужно привыкнуть к тем звукам, которыми они эти буквы заменяют. Но в любом случае их речь не хуже человеческой. Дело в том, что неопес — это не говорящая собака. Это вообще не собака, а искусственно синтезированный мутант. Нео, если он натренирован, в шесть раз умнее обычного пса или, если можно провести такое сравнение, почти так же умен, как умственно отсталая человеческая особь. С той лишь разницей, что умственно отсталый человек — в любом случае человек с дефектом, а неопес проявляет стабильные незаурядные способности в той области, для которой он предназначен.

Мистер Вейс нахмурился.

— Но это еще не все. Нео может жить только в симбиозе. В симбиозе с человеком. В этом трудность. Ммм... ты слишком молод, чтобы знать самому, но ты видел семейные пары — своих родителей, наконец. Ты можешь представить близкие, ну как бы семейные отношения с неопсом?

— Э... Нет. Нет, не могу.

— Эмоциональная связь между псом-человеком и человеком-псом в команде К-9 намного сложнее, тоньше и важнее, чем эмоциональные связи в большинстве человеческих семей. Если человек погибает, мы убиваем неопса. Немедленно! Это все, что мы может сделать для бедного создания. Милосердное убийство. Если же погибнет неопес... что ж, мы не можем убить человека, хотя это и было бы самым простым решением. Мы ограж-

даем его от контактов и госпитализируем, а потом медленно и постепенно собираем в единое целое.

Он взял ручку и сделал в бумагах отметку.

— Считаю, что мы не можем рисковать и посылать в К-9 парня, который не может против воли матери привести пса в дом и спать с ним в одной постели. Так что давай подумаем о чем-нибудь другом.

И только тут я окончательно понял, что ни для одной работы выше К-9 в моем списке предпочтений я не гожусь. А теперь для меня потерян и этот шанс. Я был настолько ошеломлен, что с трудом услышал следующую фразу. Майор Вейсс говорил спокойно, как о чем-то давно пережитом, похороненном на дне души:

— Я работал когда-то в К-9. Когда мой нео по несчастливой случайности погиб, они продержали меня в изоляторе госпиталя шесть недель, пытаясь реабилитировать для другой работы. Джонни, ты интересовался разными предметами, изучал столько всякой всячины — почему ты не занимался чем-нибудь стоящим?

— Сэр?

— Ну ничего. Тем более теперь уже поздно. Забудь об этом. Ммм... Твой преподаватель по истории и нравственной философии, похоже, хорошо к тебе относится.

— Правда? — Я был поражен. — А что он сказал?

Вейсс улыбнулся.

— Он сказал, что ты неглуп. Просто слегка невежествен и задавлен своим окружением. Для него это довольно высокая оценка. Я его знаю.

Мне же, однако, показалось, что такой оценке радоваться нечего. Этот самодовольный, занудный, старый...

— Что же, — продолжал Вейсс, — я думаю, нужно учесть рекомендацию мистера Дюбуа. Как ты смотришь на то, чтобы пойти в пехоту?

Я вышел из Федерального Центра, не испытывая особой радости, но и не особенно горюя. В конце концов я был солдатом. Бумаги в моем кармане подтверждали это. Все-таки я не настолько плох, чтобы использовать меня только как тупую рабочую силу.

Рабочий день как раз завершился, и здание почти опустело — оставались, кажется, только ночные дежурные. У выхода я столкнулся с человеком, лицо которого показалось мне знакомым, но сразу я его не узнал.

Он поймал мой взгляд.

— А-а, парень, — сказал он живо. — Так ты еще не в космосе?

Тут и я узнал его. Сержант Звездного Флота, который первым встретил нас здесь, в ротонде. От удивления я, наверное, открыл рот. На этом человеке была штатская одежда, он шел на двух целых ногах и размахивал руками.

— Добрый вечер, сержант, — пробормотал я.

Он прекрасно понял причину моего удивления, оглядел себя и улыбнулся:

— Успокойся, парень. После работы мне не обязательно сохранять устрашающий вид. Тебя уже определили?

— Только что получил приказ.

— Ну и как?

— Мобильная Пехота.

Его лицо расплылось в довольной улыбке, он стукнул меня по плечу:

— Держись, сынок! Мы будем делать из тебя мужчину... или убьем в процессе обучения. А может быть, и то и другое.

— Вы полагаете, это хороший выбор? — спросил я с сомнением.

— Хороший выбор? Сынок, это единственный выбор вообще. Мобильная Пехота — это ядро армии. Все остальные — это или нажиматели кнопок, или профессора. Все они только помогают нам — мы делаем главную работу.

Он дернул меня за руку и добавил:

— Сержант Звездного Флота Хо, Федеральный Центр. Это я. Обращайся, если будет нужно. Счастливо! — И он вышел из здания — грудь колесом, голова гордо поднята, каблуки цокают по мостовой.

Я посмотрел на свою ладонь. Руки, которую я пожал, на самом деле не было. Но у меня было полное ощущение, что моей ладони коснулась живая ладонь, и не просто коснулась, а твердо пожала. Я что-то читал о таких специальных протезах. Но одно дело читать...

Я пошел к гостинице, где жили новобранцы, ожидающие распределения. Форму нам еще не выдавали, и днем мы носили простые комбинезоны, а вечером собственную одежду. В своей комнате я начал упаковывать вещи, так как улетал рано утром. Вещи я собирал для того, чтобы отправить их домой: Вейсс предупредил, что с собой лучше ничего не брать — разве что семейную фотографию или музыкальный инструмент. Карл отбыл тремя днями раньше, получив назначение в «Ар энд Ди» — то самое, которого он и добивался. Мне казалось, что я так же счастлив, как и он. Или я был просто ошеломлен и не мог осознать, что со мной происходит? Маленькая Кармен тоже уже отбыла в ранге курсанта Звездного Флота (правда, пока в качестве стажера). Она, скорее всего, будет пилотом... Что ж, она это заслужила. Я в ней не сомневался.

В разгар моих сборов в комнату вошел сосед.

— Получил приказ? — спросил он.

— Ага.

— Куда?

— Мобильная Пехота.

— Пехота? Ах ты бедняга, дурачок! Мне тебя искренне жаль. Честное слово.

Я страшно разозлился.

— Заткнись! Мобильная Пехота — это лучшая часть армии! Это сама армия! Все вы работаете только для того, чтобы помочь нам — мы делаем главную работу.

Он ухмыльнулся:

— Ладно, сам увидишь.

Он будет править ими железной рукой.

Откровение от Иоанна

Базовую подготовку я проходил в лагере имени Артура Курье, расположенном на севере, в голой степи. Я был в числе тысячи других таких же жертв. Слово «лагерь» в данном случае звучало даже слишком громко, потому что единственным солидным строением там был склад хранения оборудования и амуниции. Мы спали и ели в палатках, но большую часть жизни проводили на открытом воздухе. Хотя и слово «жизнь» к тому периоду, по-моему, не подходит. Я вырос в теплом климате, а там мне все время казалось, что Северный полюс находился в пяти милях к северу от лагеря. Без сомнения, наступал новый ледниковый период.

Однако бесчисленные занятия и упражнения заставляли согреться, а уж начальство строго следило, чтобы нам все время было тепло.

В первый же день в лагере нас разбудили еще до рассвета. Я с трудом привыкал к переходу из одной часовой зоны в другую, и мне показалось, что нас подняли, когда я только-только заснул. Сначала не верилось, что кто-то всерьез хочет сделать это посреди ночи.

Но так оно и было. Громкоговоритель неподалеку врезал военный марш, который, без сомнения, мог разбудить и мертвого. К тому же какой-то неугомонный надоедливый тип орал возле палаток:

— Всем выходить! Вытряхивайтесь наружу!

Он влез в нашу палатку, как раз когда я укрылся с головой, пытаюсь снова заснуть. Сорвал с меня одеяло и спихнул с кровати на твердую холодную землю. Похоже, это дело было для него привычным: даже не оглянулся и пошел вытряхивать остальных.

Десятью минутами позже, натянув штаны, майку и ботинки, я оказался в шеренге таких же новобранцев, построенных для поверки и гимнастики. Над горизонтом на востоке показался узкий краешек солнца. Перед нами стоял большой, широкоплечий, неприятного вида человек. Одет он был так же, как и мы, но, глядя на него, я чувствовал себя замухрышкой: он был гладко выбрит, брюки отутюжены, в ботинки можно было глядеться, как в зеркало. Но главное — его движения, резкие, живые, свободные. Возникло впечатление, что он не нуждается во сне. Он хрипло крикнул:

— Слушш меня.. Внима... Млчать!.. Я Крейсерский сержант Зим, ваш командир. Когда будете обращаться ко мне, салютуйте и говорите «сэр». Так же обращайтесь к каждому, кто носит жезл инструктора...

В руках у него был стек, и теперь он махнул им в воздухе, словно рисуя все, что хотел сказать. Я еще в день прибытия заметил людей с такими жезлами и решил, что приобрету себе такой же — очень они симпатично выглядели. Однако теперь я понял, что лучше об этом и не думать.

— ... потому что у нас не хватает офицеров, чтобы обучать вас всех, и вам придется иметь дело с нами. Кто чихнул?

Молчание.

— КТО ЧИХНУЛ?

— Это я, — раздался чей-то голос.

— Что я?

— Я чихнул.

— Я чихнул, СЭР!

— Я чихнул, сэр. Я немного замерз, сэр.

— Ого! — Зим подошел к курсанту, который чихнул, поднес кончик жезла почти к самому его носу и спросил: — Имя?

— Дженкинс... сэр.

— Дженкинс... — повторил Зим с таким видом, как будто в самом слове было что-то неприятное и постыдное. — Могу представить, как однажды ночью, находясь в патруле, ты чихнешь только потому, что у тебя сопливый нос. Так?

— Надеюсь, что нет, сэр.

— Что ж, и я надеюсь. Но ты замерз. Хмм... мы сейчас это дело поправим. — Он указал своим стеком. — Видишь склад вон там?

Я невольно бросил взгляд в том же направлении, но ничего не увидел, кроме расстилавшейся до горизонта степи. Только пристально взглядевшись, я различил наконец какое-то строение, которое, как казалось, был расположен на линии горизонта.

— Вперед. Обезишь его и вернешься. Бегом, я сказал. И побыстрее! Бронски! Пришпорь-ка его.

— Есть, сержант! — Один из той компании со стеками, окружавший сержанта, рванулся за Дженкинсом, легко его догнал и звучно стегнул по штанам стеком.

Зим повернулся к нам. Он раздраженно прохаживался туда-сюда вдоль строя, искоса оглядывая нас. Наконец остановился, тряхнул головой и сказал, обращаясь явно к самому себе, но так, что всем было слышно:

— Кто бы мог подумать, что этим буду заниматься я!

Он опять оглядел нас.

— Эй вы, обезьяны... нет, даже «обезьяны» для вас слишком хорошо. Жалкая банда мартышек... За всю свою жизнь я не видел такой толпы маменькиных сынков. Втянуть кишки! Глаза прямо! Я с вами разговариваю!

Я невольно втянул живот, хотя и не был уверен, что он обращается ко мне. А он все говорил, все хрипел, и я начал забывать о холоде, слушая, как он бушует. Он ни разу не повторился и ни разу не допустил богохульства и непристойности. Однако он умудрился описать наши физические, умственные, моральные и генетические пороки с большой художественной силой и многими подробностями.

Но я не был особенно потрясен его речью. Меня больше заинтересовала ее внешняя сторона — язык, манера говорить.

Наконец он остановился. Потом снова заговорил:

— Нет, я не знаю, что делать. Может, отослать их всех обратно. Когда мне было шесть, мои деревянные солдатики выглядели куда лучше. Ну хорошо! Есть кто-нибудь в этой куче, кто думает, что может сделать меня? Есть хоть один мужчина? Отвечайте!

Наступило короткое молчание, в котором, естественно, принял участие и я. Я хорошо понимал, что не мне с ним тягаться.

Но тут с правого фланга шеренги раздался голос:

— Может быть... думаю, я смогу... сэр.

На лице Зима появилось радостное выражение.

— Прекрасно! Шаг вперед. Я хочу на тебя взглянуть.

Новобранец вышел из строя. Выглядел он внушительно: по крайней мере, на три дюйма выше самого Зима и даже несколько шире в плечах.

— Как твое имя, солдат?

— Брэкенридж, сэр.

— Каким стилем ты хочешь драться?

— Какой вам по душе, сэр. Мне все равно.

— О'кей. Тогда обойдемся без всяких правил. Можешь начинать как хочешь. — Зим отбросил свой стек.

Борьба началась — и тут же закончилась. Здоровенный новобранец сидел на земле, придерживая правой рукой левую. Он не издал и звука.

Зим склонился над ним.

— Сломал?

— Думаю, что да... сэр.

— Виноват. Ты меня немного поторопил. Ты знаешь, где санчасть? Ну, ничего. Джонс! Доставьте Брэкенриджа в санчасть.

Когда они уходили, Зим хлопнул парня по правому плечу и тихо сказал:

— Попробуем еще раз — примерно через месяц. Я тебе объясню, что у нас сегодня получилось.

Эта фраза, скорее всего, предназначалась только для Брэкенриджа, а я расслышал только потому, что они стояли совсем недалеко от того места, где я постепенно превращался в сталактит.

Зим вернулся и крикнул:

— О'кэй, в этой компании по крайней мере один оказался мужчиной. Мое настроение улучшилось. Может быть, еще кто-нибудь найдется? Может, попробуйте вдвоем? — Он завертел головой, осматривая шеренгу. — Ну, что ж вы, мягкотелые, бесхребетные... Ого! Выйти из строя.

Вышли двое, стоявшие рядом в строю. Я подумал, что они договорились между собой шепотом. Зим улыбнулся.

— Ваши имена, пожалуйста. Чтобы мы сообщили вашим родственникам.

— Генрих.

— Какой Генрих? Ты, кажется, что-то забыл?

— Генрих, сэр. Битте. — Парень быстро переговорил с другим и добавил: — Он не очень хорошо говорит на стандартном английском, сэр.

— Майер, майн герр, — добавил второй.

— Это ничего. Многие из тех, кто приходит сюда, сначала не умеют хорошо болтать. Я сам такой был. Скажи Майеру, чтобы он не беспокоился. Он понимает, чем мы будем заниматься?

— Яволь, — тут же отозвался Майер.

— Конечно, сэр. Он понимает, только не может быстро объясняться.

— Хорошо. Откуда у вас эти шрамы на лице? Гейдельберг?

— Найдн... нет, сэр. Кенигсберг.

— Это одно и то же. — У Зима в руках снова был его жезл. Он покрутил его и спросил: — Может быть, вы тоже хотите драться с жезлами?

— Это было бы несправедливо, сэр, — ответил Генрих. — Мы будем драться голыми руками, если вы не возражаете.

— Как хотите. Кенигсберг, да? Правила?

— Какие могут быть правила, сэр, если нас трое?

— Интересное замечание. И договоримся, что если у кого-нибудь будет выдавлен глаз, его нужно будет вставить обратно, когда мы закончим драться. И скажи своему соотечественнику, что я готов. Начинайте, когда захотите. — Зим отбросил свой жезл.

— Вы шутите, сэр. Мы не будем выдавливать глаза.

— Не будем? Договорились. И давайте начинайте. Или возвращайтесь обратно в строй.

Я не уверен, что все произошло именно так, как мне помнится теперь. Кое-что подобное я проходил позже, на тренировках. Но я думаю, случилось вот что: двое парней пошли на сержанта с двух сторон, пока не вступая с ним в контакт. В этой позиции для человека, который работает один, есть выбор из четырех основных движений, дающих возможность использовать преимущества более высокой подвижности и координированности одного по сравнению с двумя. Сержант Зим всегда повторял (и был совершенно прав), что любая группа слабее одного, за исключением того случая, когда эта группа специально подготовлена для совместной работы. К примеру, сержант мог сделать ложный выпад в сторону одного из них, затем внезапно рвануться к другому и вывести его из строя (в элементарном варианте — хотя бы ударом по коленной чашечке). Затем спокойно разделаться с первым из нападающих.

Однако он позволил им обоим напасть. Майер быстро прыгнул к нему, видимо надеясь каким-либо приемом повалить сержанта. После этого Генрих мог, например, пустить в ход свои тяжелые ботинки. Сначала, по крайней мере, казалось, что сценарий развивается именно так.

На самом деле с захватом у Майера ничего не вышло. Сержант Зим, поворачиваясь ему навстречу, одновременно ударил двинувшегося к нему Генриха в живот. В результате Майер как бы взлетел и мгновенно парил в воздухе.

Однако единственное, что можно было утверждать точно, — это то, что борьба началась, а потом оказалось, что на земле мирно спят два немецких парня. Причем лежали они рядом, только один лицом вверх, а другой — вниз. Над ними стоял Зим, у которого даже не сбилось дыхание.

— Джонс, — сказал он. — Нет, Джонс ушел, не так ли? Махмуд! Принеси-ка ведро воды и верни их на место. Кто взял мою палку?

Немного погодя ребята пришли в сознание и мокрые вернулись в строй. Зим оглядел нас и спросил уже более умиротворенно:

— Кто еще? Или приступим к упражнениям?

Я никак не ожидал, что кто-нибудь еще отважится попробовать. Однако неожиданно с левого фланга, где стояли низкорослые, вышел из шеренги парень. Он повернулся и прошел к центру строя. Зим посмотрел на него сверху вниз.

— Только ты один? Может, хочешь взять себе партнера?

— Я лучше один, сэр.

— Как хочешь. Имя?

— Суцзуми, сэр.

Глаза у Зима округлились.

— Ты имеешь отношение к полковнику Суцзуми?

— Я имею честь быть его сыном, сэр.

— Ах вот как! Прекрасно! Черный пояс?

— Нет, сэр. Пока еще нет.

— Приятно послушать скромного человека. Ладно, Суцзуми. Будем драться по правилам или пошлем за доктором?

— Как пожелаете, сэр. Однако я думаю, если позволите высказать мне свое мнение, что по правилам будет благоразумнее.

— Не совсем понимаю, о чем ты, но согласен. — Зим опять отбросил свой жезл, затем они отступили друг от друга, и каждый из них склонился, внимательно следя за противником.

Они стали двигаться, описывая окружность, делая легкие пробные выпады и пассы руками. Я почему-то вспомнил о боевых петухах.

И вдруг они вошли в контакт — и маленький Суцзуми оказался на земле, а сержант Зим пролетел над ним и упал. Однако сержант приземлился не так, как шлепнулся Майер. Он перекувыркался и в одно мгновение был уже на ногах, готовый встретить подбирающегося Суцзуми.

— Банзай! — громко крикнул Зим и улыбнулся.

— Аригато, — сказал Суцзуми и улыбнулся в ответ.

Они снова почти без паузы вошли в контакт, и я подумал, что сейчас сержант опять совершит полет. Но этого не произошло. На несколько мгновений все смешалось: они схватились, мелькали руки и ноги. А когда движение прекратилось, все увидели, как сержант Зим подтягивает левую ногу Суцзуми чуть ли не к его правому уху.

Суцзуми стукнул по земле свободной рукой. Зим тотчас же опустил его. Они встали и поклонились друг другу.

— Может быть, еще один раз, сэр?

— Прошу прощения. Но у нас есть дела. Как-нибудь потом, хорошо?.. Наверное, я должен тебе сказать. Меня тренировал твой уважаемый отец.

— Я уже начал об этом догадываться, сэр. Значит, до другого раза.

Зим сильно стукнул его по плечу:

— Становись в строй, солдат... Равняйся!

Следующие двадцать минут мы занимались гимнастическими упражнениями, от которых мне стало настолько же жарко, насколько раньше было холодно. Зим проделывал все упражнения вместе с нами. Я все хотел подловить его, но он так ни разу и не сбился со счета. Когда мы закончили, он дышал так же ровно, как и до занятий. После он никогда больше не занимался с нами гимнастикой. Но в первое утро он был с нами и, когда упражнения закончились, повел всех, потных и красных, в столовую, устроенную под большим тентом. По дороге он все время прикрикивал:

— Поднимайте ноги! Четче! Выше хвосты, не волочите их по дороге!

Потом мы уже никогда не ходили по лагерю, а всегда бегали легкой рысью, но у меня возникло подозрение, что это был какой-то великий стайер.

Брэкенридж был уже в столовой, рука у него была забинтована. Я услышал, как он сказал кому-то, что обязательно разделается с Зимом.

На этот счет у меня были большие сомнения. Суцзуми — еще быть может, но не эта здоровенная обезьяна. Зим, правда, мне очень понравился, но в самобытности отказать ему было нельзя.

Завтрак был на уровне, все блюда мне понравились. Судя по всему, здесь не занимались чепухой, как в некоторых школах, где, садясь за стол, ты чувствуешь себя несчастным. Если ты не можешь удержаться и объедаешься, загребая со стола обеими руками, — пожалуйста, никто не будет вмешиваться. В столовой меня всегда охватывало блаженное чувство расслабленности и свободы: только здесь на тебе никто не имеет права ездить. Блюда ничем не напоминали те, к которым я привык дома. Вольнонаемные, обслуживающие столовую, в свободной манере швыряли тарелки к нам на столы. Любое их движение, думаю, заставило бы маму побледнеть и удалиться к себе в комнату. Но еда была горячая, обильная и, на мой взгляд, вкусная, хотя и без особых изысков. Я съел в четыре раза больше обычной нормы, запив все несколькими чашками кофе с сахаром и заев пирожным.

Когда я только принялся за второе, появился Дженкинс в сопровождении капрала Бронски. На мгновение они остановились у стола, за которым в одиночестве завтракал Зим, потом Дженкинс хлопнулся на свободное сиденье возле меня. Выглядел он ужасно: измученный, он прерывисто дышал.

— Эй, — сказал я, — давай плесну тебе кофе.

Он качнул головой.

— Тебе лучше поесть, — настаивал я, — хотя бы пару яиц съешь. И не заметишь, как проглотишь.

— Я не могу есть. О, эта грязная, грязная скотина...

Он добавил еще кое-что.

Зим только что закончил есть и курил, одновременно ковыряя в зубах. Последнюю фразу Дженкинса он явно услышал.

— Дженкинс...

— Э... сэр?

— Разве ты не знаешь, что такое сержант?

— Ну... я только изучаю...

— У сержанта нет матерей. Ты можешь спросить любого, прошедшего подготовку. — Он выпустил в нашу сторону облако дыма. — Они размножаются делением... как все бактерии...

4

И сказал Господь Гедеону: народу с тобою слишком много... Итак провозгласи вслух народу и скажи: кто боязлив и робок, тот пусть возвратится... И возвратилось народа двадцать две тысячи, а десять тысяч осталось. И сказал Господь Гедеону: все еще много народа; ведем их к воде, там Я выберу их тебе... Он привел народ к воде. И сказал Господь Гедеону: кто будет лакать воду языком своим, как лакает пес, того ставь особо, также и тех всех, которые будут наклоняться на колени свои и пить. И было число лакавших ртом своим с руки триста человека... И сказал Господь Гедеону: тремястами лакавших Я спасу вас... а весь народ пусть идет, каждый на свое место.

Книга Судей. VII, 2-7

Через две недели после прибытия в лагерь у нас отобрали койки. Если быть точнее, нам предоставили колоссальное удовольствие тащить эти койки четыре мили на склад. Но к этому времени подобное событие уже ничего не значило: земля казалась теплее и мягче — особенно когда посреди ночи звучал сигнал и нужно было моментально вскакивать, куда-то мчаться и изображать из себя солдат. А такое случалось примерно три раза в неделю. Но теперь я засыпал моментально, сразу же после упражнений. Я научился спать где и когда угодно: сидя, стоя, даже маршируя в строю. Даже на вечернем смотре, вытянувшись по стойке «смирно», под звуки музыки, которая уже не могла меня разбудить. Зато сразу просыпался, когда приходило время пройтись парадным шагом перед командирами.

Пожалуй, я сделал очень важное открытие в лагере Курье. Счастье состоит в том, чтобы до конца выспаться. Только в этом и больше ни в чем. Почти все богатые люди несчастны, так как не в силах заснуть без снотворного. Пехотинцу, десантнику пилюли ни к чему. Дайте десантнику койку и время, чтобы на нее упасть, и он тут же заснет и будет так же счастлив, как червяк в яблоке.

Теоретически нам выделялось полных восемь часов для сна ночью и еще полтора часа свободного времени вечером, но на деле ночные часы

безжалостно расходовались на бесконечные тревоги, службы в патруле, марш-броски и прочие штуки. Вечером же, в свободное время, часто заставляли по «спешной необходимости» заниматься какой-нибудь ерундой; чисткой обуви, стиркой, стрижкой, не говоря уже об уйме других дел, связанных с амуницией, заданиями сержантов и так далее.

Но все же иногда после ужина можно было написать письмо, побездельничать, поболтать с друзьями, обсудить с ними бесконечное число умственных и моральных недостатков сержантов. Самыми задушевными были разговоры о женщинах (хотя нас всячески старались убедить, и мы, кажется, уже начинали верить, что таких существ в действительности не существует, что они — миф, созданный воспламененным воображением. Один паренек, правда, пытался утверждать, что видел девушку у здания штаба, но был немедленно обвинен в хвастовстве и лжесвидетельстве).

Еще можно было поиграть в карты. Однако я оказался слишком азартен для этого дела, был несколько раз тяжело за это наказан, а потому бросил играть и с тех пор ни разу не прикасался к картам.

А уж если мы действительно имели в своем распоряжении минут двадцать, то можно было поспать. Это был наилучший выбор: доспать нам не давали никогда.

Из моего рассказа, наверное, может сложиться впечатление, что лагерные порядки были суровее, чем необходимо. Это не совсем так. Все в лагере было направлено на то, чтобы сделать нашу жизнь насколько возможно тяжелой. И делалось это сознательно.

У каждого из нас складывалось твердое убеждение, что в лагере тон всему задают явно посредственные люди, садисты, получающие удовольствие от возможности властвовать над нами.

Но это было не так. Все было слишком тщательно спланировано и рассчитано слишком умно, чтобы допустить жестокость только ради самой жестокости. Все было организовано, как в операционной палате, и осуществлялось такими же безжалостными средствами, какие использует хирург. Я мог бы, конечно, сказать, что некоторым инструкторам лагерные порядки нравились, но было ли это так, на сто процентов, утверждать не берусь. По крайней мере, теперь я знаю, что при подборе инструкторов офицеры-психологи стараются избежать малейшей ошибки. Подбирались прежде всего профессионалы, способные создать жесткую испытательную атмосферу для новобранцев. Садист, как правило, слишком туп и эмоционально несвободен в подобной ситуации. Поэтому от подобных забав он быстро бы устал, отвалился и в конечном счете не смог бы эффективно вести подготовку.

И все-таки стервецы среди них водились. Хотя надо признать, что и среди хирургов (и не самых плохих) есть такие, которым доставляет удовольствие резать и пускать кровь.

А это и была хирургия. Ее непосредственная цель — прежде всего отсеять тех новобранцев, которые слишком изнежены, слишком инфантильны для Мобильной Пехоты.

Вся наша компания за шесть недель сократилась до размеров взвода. Некоторые выбывали спокойно, им предоставлялся выбор мест в небоевых службах — по предпочтению. Других увольняли с жестокими резолюциями: «уволен за плохое поведение», «неудовлетворительная подготовка», «плохое здоровье»...

Некоторые не выдерживали и уходили сами, громко проклиная все на свете, навсегда расставаясь с мечтой о получении привилегий. Многие, особенно люди в возрасте, как ни старались, не могли выдержать физических нагрузок. Помню одного — забавного старикашку по фамилии Карузерс (старикашкой он казался нам, на самом деле ему было тридцать пять). Его уносили на носилках, а он все орал, что это несправедливо и что он скоро обязательно вернется.

Нам всем тогда стало грустно, потому что мы любили Карузерса и потому что он действительно старался. Когда его уносили, мы все отворачивались, не надеясь снова с ним увидеться. Я встретил его много лет спустя. Он отказался увольняться и в конце концов стал третьим поваром на одном из военных транспортов. Он сразу вспомнил меня и захотел поболтать о старых временах: его прямо-таки распирало от гордости (точно так же пыжился мой отец со своим гарвардским акцентом), что он готовился когда-то в лагере Курье. В разговоре Карузерс утверждал, что устроился даже лучше, чем простой пехотинец. Что ж, может быть, для него это было действительно так.

Однако, кроме отсева психологически и физически непригодных и экономии правительственных затрат на тех, кто никогда их не окупит, была еще одна, прямая и главная, цель — достижение полной уверенности в том, что тот, кто сядет в боевую капсулу, будет подготовлен, дисциплинирован, а также абсолютно, насколько может быть человек, надежен. Если человек пойдет в бой неподготовленным, то это будет непорядочно по отношению к Федерации, по отношению к братьям по оружию, но хуже всего — по отношению к нему самому.

Но были ли все-таки порядки в лагере более жестокими, чем требовала необходимость?

Могу сказать насчет этого только следующее: каждый раз, когда я готовлюсь к боевому выбросу, я хочу, чтобы по обе стороны от меня в бой выпускники лагеря Курье или того же лагеря в Сибири. Иначе я просто не стану входить в капсулу.

Но в то время, пока я еще проходил подготовку, во мне крепло убеждение, что наши наставники от нечего делать часто занимаются ерундой, используя новобранцев как подопытный материал. Вот маленький пример. Через неделю после прибытия в лагерь нам выдали какие-то нелепые наряды для вечернего смотра (спецодежда и форма достались нам значительно позже). Я принес свою тунику обратно на склад и пожаловался кладовщику-сержанту. Он имел дело с вещами и казался довольно дружелюбным, поэтому я относился к нему как к штатскому, тем более что тогда еще не умел разбираться в многочисленных значках и нашивках, пестре-

ших на груди сержантов. Иначе, наверное, я бы с ним не заговорил. Но тогда решился:

— Сержант, эта туника слишком велика. Мой командир сказал, что ему кажется, будто я несу на себе палатку.

Он посмотрел на одежду, но не притронулся к ней.

— Действительно?

— Да. Я бы хотел другую, более подходящую.

Он не шелохнулся.

— Я вижу, тебя нужно образумить, сынок. В армии существуют только два размера — слишком большой и слишком маленький.

— Но мой командир...

— Не сомневаюсь.

— Но что же мне делать?

— Ты хочешь совета? Что ж, у меня есть свеженькие — только сегодня получил. Ммм... вот что сделал бы я. Вот иголка. И я буду настолько щедр, что дам тебе целую катушку ниток. Ножницы тебе не понадобятся, возьмешь бритву. Ушьешь в талии, а на плечах оставишь побольше.

Сержант Зим, увидев результат моего портняжного искусства, буркнул:

— Мог бы сделать и получше. Два часа в свободное время.

К следующему смотру мне пришлось делать «лучше».

На протяжении шести недель нагрузки росли и становились изнурительней. Строевая подготовка и парады смешались с марш-бросками по пересеченной местности. Постепенно, по мере того как неудачники выбывали, отправляясь домой или еще куда-нибудь, мы уже могли относительно спокойно делать по пятьдесят миль за десять часов. А ведь это приличный результат для хорошей лошади. Отдыхали на ходу, не останавливаясь, а меняя ритм: медленный шаг, быстрый, рысь. Иногда проходили всю дистанцию сразу, устраивались на бивуак, ели сухой паек, спали в спальных мешках и на следующий день отправлялись обратно.

Однажды мы вышли на обычный дневной бросок без пайков и спальных мешков на плечах. Когда мы не сделали остановки для ланча, я не удивился: уже давно научился припрятывать за завтраком хлеб и сахар. Однако когда мы и в полдень продолжали удаляться от лагеря, я начал размышлять. Так или иначе, но все молчали, твердо усвоив, что глупые вопросы здесь задавать не принято.

Мы остановились ненадолго перед тем, как стемнело, — три роты, за несколько недель уже изрядно поредевшие. Был устроен смотр батальона: мы маршировали без музыки, в тишине. Затем расставили часовых и дали команду «вольно». Я тут же посмотрел на капрала-инструктора Бронски. Во-первых, с ним всегда было легче общаться, чем с другими, а во-вторых... во-вторых, я чувствовал, что несу некоторую ответственность. Дело в том, что к этому времени я уже стал новобранцем-капралом. Эти детские шевроны почти ничего не значили — разве что давали возможность начальству пилить меня за то, что делал сам, и за то, что делали мои подопечные. Тем более что потерять эти нашивки можно было так же быстро,

как и приобрести. Зим старался поскорее избавиться от тех, кто был постарше, и я получил нарукавную повязку с шевронами за два дня до того, как командир нашей группы не выдержал нагрузок и отправился в госпиталь.

Я спросил:

— Капрал Бронски, что все-таки происходит? Когда просигналят к обеду?

Он ухмыльнулся:

— У меня есть пара галет. Могу с тобой поделиться.

— Нет, сэр, спасибо. (У меня у самого было припрятано галет гораздо больше: я постепенно учился жизни.) Обедать вообще не будет?

— Мне об этом тоже никто ничего не сказал, сынок. Однако кухня в пределах видимости не наблюдается. Если бы я был на твоём месте, я собрал бы свою группу и прикинул, что к чему. Может быть, кто из вас сумеет подшибить камнем зайца.

— Значит, остаемся здесь на всю ночь? Но ведь мы не взяли с собой скаток?

Его брови буквально взлетели вверх.

— Нет скаток. Но разве нельзя ничего придумать? — Он задумался на секунду. — Ммм... ты когда-нибудь видел, как ведут себя овцы в снежную бурю?

— Нет, сэр.

— Попробуй представить. Они жмутся друг к другу и никогда не замерзают. Глядишь, и у вас получится. Или можно еще ходить, двигаться всю ночь. Никто тебя не тронет, если не выбираться за посты. Будешь двигаться — не замерзнешь. Правда, к утру слегка устанешь.

Он снова ухмыльнулся.

Я отдал честь и вернулся к своей группе. Мы стали обсуждать положение и делиться продуктами. В результате мои собственные запасы сильно оскудели: некоторые из этих идиотов даже не догадались стянуть что-нибудь за завтраком, а другие съели все, что у них было, на марше. В результате на каждого пришлось по несколько галет и сушеных слив, что на время успокоило наши желудки.

Овечий метод сработал. Мы собрали весь взвод — три группы. Однако я никому не стал бы рекомендовать такой способ сна. Если находишься снаружи, один бок у тебя замерзнет, и ты лезешь куда-нибудь в гущу, чтобы отогреться. Но когда лежишь, сжатый другими телами, соседи то и дело норовят толкнуть локтем, положить на тебя ноги. Всю ночь тела по-немногу перемещаются по типу броуновского движения, и всю ночь приходится менять свое положение: ты вроде не бодрствуешь, но и не спишь. Кажется, что ночь длится лет сто.

Мы были разбужены на рассвете уже ставшим привычным криком:

— Подъем! Быстро!

Призыв к подъему инструкторы убедительно подкрепляли своими жезлами... Затем, как всегда, занялись гимнастикой. Я чувствовал себя ледя-

ным изваянием и совершенно не представлял, как смогу при наклоне дотянуться до носков ботинок. Но дотянулся, хотя это и было довольно болезненно.

Когда отправились в обратный путь, я чувствовал себя разбитым. Видно было, что и другим не лучше. Один Зим, как всегда, был подтянут. Кажется, ему даже удалось побриться.

Мы шли к лагерю, солнце уже ощутимо пригревало спины. Зим затынул старые солдатские песни и требовал, чтобы мы подтягивали. Под конец запели нашу «Польку капитана-десантника», которая как бы сама собой заставила ускорить шаги и в конце концов перейти на рысь. У сержанта слуха не было, и, судя по всему, он старался искупить этот недостаток громкостью. Зато Бркенридж оказался довольно музыкальным парнем, его голос, несмотря на ужасные крики Зима, не давал нам сбиться с мелодии. Песни здорово поддерживали нас — каждый почувствовал себя немножко нахальнее.

Но пятьдесят миль спустя ни один из нас уже не находил в себе ни нахальства, ни дерзости. Прошедшая ночь казалась очень длинной. У дня же вообще не было конца. Тем не менее Зим отчитал нас за то, что мы неряшливо выглядим перед вечерним смотром, а несколько человек наказал, потому что они не успели побриться за те десять минут, которые у нас были после прихода в лагерь. Несколько человек решили уволиться в тот вечер. Раздумывал и я, но так и не сделал этого — быть может, причина покажется глупой, но на моем рукаве еще сверкали шевроны, и никто их не снимал.

В эту ночь нас подняли по тревоге в два часа.

Однако вскоре я смог оценить уютное тепло и комфорт сна среди нескольких дюжин моих товарищей. Через двенадцать недель меня сбросили чуть не голого в пустынной местности в Канадских скалах, и я должен был продираться через горы сорок миль. Я проделал все, но на каждом дюйме пути не уставал проклинять армию.

Я даже не был так уж плох, когда добрался до конечного пункта. Два встреченных мною зайца оказались менее проворными, чем я, и голод отступил. Благодаря этим зайцам я оказался к концу более одетым, чем вначале: сделал себе какие-то допотопные мокасины из шкурок. Удивительно, что можно сотворить при помощи плоского кусочка камня, если у тебя больше ничего нет под рукой. После своего путешествия я пришел к выводу, что мы сильно недооцениваем своих пещерных предков.

Другие проделали такой же путь. Другие — это те, кто не уволился перед тестом на выживание, а решил попробовать. Благополучно прошли все, кроме двух парней, которые погибли в скалах. Нам пришлось вернуться в горы и потратить тринадцать дней на то, чтобы разыскать погибших. Тогда мы и узнали, что десант никогда не бросает своих, пока есть хоть малейший шанс на надежду.

Мы нашли тела, когда уже понимали, что их нет в живых, и похоронили со всеми почестями. Посмертно им было присвоено звание сержантов;

они первыми из новобранцев лагеря поднялись так высоко. От десантника не ждали долгой жизни, смерть была частью его профессии. Но в Мобильной Пехоте очень заботились о том, как ты умрешь.

Одним из погибших был Брэкенридж. Другим — парень из Австралии, которого я не знал. Не они были первыми, не они стали последними среди тех, кто погиб на испытаниях.

5

*Ты рожден, чтоб быть виновным, иначе ты
не был бы здесь!*

С левого борта... ОГОНЫ!

*Стрельба — не твое дело, займись-ка луч-
ше ловлей блох!*

С правого борта... ОГОНЫ!

Старинная матросская песня

Многое еще случилось перед тем, как мы покинули лагерь Курье, и многому мы научились. Боевая подготовка — сплошные тренировки, упражнения, маневры. Мы учились использовать все: от рук, ног до ядерного оружия (конечно, с холостыми зарядами). Я в жизни никогда не думал, что руки и ноги — такое грозное оружие, пока не увидел сержанта Зима и капитана Франкеля — нашего командира батальона, устроивших показательный бой. Рукопашному бою нас обучал и Суцзуми, всегда вежливый, с белозубой улыбкой. Зим сделал его на время инструктором, и мы обязаны были выполнять его приказы, хотя и не обращались к нему «сэр».

По мере того как наши ряды таяли, Зим все меньше занимался всеми нами одновременно (за исключением смотров) и тратил все больше времени на индивидуальные тренировки. Он как бы дополнял капралов-инструкторов. Внезапно он словно оглох ко всему, кроме своих любимых ножей. Вместо стандартного сделал, отбалансировал и заточил себе специальный нож. При индивидуальном тренинге Зим немного оттаивал, становился более терпимым и даже терпеливо отвечал на неизбежные глупые вопросы.

Однажды во время двухминутного перерыва, которые устраивались между различными видами работы, один из парней, его звали Тэд Хендрик, спросил:

— Сержант, я ведь правильно думаю, что все это метание ножей — скорее забава?.. Зачем тогда так тщательно ее изучать? Разве это может нам пригодиться?

— Ну что ж, — сказал Зим. — А если все, что у тебя есть, — это нож? Или даже ножа нет? Что ты будешь тогда делать? Готовиться к смерти? Или попытаешься изловчиться и заставить врага получить свое? Ведь это все не игрушки, сынок. И некому будет жаловаться, когда обнаружишь, что ничего не можешь сделать.

— Но я как раз об этом и говорю, сэр. Представьте, что вы оказались невооруженным. Или у вас в руках даже есть какая-нибудь ерунда. А у противника — опасное оружие. И как бы вы ни старались, ничего не сделаете.

Голос Зима прозвучал неожиданно мягко:

— Неправильно, сынок. На свете не существует такой вещи, как «опасное оружие».

— То есть, сэр?

— Опасного оружия нет. Есть только опасные люди. Мы стараемся сделать вас опасными для врага. Опасными даже без ножа. Опасными до тех пор, пока у вас есть одна рука или одна нога и пока вы еще живы... Возьмем теперь твой случай. Допустим, у меня только нож. Цель — вражеский часовой, вооруженный всем, чем хочешь, кроме разве что ядерного заряда. Я должен его поразить быстро и так, чтобы он не позвал на помощь...

Зим чуть-чуть повернулся. Чанк! Нож, которого не было до этого в руке сержанта, уже дрожал в центре мишени для стрельбы.

— Видишь? Еще лучше иметь два ножа. Но взять его ты должен был в любом случае — даже голыми руками.

— Да... но...

— Тебя все еще что-то беспокоит? Говори. Я здесь как раз для того, чтобы отвечать на твои вопросы.

— Да, сэр. Вы сказали, что у противника не будет бомбы. Но ведь она у него будет. Вот в чем дело. В конце концов, мы ведь вооружаем наших часовых зарядами. Так же будет и с часовым, которого я должен буду взять. То есть я, конечно, не обязательно имею в виду самого часового, а ту сторону, на чьей он воюет.

— Я понимаю.

— Вот видите, сэр! Если мы можем использовать бомбу и если, как вы сказали, это не игра, а настоящая война, то кажется глупым ползать среди бурьяна и метать ножи. Ведь так и тебя убьют, и войну проиграем... Если есть настоящее оружие, почему бы его не использовать? Какой смысл в том, чтобы люди рисковали жизнью, используя пещерное оружие, в то время как можно добиться гораздо большего простым нажатием кнопки?

Зим ответил не сразу, что было совсем на него не похоже. Наконец он тихо сказал:

— Ты вообще рад, что связался с пехотой, Хендрик? Как ты знаешь, ты можешь уйти.

— Я не собираюсь уходить, сэр. Я хочу отслужить свой срок, сэр.

— Понятно. Что ж, по правде сказать, у сержанта нет достаточно квалификации, чтобы ответить на второй вопрос. И по правде сказать, не стоило мне его задавать. Ты должен был знать ответ еще до поступления на службу. Ты проходил в школе историю и нравственную философию?

— Конечно, сэр.

— Тогда ты уже слышал ответ на свой вопрос. Хотя я могу сообщить тебе свою — неофициальную — точку зрения. Если бы ты хотел проучить малолеток, ты стал бы рубить им головы?

— Нет, сэр.

— Конечно, нет. Ты бы их отшлепал. Точно так же бывают обстоятельства, когда глупо уничтожать вражеский город бомбой: это все равно что отшлепать мальчишку топором. Война — не просто насилие, убийство. Война — это контролируемое насилие, предполагающее определенную цель. А цель — это поддержка решения правительства силой. Нельзя убивать противника только для того, чтобы его убить. Главное — заставить его делать то, что ты хочешь. Не убийство... а контролируемое и целесообразное насилие. Однако цель определяется не тобой и не мной. Не солдатское дело — определять, когда, где и как. Или почему. Солдат дерется, а решают правительство и генералы. В правительстве решают, почему и каковы масштабы. Генералы говорят нам, где, когда и как. Мы осуществляем насилие. Другие люди — постарше и помудрее, как они сами утверждают, — осуществляют контроль. Так и должно быть. Это лучший ответ, который я могу вам дать. Если он покажется неудовлетворительным, могу направить желающих к более высокому командованию. Если и там вас не убедят — идите домой и оставайтесь гражданскими людьми! Потому что в этом случае вы вряд ли станете нормальными солдатами.

Зим вскочил на ноги.

— Что-то мне начинает казаться, вы затягиваете разговор, просто чтобы меня надуть. Подъем, солдаты! Раз, два! К мишеням. Хендрик, ты первый. На этот раз я хочу, чтобы ты метнул свой нож в южном направлении. Юг — понял! А не север. Мишень должна появиться к югу от тебя, и нож должен полететь туда же. Я знаю, что ты не поразил мишень точно, но постарайся все же в нее попасть. И смотри, не отрежь себе ухо и не задень никого рядом. Сосредоточься на мысли, что тебе нужно послать нож к югу. Приготовься. Мишень! Пошел!

Хендрик опять не понял.

Мы тренировались с жезлами, шестами и простыми палками, с проволокой (оказалось, что с куском проволоки тоже можно проделать множество невероятных вещей). Мы наконец стали узнавать и то, что можно сделать с современным оружием: как его использовать, как соблюдать безопасность, как его ремонтировать в случае необходимости. Сюда входили ядерные заряды, пехотные ракеты, различные газы и яды. И другие вещи, о которых, может быть, лучше не говорить.

И все же мы не бросили изучение старинного, «пещерного» оружия. Учились, например, пользоваться штыками, учились стрелять из ружей, автоматов, которые были в употреблении еще в XX веке. Такие автоматы на учениях часто заменяли более грозное и мощное оружие. Нам вообще приходилось очень часто применять разного рода муляжи. Бомбу или гранату заменяли устройства, дающие в основном лишь черные клубы дыма. Газ, заставлявший чихать и сморкаться, использовали вместо веществ, от которых ты был бы уже мертв или парализован. Однако и его действия хватало, чтобы мы старались принять надежные меры предосторожности.

Спали мы все так же мало. Больше половины тренировок проходило по ночам, заодно мы учились пользоваться радарам, инфравидением и прочими хитростями.

Автоматы, заменявшие нам более современное оружие, были заряжены холостыми патронами. И только один из пятисот был настоящим, боевым. Опасно? И да, и нет. При нашей профессии вообще опасно жить... А пуля, если она не разрывная, вряд ли сможет тебя убить, разве что попадет в голову или в сердце, да и тогда вряд ли. Зато одна настоящая штучка на пятьсот холостых делала игру интересней и азартней. Тем более мы знали: такие же автоматы находятся в руках инструкторов, которые не упустят случая и не промахнутся. Они, конечно, утверждали, что никогда намеренно не целятся человеку в голову, но все же иногда такие вещи случались.

И вообще — никакие уверения не могли быть стопроцентной гарантией. Каждая пятисотая пуля превращала занятия в подобие гигантской русской рулетки. Ты сразу переставал скучать, когда слышал, как, тонко свистнув, проносится мимо твоего уха смертоносная гадина, а потом ее догоняет треск автомата.

Но время шло — и мы постепенно расслабились, азарт пропал. Тут нам передали послание начальства: если не подтянемся, не соберемся, настоящая пуля будет вкладываться в каждую сотню холостых... А если и это не сработает, пропорция окажется один к пятидесяти. Я не знаю, изменили что-то или нет, но мы определенно подтянулись. Особенно когда ранили парня из соседней роты: настоящая пуля задела ягодицы. Естественно, на некоторое время он стал объектом нескончаемых шуток, а также предметом подлинного интереса: многим хотелось посмотреть и потрогать причудливо извивающийся шрам... Однако все мы знали, что пуля вполне могла попасть ему в голову. Или в голову одного из нас.

Те инструкторы, которые не занимались стрельбой из автомата, на учениях почти не прятались. Они надевали белые рубашки и ходили, где вздумается, со своими жезлами. Весь их вид говорил об абсолютной уверенности в отсутствии преступных намерений у новобранцев. На мой взгляд, они все-таки злоупотребляли доверием к нам. Но так или иначе шансы распределялись в пропорции один к пятистам, к тому же баллось в расчет наше неумение стрелять. Автомат не такое уж легкое оружие. Он не рассчитан на точное поражение цели. Вполне понятно, что в те времена, когда судьба боя зависела от этого оружия, необходимо было выпустить несколько тысяч пуль, чтобы убить одного человека. Это кажется невозможным, но подтверждается всей военной историей: подавляющее большинство выстрелов из автоматического оружия было рассчитано не на поражение противника, а на то, чтобы он не поднимал головы и не стрелял.

Во всяком случае, при мне ни одного инструктора не ранило и не убило. Так же, впрочем, как и ни одного из нас. Новобранцы гибли от других видов оружия и вообще по другим причинам. Например, один парень сломал себе шею, когда по нему выстрелили первый раз. Он поста-

рался укрыться, однако сделал это слишком поспешно. Ни одна пуля его так и не задела.

Надо сказать, что именно это стремление новобранцев укрыться от автоматного огня отбросило меня на низшую ступень в лагере Курье. Для начала я потерял те самые шевроны капрала-новобранца, но не за собственные проступки, а за действия моей группы, когда меня даже и рядом не было. Я пытался возражать, но Бронски посоветовал мне умолкнуть. Я, однако, не успокоился и пошел к Зиму. Зим холодно заметил, что я отвечаю за действия моих людей независимо от... и дал мне шесть часов нарядов вне очереди за то, что я разговаривал с ним без разрешения Бронски. Тут еще пришло письмо от мамы, сильно меня расстроившее. Затем я рассадил себе плечо, когда в первый раз пробовал боевой броне-скафандр. Оказалось, что у них имеются специальные скафандры, в которых инструктор с помощью радиоконтроля может устраивать всякие неполадки. Я свалился и разбил себе плечо. В результате меня перевели на шадающий режим.

В один из дней «шадающего режима» я был прикомандирован к штабу командира батальона. Поначалу я, оказавшись здесь впервые, изо всех сил старался произвести выгодное впечатление. Однако быстро понял, что капитан Франкель не любит суеты и излишнего усердия. Он хотел только, чтобы я сидел тихо, не произносил ни слова и не мешал. Так у меня появилось свободное время, и я сидел, сочувствуя себе самому, так как надежд на то, что можно будет поспать, не предвиделось.

Но неожиданно сразу после ланча, когда я сидел все так же, изнывая от безделья, вошел сержант Зим в сопровождении трех человек. Зим был как всегда свеж и подтянут, но выражение лица делало сержанта похожим на Смерть. Возле правого глаза у него была видна отметина, которая у другого человека, наверное, обязательно превратилась в здоровенный синяк — вещь для Зима противоестественную. Среди сопровождавших шел Тэд Хендрик. Он был весь в грязи — ведь рота вышла на полевые учения. (Степь как будто специально была создана для того, чтобы заставлять нас ползать на брюхе по невероятной грязи.) Губы Хендрика были плотно сжаты, на щеке виднелась кровь, потом я разглядел пятна крови и на рубашке. Он был без пилотки, в глазах застыло какое-то странное выражение.

По обе стороны от него стояли новобранцы. Каждый из них держал по автомату. Руки Хендрика были пусты. Одного из парней я узнал: Лэйви из моей группы. Он выглядел взволнованным и в то же время гордым. Лэйви успел незаметно мне подмигнуть.

Капитан Франкель был явно удивлен.

— В чем дело, сержант?

Зим стоял неестественно прямо и говорил так, как будто отвечал заранее выученный урок:

— Сэр, командир роты Н докладывает командиру батальона. Дисциплинарное дело. Статья девять-один-ноль-семь. Неповиновение приказу и

нарушение тактического плана, в то время как группа находилась в учебном бою. Статья девять-один-два-ноль.

Капитан, казалось, удивился еще больше.

— И вы пришли с этим ко мне, сержант? Официально?

Я ни разу не видел, чтобы человек был в таком замешательстве, а с другой стороны, ничем — ни одним движением лица или голоса — не выдавал своих чувств.

— Сэр. Если капитану угодно. Новобранец повел себя вопреки всем дисциплинарным нормам. Он сам настаивал на том, чтобы увидеть командира батальона.

— Понятно. Вам нужен судья. Ну, хорошо. Только я все равно ничего не понимаю, сержант. В конце концов, это его право — увидеть меня. Какая была боевая команда?

— «Замри», сэр.

Я взглянул на Хендрика и понял, что ему пришлось несладко. По команде «замри» ты падаешь на землю там, где стоишь, пытаешься как можно скорее использовать любое укрытие. При этом ты обязан замереть и не делать ни одного движения — даже бровь не шевелить без разрешения. Нам рассказывали историю о людях, которых ранило, когда они выполняли эту команду... и они медленно истекали кровью, не издавая ни звука и не двигаясь.

Франкель поднял брови.

— И потом?

— То же самое, сэр. После самовольного нарушения команды — снова отказ ее выполнить.

Капитан нахмурился:

— Фамилия.

Ответил Зим:

— Хендрик, сэр. Новобранец Ар-Ши-семь-девять-шесть-ноль-девять-два-четыре.

— Все ясно. Хендрик, на тридцать дней вы лишаетесь всех прав и будете находиться только в своей палатке — за исключением нарядов, еды и санитарной необходимости. По три часа каждый день будете выполнять наряды начальника охраны: один час перед отбоем, один час перед подъемом и один час во время обеда. Ваш ужин будет состоять из хлеба и воды, хлеба — сколько сможете съесть. А также десять часов наряда каждую субботу по усмотрению непосредственного начальника.

«Ничего себе!» — подумал я.

Капитан Франкель продолжал:

— Я не наказываю вас жестче, Хендрик, лишь потому, что более строгое наказание проводится только через трибунал... А я не хочу портить послужной список вашей роты. Свободны.

Капитан опустил глаза и стал разглядывать бумаги на своем столе. Инцидент его больше не интересовал.

Но тут вдруг завопил сам Хендрик:

— Но ведь вы не выслушали другую сторону!

Капитан поднял глаза.

— У вас есть что сказать?

— Еще бы! Сержант Зим сделал все это специально! Всю дорогу он изводит, изводит меня — с того самого дня, когда я попал в лагерь! Он...

— Это его работа, — сказал холодно капитан. — Вы отрицаете, что не выполнили приказ?

— Нет, но... Он же не сказал, что я лежал на муравейнике!

По лицу Франкеля промелькнуло презрительное выражение.

— Так. И вы, значит, предпочли, чтобы вас убили — а возможно, и друзей ваших — из-за каких-то дрянных муравьев?

— Что значит дрянных? Их были тысячи. Они словно хотели съесть меня заживо.

— Ну уж. Давайте, молодой человек, определимся раз и навсегда. Даже если перед вами гнездо гремучих змей, вы все равно обязаны выполнить общую для всех команду. Упасть и замереть. — Франкель помолчал. — Вы еще что-нибудь хотите сказать в свое оправдание?

Хендрик стоял какое-то мгновение с открытым ртом.

— Конечно, хочу! Он ударил меня! Он занимался рукоприкладством! Целая компания таких же, как он, ходит все время вокруг со своими дурацкими палками, и каждый так и норовит ударить, да еще по спине. И это называется «подбодрить». Хотя с этим я еще как-то мирился... Но он ударил меня. Рукой. Свалил на землю и еще заорал: «Замри, упрямый осел!» Что вы на это скажете?

Капитан Франкель разглядывал свои ногти, затем посмотрел на Хендрика.

— Вы, молодой человек, находитесь во власти заблуждения, весьма распространенного среди штатских людей. Вы полагаете, что человек, который выше вас по чину, не может, как вы выразились, «заниматься рукоприкладством». В условиях гражданской жизни несомненно. Ну, например, если бы вы вздумали повздорить в театре или магазине. На гражданке у меня не больше прав ударить вас, чем у вас ударить меня. Но ведь на службе все совсем не так...

Не вставая со стула, капитан обернулся и указал на стоящие у стены книжные полки.

— Вот законы, по которым протекает сейчас ваша жизнь. Вы можете тщательно просмотреть эти книги, каждую статью, любое имевшее место судебное расследование. И вы нигде не найдете утверждение, что человек, который выше вас по чину, не имеет права «заниматься рукоприкладством». Видите ли, Хендрик, я могу сломать вам челюсть... и буду отвечать только перед вышестоящим офицером. Но перед вами я никакой ответственности не несу. Я даже могу совершить более тяжелый поступок. Бывают обстоятельства, при которых офицер не только имеет право, но просто обязан убить офицера ниже чином или солдата без промедления и, возможно, даже без предупреждения. И он не будет наказан. Например, чтобы пресечь опасное малодушие, трусость перед лицом врага.

Капитан хлопнул ладонью по столу.

— Теперь о жезлах. У них двойное предназначение. Во-первых, они отличают человека, облеченного властью. Во-вторых, с их помощью мы рассчитываем всегда держать вас в состоянии первой готовности. Конечно, иногда вы можете испытывать боль, но в большинстве случаев, они абсолютно безвредны. Но зато они экономят тысячи слов. Обычный вариант: утренний подъем. Если представить, что капрал должен долго и настойчиво на словах убеждать вас встать с кровати и пойти завтракать... Это просто невозможно. А с помощью жезла он легко добивается необходимого результата...

Пока капитан говорил, я исподтишка бросал взгляды на Хендрика. Похоже было, что тихое отчитывание действовало сильнее всех окриков Зима. Возмущение сменилось у Хендрика явным удивлением, а потом на его лице застыла угрюмая гримаса.

— Говори! — резко приказал Франкель.

— Э-э... В общем, скомандовали замереть, и я упал на землю, в грязь и вдруг увидел, что лежу прямо в муравейнике. Поэтому я привстал на колени, для того чтобы продвинуться еще хотя бы на пару фунтов. И тут меня ударили сзади, так что я упал, и он закричал на меня. И я вскочил и ударил его, а он...

— СТОП! — Капитан поднялся со стула, вытянулся, став как будто даже выше ростом, и впился взглядом в Хендрика. — Ты... ударил... твоего командира роты?

— Э... я же сказал... Но ведь он ударил первым. Да еще сзади, когда никто не ожидал. Я никому такого не позволял. Я ударил его, и тут он ударил меня снова, а потом...

— Молчать!

Хендрик поперхнулся, потом добавил:

— Я же хотел как раз все объяснить...

— Я думаю, теперь мы все решим, — сказал холодно Франкель. — И решим очень быстро.

— Дайте мне лист бумаги. Я увольняюсь.

— Одну минуту. Сержант Зим!

— Да, сэр.

Я вдруг вспомнил, что Зим тоже здесь, что он просто стоит, не произнося ни слова, неподвижный, как статуя, только видно, как перекатываются желваки на скулах. Теперь я был уверен, что под глазом у него синяк. Здорово, кажется, его Хендрик достал.

— Вы знакомили роту с необходимыми статьями закона о службе?

— Да, сэр. Закон вывешен для ознакомления, и его также читают каждое субботнее утро.

Происшедшее вдруг предстало в совершенно ином, мрачном свете. Ударить Зима? Каждый в роте хотя бы раз дрался с сержантом, и от кого-то ему даже доставалось — но ведь это на тренировках. Он брал нас после подготовки у других инструкторов и шлифовал. Что уж там, один раз я

видел, как Суцзуми так его сделал, что он потерял сознание. Бронски облил его водой, и Зим вскочил, и улыбнулся, и тряс Суцзуми руку, и тут же сделал из него отбивную...

Капитан Франкель оглядел нас и остановил свой взгляд на мне:

— Соединитесь со штабом полка.

Я со всех ног бросился к аппаратуре и отступил назад, когда на экране появилось чье-то лицо.

— Адъютант, — сказала лицо.

Франкель тут же откликнулся:

— К командованию полка обращается командир второго батальона.

Я прошу прислать офицера для участия в суде.

— Насколько срочно? — спросило лицо.

— Насколько возможно.

— Ладно, попробую. Я думаю, Джек у себя. Статья, фамилия?

Капитан назвал Хендрика, его номер и статью. Человек на экране мрачно присвиснул.

— Сейчас все сделаем, Ян. Если не найду Джека, приеду сам. Только доложу старику.

Капитан Франкель обернулся к Зиму.

— Этот эскорт — свидетели?

— Да, сэр.

— Командир группы тоже мог видеть?

Зим заколебался:

— Я думаю, да, сэр.

— Доставьте его.

— Есть, сэр.

Зим подошел к аппарату связи, а Франкель обратился к Хендрику:

— Вы хотели бы видеть кого-нибудь, кто мог свидетельствовать в вашу защиту?

— Что? Мне не нужны никакие защитники. Он сам знает, что сделал! Дайте мне лист бумаги — я хочу как можно скорее убраться отсюда!

— Все в свое время.

И это время наступит очень скоро, подумалось мне. Через пять минут явился капрал Джонс, одетый по всей форме, и тут же вошел лейтенант Спайкс. Он сказал:

— Добрый день, капитан. Обвиняемый и свидетели здесь?

— Все тут. Садись, Джек.

— Запись?

— Сейчас, сейчас.

— Отлично. Хендрик, шаг вперед.

Хендрик шагнул, было видно, что он совершенно сбит с толку и нервы его на пределе. Голос у лейтенанта вдруг стал необычно резким.

— Полевой трибунал назначен по приказу майора Мэллоу, командира Третьего тренировочного полка, лагерь имени Артура Кутье, и в соответствии с законами и правилами Вооруженных Сил Земной Федерации.

Присутствующие офицеры: капитан Ян Франкель, Мобильная пехота, Командир Второго батальона, Третьего полка; лейтенант Джек Спайкс, Мобильная пехота, Исполняющий обязанности командира первого батальона Третьего полка. Обвиняемый: Хендрик Теодор, новобранец, номер Ар-Пи 7960924. Статья 0980. Обвинение: физическое сопротивление вышестоящему чину в боевых условиях.

В тот момент меня больше всего поражала быстрота происходящего. Неожиданно я сам оказался «офицером-секретарем суда» и обязан был выводить и приводить свидетелей. Я подошел к ним, мучительно соображая, что надо сказать, но Зим поднял бровь, и все вышли из комнаты. Зим отделился от всех и стоял ждал в сторонке. Капрал присел на корточки и вертел в руках сигарету.

Его позвали первым. Свидетелей опросили за двадцать минут, Зима не позвали вообще.

Лейтенант Спайкс обратился к Хендрику:

— Может быть, вы хотите сами опросить свидетелей? Суд может помочь вам.

— Не надо.

— Необходимо стоять смирно и говорить «сэр», когда обращаетесь к суду.

— Не надо, сэр, — сказал Хендрик и добавил: — Требую адвоката.

— Закон не дает вам этого права во время полевого трибунала. Хотели бы вы что-либо засвидетельствовать в свою защиту? Вы не обязаны этого делать, и, если откажетесь, вам это не повредит. Но предупреждаю, что всякое свидетельство может быть обращено против вас. Мы также имеем право проводить очные ставки.

Хендрик пожал плечами.

— Мне нечего сказать. Да и какой смысл.

Лейтенант повторил:

— Вы будете свидетельствовать в свою защиту?

— Нет, сэр.

— Суд также должен выяснить: вы были знакомы со статьей обвинения до настоящего дня? Вы сможете отвечать да, нет или вообще не отвечать. Однако за свой ответ вы несете ответственность по статье 9167.

Обвиняемый молчал.

— Хорошо. Суд прочтет вам эту статью и повторит вопрос. Статья 9080: любой служащий Вооруженных Сил, который нападет, ударит или предпримет попытку нападения...

— Мне кажется, нам читали. Они читали так много всего, каждое утро по субботам. Целый перечень запрещенных поступков.

— Зачитывалась ли вам именно эта статья?

— Э... да, сэр. Ее тоже зачитывали.

— Хорошо. Вы отказались свидетельствовать. Может быть, вы хотите сделать заявление? Может быть, есть обстоятельства, смягчающие вашу вину?

— Как это, сэр?

— Может, что-то повлияло на вас? Обстоятельства, объясняющие ваше поведение. Допустим, вы были больны и приняли лекарство. Присяга не ограничивает вас по данному пункту. Вы можете сказать все, что вам поможет. Суду необходимо узнать: что-либо заставляет вас чувствовать выдвинутое против вас обвинение несправедливым? Если да, то что?

— Он ударил первым! Вы же слышали, он первый!

— Что еще?

— Но, сэр... разве этого недостаточно?

— Суд окончен. Новобранец Хендрик Теодор, смирно!

Лейтенант Спайкс за время суда так и не садился. Теперь поднялся и капитан Франкель. Атмосфера в комнате стала еще напряженнее.

— Суд приговаривает вас... — я замер и вдруг почувствовал, как у меня заболел живот, —... к десяти ударам плетью и увольнению с резолюцией «За несовместимое с уставом поведение».

Хендрик сглотнул.

Лейтенант Спайкс продолжил:

— Приговор привести в исполнение сразу же после утверждения в соответствующей инстанции, если, конечно, он будет утвержден. Все свободны. Обвиняемого держать под стражей.

Последнее, видимо, было адресовано мне. Однако я абсолютно не знал, что нужно делать... Наконец позвонил начальнику охраны и сидел с Хендриком, пока за ним не пришли.

Во время дневного приема в медпункте капитан Франкель послал меня на осмотр. Врач решил, что я могу возвращаться на службу. Я вернулся в роту как раз, чтобы успеть переодеться к вечернему смотру. Зим не преминул отчитать меня за пятна на форме. Синяк у него под глазом стал большим и разноцветным, но я, как и все другие, изо всех сил старался ничего не замечать.

На плацу уже был установлен здоровенный столб. Вместо обычных сообщений и разнарядки на следующий день нам зачитали приговор трибунала.

Потом привели Хендрика со связанными впереди руками, двое из охраны шли по бокам.

Мне никогда не приходилось видеть, как секут плетью. У нас в городе устраивали нечто подобное, но отец каждый раз запрещал мне ходить к Федеральному Центру. Однажды я нарушил запрет отца, но наказание в тот день отменили, а новых попыток я больше не делал.

Ребята из охраны подняли Хендрика на руки и привязали к крюку, торчащему высоко на столбе. Потом с него сняли рубашку. Потом адъютант произнес металлическим голосом:

— Привести в исполнение приговор суда.

Шагнул вперед капрал-инспектор из другого батальона. В руке он держал кнут. Начальник охраны отсчитывал удары.

Отсчитывал медленно. От удара до удара проходило секунд пять, но казалось, что время тянется нестерпимо медленно. При первых ударах Тэд молчал, после третьего несколько раз всхлипнул.

Первое, что я увидел, когда очнулся, — лицо капрала Бронски. Он разглядывал меня сверху, похлопывая по щеке.

— Ну, теперь все нормально? Возвращайся в строй. Ну, побыстрее. Нам пора уходить.

Мы вернулись в расположение роты. Я почти не ужинал, как и многие другие.

Никто не сказал ни слова насчет моего обморока. Позже я узнал, что был не единственным, кто потерял на экзекуции сознание — этого зрелища не выдержали человек тридцать новобранцев.

6

Мы слишком мало ценим то, что нам дается без усилий... и было бы очень странно, если бы мало ценилась такая удивительная вещь, как свобода.

Томас Пэйн

Ночь после публичной экзекуции была самой тяжелой для меня в лагере Курье. Никогда ни до, ни после я так не падал духом. Я не мог заснуть! Нужно пройти полную подготовку в лагере, чтобы понять, до чего должен дойти новобранец, чтобы не спать. Конечно, в тот день я не был на занятиях и не устал. Но завтра мне предстояло включаться в обычный ритм, а плечо сильно болело, хотя врач и уверял, что я «годен»... А под подушкой лежало письмо, в котором мама умоляла меня наконец одуматься. И каждый раз, когда я закрывал глаза, я сразу слышал тяжелый шлепающий звук, и Тэда, который, дрожа, прижимался к столбу.

Мне было наплевать на потерю этих дурацких шевронов. Они больше ничего не значили, так как я окончательно созрел для того, чтобы уволиться. Для себя я решил. И если бы посреди ночи можно было достать бумагу и ручку, я, не колеблясь, написал бы заявление.

Тэд совершил поступок, длившийся всего долю секунды. Это была настоящая ошибка: конечно, он не любил лагерь (а кто его любит?), но он старался пройти через все и получить привилегию — право быть избранным. Он хотел стать политиком. Он часто убеждал нас, что многое сделает, когда получит привилегии.

Теперь ему никогда не работать ни в одном общественном учреждении. Всего одно движение — и он зачеркнул все шансы.

Это случилось с ним, а могло случиться со мной. Я живо представил, как совершаю подобное — завтра, через неделю... и мне не дают даже уволиться, а ведут к столбу, сдирают рубашку...

Да, пришло время признать правоту отца. Самое время написать домой, что я готов отправляться в Гарвард, а потом в компанию. Утром надо первым делом увидеть сержанта Зима.

Сержант Зим...

Мысли о нем беспокоили меня почти так же сильно, как и мысли о Тэде. Когда трибунал закончился и все разошлись, Зим остался и сказал капитану:

— Могу я обратиться к командиру батальона, сэр?

— Конечно. Я как раз хотел поговорить с вами. Садитесь.

Зим искоса глянул на меня, то же самое сделал и капитан. Я понял, что должен исчезнуть. В коридоре никого не было, кроме двух штатских клерков. Далеко уходить я не смел — мог понадобиться капитану, поэтому взял стул и сел недалеко от двери. Неожиданно я обнаружил, что дверь закрыта неплотно и голоса хорошо слышны.

Зим сказал:

— Сэр, я прошу перевести меня в боевую часть.

Франкель ответил:

— Я плохо слышу тебя, Чарли. Опять у меня что-то со слухом.

Зим:

— Я говорю вполне серьезно, сэр. Это не мое дело... Капитан, этот мальчик не заслужил десяти плетей.

Франкель тут же сказал:

— Конечно, не заслужил. И ты и я — мы оба прекрасно знаем, кто на самом деле дал маху. Он не должен был прикоснуться к тебе, ты обязан был умирить его, когда он еще только подумал об этом. Ты что, не в порядке?

— Не знаю, — медленно сказал Зим. — Может быть.

— Хмм! Но если так, куда ж тебя в боевую часть. Но сдается мне, это неправда. Ведь я видел тебя три дня назад, когда мы вместе работали. Так что случилось?

Зим ответил после долгой паузы.

— Думаю, что я просто считал его безопасным.

— Таких не бывает.

— Да, сэр. Но он был таким искренним, так честно старался, что я, наверное, подсознательно расслабился.

Зим замолчал, а потом добавил:

— Думаю, все из-за того, что он мне нравился.

Франкель фыркнул.

— Инструктор не может себе этого позволять.

— Я знаю, сэр. Но так уж у меня получилось. Единственная вина Хендрика состоит в том, что, как ему казалось, он на все знал ответ. Но я не придавал этому слишком большого значения. Я сам был таким в его возрасте.

— Так вот в чем слабое место. Он нравился тебе... и потому ты не смог его вовремя остановить. В результате трибунал, десять ударов и мерзкая резолюция.

— Как бы хотелось, чтоб порку задали мне, — сказал вдруг Зим,

— Я чувствую, настанет и твой черед. Как ты думаешь, о чем я мечтал весь этот час? Чего боялся больше всего с того момента, когда увидел, как

тыходишь и у тебя под глазом огромный синяк? Ведь я же хотел ограничиться административным наказанием, парню даже не пришлось бы увольняться. Но я никак не ожидал, что он может вот так при всех брякнуть, что ударил тебя. Он глуп. Тебе нужно было отсеять его еще две недели назад... вместо того, чтобы нянчиться. Но он заявил обо всем при свидетелях, и я был вынужден дать делу официальный ход... Иди лечись. И будь готов к тому, что на свете появится еще один штатский, который будет нас ненавидеть.

— Именно поэтому и хочу, чтобы меня перевели. Сэр, я думаю, что так будет лучше для лагеря.

— Неужели? Однако я решаю, что будет лучше для батальона, а не ты сержант... А давай, Чарли, вернемся на двенадцать лет назад. Ты был капралом, помнишь?.. Уже тогда делал из маменьких сынков солдат. А можешь сказать, кто из этих маменьких сынков был хуже всех в твоей группе?

— Ммм... — Зим задержался с ответом. — Я думаю, что не совру, если скажу, что самым трудным был ты.

— Я. И вряд ли бы ты назвал кого другого. А ведь я тебя ненавидел, «капрал» Зим.

Даже из-за двери я почувствовал, что Зим удивлен и обижен.

— Правда, капитан? А ты, наоборот, нравился мне.

— Да? Конечно, ты не должен был меня ненавидеть — этого инструктор тоже не может себе позволить. Мы не должны ни любить, ни ненавидеть их. Только учить. Но если я тогда тебе нравился... хм, надо сказать, что твоя любовь проявлялась в очень странных формах. Я презирал тебя тогда и мечтал только о том, как до тебя добраться. Но ты всегда был настороже и ни разу не дал мне шанса нарушить эту самую девять-ноль-восемь-ноль. И только поэтому я здесь — благодаря тебе. Теперь насчет твоей просьбы. Я помню, что во время учебы ты чаще всего отдавал мне одно и то же приказание. И оно очень крепко застряло в моей голове. Я надеюсь, ты помнишь? Теперь возвращаю его тебе. Эй, служивый, заткнись и служи дальше!

— Да, сэр.

— Подтяни их. И поговори отдельно с Бронски. У него особенно заметна тенденция размягчаться.

— Я встряхну его, сэр.

— Вот и хорошо. Следующий, кто полезет на инструктора, должен быть уложен тихо и спокойно. Так, чтобы даже не смог дотронуться. Если инструктор оплошает, то будет уволен по некомпетентности. Мы должны убедить ребят в том, что нарушать статью не просто накладно, а невозможно... что если кто-то попробует, то его тут же отключат, а потом обольют холодной водой.

— Да, сэр. Я все сделаю.

— Да уж постарайся. Я не желаю, чтобы кто-то еще из моих ребят был привязан к позорному столбу из-за нерасторопности своего наставника. Свободен.

— Есть, сэр.

— Да, вот еще что, Чарли... как насчет сегодняшнего вечера? Может быть, придешь к нам? Женщины намечают какие-то развлечения. Где-нибудь к восьми?

— Есть, сэр.

— Это не приказ, а приглашение. Если ты действительно сдаешь, тебе не мешает расслабиться. А теперь иди, Чарли, и не беспокой меня больше. Увидимся вечером.

Зим вышел так резко, что я еле успел пригнуться, изображая, что завязываю шнурок на ботинке. Но он все равно не заметил меня. А капитан Франкель уже кричал:

— Дежурный! Дежурный! ДЕЖУРНЫЙ! Почему я должен повторять три раза? Найдешь сейчас командиров рот Си, Эф и Джи и скажешь, что я буду рад увидеть их перед смотром. Потом быстро в мою палатку. Возьми чистую форму, фуражку, туфли — но никаких медалей. Принесешь все сюда... Потом походи к врачу — как раз время дневного визита. Судя по всему, рука у тебя уже не болит. Так, до врача у тебя целых тринадцать минут. Вперед, солдат!

Мне ничего не оставалось, как все это выполнить. Одного из командиров рот я нашел в его кабинете, а двух других — в офицерском душе (как дежурный, я мог заходить куда угодно). Форму для парада я положил перед капитаном как раз, когда прозвучал сигнал дневного врачебного осмотра. Франкель даже головы от бумаг не поднял, а только буркнул:

— Больше поручений нет. Свободен.

Таким образом я успел вернуться в роту и увидеть последние часы Тэда Хендрика в Мобильной Пехоте...

У меня оказалось много времени для того, чтобы подумать, пока я лежал, не в силах заснуть, в палатке, а вокруг царил ночная тишина. Я всегда знал, что сержант Зим работает за десятерых, но никогда не думал, что в глубине души он может быть не таким жестким, самоуверенным, самодовольным, чопорным. Всегда думалось, что уж этот человек точно живет в согласии с миром и собой.

Почва уходила из-под ног — оказалось, я никогда не понимал сути жизни, не знал, как устроен мир, в котором живу. Мир раскалывался на части, и каждая превращалась в нечто незнакомое и пугающее.

В одном, однако, я был теперь уверен: мне даже не хотелось узнавать, что такое на самом деле Мобильная Пехота. Если она слишком жестока для собственных сержантов, то для бедного Джонни она абсолютно непригодна. Как можно не наделать ошибок в организации, сути которой ты не понимаешь? Я вдруг реально ощутил, как меня вздергивают на виселице... Да что там виселица, с меня было бы довольно и плетей. Никто из нашей семьи никогда не подвергался столь унижительному наказанию. В ней никогда не было преступников — по крайней мере, никто никогда не обвинялся. Наша семья гордилась своей историей. Единственное, чего нам не доставало, так это привилегий гражданства, но отец не ценил привиле-

гию высоко, а даже считал ее весьма бесполезной... Однако если меня высекут плетьюми — его точно хватит удар.

А между тем Хендрик не сделал ничего такого, о чем бы я сам не думал тысячи раз. А почему этого не сделал я? Трусил, наверное. Я знал, что любой из инструкторов может легко сделать из меня отбивную, поэтому только стискивал зубы, молчал и никогда ничего не предпринимал. У Джонни не хватило пороху. А у Тэда хватило... На самом деле как раз ему, а не мне самое место в армии.

Нужно выбираться отсюда, Джонни, пока все еще нормально.

Письмо от мамы только укрепило мою решимость. Нетрудно сохранять ожесточение к родителям, пока они сами жестоки ко мне. Но как только они оттаяли, мое сердце начало болеть. По крайней мере, мама. Она писала, что отец запрещает вспоминать мое имя, но это просто он так страдает, поскольку не умеет плакать. Я знал, о чем она говорит, и прекрасно понимал отца. Но если он не умел плакать, то я в ту ночь дал волю слезам.

Наконец я заснул... и, как мне показалось, тут же был разбужен по тревоге. Весь полк подняли для того, чтобы пропустить нас сквозь имитацию бомбежки. Без всякой амуниции. В конце занятий прозвучала команда «замри».

Нас держали в положении «замри» около часа. Насколько я понял, все поголовно выполняли команду на совесть — лежали, едва дыша. Какое-то животное пробежало мягкими лапами совсем рядом, мне тогда показалось — прямо по мне. Похоже, это был койот. Но я даже не дрогнул. Мы жутко замерзли тогда, но я все сносил терпеливо: я знал, что эту команду выполняю в последний раз.

На следующее утро я не услышал сигнала к подъему. Впервые меня насильно сбросили с лежанки, и я уныло поплелся выполнять распорядок дня. До завтрака не было никакой возможности даже заикнуться о том, что я хочу уволиться. Мне нужен был Зим, но на завтраке он отсутствовал. Зато я спросил у Бронски разрешения поговорить с сержантом.

— Давай-давай, — хмыкнул Бронски и не стал спрашивать, зачем мне это понадобилось. Но и после завтрака я Зима не нашел. Нас вывели в очередной марш-бросок, но сержанта нигде не было видно.

Ланч нам подбросили прямо в поле, на вертолете. Вместе с завтраком прибыл Зим, который к тому же привез почту. Некоторые могут удивиться, но для Мобильной Пехоты это традиция, а не роскошь. Тебя могут лишити пищи, воды, сна, да вообще всего без всякого предупреждения, но твоя почта не задержится ни на минуту, если тому, конечно, не препятствовали чрезвычайные обстоятельства. Это твое, только твое, то, что доставляется первым возможным транспортом, то, что читается в первую попавшуюся передышку между маневрами и занятиями. Правда, для меня это привилегия ничего не значила: кроме письма мамы, я до сих пор ничего не получал. Поэтому меня не было среди тех, кто окружил Зима. Я прикинул и решил, что сейчас тоже не лучшее время для переговоров с сержантом.

Придется подождать, пока мы вернемся в лагерь. Однако, к великому удивлению, я услышал, как Зим выкрикивает мое имя и протягивает мне письмо. Я бросился к нему и схватил конверт.

И снова я был удивлен — теперь еще больше: письмо от мистера Дюбуа, нашего учителя по истории и нравственной философии. Скорее я ожидал получить послание от Санта Клауса.

Потом, когда я начал читать, мне показалось, что это ошибка. Пришлось сверить адрес и обратный адрес, чтобы убедиться, что письмо все-таки адресовано мне.

«Мой дорогой мальчик.

Наверное, мне следовало бы написать тебе гораздо раньше, чтобы выразить то удовольствие и ту гордость, которые я испытал, когда узнал, что ты не только поступил на службу, но еще и выбрал мой любимый род войск. Однако скажу тебе, что удивлен я не был. Подобного поступка я и ждал от тебя, разве что только не думал, что ты все же выберешь нашу пехоту. Это тот самый результат, который случается нечасто, но дает возможность учителю гордиться своим трудом. Так, для того, чтобы найти самородок, нужно перетрясти кучу песка и камней.

Сегодня ты уже должен понимать, почему я не написал тебе сразу. Многие молодые люди не обнаруживают достаточно сил, чтобы пройти период подготовки. Я ждал (информацию я получал по своим каналам), когда ты преодолеешь главный перевал.

Мы оба теперь знаем, что это совсем непросто! Но я хотел быть уверенным, что не произойдет никаких досадных случайностей, что ты не заблелешь и т.д.

Сейчас ты проходишь самую трудную часть своей службы: не столько трудную физически, сколько духовно... Глубокий душевный переворот постепенно превратит тебя из потенциального в реального гражданина. Или, наверное, лучше сказать: ты уже оставил позади самый тяжелый период, и все предстоящие трудности уже не должны тебя пугать. Смеем полагать, я тебя достаточно хорошо знаю и верю, что перевал позади, иначе ты был бы уже дома.

Когда ты достиг этой духовной вершины, ты почувствовал нечто новое. Наверное, ты не можешь найти слов, чтобы это описать (я, например, не мог). Но ты можешь позаимствовать их у своих старших товарищей. Правильные слова часто помогают понять, что с тобой происходит. Высочайшая честь, о которой мужчина может только мечтать, — это возможность заслонить своим смертным телом любимый дом от того опустошения, которое приносит война. Эти слова не принадлежат мне, как ты вскоре, видимо, узнаешь.

Главные принципы жизни не меняются, и если человеку нужно сказать об одном из них, ему необязательно — как мир ни менялся — заново что-то формулировать. Принцип, о котором пишу я, непреложен, он являлся и является правдой всегда и везде, для всех людей и всех народов.

Дай о себе знать, пожалуйста. Если, конечно, ты сможешь выкроить кусочек такого дорогого для тебя времени. Если сможешь — черкни мне

письмо. А если тебе случится встретиться с кем-нибудь из моих старых друзей, передай им горячий привет.

Успехов тебе, десантник! Ты заставил меня гордиться собой.

Джин В. Дюбуа, полковник Мобильной Пехоты в отставке».

Подпись была так же удивительна, как и само письмо. Старый Ворчун — полковник? Эге! А ведь командир полка у нас всего лишь майор. Мистер Дюбуа никогда не говорил в школе о своем звании. Мы предполагали (если вообще над этим задумывались), что он был занюханным капралом, которому пришлось уйти из армии после того, как он потерял руку. И ему, думали мы, подобрали работу полегче — курс, по которому не надо сдавать экзамены, а только приходиться и слушать.

Естественно, он отелужил положенный срок, так как историю и нравственную философию может преподавать только человек со статусом гражданина. Но Мобильная Пехота?! Теперь я взглянул на него по-другому. Подтянутый, поджарый, похожий скорее на учителя танцев. Каждый из нас по сравнению с ним действительно напоминал обезьяну.

Да, он подписался именно так: полковник Мобильной Пехоты...

Всю обратную дорогу к лагерю я размышлял над письмом. Ничего подобного Дюбуа никогда не позволял себе произнести в классе. Не в том смысле, что письмо противоречило смыслу его проповедей. Оно было совершенно другим по тону. Разве мог полковник так ласково обращаться к рядовому новобранцу?

Когда он был лишь «мистером Дюбуа», а я одним из тех мальчишек, которые приходили на его курс, он, казалось, вообще не замечал меня.

Только один раз он обратил на меня особое внимание — и то только из-за того, что мой отец был богат. В тот день он разжевывал нам понятие стоимости, сравнивая теорию Маркса с ортодоксальной теорией «полезности». Мистер Дюбуа говорил тогда:

— Конечно, Марксово определение стоимости довольно нелепо. Сколько бы труда вы ни затратили, вы не смогли бы превратить кучу хлама в яблочный пирог. Хлам остался бы хламом, а его стоимость нулем. Можно даже сделать вывод, что неквалифицированный труд может легко уменьшить стоимость: бездарный кулинар возьмет тесто и яблоки, которые, кстати, обладают стоимостью, и превратит их в несъедобную дребедень. В результате стоимость — ноль. И наоборот, талантливый повар из тех же материалов, с теми же затратами труда изготовит приличный пирог.

Даже такая кухонная иллюстрация разбивает все доводы Марксовой теории стоимости — ложной послышки, из которой вырастает весь коммунизм. С другой стороны, она подтверждает правильность общепринятого, основанного на здравом смысле определения с точки зрения теории «полезности».

Однако тем не менее этот помпезный, нелогичный, почти мистический «Капитал» Маркса содержит в себе и неявный зародыш истины. Если бы Маркс обладал по-настоящему аналитическим умом, то сформулировал бы первое адекватное определение стоимости... и это спасло бы планету от

очень многих бед и несчастий... Или нет... — добавил он и ткнул в мою сторону пальцем. — Ты!

Я подскочил как ужаленный.

— Если ты не в состоянии слушать, то, может быть, скажешь тогда классу: стоимость — это относительная или абсолютная величина?

На самом деле я слушал. Просто не видел причин, мешавших бы мне слушать, закрыв глаза и расслабившись. Но вопрос застал меня врасплох: я ничего не читал по этому предмету.

— Э-э... абсолютная, — сказал я, колебавшись.

— Неправильно, — отметил он холодно. — Стоимость имеет смысл только в человеческом обществе. Стоимость той или иной вещи всегда связана с отдельным индивидуумом. Ее величина будет различаться в зависимости от каждого взятого индивида. Рыночная стоимость — это фикция или в лучшем случае попытка вывести какую-то среднюю величину индивидуальных стоимостей, которые все разнятся между собой, — иначе бы не могла существовать торговля.

Я представил, как бы среагировал отец на тезис о том, что рыночная стоимость — это фикция. Наверное, просто фыркнул бы и ничего не сказал.

— Это индивидуальное отношение стоимости для каждого из нас проявляется в двух моментах: во-первых, то, что мы можем сделать с вещью, то есть ее полезность; во-вторых, что мы должны сделать, чтобы эту вещь получить, собственно ее стоимость. Существует старинное предание, утверждающее, что «самое дорогое в жизни — это свобода». Это неправда. Абсолютная ложь. Трагическое заблуждение, приведшее к закату и гибели демократии в XX веке. Все пышные эксперименты провалились, потому что людей призывали верить: достаточно проголосовать за что-нибудь, и они это получат... без страданий, пота и слез.

Свобода сама по себе ничего не значит. Потому что за все надо платить. Даже возможность дыхания мы покупаем ценой усилий и боли первого вдоха.

Он помолчал и, все еще глядя на меня, добавил:

— Если бы вы, ребята, так же попотели ради своих игрушек, как приходится маяться новорожденному за право жить, вы были бы, наверное, более счастливы... и богаты. Мне очень часто жалко некоторых за богатство, которое им досталось даром. Ты! Ты получил приз за бег на сто метров. Это сделало тебя счастливее?

— Наверное.

— А точнее? Вот твой приз, я даже написал: «Гран-при» чемпионата по спринту на сто метров».

Он действительно подошел ко мне и прикрепил значок к моей груди.

— Вот! Ты счастлив? Ты стоишь его, не так ли?

Я почувствовал себя если не униженным, то уязвленным. Сначала нарек на богатого папенькиного сынка — типичный для того, кто сам немощ. Теперь этот фарс. Я содрал значок и сунул ему обратно.

Казалось, мистер Дюбуа удивлен.

— Разве значок не доставил тебе удовольствия?

— Вы прекрасно знаете, что в забеге я был четвертым!

— Точно! Все правильно! Приз за первое место для тебя не имеет никакой стоимости... потому что ты его не заработал. Зато ты можешь полностью наслаждаться скромным сознанием своего настоящего четвертого места. Надеюсь, те, кто еще здесь не спит, оценят маленькую сценку, из которой можно извлечь некоторую мораль. Я думаю, что поэт, который писал, что самое дорогое в жизни не купишь за деньги, не прав. Вернее, прав не до конца. Самое дорогое в жизни вообще не имеет никакого отношения к деньгам, выше денег. Цена — это агония и пот, кровь и преданность... цена обеспечивается самым дорогим в жизни — самой жизнью — точной мерой абсолютной стоимости.

Я вспоминал все это, пока мы топали к лагерю. Потом мысли оборвались, так как к расположению полка мы перестроились и принялись горланить песни.

Все-таки здорово иметь свой музыкальный ансамбль. Поначалу у нас, естественно, не было никакой музыки, но потом нашлись энтузиасты, начальство их поддержало, выкопали откуда-то инструменты и начали нас развлекать в короткие минуты отдыха.

Конечно, в марш-броске об оркестре со всеми инструментами не было и речи. Парни вряд ли могли что взять с собой сверх полного снаряжения, разве совсем маленькие инструменты, которые почти ничего не весили. И Мобильная Пехота такие инструменты нашла (вряд ли бы вы смогли увидеть их где еще). Маленькая коробочка величиной с губную гармошку, электрическое устройство, заменявшее то ли рожок, то ли дудку, и еще подобные приспособления. Когда отдавалась команда петь, музыканты на ходу скидывали поклажу, которую тут же принимали товарищи, и начинали играть.

Это нас сильно выручало.

Наш походный джаз-бэнд постепенно отстал от нас, звуки уже почти не были слышны. Мы стали петь вразнобой, фальшивили и наконец замолчали.

Внезапно я почувствовал, что мне хорошо.

Я постарался понять почему. Потому что через пару часов мы будем в лагере и я смогу написать заявление об увольнении?

Нет. Когда я решил уйти, решение принесло мир в мою душу, облегчило мучения и дало возможность заснуть. Однако сейчас в моей душе возникло что-то, чему я не находил объяснения.

Затем я понял. Я прошел перевал.

Я был на перевале, о котором писал полковник Дюбуа. Я только что перешел его и теперь начал спускаться, тихонько напевая. Степь оставалась все той же, плоской, как лепешка, но всю дорогу от лагеря и полдороги назад я шел тяжело, словно взбираясь в гору. Потом в какой-то момент — я думаю, это произошло, когда я пел, — преодолел верхнюю точку и зашагал вниз. Груз больше не давил на плечи, в сердце не осталось тревоги.

Когда мы вернулись в лагерь, я не пошел к сержанту Зиму. Я уже не чувствовал необходимости. Наоборот, он сам помнил меня.

— Да, сэр?

— У меня к тебе вопрос личного свойства... так что можешь не отвечать, если не хочешь.

Он замолчал, а я подумал, что это новое вступление к очередной про-работке, и напрягся.

— Ты получил сегодня письмо, — начал он. — Совершенно случайно я заметил, хотя это совсем не мое дело, имя на обратном адресе. Имя довольно распространенное, но... как я уже говорил, ты можешь и не отвечать... но все-таки... не может ли случайно быть так, что у автора этого письма не хватает левой ладони?

Я почувствовал, как мое лицо вытянулось.

— Откуда вы знаете?.. Сэр.

— Я был рядом, когда это произошло. Полковник Дюбуа? Правильно?

— Да, сэр. Он преподает у нас в школе историю и нравственную философию.

Думаю, что единственный раз я смог поразить сержанта Зима. Его брови, словно против его воли, поднялись вверх, глаза расширились.

— Ах, вот как? Тебе невероятно повезло. — Он помолчал. — Когда будешь писать ответ — если ты, конечно, не против, — передай ему от меня поклон.

— Да, сэр. Он вам также передал привет.

— Что?

— Э-э... я не уверен. — Я вынул письмо и прочел: — «...если тебе случится встретиться с кем-нибудь из моих старых друзей, передай им горячий привет». Это ведь и вам, сэр?

Зим задумался, глядя сквозь меня.

— А? Да, конечно. Мне среди прочих. Большое спасибо...

Но вдруг он изменился, даже голос стал другим:

— До смотра осталось девять минут. А тебе еще надо принять душ и переодеться. Поворачивайся, солдат!

7

Один новобранец был таким глупым, что хотел наложить на себя руки. Ему казалось, что он все потерял и ничего не приобрел взамен. Но день сменился другим, а ему никто не делал поблажек. И вдруг сам по себе он стал чувствовать себя лучше...

Редьярд Киплинг

Я не собираюсь много распространяться о своей подготовке. В основном она состояла из простой рутинной работы. Но она перестала меня угнетать, так что и рассказывать о ней особенно нечего.

Единственное, о чем хотелось бы упомянуть, — это наши скафандры: отчасти из-за того, что я тогда был просто очарован ими, отчасти из-за того, что благодаря им попал в беду. Говорю об этом без всяких жалоб — получил то, что заслуживал.

Солдат Мобильной Пехоты связан со своим скафандром примерно так же, как человек из К-9 со своим партнером-псом. Именно благодаря бронескафандру (а также звездным кораблям, которые доставляют нас в нужное место вселенной, и капсулам, в которых десантируемся) мы и зовем себя Мобильной Пехотой, а не просто пехотой. Скафандр дарит нам острое зрение и острый слух, крепкую спину (чтобы нести тяжелое вооружение и броню) и быстрые ноги. Он даже прибавляет ума («ума» в военном смысле слова), а также снабжает нас значительной огневой мощью, стойкой защитой.

Наш скафандр отличался от скафандра космического, хотя и способен выполнять его функции. С другой стороны, это не только доспехи. Это и не танк, однако рядовой Мобильной Пехоты вполне может справиться с подразделением таких штуковин, если, конечно, какой-нибудь глупец догадается выпустить танки против Мобильной Пехоты. Скафандр — не космический корабль, но может летать.

Однако ни космические, ни воздушные боевые аппараты не могут вести эффективную борьбу против человека в скафандре, разве что устроят массированную бомбардировку того района, где этот человек находится (все равно что сжечь дом, чтобы уничтожить муху). Мы же способны проделать множество вещей, на которые звездные и воздушные корабли не способны.

Существует дюжина различных способов проведения массированного уничтожения с помощью кораблей и ракет различных видов, катастроф такого масштаба, что войну можно сразу считать законченной, так как целый народ или целая планета просто перестанет существовать. Мы приносим в боевые действия изобретательность, делаем войну таким же личным делом, как удар по носу. Мы можем действовать изобретательно, создавая давление в определенной точке и на определенное время. На моей памяти Мобильная Пехота никогда не получала приказа спуститься и уничтожить (или захватить) всех хромых и рыжеволосых, проживающих в услонленном районе. Однако если нам скажут, мы сделаем. Ей-богу!

Что ж, мы простые ребята, которые спускаются с неба в назначенный час, в назначенное место, закрепляются, выковыривают противника из нор. Заставляют идти туда-то и туда-то, окружают или уничтожают его. Мы пехота, а она не чуждается крови и идет туда, где враг, и сталкивается с ним нос к носу. Мы делаем это — меняются времена, меняется оружие, но суть нашей профессии остается неизменной, такой же, как тысячи лет назад, когда вооруженные мечами орды неслись за своим вождем с диким боевым кличем.

Быть может, в один прекрасный день смогут обойтись без нас. Быть может, когда-нибудь полусумасшедший гений изобретет новое оружие, робота, способного залезть в нору, в которой скрывается противник, и

вытащить его наружу. Да при этом сохранить своих, которых противник, например, в качестве заложников держит в той же дыре. Трудно говорить о том, что будет. Я ведь не гений, а пехотинец. Пока же машина не изобретена, и ребята делают свою работу. А мой долг быть с ними.

А пока мы нужны, пока без нас не обойтись, множество ученых и инженеров сидят и думают, как нам помочь. В результате появляется такая вещь, как скафандр.

Нет нужды объяснять, как выглядят наши доспехи, поскольку их изобретениями полны журналы, газеты и книги. Если коротко, то в скафандре ты похож на здоровенную стальную гориллу, вооруженную соответствующим по величине оружием. (Может быть, поэтому сержант частенько называет нас «обезьянами»? Однако, сдается мне, что при Юлии Цезаре серпанты выражались точно так же.)

Но скафандр значительно мощнее любой гориллы. Если мобильный пехотинец в скафандре обнимет гориллу, она тут же испустит дух — ее просто расплющит. На скафандре же и следов не останется.

«Мышцы», псевдомускулатура вызывают у непосвященного неизменное восхищение. Однако на самом деле весь фокус в системе контроля мускулатуры. Гениальность изобретения состоит в том, что контроль вообще не нужен. Десантник просто носит скафандр, как костюм, «как кожу». Для того чтобы управлять кораблем, нужно выучиться на пилота. Это требует времени, к тому же необходимо обладать безукоризненной физической подготовкой, рефлексами, особым способом мышления. Даже езда на велосипеде требует определенной подготовки, ездить на велосипеде — совсем не то, что ходить на своих двоих. А пилотирование звездных кораблей вообще недопустимо моему пониманию. По-моему, это дело акробатов, обладающих математическим мышлением!

А скафандр можно просто носить.

Две тысячи фунтов в полном снаряжении. Но стоит только влезть в него — и уже умеешь ходить, бегать, прыгать на невероятную высоту, припадать к земле, брать куриное яйцо, оставляя его целым (для этого, правда, все же нужна небольшая практика), танцевать джигу (если умеешь танцевать ее без скафандра).

Весь секрет заключается в отрицательной обратной связи и эффекте усиления.

Не просите, чтобы я дал подробное описание устройства скафандра. Я не в состоянии. Но ведь самые талантливые скрипачи не берутся смастерить самую простую скрипку. Я могу содержать скафандр в полной готовности, делать ремонт в полевых условиях — вот и все, что требуется обычно от пехотинца. Если же скафандру становится по-настоящему худо, я вызываю доктора: доктора наук (электромеханическая инженерия), который является офицером Флота, как правило лейтенантом. Такие офицеры прикомандированы к кораблям, а иногда к штабу полка того или иного лагеря, вроде лагеря Курье.

Но в общих чертах я могу рассказать, как действует скафандр. Внутри доспехов находятся сотни рецепторов, реагирующих на давление. Ты двигаешь рукой, возникает давление на рецепторы. Скафандр чувствует его, усиливает и двигается вместе с твоей рукой, чтобы снять давление с отдавших приказ рецепторов.

Скафандр запрограммирован на такую обратную связь и не только точно повторяет каждое движение, но и значительно усиливает его.

Однако сила его «мышц» контролируется. Самое главное, что при этом совершенно не приходится заботиться об этом контроле. Ты прыгаешь, прыгает и скафандр — конечно, гораздо выше, чем ты прыгнул бы без него: в момент прыжка включаются реактивные двигатели, многократно усиливающие импульс, полученный от «ножных мышц» скафандра. Этот мощный дополнительный толчок придается по линии, проходящей через твой центр тяжести. И таким образом ты спокойно перепрыгиваешь через стоящий рядом дом. Потом наступает следующая фаза: ты начинаешь опускаться так же быстро, как и подпрыгнул. Скафандр ловит начало этой фазы и обрабатывает ее характеристики с помощью специального «аппарата приближения» (что-то вроде самого простого разряда). Тут опять включаются реактивные двигатели на необходимое время — и ты мягко опускаешься, даже не успев подумать, как бы это лучше сделать.

В этом и состоит чудо бронескафандра: о нем не нужно думать. Не нужно управлять им, направлять, исправлять его ошибки — ты носишь и носишь его. При этом твой мозг всегда свободен — можно заниматься оружием и контролировать обстановку. Последнее особенно важно для мобильного пехотинца, который мечтает умереть в своей постели. Только нужно представить, что приземляешься после прыжка, а взгляд твой прикован к дисплеям датчиков, на показания которых ты должен каждую секунду реагировать. В такой ситуации достаточно, если внизу будет поджидать абориген с каменным топором — все равно твоя песенка спета.

Искусственные «глаза» и «уши» тоже сконструированы так, чтобы помогать, не отвлекая внимания. Четко налаживается связь с товарищами и с командованием. Кроме того, в шлем вмонтирована специальная акустическая система, воссоздающая полную звуковую картину окружающего мира. Если снаружи слишком шумно, эта система даст лишние децибеллы.

Поскольку голова — единственная часть тела, не связанная с рецепторами давления, постольку ты используешь голову (челюсть, щеки, шею) для управления акустической и видеоаппаратурой, а руки твои целиком свободны для боя. К щекам прилегают датчики управления искусственным зрением, а к скулам — искусственным слухом. Все дисплеи вынесены на переднюю внутреннюю стенку шлема — прямо надо лбом и по бокам. Расположение очень удобное, и со временем начинаешь моментально схватывать показания всех датчиков.

Когда находишься в воздухе, летишь, наклоняя голову, на внешней поверхности шлема, на лобовой части, автоматически выдвигаются аппараты инфравидения. (Потом они так же автоматически убираются.) Когда

после выстрела тебе больше не нужна пусковая ракетная установка, скафандр сам убирает ее в специальное гнездо до тех пор, пока снова не понадобится. Подобные вещи можно перечислять долго. Сюда входит и снабжение питьевой водой, воздухом, автоматические гироскопы для поддержания равновесия и так далее и тому подобное. Цель всех этих устройств одна и та же: освободить десантника от посторонних забот для выполнения главной боевой задачи.

Конечно, управление всей аппаратурой скафандра требует известных навыков, и нас долгое время натаскивали до полного автоматизма движений в скафандре. Особой подготовки потребовали прыжки: ведь хотя ты и подпрыгиваешь как будто естественным движением, но поднимаешься гораздо быстрее и остаешься в воздухе гораздо дольше, чем при обычном прыжке. Чего стоит, например, умение быстрой ориентации, пока ты на какие-то мгновения зависаешь в воздухе. Каждая секунда в бою — это драгоценность, не имеющая цены. Подпрыгивая, можно определиться на местности, выбрать цель, связаться с кем-либо из коллег и, получив ответ, выстрелить, перегруппировать свое вооружение, принять решение снова прыгнуть, не приземляясь, и так далее. Если есть навык, можно сделать уйму разных дел во время прыжка.

Но в целом наши доспехи все же не требуют сравнительно сложной подготовки. Скафандр делает все для тебя — точно так же, как делаешь ты, только лучше. Делает все, кроме одного — ты совершенно беспомощен, когда у тебя где-то зачесется. Если когда-нибудь мне покажут и преподнесут скафандр, который будет чесать меня между лопатками, ей-богу, я на нем женюсь.

Существует три основных типа скафандров Мобильной Пехоты: обычный, командный и разведывательный. Скафандр разведчиков обладает очень большой скоростью, дальностью полета и сравнительно скромным вооружением. Командирский скафандр начинен большим запасом горючего, обладает значительной скоростью и высотой прыжка. В нем втрое больше, чем обычно, всякой электроники, радаров и прочих устройств. Обычный же скафандр предназначен для ребят, стоящих в строю с сонным выражением лица, — то есть для нас, исполнителей.

Я уже говорил, что влюбился в свои рыцарские доспехи. Хотя при первом же знакомстве повредил себе плечо. Всякий раз, когда моей группе назначались занятия со скафандром, я ликовал. В тот день, когда мне, как командиру группы новобранцев, присвоили те самые псевдокапральские шевроны, я должен был совершить тренировочный полет в скафандре с двумя ракетами класса А (конечно, холостыми). Задача — использовать ракеты против предполагаемого противника в учебном бою. Беда, как всегда, заключалась в том, что все было ненастоящим, а от нас требовали реальных боевых действий.

Мы отступали или, как у нас выражаются, «продвигались» вперед по направлению к тылу. В этот момент один из инструкторов с помощью радио отключил подачу энергии в скафандре у одного из моих ребят. Естественно, тот оказался в совершенно беспомощном положении. Я тут

же приказал двум парням подобрать его и страшно гордился, что спас своего человека до того, как он вышел из игры. Затем сразу обратился к другой своей задаче — нанесению ракетного и бомбового удара по противнику, который вроде вот-вот мог нас накрыть.

Наш фланг продвигался на средней скорости. Нужно было направить ракету так, чтобы ни в коем случае не пострадал никто из наших, но в то же время поразить врага. И все надо было сделать, как всегда, очень быстро. Подобные маневры несколько раз обговаривались перед учениками. Единственная случайность, которая допускалась, — это легкие поломки, создаваемые самими инструкторами.

Концепция боя предписывала установление предельно точного направления удара — по радарному сигналу. Для этого нужно было засечь по радару расположение всех моих людей. Но действовать нужно было очень быстро, а я еще не слишком хорошо разбирался в показаниях дисплеев и датчиков, расположенных перед моими глазами. Поэтому, шевельнув головой, я отключил аппаратуру и поднял фильтры, чтобы осмотреть местность своими глазами. Вокруг расстилалась залитая солнцем прерия. Но, черт побери, я ничего толком не мог разглядеть — только одна фигура маячила невдалеке от линии предполагаемого удара. Я знал, что моя ракета способна выдать лишь грандиозное облако дыма и ничего больше. Поэтому прицелился на глазок, навел пусковую установку и пальнул.

Убираясь с места выстрела, я чувствовал удовлетворение: ни одной секунды не потеряно.

Но прямо в воздухе система энергоснабжения моего скафандра отказала. Падать совсем не больно: система отключается постепенно, так что приземлился я благополучно. Но, приземлившись, застыл, как куча металлолома, двинуться не было никакой возможности. В этой ситуации поневоле быстро успокаиваешься и прекращаешь даже попытки пошевелиться — ведь вокруг тебя никак не меньше тонны мертвого металла.

Ругаться я все-таки мог и проклинал себя на все лады. И не только себя. Вот уж не думал, что они устроят мне аварию, когда я так хорошо руковожу группой и решаю на ходу все сложные боевые задачи.

Мне следовало знать, что командиров групп Зим контролирует сам. Он почти сразу примчался ко мне — наверное, специально, чтобы поговорить со мной с глазу на глаз. Начал с предположения, что неплохо бы мне заняться мытьем грязных полов, потому что ввиду моей глупости, бездарности и прочих неизлечимых пороков мне нельзя доверить другую, более тонкую работу — к примеру, разносить тарелки в столовой. Он кратко охарактеризовал мою прошлую жизнь, коснулся моего будущего и сказал еще несколько слов, о которых мне не хотелось бы вспоминать. В заключение он ровным голосом произнес:

— Как бы ты себя чувствовал, если бы полковник Дюбуа увидел, что ты здесь натворил?

После этого сержант Зим покинул место моего приземления. Я проторчал там без движения еще два часа, напоминая страшное чугунное

идолище, поставленное в степи языческим племенем. Наконец учения закончились. Зим вернулся, восстановил систему энергоснабжения, и мы на полной скорости помчались в штаб.

Капитан Франкель говорил мало, но весомо.

Потом он помолчал и добавил казенным, лишенным интонации голосом:

— Если считаешь, что не виноват, можешь потребовать трибунала. Так что?

Я сглотнул и пробормотал:

— Нет, сэр.

До этой секунды я все еще не понимал, в какой оборот умудрился попасть.

Было видно, что капитан слегка расслабился.

— Что ж, тогда посмотрим, что скажет командир полка. Сержант, отведите заключенного.

Быстрым шагом мы отправились к штабу полка, и я впервые встретился с нашим командиром лицом к лицу. Сначала был уверен, что он подробно рассматривает дело, но, припомнив, как Тэд сам втянул себя в судебную мясорубку, решил молчать.

Майор Мэллоу в общей сложности сказал мне ровно пять слов. Выслушав сержанта Зима, он произнес первые три:

— Все это правда?

Я сказал:

— Да, сэр. — И этим моя роль завершилась.

Тогда майор Мэллоу повернулся к капитану Франкелю:

— Есть ли хоть один шанс, что из этого человека что-нибудь получится?

— Мне кажется, да, — ответил капитан Франкель.

— Тогда мы ограничимся административным наказанием. — Тут майор Мэллоу повернулся ко мне и произнес оставшиеся два слова: — Пять ударов.

Все происходило так быстро, что я не успел очухаться. Доктор дал заключение, что сердце у меня работает нормально, потом сержант и охрана одели на меня ту самую специальную рубашку, снять которую можно, не расстегивая пуговиц. Полк как раз приготовился к смотру, прозвучал сигнал. Казалось, все это происходит не со мной, все нереально... Это, как я узнал позже, первый признак сильного испуга или нервного потрясения. Галлюцинация, ночной кошмар.

Зим вошел в палатку охраны сразу после сигнала. Он взглянул на начальника охраны, и тот исчез. Зим шагнул ко мне и сунул что-то в мою руку.

— Возьми, — сказал он. — Поможет. Я знаю.

Это была резиновая прокладка, наподобие тех, что мы зажимали в зубах, когда занимались рукопашным боем. Чтобы не пострадали зубы. Зим вышел. Я сунул прокладку в рот. Потом на меня надели наручники и вывели из палатки.

Потом читали приказ: «... в учебном бою проявил полную безответственность, которая в реальных боевых действиях повлекла бы за собой неминуемую гибель товарищей». Потом сорвали рубашку и, подняв руки, привязали их к столбу.

И тогда случилась странная вещь: оказалось, что легче переносить, когда бьют тебя самого, чем смотреть, как секут другого. Я вовсе не хочу сказать, что это было приятно. Как раз страшно больно. И паузы между ударами не менее мучительны, чем сами удары. Но прокладка действительно помогла, и мой единственный стон после третьего удара никто не услышал.

И еще одна странность: никто никогда не напоминал мне о том, что случилось. Как я ни приглядывался, но Зим и другие инструкторы обращались со мной точно так же, как всегда. Доктор смазал чем-то следы на спине, сказал, чтобы я возвращался к своим обязанностям, — и на этом все было кончено. Я даже умудрился что-то съесть за ужином в тот вечер и притворился, что участвую в обычной болтовне за столом.

Оказалось, что административное наказание вовсе не становится черным пятном в твоей карьере. Запись о нем уничтожается, когда заканчивается подготовка, и ты начинаешь службу наравне со всеми чистеньким. Но главная метка остается не в досье.

Ты никогда не сможешь забыть наказания.

8

У нас нет места тем, кто привык проигрывать. Нам нужны крепкие ребята, которые идут, куда им укажут, и всегда побеждают.

Адмирал Джон Ингрэм, 1926 г.

Когда мы сделали все, что могли, на равнине, нас перевели в горный район Канады для более жестких тренировок. Лагерь имени сержанта Смита очень походил на лагерь Курье, только был гораздо меньше. Но и Третий полк теперь поредел: в самом начале нас было более двух тысяч, а теперь оставалось менее четырехсот. Рота Эйч имела структуру взвода, а батальон на смотре выглядел, как рота. Тем не менее мы до сих пор назывались «рота Эйч», а Зим — командиром роты.

На деле уменьшение состава означало более интенсивную индивидуальную подготовку. Казалось, что инструкторов-капралов стало больше, чем нас самих. Сержант Зим, у которого голова теперь болела не за две сотни «сорвиголов», как в начале, а только за пятьдесят, мог теперь постоянно следить недреманным оком за каждым из нас. Иногда даже казалось, что он рядом, когда ты был точно уверен, что его нет. Так и выходило:

стоило сделать что-то не так, Зим, откуда ни возьмись, вырастал у тебя за спиной.

В то же время проработки, которые время от времени все равно выпадали на нашу долю, становились более дружественными. Хотя, с другой стороны, любой выговор казался более унижительным — мы тоже менялись. Из всего первоначального набора остался только пятый, и этот каждый пятый был уже почти солдатом. Зим, похоже, вознамерился доводить каждого до кондиции, а не отправлять домой.

Мы стали чаще видеться и с капитаном Франкелем, он больше времени теперь проводил с нами, а не за столом в кабинете. Он уже знал всех по имени и в лицо и, судя по всему, завел в голове досье на каждого, где точно фиксировал наши промахи и удачи, кто как обращался с тем или иным видом оружия, кто болел, кто получил наряд вне очереди, а кто давно не получал писем.

Он не был таким жестким, как Зим, не повышал тона, не говорил обидных слов, чаще улыбался. Но за мягкой улыбкой скрывался стальной характер. Я никогда не пытался вычислить, кто из них двоих более соответствует идеалу солдата — Зим или Франкель. Безусловно, они оба как личности были гораздо ближе к такому идеалу, чем любой другой инструктор лагеря. Но кто из них лучше? Зим делал все с подчеркнутой точностью, даже с некоторым изяществом, как на параде. Франкель же проделывал то же самое, но в каком-то порыве, «с брызгами» — как будто играл в игру. Результаты были те же, но никто, кроме капитана, не мог представить исполнение поставленной задачи легким, чуть ли не пустяковым делом.

Оказалось, что «избыток инструкторов» нам просто необходим. Я уже говорил, что осваивать скафандр было не так уж трудно. Но это на равнине. Конечно, доспехи исправно работали и в горах, но другое дело, когда нужно прыгать между двумя отвесными гранитными стенами, вокруг торчат обломки острых скал, а ты еще обязан менять в воздухе режим прыжка. У нас было три несчастных случая: двое парней умерли, одного отправили в больницу.

Но без скафандров скалы были едва ли менее опасными: на нашем участке часто попадались змеи. Из нас же упорно пытались сделать заправских альпинистов. Я не мог понять, какой прок десантнику от альпенштока, но уже давно привык помалкивать и тренироваться изо всех сил. Мы освоили и это ремесло, и оно в результате оказалось не таким уж сложным. Если бы год назад кто сказал мне, что я запросто смогу взлезть на отвесную гладкую скалу, используя лишь молоток, жалкие гвоздики и никчемную веревочку, я рассмеялся бы ему в лицо. Я — человек равнинный. Поправка: я был человеком равнин. С тех пор со мной произошли некоторые изменения.

Я только-только начинал понимать, как сильно изменился. В лагере Смита был более свободный режим — нам разрешалось ездить в город. В принципе некоторая «свобода» существовала и в лагере Курье. Она

означала, что в субботу, после обеда, если не было спецотряда, я мог уходить из лагеря куда заблагорассудится. Но обязательно вернуться к вечерней перекличке. Да и какой был смысл в такой прогулке, когда до горизонта тянулась однообразная степь, вокруг ни души, только изредка попадался испуганный заяц — ни девушек, ни театра, ни дансингов, ни прочих увеселений.

Хотя, если честно, свобода и в лагере Курье была счастьем. Иногда очень хотелось иметь возможность уйти куда глаза глядят, чтобы не видеть палаток, сержантов, опостылевших лиц друзей... мгновения, когда не надо постоянно ждать окрика, сигнала тревоги, когда можно прислушаться к своей душе, уйти в себя. Свобода ценилась тем больше, что тебя могли ее лишиться, как любой другой привилегии. Могли запретить покидать лагерь или даже расположения роты: тогда нельзя было пойти даже в библиотеку или в «палатку отдыха». Запреты могли быть еще строже: выходить из своей палатки только по приказу.

Но в лагере сержанта Смита мы могли ходить в город. Челночные ракетные поезда отправлялись в Ванкувер каждое субботнее утро, как раз после нашего завтрака. Вечером таким же поездом возвращались к ужину. Инструкторам разрешалось даже проводить в городе субботнюю ночь или вообще несколько дней, если позволяло расписание занятий.

Именно в тот момент, когда я в первый раз вышел из поезда на перрон городского вокзала, я начал понимать, как сильно изменился. Джонни больше не вписывался в эту гражданскую жизнь. Она казалась непонятной, сложной и невероятно беспорядочной.

Я не говорю, что мне не понравился Ванкувер. Это очаровательный город, он расположен в прекрасном месте. Люди здесь тоже очень доброжелательны, они привыкли видеть на своих улицах Мобильную Пехоту и относились к нам вполне лояльно. Для нас даже был создан специальный центр отдыха, где каждую неделю устраивались танцы и где бывали девушки, всегда готовые потанцевать.

Но в тот, первый, раз я не пошел в центр отдыха. Почти все время я пробродил по улицам, останавливаясь и подолгу глядя на красивые здания, на витрины, переполненные самыми разными, ненужными, как мне казалось, вещами. Я глазел на прохожих, спешащих и просто гуляющих. Удивительно, но они вели себя по-разному, каждый делал, что хотел, и одевался по-своему. Конечно, я засматривался на девочек.

В особенности на девочек. Оказывается, я не знал, какие они удивительные и какие красивые. Надо сказать, я всегда относился к девочкам хорошо: с тех самых пор, когда еще мальчишкой понял, что они совсем другие, а не просто носят платья и юбки. Насколько я помню, в моей жизни не было периода, как у многих других мальчишек, когда, заметив эту разницу, они начинали девочек ненавидеть.

И все же в тот день мне открылось, насколько я их недооценивал.

Девушки прекрасны сами по себе. Удивительно приятно просто так стоять на углу и смотреть, как они проходят мимо. Хотя нет, нельзя ска-

зять, что они ходят, как все. Я не знаю, как объяснить, но их движения — что-то более сложное и волнующее. Они не просто отталкиваются от земли ногами — каждая часть тела движется, и словно в разных направлениях... но так слаженно и грациозно.

Я и два моих приятеля, наверное, простояли бы на улице до вечера, если бы не полисмен. Он осмотрел нас и сказал:

— Ну что, ребятки, обалдели?

Я моментально сосчитал нашивки и значки на его груди и с уважением ответил:

— Да, сэр!

— Тебе не обязательно ко мне так обращаться. По крайней мере здесь. А почему вы не там, где развлекаются?

Он дал нам адрес, объяснил, куда идти, и мы двинулись — Пэт Лейви, Котенок Смит и я. Он еще крикнул вдогонку :

— Счастливо, ребята... и не ввязывайтесь ни в какие истории.

Он слово в слово повторил то, что сказал нам Зим, когда мы селись на поезд.

Но туда, куда советовал пойти полисмен, мы не пошли. Пэт был родом из Сиэтла, и ему хотелось взглянуть на родные места. Деньги у него были, он предложил оплатить проезд тому, кто составит ему компанию. Мне все равно нечего было делать. Поезда в Сиэтл отходили каждые двадцать минут, а наши увольнительные не ограничивались Ванкувером. Смит решил ехать с нами.

Сиэтл мало чем отличался от Ванкувера, по крайней мере девчонок там было не меньше. Этот город мне тоже понравился. Но там, похоже, не очень-то привыкли к десантникам. Когда мы зашли пообедать в скромный ресторанчик, особого доброжелательства я не ощутил.

Нужно сказать, что мы не ставили перед собой задачу напиться. Ну, Котенок Смит, быть может, и перебрал пива, но оставался таким же дружелюбным и ласковым, как всегда. Из-за этого он, кстати, и получил свою кличку. Когда у нас начались занятия по рукопашному бою, капрал Джонс презрительно буркнул в его сторону:

— Котенок бы оцарапал меня сильнее!

И готово — кличка приклеилась.

Во всем ресторанчике мы одни были в форме. Большинство остальных посетителей составляли матросы с грузовых кораблей. Неудивительно: ресторанчик располагался недалеко от порта — одного из самых больших на побережье. В то время я еще не знал, что матросы с грузовых кораблей нас недолюбливают. Отчасти, быть может, из-за того, что их «гильдия» уже давно безуспешно пыталась приравнять по статусу свою профессию к Федеральной Службе. А может быть, эта скрытая вражда уходила своими корнями в глубокое, неизвестное нам прошлое.

За стойкой бара сидели пареньки примерно нашего возраста. Длинноволосые, неряшливые и потерянные, смотреть было неприятно. Я подумал, что, может быть, сам походил на них до того, как пошел на службу.

Затем я увидел, что двое таких же доходяг с двумя матросами сидят за столом у нас за спиной. Они подвыпили и все громче отпускали замечания, видимо, специально рассчитанные для наших ушей.

Мы молчали. А их шуточки становились все более личными, смех все громче. Остальная публика тоже умолкла, с удовольствием предвкушая скандал. Котенок шепнул мне:

— Пошли отсюда.

Я поймал взгляд Пэта, он кивнул. Счет был уже оплачен, поэтому мы просто встали и вышли.

Но они последовали за нами.

Пэт на ходу бросил:

— Приготовься.

Мы продолжали идти, не оглядываясь.

Они нас догнали.

Я вежливо уступил типу, который бросился на меня, и дал ему упасть, по пути, правда, рубанув его слегка ребром ладони по шее. Потом я бросился на помощь ребятам. Но все уже было кончено. Все четверо лежали на тротуаре. Котенок обработал двоих, а Пэт вывел из игры четвертого, кажется, слишком сильно послав его навстречу уличному фонарю.

Кто-то, судя по всему, хозяин ближайшего магазина, послал за полицией, которая прибыла очень быстро — мы еще стояли вокруг неподвижных тел, не зная, что с ними делать. Двое полисменов. Наверное, они были рядом, раз примчались так скоро.

Старший пристал к нам, чтобы мы назвались и предъявили документы. Но мы, как могли, увильвали: ведь Зим просил «не связываться в истории». Котенок вообще прикинулся дурачком, которому только-только исполнилось пятнадцать. Он все время мямлил:

— Мне кажется, они споткнулись...

— Да, я вижу, — согласился с ним полицейский и вынул нож из руки того, кто лез на меня. — Ладно, ребята, вам лучше удалиться отсюда... Идите.

И мы пошли. Я был доволен, что мы так легко отделались. Вернее, наоборот, что Пэт и Котенок не стали раздувать историю: ведь это довольно серьезное нарушение, когда гражданский нападает, да еще с оружием, на служащего Вооруженных Сил. Но какой смысл судиться с этими парнями? Тем более что справедливость и так восторжествовала. Они ползали и получили свое. Все правильно.

Но все-таки хорошо, что мы не ходили в увольнение с оружием... и были обучены выводить противника из строя, не убивая его. Потому что действовали мы практически бессознательно. Я не верил до конца, что они нападут. Но когда это случилось, действовал, не раздумывая — автоматически, что ли. И только, когда дело было закончено, посмотрел на все со стороны.

Тогда я до конца осознал, что изменился — и изменился сильно.

Мы не спеша дошли до вокзала и сели на поезд до Ванкувера.

Мы начали отрабатывать технику выбросов сразу же, как переехали в лагерь Смита. Выбросы устраивались по отрядам, по очереди. Мы загружались в ракету, потом летели неизвестно куда, потом нас сбрасывали, мы выполняли задание и опять по пеленгу собирались в ракету, отправляющуюся домой. Обычная ежедневная работа. Поскольку в лагере было восемь рот, то для каждого отряда выбросы проходили даже реже, чем раз в неделю. Но зато они становились все жестче: выбрасывали в глухую скалистую местность, в арктические льды, в австралийскую пустыню и — перед самым выпуском — на Луну. Последнее испытание было тяжелым. Капсула раскрывалась в ста футах от поверхности Луны, и нужно было приземлиться только за счет скафандра (атмосфера отсутствовала, а значит, отсутствовал и парашют). Неудачное приземление могло привести к утечке воздуха и к гибели.

Новые условия, новые испытания — и новые сложности. Кто-то погиб, кто-то покалечился, кто-то отказался войти в капсулу. Да, было и такое — ребята не могли заставить себя сесть в этот искусственный кокон. Их никто не отчитывал — просто отстраняли от полетов и тренировок и в тот же вечер увольняли. Даже человек, совершивший уже несколько выбросов, мог вдруг запаниковать и отказаться сесть в капсулу... а инструктор был с ним мягок, обращался с ним, как с другом, который тяжело заболел и никогда не выздоровеет.

Со мной, к счастью, ничего подобного не происходило, я не паниковал, садясь в капсулу. Зато узнал, что такое «дрожать, как заяц». Я всегда начинал дрожать перед выбросом, чувствуя себя полным идиотом. И не избавился от этого до сих пор. Но десантник, не испытывавший выброски, — не десантник. Кто-то рассказывал нам историю — может, и выдуманную — о десантнике, который приехал погулять в Париже. В Доме инвалидов он увидел гроб Наполеона и спросил стоящих рядом гвардейцев:

— Кто это?

Французы были возмущены:

— Неужели месье не знает? Здесь покоятся остатки Наполеона! Наполеон Бонапарт — величайший из воителей, когда-либо живших на земле! Десантник призадумался. Потом спросил:

— Неужели? Тогда скажите мне, где он сбрасывался?

Почти наверняка эта история выдумана. Не может быть, чтобы там не было таблички, объясняющей, кто такой Наполеон. Зато этот анекдот довольно точно передает, что должен думать о Наполеоне десантник.

Время летело незаметно, и наконец наступил последний день нашей подготовки.

Я вижу, что мало о чем сумел рассказать. Например, об оружии, которым нас учили пользоваться. Или о том, как нас сбросили в горящий лес и мы три дня боролись с пожаром...

Вначале в нашем полку насчитывалось 2009 человек. К выпуску осталось только 187 — из выживших четырнадцать были мертвы, остальные уволились по собственному желанию или по болезни, перевелись на другую службу.

Майор Мэллоу сказал короткую речь, каждый получил удостоверение, потом мы последний раз прошлись строем, и полк был расформирован. Полковое знамя спрятали до тех пор, пока оно снова, через три недели, не понадобится, чтобы превратить разболтанную толпу из двух тысяч гражданских парней в монолитную организацию.

Теперь я считался «рядовым подготовленным», и перед моим личным номером стояли буквы РП. Большой день в моей жизни.

Быть может, даже самый главный.

9

*Дерево Свободы должно время от времени
омываться кровью патриотов.*

Томас Джефферсон, 1787 г.

Я всерьез думал о себе как о «подготовленном солдате», пока не прибыл на корабль...

Но я не успел даже объяснить, как Земная Федерация из «состояния мира» перешла в «состояние готовности», а потом и на военное положение. Когда я поступал на службу, считалось, что «царит мир». Все было действительно нормально, и кто мог заподозрить неладное? Еще в лагере Курье объявили о «состоянии готовности», но мы ничего не замечали: гораздо больше каждого из нас волновало, что думает, скажем, о его прическе, внешнем виде, умении драться капрал Бронски. Еще важнее было мнение сержанта Зима. В общем, «состояние готовности» ничем не отличалось от «мира».

«Мир — ситуация, когда ни один штатский не задумывается, в каком состоянии находится армия, и ему наплевать на вооруженные конфликты, которые не попадают на первые полосы газет. Если, конечно, среди пострадавших нет его родственников. Но вряд ли когда-нибудь в истории Земли «мир» означал отсутствие вообще каких бы то ни было военных столкновений. Когда я прибыл в свое первое подразделение «Дикие кошки Вилли», которое изредка еще называли рота К, Третий полк, Первая дивизия Мобильной Пехоты, когда я погрузился с «кошками» на корабль «Долина Фордж», война уже несколько лет шла полным ходом.

Историки до сих пор спорят, как называть эту войну: Третья космическая (или Четвертая), а может, Первая межзвездная. Мы же называли ее просто войной с багами, если вообще задавались целью эту войну как-нибудь называть. Так или иначе, но начало этой войны датируется как раз тем месяцем, когда я погрузился на свой первый корабль. Все, что было до этого и даже несколько позже, характеризовалось не иначе как «инциденты», «патрульные столкновения», «превентивные акции» и тому подобное. Однако парни гибли в этих «инцидентах» точно так же, как и в официально провозглашенной войне.

Если быть точным до конца, то ощущение войны у солдата ненамного шире, чем у обычного штатского: солдат видит ее только на том небольшом участке, на котором находится сам. А когда не участвует в боевых действиях, прикидывает, как получше провести свободное время, увильнуть от недремлющего ока сержанта или подлизаться к повару и получить сверх нормы что-нибудь «эдакое». К тому времени, когда Котенок Смит, Эл Дженкинс и я оказались на Лунной базе, Дикие кошки Вилли уже участвовали в нескольких выбросах. В отличие от нас они уже были солдатами. Однако никто не проявлял по отношению к нам высокомерия, не пижонил. После привычной строгости инструкторов сержанты и капралы действующей армии казались нам удивительно общительными и простыми.

Потребовалось некоторое время, чтобы понять, что такое отношение объяснялось снисходительностью: мы в их глазах были никем, нас даже ни к чему было отчитывать, пока никто из нас не участвовал в настоящем боевом выбросе. Только когда станет ясно, сможем или не сможем мы заманить тех, кто в этом выбросе получит свое.

Только теперь я понимаю, каким зеленым тогда был. Наша «Долина Фордж» еще стояла на Лине, я бродил по разным отсекам, привыкая к кораблю. В одном из коридоров столкнулся с командиром нашей группы, одетым по полной форме. В мочку его левого уха была вдетя серьга — небольшой, искусно сделанный золотой череп, скопированный, кажется, с древней эмблемы — «Веселого Роджера». Только вместо двух скрещенных костей под черепом была целая вязанка: очень маленькая, едва разглядишь.

Раньше, дома, я всегда носил серьгу или еще какое-нибудь украшение. В лагере обо всех этих безделушках я даже не вспомнил. Но тут вдруг увидел вполне подходящую к нашей форме красивую штуковину, и мне ужасно захотелось такую же. Деньги у меня еще оставались, и я решился:

— Э-э... сержант... Где вы достали такую сережку? Подходящая вещичка...

Он ничем не выдал своего удивления, даже не улыбнулся.

— Тебе нравится?

— Да, очень! — Я тут же подумал, что пара таких сережек будет выглядеть еще лучше, только надо заказать две нормальные кости под черепом вместо этой непонятной груды. — Их можно купить на базе?

— На базе их никогда не продавали. Не думаю, что тебе удастся их достать здесь. Но когда мы прибудем туда, где такие штуки водятся, я тебе непременно сообщу. Обещаю.

— О, спасибо!

— Не за что.

Потом я видел еще у нескольких человек такие же сережки, только с разным количеством костей — у одних меньше, у других больше... Оказалось, что их действительно разрешают носить с формой, по крайней мере в увольнении. Очень скоро и я обзавелся парой этих серег, обнаружив, правда, что цена для такой маленькой золотой вещицы непомерно высока...

Та операция называлась «Дом багов». В книгах по истории ее чаще именуют Первой битвой на Клендату. Операция была проведена вскоре

после того, как они уничтожили Буэнос-Айрес. Только смерть огромного города заставила Землю по-настоящему понять, что происходит. Так уж получается, что большая часть населения, никогда не покидавшая планеты, не верит в существование других миров. Я знаю это по себе, ведь и я совершенно не принимал в расчет существование других миров, пока не пришлось столкнуться с ними нос к носу.

Трагедия с Буэнос-Айресом потрясла человечество, и сразу стали раздаваться крики, что нужно собрать все имеющиеся в наличии силы возле Земли, окружить ее плотным кольцом защиты. Конечно, все это глупость. Войны выигрываются не обороной, а нападением — это азбука. Во время войны не существует Министерства обороны — можете залезть в учебники истории. Но подобная реакция, похоже, типична для людей сугубо гражданских, они сразу требуют себя защитить и при этом еще желают контролировать ход войны. Хотя по мне эта ситуация напоминает панику на борту самолета, когда пассажиры врываются в кабину, начинают теснить пилота и наперебой рвутся к штурвалу — как раз в то время, когда надо всеми нависла беда.

Однако моего мнения никто не спрашивал. Мне предписывалось лишь беспрекословно выполнять приказы. Мы разрывались между обязанностью защищать Землю и остальные планеты Федерации и необходимостью вести настоящую войну с багами. Насколько я помню, разрушение Буэнос-Айреса не привлекло особо моего внимания; по крайней мере мы не реагировали на него так бурно, как жители Земли. В это время наш корабль мчался в двух парсеках от планеты по пространству Черенкова, и сама новость была передана с другого корабля, только когда мы вышли в обычное пространство.

Я подумал только: «Господи, какой ужас!» — и пожалел, что больше никогда не увижу чудесного города, в котором бывал. Но все же Буэнос-Айрес не был моим родным городом, Земля казалась теперь такой далекой, а я таким занятым... Ведь я должен был участвовать в первом нападении на Клендату — планету багов, и операция вот-вот должна была начаться. Поэтому мы неслись на предельной скорости и отключили поле внутренней гравитации на «Долине Фордж» для того, чтобы высвободить побольше энергии для двигателей.

Уничтожение Буэнос-Айреса очень сильно повлияло на всю мою жизнь, но об этом я догадался только месяцы спустя.

Когда подошло время выброса на Клендату, я уже был прикреплен «помощником» к капралу Бамбургеру, который при этом известии все-таки смог сохранить непроницаемое выражение лица. Однако как только сержант, представлявший меня, удалился на достаточное расстояние, он прошипел:

— Послушай, пацан, держись все время меня, но не дай тебе Бог путаться под ногами. Если же ты подставишь мне свою шею, мне придется ее сломать.

Я только кивнул, начиная понимать, что этот выброс будет совсем не похож на учебный. Потом на меня, как всегда, напала дрожь, а потом мы уже были внизу...

Операцию «Дом багов» нужно было бы назвать «Дом умалишенных». Все шло не так, как планировалось. В результате операции враг должен был пасть на колени, мы — оккупировать их столицу и все остальные ключевые пункты планеты. И всё — конец войне. На деле мы не только проиграли битву, но и чуть не провалили войну в целом.

Я не собираюсь критиковать генерала Диенна. Не знаю, правда или нет, что он требовал для операции большей концентрации войск и поддержки, но все-таки уступил Главнокомандующему. В конце концов, не мое дело. Я также сомневаюсь, что даже самые ушлые «специалисты», которые горазды только после драки кулаками махать, смогут восстановить события и определить, что к чему.

Знаю только, что генерал выбросился вместе с нами и командовал прямо там, на планете, а когда нас приперли к стенке, возглавил отвлекающую атаку, и это позволило некоторым из нас (и мне в том числе) убраться живыми. А он остался и получил свое. Остался в радиоактивном Хаосе на Клендату, и потому уже слишком поздно вызывать его не трибунал. И значит, нечего об этом и говорить.

Тут, наверное, нужно сделать отступление для тех никогда не вылезавших из кресел стратегов, которые сами ни разу в жизни не участвовали в боевом выбросе. Конечно, планету багов можно было бы забросать водородными бомбами так, чтобы поверхность ее спеклась в сплошной слой радиоактивного стекла. Но выиграли бы мы войну? Баги совсем не такие, как мы.

Их называют псевдоарахнидами, но это все-таки не пауки. Они скорее подобны порождению фантазии сумасшедшего, которому везде мерещится похожие на гигантских пауков чудовища с интеллектом. Их социальная организация, психология, экономическое устройство напоминают жизнь земных муравьев или термитов. Они — коллективные существа, интересы муравейника прежде всего. При стерилизации поверхности планеты погибнут солдаты и рабочие, не интеллектуальная каста и королевы останутся невредимыми. Я сомневаюсь, что даже прямое попадание кумулятивной водородной ракеты сможет уничтожить королеву: мы не знаем, как глубоко они прячутся. Однако особым любопытством в этом вопросе я не отличаюсь. Ни один из тех, кто попадал в их подземные норы, не вернулся.

Ну вот. Предположим, мы начисто разрушим поверхность Клендату. Но в их распоряжении точно так же, как и у нас, останутся корабли, разные колонии и другие планеты, и оружие. Так что, пока они не сдадутся, войну нельзя считать оконченной. У нас не было тогда планетных бомб, которые могли бы расколоть Клендату надвое, как орех. Но если бы они и на это наплевали и не сдались, война бы продолжалась.

Если они вообще могут сдаваться... Например, их солдаты явно на это не способны. Рабочие баги совершенно не умеют драться. Можно потратить весь боевой запас, подстреливая одного за другим. Зато их солдаты не сдаются. В то же время я очень ошибюсь, если решите, что баги — это просто безмозглые насекомые, только потому, что они так выглядят

и не умеют сдаваться. Их войны сметливы, профессиональны, агрессивны. Они, пожалуй, даже шустрее наших ребят — по крайней мере, в одном, но самом главном вопросе: кто первый. Ты можешь отстрелить ему одну, две, три ноги, но он будет пытаться стрелять. Ты должен поразить его нервный центр, и только тогда все будет кончено... правда, и тогда он может, дергаясь, ползти вслед за тобой, стреляя в никуда, пока не врежется в стену или другое препятствие.

Тот десант с самого начала превратился в бойню. Пятьдесят наших кораблей участвовало в операции. Предполагалось, что они выйдут из пространства Черенкова скоординированно и выбросят нас так, чтобы мы приземлились соответственно разработанному плану битвы. Все должно было произойти моментально, чтобы баги не успели опомниться. Я думаю, осуществить это было труднее, чем задумать. Черт, теперь я просто уверен в этом. План оказался невыполнимым, а расплачиваться пришлось Мобильной Пехоте.

Нам еще повезло: «Долина Фордж» и все, кто на ней оставались, получили свое, когда мы еще не успели приземлиться. «Долина» столкнулась с нашим же кораблем на небольшой скорости, но оба разлетелись вдребезги. Я оказался в числе счастливиц, капсулы которых уже покинули «Долину». Выброс капсул еще продолжался, когда она взорвалась.

Взрыва я не заметил — вокруг меня был кокон, падающий на планету. Командир роты, наверное, знал, что корабль погиб (а с ним и добрая половина «диких кошек»). Он выбросился первым и мог все понять, когда прервался его личный канал связи с капитаном корабля. Но обратиться к командиру возможности не представилось: из этой битвы он не вернулся. А тогда я только-только начинал понимать, что вместо запланированного боя мы попали в самую настоящую мясорубку.

Следующие восемнадцать часов до сих пор кажутся ночным кошмаром. Я мало что могу рассказать, потому что помню только обрывки, кадры из фильма ужасов. Я никогда не относился с симпатией к паукам, змеям и прочей нечисти. Обычный домашний паучок, найденный в постели, заставлял меня содрогаться от отвращения. Встречи с тарантулом я вообще не мог себе представить. Я, например, никогда не ем крабов и прочих из их семейства. Когда я впервые увидел бага, мне показалось, что сознание отключилось и я уже на том свете. Только несколько мгновений спустя я понял, что убил его, но продолжаю стрелять и никак не могу остановиться. Думаю, это был рабочий: вряд ли я остался бы живым после встречи с солдатом.

Но несмотря ни на что, мне повезло больше, чем ребятам из К-9. Они выбрасывались на периферии нашей главной цели, и неопсы должны были осуществлять тактическую разведку и ориентировать специальные отряды, охранявшие нас с флангов. У псов, естественно, нет никакого оружия, кроме собственных зубов. Предполагалось, что неопес должен слушать, смотреть, вынюхивать и передавать результаты своему партнеру по радио. Все, что есть у пса, — это радио и небольшая бомба, взрывая которую пес уничтожает себя, если смертельно ранен или ситуация безвыходна.

Всем этим несчастным созданиям пришлось использовать взрывные устройства. Как потом оказалось, подавляющее большинство их покончило с собой при первом же контакте с багами. Думаю, что они испытали те же чувства, что и я, только гораздо острее. Сейчас, кажется, уже есть специально обученные неопсы, которые не испытывают шока от запаха и вида багов. Но тогда таких не было.

Я рассказал лишь о частице всеобщего хаоса. Все пошло у нас кувырком. Я, конечно, не знал общего хода боя, а лишь старался приткнуться поближе к Бамбургеру и стрелял и жег любую движущуюся цель, а также бросал гранаты в каждую уходящую под землю нору. Это сейчас я могу убить бага без особой траты боеприпасов и горючего. Хотя личное вооружение у них и не такое мощное, как у нас, но убивает не хуже нашего. Вспышка направленного излучения — и ты варишься в скафандре, как яйцо в скорлупе. Координация в бою у них даже лучше, чем у нас... мозг, который руководит их солдатами, прячется в недоступном месте, в какой-то из этих проклятых нор...

Нам с Бамбургером довольно долго везло. Мы держали площадь примерно в один квадратный километр, бросая бомбы в уходящие под землю туннели, стреляя в каждую непонятную цель, появляющуюся на поверхности. При этом мы, как могли, берегли горючее в двигателях скафандра, зная, что оно может очень пригодиться. Вообще-то по плану боя мы обеспечивали беспрепятственное прибытие второго эшелона нападения с более тяжелым вооружением. Ведь это был не обычный рейд, мы нацеливались на установление полного господства. Захватить планету, остаться на ней, подчинить ее себе.

Но у нас ничего не вышло.

Наша группа действовала вполне нормально. Приземлились мы не туда, куда нужно, а связи с соседними группами не было. Командир отряда и сержант погибли, а переформироваться мы так и не успели. Все же мы быстро установили границу, распределили между собой сектора обстрела — и наш участок был готов для приема свежих подкреплений.

Но подкрепление так и не пришло. Они приземлились как раз туда, где по плану должны были приземлиться мы, и, естественно, столкнулись с жестоким сопротивлением. Мы больше никогда их не видели. Мы стояли там, куда нас занесло, периодически отбивали нападения туземных солдат, а боеприпасы между тем подходили к концу, таяло горючее и иссякал запас энергии в скафандрах. Казалось, что весь этот ад длится две тысячи лет.

Мы стояли рядом с Бамбургером у здоровенной стены и, надрываясь, орали на группу специального вооружения нашей роты, требуя поддержки. Но тут земля вдруг разошлась, и Бамбургер провалился, а из дыры вылез баг.

Я сжег бага и еще успел схватить капрала за руку и подтянуть его к себе. Потом бросил в дыру гранату, и дырка почти сразу закрылась. Я склонился над Бамбургером. На первый взгляд казалось, что никаких повреждений нет. Сержант отряда может на специальном экране своего

скафандра считать данные о любом десантнике и отсортировать тех, кому уже ничем не помочь, от тех, кто еще жив и кого нужно подобрать. Но, находясь рядом с человеком, можно сделать то же самое вручную, нажав на кнопку на поясе скафандра.

Бамбургер не отвечал, когда я пытался позвать его. Температура его тела равнялась девяносто девяти градусам. Показатели дыхания, сердцебиения и биотоков мозга на нуле. Безнадежно, но, может быть, просто сломался его скафандр?

По крайней мере, сначала я пытался себя в этом уверить, забыв, что индикатор температуры тоже показывал бы ноль, если бы мертв был только скафандр. Но я сорвал с пояса специальный ключ и стал упрямо раскрывать капральский скафандр, одновременно стараясь держать в поле зрения все, что происходит вокруг.

Вдруг мой шлем взорвался криком, которого я больше никогда не хотел бы услышать:

— Спасайтесь, кто может! Домой! Домой! По любому пеленгу, который только обнаружите. Шесть минут! Спасайте себя и своих товарищей. Домой по любому пеленгу! Спасайтесь, кто...

Я заторопился.

Наконец шлем раскрылся и показалась голова капрала. Мои руки невольно разжались, и я рванул оттуда чуть ли не на полной скорости. В трех последующих выбросах мне пришлось бы в голову взять хотя бы что из его амуниции. Но тогда я был слишком растерян, чтобы хорошо сообщать. Я просто бросился сломя голову, стараясь поточнее определить пеленг.

Ракета уже ушла. Меня охватило чувство жуткого одиночества, неминуемой гибели. Я снова услышал позывной, но не «Янки Дудль», как полагалось, если бы вызвала «Долина Фордж», а «Ленивый Буш», мелодии которого я тогда еще не знал. Но сомнений не было — это звучал позывной, самый настоящий позывной! Я помчался по пеленгу, тратя последнее горючее, и вполз в шлюпку, когда они уже готовы были нажать кнопку взлета. Спустя мгновение, как показалось мне, я оказался уже на корабле «Вуртрек» и был в таком глубоком шоке, что долго не мог вспомнить свой личный номер.

Я слышал, эту битву называют «стратегической победой». Но я был там и помню, каким ужасом, каким развалом все окончилось.

Через шесть недель (чувствуя себя на шестьдесят лет старше) я был уже на базе Флота на Санкторе. Меня зачислили в команду корабля «Роджер Янг», и я уже доложил сержанту Джелалу. В моем левом ухе болтался золотой череп, а под ним одна золотая кость. Эл Дженкинс был со мной и носил точно такую же сережку. Котенок погиб, даже не успев выброситься из «Долины Фордж». Чуть ли не половина нашего состава погибла только от столкновения «Долины» с «Ипром». Восемьдесят процентов тех, кто выбросился, погибли на планете. Командование решило, что нет смысла восстанавливать роту на основе жалких остатков. Поэтому ее

расформировали, бумаги сдали в архив и стали ждать, когда душевные раны затянутся и можно будет возродить роту К с новым составом, но старыми традициями.

Кроме того, на других кораблях оказалось множество вакантных мест.

Сержант Джелал тепло приветствовал нас, сказав, что мы присоединяемся к знаменитому подразделению, «лучшему на Флоте», и что корабль не уступает ему по своим достоинствам. Черепов в ухе он словно и не заметил. В тот же день он повел нас к лейтенанту, который оказался человеком с удивительно обаятельной улыбкой. Он разговаривал с нами, как хороший отец разговаривает с послушными детьми. Я заметил, что Эл свою сережку из уха успел вынуть. То же самое сделал и я, увидев, что никто из «Сорвиголов Расжака» подобными побрякушками не балуется.

Позже я понял, почему они не пользовались символикой. Им было не важно, сколько боевых выбросов ты сделал, где, с кем и когда. Просто ты или был «сорвиголовой», или не был. Если нет, ты их абсолютно не интересовал. Поскольку мы пришли к ним не новобранцами, а обстрелянными десантниками, они приняли нас уважительно, но с тем легким, едва заметным отчуждением, которое неизбежно, когда хозяин встречает гостя, не входящего в круг родных и близких.

Но когда через неделю мы вместе совершили боевой выброс, вопрос о нашей «прописке» был решен. Мы сразу стали полноправными «сорвиголовами», членами семьи, которых можно звать уменьшительными именами, отчитывать по любому поводу, зная, что никакая ругань не помешает всем нам оставаться кровными братьями. Теперь они могли свободно занимать у нас деньги, одалживать нам, обсуждать любые вопросы, спорить, позволяя нам свободно высказывать свое, часто глупое и наивное, мнение, и тут же разбивать наши доводы так, что у нас начинали гореть уши. Мы, в свою очередь, тоже получили право называть всех, даже малознакомых, по кличкам и уменьшительными именами. Исключение составляли редкие, сугубо служебные ситуации.

Только лейтенант всегда оставался просто лейтенантом. Никогда мистер Расжак или хотя бы лейтенант Расжак. Просто лейтенант и всегда в третьем лице. Нет бога, кроме лейтенанта, и сержант Джелал пророк его. Когда Джелал говорил «нет» от себя лично, с ним еще могли поспорить, по крайней мере сержанты. Но если он произносил: «Лейтенанту это не понравится», — вопрос больше не обсуждался. Никто и не старался проверить, понравится ли это лейтенанту или нет. Слово было сказано, и на этом все споры кончались.

Лейтенант был для нас отцом, он любил каждого из нас и каждого старался чем-нибудь порадовать. Но в то же время он никогда не держался с нами на равных — во всяком случае, на корабле. В бою что-то неумовимо менялось. Невозможно представить, чтобы один офицер мог заботиться о каждом члене отряда, разбросанного по планете на сотни квадратных километров. Но он мог. Он действительно беспокоился о каждом из нас. Как лейтенанту удавалось держать всех нас в поле зрения, я просто

не представляю, но в гуще боя, в самой жуткой неразберихе по командирскому каналу связи вдруг раздавался его голос:

— Джонсон! Посмотри за шестой группой! Смит в беде!

И самое интересное, он понимал это раньше, чем сам Смит, который еще только начинал подозревать, что попал в переделку.

Кроме того, можно было быть абсолютно уверенным, что, пока ты жив, лейтенант не пойдет без тебя в спасательную шляпку. Естественно, некоторые ребята попадали в плен к багам, но из «сорвиголов» в плену не был никто.

Если лейтенант был нам отцом, то Джелли — матерью. Он всегда был рядом, помогал, но не баловал. И никогда не докладывал о наших проступках лейтенанту. У «сорвиголов» никогда не было трибуналов и тем более публичных экзекуций. Джелли даже наряды вне очереди раздавал нечасто: он находил другие пути воспитания. Мог, например, осмотреть тебя с ног до головы на дневной проверке и дружелюбно заметить:

— Что ж, во Флоте ты, наверное, будешь смотреться неплохо. Может, хочешь перевестись?

Такая фраза сразу оказывала надлежащее воздействие. В нашем непisanном кодексе чести считалось, что флотские привыкли спать в своих униформах, а воротнички они вообще меняют только раз в году.

Джелли сам не занимался рядовыми. Он спрашивал с сержантов и был уверен, что те, в свою очередь, спросят с нас. Командиром моей группы, когда я поступил к ним, был «Красный» Грин. После нескольких боевых выбросов мне понравилось быть «сорвиголовой». Я преисполнился глубокой гордостью, стал пижонить и вести себя слегка надменно. И в один прекрасный момент я позволил себе пререкаться с Грином. Он не стал докладывать Джелли, а просто отшел в ванную комнату и устроил мне взбучку «второй степени». Потом мы стали с ним настоящими друзьями. Это он дал мне рекомендацию на повышение.

На самом деле мы не знали, действительно ли команда корабля спит, не раздеваясь. Мы обитали в своих отсеках, флотские — в своих, наверное, потому, что, заходя к нам, они все же чувствовали нашу неприязнь или, лучше сказать, пренебрежение, когда мы общались с ними не в служебной обстановке. Может, это и нехорошо, но ведь могут же быть у человека социальные стандарты, предрассудки, наконец?

У лейтенанта был свой кабинет на половине флотских, но мы никогда не ходили туда, разве что при крайней необходимости. Мы сами несли караульную службу на корабле, потому что экипаж «Роджера Янга» был смешанный: многие посты занимали женщины, в том числе пост капитана и других офицеров-пилотов. На корабле существовал специальный женский отсек, возле дверей которого днем и ночью стояли два вооруженных десантника. В боевых кораблях на всех важных пунктах стоят часовые, а эти двери вели, помимо прочего, в головной отсек, где размещалась рубка управления.

Наши офицеры пользовались правом прохода в головные отсеки, все они, включая лейтенанта, обедали там вместе с женским персоналом.

Но они никогда особенно не задерживались — ели и тут же возвращались к нам. Может быть, на других кораблях, к примеру на транспортных, водились другие порядки, но на «Роджере» все обстояло именно так. И лейтенант, и капитан Деладрие заботились о надежности «Роджера». И мне кажется, они своего добились.

На караульную службу мы смотрели как на привилегию. Во-первых, это был отдых — стоять, скрестив руки на груди, широко расставив ноги, думать — вроде и не спишь, а вроде что-то снится. Во-вторых, так приятно сознавать, что в любой момент ты можешь увидеть женщину, хотя не имеешь даже права заговорить с ней, кроме как по служебной необходимости. А однажды меня вызвали прямо в рубку к капитану. Она взглянула мне в глаза и попросила:

— Отнесите это главному инженеру, пожалуйста.

В мои ежедневные обязанности, кроме уборки, входило обслуживание электронной аппаратуры под руководством падре Миглаччио, командира первой группы. Я делал почти то же самое, что и в детской лаборатории Карла. Боевые выбросы случались не так уж часто, но на корабле всем хватало работы. Если у человека не было особых талантов, он мог целыми днями убирать в отсеках, мыть переборки — сержант Джелал был просто помешан на чистоте. Мы следовали простому закону Мобильной Пехоты: все идут в бой и все работают в обычные дни. Шеф-поваром, причем очень хорошим, у нас был Джонсон — сержант их второй группы, большой добродушный парень из Джорджии. У него запросто можно было выманить что-нибудь сверх нормы. Он сам всегда ел в неположенное время и не понимал, почему этого же нельзя делать другим.

Но все же «Роджер Янг» был прежде всего боевым кораблем. Мы совершали боевые выбросы, причем каждый раз разные: принципы нового выброса намеренно отличались от предыдущего, чтобы баги не могли подготовиться к нападению. Однако на стратегические битвы мы больше не замахивались, наш корабль занимался патрулированием, одиночными набегами и рейдами. Секрет в том, что Земная Федерация тогда еще не была готова к крупным сражениям. Амбициозная операция «Дом багов» обошлась слишком дорого, мы потеряли много кораблей, погибло большое число воинов-профессионалов. Требовалось время для того, чтобы собрать новый флот, обучить людей.

Поэтому небольшие быстроходные звездные корабли, и среди них «Роджер Янг», старались быть сразу везде, держать противника в напряжении, нанося удар и тут же убегая. Мы несли потери, и каждый раз, прибывая на Санктор, требовали новых капсул, новых людей. Я продолжал дрожать перед каждым выбросом, хотя по-настоящему боевых операций проводилось не так уж много и на поверхности занятой противником планеты мы находились, как правило, недолго. Зато между выбросами тянулись дни нормальной жизни на корабле в компании «сорвиголов».

Быть может, это был самый счастливый период в моей жизни (только я, конечно, тогда этого не знал). Жил, как все, и, как все, радовался, что жив.

Мы были счастливы, пока не погиб наш лейтенант.

Тот период вспоминается мне как худший в моей жизни. У меня была тяжелая депрессия: моя мама находилась в Буэнос-Айресе, когда баги до основания разрушили его.

Я узнал об этом, когда мы в очередной раз прибыли на Санктор за новыми капсулами. Там нас и догнала почта. Мне вручили письмо от тетки Элеоноры. Судя по всему, она забыла указать, что письмо срочное, и послание шло очень долго. Письмо было коротким и сумбурным. В смерти мамы тетка, кажется, обвиняла меня: то ли я был виноват, потому что служил в армии, но не смог защитить Землю от врагов; то ли мама поехала в Буэнос-Айрес только потому, что меня не было дома. Не знаю. Так или иначе, тетка во всем обвиняла меня.

Я порвал письмо и некоторое время бесцельно бродил по знакомым отсекам корабля. Я был уверен, что погибли и мама и отец — ведь он никогда не отпускал ее одну путешествовать. Тетка не писала об отце; но она вообще никогда не удостаивала его своим вниманием. Всю душевную привязанность она отдавала сестре. Потом я узнал, что был недалеко от истины: отец хотел ехать с мамой, но задержался из-за срочных дел. Он планировал выехать вслед через день. Но тетка Элеонора ничего мне об этом тогда не написала.

Через два часа меня вызвал лейтенант. Он с необычной мягкостью спросил, не хочу ли я остаться на Санкторе, пока «Роджер Янг» отправится в очередной патрульный рейс. Он сказал, что у меня накопилось довольно много выходных, и я могу использовать их. Не знаю, откуда ему стало известно о моем несчастье. Я отказался и поблагодарил. Мол, спасибо, сэр, но я предпочитаю отдохнуть вместе со всеми ребятами.

Теперь я радуюсь, что поступил именно так. Потому что если бы я остался, то не был бы там, где лейтенант получил свое. И это мучило бы меня потом всю жизнь... А случилось все очень быстро, прямо перед отлетом с планеты противника. Одного из парней в третьей группе ранило — не сильно, но он не мог двигаться. Помощник командира группы помчался к нему, но сам был ранен. Лейтенант, конечно, сразу все засек и двинулся к ним: у него были данные, что они оба живы, а значит, он не мог поступить иначе. Лейтенант привел их в чувство и потащил обоих к шлюпке.

Он действительно буквально тащил их последние двадцать футов, а потом влихнул в шлюпку. Все были на борту, щита вокруг шлюпки не оказалось, и в это самое мгновение противник нанес удар. Он умер сразу, в ту же секунду.

Я не упомянул имен тех ребят — рядового и помощника командира группы не случайно. Лейтенант поспешил бы к любому из нас, и неважно, какое у тебя было звание. В такие моменты для него не было рядовых, а он переставал быть для нас лейтенантом. Мы это остро почувствовали тогда: от нас ушел глава семьи. Семьи, которой он дал фамилию, отец, без которого мы никогда бы не стали такими, какие мы есть.

После того, как погиб лейтенант, капитан Деладрие пригласила сержанта Джелала обедать с ними, то есть с начальниками всех служб корабля. Джелли долго извинялся, но не пошел. Вы когда-нибудь видели вдову с упрямым и твердым характером, которая старается сохранить семью, делая вид, что глава этой семьи просто вышел и скоро должен вернуться? Именно так вел себя Джелли. Он стал строже, а его обычное «лейтенанту это не понравится» действовало теперь на нас, как удар плетки. Правда, Джелли старался произносить эту фразу как можно реже.

Джелли почти не делал перестановок в отряде. Только помощника командира второго отделения поставил на пост отрядного сержанта, а меня из помощников командира группы произвел в капралы, чтобы я мог выполнять обязанности помощника командира отделения. Сам же он, как я уже говорил, вел себя так, словно, как обычно, лишь выполняет приказания отлучившегося лейтенанта.

Может быть, именно это нас и спасало.

10

*Мне нечего вам предложить, кроме крови,
тяжелого труда, слез и пота.*

У. Черчилль, солдат и государственный деятель XX века

Мы вернулись на корабль из рейда против скиннов — рейда, который оказался последним для Диззи Флореса. Сержант Джелал первый раз командовал нами как командир отряда. Наверное, поэтому один из корабельных артиллеристов, который нас встречал, спросил меня:

— Ну, как все прошло?

— Нормально. Как всегда, — ответил я коротко.

Вполне возможно, что он задал вопрос из дружеских чувств. Но мне было не до разговоров, слишком противоречивые чувства одолевали: тоска по погибшему Диззи, глупая гордость, что мне так хорошо удалось подобрать раненого, и в то же время стыд, что все усилия ни к чему не привели и Диззи больше никогда не будет с нами. Но глубоко шевелилось уже знакомое чувство, которому каждый раз стараешься не дать воли — радость, что снова на корабле, что жив, можешь двигать руками и ногами, что вернулся целым и невредимым. А кроме того, как можно рассказать о десанте человеку, не участвовавшему ни в одном боевом выбросе?

— Да? — отозвался этот парень. — Вы не так уж плохо устроились, ребята. Тридцать дней балдежа, тридцать минут работы.

— Ага, — согласился я и повернулся, чтобы уйти. — Некоторые из нас просто в рубашке родились.

И все же в словах флотского было много правды. Наверное, мы, современные десантники, напоминали летчиков давних войн: долгие, запол-

ненные ежедневным трудом военные будни и всего несколько часов реального боя с врагом в небе. А остальное — обучение, подготовка к вылету, вылет, прилет, отдых, опять подготовка к следующему вылету и учеба, учеба каждый день.

Следующий выброс мы совершили только через три недели — на другую планету, вращающуюся возле другой звезды. Колония багов. Даже пространство Черенкова не делает звезды ближе, чем они есть.

За это время я получил капральские нашивки. Назначение утвердили Джелли и капитан Деладрие. Теоретически я не считался капралом, пока наверху, в штабе, меня не переводили на имеющуюся вакантную должность. Однако всем было ясно, что вакантных мест всегда больше, чем живых людей, готовых их заполнить. Я стал капралом с того момента, как Джелли сказал мне, что я капрал. А все остальное было пустой формальностью.

Но, с другой стороны, этот флотский был не прав, когда говорил о безделье и балдеже. В наши обязанности входили проверка, ремонт, обслуживание пятидесяти трех скафандров, не говоря о вооружении и специальной амуниции. От этой работы зависела наша жизнь. Изредка Миглаччио после очередного выброса и проверки разводил руками, показывая, что тому или иному скафандру уже ничем не поможешь. Если Джелли подтверждал его заключение, скафандр передавался корабельному оружейнику лейтенанту Фарлею. Если и он считал, что не хватит средств для починки, с базы запрашивали новый скафандр, который после доставки нужно было приводить из «холодного» состояния в «горячее». Этот процесс отнимал больше суток, не говоря уже о том, сколько времени уходило на обкатку скафандра у его хозяина.

Но мы были не прочь и развлечься. Между экипажами кораблей почти все время шли соревнования. У нас, например, был лучший в округе, то есть на расстоянии нескольких кубических световых лет, джаз. А после удивительного спасения, когда всех нас выручило только исключительное мастерство капитана, наш лучший механик Арчи Кэмпбелл смастерил точную копию «Роджера Янга», и все на ней расписались (Арчи выгравировал подписи на металлопластике модели), а на специальной табличке было выведено: «Первоклассному пилоту Иветте Деладрие с благодарностью от «Сорвиголов Расжака».

Потом мы пригласили ее к себе на ужин, и все время, пока праздновали, играла наша джаз-банда. В конце ужина самый молодой из наших рядовых подарил капитану копию корабля. На глазах у Деладрие показались слезы, и она поцеловала счастливчика, а потом и Джелли, который так покраснел, что все покатились со смеху.

После того как на моей форме официально стали красоваться капральские нашивки, я понял, что нужно окончательно выяснить отношения с Эйсом. Джелли хотел, чтобы я выполнял обязанности помощника командира отделения, а мне казалось, что это слишком. Когда шагаешь через ступеньку, всегда возникают сложности.

Мне нужно было сначала показать себя командиром группы, а потом уже лезть наверх. Я знал, что Джелли тоже все прекрасно понимает, но его главной заботой было сохранить иерархию отряда как можно ближе к той, что была при лейтенанте. Поэтому он не тронул никого из командиров отделений и групп.

Мне же предстояло решать свои проблемы. Все три командира групп были капралами, они получили это звание раньше меня, их авторитет был выше. Но если в следующем десанте сержант Джонсон получит свое, мы потеряем не только прекрасного повара, но и командира отделения, а мне придется управлять всем отделением — несколькими группами. В бою, когда я буду отдавать приказы, ни у кого не должно возникать ни тени сомнения. Поэтому все сомнения нужно было развеять сейчас, до того, как прозвучит сигнал к выбросу.

Главная проблема была с Эйсом. Из всех трех командиров отделений он был самым старым, опытным и уважаемым. Если меня примет Эйс, проблем с другими группами не возникнет.

Казалось, отношения у нас неплохие, по крайней мере, пока мы находились на борту корабля. В последнем десанте вместе спасали Флореса, и я надеялся, что это должно на него повлиять. Но он оставался по-прежнему подчеркнуто вежливым.

На корабле столкновений между нами не происходило, но ведь и причин для них здесь не было: по своим обязанностям мы не сталкивались, разве что на караульной службе. Но я все же чувствовал: он относился ко мне не так, как к человеку, приказ которого был готов беспрекословно выполнить.

Поэтому однажды, когда наступило время отдыха, я отправился к нему. Он валялся на койке и читал «Космические рейнджеры против Галактики». Неплохая вещичка, единственное, что меня в ней удивляло, как может военное подразделение выдерживать столько нелепых приключений и столько развлечений одновременно. Книжку он, конечно, взял в библиотеке корабля.

— Я к тебе пришел, Эйс.

Он поднял глаза:

— Да? Но я сейчас не принимаю. У меня отдых.

— Мне нужно поговорить с тобой сейчас.

— С чего такая спешка? Я хочу дочитать главу.

— Ну потом прочтешь, Эйс. Если тебе не терпится, могу рассказать, чем там дело кончилось.

— Попробуй только. — Но он отложил книгу, сел и уставился на меня.

Я помолчал, а потом сказал:

— Эйс, я насчет организации командования в нашем отделении, Ты старше меня, опытнее. Ты должен быть заместителем командира.

— Э, ты опять об этом!

— Ага. Я думаю, что нам надо вместе пойти к Джонсону и сказать, чтобы он поговорил с Джелли.

— Ты так думаешь?

— Да.. Так будет справедливо.

— Неужели? Давай-ка, малыш, я скажу тебе прямо. Я ничего против тебя не имею. Кстати, ты был на высоте, когда нужно было спасти Диззи. Упрекнуть тебя не в чем. Но вот что: если ты хочешь иметь свою группу, достань ее где-нибудь. А на мою нечего глазеть. Хм, мои ребята для тебя даже картошки не почистят.

— Это твое последнее слово?

— Это мое первое, последнее и единственное слово.

Я вздохнул.

— Что ж, я так и думал. Но хотел удостовериться. По крайней мере теперь все ясно. Но есть еще одно дело, Я сейчас шел и случайно заметил, что в ванной комнате не убрано... я подумал, что, может быть, нам нужно наведаться туда. Так что брось свою книжку... Как говорит Джелли, у сержанта нет часов отдыха.

Какое-то мгновение он сидел, не двигаясь. Потом сказал тихо:

— Ты уверен, что это необходимо, малыш? Ведь я уже сказал, что ничего против тебя не имею.

— И все же...

— А ты уверен в своих силах?

— Буду стараться.

— Ладно. Пошли.

Мы пошли в ванную комнату, выгнали оттуда салагу, который соби-
рался было принять душ, и заперли дверь. Эйс сказал:

— Какие ограничения, малыш?

— Э-э... лично я не собираюсь тебя убивать.

— Принято. И давай без сломанных костей и прочей ерунды, которая может помешать участвовать в следующем десанте. Разве что случайно что-то случится... Подходит?

— Подходит, — согласился я. — Постой-ка, хочу снять рубашку.

— Не хочешь пачкать рубашечку кровью. — Он слегка расслабился.

Я начал снимать рубашку, когда он нанес удар, целясь в коленную чашечку. Спокойно, без напряжения, как профессионал.

Но моей ноги там, куда он метил, не оказалось. Новичком я уже не был.

Настоящий бой обычно длится считанные секунды — этого времени вполне достаточно, чтобы убить человека или просто вывести его из строя. Но мы договорились избегать сильнодействующих средств, и это многое меняло. Мы оба были молоды, находились в хорошей форме. Оба прошли соответствующую подготовку и привыкли терпеть боль. Эйс был крупнее, я, пожалуй, чуть быстрее. В таких условиях все дело сводилось, по сути, к ожиданию, кто быстрее устанет, у кого не хватит выносливости. Если, конечно, одному из нас не поможет случай.

Но в нашей схватке места для случайности не оставалось. Мы были профессионалами, а профессионалам свойственна осторожность.

Время то останавливалось и тянулось скучно и утомительно, то несло скачками и наполнялось болью. Подробности борьбы, думаю, описывать незачем — в них было мало оригинальности. Кроме того, у меня не было времени для подробных записей.

Потом я лежал на спине, а Эйс поливал мне лицо водой. Он посмотрел на меня, рывком приподнял, поставил на ноги и, прислонив к переборке, сказал:

— Ударь меня!

— А? — Мне показалось, что я не расслышал из-за шума в голове.

— Джонни... ударь.

Его лицо плавало в воздухе прямо передо мной. Я постарался сконцентрироваться и ударил, вложив в удар всю оставшуюся силу и вес моего едва стоящего на ногах тела. Наверное, моего удара хватило бы, чтобы убить комара, у которого были давние нелады со здоровьем. Однако его глаза закрылись и он шлепнулся на пол, а мне пришлось уцепиться за переборку, чтобы не последовать за ним.

Вскоре он потряс головой и медленно встал.

— О'кей, Джонни, — сказал он, продолжая трясти головой. — Считаю, что урок ты мне преподал. Больше никакого занудства от меня не услышишь... и от моих ребят тоже. О'кей?

Я кивнул, и голову мою пронзила боль.

— Руку? — сказал он.

Мы пожали друг другу руки, хотя это тоже оказалось болезненной процедурой.

Наверное, любой другой гражданин Федерации знал тогда о ходе военных действий больше нас, хотя мы и находились в самой их гуще. Это был тот самый период, который баги с помощью скиннов определили расположение Земли, напали на нее, разрушив Буэнос-Айрес и превратив «патрульные столкновения» в настоящую войну. А мы тогда еще не создали мощную боевую силу, скинны еще не перешли на нашу сторону и не стали нашими союзниками. Более или менее эффективную защиту Земли начали выстраивать, опираясь на Луну, однако по большому счету Земная Федерация тогда проигрывала войну.

Мы же находились в неведении. Не знали, например, что используются любые средства для того, чтобы развалить направленный против нас альянс и переманить скиннов на нашу сторону. Кое-какие выводы можно было делать только на основании инструкций, выданных нам перед тем рейдом, в котором погиб Флорес. Нам приказали не слишком давить на скиннов, разрушать как можно больше строений, но туземцев убивать лишь при крайней необходимости.

Секреты, которых человек не знает, он никогда не сможет выдать, попав в плен. Никакие препараты, пытки, промывания мозгов, бесконечные недосыпания не дадут результатов, если человек ничего не знает. Из этих соображений нам, вероятно, и давали только минимум необходимых сведений.

В далеком прошлом армии сдавались или терпели поражение потому, что их солдаты не знали, за что сражаются и почему. В результате они теряли волю к победе и переставали драться. Но в Мобильной Пехоте такого никогда не происходило. Каждый из нас с самого начала был добровольцем. Причины могли быть разными, романтическими или прагматическими, но дело обстояло именно так. Все мы дрались только потому, что были Мобильной Пехотой, профессионалами — со своими традициями и кодексом чести. А наш отряд звался «Сорвиголовами Расжака» и считался лучшим во всей пехоте. Мы садились в свои капсулы, потому что Джелли говорил нам: пришло время, пора. И мы спускались вниз, и сражались там, как никто, потому что именно это является профессией «Сорвиголов Расжака».

А о том, что мы проигрываем войну, никто из нас действительно не знал.

Баги откладывают яйца. Причем откладывают так много, что делают запасы, а запасные яйца реактивируют по мере надобности. Если же убит один их солдат — или тысяча, или десять тысяч — то не успеваем мы еще вернуться на базу, а на их место лезет столько же новых. При желании можно представить, как баг-начальник звонит в специальное подземное хранилище и говорит:

— Джо, подогрей, пожалуйста, тысяч десять рядовых и приготовь их к среде. И скажи инженерам, чтобы подготовили инкубаторы Н, О, П, Р. Они, наверное, тоже скоро понадобятся.

Не уверен, что все у них происходит именно так, но от результатов подобной биологической организации никуда не денешься. К тому же не надо думать, что баги действуют только в соответствии с инстинктом, как термиты или муравьи. Их поступки требуют такого же уровня интеллекта, как и наши. Не говоря уже о том, что муравьи никогда бы не смогли построить звездолеты. А в координации действий, как я уже говорил, баги нас даже превосходят. Примерно год обучают рядового землянина драться не просто в одиночку, а в команде, вместе со своими товарищами. У багов солдаты вылупляются из яиц готовыми к бою.

Каждый раз, когда мы уничтожали тысячу багов ценой гибели одного десантника, они могли праздновать победу. Нам приходилось на собственной шкуре узнавать, насколько эффективным может быть тоталитарный коммунизм, когда он используется существами, приспособленными к нему эволюцией. Военачальники багов заботились о жизни своих солдат не больше, чем мы о сохранности боеприпасов.

Но трудные уроки войны нас все же многому научили. Из каждого боя выносились крупницы ценного опыта. Этот опыт накапливали, обобщали, чтобы затем в виде инструкций и доктрин распространять его по всему Флоту. Мы научились отличать рабочих от солдат. Если не надо было спешить, мы опознавали бага по форме панциря. Для сложных ситуаций существовало совсем простое правило: если баг бежит на тебя, то это солдат, если пытается скрыться — можно повернуться

к нему спиной. Мы даже научились не тратить особо боеприпасы на багов-солдат, разве что только для самозащиты. Теперь нас больше интересовали их норы. Находишь дыру и бросаешь туда сначала специальную газовую бомбу. Бомба тихо взрывается через несколько секунд, выпуская гадкую маслянистую жидкость, которая, в свою очередь, превращается в нервно-паралитический газ, смертельный для багов и безвредный для нас. А так как газ этот тяжелее атмосферы, то сам начинает ползти все дальше в глубь норы. Остается только небольшой гранатой завалить вход в подземный туннель.

Нам, правда, до сих пор неизвестно, достаточно ли глубоко проникает газ для того, чтобы убить их королеву, но то, что баги стали весьма болезненно реагировать на новую тактику, — это точно. Разведка через скин-нов получала довольно определенные сведения на этот счет. К тому же с помощью нового метода мы успели очистить от багов целую планету — их бывшую колонию Шэол. Хотя и там ни королев, ни представителей касты интеллектуалов мы так и не обнаружили. Наверное, их эвакуировали в первую очередь.

Так или иначе, мы учились и наносили багам все более ощутимые удары. Что касается «сорвиголов», то газовые бомбы были для нас лишь новым видом оружия, который нужно применять в точном соответствии с инструкцией.

Время от времени мы вынуждены были возвращаться на Санктор за новой партией капсул. Капсулы расходовались очень быстро, и, когда они кончались, волей-неволей приходилось возвращаться на базу, даже если горючего еще хватало на то, чтобы два раза облететь вокруг галактики. Как раз перед очередным возвращением на базу пришло официальное уведомление, что Джелли утвержден на должность лейтенанта вместо Расжака. Джелли поначалу старался сохранить это в тайне, но капитан Деладрие приказала оповестить весь личный состав и потребовала, чтобы Джелли ел вместе с остальными офицерами. Он подчинился, однако все остальное время проводил с нами.

К тому времени мы уже совершили несколько выбросов во главе с ним и начинали постепенно привыкать к мысли об отсутствии лейтенанта. Рана еще саднила, но уже начинала затягиваться. После назначения Джелли, ребята все чаще стали поговаривать о том, чтобы сменить имя и назвать себя по имени командира, как делают все другие десантные части.

Джонсон был самым старшим, его и уполномочили пойти к Джелли. Для моральной поддержки он взял меня.

— Что такое? — зевнул Джелли.

— Гм, сержант... то есть я хотел сказать лейтенант... мы тут подумали...

— Ну в чем дело?

— Э-э... ребята уже поговорили между собой.. в общем, они хотят, чтобы мы назывались «Ягуары Джелли».

— Правда? И сколько ребят высказалось за эту идею?

— Да все говорят, — сказал Джонсон.

— Да? Значит, пятьдесят два за... и один против. Тому, кто против, придется уступить.

Дело было решено, и больше этот вопрос мы не поднимали.

Скоро мы прибыли на Санктор. Я радовался, потому что из-за неполадок псевдогравитационное поле корабля уже два дня было отключено, и главный инженер, пользуясь случаем, решил провести ремонт. Так что нам устроили невесомость, которую я ненавижу. Нет, я никогда не был настоящим «космическим волком». Мне нравится чувствовать землю под ногами.

На базе нас разместили в казармах и дали всему отряду десять дней отдыха.

Я не знал, где расположен Санктор, какой номер в каталоге у его звезды. Как уже говорилось, чего не знаешь, того не разгласишь. Координаты баз относились к категории «совершенно секретно» и были известны только капитанам кораблей и некоторым пилотам-офицерам. Насколько я знал, каждый из них в соответствии с приказом (подкрепленным гипновнушением) обязан был покончить с собой в случае захвата противником. Понятное дело, мне никогда и не хотелось узнавать эти опасные координаты. Существовала теоретическая возможность того, что база на Луне может быть захвачена противником, а Земля оккупирована, и потому Федерация старалась как можно больше сил держать на Санкторе. Тогда катастрофа с Землей и Луной не означала бы полной капитуляции.

Ну да бог с ними, с координатами. Зато я могу рассказать, что это за планета. Санктор удивительно похож на Землю, только по сравнению с ней он напоминает умственно и физически отсталого ребенка. Ему требуется, к примеру, десять лет, чтобы научиться махать ладошкой в ответ на «до свидания», а уж делать из песка «куличики» он не научится никогда. Санктор похож на нашу Землю, насколько вообще могут быть похожи две планеты. Ученые утверждают, что у них одинаковый возраст и что звезда Санктор ровесница нашего Солнца.

Здесь пышные флора и фауна и такая же, как на Земле, атмосфера. Даже погода почти такая же. Но что уж совсем невероятно — у Санктора такая же крупная Луна, как у Земли.

Но несмотря на свои прекрасные данные, Санктор дальше старта практически не продвинулся. Дело в том, что там нет условий для мутаций. Вот чем он отличается от Земли — низким уровнем естественной радиации.

Самая высшая форма растительной эволюции здесь — гигантский папоротник. Из животных организмов самый высокоразвитый вид — протогасекомые, которые даже не умеют создавать колонии. На этом жалком фоне переведенные на Санктор земные животные и растения расцвели пышным цветом и расплодились, совсем забив местную флору и фауну.

Из-за отсутствия необходимого уровня радиации и как следствие отсутствия мутаций темпы развития жизни на Санкторе равнялись нулю. У жизни почти не было шансов на эволюцию, и ее формы не были приспособлены к борьбе, конкуренции.

Генотип живых существ на протяжении целых эпох практически не изменялся, жизнь не обладала способностью к адаптации, вынужденная год за годом и век за веком разыгрывать одну и ту же партию без всякой надежды на то, что когда-нибудь придут козыри.

Пока все эти доходяжки соперничали между собой, все шло нормально. Но когда на Санктор попали формы жизни, являющиеся результатом длительной эволюции и жесткого естественного отбора, местные флора и фауна сдали планету без боя. Все, о чем я рассказываю, похоже на школьную лекцию по биологии... Но один из высоколобых, с которым я разговаривал на исследовательской станции, задал мне вопрос, до которого я сам никогда бы не додумался:

— А как насчет людей, приехавших колонизировать Санктор?

Он спрашивал не о транзитных пассажирах, вроде меня, а о колонистах, живущих на планете, родивших здесь детей. Как же насчет их потомков? Казалось бы, отсутствие естественной космической радиации не приносит вреда. Наоборот, это даже полезно: здесь почти нет случаев заболеваний лейкемией и раком. Да и с экономической точки зрения сплошной рай: если, например, колонистам приходит в голову засеять поле пшеницей (конечно, завезенной с Земли), то они могут не беспокоиться о вредителях или сорняках. Земная пшеничка напрочь вытеснит хилых местных конкурентов.

Но вся штука в том, что потомки колонистов не смогут развиваться как вид «гомо сапиенс», у них не будет шанса на эволюцию. Ученый тип, с которым я разговаривал, объяснил, что санкторская раса, конечно, сможет немного улучшиться за счет притока свежей крови иммигрантов или путем перетасовки уже имеющихся генотипов. Но эти факторы дадут очень низкий темп эволюции — гораздо ниже, чем на Земле или другой планете земного типа.

И что же получится? Неужели они застынут на одном уровне, останутся навсегда такими же, пока вся человеческая раса будет двигаться вперед, изменяться? Неужели жители Санктора со временем станут живыми ископаемыми?

Или же будут заботиться о судьбе своих потомков, устраивая регулярные облучения жителей планеты? Или будут взрывать ядерные заряды, чтобы повысить радиационный уровень на планете (при этом, безусловно, подвергая себя опасности разных заболеваний)?

Мой новый знакомый предрекал, что никто ничего делать не будет. Представители нашей расы, говорил он, слишком эгоистичны и замкнуты на себе, чтобы думать о каких-то будущих поколениях. А уж о такой вещи, как отсутствие никому не видимой радиации, об этом люди вообще не способны беспокоиться. К тому же опасность действительно грозит колонистам только в далеком будущем. Даже на Земле эволюция происходит так невероятно медленно, что развитие новых качеств у человека — дело многих, многих тысячелетий.

Не берусь судить. Да и как, черт побери, я могу решать за других, если не знаю даже, что буду через неделю делать сам. Но в одном я

уверен: Санктор уже в недалеком будущем заселят под завязку — или мы, или баги. Или еще кто. Санктор — осуществленная утопия, и если учесть, что в этой части галактики вообще мало годных для проживания планет, то можно не сомневаться, что данное небесное тело не останется царством папоротников.

А сейчас здесь просто чудесно, многим нашим нравится отдыхать на Санкторе даже больше, чем на Земле. Быть может, мы чувствуем себя несколько свободнее, чем на родимой планете, из-за отношения к нам местного гражданского населения. Отношение хорошее не только потому, что идет война. Больше половины штатских тут работает на базе или в военной промышленности. Остальные занимаются сельским хозяйством и продают продукты Флоту. Вы можете сказать, что они прямо заинтересованы в войне, но какая бы ни была причина, к людям в форме здесь отношение особое. Если пехотинец вваливается в какую-нибудь лавчонку, ее хозяин обращается к нему «сэр», и в его голосе слышится подлинное уважение (пусть даже он втайне мечтает продать ему дребедень за баснословные деньги).

Но это только одна из прелестей Санктора. Вторая заключается в том, что половину местного населения составляют... женщины.

Чтобы по-настоящему оценить эту достопримечательность Санктора, вам нужно долгое время колесить по галактике, выходя из корабля только в боевой десант. Нужно дойти до того, чтобы как счастья ожидать караульной службы и часами неподвижно стоять у рубки управления, ловя даже слабый намек на женский голос. Может, на более крупных кораблях с этим полегче... я ведь говорю о «Роджере Янге». Удивительно приятно чувствовать, что то, ради чего ты, собственно, и идешь в бой, реально существует, а не является продуктом твоего воображения.

Добавлю, что процентов сорок всех санкторских женщин работало в организациях Федеральной Службы. Кто после этого посмеет утверждать, что Санктор — не самое лучшее место для отдыха Мобильной Пехоты?

А ведь помимо «естественных» преимуществ, немалые усилия прилагаются для того, чтобы ребята в форме на Санкторе не скучали. Иногда кажется, что у большинства санкторцев две работы, и синие круги под глазами говорят о том, что свои ночи они тратят в основном на то, чтобы доставить нам удовольствие. Черчилль-роуд, идущая от базы к городу, сплошь застроена заведениями, специально рассчитанными на то, чтобы безболезненно и незаметно освобождать человека от сбережений, которые на самом деле ему не очень-то и нужны. Сам процесс расставания с деньгами обставлен замечательно — все происходит весело, легко и под соответствующую музыку.

Если же удастся миновать все стоящие вдоль дороги ловушки и капканы и сохранить немножко денег, то уж в городе все равно никуда не деться — столько там способов облегчить бумажник.

И вся планета, и город Эспирито Санто настолько поразили меня и запали в душу, что я стал носиться с идеей остаться здесь после окончания

службы. Как и полагается представителю эгоцентричной человеческой расы, я совершенно равнодушно относился к тому, что станет с моими потомками через двадцать пять тысяч лет. Этому профессору с исследовательской станции не удалось меня запугать. По крайней мере, когда я бродил по городу, меня не покидала мысль, что человечество переживает здесь пик своего развития.

Итак, возможностей для активного отдыха было хоть отбавляй. На «Роджере», например, любили вспоминать, как однажды в забегаловке «сорви-головы» ввязались в дружескую дискуссию с компанией флотских (с другого корабля, разумеется), сидевшей за соседним столом. Дебаты проходили на высоких тонах и в непринужденной обстановке. В определенном омент, правда, стало немного шумно, так что примчавшейся с базы полиции пришлось прервать беседу и даже немного пострелять в воздух. Неприятных последствий, во всяком случае для нас, не было, кроме необходимости уплатить за сломанную мебель. Комендант базы резонно полагал, что десантникам должна предоставляться определенная степень свободы. Определенная, конечно.

Казармы, в которых мы обитали, были вполне комфортабельными, и кормили там на убой. Никаких правил внутреннего распорядка практически не существовало — можно было вообще туда не приходить. Я, тем не менее, всегда возвращался: казалось глупым тратить на отели, когда в твоём распоряжении уютное чистое жилье и возможность потратить свои деньги с гораздо большим толком.

Мы жили не хуже, чем в отеле. У нас с Эйсом был номер на двоих на «сержантском» этаже. Однажды утром, видимо после ночи активного отдыха, Эйс пытался меня растолкать.

— Подъем, солдат! Нас атакуют баги!

Я сказал ему, что нужно сделать с этими багами.

— Давай, давай, поднимайся, — настаивал он.

— Мне все равно нечего делать. Я пуст, — пробормотал я.

Как раз накануне вечером я познакомился со специалистом по химии (женщиной, естественно, и привлекательной) с исследовательской станции. Они работали вместе с Карлом на Плутоне, и Карл в письме просил найти ее, когда буду на Санкторе. У специалиста была стройная фигура, ослепительно рыжие волосы и весьма дорогостоящие привычки. Несомненно, Карл наговорил ей, что у меня на отдыхе должна быть при себе сумма, слишком обременительная для одного человека. Из чего она уже сама сделала вывод, что всю ночь может купаться в местном шампанском. Я не стал подводить Карла, скрыл, что у меня на руках лишь скромный гонорар десантника, и всю ночь поил ее шампанским. Сам же я пил то, что они здесь называют «ананасовым крюшоном» (хотя даже следов ананаса ни в одном бокале не нашел). В результате после всех хождений по барам я вынужден был идти домой пешком — денег на такси уже не осталось. Но я был доволен. В конце концов, для чего вообще существуют деньги? Я говорю о деньгах, заработанных на войне с багами, конечно.

— Не дури, — сказал Эйс. — Так и быть — угощаю. Мне как раз везло этой ночью. Ободрал одного флотского, как липку.

Короче, пришлось встать, побриться и принять душ. Потом мы спустились вниз и набрали в столовой всякой всячины — от яиц и картошки до джема и замысловатых пирожных. Выйдя, мы оба почувствовали, что после такого количества пищи не сможем одолеть Черчилль-роуд. Поэтому завалились в первый попавшийся бар. Я и здесь сделал попытку найти крющон из настоящих ананасов и опять потерпел неудачу. Крющон был насквозь поддельным, зато холодным. Видно, никогда в жизни не удастся получить все сразу.

Мы лениво болтали о том о сем, Эйс заказал по второму кругу. Я попробовал его крющон из земляники — то же самое. Эйс молча разглядывал свой стакан, потом вдруг спросил:

— Когда-нибудь думал о том, чтобы стать офицером?

— Чего? Ты спятил, — сказал я.

— Вовсе нет. Погляди сам, Джонни, этой войне не видно конца. Неважно, что твердят пропагандисты, успокаивая штатских. Мы-то с тобой видим, что баги просто так не утихнут. Так почему бы не попытаться спланировать свое будущее, посмотреть вперед? Знаешь, как шутят? Если ты решил играть в оркестре, то лучше махать дирижерской палочкой, чем стучать в большой барабан.

Беседа приняла неожиданный оборот, я был смущен и не знал, что ему ответить. Такое предложение, да еще от Эйса... Я спросил первое, что пришло в голову:

— А ты сам? Почему бы тебе не попробовать?

— Мне? — переспросил он. — Опомнись, сынок, о чем ты говоришь. У меня нет твоего образования, и я на десять лет старше. А у тебя подходящий интеллектуальный индекс, и я уверен, что ты проскочишь экзамены в Кадетский корпус. Точно говорю — если пойдешь в профессионалы, станешь сержантом раньше меня. А через день станешь кадетом...

— Теперь я знаю — ты точно спятил!

— Послушай человека, который гонится тебе в отцы. Я не хотел говорить... ты в меру глупый, романтичный и честный человек. Будешь офицером, которого полюбят солдаты и за которым они пойдут. А что касается меня... что ж, я рожден быть сержантом. Я достаточно пессимистично смотрю на жизнь. Такие, как я, нужны, чтобы уравновешивать энтузиазм таких, как ты. Что меня ждет? Ну, стану когда-нибудь сержантом... потом пройдет двадцать лет службы — уволюсь. Пойду на подходящую работенку — может быть, полицейским. Женюсь на простой хорошей женщине с такими же простыми вкусами, как и у меня. Буду болеть за какую-нибудь спортивную команду, ловить рыбу, а придет время — спокойно отойду в мир иной.

Эйс умолк и отхлебнул из стакана.

— А ты, — продолжил он, — будешь воевать, дослужишься до больших чинов и геройски погибнешь. А я прочту о твоей гибели и гордо скажу:

«Я знал этого человека, когда...» Нет, я скажу, что часто одалживал тебе деньги — мы оба были капралами... Правда, здорово?..

— Я никогда не думал об этом, — медленно сказал я. — Хотел только отслужить срок.

Он усмехнулся:

— О каком сроке ты говоришь! Ты слышал, чтобы кого-нибудь сейчас увольняли? Война идет, а ты все твердишь о двухлетнем сроке!

Он был прав. Пока идет такая страшная война, говорить о сроках службы бессмысленно. По крайней мере, нам. Я подумал, что сейчас разговор о сроке службы — это показатель отношения к ней. Тот, кто думает о «двух годах», знает, что рано или поздно уйдет из армии. В глубине души он чувствует себя гостем Службы. Он может говорить: «Когда эта треклятая война кончится...» Профессионал никогда так не скажет. Для него увольнение через двадцать лет — конец самого важного этапа жизни. Быть может, для профессионала равноценны оба возможных исхода — увольнение и гибель в бою...

— Ну, может быть, и не два года, — признал я. — Но ведь война не может длиться вечно.

— Так уж и не может?

— А по-моему, она навечно?

— Господи, кабы я знал. Однако никто мне этих секретных данных не сообщает. Но ведь это не главное, что тебя тревожит, Джонни? У тебя есть девочка, которая тебя ждет?

— Нет. Вернее, была, — сказал я медленно. — Но, по-моему, она решила со мной «просто дружить».

Я приврал только потому, что Эйс ожидал услышать что-то в этом роде. Кармен не была моей девушкой, она вообще никому ничего не обещала. Но я изредка получал от нее письма, всегда начинавшиеся словами «Дорогой Джонни...».

Эйс понимающе кивнул.

— С ними всегда так. Они предпочитают штатских — наверное, тех легче пилить. Ничего, сынок. Когда уволишься, они набросятся на тебя, шагу не дадут ступить... Хотя тебе тогда уже будет не до них, ха-ха... Брак — это катастрофа для молодого и комфорт для старика.

Он посмотрел на мой стакан.

— Меня мутит, когда вижу, как ты пьешь такую дрянь.

— Мне тоже тошно, когда смотрю на твою землянику, — сказал я.

Он пожал плечами:

— О вкусах не спорят. Подумай все-таки над тем, что я сказал.

— Я подумаю.

Вскоре Эйс занялся своим излюбленным спортом — сел за карточный столик. Я одолжил у него денег и пошел прогуляться. Мне действительно захотелось все обдумать.

Стать профессионалом? Дело, конечно, не в том, что нужно будет снова учиться и сдавать экзамены... Хочу ли я связать всю свою жизнь с армией?

Я пошел на службу, чтобы получить гражданство, правильно? А если стану профессиональным военным, то буду снова так же далек от права голосовать и быть избранным, как и до начала службы. Потому что, пока носишь форму, у тебя нет права голосовать. Тут нечего спорить, так и должно быть. Я представил, как идиоты из Мобильной Пехоты собирают среди десантников голоса против очередной военной кампании.

Значит, я поступил на службу, чтобы потом иметь право голосовать. Так ли это?

Действительно ли меня так волновала мысль о будущих привилегиях? Мне так хотелось принимать участие в выборах? Нет, скорее прельщал сам статус гражданина Федерации. Я бы гордился...

Я вдруг понял, что до конца жизни так и не смогу разобраться, почему я пошел на Службу.

Если задуматься, то ведь не право голоса делает из человека гражданина. Наш лейтенант был гражданином в лучшем смысле этого слова, хотя ему ни разу так и не пришлось опускать бюллетень в урну для голосования. Но он каждый раз «голосовал», идя в десант.

Но ведь то же самое можно сказать про меня.

Тогда почему бы мне не пойти в профессионалы?

Ну хорошо, хорошо. Но ведь опять придется проходить через комиссию, сдавать экзамены. Я вспомнил Эйса и представил себя через двадцать лет — с нашивками на груди и теплыми домашними тапочками у дивана. Или вечером в Доме ветеранов — в компании боевых друзей, вспоминающих былые десанты.

Значит, все-таки Кадетский корпус? Теперь я услышал голос Эла Дженкинса: «Да, я рядовой! Никто не ждет от тебя ничего сногшибательного, если ты простой рядовой! Кому охота быть офицером? Или сержантом? Они дышат тем же самым воздухом, что и мы, не так ли? Едят ту же пищу. Ходят развлекаться в те же заведения, выбрасываются в тех же капсулах. Но рядовой при этом еще и ни за что ни отвечает. Никаких проблем...»

По-своему Эл тоже был прав. Что с того, что у меня на рукаве шевроны? Только лишние неприятности.

И в то же время я прекрасно понимал, что стану сержантом, если только предложат. Не смогу отказаться: среди десантников не принято отлынивать. Тебе дают задание, ты берешься за него — вот и все. Например, сдаешь экзамены.

Неужели это осуществимо? Думал ли я, что могу стать таким же, каким был наш лейтенант Расжак?

Я очнулся от своих раздумий и увидел, что нахожусь возле здания Кадетского корпуса. Странно, я ведь и не думал сюда приходить. На плацу сержант гонял группу кадет, и я сразу вспомнил лагерь Курье. Солнце припекало, и плац казался куда как менее заманчивым, чем кают-компания на «Роджере».

И без того взмокшие ребята перешли на рысь, сержант крикнул что-то грозное отстающим. Знакомое дело. Я тряхнул головой и пошел дальше.

Теперь ноги привели меня обратно к казарме. Я постучал с дверь номера, который единолично занимал Джелли.

Он был у себя: ноги на столе, в руках иллюстрированный журнал. Этот журнал поглощал все его внимание. Я опять постучал — по раскрытой двери. Он опустил журнал:

— Это ты?

— Серж.. я хотел сказать, лейтенант...

— Ближе к делу!

— Сэр, я хочу перейти на профессиональную службу.

Он опустил ноги со стола на пол.

— Подними правую руку.

Он привел меня к присяге, залез в один из ящиков стола и достал бумаги.

Бумаги, оказывается, были давно готовы, и он только ждал, когда я приду подписать.

11

Одна хорошая военная подготовка ни в коей мере не может служить основанием для производства в офицеры... офицер — это джентльмен, получивший либеральное образование, с аристократическими манерами и непоколебимым чувством собственного достоинства... Мне кажется, я достаточно дал понять, какая огромная ответственность на вас возлагается... Мы обязаны добиться победы теми средствами, которые имеются у нас в распоряжении.

Джон Пол Джонс, 14 сентября 1755 года. Из послания командованию флота повстанцев Северной Америки

Наш «Роджер» снова вернулся на базу за пополнением капсул. И людей. Эл Дженкинс получил свое, прикрывая отход раненых. Погиб и наш падре. Но, несмотря на это, я уходил из части. На мне красовались новенькие сержантские шевроны (вместо Миглаччио), но я знал, что точно такие же получит Эйс, как только я уйду с корабля. Производя меня в сержанты, Джелли придавал мне «дополнительное ускорение» для поступления в Кадетский корпус.

Но от себя я не мог скрыть, что глупо, как мальчишка, горжусь новыми шевронами. После прибытия на Санктор я вошел в двери космопорта,

задрал нос, и, не глядя, сунул чиновнику бумаги. Я стоял и ждал, пока таможенник примеривался, куда лучше поставить свой никчемный штамп — и в это время позади меня кто-то сказал:

— Извините, сержант. Это шляпка с «Роджера Янга»?

Я повернулся к говорившему, скользнул взглядом по его рукаву — небольшого роста, сутуловатый капрал, наверное, один из наших новых...

— Отец!

В следующее мгновение капрал уже сжимал меня в объятиях.

— Джонни! Джонни! Мой маленький Джонни!

Я обнял его, поцеловал и почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Представляю, как оторопели чиновники космопорта: сержант целуется с капралом. Потом мы отдышались, вытерли глаза и рассмотрели друг друга получше.

— Давай найдем уголок, сядем и спокойно поговорим, — сказал я...

— Я хочу знать... обо всем! — Я глубоко вздохнул. — Я был уверен, что ты погиб.

— Нет. Несколько раз был близок к этому, но обошлось. Но сынок... сержант. Ведь мне нужна шляпка с «Роджера Янга». Понимаешь...

— Ну, конечно, она с «Роджера». Я только...

Он страшно огорчился.

— Тогда мне нужно спешить. Прямо сейчас. Я должен доложить о прибытии. — Тут он снова заулыбался: — Но ведь ты скоро вернешься на корабль, Джонни? Или у тебя отпуск?

— Нет, папа. — Я стал быстро соображать, что делать. — Послушай, папа, я знаю расписание, у нас еще куча времени: эта шляпка уйдет только через час. Они будут заправляться, грузить почту, ждать ребят из увольнения...

Он колебался.

— Но у меня приказ сразу по прибытии доложить пилоту первой же шляпки с «Роджера Янга».

— Папа, папа! Ты все такой же пунктуальный. Девчонке, которая командует шляпкой, абсолютно все равно, когда ты объявишься — сейчас или перед самым стартом. Во всяком случае, за десять минут до отправления они объявят по радио свой причал и пригласят всех желающих. Не бойся, не опоздаешь.

Он позволил отвести себя к незанятой скамейке в углу зала ожидания. Когда мы устроились, он спросил:

— Ты полетишь на одной шляпке со мной или позже?

— Я... — Я не знал, что сказать, и просто показал ему свои бумаги.

Он прочел и опять прослезился, а я поспешил его успокоить:

— Послушай, отец! Я постараюсь в любом случае вернуться. Я хочу воевать со своими ребятами, мне никто не нужен, кроме «сорвиголов». А тем более теперь, когда и ты с нами... э-э... То есть я понимаю, тебе будет неловко... но...

— В этом нет ничего стыдного, Джонни.

— Да?

— Я буду только гордиться. Мой сын станет офицером. Мой маленький Джонни. Я долго ждал и подожду еще немного. — Он улыбнулся. — Ты вырос, сынок. И возмужал.

— Со стороны виднее. Но, отец, я ведь еще не офицер, и может так случиться, что всего через несколько дней вернусь обратно, к «сорвиголовам».

— Хватит об этом, Джонни.

— Ладно.

— Я уверен, что ты сделаешь все как надо. И не говори больше, что у тебя не получится. — Он вдруг улыбнулся. — Впервые в жизни командую сержантом. Да еще говорю ему, чтобы он заткнулся.

— Ладно, отец. Только знай, что я в любом случае постараюсь вернуться к «сорвиголовам». Единственное, что...

— Я понимаю. Твоя просьба ничего не будет значить, пока не будет вакансии. Не будем гадать. Если у нас в распоряжении всего час, давай используем его на полную катушку. Рассказывай о себе, Джонни.

— У меня все хорошо, — сказал я вроде бы ничего не значащую фразу, но тут же подумал, что мне действительно нравится моя жизнь. И еще я подумал, что это просто счастливый случай — отец попал к «сорвиголовам». Там мои друзья, и там ему будет лучше, чем где бы то ни было. Ребята позаботятся о нем, ограждая по мере сил от опасности. Надо послать телеграмму Эйсу. Отец такой человек, что не признается в нашем родстве...

— Отец, как долго ты уже на службе?

— Чуть больше года.

— И уже капрал!

Он погрустнел.

— Сейчас в Мобильной Пехоте люди быстро растут.

Я понял, что он вспоминает тех, кто погиб, и попытался отвлечь его от мрачных мыслей:

— Но тебе не кажется, что ты... ну как бы это сказать... ну, не очень подходишь по возрасту к тому, чтобы воевать в пехоте? Ведь можно служить на Флоте или заниматься математикой в отделе расчетов.

— Я хотел пойти в Мобильную Пехоту и добился своего! — сказал он гордо. — В конце концов, я не старше многих других капралов и сержантов. И вообще, сынок, тот факт, что я на двадцать два года старше тебя, вовсе не означает, что я должен кататься в инвалидной коляске. У возраста есть свои преимущества.

Я знал, о чем он говорит. Припомнил, как сержант Зим выдавал те самые «игрушечные» шевроны прежде всего тем, кто постарше. И с отцом наверняка обращались в лагере не так, как со мной. Его взяли на примету как потенциального капрала еще до того, как он вышел из лагеря: армия всегда испытывала недостаток в опытных, солидных сержантах и капралах. Я вдруг подумал, что один из главных принципов строения армии — патернализм.

Я не стал спрашивать, почему он захотел именно в Мобильную Пехоту. И почему получил назначение на мой корабль. Я просто почувствовал себя счастливым — таким, каким никогда не был даже в детстве, когда отец меня хвалил. И я не спрашивал, почему он пошел на службу. Мне казалось, что причину я уже знаю. Мама. Никто из нас не касался этой темы.

Я резко сменил тему разговора.

— Расскажи, как ты жил все это время. Где был и что делал.

— Так... обучался в лагере Сан Мартин...

— Вот как? Значит, не в Курье?

— Нет. Мартин — новый лагерь. Правда, порядки, насколько я понимаю, те же, что и в старых. Только срок обучения у нас был на два месяца короче обычного — не было выходных. После лагеря сразу попросился на «Роджер Янг», но не получилось. Попал на другой корабль, к «Волонтерам Макслоттера». Хорошие ребята.

— Да, я слышал.

— Вернее, они были хорошими. Я совершил несколько выбросов с ними, многие из них погибли, и вот теперь я здесь... — Он посмотрел на свои шевроны. — Я уже был капралом, когда мы выбросились на Шэол...

— Ты был там?! Но ведь я тоже! — Непривычное теплое чувство охватило меня: никогда в жизни я не был ближе к отцу, чем сейчас.

— Я знаю. То есть я знал, что ваш отряд был там. Мы дрались примерно в пятидесяти милях от вас. Может, и ближе. Мы приняли на себя, наверное, их основной удар. Они вдруг полезли из-под земли десятками, а может, и сотнями — нам казалось, что земля кипит...

Отец пожал плечами:

— Так я и остался капралом без отделения. Наши «волонтеры» понесли такие потери, что отряд решили пока не восстанавливать. А меня наконец послали сюда. Правда, была вакансия у «Королевских медведей», но я шепнул словечко офицеру-распределителю, и, представь себе, именно в этот момент пришло сообщение о вакансии на «Роджере Янге». Вот так все и случилось.

— А когда ты пошел на службу? — спросил я и тут же понял, что не следовало задавать этот вопрос. Но мне хотелось уйти от разговора о несчастных «Волонтерах Макслоттера» — я слишком хорошо знал, что такое была живой частицей погибшей команды.

Отец тихо сказал:

— Почти сразу после Буэнос-Айреса.

— Да. Я понимаю.

Отец несколько секунд молчал, потом сказал с необычной мягкой интонацией:

— Я не совсем уверен, что ты понимаешь, сынок.

— Что?

— Ммм... не так легко все объяснить. Конечно, гибель мамы сильно повлияла на мое решение. Но я пошел в армию не для того, чтобы отомстить за нее. Разве что отчасти. На меня больше повлиял ты.

— Я?

— Да, сынок. Ведь на самом деле я лучше твоей матери и даже лучше тебя самого понимал, зачем ты решил пойти на службу... Быть может, гнев мой был так силен от того, что ты совершил поступок, который должен был сделать я. Я это чувствовал, но тогда не смел признаться даже себе... Но и ты не был главной причиной того, что я пошел на службу. Ты... как бы это сказать... только нажал на взведенный курок. И помог выбрать род войск.

Он помолчал.

— После того как ты ушел, меня все чаще охватывала беспричинная тоска, я даже был на грани депрессии, так что пришлось обратиться к гипнотерапевту. Но врачи не помогали, и меня спасала только работа... Смерть мамы словно освободила меня, и я понял, как должен поступить. Дело я передал Моралесу.

— Старiku Моралесу? А он справится?

— Должен. У него нет другого выхода. Я передал ему изрядную долю акций. Остальные отложил для тебя — если когда-нибудь захочешь взяться за наше дело. Вот так... Короче, я наконец понял, в чем загвоздка.

Он снова помолчал и продолжил совсем тихо, будто шепотом:

— Мне нужно было доказать, что свою судьбу делаю я сам. Доказать себе, что я мужчина. Не производящее и потребляющее экономическое животное... а мужчина.

Мы оба замолчали, не зная, что сказать, и в этот момент запели громкоговорители космопорта:

— Славься, славься имя Роджера Янга!

Через секунду женский голос произнес:

— Личный состав корабля военного флота «Роджер Янг» может занять места в шлюпке. Причал Эйч. Девять минут.

Отец схватил сумку и вскочил на ноги.

— Это меня! Береги себя, сынок. И сдавай поскорей экзамены. Плохо сдашь — накажу и не посмотрю, что ты старше по званию.

— Я буду стараться, папа.

Он обнял меня.

— Когда вернемся на базу — увидимся!

И он убежал, как и полагается десантнику, — рысью.

В комендатуре я доложил о прибытии флотскому сержанту, удивительно похожему на сержанта Хо. У него тоже не было руки, но не было и улыбки, которая так шла Хо. Я сказал:

— Сержант Рико. Поступил в ваше распоряжение.

Он бросил взгляд на часы.

— Ваша шлюпка прибыла семьдесят три минуты назад. Так?

Я подтвердил. Он поджал губы и задумчиво посмотрел на меня. Я рассказал, как было дело. Он покачал головой.

— Мне казалось, что весь мыслимый реестр уважительных причин я уже знаю наизусть. Но вы вписали в него новую страницу. Ваш отец, ваш родной отец отправился на корабль, с которого вы только что уволились?

— Именно так, сержант. Вы можете проверить — капрал Эмилио Рико.

— Мы не занимаемся проверкой заявлений всех молодых джентльменов, которые к нам прибывают. Мы просто увольняем их, если выясняется, что они говорили неправду. О'кэй. Парень, который не рискнет опоздать ради того, чтобы повидаться со своим стариком, ни на что не годится. Так что забудем об этом.

— Спасибо, сержант. Должен ли я теперь доложить о прибытии коменданту?

— Считайте, что уже доложили. — Он сделал пометку в бумагах. — Вот ваши документы. Можете срезать шевроны, но не выбрасывайте их. Они еще могут пригодиться. С этого момента вы «мистер», а не «сержант».

— Да, сэр.

Я не буду подробно описывать Кадетский корпус. Он во многом схож с лагерем, только здесь более мягкие порядки и всюду книги. По утрам, «вспоминая молодость», мы выполняли обязанности рядовых, и точно так же, как когда-то в лагере, нас за провинности и неряшливость отчитывали сержанты. После утренних занятий мы становились кадетами и джентльменами и слушали лекции по бесконечным спискам предметов: математике, галактографии, ксенологии, гипнопедии, логике, стратегии и тактике, теории коммуникаций, военному законодательству, специальным вооружениям, психологии управления. Короче, нас заставляли изучать все премудрости от земной до небесной, от специальных сведений, как накормить и обогреть рядовых, до теоретических рассуждений, почему некий Ксеркс в забытом Богом месте проиграл когда-то важную битву.

Мы жили комфортно: в отдельных комнатах, с душем, с непривычно мягкими и удобными постелями. К четырем кадетам прикреплялся слуга: застилал постели, убирал в комнатах, чистил обувь и следил за формой. Это не было роскошью. Просто нас освободили от дел, которым мы научились еще новобранцами, чтобы больше времени оставалось для занятий.

И мы учились — все вечера и все выходные, пока не начинали болеть глаза. Потом засыпали, а под подушкой всю ночь напролет бубнил гипнопедический «преподаватель».

Но несчастным я себя не чувствовал. Может быть, был слишком занят. И потом здесь не было того психологического давления, которое каждый постоянно ощущал на себе в лагере. В корпусе нас скорее подстегивала страшная мысль об изгнании. Лично меня долгое время изводил страх перед математикой, которая еще со школы мне не давалась. Мой сосед — колонист с Гесперуса со странным именем Ангел — натаскивал меня ночи напролет.

Наверное, «пиком» моей кадетской карьеры стал визит младшего лейтенанта Флота Кармен Ибанец — сияющего черными очами пилота транспортного корвета «Маннергейм».

Карменсита в парадной белой форме выглядела потрясающе. Она появилась в тот момент, когда нас выстроили перед ужином на поверку, и, ничуть не смутясь, прошла мимо всего строя к дежурному офицеру. Мне

показалось, что я слышу, как скрипят глазные мышцы у ребят, провожающих ее взглядом. Она спросили у дежурного офицера, как найти меня, и ее голосок мелодично звенел над плацем.

Дежурным в тот вечер был капитан Чандар, который, по нашему общему мнению, вряд ли улыбнулся хоть раз даже собственной матери. Но сейчас, глядя на маленькую Кармен, он расплылся до ушей, так что его лицо изменилось до неузнаваемости. Он вежливо подтвердил, что нужный ей человек действительно здесь. Тогда Кармен взмахнула своими удивительными шелковыми ресницами и грустно объяснила, что ее корабль скоро должен отправляться. Так не будет ли он так любезен отпустить кадета Рико с ней поужинать?

И вскоре, как по волшебству, я оказался обладателем беспрецедентной увольнительной на три часа. Я даже заподозрил, что флотских обучают специальной технике гипноза, которая еще не известна в других частях. Хотя, наверное, секретное оружие Кармен было несколько старше того, что обычно использовала Мобильная Пехота. Так или иначе, мы провели чудесный вечер, а мой престиж среди однокашников, до этого не поднимавшийся выше среднего уровня, достиг немислимых высот.

Это был незабываемый вечер. Нашу встречу омрачала лишь новость о Карле, которую мы оба узнали недавно. Карл был убит при нападении багов на Плутон: они уничтожили всю исследовательскую станцию. Может быть, это и очень плохо, но грустили мы недолго — наверное, потому, что уже начали привыкать к таким новостям.

Помню, меня особенно поразила одна деталь. Кармен расслабилась и в ресторане сняла фуражку. Я знал, что большинство женщин на флоте делают короткую стрижку или вообще бреют голову. На войне совсем ни к чему длинные волосы, а пилоту в ответственный момент они могут сильно помешать. Я сам брил голову — так было удобнее и гигиеничнее. Но образ Кармен всегда ассоциировался у меня с черными блестящими длинными волосами.

Человек, наверное, ко всему привыкает. Я имею в виду, что если считаешь девчонку красивой, то она нравится тебе и тогда, когда ее голова обрита. К тому же для меня эта «прическа» служила признаком принадлежности к «армейскому ордену» и отличала «наших» девушек от штатских цыплят. Может быть, Кармен что и потеряла, но многое и приобрела: красота стала какой-то неземной, иррациональной, что ли. И еще впервые почувствовал — она действительно офицер, воин, а не только удивительная девушка.

Я вернулся в корпус, ничего не соображая, преследуемый сладковатым запахом духов: прощаясь, она меня поцеловала.

Единственный предмет из курса подготовки, о котором хотелось бы рассказать, — история и моральная философия.

Я удивился, когда обнаружил, что нам придется его изучать. Мне казалось, что история с философией не имеют отношения к управлению отрядом десантников в боевой обстановке. Этот предмет, если он касается

войны, в лучшем случае объясняет, почему ты должен драться — вопрос, который каждый решает для себя задолго до поступления в Кадетский корпус. Я уже говорил: Мобильная Пехота дерется потому, что она Мобильная Пехота.

Сначала я решил, что курс читают для тех, кто не проходил его в школе. К тому же почти четвертая часть кадет не были землянами, а на других планетах Федерации преподавание истории не обязательно. Так что я уже надеялся, что пока те, кому не повезет, будут слушать этот курс, у меня освободится время для других, трудных, предметов.

Но я ошибся. Наравне со всеми я должен был прослушать курс целиком. Правда, экзаменов, как и в школе, не устраивали: в конце обучения — беседа с инструктором, без отметок. Главным было его мнение, годишься ли ты в офицеры.

Если он давал отрицательное заключение, по этому поводу устраивали целый консилиум, где решалось уже не то, можешь или не можешь ты быть офицером, а возможность твоего пребывания в армии вообще, неважно в каком звании. И они уже не смотрели, как лихо ты обращаешься с оружием... Лучшим исходом при этом было повторное прослушивание курса. А в худшем ты становился штатским человеком...

Так ради чего я все-таки дрался? Может, это своего рода сумасшествие — представлять свое уязвимое тело нападающим и, мягко говоря, недружелюбным представителям инопланетной цивилизации? Тем более что платили за все сущую ерунду (которую мы тут же при первой возможности тратили), да и чем можно заплатить за часы ужаса, за ожидание близкой смерти? А ведь я мог спокойно сидеть дома, в то время как войной занимались бы те, у кого толстая кожа, или те, кому нравится играть в эти игры.

Или опять хвататься за присказку, что надо драться потому, мол, что мы — Мобильная Пехота? Нет, ребята, это мысли на уровне подопытной павловской собачки. Прочь догмы! Надо попробовать подумать по-настоящему.

Наш инструктор по истории и нравственной философии майор Райд был слеп, но обладал жутковатой привычкой «смотреть» прямо в глаза и называть по имени. Мы анализировали события сразу после окончания войны между Русско-Англо-Американским альянсом и Китайской Гегемонией, то есть от 1987 года и дальше. В тот день перед занятиями мы знали, что на Земле разрушен еще один большой город — на этот раз погиб Сан-Франциско. Я ожидал, что Райд скажет что-нибудь по этому поводу. В конце концов, и штатские теперь должны были понять: или баги, или мы. Или драться, или всем погибать.

Но майор ни словом не обмолвился о трагедии с Сан-Франциско. Он взялся мучить одного из нас договором в Нью-Дели, заострив внимание на проблеме военнопленных. Отпустив наконец свою первую жертву, майор задумался, кого бы избрать в качестве второй.

— Мистер Рико, — сказал он.

— Да, сэр.

— Можно ли отказ от освобождения тысячи военнопленных считать достаточно обоснованной причиной для возобновления войны? Учтите, что при возобновлении военных действий могут погибнуть миллионы ни в чем не повинных людей, вернее, почти наверняка погибнут.

Я ни минуты не колебался:

— Да, сэр. Этой причины более чем достаточно.

— «Более чем достаточно». Ладно. А один пленный, которого не хотят отпускать.

Я заколебался. Я знал ответ, но для Мобильной Пехоты. Не было уверенности, что именно это он хочет от меня услышать. Райд нетерпеливо сказал:

— Ну, давайте, мистер! У нас есть верхний предел — тысяча. Я предложил вам обсудить низший предел — один человек. Прошу учесть, что дело серьезнее, чем, например, занятие бизнесом. Хотя даже бизнес требует точного понимания ситуации. Вы же не можете выписать вексель на сумму «от одного до тысячи фунтов». А ведь разворачивание войны гораздо более серьезное дело, чем выдача пусть даже огромной суммы денег. Не будет ли преступлением — вовлечь страну (а на деле две страны) в войну ради спасения одного человека? А вдруг этот человек даже не заслуживает того? Или возьмет и помрет, когда сыр-бор уже разгорится? Тысячи человек погибают ежедневно в катастрофах и несчастных случаях... так стоит ли колебаться из-за одного? А теперь — ответ! Отвечайте «да» или «нет»... Не задерживайте класс.

Он взял меня за горло. И я ответил так, как ответил бы на моем месте любой десантник:

— Да, сэр!

— Что «да»?

— Неважно, тысяча человек или один. Нужно драться.

— Ага! Число пленных роли не играет. Почему?

Черт побери! Он меня поймал. Я знал, что ответ правильный. Но не знал почему. Райд с легкой иронией подбадривал меня:

— Давайте же, мистер Рико, доказывайте. Здесь мы имеем дело с точной наукой. Вы дали математический ответ, теперь должны его доказать. Ведь кто-нибудь начнет кричать, что ваше утверждение абсурдно, что по аналогии одна картофелина стоит столько же — не больше, не меньше, — сколько тысяча таких же. А?

— Нет, сэр.

— Что «нет»? Доказывайте, доказывайте.

— Людей нельзя сравнивать с картошкой.

— Ну хорошо, хорошо, мистер Рико. Я думаю, что мы и так сегодня уже слишком напрягли ваши усталые мозги. Завтра принесете мне письменное доказательство. Так и быть, дам вам совет. Посмотрите ссылку номер семь к сегодняшней главе. Мистер Салмон! Как образовался нынешний политический порядок после Эпохи Смуты? И в чем его нравственное основание?

Салли начал рассказывать. В принципе никто не может толком объяснить, как сформировалась нынешняя Федерация. Словно она выросла сама собой. В конце XX века национальные правительства всех крупнейших государств полностью дискредитировали себя. Что-то должно было заполнить вакуум, и в результате во многих странах к власти пришли вернувшиеся с войны ветераны. Они проиграли войну, у них не было работы, но они знали, как прийти к поставленной цели. Происшедшее не было революцией, события больше походили на 1917 год в России: система развалилась, образовался тот самый вакуум.

Как утверждают историки, движение ветеранов зародилось в Шотландии. Бывшие вояки собрались, чтобы прекратить волнения и беспорядки. Позже они решили никого, кроме ветеранов, в свой комитет не принимать: доверяли только друг другу. Постепенно чрезвычайная мера стала конституционной практикой.

Возможно, те самые шотландские ветераны и решили первыми, что не стоит подпускать к управлению государством слабых, продажных, алчных и тому подобных штатских. «Они вертятся, как флюгеры на ветру, а мы можем повернуть общественное развитие в нужную сторону» — так, наверное, говорили о штатских ветераны. Историки утверждают, что тогда антагонизм между штатскими людьми и вернувшимися с войны солдатами был гораздо глубже, чем можно сейчас себе представить.

Салли пересказывал все это, пока Райд его не остановил:

— К завтрашнему дню подготовьте краткое изложение событий, в три тысячи слов... Мистер Салмон, не могли бы вы мне назвать причину — не историческую, не теоретическую, а чисто практическую, — почему в наше время статус гражданства предоставляется только отслужившим в армии ветеранам?

— Э-э.. потому, что эти люди прошли отбор, сэр. Они способнее.

— Это надо же!

— Сэр?

— Вам не понятно? Я хотел сказать, что вы сообщили нам абсолютно нелепую вещь. Армейцы отнюдь не умнее штатских. Часто штатские превосходят нас интеллектуально. Этот факт, кстати, лег в основу попытки переворота перед принятием Договора в Нью-Дели. Так называемое «восстание ученых»: дайте бразды правления интеллектуалам, и вы получите рай на земле. переворот не удался. Развитие науки само по себе не есть благо, несмотря на все те импульсы, которые она придает движению общества по пути прогресса. Ученые — теоретики и практики — зачастую настолько эгоцентричны, что у них просто отсутствует чувство социальной ответственности. Ну, я дал подсказку, мистер.

Салли немного подумал, потом сказал:

— Значит, те, кто отслужил в армии, более дисциплинированны, сэр. С третьей своей жертвой майор был мягок:

— Простите, но вашу теорию трудно подтвердить фактами. И вы, и я, пока мы находимся на службе, не имеем права голосовать. А когда человек

увольняется, влияние армейской дисциплины явно ослабевает. Уровень преступности среди ветеранов почти такой же, как и среди штатских. К тому же вы забыли, что в мирное время большинство служит в небоевых войсках, где весьма мягкие дисциплинарные обязательства...

Майор улыбнулся.

— Я задал вам коварный вопрос, мистер Салмон. На самом деле реальная причина столь продолжительной деятельности существующей системы та же, что у любой долгоиграющей структуры. Она хорошо работает. Все политические системы в истории человечества пытались добиться совершенного общественного порядка, предоставляя право управления ограниченному числу лиц. В надежде, что они будут достаточно мудры, чтобы пользоваться своим правом для общего блага. Даже так называемые «неограниченные демократии» отстраняли от голосования и управления более четверти своего населения — по возрасту, месту рождения, отношениям с полицией и т.д.

Майор саркастически ухмыльнулся:

— Я никогда не мог понять, почему тридцатилетний дурак проголосует лучше пятнадцатилетнего гения... Но так уж у них было устроено. И они за это заплатились.

И вот на протяжении очень долгого времени существует наша политическая система... и работает хорошо. Многие недовольны, но никто никогда всерьез не восставал против. Каждому обеспечена величайшая в истории личная свобода. Юридических ограничений мало, налоги низки, уровень жизни высок — насколько позволяет уровень производства. Преступности почти нет. Почему? Не потому вовсе, что те, кто голосует, лучше остальных. Это мы уже выяснили. Мистер Тамману, не объясните ли вы нам, почему же нынешняя система политического устройства работает лучше, чем у наших предков?

Я не знал, откуда у Клайда Тамману такая странная фамилия. Кажется, он был из Индии.

— Э-э... Насколько мне кажется, потому, что избиратели — сравнительно малая группа. Они отвечают за свои решения и стараются учесть возможные последствия...

— Не будем гадать, мы занимаемся точной наукой. К тому же вам кажется неправильно. Облеченных властью всегда было немного при всех предшествующих политических системах. Еще одно замечание: на разных планетах люди, получившие статус гражданина, составляют разный процент в общем числе населения — от восьмидесяти на Искандере до трех на некоторых других планетах Федерации. Так в чем разница между нашими избирателями и избирателями прошлого? Мы тут долго думали да гадали, так что я позволю себе высказать суждение, которое, на мой взгляд, является очевидным и объективным. При нашей политической системе каждый голосующий и каждый государственный чиновник — это человек, который тяжелой добровольной службой доказал, что интересы группы, коллектива он ставит выше

интересов собственных. Это чрезвычайно важное отличие. Человек может быть не таким уж умным, мудрым, он может ошибаться. Но в целом его деятельность будет во сто крат полезнее для общества, чем деятельность любого класса или правителя в прошлом.

Майор притронулся к специальным часам на руке.

— Может ли кто сказать, почему против нашей политической системы никогда не совершалось революции? Хотя раньше на Земле не было ни одного правительства, которое бы не сталкивалось с восстаниями. Ведь довольно часто слышим громкие жалобы тех или иных жителей Федерации?

Один из кадетов постарше решился ответить:

— Сэр, революции просто невозможны.

— Так. Но почему?

— Потому что революции, то есть вооруженные восстания, требуют не только недовольства, но и прямой агрессивности. Революционер (если он настоящий революционер) — это человек, который желает драться и даже умереть за свое дело. Но если вы отделите наиболее агрессивных и сделаете из них сторожевых псов, овечки никогда не доставят вам беспокойства.

— Неплохо сказано. Аналогии всегда условны, но эта близка к фактическому состоянию дел... Теперь время ваших вопросов. Кто хочет спросить?

— Гм... сэр, а почему бы не сделать... почему не отменить ограничения, сделать службу обязательной для всех? И тогда все смогут голосовать и избираться...

— Молодой человек, вы можете вернуть мне зрение?

— Что, сэр? Но... конечно, нет, сэр...

— Я думаю, что это было бы даже легче, чем внедрить какие-то моральные ценности — например, ответственность перед обществом — в сознание человека, который этих ценностей не признает, не хочет их знать и вообще не хочет нести никакой социальной ответственности. Именно поэтому так трудно поступить на Службу и так легко с нее уйти. Ответственность перед обществом — не перед семьей или какой-нибудь группой — требует воображения, потому что требует преданности некой идее, долгу и другим высоким ценностям. Если же все это впихивать в человека насильно, то его, извините за выражение, просто стошнит, и он окажется таким же пустым, как был до этого...

Майор Райд держал нас в черном теле, постоянно забрасывая срочными заданиями. Но неожиданно для себя я заинтересовался его предметом. Уже в конце курса решил записать свои размышления, и вот что у меня вышло.

«Требуется доказать: войны и общественная мораль имеют в своей основе одни и те же генетические причины.

Краткое доказательство: причиной всех войн является демографическое давление.

В основе общественной морали, всех известных входящих в нее правил лежит инстинкт самосохранения. Соответствие морали — залог выживания на неиндивидуальном уровне. Так отец жертвует своей жизнью, чтобы спасти своих детей. Но поскольку демографическое давление повышается в результате выживания все большего числа людей, постольку можно утверждать, что войны, порождаемые этим давлением, проистекают из тех же глубинных человеческих инстинктов, что и общественная мораль.

Проверка доказательства: есть ли возможность избегать войн путем уничтожения демографического давления? Возможно ли снижать демографическое давление путем создания морального кодекса, который приводил бы численность населения в соответствие с имеющимися ресурсами?

Не обсуждая эффективность и нравственность планирования рождаемости, укажем сразу, что любая популяция, ограничивающая свой рост, рано или поздно вытеснялась и уничтожалась другим видом, который увеличивал численность и стремился занять новые территории.

Тем не менее предположим, что человеческой расе удалось создать баланс между уровнем рождаемости и смертности, так, чтобы численность населения соответствовала территории занятых планет. Все ли будет тихо и спокойно?

Очень скоро на арене появятся баги, которые начнут безжалостно убивать не желающее больше воевать племя, и через некоторое время Вселенной придется о нас забыть. Кстати, этот вариант никто пока еще не отменял. Или мы будем размножаться и разрастаться и уничтожим багов, или они займут наше место. Потому что оба племени достаточно сообразительны, решительны и претендуют на одну и ту же территорию.

А если мы победим и не будем ограничивать рост населения? Как быстро демографическое давление заставит нас заселить всю Вселенную, так, что и яблоку негде будет упасть? Ответ может многих удивить, но произойдет это очень быстро — за период, который можно считать мигмом на фоне всей истории человеческой расы.

Но есть ли у человека право заселять Вселенную?

Человек есть то, что он есть, — дикое животное с могучим инстинктом выживания и самосохранения. К тому же довольно хитрое, способное успешно конкурировать с другими разумными видами. Если принять этот факт, то все разговоры о морали, войнах, политике кажутся чепухой. Истинная мораль проистекает из четкого сознания того, что собой представляет человек. Что он есть на самом деле, а не в воображении сюсюкающих о добродетели профанов.

Вселенная сама даст нам знать — имеем ли мы право на ее освоение или нет.

А пока Мобильная Пехота должна быть на своем месте — на переднем крае боя за выживание расы».

Накануне выпуска каждого из нас прикомандировали к боевому кораблю для прохождения короткого срока под надзором опытного офицера. Это была как бы промежуточная проверка перед тем, как допустить нас к последней экзаменационной сессии. Проверка считалась очень важной: офицер-инструктор имел полномочия «резать». Оставалось право подать на апелляцию и собрать комиссию из других инструкторов, но подобных случаев за всю историю Кадетского корпуса не бывало. Ребята, которых по той или иной причине «зарезали», больше в корпусе не появлялись.

Иногда они пропадали и по другой причине. Кадеты гибли не так уж редко — ведь нас прикрепляли к кораблям, которые готовились идти в бой. Однажды после ланча всем офицерам-кадетам из нашей роты приказали собрать вещи и через полчаса отбыть. Я не успел дообедать, как оказался командиром роты.

Как и капральские шевроны новобранцев, эта должность приносила только лишние хлопоты, но через два дня пришел и мой вызов.

Я прибежал к кабинету начальника корпуса с вещевым мешком за спиной, начиная чувствовать знакомое возбуждение. Я вдруг остро ощутил, как мне надоело до боли в глазах зубрить по ночам уроки, выглядеть дурачком в классе при свете дня. Несколько недель в компании боевых ребят, в бодрящей обстановке — вот что так не хватало Джонни!

Меня обогнал строй недавно набранных в корпус кадет с сержантом, бегущих рысью. Сплошь угрюмые лица — такое выражение появляется у каждого кадета примерно через неделю после прибытия в корпус, когда он понимает, что допустил ошибку, решив стать офицером. А я вдруг поймал себя на том, что напеваю веселый мотивчик, и оборвал мелодию только у дверей начальника.

Двое других были уже там — кадеты Хассан и Берд. Хассан считался у нас в классе самым старым, а я, глядя на него, всегда вспоминал древнюю сказку о волшебном (и, кажется, не очень добром) существе, выпущенном рыбаками из бутылки. Зато невысокий Берд походил на воробья — внушительности в нем не было никакой.

Мы наконец вошли в святая святых Кадетского корпуса. Начальник сидел в своей неизменной коляске, в которой обычно разъезжал по корпусу. Он встал с нее только на субботних парадах, что, наверное, причиняло сильнейшую боль, но никак не отражалось на его лице.

Полковник Нельсон долго разглядывал нас, потом сказал:

— Доброе утро, джентльмены, устраивайтесь поудобнее.

Я уселся в одно из мягких кресел, но комфорта не почувствовал. Полковник подъехал к агрегату у стены, который оказался машиной для варки кофе. Одну чашечку он взял себе, остальные предложил нам. Кофе мне не хотелось, но не может же кадет нарушить традиции гостеприимства.

Прихлебывая из чашечки, полковник завел неспешную беседу. Он что-то рассказывал сам, что-то спрашивал у нас. Оказывается, нам предстояло занять должности временно исполняющих обязанности лейтенантов треть-

его ранга. Звание, нужное нам, как собаке пятая нога. В табели о рангах оно стояло где-то между сержантом флота и нормальным офицером. Если кто-нибудь когда-нибудь и отдавал честь третьему лейтенанту, то это всего-навсего означало, что в данном отсеке корабля не все в порядке с освещением.

— ... В вашем патенте будет значиться «третий лейтенант», — продолжил Нельсон, — но практически ваш статус не изменится. К вам будут обращаться «мистер», и единственной переменной в форме станут небольшие — даже немного меньше, чем у кадет, — погоны со звездочкой. Вы полностью подчиняетесь инструктору...

... Максимум, что вы можете делать в бою — выполнять приказы. Если погибнет командир отряда и вы решитесь отдать приказ рядовому, пусть даже прекрасный, разумный и нужный приказ, то совершите ошибку, и рядовой может быть потом наказан, если послушается вас. Кадет не только не имеет отношения к командованию, он как бы вообще не солдат. Он — студент, которому еще только предстоит стать солдатом — или в ранге офицера, или в звании, которое у него было до Кадетского корпуса. Кадет подчиняется армейской дисциплине, но он не в армии. Вот почему...

Пустота. Пришедшая мне в голову мысль так потрясла меня, что я перестал его слушать. Если считается, что кадет вне армии, то...

— Полковник! — Я, кажется, перебил его, но мне было все равно.

— Э, говорите, молодой человек. Мистер Рико.

Удивляя самого себя, я продолжил:

— Но... если мы не в армии... значит, мы не принадлежим к Мобильной Пехоте? Сэр.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Это вас беспокоит?

— Ну... похоже, что мне это не нравится, сэр. — На самом деле я просто не мог об этом подумать. Такое чувство, как будто тебя раздели.

— Я понимаю вас. — Мое трепыхание, кажется, его только порадовало. — Но вам лучше не утруждать себя, оставьте все на моей совести. В том числе и вопросы космического законодательства.

— Но...

— Это приказ. Формально вы относитесь к Мобильной Пехоте, но она не забыла вас. В Мобильной Пехоте никогда не забывают своих, где бы они ни находились. Если вас прямо сейчас, в данный момент, настигнет смерть, вы умрете как второй лейтенант Джон Рико. Мобильная Пехота... — Полковник остановился. — Мисс Кендрик, с какого корабля мистер Рико?

— С «Роджера Янга», — последовал немедленный ответ секретарши.

— Спасибо. — И он продолжил: — Боевой корабль «Роджер Янг», Второй отряд, Третий полк, Первая дивизия Мобильной Пехоты — «сорвиголовы»... Хорошие у вас там ребята, мистер Рико, гордые и багам спуску не дают. В конце пути вас в любом случае припишут к этому подразделению, и таким образом ваше имя окажется среди их имен в Мемориальном Зале. Именно поэтому мы всегда производим

погибшего в бою кадета в офицеры, чтобы отправить на вечный покой к своим...

Берд ждал меня на крыше здания в аэрокаре. Он бросил взгляд на мои книги и ухмыльнулся:

— Ничего себе. Ладно уж, если мы на один корабль, так и быть, помогу. Тебя на какой закинули?

— «Сторожевой».

— Жаль. Меня на «Москву».

Я залез в кар, проверил программу маршрута, и мы взлетели. Берд продолжал:

— Ты у нас не самый загруженный. Хассан, кроме математики, взял учебники еще по двум предметам. Жалко, что ты не на «Москву», а то бы помог тебе с математикой.

Берд ничуть не пижонил, предлагая себя в репетиторы. Это был сто-процентный профессиональный сынок, и только значки, шевроны и погоны говорили, что он к тому же еще солдат.

В корпусе Берд не изучал математику, а преподавал. Как Суцзуми, который обучал нас дзюдо в лагере Курье. Мобильная Пехота не дает пропасть талантам, точно так же поступают и в корпусе. Берд уже в восемнадцать лет имел ученую степень по математике, и совершенно естественно, что его в порядке исключения назначали на часы занятий по этому предмету инструктором. Что, правда, не мешало сержантам отчитывать его по утрам.

Но, надо признать, отчитывали его редко. Берд удивительно сочетал в себе высокий интеллект, солидное образование, здравый смысл, силу воли и мужество. Не сомневаюсь, что в корпусе на него смотрели как на будущего генерала. Ребята прикидывали, что, если продолжится война, он к тридцати будет командовать бригадой.

Я и в мечтах не позволял себе забираться так высоко.

— Будет до жути обидно и стыдно, — сказал я, — если Хассана вышибут.

При этом я думал, как будет стыдно, если вышибут меня.

— Все с ним нормально, — бодро сказал Берд. — Они, конечно, заставят его попотеть и помучиться, ну да он тоже не лыком шит. В крайнем случае Хассан не так уж много потеряет, даже если его вышибут.

— Что-что?

— А ты не знал? Он уже перед корпусом служил в ранге первого лейтенанта. По «полевому патенту», естественно. Не сдаст экзамены, пойдет опять тем же первым полевым. Не веришь, можешь посмотреть в правилах...

Это правило я знал. Если я, например, завалю математику, то стану опять сержантом: это, наверное, будет так же приятно, как если бы хлопнули по лицу мокрой рыбиной... О, Господи... Сколько раз я просыпался среди ночи в своей комнате от мысли, что мне придется уйти из Кадетского корпуса несолоно хлебавши...

Но с Хассаном мне было не все понятно.

— Погоди, — запротестовал я, — он отказался от первого лейтенанта, причем от постоянного патента... а теперь его сделают временным третьим... с тем, чтобы потом он стал вторым? Ты сумасшедший? Или он?

Берд улыбнулся:

— Ровно настолько, чтобы работать в Мобильной Пехоте.

— Но... нет, я не понимаю.

— Конечно. Дело в том, что у Хассана просто не хватает образования. Поэтому шансов продвинуться выше в пехоте у него не было. Я лично уверен, что он мог бы командовать в бою полком, если кто-то хорошо спланирует операцию. Но командование в бою — лишь часть того, что должен уметь делать офицер, тем более офицер высокого ранга. Чтобы командовать штабом или только спланировать единичную операцию и провести ее, необходимо знать теорию игр, операционный анализ, математическую логику, пессимистический синтез и дюжину других предметов. В принципе ими можно овладеть и самому, если есть фундамент. Но и тогда не подняться выше капитана или, в крайнем случае, майора. Выходит, Хассан знает, что делает.

— Теперь понятно, — сказал я медленно. — Но, Берд, ведь полковник Нельсон должен был бы знать, что Хассан был офицером... что он в любом случае офицер.

— Что? А да, конечно.

— Но Нельсон говорил с нами так, как будто между нами нет разницы. Он прочитал лекцию всем троим.

— Не совсем так. Ты заметил, что, когда полковник поднимал какой-нибудь практический вопрос, он всегда обращался к Хассану?

Я вспомнил, что так оно и было.

— Берди, а в каком ты звании?

Аэрокар приземлялся. Берд помедлил, сосредоточив внимание на посадке, потом улыбнулся:

— Рядовой. Поэтому я вовсе не хотел бы, чтобы меня вышибли.

Я фыркнул.

— Скажешь тоже. Тебе-то уж ничего не грозит!

Я пораился, что ему не дали хотя бы капрала, но потом подумал, что он, видимо, сразу проявил себя хорошо и его послали в Кадетский корпус. Ему не было и двадцати, вроде бы молодой, но ведь шла война...

Берд улыбнулся еще шире и сказал:

— Поглядим.

— У тебя все будет отлично. Это Хассан и я должны беспокоиться.

— Думаешь? А мне кажется, что мисс Кендрик, например, меня не влюбила. — Он открыл дверцу кара и насторожился. — Послушай, это же меня вызывают. Я побежал. Пока!

— До встречи, Берди.

Больше мы с ним не виделись. И экзаменов он не сдавал. Спустя две недели ему было присвоено звание офицера. В корпус прислали его погоны и указали место последнего назначения — «Раненые львы», посмертно.

Некоторые парни полагают, здесь у нас ясельки для новорожденных. Так вот. Это не так. Понятно?

Высказывание, приписываемое одному героическому капралу, командовавшему у стен Трои. 1194 год до н.э.

«Роджер Янг» один отряд заполнял до отказа. «Сторожевой» мог нести шесть, и еще осталось бы место. Отсеки отстрела могли пропустить все шесть отрядов одновременно и тут же сделать второй выброс, если б на корабле находилось еще столько же десантников. В принципе это было возможно. Только при двойной загрузке нам пришлось бы питаться в две смены, спать в гамаках, развешанных во всех помещениях, экономить воду и время от времени просить соседа убрать локоть с твоего лица. Поэтому я был рад, что во время моей стажировки «Сторожевой» не ходил на операции с двойной нагрузкой.

«Сторожевой» обладал хорошей скоростью для переброски больших соединений десантников почти в любое место освоенной багами Вселенной. Нырять в пространство Черенкова, «Сторожевой» покрывал сорок шесть световых лет за шесть недель.

В то же время этот корабль, рассчитанный на шесть десантных отрядов, не шел ни в какое сравнение с пассажирским лайнером. Такие корабли, как «Сторожевой», стали компромиссом между боевыми частями, Мобильной Пехотой, с одной стороны, и Флотом — с другой. Пехота предпочла бы рассчитанные на один отряд корветы типа «Роджера Янга». Они давали возможность гибкого управления войсками. Но если бы армия пошла на поводу у Флота, то нас возили бы на транспортах, вмещающих по меньшей мере полк. Ведь для того, чтобы обслужить маленький корвет, нужно почти столько же флотских, сколько и для огромного лайнера. На лайнере, конечно, потребуется больше хозяйственных работников, но этим могут заняться и солдаты — так считали флотские. Все равно, по мнению флотских, мы только и делаем, что спим, едим и любовно полируем оружие.

На самом деле флотские настроены еще более решительно. Они полагают, что армия устала и вообще должна быть упразднена.

Флот никогда не выражал этого мнения официально. Но достаточно зайти в любой бар на Санкторе и поговорить с первым попавшимся флотским офицером, когда он уже немного поднабрался. Тогда вы и услышите все по полной программе. Они уверены, что сами могут вести любую войну и выиграть ее: Флот, мол, посылает своих людей, занимает планету, а дальше дело Дипломатического корпуса.

Я охотно признаю, что с помощью новейших бомб можно превратить любую планету в пар. Никогда не видел ничего подобного, но — верю.

Что ж, пусть, по их мнению, я — пережиток прошлого. Но я себя таким не чувствую и твердо знаю, что наши ребята в состоянии сделать то, что ни одному самому раскрепасному кораблю не под силу. Если правительству наши услуги больше не понадобятся, оно нам сообщит.

Хотя, возможно, в этом споре нет абсолютно правой стороны. Нельзя, например, стать маршалом, не имея опыта командования полком пехоты и большим кораблем. Поэтому сначала надо делать карьеру в Мобильной Пехоте, а потом получить звание офицера Флота (думаю, маленький Берди мечтал именно об этом). Или сначала поработать астронавигатором, а потом пройти через лагерь Курье и так далее — кому как нравится. К мнению человека, проделавшего или то, или другое, я прислушаюсь с предельным вниманием.

Как большинство транспортов, «Сторожевой» был кораблем со смешанным экипажем. Самым удивительным поначалу было то, что мне разрешалось теперь проходить в головные отсеки — севернее «переборки номер тридцать». Стенка, отгораживающая женские отсеки от мужских, не обязательно носила этот номер, но по древней традиции на всех смешанных кораблях называлась «переборка номер тридцать». Сразу за этой переборкой располагалась кают-компания, и дальше шла вся «женская половина». На «Сторожевом» кают-компания служила для женщин также столовой и местом отдыха. Комната отдыха офицеров-мужчин называлась «карточной» и располагалась к югу от «переборки номер тридцать».

Кроме очевидного факта, что для осуществления выбросов и возвращения десанта требуются отменные пилоты (читай — женщины), имелась другая веская причина назначения на транспорты женщин. Это способствовало укреплению духа десантников.

Попробуйте представить себе состояние человека, которого с родного корабля выбрасывают на незнакомую планету, а там в конце пути его не ждет ничего, кроме увечий да неожиданной смерти? Как сохранить в этом человеке веру и мужество? Как сделать, чтобы он от выброса к выбросу учился преодолевать себя? Единственный выход — чтобы он постоянно видел перед собой живой идеал, олицетворение той трепетной, требующей защиты жизни, ради которой идет в бой.

Последнее, что слышит десантник перед выбросом (и, может быть, последние слова, которые он в жизни слышит), — это голос женщины, желающей ему удачи. Того, кто скажет, что это не имеет никакого значения, по-моему, просто нельзя считать человеком.

На «Сторожевом» работало пятнадцать офицеров Флота — восемь женщин и семь мужчин. А также восемь офицеров Мобильной Пехоты, включая меня. Не буду утверждать, что пошел в Кадетский корпус для того, чтобы проникнуть за «переборку номер тридцать», но возможность есть за одним столом с леди грела мое сердце куда больше любой прибавки жалованья. Президентом за обеденным столом была командир корабля, вице-президентом — мой босс. Такой статус капитана основывался не на

звании: еще три флотских офицера были равны ему. Но в ударной группе ему обязаны были подчиняться все, кроме командира корабля.

Наши шесть отрядов составляли две роты и значились как отдельный батальон. Капитан Блэкстоун командовал ротой Д и одновременно всем батальоном. Но наш отдельный был только частью обычного большого батальона. Официально его возглавлял майор Ксера, который в то время вместе с ротами А и Б находился на точно таком же, как «Сторожевой», корабле «Нормандия». Майор командовал нами, когда весь большой батальон соединялся для совместного выброса. Блэкстоун отсылал Ксеру доклады и получал от него инструкции, но, по-моему, большую часть вопросов решал напрямую с командованием Флота, штабом дивизии Мобильной Пехоты и начальством базы на Санкторе.

В армии, состоящей из сотен кораблей, раскиданных по Вселенной на расстоянии многих световых лет, административное устройство не может быть простым и безупречным. И «Долина Фордж», и «Роджер Янг», и «Сторожевой» входили в состав одного подразделения — Третьего полка («Баловни судьбы») Первой дивизии («Поларис») Мобильной Пехоты. При проведении операции «Дом багов» из разрозненных подразделений собрали два батальона и сформировали наш Третий полк. Но что такое «наш» полк, я тогда не почувствовал. Все, что я видел в тот день, — это бедный сержант Бамбургер и несметные полчища багов.

В Мобильной Пехоте в десант идут все девять тысяч.

Трудно поверить, но в мировых войнах XX века для того, чтобы обеспечить боевую активность десяти тысяч солдат, требовалось семьдесят тысяч человек!

Нельзя не признать, что нужен еще Флот, чтобы доставлять Мобильную Пехоту к месту назначения. Но даже на небольшом корвете личный состав пехоты в три раза превосходит количество флотских. Конечно, нас обслуживают и штатские: ведь процентов десять Мобильной Пехоты обычно находится на отдыхе. И наконец, небольшое число лучших офицеров и сержантов преподают в учебных лагерях и, естественно, не участвуют в боевых действиях.

Если кто-то из Мобильной Пехоты занялся канцелярской работой, может быть уверены, что у него не хватает руки или ноги или есть другое увечье. Это люди, которые отказываются увольняться. Они никогда не допустят, чтобы здоровый десантник занимался бумажками или другой работой, требующей не столько физических, сколько духовных сил.

И все же Мобильная Пехота постоянно испытывает недостаток в людях — тем более когда идет война. Поэтому у нас так бережно относятся к каждому, кто проявил себя солдатом на деле. Мобильная Пехота — самая маленькая в истории человечества армия, если судить по численности населения, которое она охраняет. Десантника нельзя затащить на службу силком, нельзя нанять за деньги, нельзя силой удержать на службе, если он хочет уйти.

Десантник никогда не старается заполучить безопасную, легкую работу. Любой салага, который уже начал понимать, что такое Мобильная Пехота,

всегда подкинет начальству несколько причин, объясняющих, почему он не может в данный момент заниматься уборкой или помогать повару. Это древняя солдатская традиция, и начальство о ней тоже знает, хотя и не подает вида.

Зато ни один десантник никогда не станет уваливать от опасной работы. Потому что любой рядовой, садясь в капсулу, знает, что в Мобильной Пехоте ка ж д ы й — от генерала до рядового — в этот момент делает то же самое. На расстоянии многих парсеков, на следующий день или через несколько часов — неважно. Важно, что в десант идут все.

Именно потому, что дерется каждый, Мобильная Пехота обходится малым количеством офицеров.

В Мобильной Пехоте ни один офицер не сидит без дела. Каждый обязательно командует каким-нибудь подразделением. Офицеры составляют три процента личного состава — все, что нужно Мобильной Пехоте, тем более что она использует своих офицеров не совсем стандартным способом. На практике очень многие офицеры носят «несколько фуражек сразу»: война создает слишком много вакансий. Именно поэтому даже у командира отряда есть свой штаб — отрядный сержант.

Лейтенант в этой ситуации еще может обойтись без сержанта (как и сержант без него). Но для генерала штаб просто необходим: слишком много работы, чтобы уместить ее в одной голове. Генералу нужна большая группа планирования и небольшая группа боевой поддержки. Из-за нехватки офицеров командиры подразделений на генеральском флагмане составляют задно и группу планирования. Поэтому их подбирают из лучших специалистов по математической логике. А когда приходит время, они сражаются во главе своих подразделений.

Генерал идет в десант в окружении нескольких офицеров — это весь его оперативный штаб, помогающий ему командовать боем. Плюс небольшая команда отборных десантников — чтобы командующему не досаждали невежливые туземцы. Чаще всего этим ребятам действительно удастся генерала защитить.

Начиная с роты, все командиры имеют заместителей. Вернее, должны иметь. Потому что на деле приходится обходиться без них (и тем бо́льшая нагрузка, конечно, падает на сержантов).

Так Мобильная Пехота обходится всего тремя процентами офицеров, тогда как в древности их количество в армиях доходило до десяти, пятнадцати и даже двадцати процентов! Сейчас это кажется сказкой, но так было в XX веке. Остается лишь гадать: что это за армия, в которой офицеров было больше, чем капралов, а сержантов больше, чем рядовых?!

Хотя что тут гадать. Это были армии, обреченные на поражение — по крайней мере, так учит история. Армии, больше похожие на гражданские организации. Сборище бюрократов, большая часть которых никогда не знала, что такое поле боя.

Чем занимались офицеры, которые не были обязаны поднимать солдат в атаку? Конечно, чепухой: работники офицерских клубов, офицеры-вос-

питатели, офицеры по физической подготовке, офицеры-политинформаторы, офицеры по транспорту, офицеры-юристы, офицеры-священники, помощники священников и т.д. и т.п. Короче, главное было выдумать должность — и на нее тут же брали офицера.

В Мобильной Пехоте всем этим занимаются боевые офицеры. А в одной из самых больших армий XX века дошло до того, что настоящие боевые офицеры носили специальные знаки отличия, чтобы отделить себя от орды тепло устроившихся бездельников.

Нехватка офицеров с течением войны все усиливалась. Ведь процент потерь среди них был самым высоким. А в Мобильной Пехоте офицерский патент не выдают для заполнения имеющейся вакансии. В среднем каждый полк новобранцев поставляет примерно одинаковое число десантников, годных для дальнейшего продвижения по службе. И увеличение набора в Кадетский корпус означало бы снижение качества командования. Для руководства боевыми подразделениями на «Сторожевом» требовалось тринадцать офицеров: шесть командиров отрядов, два командира роты, два их заместителя и командир отдельного батальона с заместителем и адъютантом.

Но офицеров было только шесть. И еще я.

Я поступил в распоряжение лейтенанта Сильвы, но он отбыл в госпиталь как раз в тот день, когда я появился на корабле. Как мне сказали, лейтенанта одолела непонятная лихорадка. Но отсутствие командира вовсе не означало, что я должен принять командование его отрядом. Временного третьего лейтенанта не считают настоящим офицером. Капитан Блэкстоун мог перевести меня под начало лейтенанта Байонна, а отрядом Сильвы командовал бы его сержант. Или Блэкстоун при желании «надел бы третью фуражку».

На самом деле он сделал и то и другое. При этом, формально назначив меня командиром первого отряда, Блэкстоун сделал лучшего сержанта «пантер» и своим батальонным сержантом, а своего батальонного отправил в первый отряд. Затем капитан, не церемонясь, объяснил мне, что официально командиром отряда буду значиться я, а командовать будет он сам и его сержант.

Но время шло, и я старался поставить себя более независимо. В конце концов мне разрешили идти в десант командиром отряда. Но я понимал, что одного слова сержанта было бы достаточно, чтобы от меня осталось мокрое место.

Все же меня это устраивало. Это был мой отряд — потому что я шел с ним в десант. Потому я сразу взял на себя максимум обязанностей: если бы у меня что-то не получилось, то чем раньше меня отчислили бы, тем лучше было бы для всех. Но, видно, из-за недостатка опыта я вместо того, чтобы рационально распределять обязанности, проводил с десантниками все свое время. Так продолжалось примерно с неделю, потом меня вызвал Блэкстоун. Разговор происходил у него в кабинете:

— Может, ты объяснишь мне, чем занимался всю эту неделю, сынок?

Я проямил, что старался получить лучше подготовить отряд к десанту,

— Да? Тогда должен тебя разочаровать: пока все получается наоборот. Неужели ты не чувствуешь, что лезешь не в свое дело? Ты их будоражишь, превращаешь отряд в осиное гнездо! Для чего, спрашивается, я дал тебе лучшего на всем Флоте сержанта? Ступай в свою кабину и не высовывайся! Лучше всего привяжи себя к стулу... А когда прозвучит сигнал «приготовиться к операции», сержант передаст тебе отряд, отлаженный и настроенный, как концертный рояль. И еще одно. Мне не нужен на борту офицер, который напоминает застегнутого на все пуговицы кадета. Брось глупую привычку говорить обо мне в третьем лице. Оставь ее для генералов или, в крайнем случае, для капитана корабля. Офицер должен быть уверенным в себе без всех этих выкрутасов. Расслабься, сынок...

— Да, сэр.

— Чтобы я это твоё «сэр» слышал в последний раз. И перестань все время козырять! А что за угрюмое выражение лица? Сразу вспоминаешь Кадетский корпус. Ну-ка улыбнись!

— Да, с... то есть о'кэй.

— Ну вот, уже лучше. Теперь прислонись к переборке. Почешись. Зевни. Почувствуй себя молоденьким рядовым.

Я попробовал...

Капитан Блэкстоун критически оглядел меня.

— Потренируйся, — сказал он. — Офицер не должен выглядеть испуганным или напряженным. Это плохо действует на подчиненных. А сейчас, Джонни, можешь сказать, в чем твой отряд нуждается. И не мелочись. Мне не интересно, у кого из стенового шкафа пропали носки...

Я лихорадочно соображал.

— Хм... может быть, вы уже знаете, что лейтенант Сильва собирался представить Брамби на сержанта...

— Да, знаю. Твое мнение?

— Ну... Судя по документам, он уже два месяца ходит в десант командиром группы. Его действия оцениваются очень хорошо

— Я спрашивал о ваших собственных рекомендациях, мистер.

— Но... прошу прощения, я ни разу еще не был с ним в деле, поэтому не могу иметь четкого мнения. На корабле каждый может быть хорошим солдатом. Однако, насколько я могут судить, он уже слишком долго выполняет функции сержанта, чтобы просто так убрать его, а над группой поставить кого-нибудь другого. Новый шеврон должен бы появиться у него до того, как мы пойдем в десант. Или его нужно перевести в другое подразделение, когда мы вернемся. В этом случае чем скорее его переведут, тем лучше.

Блэки покачал головой:

— Уж больно ты щедр, как я погляжу, мистер третий лейтенант. Раздаешь моих «черных гвардейцев» налево и направо.

Я почувствовал, что краснею.

— Но я все же настаиваю. Это единственное слабое место в отряде. Брамби нужно повысить или перевести. Я не хочу, чтобы он возвращался

к своим капральским обязанностям, а другой перепрыгнул через его голову. Он скиснет, и слабое место превратится в дыру. А вы сами знаете, чем это грозит в десанте. Если нельзя нашить еще один шеврон, лучше отдайте его в Департамент кадров на базе. Тогда он не будет унижен и получит шанс стать сержантом в другой команде. Вместо того чтобы загнуться здесь.

— Правда? — переспросил капитан, но, несмотря на тон, лицо его оставалось бесстрастным. — А теперь, после мастерски проведенного анализа, примени свои дедуктивные способности и объясни: почему же лейтенант Сильва не перевел Брамби три недели назад, когда мы спокойно сидели на Санкторе?

Я задумался. Наилучшее время для перевода десантника в другую часть — следующее же мгновение после этого, как решил это сделать. По крайней мере, так говорят учебники. Я спросил:

— В то время лейтенант Сильва был уже болен, капитан?

— Нет.

Вдруг все встало на свои места.

— Капитан, я рекомендую немедленно представить Брамби к сержантскому званию.

Он поднял брови.

— Минуту назад ты считал его слабым местом...

— Не совсем так. Я сказал, что нужно поскорее выбирать — или одно, или другое. Я только не знал, что выбрать. Но теперь знаю.

— Продолжай.

— Я знал, что он прекрасный офицер, — не сдавался я, — ведь он оставил мне превосходный отряд. Теперь так. Хороший офицер, если даже и не желает чьего-либо повышения по причине — ну, в общем, по любой причине, — не обязательно доверяет свои сомнения бумаге. Но в этом случае, если он не хотел делать Брамби сержантом, то должен был избавиться от капрала при первой возможности. Однако Сильва этого не сделал. Поэтому я рекомендую Брамби...

Я помолчал и добавил:

— И все-таки я не понимаю, почему нельзя было все сделать три недели назад. Брамби еще на отдыхе получил бы третий шеврон.

Капитан Блэкстоун ухмыльнулся.

— Ты подошел в своем следствии к самому главному, чего не обязательно знать сержанту. Но так и быть. Открою один из наших маленьких секретов. Запомни, сынок: пока идет война, никогда не представляй своего человека к повышению перед тем, как вернуться на базу.

— Но... почему, капитан?

— Ты сам сказал, что если бы мы не хотели повышать Брамби, то нужно было бы послать его в распоряжение Департамента кадров. Но именно туда он и попал бы, если бы его представили к сержантскому званию три недели назад. Ты просто не знаешь, как охочи эти ребята из Департамента до сержантов. Хороший сержант сейчас ценится не меньше офи-

цера, а может быть, и больше. Полистай для интереса запросы с базы и увидишь, что у нас давным-давно лежит требование на двух сержантов. Только потому, что прежний отрядный сержант был направлен в Кадетский корпус, а место командира одной из групп уже давно пустует, я смог им отказать...

Блэкстоун соорил пренебрежительную гримасу.

— У войны свои жесткие правила, сынок. Те ребята в Департаменте тоже вроде свои. Они хотят увести у меня сержанта, чтобы передать его такому же, как я, капитану Мобильной Пехоты. Но я должен думать о батальоне. И другого выхода нет...

Он вытащил из папки два листа бумаги.

— Вот...

Один листок был заявлением лейтенанта Сильвы капитану. Сильва рекомендовал Брамби в сержанты. Заявление было написано месяц назад.

Другая бумага оказалась сержантским патентом, выписанным на имя Брамби на следующий день после того, как мы покинули Санктор.

— Это тебя устраивает?

— О да. Еще бы!

— Я ждал, что ты укажешь на это слабое место в твоём отряде. Я доволен, что ты попал в точку, хотя и не полностью: грамотный офицер мог бы понять, что к чему, и без моих подсказок. Для этого нужно было немножко порыться в бумагах и разобраться в общем состоянии дела в батальоне. Ну, ничего. Во всяком случае, ты приобрел опыт. Теперь вот что сделаешь. Напиши мне точно такое же заявление, какое написал Сильва, но поставь вчерашнее число. Потом скажи сержанту отряда, чтобы он от твоего имени передал Брамби, что ты порекомендовал его к третьей нашивке. Когда Брамби придет ко мне, я скажу, что оба его офицера, независимо друг от друга, рекомендовали его в сержанты. Думаю, это пойдет ему только на пользу. О'кей.

Следующие две недели я был занят, как никогда в жизни. Даже в лагере Курье не испытывал таких нагрузок. Десять часов в день в оружейной на должности механика. Но от курса математики меня никто не избавлял, и после ланча я исправно отправлялся к капитану Йоргенсен, которая с течением времени не только не снижала, но, похоже, увеличивала требовательность. На еду — примерно полтора часа в день. Плюс необходимый уход за собой — побриться, принять душ, наконец, пришить пуговицу к форме...

Карательная служба, парады, инспекции, минимум работы с отрядом — час. Кроме того, я ведь был «Джорджем». В каждом подразделении есть свой «Джордж» — самый молодой из офицеров, на которого сваливают все так называемые второстепенные нагрузки — занятия гимнастикой, цензуру почты, судейство на спортивных соревнованиях, дежурства по столовой и так далее и тому подобное.

До меня «Джорджем» был Ржавый Грэхэм. Затем он с радостью передал «должность» мне. Но улыбка сползла с его лица, когда я потребовал ин-

вентаризации всего имущества, за которое должен был теперь отвечать. Он тут же полез в бутылку и ледяным тоном заявил, что если я не верю настоящему офицеру на слово, то мне придется подчиняться его приказу. Тогда я тоже уперся и сказал, чтобы он свой приказ изложил письменно. Причем в двух экземплярах: один — себе, а копию передам командиру.

Тут Ржавый отступил — даже второй лейтенант не настолько глуп, чтобы отдавать подобный приказ в письменном виде. Стычка не доставила мне удовольствия: с Грэхэмом я делил комнату, к тому же он был моим инструктором по математике. Но тем не менее инвентаризацию мы все же провели. Лейтенант Уоррен буркнул что-то насчет тупого педантизма, но свой сейф открыл и дал проверить документацию. Капитан Блэкстоун открыл сейф без комментариев, так что я не понял, одобряет он мою пунктуальность или нет.

С документами все обстояло нормально, но вот кое-каких вещей не хватало. Бедный Грэхэм! Он принял дела от своего предшественника, не пересчитывая, а спросить теперь было не с кого — тот парень давно погиб. Ржавый провел бессонную ночь (и, клянусь, я тоже), а утром пошел к Блэки и рассказал ему все.

Блэки для начала показал ему, где раки зимуют, а потом прошелся по реестру недостающего и большую часть списал как «утерянное в бою». В результате Ржавый отделался лишением недельного жалования.

Конечно, не все заботы, выпадавшие на долю «Джорджа», такие тяжкие. Ни разу не собирали трибунал (где «Джордж» обычно выполнял обязанности обвинителя) — в хороших подразделениях их просто не бывает. Пока корабль шел в пространстве Черенкова, не нужно было проверять почту — она не приходила. Гимнастику я передал Брамби. Кормежка всегда была отличной, я только утверждал меню и снимал пробу, лишь изредка заглядывая на кухню. Зато после бесконечной возни в оружейной приятно было сбежать к повару и получить для себя и других механиков сандвичи.

И все же нагрузки «Джорджа» отнимали до двух часов в день — уж очень их было много.

Теперь вы можете понять, как мне доставалось: десять часов в оружейной, три — на математику, полтора часа еда, один час на личные нужды, час работы с отрядом, два часа в качестве «Джорджа» и, наконец, восемь часов сна. Итого, двадцать шесть с половиной часов. К сожалению, расписание на корабле основывалось не на санкторских сутках, составляющих двадцать пять часов. Как только мы покидали базу, то сразу переходили на земной стандарт.

Единственным резервом времени, как всегда, оставался сон.

Однажды в час ночи, когда я сидел в карточной, пытаюсь пробиться сквозь дебри очередного задания по математике, туда вошел капитан Блэкстоун.

— Добрый вечер, капитан, — сказал я.

— Скорее, доброй ночи. Что это тебе не спится? Бессонница? Или, может, ты лунатик?

— Пока еще нет.

— Неужели твой сержант не может заняться бумажками? — Он взял со стола несколько листов.

— А-а, понятно. Отправляйся в постель.

— Но, капитан...

— Хотя лучше присядь-ка. Мне нужно поговорить с тобой. Я ни разу не встречал тебя вечером в карточной, но, проходя мимо твоей комнаты, видел, как ты сидишь за столом. Когда же твои ложатся спать, переходишь сюда. Что происходит?

— Ну... мне никак не удастся все успеть. Не справляюсь...

— Всем всегда не хватает времени. Как дела в оружейной?

— По-моему, хорошо. Думаю, успеем.

— Я тоже так думаю. Послушай, сынок. Дел у тебя много, но нужно выбрать наиболее важное. На мой взгляд, у тебя две главные задачи. Первая — подготовить к десанту снаряжение, что ты и делаешь. (О самом отряде можешь не беспокоиться, я тебе уже говорил.) А вторая задача — не менее важная — подготовиться к десанту самому. И здесь, по-моему, не все в порядке.

— Я буду готов, капитан.

— Чепуха. Ты забросил физическую подготовку и все меньше спишь. И при этом утверждаешь, что будешь готов к выбросу. А ведь тебе придется отвечать в десанте не только за себя, а за весь отряд. Поверь, это ох как не просто! С завтрашнего утра займешься физподготовкой по усиленному комплексу. В полдвенадцатого — отбой, без всяких исключений. Если две ночи подряд будешь больше четверти часа лежать в постели без сна, обратишься к врачу. Это приказ.

— Да, сэр. — Я чувствовал себя так, будто попал в капкан. И все же выдавил: — Но я все-таки не уверен, капитан, что смогу ложиться в полдвенадцатого и при этом все успею.

— Значит, не будешь успевать. Я уже сказал: тебе нужно научиться выделять главное. Расскажи, на что у тебя уходит время.

Я рассказал.

Он хмыкнул.

— Так я и думал. — Он перебрал листки на столе. — Понятно, понятно... конечно, ты должен готовиться к экзаменам. Но так надрываться перед десантом...

— Да, но я думал...

— «Думал»? С этого момента ты освобождаешься и от прочей ерунды. Всю обратную дорогу будешь заниматься математикой. Если будем живы. И запомни: никогда ничего не добьешься, пока не научишься определять, что для тебя в данный момент самое главное. Марш в постель!..

Через неделю мы вышли из пространства Черенкова в намеченном месте, затормозили и обменялись сигналами с другими, уже пришедшими туда кораблями. Нам передали краткий план боя, похожий на рукопись романа средней величины.

Итак, роли были распределены. Оказалось, что в десант нас доставят, как маменькиных сынков, в шлюпках. В этот раз мы могли обойтись без капсул: наши части уже заняли плацдарм на поверхности планеты. Подразделения Второй, Третьей и Пятой дивизий Мобильной Пехоты спустились на планету и взяли на себя подавление противовоздушной обороны багов.

Казалось, что наша цель не стоит прилагаемых усилий. Планета была меньше Земли, сила тяготения составляла только 0,7 земной. Ее поверхность почти сплошь покрывали холодный арктический океан и скалы. Минимум флоры и фауны. Воздухом планеты нельзя было дышать долго — в нем содержалось слишком много озона и окиси азота. Единственный континент был не больше Австралии, а в океане торчали мелкие, усеянные скалами островки. В общем, эта планета потребовала бы, наверное, порядочных усилий, чтобы ее освоить.

Но слава Богу, планета была нужна не для колонизации. Мы пришли потому, что сюда явились баги. А явились они, по мнению Генерального штаба, не просто так. Как считали в штабе, на планете П находилась еще не достроенная военная база противника.

Против кого она должна была действовать, я думаю, объяснять не надо.

Поскольку планета сама по себе ценности не представляла, самым простым было бы использовать возможности одного Флота. Флотские могли бы и без нашего участия сделать несчастный сфероид непригодным для обитания кого бы то ни было. Но у командования родилась другая идея.

Предстоящая операция квалифицировалась как рейд. Быть может, покажется странным называть рейдом операцию, в которой задействованы сотни кораблей и тысячи людей. Тем более что значительной части Флота приходилось в это время держать в напряжении другие силы багов, отвлекая их и не давая им возможности помочь планете П.

Но при всем том наше командование нельзя было упрекнуть в нерасчетливости. Такой широкомасштабный рейд должен был во многом определить, кто выиграет войну, — неважно, через год или лет через тридцать. Дело в принципе. Нам необходимо было узнать как можно больше о психологии багов. Требовалось ли для победы уничтожить всех багов в галактике? Или можно все-таки наладить контакт и установить мир? Мы не знали, так как понимали их не лучше, чем земных термитов.

Для того чтобы изучить их психологию, необходимо было общаться с ними, раскрыть мотивы их деятельности, понять, почему они дерутся и при каких условиях драться перестанут. Для этого корпусу военных психологов требовались пленные.

Легче всего поймать рабочих багов. Но их рабочий, как оказалось, мало отличался от следующего инстинкту насекомого. При известной сноровке удавалось поймать и воина. Но выяснилось, что без дирижера эти воины такие же идиоты, как и рабочие. Благодаря поимке воинов, тем не менее наши ученые узнали очень важные вещи. В результате, к примеру, был придуман тот самый тяжелый газ — безвредный для нас и смертельный

для багов. Детальное изучение их биохимии позволяло в короткие сроки создавать разные виды нового оружия. Но для того чтобы понять, почему баги дерутся, необходимы были представители касты интеллектуалов. К тому же мы надеялись, что таких пленных можно будет обменивать на наших ребят.

До сих пор ни один баг-интеллектуал не попадался нам живым. Или мы вычищали, как на Шэоле, всю планету до дна и на ней не оставалось ни одного живого бага. Или, что было чаще, ребята спускались за «дирижаерами» в их дыры, но никто никогда обратно не возвращался. Многие лучшие десантники погибли именно так.

Еще больше пехоты погибло из-за невозможности подняться с планеты. Команда оставалась на планете потому, что ее корабль или корабли уничтожались противником на орбите. Какая судьба выпадала тогда на долю десанта? В большинстве случаев погибали все, до единого. Ребята дрались до тех пор, пока в скафандрах сохранялась энергия. А потом баги брали уцелевших голыми руками.

От наших новых союзников скиннов мы узнали, что многие десантники находятся в плену — сотни, а может быть, и тысячи ребят. Разведка утверждала, что пленных, скорее всего, уже перевезли на Клендату. Баги, безусловно, были заинтересованы в пленных не меньше нашего. Судя по всему они понимали нас еще меньше, чем мы их. Разделенная на индивидуальности раса, умеющая строить города, звездные корабли, умеющая воевать, была для муравьиного сообщества еще большей загадкой, чем муравьиное сообщество для нас.

Короче, мы хотели, если это было возможно, выручить наших ребят из плена.

По жестким, бездушным законам Вселенной именно в этом заключалась наша слабость. Вполне возможно, что раса, которая совершенно не заботится о спасении своего индивидуума, призвана освободить пространство Вселенной от более слабой, построенной на гуманных принципах цивилизации. У скиннов гуманность проявлялась в гораздо меньшей степени, а у багов такой «недостаток», похоже, отсутствовал совсем. Никто никогда не видел, чтобы один баг пришел на помощь другому — даже раненому. Их подразделения были великолепно скоординированы, но они легко оставляли погибать любое скопление воинов, когда понимали, что в нем нет нужды.

Что говорить, мы вели себя совсем по-другому. Так уж, наверное, устроены люди. В газетах вы могли прочесть заголовки типа «Двое погибли, пытаюсь спасти тонущего ребенка». Если человек потерялся в горах, сотни отправляются на поиски, и часто бывает, что некоторые из них гибнут сами.

Не блестящие, с точки зрения арифметики, результаты... Но как мы можем отречься от принципов гуманизма? Они пронизывают весь фольклор, все земные религии, всю литературу.

В основе нашей цивилизации лежит убеждение, что, если одному человеку нужна помощь, остальные никогда не будут высчитывать, во что

эта помощь обойдется... Слабость? Нет, это единственная сила, хранящая нас на просторах галактики.

Но слабость это или сила — баги жили по-другому. И шансы на обмен пленными были ничтожно малы.

Однако, с другой стороны, в муравьином сообществе некоторые касты ценились гораздо больше других. По крайней мере, на это надеялись наши психологи. Если бы мы могли захватить бага-интеллектуала живым и нередимым, у нас появились бы шансы на обмен.

А если захватить королеву?!

Какова обменная цена королевы? Полк Мобильной Пехоты? Никто не знал. План боя предписывал нам захватить именно «аристократию» багов — интеллектуалов и королей — и любой ценой.

У операции «Аристократия» имелась и третья цель: выработать метод, как спускаться в норы, как выковыривать оттуда багов, как побеждать, не применяя оружия тотального уничтожения. Десантники превосходили воинов-багов на поверхности планеты. Наш Флот тоже постепенно начинал добиваться превосходства. Но мы оказывались беспомощными, когда спускались в их туннели.

Даже если бы в последующем не удалось обменять «аристократию» багов на наших, для проведения подобной операции были, таким образом, веские причины. Планета П становилась тестом, проверкой в боевых условиях нашей способности найти средства для полной победы.

«Краткий план» был прочитан каждому десантнику и повторен во время гипнотической подготовки. Нам дали понять, что операция «Аристократия» может помочь вызволить друзей из ужасного плена. В то же время мы знали, что на планете П людей нет — она еще ни разу не подвергалась нападению. Поэтому даже самые ретивые не должны были рваться под землю, чтобы собственноручно спасти товарищей, а заодно заработать медаль. Намечалась очередная охота на багов. Но охота, подкрепленная на этот раз огромной концентрацией сил и новыми способами ведения боя. Мы собирались чистить планету, как луковицу, шкурка за шкуркой, пока не станет ясно, что ни одного бага на ней нет.

На первом этапе Флот прошелся по всем мелким островам и заодно по незаселенной части континента, превратив их в каток из радиоактивного стекла. Командование позаботилось и насчет нашего тыла: Флот организовал постоянный патруль на подступах к околопланетной орбите. Боевые корабли охраняли нас с тыла, экспортировали транспорты. Флотская разведка следила за тем, чтобы баги не вылезали из своих нор и не тревожили нас. Такая возможность, пусть даже небольшая, существовала и после проведения операции «Каток».

Перед «Черной гвардией» Блэки план ставил сравнительно простую задачу: поддержка и охрана Главной миссии, контакт с соседними подразделениями Мобильной Пехоты и уничтожение любого бага, который осмелится показать свою мерзкую голову на поверхности. При более благоприятных условиях — углубление операции на занятой территории.

Приземление было необычно комфортным — с планеты не было никакого сопротивления. Я вывел отряд из шлюпки и повел к месту назначения рысью — то есть почти на пределе мощности скафандров. Блэки умчался вперед еще быстрее, чтобы встретиться с командиром роты, которого он должен был заменить, выяснить обстановку и точнее определить размеры занимаемой нами территории. Он скакал к горизонту, словно заяц с реактивными двигателями на задних лапах.

Я послал Кунха с его первой группой занять передние углы моей территории. Потом приказал отрядному сержанту отправиться к левым соседям, где должны были располагаться части Пятого полка. Наш Третий полк обязан был занять участок в триста миль длиной и восемьдесят шириной. Мне достался «огород» сорок на семнадцать на левом фланге полка. За нами стояли «пантеры», справа — отряд лейтенанта Корошэна, а за ним — Ржавый со своими ребятами.

Наш Первый полк уже заменил полк Пятой дивизии, встал слева и чуть впереди нас. «Впереди», с «тыла», «справа», «слева» — обозначения, конечно, условные, но план предусматривал очень жесткую регламентацию позиций. Данные по предусмотренному расположению частей вводились в программы компьютеров всех командных скафандров, что, безусловно, облегчало офицерам управление войсками и контроль за каждым своим человеком. Линии фронта как таковой не существовало — просто имелась территория, которую нужно было занять. Насколько я могу судить, боевые действия велись сейчас только на нашем правом фланге.

Недалеко, всего в двухстах милях, должен был располагаться Второй отряд роты Джи Второго батальона Третьего полка, более известный как «сорвиголовы».

Хотя с той же долей уверенности можно было утверждать, что «сорвиголовы» сейчас воюют на расстоянии сорока световых лет. По тактическим причинам размещение боевых подразделений никогда не совпадало с официальной схемой. Все, что я знал из плана, это несколько строк о некоем Втором батальоне справа от нас, в тылу ребят с «Нормандии». Но этот Второй батальон мог с тем же успехом быть из другой дивизии. Маршал играет с Генштабом в шахматы, не спрашивая у пешек, где им хотелось бы стоять.

Но раздумывать о «сорвиголовах» было некогда. Мне хватало забот и как лейтенанту «черной гвардии». С отрядом все было пока нормально, он находился в целостности и сохранности, как на самой гостеприимной из планет. Но предстояло еще очень много сделать до того, как Кунха со своей группой доберется до самого дальнего угла моего участка.

Я обязан был:

Найти командира отряда, который занимал данный участок до меня. Застолбить углы «огорода» и идентифицировать их для командиров отделений и групп. Установить контакт с командирами восьми соседних отрядов, пять из которых уже должны были быть на месте (из Пятого и Первого полков), а три другие (Корошэн из «черной гвардии» и Байонн с

Сукарно из «пантер»), как и мой, в настоящее время только разворачивались. Наконец, как можно быстрее расставить своих людей по намеченным позициям.

Последнее нужно было проделать как раз в первую очередь. Вторая группа во главе с Брамби располагалась на левом фланге, Кунха — впереди и чуть левее. Остальные группы занимали территорию между ними.

Такое стандартное разворачивание на позиции мы не раз отработывали на корабле, все время пытаясь справиться с задачей побыстрее. Я сказал в микрофон:

— Кунха! Брамби! Разворачивайте своих. Используйте сержантский канал связи.

— Первый — принято! Второй — принято! — откликнулись они.

— Командиры отделений! Присматривайте за новичками. Здесь мог остаться кто-нибудь из «Херувимов», и я не хотел бы, чтоб наши невинные новобранцы погибали от рук своих же парней!

Я переключился на личный канал связи.

— Сержант, нащупал кого-нибудь слева?

— Да, сэр. Они видят меня, я вижу их.

— Хорошо. Я что-то не могу засечь сигнал от якорного маяка.

— Я тоже.

— Так. Предупреди командиров отделений. Кто там поближе? Хьюз? Пусть попробует установить новый маяк, если старого нет.

Я был встревожен: никто из Третьего и Пятого полков почему-то не позаботился о сигнальном маяке. Его нужно было установить в очень важной точке — в левом переднем углу моего участка, где сходились позиции трех полков.

Но гадать не было смысла. Я продолжал:

— В крайнем случае рванешь к маяку сам. Разберешься на месте.

— Да, сэр. По-моему, это недалеко от меня. Всего миль двенадцать.

— Отлично. Я пока отключаюсь — попытаюсь найти своего предшественника. От него тоже никаких сигналов, как всегда, все перепутали. Найду тебя позже...

— Удаchi, мистер Рико.

Я помчался вперед на максимальной скорости, одновременно подключившись к офицерскому каналу связи:

— «Херувимы Чанга», ответьте. «Херувимы Чанга», ответьте. Вы слышите меня? Отвечайте!

Я все же хотел переговорить с командиром отряда, занимавшего участок до нас. И не для того, чтобы обменяться любезностями. Скорее, наоборот. То, что я увидел, мне совсем не понравилось.

Похоже, первоначальный план о легком захвате превосходящими силами небольшой, недостроенной базы багов был слишком оптимистичным, или же «Черной гвардии Блэки» достался самый трудный участок. Еще вылезая из шлюпки, я заметил с полдюжины валявшихся на земле скафандров. Пустых или с мертвыми десантниками внутри.

Во-вторых, дисплей моего тактического радара показывал весьма неприглядную картину: большинство моих ребят толпились у места приземления, меньшая часть отряда продвигалась в глубь участка, но никакой системы в этом продвижении не было.

Я отвечал за 680 квадратных миль вражеской территории, и крайне важно было получить всю информацию об этой территории до того, как отряд полностью на ней развернется. План боя на этот раз предусматривал совсем новую тактическую доктрину, сулившую, по-моему, только лишние осложнения. Не подходить вплотную к туннелям багов. И не закрывать их, как мы привыкли, с помощью небольших бомб. Блэкстоун сообщил мне о новой доктрине так, как будто это его самого осенила такая гениальная мысль. Но я сильно сомневался, что в самом деле она ему нравилась.

Тактика была простой и логичной, если только не жалеть потерь: позволить багам вылезать на поверхность и уничтожать их наверху. Не нужно бомбить их дыры, пускать в них газ — наоборот, пускай беспрепятственно лезут наверх. Зато через некоторое время — день, два, неделю, — если силы у нас действительно превосходящие, они перестанут вылезать. В Отделе планирования Генштаба подсчитали (разрази меня гром, если я знаю как), что баги прекратят сопротивление на поверхности планеты после того, как потеряют от семидесяти до девяноста процентов своих воинов.

Тут мы и начнем сдирать шкурки с планеты, проникая все глубже вниз, уничтожая на своем пути уцелевших воинов и стараясь заполучить живьем кого-нибудь из «аристократов». Мы не знали, как они выглядят — нам показывали фотографии мертвых представителей этой касты. Известно, что они почти не передвигаются: к здоровенным телам были приделаны декоративные ножки. А королеву никому пока увидеть не удалось. Правда, ребята из Биологического корпуса набросали несколько предположительных «дружеских шаржей»: неприятные на вид монстры величиной с лошадь и, по заключению тех же биологов, совершенно неподвижные.

Кроме интеллектуалов и королев, должны были существовать и другие «аристократы». Но нам было не до нюансов. Так или иначе, задача оставалась той же — выкуривать багов наружу, уничтожать их, а потом хватать живьем тех, кто останется.

Прекрасный план. И очень логичный. Жаль, только на бумаге. Для меня он означал, что отряду придется держать сотни квадратных километров территории с открытыми норами. И каждую такую нору, от которой можно ждать любой пакости, придется держать в поле зрения.

А если дырок окажется слишком много... Допустим, я могу как бы случайно засыпать несколько штук, чтобы ребята справились с остальными. Рядовой в обычном скафандре способен оборонять значительную площадь, но под специальным надзором он может держать только одну точку, не больше.

Я продвинулся на несколько миль, обогнав свою первую группу. Одновременно вызывал на связь «Херувимов», потом любого из офицеров, затем передавал позывные «Сторожевого»...

Никто не отзывался...

В конце концов ответил мой собственный начальник:

— Джонни! Что ты шумишь на всю галактику! Умолкни и отвечай по общему переговорному каналу.

Я начал объяснять ситуацию, но Блэки оборвал меня и сказал, чтобы я больше не искал командира «Херувимов» в своем квадрате. И остальных офицеров тоже. Может быть, кто из сержантов и остался жив, но линия командования у «Херувимов» полностью разрушена. Кроме капитана Чанга, в операции участвовало еще три его офицера. Из полка нашли одного — моего однокашника Мойса, и Блэки как раз пытался что-либо выудить из него. Но Абе Мойс не был ценным источником информации. Когда я присоединился к их разговору и назвал себя, Абе решил, что я — его батальонный командир, и стал, задыхаясь, докладывать, что успел увидеть. Рассказывал он с нудной дотошностью видеомагнитофона, но проку в его информации не было ничуть.

Наконец Блэки прервал его и приказал мне действовать, исходя из обстановки.

— Забудь о плане. Ситуацию представляешь. Так что будь начеку и не мешкай!

— О'кэй, босс!

И я рванул на максимальной скорости через весь свой «огород» к самому дальнему углу, где должен был стоять якорный маяк. На лету я движением головы включил свой канал связи:

— Сержант! Так что насчет этого чертового маяка?

— Здесь негде его ставить, сэр. Свеженький кратер, масштаб шесть единиц.

Я свистнул про себя. В таком кратере может затеряться наш «Сторожевой». Одной из любимых штук багов, которую они использовали, когда сами находились под землей, были гигантские мины. (Ракеты они пускали только с кораблей.) Если кто находился рядом во время взрыва, то получал шок от сотрясения.

Взрывная волна настигала даже в воздухе, нарушая работу гироскопов и выводя из-под контроля скафандры.

Но я никогда не видел кратер больше четырех единиц. Теоретически считалось, что они не могут устраивать слишком больших взрывов из боязни повредить собственные подземные жилища. Вот тебе и теория.

— Попробуй установить временный маяк, — сказал я. — И сообщи командирам отделений и групп.

— Я уже сделал это, сэр. Угол один-один-ноль. Вы сможете поймать его, если возьмете три-три-пять с того места, где сейчас находитесь...

Его голос звучал спокойно, как у сержанта-инструктора на учениях.

Я обнаружил сигнал на дисплее над левой бровью — один длинный, два коротких.

— О'кэй. Я вижу, что Кунха с группой уже почти развернулись. Возьми их, пусть контролируют кратер. Брамби придется продвинуться на четыре мили вглубь, чтобы прикрыть их.

Я с тревогой подумал, что теперь на каждого моего человека придется по четырнадцать квадратных миль. А если намазывать масло еще тоньше, то и по семнадцать. А багу, чтобы вылезти на поверхность, нужна дырка всего в пять футов шириной.

— Кратер очень горячий? — спросил я.

— Дно желто-красное. Я не спускался в него, сэр.

— Держись подальше. Я сам проверю попозже.

Незащищенного человека желто-красный кратер, конечно, убьет, но десантник в скафандре может там некоторое время продержаться.

— Скажи Найд, что меня интересуют две вещи: движения в самом кратере... и шумы вокруг него...

(Мы никогда не пошлем людей в атаку туда, где они схватят убийственную дозу радиации. Но с багов станется. Если они признают это целесообразным.)

— И передай Найд, что пусть Малан и Вйорк подойдут к краю кратера и установят прослушиватели. И пусть Найд докладывает обо всем мне. Я имею в виду — тебе и мне.

— Да, сэр. — Сержант помолчал и добавил: — Могу я сделать предложение?

— Конечно. И не спрашивай каждый раз разрешения.

— Наваррес спокойно управится с остальной частью первого отделения. Сержант Кунха может с группой отправиться в кратер, а Найд тогда будет следить у его кромки.

Я понял, что он имеет в виду. Найд стал капралом совсем недавно и никогда еще не командовал группой в бою. В самом деле, неразумно посылать его в эпицентр, быть может, самого опасного места на нашем участке. Сержант хотел поручить Найд, дело полегче.

Меня заинтересовало, знает ли он, о чем я думаю? В его скафандре, как у сержанта батальона, в отличие от моего был еще один канал связи. Личная связь с капитаном Блэкстоуном.

Блэки мог быть уже в курсе всего, слушая нас через этот самый канал. Ясно, что сержант не согласен с моей диспозицией отряда. Если я сейчас не последую его совету, то через секунду вполне могу услышать в наушниках голос капитана Блэкстоуна: «Сержант, примите командование отрядом. Мистер Рико, вы освобождаетесь от командования».

Но... Черт побери, капрал, которому не дают командовать группой, не настоящий капрал. И командир отряда, который, как кукла чревовещателя, повторяет лишь слова своего сержанта, — ноль. Пустой командирский скафандр!

Я не долго предавался мучительным размышлениям. Эти мысли промелькнули в моей голове за одно мгновение, и я почти без паузы ответил:

— Я не собираюсь посылать капрала заниматься ерундой, годной для новобранца. А сержанта делать наседкой над четырьмя рядовыми.

— Но...

— Я, кажется, ясно сказал. Нужно, чтобы дежурные в кратере менялись через полчаса. И еще. Необходимо как можно скорее осуществить патрульный осмотр всего участка. Командиры групп должны засечь каждый туннель багов и подать от него сигнал командиру отделения. Так, чтобы у командиров отделений, сержанта отряда и командира отряда сложилась карта местонахождения всех дыр на нашей территории. Если их не так много, будем смотреть за каждой. Но это я решу позже.

— Да, сэр.

— Потом второй этап — более медленный и тщательный патрульный обход участка. Поиск дыр, пропущенных в первый раз. Помощники командиров групп на этом этапе пусть используют радары, инфравидение и прочую технику. Командиры групп должны получить сигналы о расположении каждого своего человека. Не пропускайте и чужие сигналы — на участке могут быть раненые из «Херувимов». Но никому не помогать без моего приказа. Прежде всего мы должны прояснить ситуацию с багами.

— Да, сэр.

— Есть еще что-нибудь?

— Только одно, — ответил он. — Я думаю, что в группах можно использовать технику уже при первом осмотре.

— Ладно, пусть так.

В его предложении был смысл: температура на поверхности планеты была намного ниже той, что поддерживали баги в своих туннелях. Поэтому на экране инфравизора даже закамуфлированная нора будет выглядеть настоящим гейзером. Я бросил взгляд на дисплей.

— Кунха с ребятами почти у цели. Начинайте парад.

— Хорошо, сэр!

— Отбой.

Я переключился на общий канал связи и, продолжая двигаться к кратеру, слушал, как сержант осуществляет наш план. Одну группу он послал в кратер, а две оставшиеся раскидал так, чтобы худо-бедно, но заполнить положенную площадь. Второе отделение уже начало патрульный осмотр участка.

Сержант проделал все с завидной четкостью и без лишних слов. У меня бы наверняка так не вышло.

Подслушивал я неспроста: хотел узнать, возникнут ли при перестановке трения в группах. Но никаких разногласий не обнаружилось. Кунха и Брамби, получив приказание, молча его выполняли. Капралы вмешивались только тогда, когда группам действительно нужно было произвести новый маневр. Помощники командиров передавали уточняющие координаты. Рядовые и вовсе молчали.

Я слышал тяжелое дыхание пятидесяти человек. И оно вдруг напомнило мне шум морского прибоя. Блэки был прав. Отряд «играл, как концертный рояль».

Они не нуждались во мне. Я мог спокойно отправляться восвояси, а отряд работал бы как часы.

Я не был до конца уверен, что оказался прав в споре с сержантом и не отправил Кунха сторожить кратер сверху. Если что случится, а двое новобранцев у кромки ямы ничего не смогут сделать, все оправдания, что я поступил по инструкции, не будут стоить и ломаного гроша. Разве скажешь: да, отправил людей на гибель, но зато по всем правилам?

Мне захотелось узнать, нет ли случайно у «сорвиголов» вакантного места сержанта.

Почти весь мой участок был ровным, как степь вокруг лагеря Курье. Судьба давала нам шанс первыми замечать вылезающих из-под земли багов и уничтожать, не давая им сориентироваться. Отряд развернулся широко: четырехмильные интервалы между людьми и шестиминутные — между патрульными обходами. Я прекрасно понимал, что сил для настоящего контроля не хватает. По три-четыре минуты, по крайней мере, одна дырка оставалась без надзора, а за такое время из нее могла появиться целая армия багов. Радар, конечно, видит дальше, чем глаз человека, но, к сожалению, не так четко, так что особых надежд на него не было.

Вдобавок мы могли пользоваться только оружием избирательного и короткого радиуса действия: слишком много вокруг Мобильной Пехоты. Появись из ближайшей норы баг, я не смог бы ударить по нему чем-нибудь солидным: потом наверняка оказалось бы, что недалеко от бага находился свой брат десантник. Это обстоятельство сильно ограничивало нашу огневую мощь и отчасти лишало уверенности в себе. В операции «Аристократия» только офицеры и отрядные сержанты были вооружены ракетами, но и они, судя по всему, их не применяли. Если ракета не находит своей цели сразу, то по присущей ей отвратительной привычке продолжает искать до тех пор, пока не найдет что-то подходящее. А свой или баг — ей безразлично. Мозги небольших ракет мало отличаются от куриных.

С какой радостью я обменял бы патрулирование небольшого «огорода», окруженного тысячами десантников, на обычный бой, когда точно знаешь, где свои, а где чужие. Но делать нечего, и я продолжал продвигаться к кратеру, появившемуся в столь неподходящем, стратегически важном месте. Я наблюдал за территорией, над которой летел, и одновременно следил за дисплеями радаров. Ни одной норы пока не обнаружил, но зато перепрыгнул через длинный сухой овраг, почти каньон. Исследовать его времени не было. Я передал координаты оврага отрядному сержанту и приказал кого-нибудь туда направить.

Кратер оказался еще больше, чем я представлял. «Сторожевой» действительно мог затеряться в этой яме. Счетчик радиоактивного излучения зашкаливал почти везде. Небезопасно даже для человека в скафандре. Я засек координаты кратера, измерил его ширину и глубину, а затем начал шарить вокруг, пытаюсь найти те же чертovy норы. Я не нашел ни одной, зато столкнулся с партулями Пятого и Первого полков. Мы быстро договорились поделить кратер на секторы наблюдения, чтобы каждая из групп

могла в случае чего позвать на помощь две другие. Координатором выбрали Дю Кампо из «Охотников за головами» — лейтенанта наших соседей слева. Затем я отослал Найда с половиной его группы назад и доложил обо всем боссу и отрядному сержанту.

— Капитан, — сказал я Блэки, — никаких вибраций почвы не наблюдается. Хорошо бы мне слазить вниз и поискать дырки. Судя по счетчику, я не получу большой дозы, так что...

— Сынок, держись подальше от этого кратера.

— Но, капитан, я ведь...

— Заткнись. Ничего полезного ты там не найдешь. Я же сказал — держись подальше!

— Да, сэр.

Следующие девять часов были скучными и томительными. Нас готовили к сорока часам десанта (два витка планеты вокруг своего солнца) при помощи насильственного сна, гипноподготовки и введения специальных питательных веществ в кровь. Скафандры обеспечивали всем необходимым. Обычно они не рассчитаны на такое долгое действие, но сейчас у каждого из нас были дополнительные системы энергоснабжения и кислородной ре-активации. И все же однообразное патрулирование неизбежно снижало бдительность десантников.

Я назначил Кунха и Брамби патрульными сержантами, оставив за собой и отрядным сержантом свободный осмотр территории. Потом приказал патрулям меняться составами, чтобы люди всякий раз осматривали новую для них территорию. Кроме того, мы с отрядным сержантом решили объявить премии и награды тому, кто первый найдет важный туннель, первый убьет бага и так далее. Уловки, годные для новобранцев в учебном лагере, но они хоть как-то помогали поддерживать в людях активность, что было жизненно важно прежде всего для них самих.

Неожиданно нам нанесло визит специальное подразделение: три военных инженера составляли почетный эскорт некоему светилу — пространственному экстрасенсу. За минуту до их прилета меня предупредил Блэки:

— Храни их, как зеницу ока, и делай все, что попросят.

— Да, сэр. А что им будет нужно?

— Откуда я знаю? Если майор Лэндри захочет, чтобы ты голым танцевал вокруг норы багов — танцуй...

Я отключился и приказал сержанту подтянуть ребят к месту предполагаемого прибытия гостей. Я решил сам встретить их, так как сгорал от любопытства: никогда не доводилось видеть такого типа за работой. Они приземлились чуть правее, чем ожидалось, и один за другим вылезли из аэрокара. Майор Лэндри и два других офицера были в скафандрах, с портативными огнеметами на поясе. Зато на гении не было ни оружия, ни скафандра — только кислородная маска и обычная форма без знаков различия. Казалось, его очень занимало все вокруг, он больше напоминал наивного и любопытного шестнадцатилетнего паренька, чем военного специалиста...

Меня ему не представили. Но я сам подошел поближе, и первое впечатление рассеялось, когда я увидел вокруг его глаз сеть глубоких морщин.

Экстрасенс повертел головой и вдруг сдернул кислородную маску. Я ужаснулся и, прислонив свой шлем к шлему майора, сказал, не включая связи:

— Майор... здесь очень горячий воздух. Кроме того, нас предупредили, что...

— Увянь, — сказал майор, — он сам все знает.

Я увял. Экстрасенс отошел на несколько шагов и замер. Потом закрыл глаза, оттопырил нижнюю губу и, казалось, полностью погрузился в себя.

Внезапно он открыл глаза и спросил капризно:

— Как можно ждать от человека результатов, когда вокруг него прыгают все время какие-то глупцы? Как блохи!

Майор Лэндри буркнул в мою сторону:

— Приземлите свой отряд.

— Майор, могу ли я разрешить моим людям передвигаться по земле?

— Нет. И заткнитесь наконец.

Экстрасенс надел кислородную маску и двинулся к аэрокару. Места для пятого в каре не предполагалось, но мне разрешили (вернее, приказали) уцепиться и повиснуть на подножке. Мы поднялись и пролетели пару миль. Здесь наш гений снова снял маску и стал, на первый взгляд, бесцельно бродить по окрестностям. Время от времени он обращался то к одному, то к другому инженеру, которые кивали и делали пометки в блокнотах.

Потом мы опять забрались в аэрокар и опять перелетели на новое место. Так повторялось много раз, я даже сбился со счета. Всего, по-моему, мы посетили не менее дюжины точек на моем участке, и всюду повторялось одно и то же. Потом они решили перебраться на территорию Пятого полка. Перед отбытием один из инженеров вытянул из блокнота лист и протянул мне:

— Карта, вернее, субкарта вашего участка. Эта широкая красная линия — единственный туннель багов на вашем «огороде». С правого края он проходит на глубине около тысячи футов, но к левому флангу постепенно повышается и покидает вашу территорию на глубине футов в четыреста. Может быть, четыреста пятьдесят. Вот эта глубокая сетка возле туннеля — их колония. Самая высокая точка — сто футов от поверхности. Я ее пометил. Вам лучше поставить здесь прослушиватели до того, как мы вернемся и займемся этой колонией.

Я уставился на карту.

— Она надежна?..

Инженер быстро оглянулся на гения и еле слышно прошепел:

— Конечно, надежна, а вот вы — идиот! Вы что, хотите вывести его из равновесия?

Они улетели, а я все продолжал разглядывать карту. Инженер, следуя указаниям экстрасенса, сделал два наброска. Специальное устройство соединило их и нарисовало стереокартинку всего подземного царства у нас под ногами. Тысяча футов! Я был так потрясен, что даже забыл отменить команду «замри». Наконец я очнулся, приказал забрать прослушиватели из кратера и поставил двух ребят с ними в соответствии с удивительной картой — теперь мы прослушивали шумы вдоль их бульвара и над городом.

Я доложил обо всем Блэки. Когда начал объяснять координаты туннеля, он меня прервал:

— Майор Лэндри передал копию субкарты мне. Лучше скажи, где ты установил прослушиватели.

Я сказал.

— Не так плохо, Джонни, — пробурчал он. — Но не совсем то, чего бы хотелось мне. Ты установил слишком много ушей над туннелем. Нужно наоборот — четыре поставить над городом. А над бульваром у тебя остается еще четыре.

— Да, сэр, — сказала я и добавил: — Капитан, мы можем полагаться на эту карту?

— А что тебя не устраивает?

— Но... Это похоже, скорее, на магию. Черную магию!

— Сынок, у меня тут есть послание маршала, адресованное специально тебе. Он просил передать, что эта карта утверждена официально... и что он позаботится обо всем сам. Так что можешь спокойно заниматься своим отрядом. Все понятно?

— Да, сэр.

— И не забывай, что баги умеют быстро прокапывать ходы. Удели особое внимание прослушиванию не только туннеля, но и всей своей территории. Если пропорхнет бабочка, ты должен засечь шелест ее крыльев в любом углу твоего «огорода». И немедленно докладывать мне — что бы ни услышал!

— Да, сэр.

— Ты когда-нибудь слышал, как они роют?

— Не приходилось, сэр.

— Можешь представить, как жарится бекон? Так вот, по звуку похоже... Останови патрульные обходы. Одного человека оставь у кратера. Половину отряда отправь спать на два часа. Остальные пусть не барахтаются, а внимательно слушают.

— Да, сэр.

— К тебе могут вернуться инженеры. Только что прислали новый план боя: саперы будут взрывать и затыкать главный туннель багов там, где он ближе всего подходит к поверхности. Это слева от тебя, у «Охотников за головами». Другая саперная рота проделает то же в месте, где туннель разветвляется. Это миль за тридцать справа от тебя, на территории Первого. Они заткнут бульвар с двух сторон и отрежут самую большую их

колонию. Интересно, что такую же штуку устроят и в других местах. Далее — по ситуации. Или баги начнут прорываться наружу, и нам придется организовать бойню. Или затаятся внизу, и тогда придется спускаться самим.

— Понятно, сэр.

Я не был уверен, что понял абсолютно все, но задачу, кажется, уяснил.

— Пусть твои ребята на фланге войдут в контакт с саперами, когда те придут, и помогут, если понадобится.

— Хорошо, капитан.

Просьба о помощи саперам меня не огорчила. Военные инженеры почти равны Мобильной Пехоте. С ними приятно работать. Когда становится жарко, они мигом бросают свои дела и дерутся — может быть, не так профессионально, но не менее храбро, чем мы. Или работают на переднем крае, в самой гуще сражения.

— Ну держись, сынок...

Двенадцать ушей. Это означало, что на каждый пост я могу поставить только полгруппы. Капрала и трех рядовых. А половину отряда отправить спать. Перегруппировка отряда заняла не больше десяти минут: я детализировал план, довел все координаты до сведения сержантов и предупредил насчет возможного прибытия инженеров. Как только отделения доложили о включении новых постов прослушивания, я перешел на общий канал:

— Нечетные номера! Ложись. Вам два часа на сон. Один... два... три... четыре... пять — спать!

Скафандр, конечно, не пуховая перина, но спать в нем можно. В гипнотическую подготовку перед боем, кроме всего прочего, включается удивительный трюк, позволяющий в редкие минуты отдыха десанта единственной командой заставить людей моментально заснуть. Причем команду может дать и не гипнотизер. Затем в нужный момент можно точно так же разбудить ребят, и они будут свежи, бодры и готовы к драке. Этот трюк часто выручал нас, если не сказать — спасал: измученному, измотанному человеку очень трудно заснуть, он еще больше изматывается и в конце концов оказывается не в состоянии драться.

Сам я спать пока не собирался. Правда, никто и не приказывал, а я не напрашивался. Мысль о том, что на глубине нескольких сотен футов засели тысячи багов, прогоняла сон начисто. А вдруг экстрасенс не все услышал? Или вдруг баги смогут подкрасться, минуя посты прослушивания?

Пусть все это плод моего воображения, но я не хотел оставлять багам ни одного шанса.

Я включил личный канал связи:

— Сержант! Можете отдохнуть с ребятами. Я пригляжу за всем. Ложитесь. Даю два часа на сон. Один... два...

— Прошу прощения, сэр.

— Да?

— Если я правильно понял новый план боя, в ближайшие четыре часа не предполагается никаких действий. Вы могли бы отдохнуть сейчас, а потом...

— Забудьте об этом! Я хочу проверить посты прослушивания и дождаться саперов.

— Хорошо, сэр.

— Сейчас я рвану к номеру третьему, вы останетесь с Брамби и отдохнете. А я...

— Джонни!

Я мигом переключил канал.

— Да, капитан? «Неужели Блэки нас слушал?»

— Ты установил все посты?

— Да, капитан. А все нечетные уже спят. Я как раз собираюсь пройти по всем постам. И...

— Пусть это сделает сержант. Я хочу, чтобы ты отдохнул.

— Но, капитан...

— Ложись. Это приказ. Тебе дается два часа на сон. Один... два... три...

— Капитан, с вашего позволения, я хотел бы сначала проверить посты. А потом отдохну, если вы так хотите. Но лучше бы мне оставаться на ногах...

От неожиданного громкого хохота Блэкстоуна у меня даже заложило уши.

— Очнись, сынок. Ты проспал час с лишним! Глянь на часы...

Я посмотрел и почувствовал себя круглым дураком.

— Ну что, проснулся, сынок?

— Да, сэр. Кажется, да, сэр.

— Судя по всему, становится жарче. Поднимай нечетных — пусть четные немного поспят. Если повезет, в их распоряжении будет целый час.

Я делал все, не говоря ни слова отрядному сержанту. Я был зол на него. И на Блэки тоже. На Блэки — за то, что против моей воли отправил спать. А на сержанта — за то, что со мной никогда не проделали бы такой штуки, не будь он настоящим командиром, а я — подставным.

Но после проверки третьего и первого постов (все оказалось тихо) я остыл. В конце концов, злиться на сержанта за то, что сделал капитан, просто глупо.

— Сержант...

— Да, мистер Рико?

— Вы не хотели бы отдохнуть с четными? Я подниму вас на несколько минут раньше.

Он замялся.

— Сэр, я хотел бы еще проверить посты прослушивания.

— Разве вы еще этого не сделали?

— Нет, сэр. Весь последний час я спал.

— Вот что. Поддайте-ка жару капралам, пусть подтянутся. Сейчас будить никого не станем, но когда придется это делать, секунды могут решить все. И тогда многое будет зависеть от них.

— Понял сэр.

Я проверил еще один пост, потом перешел к тем четырем, что были расположены над городом багов. Требовалось некоторое усилие воли, чтобы подкложиться к прослушивателю: с помощью уха я действительно слышал их — где-то на невообразимой глубине раздавался шелест. Наверное, баги переговаривались друг с другом. Мне ужасно хотелось все бросить и бежать как можно дальше от зловещего уха, но единственное, что оставалось, — это не показывать своих чувств.

Я подумал, что прилетевший к нам экстрасенс — просто человек с гипертрофированным слухом. Но баги находились там, где он сказал. В Кадетском корпусе мы специально прослушивали записи с болтовней багов, и я мог различать эти звуки. Четыре поста на нашем участке передавали шумы, характерные для большого города. Шелест мог быть речью (хотя зачем им речь, если всех на расстоянии контролирует каста интеллектуалов?). Хруст хвороста, шелест сухих листьев, изредка вой на высокой ноте, который фиксировался только над городом. Этот звук явно был механического происхождения. Может быть, вентиляция?

Характерного шипения и треска, означавших, что баги прокапывают новый ход, пока не появлялось.

Звуки над их бульваром были другими. Тяжелое гроыхание, временами доходящее до рева, словно проезжал мощный транспорт. При проверке пятого поста у меня появилась идея. Я приказал людям у четырех постов над туннелем кричать каждый раз, когда шум на бульваре будет возрастать. После нескольких экспериментов я счел нужным доложить капитану Блэкстоуну.

— Капитан...

— Джонни?

— Движение по туннелю одностороннее — от меня к вам. Скорость — примерно сто десять миль в час. Транспорт проходит примерно раз в минуту.

— Примерно так, — согласился он. — По моим расчетам, скорость составляет сто восемь миль в час, а интервал — пятьдесят восемь секунд.

— Понятно... — Я был страшно разочарован и сменил тему. — Что-то пока не видно саперов.

— И не должно быть. Они сообщили, что выбрали место у «охотников». Извини, что сразу тебе не сказал. Что-нибудь еще?

— Нет, сэр.

Он отключился, а мое настроение несколько улучшилось. Даже Блэки может что-то забыть... да и мысль моя оказалась правильной. Я покинул зону туннеля и направился к двенадцатому посту.

Как и везде, двое здесь спали, один слушал, а один стоял на часах. Я обратился к часовому:

— Как дела?

— Все тихо, сэр.

Один из новобранцев, дежуривший у уха, поднял голову:

— Мистер Рико, мне кажется, что они тут устроили базар.

— Давай послушаем.

Он подвинулся, чтобы я тоже мог подключиться.

Внизу, казалось, жарили бекон, да так громко, что кажется, можно было почувствовать его вкус.

Я мотнул головой и заорал по общему каналу:

— Первый отряд! Подъем! Пересчитаться и доложить!

И сразу — на канал офицерской связи:

— Капинат! Капитан Блэкстоун! Срочно!

— Спокойно, Джонни. Докладывай.

— Они жарят бекон, сэр, — крикнул я, чувствуя, что не могу совладать с голосом. — Пост двенадцать.

— Принято, — сказал он. — Децибелы?

Я бросил взгляд на приборы.

— Не знаю, капитан. Прибор зашкалило. Похоже, они прямо под ногами!

— Прекрасно! — обрадовался он. — Лучшая новость за весь сегодняшний день. Теперь слушай, сынок. Подними своих ребят...

— Уже сделано, сэр!

— Отлично. Поставь еще двух прослушивателей вокруг поста двенадцать. Попробуй узнать поточнее, где они хотят вылезти. Но сам держись подальше от этого места! Понял меня?

— Слышу вас, сэр, — сказал я осторожно, — но не очень понимаю. Он вздохнул.

— Джонни, ты заставишь меня посидеть раньше времени. Послушай, сынок. Мы хотим, чтобы они вылезли. Чем больше, тем лучше. У тебя почти нет огневой мощи, тебе их нечем сдержать — останется только завалить дырку, из которой они полезут. А этого как раз ни в коем случае делать нельзя! Если навалятся всей силой, их и полк не сможет удержать. Но наш генерал это прекрасно понимает, потому на орбите крутится целая бригада с тяжелым вооружением, ждем, когда они полезут. Поэтому обозначь место, а сам держись подальше, только наблюдай. Если повезет на твоем участке баги пойдут в главный прорыв, то данные разведки передадут на самый верх. Поэтому хватай удачу за хвост, но постарайся при этом остаться живым. Понял?

— Да, сэр. Обозначить место прорыва. Отступить и избегать контакта. Наблюдать и докладывать.

— Давай!

Я отозвал прослушивателей с девятого и десятого постов над туннелем и приказал им приближаться к посту двенадцать, каждые полмили

прослушивая багов. Одновременно я снял двенадцатый и отослал ребят в наш тыл. По мере удаления они тоже должны были сообщить, как затухает звук.

Тем временем отрядный сержант занимался перегруппировкой. Всех, кроме двенадцати слушающих, перевели на территорию между городом багов и кратером. Поскольку был приказ в драку не ввязываться, нам не хотелось распылять силы. Сержант расположил ребят линией длиной всего пять миль. На левом фланге, возле города, расположилось отделение Брамби. Интервал между людьми был всего ярдов триста; для десантника это все равно что плечом к плечу. Вдоль линии установили свои девять постов прослушивания. Теперь только я и еще трое находились вдали от отряда.

Я связался с Байонном и Дю Кампо, объяснил ситуацию и сообщил, что прекращаю патрулирование. Потом доложил о перегруппировке отряда Блэкстоуну.

Наши действия он одобрил.

— Исходите из обстановки. Где может произойти прорыв?

— Похоже, что в центре квадрата восток-десять, капитан. Точнее сказать пока еще трудно. Звук очень громкий на участке примерно в три квадратных мили, и, сдастся мне, он становится шире... Могут ли они перейти на прокладывание горизонтальных туннелей под самой поверхностью?

Вопрос, похоже, застал его врасплох.

— Возможно. Но я надеюсь, что они все же вылезут наружу. — Он сделал паузу, что-то обдумывая. — Доложишь, если центр шума начнет перемещаться. Будь внимательней.

— Да, сэр. Капитан...

— Что еще? Говори, не задерживай.

— Вы сказали, чтобы мы не трогали багов, когда они полезут вверх. Но если они действительно попрут... Что нам тогда делать? Неужели только наблюдать?

На этот раз пауза затянулась секунд на двадцать. Я подумал, что за такое время капитан, наверное, проконсультировался с кем-нибудь сверху. Наконец он ответил:

— Мистер Рико, вы не должны атаковать в квадрате восток-десять или вблизи него. На другой территории разрешаю охоту.

— Да, сэр, — гаркнул я удовлетворительно, — будем охотиться.

— Джонни! — оборвал он. — Если будешь гоняться больше за медалями, чем за багами, и я это обнаружу, — не удивляйся, тогда отзову в Кадетский!

— Капитан, — сказал я честно, — при чем здесь медали, с меня вполне достаточно багов.

— Ну и хорошо. Постарайся не беспокоить меня из-за всякой ерунды.

Я связался с отрядным сержантом и объяснил ему наши новые задачи.

— Доведите до сведения всех наших. И как там состояние скафандров? Проследите за надежностью систем энергоснабжения и воздушки.

— Уже проверили все, сэр. Я думаю, сэр, что можно сменить тех, кто сейчас работает с вами. — И он предложил трех сменщиков.

В этом предложении был здравый смысл, так как ребята работали давно и без отдыха. Но почему все, кого он назвал, — разведчики?

В следующую секунду понял. И обругал себя последними словами. Скафандры разведчиков, как и командирские, были в два раза быстрее обычных. Если бы сейчас земля разверзлась и из нее полезли баги, я оказался бы перед неразрешимой проблемой: мои спутники не смогли передвигаться так же быстро, как я...

Следующие тридцать семь минут прошли спокойно. Мы с Хьюзом исходили вдоль и поперек квадрат восток-десять, останавливаясь, прислушиваясь, опять переходя и не задерживаясь на одном месте дольше, чем требуется, чтобы воткнуть в грунт микрофон. Где бы я ни останавливался, всюду отчетливо слышался характерный звук. Участок шума понемногу расширялся, но его центр оставался прежним. Один раз я вызвал капитана Блэкстоуна — сообщить, что звук внезапно оборвался. И еще — через три минуты — объявить, что шум возобновился. Время от времени я переговаривался с сержантом. В отряде все было спокойно.

Истекли тридцать семь минут, и на нас обрушилась лавина событий.

Внезапно зазвучал канал связи разведчиков:

— Жареный бекон! Квадрат Альберт-два!

Я переключился на офицерский:

— Капитан! Жареный бекон в квадрате Альберт-два! — Затем вышел на связь с соседними отрядами: — Срочное сообщение! Жареный бекон — квадрат Альберт-два!

И тут же услышал голос Дю Кампо:

— Звуки жареного бекона в квадрате Адольф-три!

Едва успел передать эту новость Блэки, как по каналу разведчиков раздалось:

— Баги! Баги! Помогите!

— Где?

Молчание. Я сменил канал.

— Сержант! Кто сообщил о багах?

Он торопливо ответил:

— Вылезли над своим городом. Около Бангкок-шесть.

— Бейте их! — Я переключился на Блэки: — Баги около Бангкок-шесть. Я атакую!

— Я слышал твой приказ, — ответил он спокойно. — А что в квадрате восток-десять?

— Восток-десять...

Тут земля ушла у меня из-под ног, и я провалился в наполненную багами яму. Я никак не мог понять, что случилось. Никто не атаковал.

Словно я упал на крону большого дерева с живыми ветками, которые скреблись, качали меня, как будто хотели вытолкнуть из ямы. Я упал на глубину десять—пятнадцать футов. Было сумрачно, так как свет почти не проникал сюда.

Принять вертикальное положение и прыгнуть я не мог — гироскопы пока не действовали. Но неожиданно заметил, что багов в яме не становится больше. Довольно скоро эти ребята, словно волна морская, вытолкнули меня на твердую почву. Я снова стоял на ногах живой, невредимый, готовый драться. Сразу включил связь:

— Прорыв на восток-десять!.. Вернее, восток-одиннадцать, где я сейчас нахожусь. Здоровенная дырка, и фонтан багов! Сотни!!

У меня было два ручных огнемета, и оба уже работали.

— Сматывайтесь оттуда, Джонни!

— Понял! — сказал я, приготовился подпрыгнуть, но остановился и еще раз хорошенько осмотрелся. Потому что внезапно понял, что давно уже должен был быть мертв.

— Поправка, — сказал я озираясь, все еще не веря глазам. — Прорыв на восток-одиннадцать ложный! Ни одного воина.

— Повтори.

— Восток-одиннадцать. В прорыве участвуют только рабочие. Я со всех сторон окружен, баги все прибывают, но никто из них не вооружен и, судя по панцирям, это рабочие. Меня никто не атакует.

Я помолчал.

— Капитан, а если это отвлекающий маневр? Тогда где-то готовится настоящий прорыв!

— Вероятно, — согласился он. — Твое сообщение передано прямо в штаб дивизии, так что пусть они там думают. А ты присмотришься получше и еще раз проверь информацию. Не расслабляйся — возможны сюрпризы.

— Хорошо, капитан.

Я подпрыгнул — высоко вверх и в сторону, чтобы приземлиться за пределами широко растекающегося, безвредного, но омерзительного моря багов.

Плато, насколько хватало глаз, было покрыто черными шевелящимися панцирями. Я прямо с воздуха взял еще выше и включил общий канал:

— Хьюз! Докладывай!

— Баги, мистер Рико! Просто миллион багов! Пытаюсь жечь их.

— Хьюз, посмотри повнимательней. Кто-нибудь из них пытается отстреливаться? Или все рабочие?

— Уфф... — Я тем временем приземлился и снова подпрыгнул.

Хьюз продолжал:

— Так и есть, сэр. Откуда вы узнали?

— Присоединяйся к своей группе, Хьюз. — Я отключился. — Капитан, здесь вылезло уже несколько тысяч багов. Число нор установить трудно. Меня не атаковали. Повторяю, меня никто ни разу не атаковал. Если там

и есть войны, то они не стреляют. Может быть, прячутся и используют рабочих как прикрытие.

Капитан не отвечал.

Вдали, слева от меня, полыхнула ослепительно яркая вспышка, и сразу такая же, но только справа и еще дальше, почти у горизонта. Я автоматически засек координаты и время.

— Капитан Блэкстоун, ответьте!..

Я переключился на другой канал.

— Сержант! Вы можете связаться с капитаном, чтобы...

В это мгновение сигнал сержанта на дисплее мигнул и пропал.

Определив примерное направление, я помчался туда на предельной скорости моего командирского скафандра. До этого момента я не следил за расположением отряда. Им занимался сержант, я уже увлекся прослушиванием, а последние минуты, можно сказать, тесно общался с багами. Теперь медлить было нельзя, и я пригласил сигналы рядовых, чтобы увидеть, где находятся капралы и сержанты.

Несколько секунд я изучал картинку и наконец решил остановиться на Брамби, Кунха и командирах групп их отделений.

— Кунха! Где отрядный?

— Он пошел на разведку, сэр. Полез в одну из дырок, сэр.

— Передай ему, что я на пути к вам.

Не дожидаясь ответа, я переключился на другой канал:

— «Черная гвардия», Первый отряд! Ответьте Второму!

— Чего тебе нужно? — Это ворчал лейтенант Корошэн.

— Я не могу найти капитана.

— Конечно, не можешь. Он вне игры.

— Убит?

— Нет. Отключилась энергия в скафандре. Так что он пока вне игры.

— Значит, теперь командир роты вы?

— Да, командир. Тебе нужна помощь?

— Э-э... нет. Нет, сэр.

— Тогда заткнись, — сказал спокойно Корошэн. — И не возникай. Мы здесь сами еле справляемся.

Не могу сказать, что запаниковал, но я вдруг ясно почувствовал, как тяжел груз, падающий на мои плечи. Разговаривая с Корошэном, я повторно включил картинку расположения отряда и вдруг увидел, как один за другим исчезают сигналы первого отделения. Первым пропал сигнал Брамби.

— Кунха! Что там с первым отделением?

— Они спустились вслед за отрядным. — Голос Кунха звучал напряженно.

Может быть, в каком-то учебнике подобная ситуация и описана, только мне его читать не довелось. Мог ли Брамби действовать без приказа, на свой страх и риск? Или он получил приказ, который я

не услышал? Так или иначе, Брамби в данный момент уже под землей, вне видимости и слышимости, — так время ли сейчас неукоснительно следовать инструкциям? Во всем разберемся завтра. Если, конечно, оно для нас наступит...

— Ладно, — сказал я, — сейчас буду.

Последний прыжок — и я над ними. Справа заметил бага и уничтожил его еще до того, как приземлился. То, что это не рабочий, я определил не по форме панциря — баг был вооружен.

— Я потерял уже троих. — Кунха тяжело дышал. — Не знаю, что Брамби нужно внизу. Они прорвались сразу в трех местах, там и погибли ребята. Но мы им тоже дали прикурить...

Пока он говорил, я поднялся в воздух, но тут же невероятной силы воздушная волна подхватила меня и швырнула в сторону. Я успел только засечь время. Три с лишним минуты — значит, меня несло миль тридцать. Неужели саперы так вставляют пробки в туннеле? Наконец удалось кое-как скоординировать движение.

— Первое отделение! Приготовиться! Возможна вторая ударная волна!

Я плюхнулся прямо на группу из трех или четырех багов. Они не погибли, но драться явно не могли — только еле шевелились. Я подпрыгнул, оставив им на прощание небольшую гранату.

— Бейте их прямо сейчас, ребята! — крикнул я по общему каналу. — Они полудохлые. И будьте готовы.

Мои слова были прерваны второй волной. Но эта была послабее.

— Кунха! Пересчитай отделение! Немедленно возьмитесь за багов, но будьте начеку.

Переключка тянулась долго: концы никак не сходились с концами, слишком много было потерь. Зато за багов взялись лихо. Я и сам успел найти и уничтожить двенадцать воинов — последний неожиданно ожил и попытался атаковать меня за мгновение до того, как я его сжег. Почему взрывная волна действует на них сильнее? Может быть, из-за того, что у них нет скафандров? Или сотрясение сильно действует на спрятанных под землей «дирижеров»?

Переключка показала, что девятнадцать человек целы и невредимы, двое погибли, двое ранены, а трое вне игры из-за поломок в скафандрах. Двумя скафандрами уже занимался Наваррес, заимствуя необходимые детали из скафандров убитых и раненых. У третьего десантника вышла из строя система радарного наведения, а такой ремонт не для полевых условий. Его приставили к раненым.

К этому времени я вместе с сержантом Кунха обследовал три точки, в которых баги осуществляли прорыв. При первом же взгляде на субкарту стало ясно, что новые дыры появились там, где туннели ближе всего подходили к поверхности планеты.

Одна нора была уже закрыта: над ней красовался целый курган из обломков скал. Вторая — открыта, но активности там баги не проявляли. Я приказал Кунха поставить возле нее капрала с рядовым. Они обязаны

были отстреливать одиночных багов и завалить дыру в случае массового прорыва. Маршалу хорошо сидеть вдали и рассуждать о том, что нужно держать все норы открытыми. Нам с ребятами было не до теорий.

Потом я добрался до дыры, поглотившей моего сержанта и половину отряда впридачу.

Здесь коридор багов проходил всего в нескольких десятках футов от поверхности, и багам, чтобы пробиться наверх, нужно было только убрать слой скалистой породы — потолок туннеля. Когда они проделывали это, мы слышали звук бекона на сковородке. Я удивился, что нигде не видно кусков твердой породы. Бросил взгляд на карту и понял, что произошло. Две дырки, у которых я уже был, баги проделали из небольших боковых туннелей. Но эта вела в их главный лабиринт, так что две другие были сделаны для отвлекающего маневра. Главный прорыв намечался именно здесь.

Интересно, умеют ли баги слушать нас через слой почвы?

Яма сужалась к низу, образуя воронку, на дне которой не было видно ни людей, ни багов. Кунха показал, куда ушли ребята из второго отделения. С того момента, как вниз прыгнул отрядный сержант, прошло семь минут и около восьми с тех пор, как за ним последовал Брамби. Я вгляделся в темноту и несколько раз сглотнул, пытаюсь унять поднимающуюся тошноту.

— Гляди за своим отделением, сержант, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал бодро. — Если понадобится помощь, обращай к лейтенанту Корошэну.

— Какие будут приказания, сэр?

— Никаких. Действуй по-прежнему, пока не получишь новую команду сверху... Я собираюсь спуститься и поискать второе отделение. Так что со мной некоторое время не будет связи...

Не дожидаясь ответа, я прыгнул — нервы и так были на пределе.

Я приказал Кунха оставить двух человек у дырки для прикрытия тыла — одного наверху, у края воронки, другого в туннеле. Затем мы двинулись вниз по коридору вслед за вторым отделением. Старались продвигаться как можно быстрее, но ползли, как мухи, — потолок туннеля проходил над самой головой. Скафандры предусматривали режим движения как бы на коньках, в котором можно быстро катиться вперед, не поднимая ног. Но в этом жутком низком коридоре, когда не ясно, что ждет через несколько шагов, так двигаться было рискованно. Мы просто быстро шагали вперед.

Кроме того, пришлось воспользоваться инфравизорами. Спустившись, мы сразу поняли, что наши биологи правы: баги видели в инфракрасной части спектра. Как только мы включили инфравизоры, оказалось, что туннель ярко освещен. Правда, ничего интересного пока не было — стены из оплавленной скальной породы и удивительно ровный пол.

Спустя некоторое время мы подошли к перекрестку — ход поменьше пересекал наш туннель под прямым углом. Я дал знак остановиться. Нашими стратегиями была разработана целая доктрина ведения боевых

действий под землей, имелось множество инструкций. Но был ли в них прок? Уверенно можно было сказать только одно: тот, кто эти инструкции писал, ни разу не опробовал их на деле... Потому что пока никто еще не возвращался из-под земли, чтобы рассказать, насколько эти инструкции хороши.

Одна из штабных разработок предписывала, в частности, охрану любого встречающегося на пути перекрестка. Вроде того, перед которым мы стояли. Выставить здесь охрану? Но ведь я уже оставил часовых у дырки, два человека должны были обеспечивать возможность отхода. Если каждый перекресток будет отнимать у меня по десять процентов личного состава, шансы выбраться отсюда будут уменьшаться в той же пропорции.

Я решил, что мы должны держаться вместе. И еще решил, что никого не дадим захватить в плен. Обычная операция по захвату территории, только под землей... И когда я себя в этом убедил, будто гора свалилась с плеч. Удивительно, но я успокоился.

Я осторожно заглянул за угол, потом вышел на перекресток и посмотрел по сторонам. Никого. Ни наших, ни багов. Позвал по сержантскому каналу связи:

— Брамби!

Результат был ошеломляющим. Когда разговариваешь по радио, то собственного голоса, естественно, не слышишь. Но здесь, в лабиринте подземных туннелей, мой голос вернулся мощной, как будто физически ощутимой звуковой волной:

— БРРАММБИ!

У меня даже заложило уши.

Но тут на меня с еще большей силой налетела новая волна звука:

— МИСТЕРРР РРИККО!

— Не так громко, — сказал я, перейдя на шепот, — где ты?

На этот раз Брамби ответил значительно тише:

— Я не знаю, сэр. Мы заблудились.

— Ладно. Не дергайся, все нормально. Мы как раз пришли за вами.

Сдается мне, вы где-то недалеко. Отрядный с вами?

— Нет, сэр. Мы...

— погоди, — я переключил канал связи, — сержант...

— Слышу вас, сэр. — Его голос звучал спокойно и тихо: наверное, он тоже шептал. — Мы с Брамби держали контакт по радио, но никак не могли встретиться.

— Где вы?

Он заколебался.

— Сэр, я бы посоветовал вам найти Брамби и выбраться двумя отделениями вверх...

— Отвечайте на мой вопрос.

— Мистер Рико, вы можете целую неделю бродить по этому лабиринту, но так меня и не найти... и к тому же я не могу двигаться. Вы должны...

— Хватит об этом! Вы ранены?

— Нет, сэр. Но...

— Так почему не можете двигаться? Баги?

— Их здесь полно. Но достать меня не могут... а я тоже не могу вылезти. Думаю, вам лучше...

— Сержант, вы тратите драгоценное время. Уверен, что вы знаете, где находитесь. Сейчас возьму карту, а вы скажите координаты. И включите направленный сигнал. Это приказ. Докладывайте.

Он доложил четко и коротко. Я убрал инфравизор, включил лампу на шлеме и проложил дорогу на карте.

— Прекрасно, — сказал я, кончив рисовать. — Вы находитесь почти под нами. На два уровня ниже. Мы примчимся к вам, как только соединимся со вторым отделением. Держитесь. Я переключился на общий канал.

— Брамби.

— Здесь, сэр.

— Куда вы направились после первого перекрестка — направо, налево или вперед?

— Прямо вперед, сэр.

— О'кэй. Кунха, идем к ним. Брамби, баги вас атакуют?

— Сейчас нет. Но из-за них мы и заблудились. Они набросились на нас, мы отбивались, а потом оказалось, что не знаем, как выбраться.

Я хотел было расспросить его о потерях, но потом решил, что не это сейчас главное. Нужно собрать всех ребят и вывести наружу. Там поговорим.

Пустой, вымерший подземный город угнетал и пугал — уж лучше бы здесь бегали баги. Драку под землей мы, по крайней мере, могли представить, а пустые и тихие коридоры таили в себе неясную угрозу. Мы прошли еще несколько перекрестков. Брамби говорил нам, куда сворачивать. В туннели, которые мы миновали, я бросал липучки. Изобретенные недавно бомбы содержали газ, похожий на тот, которым мы уничтожали багов раньше. Но липучки багов не убивали, а вызывали лишь временный паралич. Перед операцией нам выдали уйму этих бомб, и я, не жалея, разбрасывал их направо и налево. В какой-то степени они могли защитить от нападения с флангов.

В одном из больших туннелей мы не смогли наладить с Брамби нормальный контакт из-за необъяснимого отражения радиоволн в этом месте. Связь восстановилась только на следующем перекрестке.

Правда, здесь он уже не смог сказать, куда надо сворачивать. Тут или где-то поблизости их атакowali баги.

Здесь же они напали на нас.

Не знаю, откуда они взялись. Вначале все было тихо. Потом я услышал крики «баги! баги!» из хвоста колонны. Я подумал, что гладкие стенки коридоров не так уж непроницаемы, как кажется. Иначе как могли баги появиться сразу и везде, вокруг нас и между нами?

Мы не пускали в ход огнеметы, не использовали бомбы и гранаты: слишком велика была вероятность задеть своего. Но баги не стеснялись в средствах, если знали, что попадут в десантника. Нам же оставалось отбиваться от них руками и ногами. Но и это оружие было действенным — багам доставались удары мощной мускулатуры скафандров.

Драка длилась не больше минуты. Потом вдруг все баги исчезли, на полу туннеля валялись только дохлые... но, увы, там лежали и четыре наших парня. Среди них был сержант Брамби. Его отделение присоединилось к нам во время боя. Они тихо, буквально держась друг за друга, чтобы не потерять, стояли в соседнем туннеле — и вдруг услышали шум драки. Они направились прямо на шум и вышли к нам.

Кунха и я удостоверились, что четверо десантников мертвы. Потом мы сформировали из двух отделений одно, состоящее из четырех групп. Затем я определился по карте, и весь отряд начал спускаться еще глубже под землю. Очень скоро мы обнаружили багов, окруживших нашего отрядного.

Бой был еще короче первого — от сержанта мы знали, чего ожидать, так что преимущество было на нашей стороне. Сержанту удалось захватить бага-интеллектуала. Он прикрывался им, как щитом, а воины не могли ничего сделать, не подвергая опасности жизнь своего «дирижера». Правда, сержант тоже был лишен возможности двигаться.

Зато мы двигались, как хотели, и нанесли по багам удар с тыла по всем правилам военной науки.

Потом я рассмотрел здоровенную тушу интеллектуала, которого держал сержант, и, несмотря на усталость и потери в отряде, воодушевился.

Но в этот момент прямо над нами послышался характерный звук, и на наших глазах потолок туннеля покрылся трещинами и развалился. Огромный кусок породы накрыл меня, и мое участие в операции «Аристократия» закончилось...

Я проснулся в постели и подумал, что нахожусь в Кадетском корпусе и что до сих пор мне ни разу не снились такие продолжительные и такие сложные кошмары на военные темы. Но это был больничный отсек транспорта «Аргонн». Я действительно дрался с багами под землей и действительно целых двенадцать часов командовал отрядом.

Но теперь я был лишь одним из пациентов корабельного лазарета и, как многие другие, лечился от отравления ядовитой атмосферой планеты П, а также от весьма порядочной дозы радиации: я слишком долго провалялся на поверхности планеты без скафандра, пока меня не подхватила спасательная шлюпка. Кроме того, у меня обнаружили несколько переломов ребер и легкое сотрясение мозга, которое и вывело меня из строя.

Очень не скоро удалось узнать подробности завершения операции «Аристократия» и более или менее восстановить общую картину действий. Многое, конечно, навсегда останется тайной, похороненной в подземных

туннелях багов. Погиб Брамби. Получил свое Найд. И мне оставалось радоваться лишь тому, что оба получили перед десантом шевроны и чувствовали себя людьми в той ужасной неразберихе, когда никто уже не вспоминал о плане боя на планете П.

Я узнал, почему мой отрядный сержант решил спуститься в город багов. Он слышал, как я докладывал капитану Блэкстоуну о том, что главный прорыв оказался фикцией, что они просто пустили рабочих на убой. Когда из образовавшейся рядом с ним дыры полезли настоящие воины, сержант пришел к выводу (на несколько минут опередив заключение Генерального штаба), что никакой отвлекающий атаки не было — баги вылезали наружу от отчаяния и безысходности.

Сержант отметил, что контратака, предпринятая из их города, оказалась слабенькой, а это означало, что сил у них немного. И тогда он почувствовал, что наступил тот миг, который редко выпадет на долю десантника. Золотой миг — стечение обстоятельств, когда один человек может выполнить главную задачу операции. Сержант, не колеблясь, решил использовать свой шанс и в одиночку попробовать захватить кого-нибудь из королевской семьи. Он прыгнул в воронку, уводящую в лабиринты багов, — и выиграл.

Благодаря ему действия Первого отряда «Черной гвардии» получили официальную оценку «миссия выполнена». На планете П в тот день дрались сотни отрядов Мобильной Пехоты, но тех, кто мог потом похвастаться такой оценкой, можно пересчитать по пальцам. Ни одной королевы захвачено не было — баги убили их сами, когда поняли, что положение безвыходно. Удалось взять живьем интеллектуалов — но всего шесть штук. Ни одного из них, кстати, так и не смогли обменять на своих: «дирижеры» прожили в плену очень недолго. Но психологам все же удалось кое-что выведать, так что операцию можно было считать успешной.

Мой отрядный сержант прошел полевую аттестацию и стал офицером. Эта новость меня не удивила. Капитан Блэкстоун частенько говорил, что я заполучил лучшего на Флоте сержанта, в чем я, кстати, ни на миг не сомневался. Ведь я знал своего отрядного раньше. Не думаю, что кто-нибудь в «Черной гвардии» об этом догадывался — я никому не рассказывал, а уж он-то подавно. Сомневаюсь, что даже Блэки был в курсе. А ведь я знал своего отрядного с самого першого дня в Мобильной Пехоте.

Это был Зим.

Я понимал, что во время операции «Аристократия» действовал отнюдь не блестяще. Проведя месяц на «Аргонне», я в числе других выздоровевших прибыл на Санктор. Времени для размышлений оказалось непривычно много. Я перебирал в уме детали, пытался с разных сторон смотреть на свое поведение в качестве командира отряда. Чувствовал, что действовал не совсем так, как полагалось Лейтенанту с большой буквы: позволил этому дурацкому куску скальной породы упасть мне на голову, не смог после ранения продолжать командовать отрядом...

А главное — потери... Я до сих пор не знал числа погибших. Помнил только, что при последней переключке из шести групп оставалось четыре. А сколько отряд потерял потом, когда Зим выводил всех наверх и когда ждали шлюпку? Об этом можно было только догадываться.

К тому времени я даже не знал, жив ли капитан Блэкстоун (на самом деле он был в полном порядке, даже снова взял на себя командование ротой, когда мы спустились под землю). Я же, находясь в неведении, размышлял, как обычно выходят из положения, когда экзаменующийся жив, а экзаменатор мертв. Не оставляла мысль, что после всех промашек даже на сержантскую должность меня не возьмут. Поэтому наплевать, что все учебники по математике остались на другом корабле.

Тем не менее, как только мне разрешили вставать и ходить по кораблю, я позаимствовал кое-какие книжки у одного из младших офицеров и засел за учебу. Математика для меня — тяжелый труд, занятия не оставляли места для неприятных мыслей, к тому же я утешал себя тем, что математика всегда пригодится — независимо от звания и должности.

По прибытии на Санктор выяснилось, что, несмотря на все мрачные предчувствия, я снова кадет. Видимо, Блэки выдал положительное заключение как аванс.

Мой сосед Ангел сидел в нашей комнате — ноги на столе. Возле него лежала аккуратно упакованная стопка моих книг по математике. Когда я вошел, он чуть не свалился со стула.

— Хай, Джонни! А мы думали, ты — того!

— Я? Нет, я не пришелся им по вкусу. А когда тебе на стажировку?

— Ничего себе, — иронично протянул он. — Да я уже давно отстажировался. Я отбыл через день после тебя, сделал три выброса и уже через неделю был тут. А почему ты так задержался?

— На обратном пути. Целый месяц был простым пассажиром.

— Везет же некоторым. А сколько выбросов ты сделал?

— Ни одного, — признался я.

Он присвистнул:

— Уж если некоторым везет, так на полную катушку!

Наверное, Ангел был в чем-то прав. В положенный срок я успешно сдал все экзамены и получил диплом. Однако, на мой взгляд, мне всегда везло в другом — меня окружали хорошие и талантливые люди. И сам Ангел, и сержант Джелли, и лейтенант Расжак, и Карл, и полковник Дюбуа, и Блэки, и Брамби... и, конечно, сержант Зим. Первый лейтенант Зим уже занимал капитанскую должность. Все правильно. Я знал, что мне глупо с ним тягаться.

Через день после выпуска я и мой одноклассник Бенни Монтец стояли в зале космопорта, ожидая прибытия своих кораблей. Я чувствовал себя непривычно в новенькой лейтенантской форме и неловко отвечал на приветствия рядовых и сержантов. Чтобы скрыть смущение, я отвернулся к стене и стал читать висевшую на ней таблицу. Это был список кораблей, находящихся в данный момент на орбите Санктора. Длиннющий

перечень — как будто против Санктора готовилась операция невиданного размаха. Я глазел на таблицу и думал, что у меня сейчас только два желания: вернуться в родной отряд и встретить там отца.

Но я старался не думать об этом — боялся спугнуть предстоящую радость. Стоял, просматривал перечень, стараясь сосредоточиться именно на нем. Сколько кораблей! Я попытался выискать десантные транспортники, то есть те корабли, которые имели непосредственное отношение к Мобильной Пехоте.

Вот «Маннергейм»! Есть шанс увидеться с Кармен? Скорее всего, нет, но можно навести справки.

Вот большие корабли: новая «Долина Фордж» и новый «Ипр», «Марафон», «Галлиополис», «Ватерлоо» и множество других. Громкие имена. Они связаны с победами, в которых топчущая грязь пехота прославила свое имя.

Корабли поменьше. Они названы именами рядовых, сержантов и офицеров: «Горацио», «Альвин Йорк», «Свэмп Фокс», вот и мой «Роджер Янг», «Полковник Боуи», «Ксенофон» и бесконечный список других.

— Смотри, — сказал я Бенни, — какие имена. За каждым — история. Ты изучал историю в школе?

— Конечно, — сказал Бенни, — я, например, помню, что Симон Боливар построил пирамиды, разгромил непобедимую Армаду и совершил первый полет на Луну.

— Ты не упомянул, что он женился на Клеопатре.

— Ах, это. Да, конечно. Я думаю, что вообще у каждой страны своя версия истории.

— Я просто уверен в этом, — сказал я и добавил кое-что так, чтобы он не расслышал.

— Что ты говоришь? — спросил Бенни.

— Извини, Бернардо. Просто одна старая поговорка на моем родном языке. Я думаю, ее можно перевести примерно так: твой дом там, где твое сердце.

— А какой у тебя родной язык?

— Таглогский.

— А разве вы не говорите на обычном английском?

— Конечно, говорим. В деловой жизни, в школе и так далее. Но дома позволяем себе иногда разговаривать на родном старинном. Традиции. Сам понимаешь.

— Да. Мои старики, например, тоже любят поболтать по-испански. Но где ты...

Громкоговорители космопорта пропели мелодию «Страна лугов». Бенни широко улыбнулся.

— Вот он, мой родимый! Береги себя, друг! Увидимся!

— Держи багов на макушке! — Он убежал, а я снова повернулся к таблице. «Поль Молетер», «Монтгомери», «Геронимо»...

И тут раздалась самая чарующая мелодия в мире:

«Да прославится имя, да прославится имя Роджера Янга!»

Я схватил вещи и бросился на позывные. Твой дом там, где твое сердце.

Разве я сторож брату своему?

Бытие IV, 9

Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?

Евангелие от Матфея XVIII, 12

Сколько же лучше человек овцы!

Евангелие от Матфея XII, 12

Во имя Аллаха, милостивого и милосердного... кто спасет жизнь одного, спасет жизнь всех живущих.

Коран, сутра V, 32

Шли годы, мы постепенно склоняли чашу весов на нашу сторону. В каждом деле нужно соблюдать меру.

— Уже время, сэр. — У двери стоял мой стажер, он же третий лейтенант Бирпоу. Он выглядел таким неловким и таким молодым, что я с трудом сдерживал улыбку. Похоже, он был так же безобиден, как и его древние предки — охотники за скальпами.

— Точно, Джимми. — Я уже был в скафандре. Мы прошли к корме, к отсеку отстрела. — И вот что. Будь рядом, но не путайся под ногами. Чувствуй себя свободным, используй амуницию на полную катушку. Если со мной что случится, командиром становишься ты. Но лучше бы тебе при этом довериться своему отрядному сержанту.

— Да, сэр.

Мы вошли в отсек, и отрядный сержант крикнул «Внимание!» и отдал честь. Я сделал то же самое и сказал:

— Вольно.

Я сразу приступил к осмотру первого отделения, а Джимми проверял второе. Потом и я вслед за ним осмотрел второе отделение. Никаких нарушений я не обнаружил. И никогда не обнаруживал — мой отрядный был педантичнее меня самого. Но я знал, что ребятам спокойнее, когда их Старик самолично осмотрит снаряжение каждого. Кроме того, это входило в мои прямые обязанности. Я снова вышел на середину отсека.

— Еще одна охота на багов, ребята. Но она будет отличаться от прошлых, как вы уже знаете. Мы не можем использовать планетные бомбы, потому что они держат на Клендату наших пленных. Мы спустимся на планету, остановимся на ней и выкурим оттуда багов. Всех до единого. Шлюпок, чтобы вернуться, не будет. Разве что нам доставят боеприпасы

и питание. Если попадете в плен, не дергайтесь, держитесь спокойно: за вами мы, за вами вся Федерация. Так или иначе вас вызволят. И помните, что этого ждут от нас ребята с «Монтгомери» и «Свэмп Фокс». Те, кто еще жив, ждут нас. Они знают, что мы обязательно придем. И вот мы идем. Мы не оставим их в беде.

Помните, что вокруг будет много наших. Большие силы сосредоточены и на орбите. Нам же нужно позаботиться только о своем маленьком «огороде». Как это сделать — мы разучивали не раз на корабле.

И последнее. Как раз перед самым отбытием я получил письмо от капитана Джелала. Он пишет, что его новые ноги отлично работают. Но он также просил передать, что он всегда помнит о вас... и надеется, что вы прославите свои имена! А я постараюсь от вас не отстать. Пять минут, падре...

Я почувствовал, что начинаю дрожать. Дрожь немного отпустила, когда я давал последние наставления и наконец скомандовал:

— По отделениям... левый и правый борт... приготовиться к выбросу!

Все было нормально, когда я осматривал ребят в капсулах, в то время как Джимми и сержант проверили капсулы по другому борту. Потом мы усадили Джимми в третий по счету кокон. Когда его лицо скрылось, я опять начал дрожать, как в лихорадке.

Мой отрядный положил руку на плечо моего скафандра.

— Как на учениях, сынок.

— Да, отец. — Я сразу перестал дрожать. — Со мной всегда так, пока я жду.

— Я знаю... Все в порядке, сэр?

— По-моему, да, папа.

Я легонько ударил его в бок, потом ребята из команды флотских усадили нас в капсулы. Дрожь больше не возобновлялась, я доложил:

— «Сорвиголовы» Рико готовы к выбросу!

— Тридцать одна секунда, лейтенант. — Пауза. Потом она добавила: — Желаю удачи, ребята! В этот раз мы зададим им жару!

— Обязательно, капитан.

— Приготовиться. Немного музыки, пока ждете? — Она включила запись:

Во имя вечной славы пехоты...

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Это никакой не слуховой аппарат, — объяснил Хьюберт Фарнхэм. — Это — радиоприемник, готовый мгновенно уловить сигнал тревоги.

Барбара Уэллс замерла от изумления, забыв донести ложку до рта.

— Мистер Фарнхэм! Так вы думаете, что они все-таки собираются напасть на нас?

Хозяин дома пожал плечами:

— К сожалению, Кремль не делится со мной своими секретами.

— Отец, перестань пугать наших дам. Миссис Уэллс... — в разговор вмешался Фарнхэм-младший.

— Называйте меня просто Барбара. Я даже собираюсь через суд добиться разрешения опускать слово «миссис» перед своим именем.

— Для этого вам вовсе не-требуется разрешения суда.

— Учтите это, Барб, — заметила Карен. — В наше время бесплатные советы дороги.

— При всем моем уважении к отцу я все же считаю, что ему просто мерещатся всякие страсти. На мой взгляд, войны, конечно же, не будет, — добавил молодой человек.

— Надеюсь, вы правы, — спокойно сказала Барбара. — А почему вы так считаете?

— Потому что коммунисты — прежде всего реалисты. И они никогда не пойдут на то, чтобы начать войну, способную нанести им вред, даже если бы они смогли выиграть ее. И тем более они не рискнут начать войну, победить в которой не в состоянии.

— Хорошо бы им заодно положить конец этим ужасным кризисам, которые они бесконечно устраивают. Куба! А теперь — Берлин и весь этот шум вокруг него. От всего этого постепенно становишься неврастеничкой, — заявила Грейс. — Джозеф!

— Да, мэм?

— Приготовьте мне кофе. И бренди. Кофе ройаль.

— Да, мэм. — Слуга, молодой негр, убрал со стола тарелку хозяйки, содержимое которой осталось почти не тронутым.

— Отец, — заметил молодой Фарнхэм, — а ведь мать беспокоится не из-за каких-то там дурацких кризисов. Это ты нервировешь ее своим поведением. Ты должен вести себя сдержаннее.

— Нет.

— Но ты должен! У матери кусок уже не лезет в горло... и все из-за какой-то дурацкой пуговицы, торчащей у тебя в ухе. Нельзя же...

— Перестань, Дьюк.

— Сэр.

— Когда ты стал жить отдельно от нас, мы договорились оставаться друзьями. И я всегда рад выслушать твоё мнение, как мнение друга. Но это вовсе не даёт тебе право вступать между мной и твоей матерью — моей женой.

— Ну, Хьюберт... — протянула его жена.

— Прости, Грейс.

— Ты слишком строг с мальчиком. Это раздражает меня.

— Дьюк уже не мальчик. И я не сказал ничего такого, что могло бы действовать тебе на нервы. Прости.

— Мне тоже очень неудобно, мама. Но если отец считает, что я лезу не в своё дело... что ж. — Дьюк изобразил на лице кривую улыбку. — Придётся мне, видно, искать свою собственную жену, о которой я мог бы позаботиться сам. Барбара, вы согласны выйти за меня замуж?

— Нет, Дьюк.

— Я же предупреждала тебя, Дьюк, что она очень умна, — поспешно вставила его сестра.

— Карен, спусти пары. Но почему, Барбара? Я молод. Я здоров. К тому же не исключено, что у меня когда-нибудь появятся клиенты. А пока мы могли бы прекрасно перебиваться и на вашу зарплату.

— Нет, Дьюк. Я полностью согласна с вашим отцом.

— Что?

— Вернее, следовало бы сказать, что мой отец согласен с вашим. Не знаю, носит ли сейчас мой отец приемник в ухе, но уверена, что он внимательно слушает обычное радио. Дьюк, в нашей семье даже машины снабжены НЗ на случай войны.

— Seriously?

— В багажнике моей машины, что стоит перед вашим парадным входом, той самой, на которой мы с Карен приехали сюда из школы, как раз лежит такой набор. Его приготовил мой отец ещё тогда, когда я поступала в колледж. Папа относится к этому очень серьёзно, и я тоже.

Дьюк Фарнхэм открыл было рот, но, так ничего и не сказав, закрыл его.

— Барбара, что же включил в этот набор ваш отец? — поинтересовался Хьюберт Фарнхэм.

— О, множество вещей. Десять галлонов воды. Продукты. Большую канистру бензина. Лекарства. Спальный мешок. Ружьё...

— Вы умеете стрелять?

— Папа научил меня. Лопата. Топор. Одежда. Да, ещё радио. Но не это главное. Самый важный, как он всегда считал, был вопрос: «Куда?» Если бы я оставалась в школе, то отец наверняка счёл бы оптимальным вариантом подвал. А здесь, скорее всего, он посоветовал бы мне как можно дальше забраться в горы.

— В этом нет никакой необходимости.

— Почему?

— Наш отец имеет в виду, — растолковала Карен, — что в случае чего вы сможете укрыться вместе с нами в нашей дыре.

Барбара вопросительно посмотрела на хозяина дома.

Тот объяснил:

— Речь идет о бомбоубежище. Мой сын называет его «Каприз Фарнхэма». Мне кажется, что там вы будете в большей безопасности, чем в горах, особенно если учесть тот факт, что всего в десяти милях от нас расположена база стратегических ракет. Поэтому, как только раздастся сигнал тревоги, мы укроемся в убежище. Правильно, Джозеф?

— Да, сэр! Если так, то я согласен оставаться у вас на жалованье.

— Черта с два! Увольнение произойдет, и сразу же, после того как прозвучит сирена. С этого момента платить уже будешь ты.

— Мне тоже придется вносить свою лепту? — спросила Барбара.

— Конечно. Мытьем посуды. Каждому придется что-нибудь делать. Даже Дьюку.

— Меня можно сбросить со счетов, — мрачно сказал Дьюк.

— Не бойся, у нас не так уж много посуды, сынок.

— Я не шучу, отец. Хрущев заявил, что похоронит нас, и ты всеми силами старайся, чтобы именно так и произошло. Я не собираюсь замуровывать себя заживо в какой-то дыре.

— Как вам будет угодно, сэр.

— Сыночек! — Грейс отставила чашку. — Обещай мне в случае налета укрыться вместе с нами в убежище. — На глазах ее блеснули слезы.

Молодой Фарнхэм некоторое время упорно молчал, затем вздохнул:

— Если это действительно начнется — я имею в виду, если прозвучит сигнал тревоги, потому что никакого налета быть не может, — я, так и быть, полезу в вашу дыру. Но сделаю я это, отец, только ради спокойствия матери.

— Просто ты должен помнить, что место для тебя там всегда готово, — заметил отец.

— О'кей. А теперь давайте перейдем в гостиную и перекинемся в карты — только уговор: о войне больше ни слова. Годится?

— Согласен. — Мистер Фарнхэм поднялся и предложил руку супруге. — Дорогая...

В гостиной Грейс Фарнхэм наотрез отказалась играть.

— Милый, у меня совершенно нет настроения. Ты уж, пожалуйста, составь компанию молодым людям и ... Джозеф! Джозеф, принесите мне еще немного кофе. Ройаль, разумеется. Не смотри на меня так, Хьюберт. Ты ведь прекрасно знаешь, что мне только это и помогает.

— Может быть, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Я терпеть не могу всех этих лекарств. Куда лучше мой любимый напиток.

Они разбились на пары. Дьюк печально покачал головой:

— Бедная Барбара! Играть вместе с нашим отцом... Сестра, ты предупредила ее?

— Оставь свои предупреждения при себе, — посоветовал Фарнхэм.

— Но она имеет право знать. Барбара, молодой грабитель, сидящий напротив вас, настолько же оптимистичен в бридж-контракте, насколько несимпатичен в ... кое в чем другом. Так что ждите подвохов. Если у него на руках окажутся плохие карты...

— Замолчишь ты когда-нибудь, Дьюк, или нет? — Хьюберт начал проявлять первые признаки раздражения. — Барбара, какую систему вы предпочитаете? Итальянскую?

Она широко раскрыла глаза:

— Единственное, что я знаю итальянское, так это вермут, мистер Фарнхэм. Я играю по Горену. Ни плохо, ни хорошо. Руководствуюсь этой книгой, да и только.

— Ну что ж, по книге так по книге, — согласился Хьюберт.

— По книге, — эхом отозвался его сын. — Вопрос только в том, по какой? Ведь отец больше всего склонен следовать советам «Альманаха фермера», особенно когда у противника плохие карты. Тогда он принимается удваивать и вторично удваивать ставку. А потом сами увидите, чем это кончится. И уж если начнете ходить с бубен...

— Канцлер, — прервал его отец, — может быть, вы все-таки соизволите взяться за карты? Или вы желаете, чтобы я вбил их вам в глотку?

— Я успел обо всем предупредить, — невозмутимо продолжал Дьюк, — не приправить ли нам игру чем-нибудь остреньким? Например, по центу за очко?

— Для меня это очень много, — выпалила Барбара.

— К вам, девочки, это не относится, — поспешил успокоить их Дьюк. — Приправа для нас с отцом. Таким способом я ухитряюсь платить за аренду конторы.

— Дьюк имеет в виду, — поправил его Хьюберт, — что таким образом он все глубже увязает в долгах своему старику. Я отыгрывал у него, бывало, все его месячное содержание, еще когда он учился.

Барбара смолкла, и игра началась. Высокая ставка постоянно держала ее в напряжении, хотя платить бы ей все равно не пришлось. Мысль, что-то ее партнер был классным игроком, заставляла ее волноваться еще больше.

Когда она поняла, что мистер Фарнхэм считает ее игру вполне сносной, ей удалось немного расслабиться. Вообще-то играть в паре с Фарнхэмом было не так уж сложно, и роль «болвана» давала ей исключительную возможность продолжать то, чем она занималась все каникулы, — наблюдать за хозяином дома.

Он ей определенно нравился — и тем, как он вел себя в семье, и тем, как играл в бридж, — спокойно, вдумчиво, практически никогда не ошибаясь, а иногда просто блестяще. Ее привело в восторг и то, как он лишил противника заручек в последнем коне, когда она чуть было не погубила их обоих, по глупости сбросив туза.

Она знала, что Карен мечтает обручить ее с Дьюком за этот уик-энд, считая их вполне удачной парой. Дьюк был довольно привлекателен внешне, да и сама Барбара была хорошенькой. По мнению Карен, молодой, подающий надежды адвокат, годом старше Барбары, смело мог бы составить прекрасную партию ее подруге.

Интересно, а стремится ли он сам овладеть ею за эти дни? Может быть, и Карен втайне надеется на это и сейчас с интересом следит за тем, как разворачиваются события?

Нет, этому не бывать!

Да, один раз в жизни ей не повезло, но это вовсе не значит, что любая разведенная женщина абсолютно доступна. Черт побери, она ведь ни с кем не лежала в постели с той самой ужасной ночи, когда она собрала свои вещи и ушла. И почему это люди считают...

Дьюк глядел на нее в упор. Барбара встретила с ним взглядом, вспыхнула и отвела глаза. Теперь она смотрела на его отца.

Мистеру Фарнхэму было около пятидесяти. По крайней мере, на вид ему можно было дать именно столько. Волосы уже начали редеть, седина, сам худощавый — даже худой, хотя и с небольшим животиком, глаза усталые, вокруг глаз морщинки, от носа к уголкам губ тянутся глубокие складки. Симпатичным его никак не назовешь...

И тут с неожиданной теплотой она подумала, что если бы Дьюк Фарнхэм был наделен хотя бы половиной обаяния своего отца, то вряд ли что-нибудь могло помешать их близости. И она вдруг рассердилась на Грейс. Какое оправдание может найти женщина, ставшая неизлечимым алкоголиком? Раздражительная, жирная особа — и рядом Хьюберт Фарнхэм!

Неужели с годами Карен станет такой же, как ее мать?

Ведь они удивительно похожи, правда, Карен не превратилась пока в жирную тушу. Барбаре стало неприятно думать об этом. Карен ее любимая школьная подруга. Она такая милая, благородная и веселая...

Но может быть, когда-то и Грейс Фарнхэм обладала теми же качествами. А что, если женщина всегда с годами становится раздражительной и бесполезной?

Закончился последний кон, и Хьюберт оторвался от карт.

— Три пики, игра в роббер. Неплохо было заказано, уважаемый партнер. Она покраснела.

— Вы хотите сказать, неплохо сыграно. Заказала-то я многовато.

— Ничуть. В худшем случае, мы могли бы потерять одну взятку. Кто не рискует, тот не выигрывает. Карен, Джозеф уже лег?

— Занимается. Завтра у него контрольная.

— Жаль, я думал, он сыграет с нами. Барбара, Джозеф — лучший игрок в этом доме, проявляющий необычную смелость в игре. Прибавьте к этому еще и то, что он учится на бухгалтера и потому никогда не забывает ни одной карты. Карен, может быть, ты сама нальешь нам чего-нибудь, чтобы не беспокоить Джозефа?

— Конечно, смогу, масса Фарнхэм. Водка с тоником вас устроит?

— И закуску, пожалуйста.

— Пошли, Барбара. Придется нам похозяйничать на кухне.

Хьюберт Фарнхэм проводил их взглядом.

«Как досадно, — думал он, — что этой прелестной миссис Уэллс чертовски не повезло с первым мужем. Она явно заслуживает внимания. В бридж играет вполне прилично, хороший характер... может быть, немного нескладна и лицо чуть больше, чем надо... Но зато приятная улыбка, да и голова на плечах. Если бы у Дьюка была хоть капелька мозгов...»

Но у Дьюка ее определенно не было. Фарнхэм поднялся и подошел к жене, тупо смотрящей телевизор.

— Грейс! — позвал он. — Грейс, дорогая, тебе пора ложиться.

Он помог ей дойти до спальни.

Вернувшись в гостиную, Хьюберт застал сына сидящим в одиночестве.

— Дьюк, я хотел извиниться перед тобой за тот разговор во время обеда.

— Ах, это! Да я уже забыл.

— Я бы больше предпочел пользоваться твоим уважением, чем снисхождением. Я знаю, ты не одобряешь мою «дыру». Но ведь ты никогда и не спрашивал, почему я построил ее.

— А что тут спрашивать? Ты считаешь, что Советский Союз собирается напасть на нас, и надеешься спастись таким образом. Обе эти идеи нездоровы по сути. И более чем вредны для матери. Ты просто вынуждаешь ее пить. И мне это не нравится, как и то, что ты запрещаешь мне, адвокату, вмешиваться в отношения между мужем и женой. — Он поднялся. — Пожалуй, я пойду.

— Сынок, ну, пожалуйста, разве защита не имеет права высказаться?

— Что? Ну ладно. — Дьюк снова сел.

— Я уважаю твое мнение, хотя и не разделяю его. Поверь, множество американцев придерживается моей точки зрения, правда, мало кто из них пальцем пошевелил, чтобы спастись в будущей войне, но ты не прав в другом. Я не считаю, что СССР нападет на нас, и я сомневаюсь в том, что наше убежище способно спасти кого-нибудь в случае ядерного удара.

— Тогда зачем же ты вечно таскаешь в ухе эту штуку, сводя мать с ума?

— Я никогда не попадал в автомобильную катастрофу. Но я застрахован от нее. И бомбоубежище — это тоже своего рода страховка.

— Но ведь ты сам только что заявил, что убежище никого не спасет!

— Нет, это не совсем так. Оно могло бы спасти наши жизни, если бы мы жили милях в ста отсюда. Но Маунтэн Спрингс — цель первостепенного значения... и к тому же никто не сможет построить убежище, которое выдержало бы прямое попадание.

— Тогда о чем же беспокоиться?

— Я уже сказал тебе. Это лучшая страховка из тех, что я могу себе позволить. Наше убежище не выдержит прямого попадания. Но если ракета уйдет немного в сторону, оно выстоит. Русские далеко не супермены, и ракеты их весьма несовершенны. Я просто постарался свести риск к минимуму. Это все, что я могу сделать.

Дьюк колебался.

— Отец, дипломат из меня никудышный...

— Тогда и не старайся быть им.

— В таком случае, я задам вопрос в лоб: стоит ли сводить мать с ума, превращать ее в пьяницу только ради того, чтобы продлить свою жизнь на какие-нибудь несколько лет с помощью этой земляной норы? Да и имеет ли смысл дальнейшая жизнь после войны, когда страна будет опустошена, а все друзья мертвы?

— Может, и нет.

— Тогда зачем все это?

— Дьюл, ты пока не женат...

— Это неоспоримо.

— Сынок, я тоже буду откровенен с тобой. Я уже давным-давно перестал заботиться о собственной безопасности. Ты уже взрослый человек и стоишь на собственных ногах, и твоя сестра, несмотря на ее молодые годы, вполне самостоятельное существо. — Он пожал плечами. — Единственное, что меня еще по-настоящему занимает, так это хорошая партия в бридж. Как ты, наверное, заметил, мы с твоей матерью практически перестали понимать друг друга.

— Да, я вижу это. Но это твоя вина. Это ты ведешь мать к помешательству.

— Если бы все было так просто. Во-первых, ты еще учился на адвоката, когда я построил это убежище, — как раз во время Берлинского кризиса. Тогда твоя мать приободрилась и снова стала сама собой. За весь день она могла выпить один martini, и ей этого вполне хватало — а не четыре, как сегодня вечером, Дьюк. Грейс просто необходимо это убежище!

— Что ж, может быть. Но ты определенно выводил ее из себя, снуя по дому с этой затычкой в ухе.

— Вполне возможно. Но у меня нет выбора.

— Что ты имеешь в виду?

— Грейс — моя жена, сынок. А «любить и заботиться» — включает в себя стремление продлить ей жизнь, насколько это в моих силах. Это убежище отвечает моим целям, я смогу уберечь ее в том случае, если она будет находиться внутри него. Как по-твоему, за какое время до атаки нас успеют предупредить?

— Думаю, минут за пятнадцать.

— А для того, чтобы укрыть ее в убежище, достаточно будет трех минут. Поэтому-то я и слушаю непрерывно радио. На протяжении любого кризиса.

— А если сигнал поступит в то время, когда ты спишь?

Отец улыбнулся.

— Когда обстановка напряжена, я сплю с этой пуговицей в ухе. Если она напряжена до предела — как, например, сегодня, — то мы с Грейс ночуем в убежище. Девушкам тоже придется провести ночь с нами. И ты можешь присоединиться к нашей компании.

— Пожалуй, нет.

— Напрасно.

— Отец, даже если предположить, что атака возможна, — только предположить, потому что русские еще не сошли с ума, — то зачем же было строить убежище так близко к стратегической базе? Почему ты не выбрал место, которое было бы равно удалено от любых возможных целей? Построить убежище там — это значит избавить мать от ненужных страданий.

Хьюберт Фарнхэм тяжело вздохнул.

— Сынок, она никогда бы не согласилась уехать отсюда. Ведь здесь ее дом.

— Так заставь ее!

— Дьюк, тебе приходилось когда-нибудь заставлять женщину делать то, чего она по-настоящему не хочет? Кроме того, дело осложняется еще и ее склонностью к выпивке — с алкоголем довольно трудно сладить. Но я должен, по возможности, стараться договариваться с ней, насколько это в моих силах. И... Дьюк, я уже говорил тебе, что у меня не так-то много причин для продления собственной жизни. И одна из них вот такая...

— Ну, продолжай же.

— Если эти проклятые лживые подонки когда-нибудь все-таки сбросят свои смертоносные бомбы на Соединенные Штаты, то я хотел бы отправиться на тот свет, как подобает настоящему мужчине и гражданину, прихватив с собой восемь мертвых врагов, лежащих вокруг меня!

Фарнхэм выпрямился в кресле:

— Я не шучу, Дьюк. Америка — лучшая страна из всех, что человечество создало за свою долгую историю, по крайней мере на мой взгляд, и, если эти мерзавцы убьют нашу страну, я тоже хотел бы убить хотя бы несколько из них! Я почувствовал большое облегчение, когда Грейс категорически отказалась переезжать.

— Почему?

— Потому что я не хочу быть изгнанным из своего родного дома каким-нибудь крестьянином со свиным рылом и скотскими манерами. Я свободный человек. И надеюсь до конца остаться свободным. Я подготовился к этому, как смог. Но бегство не в моем вкусе. Я... Девочки возвращаются!

Вошла Карен, неся напитки, за ней появилась Барбара.

— Ха! Барб осмотрела наши запасы и решила испечь креп-сюзе. В чем дело, вы оба такие мрачные? Какие-нибудь плохие новости?

— Нет. Кстати, включи телевизор, мы еще успеем посмотреть конец десятичасовых новостей. Барбара, какой замечательный запах! Предлагаю вам место повара.

— А как же Джозеф?

— Джозефа мы оставим мажордомом.

— Как же это получается? — не преминул отреагировать Дьюк. — Вы отвергаете мое предложение сочетаться законным браком и принимаете предложение моего старика жить с ним во грехе...

— Я что-то не заметила слова «грех».

— Как! Разве вы не знаете? Барбара... Наш отец — известный сексуальный маньяк.

— Это правда, мистер Фарнхэм?

— Ну...

— Именно поэтому я и стал юристом, Барбара. Мы не в силах были таскать сюда Джерри Гизлера аж из самого Лос-Анджелеса всякий раз, когда папочка попадал в переплет.

— Да, славные были денечки! — согласился Хьюберт. — Но, миссис Уэллс, к сожалению, это было много лет назад. Теперь моей слабостью стал бридж-контракт.

— Раз вы так опасны, я считаю себя вправе рассчитывать на более высокий оклад...

— Тише, дети! — прокричала Карен и усилила звук телевизора.

«... В основном пришли к соглашению по трем из четырех предложенных президентом вопросам и договорились собраться еще раз, чтобы обсудить четвертый вопрос — о присутствии русских атомных подводных лодок в наших территориальных водах. Теперь можно с большой долей уверенности сказать, что кризис самый острый из всех, случавшихся в период после второй мировой войны идет на убыль в результате достижения договоренности, в той или иной степени удовлетворяющей обе стороны. А теперь позвольте познакомить вас с некоторыми головокружительными фактами из жизни компании «Дженерал моторс» и их всесторонним анализом, который по своей глубине...»

Карен выключила телевизор.

— Все именно так, как я и предполагал, отец, — заметил Дьюк, — можешь вынуть из уха свою затычку.

— Потом. Я занят креп-сюзе. Барбара, надеюсь, что вы будете готовить их на завтрак каждое утро.

— Отец, перестань соблазнять ее и сдавай карты. Я хочу отыграться.

— У нас впереди еще целая ночь.

Мистер Фарнхэм кончил есть и поднялся, чтобы убрать посуду. В этот момент позвонили.

— Я открою.

Он отправился в прихожую, но скоро вернулся.

— Кто там, папа? — спросила Карен. — Я сдала за тебя. Теперь мы с тобой партнеры. Ну, вырази же радость по этому поводу.

— Я просто восхищен. Только помни, что игру с объявления одиннадцати взяток не начинают. По-моему, этот человек просто заблудился. А может, он не в своем уме.

— Должно быть, **это** был один из моих поклонников. Пришел на свидание, а ты прогнал его.

— Вполне возможно. Какой-то старый лысый болван, насквозь мокрый и оборванный.

— Да, это ко мне, — подтвердила Карен. — Президент Декса. Пойди догони его, отец.

— Слишком поздно. Он только взглянул на меня и смылся. Кто объявляет масть?

Барбара продолжала играть, на сей раз совершенно машинально. Но ей все время казалось, что Дьюк объявляет слишком много взяток. Игра не доставляла ей наслаждения. Они увязли в длинном мрачном роббере, который в конце концов выиграли, оставшись в проигрыше по количеству очков.

Проиграть следующий роббер с Карен в качестве партнера было сущим удовольствием. Они поменялись местами, и Барбара вновь оказалась партнершей мистера Фарнхэма. Он улыбнулся ей.

— Ну что, покажем им настоящий класс?

— Я постараюсь.

— Просто играйте как всегда. По книге. Все ошибки предоставьте делать Дьюку.

— Слова — не деньги, папа. Давай побьемся об заклад, что вам не выиграть этого роббера. Ставлю сто долларов.

— Хорошо, пусть будет сто.

Барбара стала нервничать, вспомнив о жалких семнадцати долларах, лежащих в ее сумочке. Она стала волноваться еще сильнее, когда первый круг закончился при пяти трефах, объявленных и побитых Дьюком. Ей стало ясно, что он переборщил и остался бы без одной, если бы она не покрыла его промах.

— Ну что, губернатор, удваиваем пары? — спросил Дьюк.

— О'кей. По рукам.

Второй круг был для нее немного удачнее: ее контракт при четырех пиках. К тому же она смогла сделать заходы со всех своих козырей до того, как они переменялись. Улыбка ее напарника была вполне достаточным вознаграждением. Но у нее почему-то дрожали руки.

— Обе команды получают по очку, — сказал Дьюк, — счет сравнивается. Как твоё давление, папочка? Может, еще раз удвоим пары?

— Что, собираешься уволить свою секретаршу? — подтрунивал Хьюберт.

— Не надо лишних слов!

— Идет. Четыре сотни. Можешь продать свою машину.

Мистер Фарнхэм сдал карты. Барбара взяла свои и нахмурилась. В принципе, не так уж плохо — две дамы, пара валетов, туз, король — но не было длинной масти, да и король ничем не прикрыт. В общем, комбинация была из тех, какие она привыкла называть «ни то ни се». Оставалось только надеяться на то, что это будет один из кругов, в которых не бывает ни крупных проигрышей, ни заметных выигрышей.

Ее партнер взглянул на свои карты и объявил:

— Три, без козырей.

Барбара с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, а Карен воскликнула:

— Папочка, да у тебя жар!

— Принимаю, — отозвалась Барбара.

— Твой ход, — предложил Хьюберт Фарнхэм.

«Боже, о Боже, что мне делать», — взмолилась про себя Барбара.

Объявление ее партнера сулило двадцать пять очков — и шлем. У нее на руках было тринадцать очков. Тридцать восемь очков на двух руках — Большой шлем.

Так говорилось в книге! Барбара, девочка, «три, без козырей» — это двадцать пять, двадцать шесть или двадцать семь очков, прибавь к ним еще тридцать и прочтешь: «Большой шлем».

Но по книге ли играл мистер Фарнхэм? Может быть, он объявил просто для того, чтобы выиграть роббер и победить в этом нелепом пари?

Если она оставит все как есть, то сохранит и игру, и роббер, и чetyреста долларов. Большой шлем — вдруг они объявят его — принес бы им около пятнадцати долларов при тех ставках, что установили Дьюк и его отец. Рисковать чужими четырьмястами долларами ради каких-то пятнадцати? Смешно!

Может быть, это как раз один из тех случаев, о которых предупреждал ее Дьюк?

Но ведь ее партнер ясно сказал: «Играй по книге».

— Семь, без козырей, — твердо объявила она.

Дьюк присвистнул:

— Благодарю вас, Барбара. Теперь, папочка, ты один против всех. Удваиваю ставку.

— Пас.

— Пас, — вслед за братом повторила Карен.

Барбара снова прикинула свои возможности. Этот одинокий король был довольно гол. Но... либо они с Хьюбертом получают все тридцать восемь очков, либо — ничего.

— Еще раз удваиваю, — решительно произнесла миссис Уэллс.

Дьюк улыбнулся:

— Спасибо, золотко. Твое слово, Карен.

Мистер Фарнхэм вдруг положил карты и резко поднялся.

Фарнхэм-младший запротестовал:

— Садись, садись, скоро тебе придется пить лекарство, так что не уходи.

Хьюберт, не отвечая, включил телевизор, затем настроил его на нужную волну радио.

— Красная тревога! — внезапно объявил он. — Пусть кто-нибудь предупредит Джозефа... — И он выбежал из комнаты.

— Вернись! Тебе нас не провести с помощью такого примитивного трюка! — крикнул вдогонку Дьюк.

— Заткнись! — рассердилась на брата Карен.

Ожил телевизионный экран:

«... Приближается. Сразу же настройтесь на волну своей аварийной станции. Удачи вам, всего хорошего и да благословит вас всех Господь!»

Изображение на экране исчезло и стало слышно радио: «... Это не учебная тревога. Это не учебная тревога. Все в укрытия. Члены спасатель-

ных команд должны немедленно связаться со своими штабами. Ни в коем случае не выходить на улицу. Если у вас нет укрытия, оставайтесь под защитой ваших домов. Это не учебная тревога. Неопознанные баллистические объекты только что замечены нашими радарам дальнего действия, и есть все основания предполагать, что это боевые ракеты. Все в укрытия. Членам спасательных команд немедленно связаться со штабами...»

— Кажется, это серьезно, — заволновалась Карен. — Дьюк, покажи дорогу Барбаре. Я пойду разбужу Джозефа. — И она скрылась за дверью.

— Никак не могу поверить этому, — пробормотал Дьюк.

— Дьюк, как пройти в укрытие? — сквозь его замешательство прорвался голос миссис Уэллс.

— Я покажу вам. — Он неторопливо встал, собрал карты и аккуратно разложил их по разным карманам. — Мои и сестренкины — в моих брюках, а ваши с отцом — в пальто. Пошли. Чемодан возьмете?

— Нет!

2

Дьюк провел ее через кухню, за которой следовала лестница, ведущая в подвал. Мистер Фарнхэм уже опускался по ней, неся жену на руках. Похоже было, что она спит.

— Подожди, отец! — крикнул Дьюк. — Сейчас я возьму ее сам.

— Иди первым и открой дверь!

В стене подвала оказалась стальная дверь. Дьюк не сумел справиться с ней, замок не поддавался. Мистер Фарнхэм не выдержал и, переложив Грейс на руки сыну, сам открыл ее. За дверью обнаружилась еще одна лестница, спускавшаяся глубже под землю. Воспользовавшись ею, они внесли безжизненное тело миссис Фарнхэм в небольшую комнатку, находившуюся за второй стальной дверью. Заглянув в нее, Барбара прикинула, что пол этой комнатки футов на шесть ниже основания фундамента, а само убежище располагалось, вероятно, под задним двором дома Фарнхэма.

Из-за двери послышался голос мистера Фарнхэма:

— Барбара! Входите же скорее! А где Джозеф? Где Карен?

Не успел он договорить, как эти двое кубарем скатились по лестнице. Карен была растрепана и выглядела очень возбужденной и счастливой. Джозеф спросонья дико озибался по сторонам. Одет он был явно наспех: в брюки и нижнюю рубашку, обуви на нем не было. Он резко остановился.

— Мистер Фарнхэм! Они что, собираются нанести нам удар?

— Боюсь, что так. Скорее входи.

Юноша-негр обернулся и закричал:

— Если не ошибаюсь, мистер Ливингстон! — и ринулся вверх по лестнице.

— О Боже! — сжав ладонями виски, простонал Хьюберт. Затем добавил уже обычным тоном: — Девочки, входите. Карен, запри дверь, но все время

прислушивайся. Я буду ждать столько, сколько смогу. — Он взглянул на часы. — Пять минут...

Девушки вошли. Барбара шепотом спросила:

— Что случилось с Джозефом? Помешался?

— Да, что-то вроде этого. Если не ошибаюсь, мистер Ливингстон — это наш кот, который любит Джозефа и терпит нас. — Карен начала запереть внутреннюю дверь, сделанную из толстой листовой стали и крепящуюся болтами десятидюймовой толщины.

Вдруг она остановилась.

— Черт меня возьми! Я закрываю дверь, а отец остался там, снаружи!

— Не трогай ее вообще.

Карен покачала головой.

— Нет, для надежности я все-таки завинчу парочку болтов так, чтобы он слышал. А кот этот может сейчас прохладиться где-нибудь за несколькими километрами отсюда.

Барбара огляделась. Комната имела Г-образную форму. Вошли они с конца короткого рукава. Справа у стены стояли две койки, на нижней лежала по-прежнему спящая Грейс Фарнхэм. Вдоль левой стены тянулись полки, тесно уставленные какими-то припасами. Койки и полки разделял проход, немногим шире, чем входная дверь. Потолок был низким, закругленным и был сделан, как и двери, из листовой стали. Немного дальше виднелись края еще двух коек. Из-за поворота вынырнул Дьюк и принялся устанавливать ломберный столик. Она с удивлением наблюдала за тем, как он аккуратно вынимает из карманов карты — казалось, все это было так давно! Наверное, уже с час назад. А может быть, прошло только пять минут?

Дьюк заметил ее, улыбнулся и расставил вокруг столика складные стулья.

В дверь постучали. Карен тотчас отперла ее: ввалился Джозеф, за ним вошел мистер Фарнхэм. С рук Джозефа спрыгнул великолепный рыжий персидский кот и тут же принялся обнюхивать все углы. Карен и мистер Фарнхэм сообща затянули все дверные болты. Взглянув на жену, Хьюберт обратился к Джозефу:

— Проверь, дружище, все ли в порядке с дверью.

К ним подошел Дьюк.

— Ну как, посудина заклепана, шкипер?

— Да, осталась только скользящая дверь. Она запирается специальной рукояткой.

— Ну что ж, как освободитесь, прошу к столу. — И Дьюк указал на разложенные карты.

Отец уставился на него в изумлении.

— Дьюк, ты что же, всерьез предлагаешь доиграть партию в то время, как на нас собираются напасть?

— Мою серьезность изрядно подкрепляет возможность выиграть четыре сотни долларов. А еще одна сотня продолжает утверждать, что нас вообще не атакуют. Через полчаса тревога будет отменена, и в завтрашних газетах

появятся сообщения, что радарные установки были сбиты с толку Северным сиянием. Ну как, будешь играть? Или сдаешься?

— Гмм... мой партнер сыграет за меня. Я занят.

— Ты не будешь потом оспаривать ее проигрыш?

— Конечно, нет.

Барбара обнаружила, что она сидит за столом. У нее было такое чувство, что все это происходит во сне. Она взяла карты Хьюберта и взглянула на них.

— Твое слово, Карен.

— О, черт! — в сердцах выругалась Карен и пошла с тройки треф.

Дьюк задумчиво изучал свои карты.

— С чего бы начать?.. — пробормотал он в нерешительности.

— С чего хотите, — отозвалась Барбара, — мне все равно, я буду играть в открытую.

— Может быть, вам лучше этого не делать?

— Нет, я решила твердо. — И она открыла карты.

Дьюк стал разглядывать их.

— Все ясно... — сказал он. — Не убирайте их, отцу тоже будет интересно посмотреть. — Он что-то прикинул в уме. — Здесь примерно двадцать четыре очка. Отец!

— Да, сынок?

— Я тут выписываю чек на четыре сотни и еще девяносто два доллара, и пусть это будет мне уроком.

— Нет никакой необходимости...

Свет погас, пол вздрогнул под ногами. Барбара почувствовала, как что-то страшно сдавило ей грудь. Она попыталась встать, но ноги держали плохо. Казалось, что вокруг них с ревом носятся поезда подземки, а пол стал напоминать палубу корабля, попавшего в свирепый шторм.

— Отец!

— Я здесь, Дьюк. Ты ранен?

— Не знаю. Но чек мне теперь придется выписывать уже на пятьсот девяносто два доллара!

Подземные толчки продолжались. Сквозь не стихающий рев Барбара услышала, как мистер Фарнхэм усмехнулся:

— Забудем об этом. Доллар только что перестал существовать...

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? — послышался пронзительный голос миссис Фарнхэм. — Когда это прекратится?

— Иду, дорогая.

Тьму прорезал тонкий луч фонарика, двигавшийся по направлению к койкам. Барбара подняла голову и с трудом разобрала, что это хозяин дома на четвереньках, держа фонарик в зубах, пробирается к супруге. Вскоре крики стихли, Фарнхэму удалось успокоить жену.

— Карен!

— Что, папа?

— Ты в порядке?

— Да, ушиблась немного. Опрокинула стул.

— Прекрасно. Тогда включи аварийное освещение. Только не вставай. Передвигайся ползком. Я посвечу тебе фонариком. Потом возьми аптечку и шприц и ... ох-х! Джозеф!

— Да, сэр?

— Ты цел?

— Все о'кей, босс.

— Позови-ка своего лохматого Фальстафа. А то он вспрыгнул на меня.

— Это он просто хочет выразить свое расположение к вам.

— Да, да. Но мне не хотелось бы, чтобы он выражал его в то время, как я делаю укол. Позови его.

— Сию секунду. Док, ко мне! Док! Док! На' рыбку!

Через некоторое время грохот стих, пол перестал качаться под ногами, миссис Фарнхэм, получив дозу снотворного, безмятежно спала. В первом отсеке тускло светили две небольшие лампочки, и это дало возможность мистеру Фарнхэму изучить последствия нападения.

Ущерб оказался невелик. Несмотря на то что все было уложено на полки — и довольно тщательно, несколько банок с консервами все же свалились на пол, разбилось несколько бутылок с ромом. Но спиртное было практически единственным из припасов хранящимся в стеклянной упаковке. Самым неприятным оказалось то, что со стены взрывом сорвало батарейный радиоприемник, который от удара разнесло в клочки.

Мистер Фарнхэм разглядывал его остатки.

— Наплевать, отец, — раздался голос Дьюка, — смети весь этот хлам и выбрось в мусорное ведро.

— Кое-что можно восстановить.

— А ты что-нибудь понимаешь в радиотехнике?

— Нет, — согласился Фарнхэм-старший, — но у меня есть книги.

— Книга не починит радиоприемника. Тебе следовало бы иметь запасной.

— Он у меня есть.

— Так где же он? Интересно было бы узнать поподробнее, что происходит вокруг.

Отец медленно поднялся и взглянул на Дьюка.

— Мне тоже интересно. Тот приемник, что у меня в ухе, молчит. Конечно, ничего удивительного в этом нет — он слишком слабый. А запасной упакован в вату и, скорее всего, не пострадал.

— Доставай же его.

— Потом.

— Потом, потом... дьяволыщина. Он нужен сейчас.

Мистер Фарнхэм начал гневно посапывать:

— Мне уже начало надоедать твоё твяканье.

— Что? Ну, прости. Скажи мне только, в каком месте лежит радио.

— Нет. Мы можем лишиться и его, Я хочу дождаться конца нападения. Сын пожал плечами.

— Ну что ж, упрямясь на здоровье. Но ведь наверняка все бы с удовольствием послушали последние новости. И твое упрямство просто глупо.

— Тебя никто не спрашивает. Я уже сказал тебе, что мне надоело твое твяканье. Если тебе хочется узнать, что происходит снаружи, — скатертью дорожка. Тебя никто не держит. Я отопру внутреннюю дверь и промежуточную, а внешнюю ты и сам вполне можешь открыть.

— Как это? Не говори глупости.

— Только не забудь закрыть ее за собой. Лучше, если она будет закрыта — это ослабит радиоактивность и ударную волну.

— Вот это уже ближе к делу. Здесь есть чем измерить уровень радиоактивности? Нам бы следовало...

— Заткнись!

— Что? Отец, не надо строить из себя сурового папашу.

— Дьюк, я по-прежнему прошу тебя замолчать и послушать меня. Ты согласен?

— Ну что ж... хорошо. Мне только не нравится, когда на меня кричат в присутствии чужих людей.

— В таком случае, держи язык за зубами.

Они находились в первом отсеке. Возле них мирно похрапывала миссис Фарнхэм. Остальные тихо удалились в другое помещение, чтобы не быть свидетелями ссоры.

— Так ты готов слушать меня?

— Готов, сэр, — холодно ответил Дьюк.

— Вот и отлично. Сынок, я не шучу. Или уходи... или делай только то, что буду говорить я. Подразумевается и то, что ты должен замолкать, когда я прошу. Как бы это поточнее выразиться? Это должно быть абсолютное подчинение, беспрекословное выполнение всех моих команд. Или ты предпочитаешь уйти?

— А не слишком ли ты перегибаешь палку?

— Именно так я и поступаю. Это убежище — спасательная шлюпка, и я — ее командир. Для безопасности остальных я должен поддерживать дисциплину. Даже если ради этого придется выбросить кого-нибудь за борт.

— Это довольно-таки искусственная аналогия. Отец, сказывается твоя служба во флоте. Оттуда все романтические идеи.

— А я, Дьюк, жалею о том, что тебе вообще не пришлось служить. Ты не реалист. Но оставим это. Так ты будешь выполнять приказы? Или все же покинешь нас?

— Ты же прекрасно знаешь, что никуда не уйду. Да ты и не стал бы говорить об этом всерьез. Ведь это верная смерть.

— Так ты, следовательно, согласен подчиняться приказам?

— Я... э-э... буду сотрудничать с тобой. Но это диктатура... Отец, вспомни свои вчерашние речи о свободе. Ты — свободный человек, и я тоже. Я согласен помогать тебе. Но не собираюсь выполнять приказы, которые считаю ненужными. Что касается держания языка за зубами, то я постараюсь быть дипломатичным. Если необходимость заставляет меня

высказать свое мнение вслух, я это сделаю. Свобода слова. Разве несправедливо?

Хьюберт вздохнул.

— Не то ты говоришь, Дьюк. Отойди-ка, я открою дверь.

— Эта шутка, кажется, заходит слишком далеко, отец.

— Я не шучу. Я собираюсь выставить тебя за дверь.

— Отец... Очень сожалею, но у тебя силенок не хватит тягаться со мной. Я крупнее тебя, да и моложе.

— Это мне известно, но я вовсе не собираюсь драться с тобой.

— Тогда оставим эти глупости.

— Дьюк, пожалуйста! Я построил это убежище. Еще совсем недавно ты измывался над ним, называя его «болезненной причудой». А теперь с удовольствием пользуешься. Верно?

— В принципе, да.

— И все-таки ты указываешь мне, что и как я должен делать, сам при этом не предприняв ровным счетом ничего для общего спасения. Так будь же мужчиной, ведь ты уцелел только благодаря моим усилиям.

— Елки-палки! Я же сказал, что согласен сотрудничать!

— Мне не нужно твое сотрудничество на твоих условиях и по твоему разумению. Пока мы находимся в этом убежище, мне требуется твое полное подчинение.

Дьюк покачал головой.

— Возможно, было бы лучше, если бы командовал ты, а я тебе подчинялся. Но есть одна немаловажная деталь: я в отличие от тебя готовился к этому событию и потому многое предусмотрел. Когда у твоей матери началась истерика, у меня все было наготове. Данную ситуацию я тоже предвидел.

— Как это? Ведь я здесь оказался по чистой случайности.

— Я сказал «данную ситуацию». На твоём месте мог быть кто угодно: гости или какие-нибудь случайные люди, вроде того ненормального, который забрел к нам накануне. Я ведь не бросил бы их на произвол судьбы. Случаи неповиновения я тоже рассматривал и уже заранее нашел выход из этого положения.

— Как ты думаешь, чем отличается командир спасательной шлюпки от остальных, сидящих в ней? — спросил Хьюберт.

— Это что, загадка?

— Ответ прост, сынок: у командира есть оружие.

— О, я и не сомневался, что оно у тебя есть. Правда, с трудом представляю себе, что ты стреляешь в меня. Неужели ты способен на это?

Фарнхэм некоторое время смотрел в глаза Дьюку, затем опустил взгляд.

— Нет. В чужого человека — возможно. Но ты — мой сын. — Он вздохнул. — Ну что ж, надеюсь на твое сотрудничество.

— Обещаю тебе его.

— Спасибо, сынок. А теперь, извини. Мне нужно кое-что сделать. — Мистер Фарнхэм позвал: — Джозеф!

— Да, сэр!

— Сложилась ситуация номер семь.
— Ситауция семь, сэр?
— Да, и положение все время ухудшается. Будь осторожен с инструментами и не мешкай.
— Понятно, сэр! — Он повернулся к сыну: — Дьюк, можешь собрать остатки этого радио. Они еще пригодятся в качестве запчастей. Согласен?
— Конечно, сэр. — Он очень скоро справился с заданием.
Хьюберт уже двигался в направлении второго отсека.
— Мистер Дьюк! Руки вверх!
Дьюк взглянул через плечо и увидел, что позади картонного стола стоит Джозеф и целится в него из автомата.
— Какого черта!
— Стойте на месте! — предупредил Джозеф. — При малейшем движении — стреляю.
— Правильно, — согласился мистер Фарнхэм, — тебя ведь не удерживают от этого родственные узы, как меня. Джозеф, если он только пошевелится, Джозеф, если он только пошевелится, пристрели его.
— Отец! Что происходит?
Мистер Фарнхэм повернулся к дочери:
— Ступай обратно!
— Но, папочка...
— Тихо. Обе возвращайтесь и сидите там на нижней полке. Быстро!
Карен подчинилась. Барбара с ужасом заметила, что в руке хозяина дома тускло отсвечивает оружие, и быстро последовала за Карен.
— А теперь обнимите друг друга, — приказал Фарнхэм, — и не двигайтесь.
Он вернулся в первый отсек.
— Дьюк.
— Да?
— Медленно опусти руки и расстегни брюки. Пусть они спадут, но ног из них не вынимай. После этого повернись лицом к двери и отпирай ее.
— Отец...
— Заткнись. Джозеф, если он сделает хоть что-нибудь не так, как велел, стреляй. Можешь для начала стрелять по ногам, но попасть в него ты должен обязательно.
Ошеломленный, бледный, стреноженный своими собственными брюками, Дьюк принялся отвинчивать дверные болты. В разгар работы отец остановил его.
— Дьюк, в ближайшие несколько секунд придется решить — уходить или остаться. Условия тебе известны.
Почти без колебания Дьюк ответил:
— Я принимаю их.
— Но это еще не все. Ты будешь подчиняться не только мне, но и Джозефу.
— Джозефу?

— Моему первому помощнику. Без помощника мне никак не обойтись, Дьюк. Не могу же я все время бодрствовать. Я бы с радостью поставил на это место тебя, но по известным тебе причинам не сделал этого. Поэтому мне пришлось натренировать Джозефа. Он знает, где что находится, как что действует, как что починить. Таким образом, он мой заместитель... Что ты на это скажешь? Согласен ли ты подчиняться ему так же беспрекословно, как и мне? Не возьмешь потом свои слова обратно?

— Согласен, — медленно проговорил Дьюк.

— Благодарю. Тогда запирай дверь и надевай брюки. Джозеф, можешь убрать автомат.

— О кей, босс.

Отец протянул сыну пистолет.

— Зачем это? — спросил Дьюк.

— Соберись с мыслями. Если твоя клятва вынуждена, то лучше нам узнать об этом сейчас.

Дьюк оттянул затвор и вынул патрон из магазина. Взглянул на него, сунул его обратно, снова щелкнул затвором и вернул перезаряженный пистолет отцу.

— Моя клятва остается в силе. Держи.

— Пусть останется у тебя. Ты всегда был упрямым мальчишкой, но не лжецом.

— О'кей... босс. А здесь довольно жарко.

— Думаю, жара будет еще сильнее, — невозмутимо заметил Фарнхэм.

— Что? Сколько же радиации мы, по-твоему, получаем?

— Меня больше заботит огненный шторм. — Он прошел к месту стыка двух отсеков, посмотрел на висевший там термометр, затем на часы. — Уже восемьдесят четыре градуса, а со времени взрыва прошло всего двадцать три минуты. Вывод делай сам.

— Как ты думаешь, насколько увеличится температура?

— Откуда я знаю, Дьюк? Я не имею понятия, на каком расстоянии от нас произошел взрыв, сколько мегатонн было в бомбе, как далеко распространилось пламя. Я не знаю даже, горит над нами дом или его снесло взрывом. Нормальная температура в убежище — около пятидесяти градусов. Так что следует ждать ее дальнейшего повышения. И ничего с этим не поделаешь. Хотя, впрочем, кое-что мы можем сделать. Раздеться и ходить в шортах. Так я, пожалуй, и поступлю.

Он прошел в соседний отсек. Девушки пребывали в том же положении, крепко обнявшись. Джозеф сидел на полу, прислонившись спиной к стене. На руках у него покоился кот. Карен взглянула на отца широко открытыми глазами, но промолчала.

— Ну, детки, можете вставать.

— Спасибо, папочка, — сказала Карен. — Для объятий здесь довольно жарко.

Барбара разомкнула руки, и Карен выпрямилась.

— Ничего не поделаешь. Вы слышали, что произошло?

— Какая-то ссора, — неуверенно ответила Карен.

— Верно. И это последняя ссора. Я — начальник, а Джозеф — мой заместитель. Понятно?

— Да, папочка.

— Миссис Уэллс?

— О, конечно! Ведь это ваше убежище. Я так благодарна вам, что оказалась здесь — благодарна за то, что осталась в живых. И пожалуйста, мистер Фарнхэм, называйте меня просто Барбарой.

— Хм-м... В таком случае называйте меня просто Хью. Это имя нравится мне больше, чем Хьюберт. Дьюк и все остальные тоже отныне пусть называют друг друга просто по имени. Джо, оставь этих «мистеров» и «миссис». Понял?

— О'кей, босс. Как вам будет угодно.

— Теперь ты должен говорить: «О'кей, Хью». А теперь, девочки, раздевайтесь до нижнего белья, потом разденьте Грейс и выключите свет. Сейчас жарко, а будет еще жарче. Джо, советую раздеться до трусов. — Мистер Фарнхэм снял пиджак и начал расстегивать рубашку.

— Э-э... Мне и так вполне хорошо, — сказал Джозеф.

— Вообще-то я не спрашиваю, я приказываю тебе.

— Э-э... босс, на мне нет трусов!

— Это правда, — подтвердила Карен. — Спросонья он так торопился, что забыл надеть их.

— Вот как? — Хью взглянул на своего экс-лакея и хмыкнул. — Джо, да ты, кажется, еще не дорос до такой ответственной должности. Наверное, мне следовало бы назначить заместителем Карен. Ладно, возьми на полке запасные трусы и переоденься в туалете. После того как закончишь, покажи Дьюку, где что находится. А ты, Карен, то же самое проделай с Барбарой. А потом мы соберемся.

Не прошло и пяти минут, как Хью Фарнхэм уже сидел за столом и тасовал карты. Когда все расселись, он спросил:

— Кто хочет сыграть в бридж?

— Папочка, ты шутишь? — раздался голос Карен.

— Меня зовут Хью. Я не шучу — партия в бридж может здорово успокоить наши нервы. Потуши сигарету, Дьюк.

— Э-э... прошу прощения.

— Здесь довольно много чистого кислорода. Я постарался сделать так. Наружный воздух сюда не поступает. Видел баллоны в туалетной комнате?

Промежуточная комната, соединяющая оба отсека, была уставлена баллонами, баками с водой, разного рода припасами. Там же находились унитаз и тесноватый душ. Содержимое комнаты составляли также: воздухозаборники и трубы вентиляции, сейчас наглухо задраенные, ручная вентиляционная установка и уловители двуокиси углерода и водяных паров.

— Так в них, значит, кислород? А я думал, там просто сжатый воздух.

— Он бы занял слишком много места. Счетчик Гейгера трещит как пулемет: уровень радиации «за бортом» очень высокий, да и температура воз-

духа под стать ему. Друзья, я не знаю, сколько нам еще придется просидеть на сжатом кислороде. Запас его рассчитан на тридцать шесть часов для четырех человек, так что для шестерых его хватит примерно на двадцать четыре часа. Но это не самое страшное. Я весь в поту, и вы тоже. До ста двадцати градусов мы еще сможем терпеть. Если температура поднимется выше, нам предстоит использовать кислород для охлаждения убежища. В этом случае мы окажемся перед выбором между жарой и удушьем.

— Папа... То есть, Хью, прости. Иными словами, ты хочешь сказать, что мы или поджаримся заживо, или задохнемся?

— Этому не бывать, Карен. Я этого не допущу.

— Я предпочитаю пулю, если вдруг...

— Об этом я тоже побеспокоился: у меня запас снотворного достаточный для двадцати человек. Смерть безболезненная. Но мы здесь не для того, чтобы погибать. До сих пор нам везло. И если наше везение продлится еще немного, мы переживем катастрофу. Так что не настраивайтесь на похоронный лад.

— А как насчет радиоактивности? — спросил Дьюк.

— Ты умеешь читать показания счетчика?

— Нет.

— Тогда поверь мне на слово, что с этой стороны опасность нам пока не грозит. Теперь о сне. В этом отсеке, где лежит Грейс, — женская половина, другой отсек — для мужчин. Коек только четыре, но так и задумано: один из нас постоянно должен наблюдать за температурой и воздухом, другой, которому тоже не хватает места, должен заботиться о том, чтобы дежурный не уснул. Тем не менее сегодняшнюю вахту я беру на себя, и напарник мне не понадобится — я принял декседрин.

— Я с тобой. Мне совсем не хочется спать, — предложил свои услуги Джозеф.

— Тише, тише! Нет, Джо. Тебе придется сменить меня, когда я выдохнусь. Мы с тобой будем дежурить попеременно до тех пор, пока ситуация не перестанет быть опасной.

Джо пожал плечами и промолчал.

— Тогда, видимо, я буду удостоен этой чести, — сказал Дьюк.

— Вы что, считать не умеете? Две койки для мужчин, две — для женщин. Что остается? Мы можем сложить этот стол, и тогда пятый человек может спать здесь, на полу. Джо, доставай одеяла. Пару брось сюда на пол и пару в туалетной для меня.

— Уже несу, Хью.

Обе девушки продолжали настаивать на том, чтобы им тоже разрешили нести вахту. Хью оборвал их:

— Довольно.

— Но...

— Довольно, я сказал, Барбара. Одна из вас спит на койке, другая здесь, на полу. Дьюк, давай тебе снотворное?

— Никогда не имел такой привычки.

— Не строй из себя железного человека.

— Ну... пусть это будет проверка на ржавчину, отец.
— Хорошо. Джо? Секонал?
— Я так рад, что не нужно завтра писать эту контрольную...
— Приятно слышать, что хоть кто-то из нас чему-то рад.
— Вы уверены, что вам не понадобится мое содействие? — спросил Джо.
— Уверен. Карен, достань для Джо одну таблетку. Знаешь, где они лежат?

— Да и себе я тоже, пожалуй, возьму. Милтаун совсем не помешает. Барбара, вы пока не пейте снотворного. Вероятно, мне потребуется ваша помощь. Впрочем, успокоительное можете принять.

— Пожалуй, ни к чему, — прозвучал голос Барбары.

— Как хотите. А теперь всем спать. Сейчас ровно полночь, и через восемь часов на вахту заступят следующие двое.

Спустя несколько минут все улеглись. Барбара устроилась на полу. Свет выключили, оставив только одну лампочку для дежурного. Хью расположился на одеялах и принялся сам с собой играть в солитер, причем довольно плохо.

Пол снова вздрогнул, опять послышался раздирающий уши рев. Карен вскрикнула.

Хью мгновенно вскочил. На сей раз удар был не очень сильный, что позволило ему удержаться на ногах. Он поспешил в женский отсек.

— Дочка! Где ты? — Пошарив рукой по стене, Хью нащупал выключатель.

— Я здесь, папа. Боже, как я испугалась! Я уже почти заснула, как вдруг — это! Я чуть не свалилась на пол. Помоги мне спуститься.

Она прижалась к нему и зарыдала.

— Ну, ну, — проговорил он, ласково похлопывая ее по спине. — Ты же у меня смелая, не бойся, все будет хорошо.

— И вовсе я не смелая. Я все время испытываю глупый страх.

— Карен... Я ведь тоже боюсь. Так давай не будем показывать этого, а? Выпей-ка еще таблетку. И запей чем-нибудь покрепче.

— Ладно. Давай и то и другое. Но мне в этом бункере не уснуть — здесь слишком жарко и страшно, особенно когда трясет.

— Мы можем постелить тебе на полу, там прохладнее. А где твоё бельё, девочка моя?

— Оно там наверху, на койке. Но мне это безразлично. Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. А впрочем, нет. Лучше я оденусь, а то Джозеф будет шокирован.

— Сейчас, подожди. Вот твои трусики. А куда же делся лифчик?

— Может быть, свалился на пол?

Хью пошарил вниз.

— Нет, и здесь нет.

— Ну и черт с ним. Джо может и отвернуться. Я хочу выпить.

— Хорошо. Джо настоящий джентльмен, — добавил Хьюберт.

Дьюк и Барбара сидели на ее одеяле. Оба выглядели очень неважно.

Хью спросил:

— А где Джо? Он не ранен?

Дьюк усмехнулся:

— Хочешь посмотреть на «Спящую невинность»? Вон там, на нижней койке.

Хью обнаружил своего заместителя громко храпящим и таким же некоммуникабельным, как и Грейс Фарнхэм. Доктор Ливингстон свернулся калачиком у него на груди. Хью вернулся в первый отсек.

— Я очень рад, что у Джо есть возможность выпастся. Русские, видно, подальше от нас сбросили...

— А по мне, так взрыв был чертовски близко. И когда только у них кончатся эти проклятые ракеты? — перебила отца Карен.

— Я думаю, скоро. Друзья, мы только что с Карен организовали клуб «Я ТОЖЕ БОЮСЬ» и собираемся отпраздновать его учреждение небольшим возлиянием. Еще кандидаты в члены клуба есть?

— Я почетный член! — представился Фарнхэм.

— И я тоже хочу, — поддержала Барбара.

Хью извлек откуда-то бумажные стаканчики и бутылку шотландского виски, рядом с ними появились секонал и милтаун.

— Принесите кто-нибудь воды.

— Мне не нравится, когда воду мешают со столь благородным напитком, — заметила Карен.

— А я, пожалуй, разбавлю, — сказала Барбара. — Как все-таки жарко!

— Отец, какая сейчас у нас температура?

— Дьюк, в туалетной есть термометр. Будь добр, сходи и посмотри.

— Сто четыре градуса, — объявил он. — Я еще немного отвернул вентиль. Правильно?

— Конечно. Вот твои таблетки, Дьюк, — двойная доза секонала и милтауна.

— Спасибо. — Дьюк проглотил таблетки и запил их виски. — Пожалуй, я тоже устроюсь на полу. Кажется, это самое прохладное место в доме.

— Логично. Ну хорошо, давайте ложиться. Дадим таблеткам возможность проявить себя.

Хью сидел с Карен до тех пор, пока та не уснула, затем осторожно убрал руку, которую она продолжала сжимать во сне, и вернулся на пост. Температура поднялась еще на два градуса. Пришлось чуть-чуть отвернуть вентиль. Он услышал прощальное шипение остатков кислорода и тут же открыл другой баллон. Впустив очередную порцию свежего воздуха в жилой отсек, Фарнхэм продолжал игру в солитер.

Через несколько минут на пороге появилась Барбара.

— Что-то мне не спится. Можно составить вам компанию?

— Вы плакали? — удивился Хью.

— А что, заметно? Прошу прощения.

— Садитесь. Сыграем?

— Давайте поговорим. Хотите еще выпить?

— С удовольствием! А может быть, не стоит тратить виски понапрасну?

— У нас его очень много. Да и к тому же, когда его и пить-то, если не в такую ночь? Но помните одно: мы оба не должны заснуть.

— Хорошо. Буду следить за этим.

Они выпили, смешав скотч с водой из бака. Было так жарко, что им показалось, будто виски выходит из тела с потом быстрее, чем они успевают пить его. Хью еще немного увеличил приток кислорода и тут только почувствовал, что весь жар идет сверху.

— Барбара, возможно, над нами горит дом. Но мы надежно защищены. Потолок — слой бетона толщиной в тридцать дюймов, да над ним еще фута два почвы.

— Хью, какая температура там, снаружи?

— Трудно сказать. Вероятно, мы находимся недалеко от эпицентра. У нас могут быть затруднения с дверью. Их вполне могло заклинить взрывом.

— Так мы в ловушке? — тихо спросила она.

— Нет, нет. В полу этой комнатки есть люк, ведущий в туннель, защищенный бетоном. Он выходит в канаву за садом. В случае чего мы пробьемся — у нас есть ломы и гидравлический отбойный молоток, — даже если выход завален и покрыт вулканическим стеклом. Это меня не тревожит: меня беспокоит другое — сколько мы еще продержимся здесь, внутри... и будет ли безопасно выйти наружу?

— А как с радиоактивностью?

Он поколебался.

— Барбара, какая вам разница. Вам что-нибудь известно о радиации?

— Конечно. В колледже я в основном занималась ботаникой. И в генетических экспериментах мне приходилось пользоваться изотопами. Хью, мне легче будет узнать самое худшее, чем пребывать в неведении — это меня удручает.

— М-м... Положение гораздо хуже, чем я сказал Дьюку. — Он указал большим пальцем через плечо. — Счетчик вон там, за бутылками. Можно посмотреть.

Барбара воспользовалась разрешением, потом несколько секунд она хранила молчание.

— Ну как? — спросил он.

— Я выпью еще немного.

— Конечно! — Он налил ей виски и разбавил его.

Сделав глоток, она прошептала:

— Если радиация не начнет уменьшаться, то к утру дойдет до красной черты. — Брови ее сдвинулись. — В принципе, конечно, это еще не предел. Если я правильно понимаю, то тошнить нас начнет не раньше, чем на следующий день.

— Да. Но излучение скоро будет уменьшаться. Вот почему меня больше волнует жара. — Он взглянул на термометр и еще немного приоткрыл вентиль. — Сейчас работает батарейный поглотитель; не думаю, что нам

стоит в такой жаре прибегать к ручному воздухоочистителю. CO₂ напомнит о себе только в момент нашего удушья.

— Резонно.

— Давайте на время забудем о подстерегающих нас опасностях. О чем бы вы хотели побеседовать? Расскажите что-нибудь о себе.

— Да мне и рассказывать-то почти нечего, Хью. Пол — женский, белая, двадцати пять лет от роду. Учусь, вернее, училась в школе — после неудачного замужества. Брат — военный летчик — вероятно, уцелел. А родители мои жили в Акапулько, так что, может, и они живы. Детей, слава Богу, нет. Я очень рада, что Джо спас своего кота. Я ни о чем не жалею, Хью, и ничего не боюсь. Только как-то тоскливо... — Она тяжело вздохнула. — Все-таки это был хороший мир, даже несмотря на то, что в нем я была не очень-то счастлива.

— Не плачьте.

— Я не плачу. Это не слезы. Это пот.

— О, да... конечно.

— Просто невыносимо жарко. — Она вдруг завела руки за спину. — Вы не против, если я сниму бюстгальтер? Как Карен. Он буквально душит меня.

— Пожалуйста. Дитя мое, если вам так будет легче — снимайте. Я на своем веку нагляделся... так что вид обнаженного женского тела меня не шокирует.

Он посмотрел на счетчик, затем на термометр и еще больше отвернул вентиль на баллоне.

— В принципе, я мог бы запасти вместо кислорода сжатый воздух. Мы могли бы тогда курить. Но, честно говоря, я меньше думал об охлаждении жилища, чем о его обогреве, — он, казалось, совершенно не обращал внимания на ее наготу, — хотел придумать печь, в которой использовался бы зараженный воздух, не причиняющий при этом вреда обитателям убежища.

— Вы и так все замечательно оборудовали. Я никогда даже не слышала об убежище с запасом воздуха. Ваше, вероятно, единственное. Вы — настоящий ученый. Верно?

— Это я-то? Боже, конечно же, нет. За плечами у меня только школа. А то немного, что я знаю, я почерпнул за свою долгую жизнь: кое-что во время службы на флоте, кое-что из самоучителей. Я некоторое время работал в одной строительной конторе, что, как видите, не прошло бесследно для меня. После этого я стал подрядчиком. — Он улыбнулся. — Нет, Барбара, я просто нахватався всего понемногу. Своего рода курьез. Вроде нашего: «Если не ошибаюсь, контора Ливингстона».

— А почему у вашего кота такая странная кличка?

— Это все Карен. Она так прозвала его за то, что он большой исследователь. Сует свой нос абсолютно во все. Вы любите кошек?

— Даже не знаю. Но доктор Ливингстон — просто прелесть.

— Это правда. Мне вообще нравятся эти звери. Котом нельзя владеть, он свободный гражданин. Вот, например, собаки — они дружелюбны, веселы и верны. Но они — рабы. Это не их вина, они стали такими, живя

слишком долго рядом с людьми. А рабство всегда вызывает во мне тошнотворное чувство. — Он нахмурился. — Барбара, я, наверное, не так огорчен тем, что произошло, как вы. Может быть, это неплохо. Для нас. Я имею в виду не нас шестерых, я говорю о нашей стране.

— То есть как это? — искренне удивилась она.

— Ну... конечно, тяжело рассуждать на такую сложную и пространную тему, когда сидишь скорчившись в убежище и не знаешь, сколько еще удастся продержаться. Барбара, последнее время я все чаще раздумываю о судьбе родины. На мой взгляд, наша нация стала превращаться в стадо рабов — свобода забыта. А что, если эта война повернет этот процесс вспять и станет первой в истории человечества войной, которая истребит глупцов, а умным и талантливым дарует жизнь?

— Как это понимать?

— В войнах всегда прежде всего гибла самая лучшая молодежь. На сей раз ребята, служащие в армии, находятся в большей безопасности, чем гражданские лица. А из гражданских больше всего шансов уцелеть у тех, у кого хватило ума как следует подготовиться к войне. Увы, правил без исключений не бывает, но в основном все именно так и есть. И людская порода постепенно улучшится. После случившегося условия жизни будут очень суровыми, но от этого людское племя выиграет еще больше.

Она задумчиво кивнула:

— Обычная генетика. Но, в принципе, жестоко...

— Да, жестоко. Но еще ни одному правительству не удавалось победить законы естественного развития, хотя это и пытались сделать неоднократно.

Несмотря на жару, она вздрогнула.

— Наверное, вы правы. Нет, я совершенно уверена, что вы правы. И все же я бы предпочла, чтобы осталось хоть какое-то государство — плохое, хорошее — все равно. Уничтожение худшей трети, конечно, с генетической точки зрения оправданно. Но насильственная смерть — всегда чудовищна по сути своей, а такого количества людей — вдвойне.

— М-м, да. Мне тоже неприятно думать об этом, Барбара. — Фарнхэм перевел разговор на другую тему: — Ведь я запас кислород не только для дыхания, но и для охлаждения. Я предвидел и другие, еще более страшные возможности.

— Более страшные?!

— У нас уже давно выработался стереотип восприятия третьей мировой войны: атомная бомба, и только бомба. Словно все забыли, что война вполне может оказаться не просто атомной, а атомно-химическо-бактериологической. — Он указал на баллоны: — Именно поэтому-то я и запасся сжатым кислородом. Он предохраняет нас от нервного газа, аэрозолей, вирусов и еще бог знает от чего. Русские не стали бы уничтожать нашу страну полностью, имея они возможность забрать наши жизни, не разрушая нашего достояния. Меня ничуть не удивило бы сообщение о том, что атомные удары были нанесены лишь по военным объектам, вроде той противоракетной базы, расположенной неподалеку отсюда. А такие города, как Нью-Йорк и Де-

тройт, получили просто по порции нервного газа или по облаку бактерий чумы, которая длится всего двадцать четыре часа и в восьмидесяти процентах случаев дает летальный исход. И подобных вариантов бесчисленное множество. Там, снаружи, воздух может быть наполнен смертью, и ее не уловит ни один датчик и не задержит ни один фильтр. — Он грустно улыбнулся. — Простите меня. Наверное, вам все-таки лучше пойти и лечь.

— Мне так не хочется оставаться одной. Можно, я еще посижу с вами?

— Конечно. Мне хорошо, когда вы рядом, хотя и говорю о грустных вещах.

— То, что вы говорите, Хью, куда менее грустно, чем мысли, которые приходят мне в голову, когда я остаюсь одна. Интересно, что же все-таки происходит на воле? Жаль, что у нас нет перископа.

— Есть.

— Как! Где?

— Вернее, был. Простите. Видите вот эту трубу над нами? Ее заклинило, поднять невозможно. Кстати, Барби, я накнулся на Дьюка за то, что он хотел использовать запасное радио во время нападения. А вдруг оно действительно кончилось. Как вы думаете?

— Я?.. Откуда же я знаю?

— Вы знаете столько же, сколько и я. Первая ракета предназначалась для уничтожения противоракетной базы: в наших местах больше нет ничего достойного их внимания. Если они наводят ракеты с орбитальных спутников, то вторая ракета была еще одной попыткой поразить ту же цель. По времени все совпадает — от Камчатки до нас ракета летит примерно полчаса, а второй взрыв произошел минут через сорок после первого. Возможно, вторая ракета попала в яблочко — и им это известно, потому что прошло уже больше часа, а третьей ракеты все еще нет. А это должно означать, что с нами покончено. Логично?

— На мой взгляд, да.

— Вывод делать рано. Не хватает данных, — пояснил Фарнхэм, — может быть, обе ракеты не достигли цели, и база сама перехватывает их на лету. У русских могли кончиться ракеты, тогда третья бомбу они бросят с самолета. Мы не знаем. Не мешало бы все выяснить.

— Я бы с удовольствием послушала какие-нибудь новости.

— Неплохая идея. Если новости хорошие, мы разбудим остальных. — Хью Фарнхэм порылся в углу и достал оттуда коробку. Распаковав ее, он извлек на свет божий радиоприемник. — Ни одной царапинки. Давайте попробуем сначала без антенны.

Он попытался поймать хоть какую-нибудь станцию.

— Ничего, кроме статических разрядов. Его предшественник, — Хью указал на радио, — принимал местные станции и без наружной антенны, а этот не может. Подождите немного.

Вскоре он вернулся.

— Видимо, можно считать, что наружной антенны больше нет. В запасе — аварийная.

Хью взял гаечный ключ и отвернул торчавшую в потолке заглушку с трубы. Затем поднес к открытому отверстию счетчик.

— Уровень радиации немного выше.

Он взял два стальных прута, каждый длиной метра по полтора; одним из них поводил по трубе вверх-вниз.

— На всю длину не входит.

Верхушка этой трубы находилась почти под самой поверхностью земли.

— Вот беда.

Он привинтил к первому пруту второй.

— Теперь предстоит самая неприятная часть работы. Отойдите дальше: сверху может посыпаться горячая и радиоактивная земля.

— Но ведь она попадет на вас...

— Разве что на руки. Я потом их очищу. А после этого вы проверьте меня счетчиком Гейгера.

Он постучал молотком по кончику прута. Тот продвинулся вперед еще дюймов на восемнадцать.

— Что-то твердое. Придется пробивать.

После многочисленных ударов оба прута целиком скрылись в трубе.

— Кажется, антенна вышла наружу. По идее, она должна торчать из-под земли футов на пять. Я полагаю, что над нами развалины. Остатки дома. Ну что, проверьте меня счетчиком?

— Вы говорите об этом так спокойно, будто спрашиваете: «Осталось у нас молоко со вчерашнего вечера?»

Он пожал плечами.

— Барби, дитя мое, когда я пошел на флот, у меня за душой не было ни гроша, несколько раз за свою жизнь я разорялся. Так что я не собираюсь убиваться по поводу крыши и четырех стен. Ну как, есть что-нибудь?

— На вас ничего нет.

— Проверьте еще пол под трубой.

На полу оказались «горячие» пятна. Хью вытер их влажным клинэксом и выбросил его в специальное металлическое ведро. После этого Барбара протерла раструбом счетчика по его рукам и еще раз по полу.

— На очистку ушел почти галлон воды. Ну если радио не заработает... — Он подсоединил антенну к радиоприемнику.

Через десять минут они убедились, что эфир пуст. Шумы — статические разряды на всех диапазонах, — но никаких сигналов. Хью вздохнул:

— Это меня не удивляет. Я, правда, точно не знаю, что ионизация делает с радиоволнами, но сейчас над нашими головами, скорее всего, самый настоящий шабаш радиоактивных изотопов. Я надеялся, что нам удастся поймать Солт-Лейк-Сити.

— А разве не Денвер?

— Нет. В Денвере расположена база межконтинентальных баллистических ракет. Оставлю на всякий случай приемник включенным.

— Но ведь тогда батареи быстро разрядятся.

— Не так уж быстро. Давайте сядем и почитаем вслух какие-нибудь стишки. — Он взглянул на счетчик, мягко присвистнул, затем проверил термометр. — Облегчу-ка я еще немного участь наших спящих красавцев, страдающих от жары. Кстати, как вы переносите эту жару, Барбара?

— Честно говоря, я просто перестала о ней думать. Потом истекаю и только.

— Как и я.

— Во всяком случае, не нужно тратить кислород ради меня. Сколько еще баллонов осталось?

— Не так уж много.

— Но сколько?

— Меньше половины. Не переживайте. Давайте поспорим на пятьсот тысяч долларов и пятьдесят центов, что вам не прочитает ни одного лимерика, которого бы я не знал.

— Приличного или нет?

— А разве бывают приличные лимерики?

— О'кей. «Веселый парнишка по имени Скотт...»

Вечер шуточных стихотворений провалился. По мнению Хью, ее ум был слишком чист и невинен для такого рода занятий.

— Да я и сам сегодня что-то не в ударе. Может быть, еще по глоточку?

— Пожалуй. Только обязательно с водой. Я так потею, что, кажется, совершенно иссохла. Хью?

— Да, Барби?

— Мы ведь, скорее всего, погибнем, правда?

— Да.

— Я так и думала. Наверное, еще до рассвета!

— Нет! Я уверен, что мы протянем до полудня. Если захотим, конечно.

— Понятно. Хью, вам не трудно было бы меня обнять? Прижмите меня к себе. Или вам слишком жарко и так?

— Когда жара помешает мне обнять девушку, я буду знать, что я мертв и нахожусь в аду.

— Спасибо.

— Так удобно?

— Очень.

— Какая вы маленькая.

— Я вешу сто тридцать два фунта, а рост у меня пять фунтов восемь дюймов. Так что не такая уж я и миниатюрная.

— Все равно вы маленькая. Отставьте виски. Поднимите голову.

— М-м... Еще, прошу вас, еще.

— Да вы алчная девочка.

— Да. Очень алчная. Спасибо, Хью.

— Какие хорошенькие глазки.

— Это лучшее, что у меня есть. Лицо-то у меня ничего особенного. Но у Карен глаза еще красивее.

— Все дело вкуса.

- Ну что ж, не буду спорить. Приляг, дорогой. Дорогой, Хью...
- Так хорошо?
- Очень, удивительно хорошо. И поцелуй меня еще раз. Пожалуйста.
- Барбара, Барбара!
- Хью, милый! Я люблю тебя. О!
- Я люблю тебя, Барбара!
- Да, да! Прошу тебя! Сейчас!

- Тебе хорошо, Барби?
- Как никогда! Никогда в жизни я не была счастливее.
- Хорошо, если бы это было правдой.
- Это правда. Хью, дорогой, я совершенно счастлива и больше ни капельки не боюсь. Мне так хорошо, что я даже перестала чувствовать жару.
- С меня, наверное, на тебя капает пот?
- Какая разница! Две капельки висят у тебя на подбородке, а третья — на кончике носа. А я так вспотела, что волосы совсем слиплись. Но все это не имеет значения. Хью, дорогой мой, это то, чего я хотела. Тебя. Теперь я готова умереть.
- Зато я не хочу, чтобы мы умирали.
- Прости.
- Нет, нет! Барби, милая, еще недавно мне казалось, что в смерти нет ничего плохого. А вот теперь я чувствую, как жизнь опять обретает смысл.
- Я думаю так же, Хью.
- Мы постараемся выжить. Я сделаю все, что в моих силах. Давай сядем?
- Как хочешь. Но при условии, что ты снова обнимешь меня.
- Еще как! Но сначала я хочу налить нам обоим еще по порции виски. Я снова жажду. И совершенно выбился из сил.
- И я тоже. У тебя так сильно бьется сердце.
- Ничего удивительного. Барби, девочка моя, а знаешь ли ты, что я почти вдвое старше тебя? Что я достаточно стар, чтобы быть твоим отцом?
- Да, папочка.
- Ах ты маленькая плутовка! Только попробуй еще раз сказать так, и я выпью все оставшееся виски.
- Больше не буду, Хью. Мой любимый Хью. Только ведь мы с тобой ровесники... потому что умрем в один и тот же час.
- Перестань говорить о смерти.
- Нет... я не о том... Просто я не боюсь умереть и не боюсь жить. Но... Хью, я хочу просить тебя об одном одолжении.
- Каком?
- Когда ты будешь давать смертельную дозу снотворного остальным... не давай ее мне, пожалуйста.
- Э-э... Но это может быть необходимо.

— Я не то имела в виду. Я приму таблетки, но только не вместе с остальными. Я хочу принять их только после тебя.

— Мм... Барби. Но я надеюсь, что мы обойдемся и без таблеток.

— Тем лучше.

— Хорошо, хорошо. А теперь помолчи. Поцелуй меня.

— Да, милый.

— Какие у тебя длинные ноги, Барби. И сильные к тому же.

— Зато и длинные ступни.

— Перестань набиваться на комплименты. Мне очень нравятся твои ступни. Без них ты выглядела бы какой-то незаконченной.

— Но пусть и тебе станет стыдно. Хью, а знаешь, чего мне хочется?

— Еще раз?

— Нет, нет. Впрочем, да. Только не прямо сейчас.

— Так чего же? Спать? Ложись и спи, дорогая. Я и один вполне справлюсь.

— Нет, не спать. Кажется, мне больше никогда в жизни не заснуть. Никогда. Так жаль было бы истратить на какой-то сон даже одну из тех немногих минуток, что нам осталось. Мне кажется, что я с удовольствием сыграла бы в бридж — в качестве твоего партнера.

— Ну... В принципе, мы можем разбудить Джо. Остальных нельзя — тройная доза секонала не располагает к карточным играм. Мы могли бы сыграть и втроем.

— Нет, нет. Мне не нужно ничье общество, кроме твоего. Но мне так нравилось играть с тобой на пару.

— Ты — замечательный партнер, дорогая. Самый лучший на свете.

— Ну, конечно, не «самый лучший». Ты играешь классом выше. Но я бы хотела пробить подле тебя много-много лет, чтобы овладеть твоим мастерством. И еще я бы хотела, чтобы налет случился минут на десять позже. Тогда ты успел бы сыграть тот Большой шлем.

— В этом не было никакой необходимости. Когда ты объявила свои карты, я понял, что все в порядке. — Он сжал ее плечи. — Три Больших шлема за один вечер!

— Три?

— А что, по-твоему, водородная бомба — не Большой шлем?

— О-о. А потом ведь была еще и вторая бомба.

— Вторая бомба не в счет, она упала слишком далеко. Если ты не понимаешь, о чем я говорю, то я вообще отказываюсь объяснить тебе что-либо.

— Ах вот оно что! Но в таком случае можно попробовать сыграть и четвертый. Правда, я теперь не смогу вынудить тебя ходить первым: мой лифчик куда-то делся и...

— Так, значит, ты нарочно сделала это?

— Конечно. Но теперь твоя очередь ходить. А я попробую ответить.

— Э, только не так быстро. Три Больших шлема — это максимум, на что я способен. Разве что еще один Малый шлем... да и то, если я приму

еще одну таблетку декседрина. Но четыре Больших шлема — это превыше моих сил. Ты же знаешь, что я не в том возрасте...

— Посмотрим. Мне все-таки кажется, что у нас получится и четвертый Большой...

3

Погас свет. Грейс Фарнхэм вскрикнула, доктор Ливингстон завизжал, Барбару швырнуло на баллоны с кислородом, да так, что она в темноте потеряла всякую ориентацию. Справившись немного, она пошарила возле себя руками — Хью! Он не шевелился. Она попыталась прослушать его сердце, но не смогла.

В испуге Барбара закричала:

— Эй! Эй! Кто-нибудь!

— Барбара? — ответил Дьюк.

— Да, да!

— Вы в порядке?

— С Хью плохо. По-моему, он мертв.

— Спокойно. Как только я найду свои брюки, я зажгу спичку — если, конечно, мне удастся перевернуться с головы на ноги.

— Хьюберт! Хьюберт!

— Да, мамочка! Подожди.

Грейс продолжала вскрикивать. Дьюк как мог успокаивал ее, одновременно проклиная темноту. Барбара немного освоилась со своим положением, попыталась слезть с груды баллонов, ударила обо что-то подбородком и наконец ощутила под собой ровную поверхность. Что это такое, она понять не могла. Поверхность была наклонной.

В руках Дьюка наконец вспыхнула спичка. Пламя было ярким, так как воздух перенасытился кислородом.

— Лучше ее погасить. А то может случиться пожар, — предупредил Джозеф.

Тьму прорезал луч фонарика.

— Джо! Помоги мне с Хью! — попросила Барбара.

— Сейчас. Только сначала попробую наладить свет.

— Может быть, он умирает.

— Все равно без света ничего не сделаешь.

Барбара замолчала и, всхлипывая, обхватила голову Хью, пытаясь нащупать пульс.

В мужском отсеке вспыхнул свет. Барбара получила мало-мальскую возможность оглядеться. Пол теперь находился под углом градусов в тридцать. Она, Хью, стальные баллоны, бак с водой и все остальное громоздилось бесформенной кучей в нижнем углу. Бак дал течь, и вода залила бы похоронены под этой чудовищной грудой.

Через несколько минут до нее добрались Джо и Дьюк, с трудом преодолев перекосившуюся дверь. В руке у Джо была переносная лампа.

— Как же мы его понесем? — спросил Дьюк.

— Его нельзя трогать. Вдруг поврежден позвоночник! — заключил Джо.

— Все равно нужно его отсюда унести.

— Никуда мы его не понесем, — твердо сказал Джо. — Барбара, вы передвигали его?

— Только клала его голову себе на колени.

— В таком случае, больше его не шевелите. — Джо принялся осматривать своего пациента, касаясь его мягкими движениями рук. — Больших повреждений как будто нет, — наконец решил он. — Барбара, если можете, посидите в том же положении до тех пор, пока он не придет в себя. После этого я смогу проверить его глазные яблоки, чтобы определить, сильно он контужен или нет, как у него с координацией движений и все такое прочее.

— Конечно, я посижу. Еще кто-нибудь пострадал?

— Ничего заслуживающего внимания, — уверил ее Дьюк. — Джо считает, что сломал пару ребер, а я немного повредил плечо. Мать просто скатилась к стене. Сестрица сейчас ее успокаивает. Карен тоже в полном порядке, если не считать синяка на голове. На нее свалилась консервная банка. А вы сами-то как?

— Только ушибы. Мы с Хью как раз играли в солитер для двоих и старались не растаять от жары, когда нас накрыло. — Она попыталась представить, как долго протянет эта ложь.

Но Дьюк, кажется, принял ее очень спокойно. Джо был в одних трусах. Она добавила:

— А как кот? С ним ничего не случилось?

— Если не ошибаюсь, доктор Ливингстон, — серьезно ответил Джо, — избежал повреждений. Но он очень расстроен тем, что его тазик с песком перевернулся. Так что в настоящее время он чистится и проклинает все на свете.

— Я рада, что он не пострадал.

— А вы не заметили чего-нибудь необычного в этом взрыве?

— Чего именно, Джо? Мне только показалось, что он был самым сильным из всех. Намного сильнее предыдущих.

— Да. Но не было никакого грохота. Просто один большой огромный шлем, а потом... ничего.

— И что это значит?

— Не знаю. Барбара, так вы можете еще немного посидеть здесь не шевелясь? Я хочу починить освещение и определить ущерб. Заодно и посмотрим, что можно привести в божеский вид.

— Я буду сидеть как каменная.

Ей показалось, что Хью задышал спокойнее. В тишине она услышала биение его сердца. Она снова была счастлива. Осторожно передвигаясь по наклонному полу, к ней пробралась Карен с фонариком.

— Как там отец?

— Все так же.
— Скорее всего, ушиб голову, как и я. А ты как? — Она осветила Барбару.

— Все хорошо.

— Слава богу! Я рада, что ты тоже в чем мать родила. Никак не могла найти свои трусики. Джо так старается не смотреть в мою сторону, что на него просто больно глядеть. Все-таки странный он какой-то!

— Я совершенно не представляю, где моя одежда.

— Одним словом, единственный из нас обладатель трусов — это Джо. А что с тобой случилось? Ты спала?

— Нет. Я была здесь. Мы разговаривали.

— Хм... Обвинение утверждает обратное. Не волнуйся, я никому не открою твою страшную тайну. Мама ничего не узнает — я сделала ей еще один укол.

— А тебе не кажется, что твои выводы слишком поспешны?

— Делать выводы — мое любимое развлечение. И я уверена, что мои непристойные предположения верны. Очень жаль, что этой ночью я спала. Тем более что это, скорее всего, наша последняя ночь. — Она придвинулась к Барбаре и чмокнула ее. — Я тебя очень люблю.

— Спасибо, Карен. Я тоже люблю тебя.

— Прекрасно. Тогда давай не будем хоронить себя заживо, а порадуемся тому, какими мы оказались отважными ребятами. Ты сумела осчастливить отца тем, что дала возможность разыграть Шлем. И если ты согласна сделать его еще счастливее, то я этому только рада. — Она выпрямилась. — Ну, ладно. Пойду разбирать припасы. Если папочка очнется, позови.

Она вышла.

— Барбара!

— Да, Хью? Да!

— Не так громко. Я слышал, что говорила моя дочь.

— Слышал?

— Да. Она джентльмен по натуре. Барбара? Я люблю тебя. Может быть, у меня не будет другой возможности сказать тебе это.

— Я люблю тебя, Хью.

— Милая.

— Позвать остальных?

— Подожди немного. Тебе так удобно?

— Очень.

— Тогда позволь мне немного отдохнуть. А то я совсем ошалел.

— Отдыхай, сколько хочешь. Кстати, попробуй пошевелить пальцами ног. У тебя где-нибудь болит?

— О, болит-то у меня много где, но, к счастью, не слишком сильно. Подожди-ка... Да, вроде все мои конечности в порядке. Теперь можешь звать Джо.

— Особенно спешить некуда.

— Но лучше все-таки позови его. Кое-что нужно сделать.

Вскоре мистер Фарнхэм полностью оправился. Джо потребовал, чтобы он продемонстрировал ему свою невредимость: оказалось, что и в самом деле, кроме большого количества синяков, мистер Фарнхэм во время взрыва не получил ничего более серьезного — ни переломов, ни сотрясения мозга. Барбара тайне от всех пришла к заключению, что Хью приземлился на кучу баллонов, а она упала на него сверху. Впрочем, обсуждать это предположение она ни с кем не стала. Первое, что сделал Хью, — это перетянул ребра Джо эластичным бинтом. Во время перевязки Джо то и дело вскрикивал, но потом ему явно стало удобнее. С головой Карен Хью справился быстро.

— Взгляните кто-нибудь на термометр! — сказал он. — Дьюк?

— Термометр разбит.

— Не может этого быть. Он ведь целиком сделан из металла. Ударопрочная вещь.

— Я уже убедился в этом, — объяснил Дьюк, — пока ты тут эскулапствовал. Мне кажется, стало прохладнее. Может, он, конечно, и ударопрочный, но два баллона раздавили его, как яйцо.

— Ах, вот оно что. Ну и ладно, не велика потеря.

— Папа? А может, нам хоть теперь попробовать запасное радио? Учти, я просто предлагаю.

— Понятно... жаль тебя огорчать, Дьюк, но оно, скорее всего, тоже разбито. Мы уже пытались включить его. Ни ответа, ни привета. — Он взглянул на циферблат. — Это было в два.

Они с Дьюком сверили часы.

— Что ж, кажется, с нами в основном все в порядке, — заключил Хью, — но возникли трудности с водой. Вода в баке может пригодиться для питья — будем обеззараживать ее таблетками, так что пользоваться нужно экономно. Джо, нам понадобится всякая посуда, чтобы каждый мог черпать из бака. Старайтесь соблюдать чистоту. — Затем он добавил: — Карен, когда освободишься, приготовь что-нибудь на завтрак. Пусть это даже Армагеддон, но есть все равно необходимо.

— И даже если это такой Армагеддон, от которого тошнит, — добавила Карен.

Отец передернулся.

— Девочка моя, придется тебе на доске тысячу раз написать: «Никогда больше перед завтраком не буду говорить нехорошие вещи».

— Хью, но, по-моему, она не сказала ничего неприличного.

— Не надо защищать ее, Барбара. Довольно, покончим с этим.

Карен вскоре вернулась, неся доктора Ливингстона.

— Плохая из меня помощница, — сообщила она. — Мне все время приходится держать проклятого кота. Он так и рвется помочь.

— Мя-я-у!

— Тихо! Видно, надо дать ему рыбки и приняться за приготовление завтрака. Чего изволите, босс папа Хью? Креп-сюзье?

— С удовольствием.

— Единственное, на что мы можем рассчитывать, — это джем и крекеры.

- Ну и прекрасно. Как там идет вычерпывание?
- Папочка, я отказываюсь пить эту воду, даже с обеззараживающими таблетками. — Она состроила гримасу. — Ты же сам знаешь, что это такое.
- Может быть, больше пить будет нечего.
- Ну, разве что разбавить виски...
- М-м... у нас вообще острый дефицит жидкостей. В тех двух бутылках, что я открывал, осталось чуть-чуть.
- Папа, не порть настроение перед завтраком.
- Вопрос в том, правильно ли я распределил виски? Не лучше ли приберечь его для Грейс?
- О-о... — Лицо Карен исказилось. — Пусть она получает свою долю. Но остальных обделять только потому, что бедняжка Грейси совсем плоха, не следует.
- Карен, в нашем положении грешно издеваться над матерью. Ведь ты прекрасно знаешь, что для нее это в какой-то мере лекарство.
- О да, конечно. А для меня лучшее лекарство — это бриллиантовые браслеты и собольи шубы.
- Доченька, не стоит корить ее. Наверное, это я виноват. Так, например, считает Дьюк. Когда ты будешь в моем возрасте, ты научишься принимать людей такими, какие они есть.
- погоди, я пробую завтрак. Ну вот... возможно, я и излишне несправедлива к ней, но я устала от того, что каждый раз, как я ни привожу домой своих приятелей, мамуля обязательно отключается уже к обеду. Или пытается облапать их на кухне и поцеловать.
- Неужели такое бывало?
- А ты что, никогда не замечал? Хотя, впрочем, в это время ты редко бывал дома. Прости.
- Ты тоже прости меня. Мы оба погорячились. А в остальном, как я уже сказал, когда ты доживешь до моих лет...
- Папа, я вряд ли доживу до твоих лет — и ты прекрасно понимаешь это. И если у нас осталось так мало виски, то почему бы просто не отдать их тому, кто больше других нуждается в нем?
- Он помрачнел.
- Карен, я вовсе не собираюсь сложа руки ждать смерти. Действительно, стало намного прохладнее. Но мы еще можем выкарабкаться.
- Что ж... наверное, ты поступаешь правильно. Кстати, о лекарствах — не запасся ли ты при строительстве этого монстра некоторым количеством антабуса?
- Карен, антабус не отбивает желания выпить: просто если человек, принявший таблетку, выпьет, он почувствует себя очень плохо. И если твое мнение о нашей дальнейшей печальной судьбе верно, то стоит ли омрачать Грейс последние часы жизни? Ведь я не судья ей, я ее супруг. Карен вздохнула.
- Папочка, у тебя есть одна отвратительная черта — ты всегда прав. Так и быть, пусть пользуется моей долей.

— Я просто хотел знать твоё мнение. И ты, в некотором роде, помогла мне принять решение.

— Что же ты решил?

— Это не твоё дело, зайника. Займись завтраком.

— Так и хочется плеснуть тебе в завтрак керосина. Ладно, поцелуй меня, папа.

Он чмокнул её в щеку.

— А теперь поостынь и принимайся за дело.

В конце концов пятеро собрались к завтраку. Сидеть им пришлось на полу, так как стулья упорно не хотели стоять. Миссис Фарнхэм находилась почти в летаргическом забытии от сильной дозы успокоительного. Остальные обитатели убежища по-братски разделили между собой консервированное мясо, крекеры, холодный растворимый кофе и банку персикового компота. Согревало завтрак лишь тёплое чувство товарищества. На сей раз все были одеты. Мужчины напялили шорты, Карен надела шорты и бюстгальтер, Барбара облачилась в просторное платье гавайского типа, позаимствованное у Карен. Её собственное бельё насквозь промокло, а воздух в убежище был слишком влажен, чтобы высушить что-либо.

— Теперь мы должны кое-что обсудить, — возвестил Хью. — Желающие могут вносить предложения. — Он взглянул на сына.

— Отец... то есть Хью, я хотел сказать вот о чём, — отозвался Дьюк. — Здорово пострадала уборная. Я немного привел её в порядок и соорудил какой-никакой насест из дощечек. Хочу предупредить... — он повернулся к сестре, — вам, женщины, нужно быть особенно осторожными. Насестик довольно шаткий.

— Это ты будь поосторожнее. Сам, помнится, любил позаседать. Папа свидетель.

— Помолчи, Карен. Молодец, Дьюк. Но нас здесь шестеро, и, боюсь, придется заняться уборной дополнительно. Как, Джо, верно я говорю?

— Да, конечно, но...

— Что «но»?

— Вам известно, сколько осталось кислорода? — поинтересовался Джо.

— Да. Наверное, скоро нам придется перейти на воздушный насос и фильтр. А у нас не осталось действующего счетчика радиоактивности. Поэтому мы не узнаем, насколько заражен воздух, которым мы дышим. Но тем не менее дышать все равно необходимо...

— А вы проверяли насос? — опять задал вопрос Джо.

— С виду он совершенно невредим.

— Это не так. И боюсь, что отремонтировать его мне не под силу.

Мистер Фарнхэм вздохнул, будто что-то припоминая.

— Видно, все-таки нужно было соглашаться на второй с рассрочкой на полгода. Ладно, потом взгляну, нельзя ли что-нибудь сделать. Дьюк, ты должен осмотреть его, вдруг ты сможешь чем-нибудь помочь.

— О'кей.

— Предположим, мы не сумеем починить его. В этом случае будем использовать оставшийся кислород более экономно. Как только он кончится, еще некоторое время мы сможем дышать тем воздухом, который будет в убежище. Но в конце концов наступит момент, когда нам придется открыть дверь.

Все молчали.

— Ну, улыбнитесь же кто-нибудь, — воскликнул Хью. — С нами еще не покончено. Дверь мы затащим фильтром, сделанным из простынь — это все же лучше, чем ничего, — он будет задерживать радиоактивную пыль. У нас есть еще один радиоприемник. Барбара, помнишь, ты еще приняла его за слуховой аппарат. Я хорошенько завернул его и убрал подальше — он невредим. Я выберусь наружу и установлю антенну. Тогда мы сможем слушать радио: может быть, это спасет нам жизнь. Над убежищем мы поставим шест и прикрепим к нему флаг — любую тряпку. Впрочем, нет, лучше поднять американский флаг — у меня один припасен. Если нам все-таки суждено погибнуть, то пойдем ко дну с высоко поднятым флагом

Карен заплодировала.

— Перестань паясничать, — рассердился Фарнхэм.

— Я вовсе не паясничаю, папа! Я плачу:

Багрянец ракет возвещает войну,
Бомбы с ревом рвут тишину,
Но повторяю еще раз, друзья,
Что нашему флагу падать нельзя...

Голос Карен прервался, и она закрыла лицо ладонями.

Барбара обняла ее за плечи. Хью Фарнхэм между тем продолжал, как будто ничего не произошло:

— Но ко дну мы не пойдем. Очень скоро этот район наверняка начнут обследовать с целью найти уцелевших. Они заметят наш флаг и заберут нас отсюда — возможно, на вертолете. Поэтому наша задача — продержаться до их прихода. — Задумавшись, он на мгновение смолк. — Никакой ненужной работы, минимум физических усилий. Каждый должен принимать снотворное и, по возможности, спать по двенадцать часов в сутки. Остальное время лежать неподвижно. Таким образом мы сможем продержаться довольно долго. Первоочередное дело — починка насоса. Следующее: вода должна быть строго нормирована. Дьюк, я назначаю тебя старшим хранителем влаги. Определи, сколько у нас в распоряжении воды, годной для питья, и разработай график ее выдачи с таким расчетом, чтобы хватило на возможно более продолжительное время. Где-то в аптечке есть одноунцевый стаканчик — используй его как мерный. Ну вот, кажется, и все: починить насос, минимум усилий, максимум сна, нормированная выдача воды. И вот что еще: пот — это тоже нерациональная трата жидкости. Здесь у нас все еще жарко, и ваш балахон, Барбара, насквозь промок. Снимите его.

— Можно выйти?

— Разумеется.

Она вышла, осторожно ступая по наклонному полу, прошла в подсобное помещение, переделась в свой, увы, отнюдь не сухой купальник.

— Вот так-то лучше, — одобрил Фарнхэм. — Теперь...

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Пить...

— Дьюк, выдай ей одну унцию. Только тщательно отмерь.

— Да, сэр.

— И не забудь, что кот тоже имеет право на свою порцию.

— Очевидно, для него сойдет и грязная вода?

— Хм... Честность по отношению к нашему гостю вряд ли особенно повредит нам. Зато мы будем знать, что оставались до конца благородными.

— Но он ужепил ее.

— Э-э... Впрочем, ты распоряжаешься водой, тебе и решать. Кто хочет что-нибудь добавить? Джо, тебя устраивает такой план?

— Видите ли... Нет, сэр.

— Вот как?

— Конечно, то что минимум физических усилий сохранит нам много кислорода — это верно. Но у нас может не хватить сил открыть дверь.

— Положимся на удачу, — устало произнес Хью.

— А вправе ли мы поступать так? Когда мы начнем задыхаться, мучиться от жажды, заболеем... я предпочел бы быть твердо уверенным в том, что любой из нас — даже Карен со сломанной рукой — сможет справиться с дверью.

— Понимаю.

— Лучше бы было сначала опробовать все три двери. Одну из них — бронированную — вообще нужно оставить отпертой. Для девушек она недоступна, а внешней я готов заняться сам.

— Извини, но это моя привилегия, — заметил Хьюберт, — с остальным согласен. Именно поэтому я и предложил высказывать свои мнения. Я устал, Джо, в голове все мешается.

— А что, если двери вышли из строя? Вдруг внешнюю дверь завалило... — продолжал Джозеф.

— На этот случай у нас есть домкрат.

— И еще нам нужно убедиться в сохранности аварийного туннеля. Лично мне плечо Дьюка внушает опасения. Да и у меня самого ноют ребра. Но сегодня я еще в состоянии работать. Завтра мы с Дьюком уже будем лежать пластом, и боль будет раза в два сильнее. А между тем люк завален металлическими баллонами, а сам проход — всяким хламом. Расчистка потребует основательная. Сделать это надо сейчас, пока мы сохранили силы.

— Ненавижу посылать людей на тяжелую работу. Но ты сам принудил меня к этому. — Хью встал, подавляя зевоту. — Давайте займемся делом.

— У меня есть еще одно предложение, — не успокаивался Джо.

— Что теперь?

— Вы должны отдохнуть и выспаться. Толком вы за все это время так и не отдохнули, а помяло вас довольно здорово.

— Со мной все в порядке. Вас с Дьюком тоже изрядно поприжало.
— Думаю, что лучше всего оттащить в сторону эти баллоны с помощью блока и тросов. Барбара может помочь. Хотя она и женщина, но довольно сильная, — сказал Джозеф.

— Конечно, — согласилась Барбара. — К тому же я выше Джо. Прошу прощения, Джо.

— Хью, вы на ногах уже сутки. И, с вашего позволения, я считаю, что вы успешнее справитесь со всеми подстерегающими нас опасностями, если как следует отдохнете, — настаивал Джо.

— Он прав, Хью.

— Барбара, вы ведь глаз не сомкнули.

— Но мне и не требуется принимать решения. А впрочем, я могу прилечь. Джо позовет меня, когда будет нужно. О'кей, Джо?

— Отлично, Барбара.

Хью улыбнулся.

— Объединяйтесь против меня. Ладно, так и быть, пойду вздремну.

Через несколько минут он уже лежал в мужской спальне. Сон охватил его раньше, чем он успел о чем-нибудь подумать...

Дьюк и Джо обнаружили, что пять замков на внутренней двери заклинило.

— Бог с ними, — решил Джо. — Мы всегда сможем взломать их. Сейчас надо выправить бронированную дверь.

Эта дверь была рассчитана на то, чтобы выдержать возможный взрыв, подобно стенам. Она открывалась и закрывалась с помощью рычажного устройства. Ни Дьюк, ни Джо не в состоянии были справиться с ней.

— Джо, давай попробуем молотом! — предложил Дьюк.

Молодой негр нахмурился.

— Пусть твой отец сам делает это. Мы чего доброго сломаем рычаг или отломаем зубцы на шестеренке.

— Вся беда в том, что мы пытаемся приподнять с помощью этого рычага груз весом примерно в тонну, вместо того чтобы двигать его, как положено в горизонтальной плоскости, — заметил Фарнхэм-младший.

— Дверь и без того была тугой.

— Так что же нам делать?

— Может, заняться аварийным выходом? — сказал Джо.

К крюку в потолке подсоединили трос и блок. Барбара и Карен тянули конец троса, а мужчины передвигали баллоны, устанавливая их на место. Когда середина помещения была освобождена, стал возможен доступ к люку, ведущему в аварийный туннель. Крышка люка была массивной. Поднимали ее тоже при помощи этого нехитрого устройства.

Крышка со скрипом подалась и вдруг отвалилась вбок, так как пол был наклонен на тридцать градусов. Падая, она успела ободрать голень Дьюку и чуть не ушибла Джо. Дьюк выругался.

В туннеле сохранились кое-какие припасы. Девушки стали вытаскивать их наверх.

— Эй! Хранитель воды! Здесь есть вода в банках! — крикнула Карен.

— Замечательно! — отозвался Дьюк. — Сюда не заглядывали с тех пор, как убежище было полностью подготовлено к испытаниям. А что делать с распорками?

— Я сам займусь ими. Ты помоги девушкам, Дьюк, туннель не защищен броней, как двери. Эти распорки удерживают на месте металлическую крышку, за ней расположены припасы, а потом идет крышка люка, которую мы только что сняли. В самом туннеле, с интервалом в три метра, перегородки из мешков с песком, а выход из туннеля защищен слоем грунта. Твой отец считает, что должно было получиться что-то вроде кессона, преграждающего путь взрывной волне. Пусть она врывается сюда — кессон замедлит ее продвижение, а потом и вовсе сведет ее на нет.

— Боюсь, что мешки снаружи завалили крышку, — заметил Дьюк.

— В таком случае, придется пробираться через песок.

— А почему он не использовал настоящую броню?

— Он считает, что так безопаснее. Ты же видел, что произошло с дверью. Не хотел бы я преодолевать стальную преграду в этой узенькой норе, — ответил Джо.

— Тогда все ясно, Джо. Напрасно я, видно, называл презрительно ласком это мудрое сооружение.

— Да, это верно. Туннель можно назвать, как и все остальное убежище, машиной для выживания.

— Больше ничего нет, — возвестила Карен. — Не могли бы, джентльмены, помочь мне вылезти? Например, ты, Дьюк?

— А может, лучше положить крышку на место, оставив тебя внизу?

Дьюк помог сестре выбраться из отверстия.

Морщась от боли в груди, Джо спустился вниз. Доктор Ливингстон внимательно наблюдал за происходящим и спрыгнул в люк вслед за своим товарищем, использовав его плечи в качестве посадочной площадки.

— Дьюк, будь добр, передай мне молоток... Не мешай, док. Нечего тут распускать хвост.

— Может, лучше забрать его? — спросила Карен.

— Нет, не нужно. Он обожает находиться в гуще событий. Пусть кто-нибудь посветит мне.

Распорки вскоре были извлечены и ровно уложены рядом с люком.

— Дьюк, теперь мне понадобится такелаж. Я не хочу совсем убирать крышку. Мы просто натянем трос так, чтобы он принимал на себя всю ее тяжесть, и тогда я смогу немного отодвинуть ее и посмотреть, как там дальше. Она очень тяжелая.

— Вот конец троса.

— Отлично. Док! Что б тебя... Док! Не путайся под ногами! Дьюк, просто постоянное натяжение. Я немного отодвину ее и выгляну.

— И получишь порцию радиоактивных изотопов в лицо.

— Придется рискнуть. Еще немного... Она поддается... она освободилась. Джо замолк.

— Ну, что там? — торопил его Дьюк.

— Я что-то не уверен. Дай-ка я поставлю ее на место. Передайте мне одну распорку.

— Вот она, прямо над твоей головой. Джо, что ты там увидел?

Негр вдруг заорал:

— Док! Док, назад! Маленький паршивец! Он проскочил у меня между ног и выскочил в туннель. Док!

— Далеко не убежит.

— Ладно... Карен, ты не могла бы разбудить отца?

— Черт побери, Джо! Что ты там видел? — настойчиво повторил свой вопрос Дьюк.

— Я и сам не знаю. Потому-то мне и нужен Хью.

Хью появился, как только Джо выбрался наверх. Двоим там явно было тесно.

— Джо, что у тебя?

— Хью, лучше бы ты сам посмотрел.

— Хорошо... Надо было мне установить в люке лестницу. Дай руку. — Хью спустился вниз, убрал распорку и отодвинул крышку.

Он смотрел еще дольше, чем Джо, затем позвал:

— Дьюк! Вытащи-ка эту крышку совсем.

— Что там, папа?

— Спускайся сюда.

Крышка была извлечена, отец и сын поменялись местами. Дьюк довольно долго смотрел в туннель.

— Ну, и что ты думаешь на этот счет, сын?

— Это невероятно.

— Папа, — с напряжением в голосе произнесла Карен, — так можем мы узнать в конце концов, что там происходит? А то мне очень хочется попробовать этот молоток на одном из ваших черепов.

— Да, детка. Впрочем, там вполне достаточно места сразу для вас обеих.

Обе девушки тотчас оказались внизу и приникли к отверстию.

— Лопни мои глаза! — мягко выругалась Карен, перед тем как поползти в туннель.

— Детка! Вернись! — крикнул ей Хью, но Карен не ответила. Тогда он обратился к Барбаре: — Скажи, что ты там видишь?

— Я вижу... — медленно произнесла Барбара, — очаровательный поросший лесом холм, зеленые деревья, кусты и чудесный день.

— И мы видели то же самое, — подтвердил Хьюберт.

— Но это невозможно.

— Да.

— Карен уже выбралась наружу. Туннель никак не длиннее восьми футов. Она держит на руках доктора Ливингстона. Она зовет нас: «Выходите!» — передала наверх Барбара.

— Скажи ей, пусть отойдет подальше от устья туннеля — возможно, оно радиоактивно?

- Начало восьмого.
- А снаружи больше похоже на полдень. На мой взгляд, конечно, — заметила Барбара.
- Не знаю, что и думать.
- Хью, я хочу выйти.
- Э-э... А, черт с ним! Только не задерживайся у выхода и будь осторожна.
- Хорошо. — И она поползла в туннель.

4

Хью повернулся к своему заместителю:

— Джо, я выхожу. Принеси-ка мне мой сорок пятый и пояс. Вообще-то не стоило разрешать девочкам выбираться наружу невооруженными. — Он полез в люк. — А вы оставайтесь и охраняйте убежище.

— От кого? — спросил Дьюк. — Да здесь и нечего охранять.

Отец поколебался.

— Не знаю. Мне тревожно, ну, ладно. Пошли вместе. Только обязательно нужно взять оружие. Джо, подожди до тех пор, пока мы не выберемся отсюда. Если мы вскоре не вернемся, сам решай, что делать. Такой ситуации я не предвидел.

— Но тем не менее все, что мы видели, вполне реально.

— Это уж точно, Дьюк.

Хью нацепил револьвер, опустился на колени. Впереди была хорошо видна холмистая зеленая равнина, где по идее должна была быть радиоактивная пустыня и вулканическое стекло. Он пополз вперед.

Оказавшись под открытым небом, Хью отошел от устья туннеля и огляделся.

— Папочка! Разве здесь не чудесно?

Карен стояла немного ниже на склоне холма. Внизу протекал ручей. Дальше местность повышалась и была покрыта лесом. Их же берег оказался безлесным. Небо было голубым, солнце — ярким и теплым, и нигде ни малейшего следа того чудовищного опустошения, которое, несомненно, принесла бы война. В то же время все говорило об отсутствии здесь человека: не было видно ни одного здания, ни дороги, ни тропинки, ни следов реактивных самолетов в небе. Окрестности выглядели совершенно девственно и к тому же изменились до неузнаваемости.

— Папа, я хочу спуститься к ручью.

— Иди сюда! Где Барбара?

— Я здесь, Хью.

Он поднял голову. Она стояла на склоне выше него, над убежищем.

— Пытаюсь уяснить себе, что произошло. А как ты все это понимаешь?

Убежище — большой прямоугольный монолит — возвышалось на холме. Оно было покрыто грязью, за исключением того места, где обломился тун-

нель. Почти чисто было и там, где должна была находиться лестница, ведущая в убежище из дома. Прямо над ним располагалась покореженная бронированная дверь.

— Не знаю, что и думать, — признался он.

Появился Дьюк, держа в руке ружье. Он выпрямился, огляделся и ничего не сказал.

Барбара и Карен присоединились к ним. Доктор Ливингстон играл в ногу Хью. Очевидно, на взгляд персидского кота, это место заслуживало всяческого одобрения: оно словно специально было создано для таких, как он.

— Сдаюсь. Объясните мне, что же все-таки случилось, — взмолился Дьюк.

Хью молчал.

— Папа, ну почему я не могу спуститься к ручью? Я хочу выкупаться. Я плохо пахну, — первой заговорила Карен.

— От этого еще никто не умирал. Я и так сам не свой. И не хватало мне еще беспокоиться о том, чтобы ты не утонула...

— Но он же мелкий.

— ... или чтобы тебя не задрал медведь, или чтобы ты не была засосана зыбучими песками. Вообще, девочки, вам следует вернуться в убежище и хорошо вооружиться. И уж после этого вылезать наружу, проявляя максимум бдительности. Скажите Джо, что я жду его.

— Есть, сэр. — И девушки поползли в туннель.

— Так что ты думаешь, Дьюк?

— Ну... лучше я промолчу.

— Если тебе есть о чем молчать, то это уже хорошо. Мне, например, сказать вообще нечего. Я просто ошеломлен. Казалось бы, я все учел, но такого предусмотреть не мог.

— Ну... Все это выглядит, как гористая местность в Центральной Америке. Но, конечно, это невозможно, — решился высказать свое предположение Дьюк.

— Что возможно, а что невозможно, в нашем положении рассуждать не приходится. Допустим, это Центральная Америка. Что характерно для нее?

— Дай подумать... Там могут быть кугуары. Наверняка змеи. Тарантулы и скорпионы. Малярийные комары. Ты, кажется, упоминал о медведях?

— Я имел их в виду как символ. Нам следует быть настороже каждое мгновение, до тех пор, пока мы не поймем, что нам может угрожать.

Вылез Джо с ружьем. Он молча огляделся вокруг.

— Голодать нам не придется, — заметил Дьюк. — Смотрите, вон там, слева и ниже по течению ручья.

Хью повернул голову в том направлении. На них с интересом смотрела средней величины пятнистая косуля. Она их ни капельки не боялась.

— Может, свалить ее? — предложил Дьюк. Он начал поднимать ружье.

— Не нужно. Мы еще не испытываем острейшей необходимости в свежем мясе.

— Ладно. Симпатичная зверушка, верно?

— Да, очень. Но, на мой взгляд, в Северной Америке не водится ничего подобного. Дьюк, где же мы все-таки? И как мы сюда попали?

Дьюк криво усмехнулся.

— Отец, ведь ты сам провозгласил себя фюрером. Мне просто не полагается думать и иметь свое мнение.

— Перестань!

— Но я в самом деле не знаю, что и думать. Может быть, русские изобрели какую-нибудь галлюциногенную бомбу?

— Разве в таком случае мы все видели бы одно и то же? — удивился Хью.

— Не знаю. Но если бы я подстрелил эту косулю, то, держу пари, мы смогли бы ею закусить.

— Мне тоже так кажется. Джо, идеи, мнения, предложения?

Джо почесал затылок.

— Симпатичное местечко. Но я, к сожалению, горожанин до мозга костей.

— Хью, вообще-то одну вещь ты можешь сделать.

— Что именно, Дьюк?

— Забыл про свое маленькое радио? Попробуй включить его.

— Отличная идея...

У входа в убежище Хью столкнулся с Карен и попросил ее вынести радио. Лазать взад-вперед по трехметровому туннелю было довольно неудобно. Требовалась лестница.

Радиоприемник по-прежнему молчал. Хью выключил его.

— Попробуем еще раз вечером. Ночью я ловил с его помощью Мексику и даже Канаду. — Он нахмурился. — Какие-нибудь передачи в эфире обязательно должны быть. Если только русские полностью не стерли нас с лица земли...

— Ты не прав, отец.

— Почему, Дьюк?

— Этот, например, район, вообще не затронут войной.

— Вот потому-то я и не могу понять молчания радио.

— И все же, Маунтен-Спрингс получил свое. Следовательно, мы не в Маунтен-Спрингсе.

— А кто говорит, что мы в нем? — возразила Карен. — В Маунтен-Спрингсе отродясь не бывало ничего похожего. Да, пожалуй, и во всем штате тоже.

Хью помрачнел.

— Мне кажется, это очевидно. — Он взглянул на убежище — громоздкое, массивное. — Но где же мы?

— Ты когда-нибудь читал комиксы, папа? Мы — на другой планете, — заявила Карен.

— Сейчас не время для шуток, детка. Я в самом деле обеспокоен.

— А я и не шучу. Ничего подобного нет и в радиусе тысячи миль от нашего дома — а мы все же тут. Так что это с равным успехом может быть и другая планета. Видимо, та, на которой мы жили раньше, немного поизносилась...

— Хью, хоть это и глупо, но я согласен с Карен. — К словам девушки присоединился Джо.

— Почему, Джо?

— Ну... понимаешь, где-то ведь мы находимся, верно? А что случается, когда водородная бомба взрывается прямо над головой?

— Ты испаряешься.

— Я, конечно, не чувствую этого и не могу заставить себя поверить, что эта бетонная глыба пролетела более тысячи миль и, грохнувшись оземь, осталась цела и невредима. А мы отделались несколькими синяками да сломанными ребрами. Предположение Карен... — Джо пожал плечами. — Можно назвать это хоть четвертым измерением. Последний взрыв швырнул нас сквозь четвертое измерение.

— Вот-вот, я то же самое и говорю, папа. Мы на чужой планете! Давайте ее исследовать! — не сдавалась Карен.

— Угомонись, детка. А что касается другой планеты... Нигде не сказано, что мы должны обязательно знать, где мы находимся. Наша задача приспособиться к данным условиям.

— Карен, я все-таки не верю, что это не Земля, — возразила Барбара.

— А почему? Ты просто не хочешь верить..

— Я... — Барбара подняла с земли камешек и бросила его в дерево. — Это вот — эвкалипт, а там, за ним, — акация. Безусловно, ничего похожего на Маунтен-Спрингс, но все же совершенно обычная тропическая и субтропическая флора. Правда, если твоя «новая планета» покрыта точно такими же растениями... Короче говоря, это наверняка Земля.

— Ерунда! Почему бы и на другой планете растениям не развиваться так же, как на Земле?

— Это было бы так же удивительно, как и одинаковые... — хотела было продолжить Барбара.

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Я не могу найти тебя! — эхо донесло из туннеля голос Грейс Фарнхэм.

Хью нырнул в туннель.

— Иду, иду!

...Ленч они устроили под сенью дерева, немного в стороне от входа в туннель. Хью решил установить на крыше убежища уцелевший дозиметр, с тем чтобы иметь возможность сравнивать его показания с полученными внутри. Ко всеобщей радости, показания прибора совпали и никакой особой тревоги не вызывали.

Единственной мерой предосторожности было то, что ружья они держали рядом с собой — все, кроме его жены. Грейс Фарнхэм «терпеть не могла ружей» и сначала вообще отказалась принимать пищу в соседстве с ними. Но тем не менее поела она с завидным аппетитом.

Дьюк развел костер, и они были осчастливлены горячим кофе, горячей тушенкой с горохом, консервированными бананами и компотом. А самое главное — сигаретами, причем им не нужно было беспокоиться о том, хватит ли у них воздуха.

— Замечательно, — произнесла Грейс. — Хьюберт, дорогой, а знаешь, чего не хватает, чтобы сделать наше маленькое пиршество еще более приятным? Я знаю, что ты не любишь, когда пьют днем, но сейчас мы в такой экстраординарной ситуации и мои нервы на пределе... так вот, Джозеф, вам не трудно сбегать в убежище и принести бутылочку того испанского бренди...

— Грейс.

— Что, дорогой? И тогда мы смогли бы немножко отпраздновать наше чудесное спасение... Ты что-то сказал?

— Я не уверен, что оно у нас есть, — продолжил Хью.

— Что? Не может быть, ведь у нас его было целых два ящика!

— Большинство бутылок разбилось. И это порождает еще одну проблему. Дьюк, с тебя слагаются полномочия хранителя воды, и ты назначаешься виночерпием. У нас есть еще по крайней мере две целые бутылки. Одним словом, сколько бы ты ни нашел, раздели все спиртное на шесть равных частей.

Миссис Фарнхэм казалась спокойной. Дьюк явно испытывал неудобство.

— Папа, вспомни, что я тебе говорила, — поспешно сказала Карен.

— Ах, да. Дьюк, сестра твоя от доли отказалась. Поэтому храни причитающуюся ей часть в качестве медицинского средства. Если, конечно, она не изменит своего решения.

— Я не буду выполнять эту работу, — отрезал Дьюк.

— Дьюк, нам обязательно нужно разделить спиртное. Кстати, то же самое необходимо сделать и с сигаретами. Скоро они кончатся, и уже навсегда. Вот со спиртным проще: у нас еще останется надежда получить самогон. — Он повернулся к жене: — Может быть, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Чертово зелье! Хьюберт Фарнхэм, ты, кажется, хочешь сказать, что я не имею права выпить?

— Ничуть. У нас осталось по меньшей мере две бутылки, так что на твою долю придется как минимум полпинты.

— Джозеф, будь добр, сбегай и принеси мне бутылочку брэнди.

— Нет! — резко вмешался ее супруг. — Если хочешь выпить, Грейс, принеси ее сама.

— Ерунда, Хью, я сбегаяю, — отозвался Джо.

— Я против! Грейс, у Джо сломано несколько ребер. Ему будет больно пробираться в убежище. Ты единственная, кто не пострадал, и потому запросто сможешь забраться туда сама. Вон те ящики используй вместо ступенек.

— Это невозможно!

— На тебе ни царапинки. А все остальные — кто с синяками, кто с чем-нибудь похуже. Теперь о распределении обязанностей — я хочу, чтобы ты взяла на себя приготовление пищи. Карен будет твоей помощницей. О'кей, Карен?

— Конечно, па.

— Таким образом, вы обе будете заняты. Мы соорудим жаровню и голландскую печь, но это чуть позднее, а пока придется готовить на костре и мыть посуду в ручье.

— Ах вот как? Тогда будьте добры, скажите мне, мистер Фарнхэм, что в это время будет делать наш распрекрасный Джозеф? Как он оправдывает расходы на свое содержание?

— А может быть, ты можешь сказать мне, как мы все будем оправдывать эти расходы? Дорогая, дорогая... разве ты не понимаешь, что теперь все по-иному? Чем мы будем платить ему?

— Полно! Когда все встанет на свои места, Джозеф получит все до гроша, что ему будет причитаться за этот период. Он и сам прекрасно это знает. Кроме того, ведь мы спасли ему жизнь. И вообще мы всегда были добры к нему, так что он вполне может немного подождать с оплатой. Верно, Джозеф?

— Грейс! Помолчи и послушай. Джо больше не слуга. Он наш товарищ по несчастью. Нам больше никогда не придется платить ему. Перестань вести себя, как дитя, и посмотри фактам в лицо. У нас больше нет ничего. У нас никогда больше не будет денег. Нет дома. С моим бизнесом покончено. Нет больше «Маунтен Эксчендж Бэнк». У нас нет ничего, кроме того, что мы запасли в убежище. Но нам повезло. Мы живы и к тому же каким-то чудом получили возможность прожить оставшуюся жизнь не под землей, а на земле. Счастье! Ты понимаешь?

— Я понимаю только одно — что ты пытаешься найти оправдание своим насмешкам надо мной!

— Просто ты получила работу по своим способностям.

— Кухарка! Я и так влачила ярмо кухонного рабства в твоём доме двадцать лет! Это вполне достаточный срок. Я отказываюсь! Ты понял? Я отказываюсь!

— Ты не права. Большую часть нашей совместной жизни ты имела прислугу... да и Карен начала мыть посуду, как только смогла заглянуть через край раковины на кухне. Не спорю, у нас бывали и тяжёлые времена. Но теперь они предстоят нам — тяжёлее некуда, — и ты должна помочь, внести свою лепту, Грейс. Ведь ты отличная кулинарка, стоит тебе только захотеть. Ты будешь готовить... или не будешь есть.

— О-о! — Она разрыдалась и поспешила к убежищу.

Ее спина уже скрылась в туннеле, когда Дьюк встал и собрался последовать за матерью. Отец остановил его:

— Дьюк, я собираюсь пойти на разведку и хотел бы, чтобы ты сопровождал меня.

Дьюк поколебался.

— Ладно.

— Тогда смотри. Мы скоро отправляемся. Думаю, что тебе лучше взять на себя роль «охотника». Ты стреляешь гораздо лучше меня, а Джо вообще никогда не охотился. Как ты считаешь?

— Ну что ж... хорошо.

— Отлично. Тогда пойдй, успокой ее... Дьюк, постарайся заставить ее понять то, что происходит.

— Попробую. Но я согласен с мамой. Ты нарочно выводил ее из себя.

— Не спорю. Продолжай.

Дьюк внезапно повернулся и ушел. Карен тихо заметила:

— Я тоже так думаю, папа. Ты вывел ее из себя.

— Но я сделал это намеренно. Я решил, что иначе нельзя, Карен. В противном случае она просто бы бездельничала... и гоняла бы Джо взд-перед, обращаясь с ним, как с наемным поваром.

— Что ты, Хью, я очень даже люблю стряпать. Например, приготовить сегодняшний ленч было для меня сплошным удовольствием, — вмешался Джо.

— Грейс делает это лучше тебя, Джо, и она будет готовить. И не приведи господи поймать мне тебя, помогающим ей.

Юноша улыбнулся.

— Не поймашь.

— Надеюсь. Не заставляй меня снимать с тебя кожу и прибивать ее к стене. Барбара, что ты знаешь о сельском хозяйстве?

— Очень мало.

— Но ведь ты ботаник, — констатировал Хью.

— Нет, я могла бы им стать — когда-нибудь...

— Даже это делает тебя состоявшимся фермером по сравнению со всеми нами. Я, например, едва отличаю розу от одуванчика, Дьюк знает еще меньше, а Карен вообще считает, что картошка образуется в подливке. Ты слышала, как Джо назвал себя горожанином? Но у нас есть семена, небольшой запас удобрений, кое-какой сельскохозяйственный инвентарь и книги по сельскому хозяйству. Тебе остается выбрать место для сада... А уж мы с Джо вскопаем что нужно и все такое прочее. Ты только руководи нами.

— Хорошо. А есть семена каких-нибудь цветов?

— Почему ты спросила?

— Просто мне очень хотелось, чтобы они были.

— Есть и однолетние, и многолетние. Но сейчас не до них. Я не хочу, чтобы вы с Карен далеко уходили от убежища, пока мы не исследуем местность. Джо, сегодня мы должны подумать о лестнице и соорудить две удобные. Барбара, как у тебя с плотницким искусством?

— Так... средне. Могу вбить гвоздь.

— Тогда не разрешай делать Джо то, что можешь сделать сама. Его ребра должны срастись. Но лестница нам просто необходима. Карен, мой цветочек, тебе предоставляется почетная обязанность заняться постройкой туалета.

— Н-да... Что ж, благодарю.

— Просто два небольших углубления. Одно для вас, эфемерных созданий, а другое для нас, грубых мужчин. А позже мы с Джо смастерим что-нибудь вроде небольших будочек. Потом, возможно, рубленые отхожие места. Может быть, даже и каменные.

— А вот интересно, па, ты сам собираешься что-нибудь делать?

— Конечно. В основном осуществлять общее руководство. Наблюдение — в смысле надзор. По-твоему, это не адский труд, а? — Он зевнул. — Ну ладно. Всего хорошего. Я, пожалуй, прощвырнусь в клуб, зайду в турецкую баню, а потом остаток дня проведу за добрым крепким плантаторским пуншем.

— Папочка, может, тебе лучше охладить лоб в ручье. Выдумал тоже, туалеты!

— Отцизна будет гордиться тобой, дорогая! — парировал удар Хью.

Отец с сыном начали собираться в дорогу.

— Джо, мы намереваемся вернуться засветло, если же ночь застанет нас в пути, то мы до рассвета будем жечь костер, а утром вернемся. Вдруг тебе придется идти искать нас. В таком случае не ходи один, а прихвати с собой одну из девушек, — предостерег Хью. — Впрочем, нет, возьми лучше Карен. У Барбары не во что обуться — только какие-то босоножки на шпильках. Проклятье! Срочно надо изготовить мокасины. Ты понял?

— Конечно.

— Мы пойдем по направлению к тому холму — видишь? Я хочу подняться на него, чтобы осмотреть как можно большую территорию. Может быть, мне удастся обнаружить какие-нибудь признаки цивилизации...

И они отправились в путь. Их снаряжение состояло из ружей, фляжек, топора, мачете, спичек, сухих пайков. Не были забыты: компас, бинокль, грубые ботинки и плащ. Последний оказался Дьюку впору; он понял, что отец запас одежду специально для него.

Они шли, по очереди меняясь местами, — тот, кто шел позади, старался не отстать и считал шаги, а первый наблюдал за окрестностями, определяя направление по компасу и старался запомнить увиденное.

Высокий холм, избранный Хью в качестве наблюдательного пункта, находился за ручьем. Они немного прошли по течению и нашли брод. Повсюду им встречались дикие животные. Особенно изобиловали эти места миниатюрными косулями, на которых, очевидно, никто никогда не охотился — люди, по крайней мере, так как по пути Дьюк заметил горного льва и дважды они видели медведей.

Когда путники добрались до вершины, было уже примерно три часа пополудни по местному времени. Подъем оказался довольно утомительным — мешал густой кустарник, да к тому же они оба никогда не занимались альпинизмом. На плоской вершине у Хью возникло горячее желание с размаху броситься на землю.

Но вместо этого он огляделся. К востоку местность была более ровной. Его взгляду предстали бесконечные мили прерий. Нигде ни малейших признаков человека.

Он настроил бинокль и стал изучать панораму. Заметив какие-то движущиеся вдали силуэты, он решил, что это антилопы или какой-то скот. За этими стадами стоило понаблюдать внимательнее. Но все это потом, потом...

— Хью, видишь тот пик? Так вот, его высота равняется тысяче ста десяти футам.

— Не спорю.

— Это Маунт-Джеймс. Отец, мы ДОМА!

— Что ты хочешь этим сказать? — не выдержал Хьюберт.

— Посмотри на юг. Узнаешь те три глыбы? В тринадцать лет я сломал ногу, упав со средней из них. А вот та остроконечная гора между нами и Маунт-Джеймс — это гора Хантерс-Хорн. Неужели ты не замечаешь? Ведь линии горизонта можно так же легко сличить, как и отпечатки пальцев. Это Маунтен-Спрингс!

Хью устоял на то место, куда показывал сын. Действительно, этот вид был ему хорошо знаком. Даже окно его спальни было расположено с таким расчетом, чтобы из него можно было видеть все это. Сколько раз он любовался на закате этими горами!

— Да...

— Конечно, да, — согласился с иронией Дьюк. — Будь я проклят, если я знаю, как это произошло! Но мне сдается, — он топнул ногой, — что мы на вершине водонапорной башни — там, где она раньше находилась. — Он сощурился. — А насколько я понимаю, убежище лежит прямо на лужайке перед нашим домом. Отец, мы вовсе никуда не переместились!

Хью достал блокнот, где были записаны количество пройденных шагов и курсы по компасу, и что-то подсчитал.

— Да. Хотя, возможно, небольшая погрешность вычислений.

— Ну, и что ты думаешь по этому поводу? — спросил Дьюк.

Хью взглянул на небо.

— Ничего я не думаю. Дьюк, скоро наступит ночь?

— Полагаю, часа через три. А за горами солнце скроется часа через два.

— Сюда мы добирались два часа, но назад вернемся значительно быстрее. У тебя есть сигареты?

— Найдутся.

— Можешь дать мне одну? С возвратом, разумеется. Выкурим по одной, тогда можно и возвращаться. — Он огляделся. — Место здесь открытое, так что медведь вряд ли сможет подкрасться к нам незамеченным.

Хью положил ружье возле себя, затем, сняв пояс, уселся на землю. Они закурили.

— Отец, ты холоден, как рыба. Ничто тебя не удивляет.

— Ты считаешь? Вовсе нет. Просто я раньше так часто всему удивлялся, что постепенно приучил себя не делать этого.

— Это не у всех получается.

Некоторое время они курили молча. Дьюк сидел, Хью улегся на траву. Он был в полном изнеможении, и сейчас ему больше всего хотелось, чтобы им никуда не нужно было возвращаться.

— Кроме того, — прервал молчание Дьюк, — ты очень любишь издеваться над людьми...

— Может, ты и прав, если по-твоему то, что я делаю, — издевательство. Все всегда делают только то, что им хочется, то что их «радует», — в пределах собственных возможностей. И если я меняю спущенное колесо, то только потому, что меня это радует больше, чем бесполезное сидение на шоссе...

— Не нужно утрировать. Тебе просто нравится издеваться над мамой. Ты и меня любил в детстве шлепать за малейшую провинность... пока мать не топнула ногой и не заставила тебя прекратить это...

— Нам пора двигаться, — перебил его отец.

— Еще минуту. Я хочу кое-что тебе сказать. Не беспокойся, мы не опоздаем. Мне нужны считанные секунды, — торопливо заговорил Дьюк. Хью выпрямился.

— Что такое?

— А вот что! Твоя роль отважного капитана окончена!

Он дал отцу сильную затрещину.

— Это тебе за издевательство над мамой!

Он ударил еще раз, на этот раз с другой стороны и гораздо более сильно — так, что сбил отца с ног.

— А это — за то, что ты приказал нигтеру наставить на меня ружье!..

Хью Фарнхэм лежал совершенно спокойно.

— Не «нигтер», Дьюк. Негр.

— Он для меня негр только до тех пор, пока знает свое место. А то, что он прицелился в меня, делает его поганым нигтером. Можешь встать. Больше тебя бить я не собираюсь.

Хью Фарнхэм поднялся.

— Надо идти обратно, — невозмутимо произнес он.

— И это все, что ты хочешь мне сказать? Давай, давай. Можешь тоже меня ударить. Отвечать тебе я не стану.

— Нет.

— Я не нарушал клятвы. Я ждал момента, когда мы покинем убежище, — продолжал Дьюк.

— Согласен. Кто пойдет первым? Я? Мне кажется, так будет лучше, — произнес Хью.

— Уж не думаешь ли ты, что я боюсь выстрела в спину? Отец, пойми, я просто должен был сделать это!

— Неужели?

— Да, черт возьми. Чтобы не потерять уважение к самому себе.

— Хорошо. — Хью взял ружье и пошел вперед.

Некоторое время они шли молча.

— Папа? — наконец проговорил Дьюк.

— Слушаю, Дьюк.

— Прости...

— Забудем об этом.

Вскоре они добрались до ручья, нашли то место, где переходили его вброд. Хью торопился, так как быстро темнело.

Дьюк снова догнал его.

— Ответь мне еще только на один вопрос, папа. Почему ты не назначил поварихой Барбару? Ведь она чужая нам. Зачем тебе надо было снова подковыривать мать?

Задумавшись, Хью ответил:

— Барбара теперь нам не более чужая, чем, например, ты, Дьюк, а готовка — единственное, что умеет Грейс. Или ты считаешь, что она должна была бы бездельничать, в то время как все остальные вкалывают?

— Нет. О, естественно, все мы должны быть чем-нибудь заняты — само собой разумеется. Но зачем же издеваться над ней при посторонних? Ты понимаешь меня?

— Дьюк, весь последний год я занимался каратэ по три раза в неделю.

— Ну и что?

— Просто больше не пытайся драться со мной. Проще будет выстрелить мне в спину.

— Вот как!

— Да, а пока ты не решишься застрелить меня, тебе придется мириться с моим лидерством. Впрочем, можем устроить выборы.

— Ты согласен на это? — удивился Дьюк.

— Мне ничего другого не остается. Возможно, группа предпочтет тебя. Твоя мать точно будет за тебя. Возможно, и твоя сестра тоже. А вот что касается мнения Барбары и Джо, то тут ничего нельзя сказать наверняка.

— А как же ты, отец?

— Лучше я не буду отвечать тебе на это вопрос: я ничего тебе не должен. Но до назначенных тобою перевыборов ты, дав клятву, обязан сознательно подчиняться мне.

— Ну, ты и учудил — сознательно подчиняться! Надо же!

— В нашем положении иначе быть не может. Я просто не в состоянии то и дело подавлять мятеж — а их с твоей стороны было уже два, да и твоя мать страдает отсутствием дисциплины. На таких условиях не может действовать ни один руководитель. Поэтому я могу принять от тебя только сознательное подчинение. Оно включает в себя и невмешательство с твоей стороны в то, что ты назвал «издевательством».

— Но, послушай, ведь я же сказал тебе, что я... — начал было Дьюк.

— Тихо! Если ты сам не выработал свою линию поведения в данной ситуации, то лучшим выходом для тебя будет выстрелить мне в спину. И не пытайся сталкиваться со мной безоружным или дать мне возможность выстрелить первым. В следующий раз, Дьюк, заметив угрозу с твоей стороны, я убью тебя. Если смогу... Но один из нас наверняка будет мертв.

— Отец, скажи же, ради бога, почему ты не можешь руководить демократично? — после продолжительной паузы спросил Дьюк. — Я вовсе не собираюсь захватывать власть, я просто хочу, чтобы все было честно.

— М-м-да, ты не хочешь власти. Ты желаешь быть пассажиром на заднем сиденье, который может указывать водителю, как ему поступать.

— Чепуха! Просто я хочу, чтобы все было демократично, — настаивал Дьюк.

— Следовательно, нам придется устраивать голосование по вопросу о том, должна ли Грейс работать наравне со всеми нами? Имеет ли она право накачиваться ликером? А как нам вести заседания? Может быть, попробуем процессуальный кодекс Роберта? А удалять ее из зала во время

дебатов или нет? Может быть, ей следует остаться и защищать себя от обвинений в лени и пьянстве? Значит, ты согласен подвергнуть родную мать такому позору?

— Не говори глупости! — отозвался Дьюк.

— Нет, просто я пытаюсь выяснить для себя, что ты понимаешь под «демократичностью». Если ты подразумеваешь постановку любого вопроса на голосование — ладно, готов помочь тебе попробовать, если ты, разумеется, заставишь себя подчиниться любому решению большинства. Пожалуйста, становись главой группы. Я устал от ответственности, и я знаю, что Джо тоже не очень доволен ролью моего заместителя.

— Это совсем другое дело. Не понимаю, какое отношение имеет Джо ко всему этому?

— Я думал, ты собираешься быть «демократичным»?

— Да, но ведь он...

— Кто же он, Дьюк? Ниггер? Или просто слуга?

— Ты любишь все вывернуть наизнанку...

— Это потому, что у тебя бредовые идеи. Мы попробуем воспользоваться формальной демократией — процессуальным кодексом, прениями, тайным голосованием — чем угодно, как только ты пожелаешь этого идиотизма. А особенно если у тебя появится мысль вынести вотум недоверия и взять власть в свои руки. Искренне желаю, чтобы тебе это удалось. Хотя, на самом деле, то, что мы имеем — и есть самая настоящая демократия, — не уставал разглагольствовать Хью.

— Интересно, как же это?

— Я действую в интересах и от имени большинства — четверых против двоих. Так мне, по крайней мере, кажется. Но мне этого недостаточно. Я хочу абсолютного большинства, я не могу бесконечно пререкаться с меньшинством. Я имею в виду тебя и твою мать. И я хочу, чтобы вас стало пять против одного еще до того, как мы вернемся к убежищу. Я хочу получить от тебя заверения в том, что ты не будешь вмешиваться в мои попытки заставить, принудить, пусть даже путем издевательства, твою мать принять на свои плечи равную долю нашего общего груза — это в случае, если ты не вынесешь вотума доверия.

— И ты хочешь, чтобы я согласился на ТАКОЕ? — удивился Дьюк.

— Нет, я настоятельно советую тебе это. У тебя остается еще один вариант.

— Какой же?

— Как только пожелаешь, можешь уйти. Я дам тебе ружье, патроны, соль, спички, нож и все, что ты найдешь необходимым.

Дьюк зло рассмеялся.

— Предоставляешь мне возможность сыграть роль Робинзона Крузо... А всех женщин оставляешь себе!

— Э, нет! Всякий, кто захочет уйти с тобой, свободен. Со своей законной и равной долей всего, что у нас есть. Можешь взять с собой всех трех женщин, если, конечно, тебе удастся увлечь их своей идеей.

— Что ж, я подумаю.

— Подумай, подумай. А между тем умерь немного пыл и попытайся увеличить свои шансы на победу в «демократических» выборах — и не дай бог тебе схватиться со мной раньше, чем ты будешь готов к этому. Мое терпение кончилось — ты выбил мне зуб.

— Прости, я не хотел.

— Когда ты бил, этого не чувствовалось. Вот и убежище, так что можешь начинать «сознательно подчиняться» с того, что будешь делать вид, будто мы прекрасно провели время.

— Слушай, отец, если ты не будешь...

— Заткнись. Я устал от тебя.

Приближаясь к убежищу, они услышали радостные крики Карен:

— Посмотрите, что я уже сделала!

Рядом с убежищем с двух сторон она выкопала туалеты. Каркасы из стволов молоденьких деревьев были обшиты листами картона от ящиков со спиртным. На сиденья пошли обшивочные дощечки от баллонов.

— Ну, как? — требовательно спросила Карен. — Разве не роскошь?

— Да... — многозначительно произнес Хью. — Значительно более основательно, чем я ожидал от тебя. — Он уж не стал говорить, что на туалеты Карен извела почти всю их древесину.

— Я работала не одна. Большую часть плотницкой работы проделала Барбара. Слышали бы вы, как она ругается, когда попадает молотком по пальцам.

— Ты ушибла палец, Барбара? — В голосе Хью звучало сочувствие.

— Ничего страшного. Лучше идите опробуйте лестницу.

— Обязательно. — Он полез было в туннель, но Джо остановил его.

— Хью, пока не стемнело, давай кое-что рассмотрим.

— Хорошо. Что именно?

— Убежище. Ты как-то упоминал о том, что нужно построить хижину. Представь себе, что мы сделали это: что мы будем иметь? Земляной пол и вечно текущую крышу, окна без стекол и дверной проем без двери. Мне кажется, что в убежище нам будет лучше.

— Что ж, возможно, — согласился Хью. — Я предполагал, что мы будем пользоваться им в качестве пристанища, пока не обзаведемся чем-нибудь получше.

— Думаю, что оно не так уж радиоактивно. Дозиметр подскочил бы до небес, если бы крыша была по-настоящему «горячей». Но этого не произошло.

— Это обнадеживает. Но, Джо, сам посуди, уклон в тридцать градусов более чем неудобен. Нам нужно жилище с ровным полом.

— Вот это-то я и имел в виду, Хью. Помнишь тот гидравлический домкрат? Его грузоподъемность — тридцать тонн. А каков вес убежища?

— Сейчас, сейчас. Нужно вспомнить, сколько ушло бетона и сколько стали. — Хью достал блокнот. — Ну, скажем, тонн двести пятьдесят.

— Что ж, просто я подумал...

— Идея сама по себе хороша. — Хью задумчиво обошел вокруг сооружения — прямоугольной глыбы двадцати футов в длину, двадцати в ширину и двенадцати в высоту, — прикидывая углы, вымеряя расстояния. — Можно попробовать. Мы подкопаем приподнятую часть до середины так, чтобы убежище встало ровно. Черт, жаль, что у нас нет отбойных молотков...

— А сколько времени может занять такая работа? — поинтересовался Джо.

— Думаю, что двое управились бы за неделю, если бы не напорились на валуны. Когда под рукой нет динамита, валуны могут стать проблемой.

— Совсем неразрешимой?

— Любую проблему, в принципе, можно решить. Будем надеяться, что нам не встретятся скалы. Вынутой землей мы подсыпем ту часть, которая окажется в воздухе, когда опустится задравшееся крыло, и все укрепим бревнами. В общем, потная работенка.

— Тогда я начну завтра с утра.

— Как бы не так. И думать не смей, пока не заживут твои ребра. Завтра утром начну я, и с нашими девицами. Да и Дьюка подключим, по-моему, у него уже перестало болеть плечо. Но только лучше экономить. Кстати... что вы сделали с пустыми консервными банками?

— Зарыли.

— Тогда их нужно выкопать и вымыть. Консервная жестяная банка для нас дороже золота — они годятся для чего угодно. Ладно, давай спустимся, а то я еще не наслаждался лестницей.

Лестница была сделана из двух обтесанных стволиков со ступеньками из все тех же ящичных досочек, прибитых гвоздями. Хью снова отметил про себя, что древесина расходуетсся более чем неэкономно: ступеньки следовало делать из обрубленных веток. Черт побери, сколько теперь появилось всего, что нельзя заказать, просто сняв телефонную трубку. Например, эти рулоны туалетной бумаги — по одной в каждой кабинке... Их не следовало оставлять там — а вдруг пойдет дождь? Иначе очень скоро придется начать пользоваться листьями или вообще ничем.

Много, очень много они всегда принимали и привыкли принимать как само собой разумеющееся! Гигиенические пакеты — насколько их хватит? И как обходились без них первобытные женщины? Они наверняка чем-то пользовались, но чем?

Нужно предупредить их, что все, изготовленное фабричным способом, будь то клочок бумаги, грязная тряпка, булавка — все, все следует беречь как зеницу ока. Нужно без устали повторять им это, следить за тем, чтобы данное правило неукоснительно соблюдалось, постоянно удерживать их от бездумной траты чего бы то ни было.

— Замечательная лестница, Барбара!

Она, кажется, очень обрадовалась похвале.

— Самое трудное сделал Джо, — добавила девушка.

— И вовсе нет, — стал отпираться Джо. — Я только давал советы и помог обтесать кое-что.

— Все равно кто бы ни сделал ее, она сделана прекрасно. Теперь посмотрим, выдержит ли она меня.

— О, конечно же, выдержит! — с гордостью воскликнула Барбара.

В убежище были включены все лампы. Значит, необходимо предупредить и насчет батарей. Не забыть рассказать девушкам, как делают свечи.

— Где Грейс, Карен?

— Маме плохо. Она прилегла.

— Вот как? Тогда тебе лучше заняться обедом.

Хью вошел в женскую комнату. Жена валялась на койке, забывшись в тяжелом сне. Рот ее был открыт, лежала она не раздевшись и громко храпела. Он нагнулся, приподнял ей веко; она даже не пошевелинулась.

— Дьюк! Иди сюда. И позови всех остальных.

— Ты давал ей выпить после ленча? — обратился он к сыну.

— Да. Но ведь ты и не запрещал.

— Я не критикую. Сколько ты ей дал?

— Только один хайболл. Полторы унции скотча с водой.

— Как, по-твоему, похоже это на один хайболл? Попробуй-ка разбуди ее.

Дьюк попытался, но безуспешно.

— Отец, я понимаю, что ты считаешь меня дураком. Но я действительно дал ей выпить только одну порцию. Проклятие, ты ведь прекрасно знаешь, что я не меньше тебя ненавижу ее пьянство!

— Не волнуйся, Дьюк. Я думаю, она добралась до бутылки уже после того, как ты ушел.

— Я дал матери выпить, как только обнаружил первую неразбитую бутылку. Затем я занялся инвентаризацией. Мне казалось, я разыскал все, что осталось целым, если только ты не припрятал где-нибудь еще про запас...

— Нет, все ящики находились в одном месте. Шесть ящиков.

— Правильно. Я нашел тридцать целых бутылок — двенадцать по три четверти литра и литровую бутылку бурбона. Я тогда еще прикинул, что это будет по две бутылки на человека, а бутылку бурбона я оставляю на всякий случай. Я открыл «Кингс Рэнсэм». А налив порцию матери, я пометил уровень виски карандашом. Так что мы узнаем, пила она его или нет.

— Ты спрятал остатки? — поинтересовался Хью.

— Я засунул весь запас на самую верхнюю полку в противоположном конце убежища. Думаю, ей будет довольно трудно достать ее оттуда. Видишь, я не такой уж идиот, отец. И мать не знала, куда я прячу виски: она была в своем отсеке. Правда, могла догадаться...

— Давай проверим.

Все двенадцать бутылок были на месте. Нетронутые. Тринадцатая была едва почата. Дьюк поднял ее повыше.

— Нет! Ровно до отметки. Но ведь была еще одна, помнишь? Мы открыли ее, когда все это началось, после второго взрыва. Где она?

— После того как вы заснули, мы с Барбарой слегка к ней приложились, Дьюк, Она осталась в комнате с баллонами.

— А-а! Значит, это она разбита вдребезги. Я заметил ее, когда мы растаскивали там груды. Но тогда я совсем ничего не понимаю — каким образом Грейс могла раздобыть спиртное?

— Она и не трудилась делать это, Дьюк.

— Что ты хочешь этим сказать?

Хью подошел к аптечке и взял оттуда пузырек со сломанной печатью на горлышке.

— Посчитай, сколько здесь капсул секонала. Ты вчера вечером выпил две?

— Да.

— Карен выпила одну перед сном, одну позже; одну выпил Джо. Ни я, ни Барбара, ни Грейс не принимали его. Итого, пять капсул.

— Подожди, я посчитаю. Девяносто одна, — объявил Дьюк.

— Правильно. — Хью ссыпал капсулы обратно в пузырек. — Следовательно, она приняла четыре.

— Что же делать, папа? Промывание желудка? Рвотное?

— Ничего.

— Но как же? Неужели у тебя нет сердца... Ведь она пыталась покончить с собой!

— Успокойся, Дьюк. Она и не думала ни о чем таком. Четыре капсулы — шесть грамм — у здорового человека вызывают просто ступор, а она здорова, как бык: месяц назад Грейс была на осмотре у врача. Нет, она выпила секонал, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения. — Хью нахмурился. — Алкоголик — это уже само по себе достаточно плохо. Но люди, часто сами того не желая, убивают себя снотворными таблетками.

— Отец, а что ты подразумеваешь под тем, что она «выпила его, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения»?

— Ты никогда не принимал их?

— До вчерашнего вечера никогда.

— Ты помнишь, что ты чувствовал перед тем, как заснуть? Тепло, радость и беспечность?

— Нет, я просто лег и отключился. А потом сразу оказался у стены, да еще на голове.

— Значит, у тебя не выработалась привычка к ним. А Грейс прекрасно знает, что за эффект они дают. Опьянение, счастливое опьянение. Правда, раньше я никогда не замечал, чтобы она принимала их больше одной за раз, но ее никогда не ограничивали в спиртном. Когда человек начинает пить снотворное, не будучи в состоянии раздобыть спиртное, он на плохом пути.

— Отец, ты давно должен был подальше убирать от нее всякую выпивку.

— А как, Дьюк? Заявить ей, что выпить она не получит? На вечеринках не давать ей пить? Ссориться с ней на людях? Спорить с ней в присутствии Джо? Не давать ей карманных денег, закрыть ее счет в банке, следить, чтобы ей не давали в кредит? Разве это удержало бы ее от того, чтобы начать закладывать вещи в ломбард?

— Мама никогда бы не опустилась до этого.

— В подобных случаях такое поведение типично. Дьюк, пойми, невозможно удержаться от пьянства взрослого человека, который предрасположен к алкоголизму.

Хью глубоко задумался, лицо его выражало тревогу.

— Очевидно, моя ошибка состояла в том, что я дал ей возможность бездельничать. Но она и так считала меня скупцом из-за того, что я позволял ей иметь только одного слугу и женщину, которая убирала дом. Дьюк, сам посуди, не бить же ее в самом деле?!

— Ну... Как нам поступить сейчас?

— Вот именно, канцлер. Что ж, спрячем эти пилюли подальше.

— А я уничтожу эти проклятые бутылки!

— Я бы не стал этого делать, — возразил Хьюберт.

— Ты бы не стал. Я не ослышался, когда ты назвал меня хранителем спиртного?

— Нет, решать тебе. Я просто сказал, что, будь я на твоём месте, я бы не стал этого делать. Думаю, что это было бы ошибочно.

— Лично я намерен прекратить это.

— Очень хорошо, Дьюк. Гм... видишь ли, может быть, нам как-нибудь припрятать виски, а не уничтожать его. Совсем неплохо иногда пропустить глоток-другой. Впрочем, если ты решил твердо, спорить не стану. Хотя Грейс ведь первое время будет нуждаться в спиртном, пусть в небольшом количестве.

— Это не имеет значения, — решительно заявил Дьюк. — Я не собираюсь давать ей ни глотка. Чем быстрее с проклятым зельем будет покончено, тем быстрее она станет нормальным человеком.

— Конечно, решать тебе. Но если можно, я внесу предложение.

— Какое?

— Утром встань пораньше. Вынеси все спиртное наружу и зарой его в места, о которых будешь знать только ты. А потом отрывай по мере надобности по одной бутылке и распределяй примерно по унции на каждого. Пусть остальные пьют так, чтобы она этого не видела. А открытую бутылку тоже лучше хранить где-нибудь за пределами убежища.

— Вообще-то звучит довольно дельно.

— Но это ставит перед нами еще одну проблему — держать от нее подальше снотворное, — продолжал Хью.

— Их тоже закопать?

— Нет, они нужны нам здесь, и не только снотворное. Димедрол, иглы для шприца, некоторые лекарства, среди которых есть ядовитые и наркотические, совершенно незаменимы. Если она не сможет найти секонал — пять пузырьков по сто капсул в каждом, — нельзя предсказывать заранее, какую замену она будет пытаться найти. Придется воспользоваться сейфом.

— Чем? — переспросил Дьюк.

— В толще бетона вделан небольшой сейф. Там хранятся наши свидетельства о рождении и другие документы, немного патронов и две тысячи

серебряных долларов. Деньги можно куда-нибудь выложить, мы потом сможем использовать их в качестве металла. Комбинация «4 июля 1776 г. 47-17-76». Но лучше изменить ее, так как Грейс она может быть известна.

— Тогда я сразу так и сделаю!

— Не спеши, она не скоро проснется. Насчет запасных патронов... Дьюк, поскольку я на некоторое время по уши заруюсь в землю, ты назначаешься моим заместителем по распределению. Отныне ты отвечаешь за все, что не может быть возмещено: за спиртное, табак, патроны, гвозди, туалетную бумагу, спички, сухие батареи, клинэкс, иглы...

— Боже милостивый! А еще какой-нибудь работы погрязнее не найдется?

— Сколько угодно. Сын, раздавая поручения, я исхожу из личных качеств каждого. Джо — слишком робок. Карен живет только сегодняшним днем. Барбара не годится для такой кропотливой работы. Я бы сам занимался этим, но я и так нагружен по горло. Ты же самый подходящий для этого человек: не колеблясь, будешь отстаивать свои права. А иногда ты проявляешь даже дальновидность, правда тебе редко приходит в голову проявить ее.

— Большое спасибо. Все в порядке.

— Самое сложное, что тебе предстоит, — это внушить им всем, что они должны беречь каждый кусочек металла, бумаги, ткани и дерева, то есть вещей, которые американцы за многие годы привыкли бесцельно расточать. Бесценными становятся рыболовные крючки. Продукты не так важны, мы постоянно будем восполнять их запас: ты — охотой, Барбара — огородничеством. И тем не менее отметь те из продуктов, которые невозможно возместить. Соль. Особенно следи за тем, чтобы соль строго нормировалась.

— Соль? — удивился Дьюк.

— Если только тебе не удастся набрести во время охоты на соляной выход. Соль... Черт побери, ведь нам наверняка придется дубить кожу. Обычно я всегда только просаливал кожи, перед тем как отдать их меховщику. Да разве что еще выскребал их перед этим. Но так ли это было необходимо?

— Не знаю.

— Нужно со всем разобраться. Проклятие, очень скоро мы обнаружим, что я многого не предусмотрел.

— Отец, — возразил Дьюк, — по-моему, ты и так сделал все что мог.

— Ты так думаешь? Это приятно слышать. Тогда мы попробуем...

— Папа, нельзя ли нам войти? — Из люка высунулась голова Карен. — Снаружи уже темно и страшно, а что-то большое и ужасное загнало Дока внутрь. Док не хочет впустить нас до тех пор, пока ты не разрешишь.

— Прости, детка. Конечно, входите. А потом мы закроем люк крышкой.

— Есть, сэр. Но, отец, ты обязательно должен выглянуть наружу. Звезды, Млечный Путь похожи на неоновую вывеску! И Большая Медведица... может, это все-таки не другая планета? Или мы и с другой планеты будем видеть тот же небосвод?

— Точно не могу сказать. — Тут он вспомнил, что еще не все знают об их открытии — о том, что они находятся в графстве Джеймс, район

Маунтен-Спрингс. Но рассказать об этом остальным должен был бы Дьюк — ведь это он определил их местонахождение. — Дьюк, хочешь еще раз оглядеться, перед тем как мы закроемся?

— Покорнейше благодарю, я уже оглядывался.

— Ну, как хочешь.

Хью выбрался наружу, дождался, пока его глаза не приспособились к темноте, и убедился в правоте Карен. Никогда еще не приходилось ему видеть, насколько глубоко в своей чистоте небо, абсолютно не загрязненное смогом.

— Изумительно!

Карен взяла его за руку.

— Да, — согласилась она, — но я бы все-таки предпочла обычные уличные фонари этим звездам. Там, в темноте, кто-то ходит. Мы слышали, как воют койоты.

— Здесь водятся медведи, а Дьюк слышал рычание горного льва. Джо, ночью держи кота взаперти, да и днем лучше не отпускать его от себя.

— Он и сам далеко не уйдет — мой кот достаточно смышлен. А кто-то еще и поучил его уму-разуму!

— Меня тоже! — провозгласила Карен. — Это медведи! Барбара полезла внутрь. Отец, если взойдет луна, то это точно Земля — в этом случае я больше никогда не поверю комиксам...

— Лучше расспроси своего брата.

За обедом открытие Дьюка было основной темой для разговоров.

— Дьюк, а ты действительно уверен в том, что говоришь? — допытывалась Карен.

— Ошибки быть не может, — ответил Дьюк. — Если бы не деревья, ты бы сама с легкостью это установила. Чтобы как следует оглядеться, нам пришлось подняться на самую вершину Водонапорного Холма.

— Так вы, значит, все это время взбирались на Водонапорный Холм? Но ведь до него только пять минут хода!

— Дьюк, объясни сестре насчет автомобилей, — прозвучал голос Фарнхэма.

— Думаю, что это бомбы, — вдруг сказала Барбара.

— Конечно, Барбара, вопрос только в том — как?

— Я имею в виду гигантскую водородную бомбу, которую русские обычно называли «Космической бомбой». Скорее всего, она-то и накрыла нас.

— Продолжай, Барбара.

— Так вот, первая бомба была просто ужасна, вторая — еще хуже, в пламени их мы чуть не сгорели. А вот третья просто очень здорово встряхнула нас — трра-х-х! — а потом не было ничего — ни шума, ни жары, ни сотрясений, а радиоактивность стала меньше, вместо того чтобы возрасти. И вот что я думаю: слышали вы когда-нибудь о параллельных мирах? Миллионы миров существуют бок о бок, почти одинаковые, но не совсем. В одном из них королева Елизавета вышла замуж за графа Эссекса,

а Марк Антоний искренне ненавидел рыжих? Мир, в котором Бен Франклин был убит током? Так вот, это один из таких миров.

— Ну, дошли и до Бенджамина Франклина...

— Это ты зря, Карен. Космическая бомба попала в нас — прямое падение — и вышвырнула в параллельный мир. Здесь все точно такое же, как у нас, за исключением одного — в нем никогда не было людей.

— Я не уверена, что мне симпатичен мир без людей. Предпочтительнее было бы оказаться и впрямь на другой планете. И чтоб на ней непременно были воинственные вожди, гордо восседающие на тотлах. Ну, хотя бы на зицарах.

— И как тебе моя теория, Хью?

— Я стараюсь быть беспристрастным. Но одно я могу допустить: мы не должны рассчитывать на то, что встретим других разумных существ.

— Мне нравятся твои рассуждения, Барбара, — заявил Дьюк. — Они многое объясняют. Выстреленная арбузная косточка. Фью-ить!

— Да, и оказались здесь.

Дьюк пожал плечами.

— Пусть эта теория войдет в историю как теория Барбары Уэллс — «Теория переноса в пространстве», — и пусть она будет безоговорочно приятна всем и одобрена всеми. Принято единогласно; на этом заканчиваем. Например, я чертовски хочу спать. Кто где расположится, Хью?

— Минуту. Друзья, позвольте представить вам моего заместителя по распределению. Дьюк, поклонись публике. — Хью начал объяснять свою программу экономии. — Дьюк со временем усовершенствует ее, но суть я вам изложил. Всех, кто будет уличен в бесхозяйственности, ждет заслуженное наказание! Скажем, нахожу я на земле согнутый гвоздь — виновный получает соответствующее количество плетей. За серьезное нарушение — протаскивание под килем — например, за трату спички. Еще одно нарушение — и виновного публично вешают на городской площади.

— Ха! Так что ж, нам следить друг за другом, что ли?

— Помолчи, Карен. Конечно, я шучу. Никаких наказаний не будет. Просто вы сами должны хоть немного сознавать, что глупо бессмысленно тратить то, чего вам никогда больше не видеть как своих ушей. Поэтому не следует оправдываться перед Дьюком. И еще я хочу произвести одно назначение. Доченька, ты, кажется, владеешь стенографией?

— Ну, это слишком сильно сказано. Мистер Грегг, наш преподаватель, вряд ли придерживался такого же мнения, — усомнилась Карен.

— Хью, я знаю стенографию. А зачем тебе это?

— О'кей, Барбара, я назначаю тебя нашим историографом. Сегодня — День Первый. В принципе, можешь использовать наш обычный календарь. Но я думаю, что нам удастся рассчитать новый. Каждый вечер ты должна записывать события дня, а потом расшифровывать их и переписывать начисто. Тебе присваивается звание «Хранительница Огня». Не исключено, что скоро нам придется разжечь огонь и каждую ночь сохранять его до утра. Ну, вот и все. Прошу прощения, Дьюк, что задержался.

— Хью, я буду спать в хранилище. А ты ложись на койку.

— Погоди еще секунду, братишка. Папа, а нельзя ли нам с Барбарой помыться в хранилище? Нам это необходимо. Девушки, которые копают выгребные ямы, просто обязаны мыться.

— Конечно, Карен. Воду я вам выделю, — согласился Дьюк.

— С водой проблемы нет, — заметил Хью. — Но вы с не меньшим успехом можете утром выкупаться в ручье. Помните только одно: пока одна купается, вторая должна быть начеку. Я ведь не шутил насчет медведей.

Карен вздрогнула.

— Кстати, папочка, где нам справлять нужду? В туалете? Или терпеть всю ночь до утра? Я, конечно, попытаюсь — очень не хочется среди ночи играть в прятки с медведем.

— Я думал, туалет еще стоит на месте.

— Это верно, но вот с канализацией у нас теперь не все в порядке.

— Тут уж ничего не поделаешь.

— Это уже хорошо. Окей, братишка, тогда дай нам с Барбарой водички для туалета, и ты свободен.

— А вы раздумали мыться?

— Помыться мы можем и в женской спальне, после того как вы все уляжетесь. Мы оберегаем вашу стыдливость.

— А меня это вовсе бы не смутило.

— Это очень плохо, — иронически заметила Карен.

— Тихо, — вмешался Хью. — Мы должны следовать правилу: «Нег — ложному стыду». Здесь мы скучены хуже, чем в московской коммуналке. Вы знаете, что говорят японцы по поводу наготы?

— Я слышала, что они купаются совместно, — сказала Карен, — и я была бы очень рада последовать их примеру. Горячая водичка! Это, я вам скажу, вещь!

— Так вот, они говорят так: «Видят наготу часто, но рассматривают редко». Не подумайте, что я призываю вас расхаживать в чем мать родила. Но стыдиться друг друга просто глупо. Если нужно переодеться, а уединиться негде — переодевайтесь спокойно. Или взять, например, купание в ручье. Тот, кому предстоит охранять купающегося, может оказаться человеком другого пола — иначе возникает множество сложностей. Поэтому советую — меньше обращайтесь на это внимания. — Он взглянул на Джо-зефа. — Это в большей степени относится к тебе. Я заметил, что ты особенно щепетилен в этих делах.

— Так уж я воспитан, Хью... — заикаясь ответил Джо.

— Вот как? В таком случае, придется тебе забыть об этой стороне твоего воспитания. После целого дня тяжелой работы может статься, что только Барбара будет в состоянии охранять тебя от медведей.

— Я все-таки рискну искупаться в одиночку. Что-то я не видел поблизости медведей.

— Джо, не мели чепухи. Ты — мой заместитель.

— Но не по своей инициативе.

— Ты им очень скоро перстанешь быть, если не сменишь пластинку. Будешь купаться, когда тебе нужно, и под охраной любого из нас.

— Нет уж, благодарю покорно, — заупрямился Джо.

Хью Фарнхэм тяжело вздохнул:

— Вот уж от кого-кого, а от тебя я такого не ожидал, Джо. Дьюк, ты не сможешь мне? Я имею в виду «ситуацию номер семь».

— С удовольствием! — Дьюк схватил ружье и начал деловито запрягать его.

У Джо отвисла челюсть, но он не пошевелился.

— Это лишнее, Дьюк. Оружие ни к чему. Вот и все, Джо. Можешь взять с собой только ту одежду, в которой ты был вчера вечером. За одежду, что припасена для тебя, платил я. Так что тебе больше ничего не причитается, даже спички. Можешь переодеться в кладовой — ведь выше всего ты ценишь свою скромность. Насчет своей жизни — не знаю. Давай пошевеливайся.

— Мистер Фарнхэм, вы это серьезно? — неуверенно спросил Джо.

— Сейчас я не менее серьезен, чем ты в тот момент, когда прицеливался в Дьюка. Ты помог мне прижать его, ты слышал, как я сам прижал свою жену. Так могу ли я после всего этого делать тебе какие-то поблажки? Боже всемогущий, да ведь тогда в следующий раз мне придется схватиться с девицами. После этого группа распадается, и мы все погибнем. Поэтому я предпочту, чтобы ушел только ты один. Даю тебе еще две минуты на прощание с Доктором Ливингстоном. Но только кота с собой не бери — я не желаю, чтобы он был съеден.

Док сидел на коленях негра. Джо медленно поднялся, все еще придерживая кота руками. Он был ошеломлен.

— Если, конечно, ты не захочешь остаться с нами, — добавил Хью.

— А можно?

— Можно, только на общих для всех условиях.

По обеим щекам Джо скатились слезы. Он потупился, поглядел на кота.

— Тогда я останусь. Я согласен... — тихо прозвучал его голос.

— Отлично. В таком случае для подтверждения своего согласия первым делом извинись перед Барбарой.

Барбара была удивлена. Она хотела что-то сказать, но потом решила, что лучше не вмешиваться.

— Э-э... Барбара, простите меня.

— Не стоит, все в порядке, Джо.

— Я буду... счастлив и горд, если мне доведется когда-нибудь купаться под вашей охраной. Разумеется, если только вы согласитесь.

— Всегда пожалуйста, Джо. Буду рада.

— Благодарю вас.

— А теперь, — возвестил Хью, — предлагаю перекинуться в бридж. Карен, ты как?

— А почему бы и нет? Дьюк?

— Я лучше сосну. Если кому-нибудь приспичит на горшок — смело шагайте через меня.

— Лучше ложись на полу, рядом с койками, Дьюк, и старайся не попадаться под ноги. Впрочем, нет, лучше забирайся на верхнюю полку.

— А где же будешь спать ты?

— Спать я лягу последним — мне нужно кое-что обдумать. Джо? Играть будешь?

— Сэр, я не думаю, что мне хотелось бы сейчас играть в карты.

— Пытаешься поставить меня на место?

— Я этого не утверждаю, сэр.

— Не нужно, Джо. Ведь я и так вручаю тебе трубку мира. Всего лишь один роббер. Сегодня выдался трудный денек.

— Благодарю. И все-таки я предпочел бы не играть.

— Черт возьми, Джо. Неужели мы будем держать обиду друг на друга? Вчера вечером, например, Дьюку пришлось куда хуже, чем тебе сегодня. Его-то чуть было не вышвырнули в радиоактивный ад, а не на легкую прогулку с доброжелательными медведями, как тебя. А разве он обиделся?

Джо опустил глаза, почесал Доктора Ливингстона за ухом, потом внезапно вскинул голову и улыбнулся.

— Один роббер. И оберу тебя до нитки.

— Черта с два! Барби? Будешь четвертой?

— С удовольствием!

Джо выпало играть в паре с Карен. Он перетасовал карты и угрожающе произнес:

— Ну, теперь держитесь!

— Следи за ним, Барби.

— Хочешь обычную ставку, па?

— А что ты мне можешь предложить?

— Ну... хотя бы мое юное тело.

— Не пойдет, чахловато, да и не в моем вкусе.

— Ты просто ужасно несправедлив ко мне. Я не чахлая, а деликатного телосложения. Ну ладно, а как насчет моей жизни, судьбы и девичьей чести?

— А что ты за все это хочешь?

— Браслет с бриллиантами.

Барбара с удивлением заметила, что на сей раз Хью играл из рук вон плохо; он то и дело обесчитывался, часто пасовал. Она поняла, что он еле жив от усталости — милый, бедняжка! Видно, кто-то должен поддержать его, а то он просто убьет себя, пытаясь в одиночку вынести весь груз на своих плечах.

Через сорок минут Хью написал долговую расписку на бриллиантовый браслет, и они стали собираться на покой. Фарнхэм с удовлетворением заметил, что Джо разделся и нагишом лег на нижнюю койку, именно так, как ему и было велено. Дьюк, тоже голый, растянулся на полу. В убежище было жарко — такая масса железобетона не могла быстро остынуть, а воздух снаружи перестал циркулировать, как только закрыли крышкой люк. С духотой не справлялись даже вентиляционные отверстия. Хью отметил про себя, что

нужно придумать какую-нибудь решетку, которая не впускала бы внутрь медведей и не выпускала наружу кота. Но все это потом, потом...

Он взял фонарик и вошел в хранилище.

Кто-то снова расставил книги по полкам, но некоторые еще лежали раскрытыми и сохли. Он задумчиво начал перелистывать страницы, искренне надеясь, что вред им причинен небольшой.

Последние книги на свете...

Похоже на то, во всяком случае.

Он вдруг почувствовал такую жалость, какой не испытывал даже при абстрактной мысли о гибели миллионов людей. Гибель миллионов книг казалась ему событием более страшным и делом более жестоким, чем убийство людей. Все люди рано или поздно умирают, и это свойственно всем людям без исключения. Но книга не должна умирать, и грешно убивать ее — ведь книга — бессмертная часть человечества. Сжечь книгу... это все равно что изнасиловать беззащитную.

Книги всегда были его лучшими друзьями. Они учили его всему на свете в сотнях публичных библиотек. Они согревали его в моменты одиночества. Лишись он их совсем, жизнь потеряла бы для него смысл.

Основу его библиотеки составляли книги практического содержания: Британская энциклопедия — Грейс считала, что лучше на это место водрузить телевизор, «ведь их потом, возможно, нелегко будет продать...». Объемность энциклопедии тоже не совсем устраивала его, но эта справочная литература являлась самым компактным хранилищем знаний из всего, что мог предложить рынок. Книга Че Гевары — «Партизанская война» — слава Богу, что она им не понадобится! Да и соседняя с ней — «Янк» Лейви, о сопротивлении захватчикам, маоцздуновская «Партизанскими тропами» в переводе Гриффита, книга Тома Уинтриггема «Новые способы ведения войны» — руководство-пособие для войны специального назначения — можно забыть о них! «Не хочу убивать, я не умею воевать, мне не надо войны опять!» — вспомнил он.

«Настольная книга бойскаута», «Эшбажовский справочник по конструированию», «Пособие по ремонту радиоаппаратуры» Скотта, «Охота и рыболовство», «Съедобные грибы и как их распознавать». «Ваш рубленый дом, печи и трубы», «Поваренная книга для путешественников», «Медицина без докторов», «Пять акров и независимость», «Самоучитель русского языка», «Русско-английский» и «Англо-русский словари», «Справочник растений», «Пособие по выживанию Особого отдела штаба морской пехоты», «Техника выживания», издание штаба ВВС, «Практическое пособие по плотницкому делу» — книги все полезные, важные и недорогие.

«Антология английской поэзии» — оксфордского издания. «Сокровища американской поэзии». «Книга игр» Хойла. «Анатомия меланхолии» Бертон, его же «Тысяча и одна ночь», старая добрая «Одиссея» с иллюстрациями Вайета. Избранные стихотворения Кипплинга и его «Истории, рассказанные просто так». Однотомник Шекспира, молитвенник, Библия, Математические досуги, «Так говорил Заратустра», «Старый опоссум».

Как он жалел о том, что в его библиотеке недостает тех книг, которые он хотел бы еще в нее включить. Как жаль, что нет здесь произведений Марка Твена. Как жаль, что...

Поздно, слишком поздно. Теперь уже все. Все, что осталось от некогда могучей цивилизации.

«Верхушки башен окунулись в облака...»

Он очнулся и понял, что заснул стоя. Зачем он пришел сюда? За чем-то важным. Ах, да! Дубление кожи... Кожа! Барбара ходит босая. Нужно сделать ей мокасины. Наверное, самое лучшее заглянуть в «Британику». Или в какое-нибудь специальное пособие.

Нет, слава богу, соль не нужна! Найдите дуб, впрочем, еще лучше, если Барбара сама найдет его, — это заставит ее чувствовать себя полезной. И для Джо нужно подобрать такое дело, которое только он один способен довести до конца. Пусть бедняга потешится всеобщим восхищением, почувствует, что он действительно нужен и любим всеми. Главное, не забыть...

Он с трудом доплелся до комнаты, взглянул на верхнюю койку и понял, что ему на нее не взобраться. Он улегся на одеяло, на котором они играли в карты, и мгновенно заснул...

5

К завтраку Грейс не вышла. Девушки быстро покормили мужчин и остались помыть посуду и прибраться. Дьюк собирался на охоту. Отложил кольт 45-го калибра и охотничий лук. Он сам так решил: стрелы можно собрать или сделать новые, а пули пропадут безвозвратно. Несколькo раз взмахнув рукой, убедился, что плечо пришло в норму. Дьюк проверил время и, обещав вернуться к трем часам, отправился в путь. В случае его невозвращения в назначенный срок около убежища должны были зажечь дымный костер.

Хью велел девушкам вынести на солнце все отсыревшие книги. А сам при помощи кирки и лопаты принялся вгрызаться в землю. Джо хотел было помочь ему, но Хью остановил его.

— Слушай, Джо, дел — масса. Пожалуйста, выбирай любое. Но только не занимайся тяжелым физическим трудом.

— С чего же все-таки начать?

— Ну, например, составь инвентарные списки. Помогите Дьюку с учетом. По ходу дела у тебя будут возникать разные соображения, записывая их. Посмотри, как делают мыло и свечи. Проверь оба дозиметра. Только возьми оружие и будь начеку — да следи, чтобы девицы не выходили невооруженными. Черт возьми, да хоть придумай, как устроить канализацию и водопровод без труб, свинца и цемента.

— Разве это возможно?

— Но ведь кто-то сделал это первым? И объясни этому хвостатому надсмотрщику, что помощники мне не нужны.

— О'кей. Док, иди сюда! Сюда, сюда!

— Да, и еще, Джо! Кстати, о купании. Можешь предложить девушкам свои услуги в качестве охраны, пока они купаются. Смотреть на них при этом необязательно.

— Хорошо, я предложу им. Но только скажу, что это не мое предложение. Я не хочу, чтобы они думали...

— Послушай, Джо. Эти девушки — пара чистых, здравомыслящих и злонамеренных американских девочек. Можешь им говорить все что угодно, они все равно будут уверены, что ты подглядываешь. Ведь основой их жизненного кредо является чувство собственной неотразимости. Так что, по их понятиям, мужчина просто не может не подсматривать за ними. Ты ни в чем не убедишь их, а только обидишь.

— Кажется, я понял, — сказал Джо и удалился.

Хью начал копать, думая при этом, что он-то никогда не упускал случая в таких делах. Но этот неисправимый питомец Воскресной школы, вероятно, и на обнаженную леди Годиву постеснялся бы взглянуть. Хороший парень — воображения ни на грош, но положиться на него можно полностью. Досадно, что пришлось обойтись с ним так круто...

Очень скоро худшие опасения Хью подтвердились: не было тачки.

Придя к такому заключению, он еще не успел даже выкопать достаточно большую яму. Копать вручную было, конечно, тяжело, но совсем уж тяжело таскать вручную выкопанный грунт. Более того, для нормального человека это было просто оскорбительно.

Несмотря на это, он начал выносить землю вручную, соображая, как соорудить колесо, не имея металла, паяльного инструмента, мастерской, плавильного горна — одним словом, ничего...

Постой, постой! Ведь есть стальные баллоны. Койки сделаны с применением металлических полос, в корпусе перископа имеется ковкое железо. Уголь получить, меха — это просто шкуры животных, да каркас из веток. Вот так-то! А идиот, который при наличии всего этого не сумеет смастерить колесо, просто-таки заслуживает того, чтобы таскать землю на собственном горбу.

Ведь кругом растут тысячи деревьев, разве нет? Например, в Финляндии больше ничего и нет, кроме деревьев. А все же Финляндия — самая симпатичная мавленькая страна в мире.

— Док, брысь из-под ног!

О, если только Финляндия еще существует...

Может быть, девушкам понравится финская баня? Где они могли бы попариться, помыться, взвизгивая от удовольствия, и снова почувствовать себя нормальными людьми. Бедняжки, больше они никогда не увидят ни обычной ванной, ни косметики. Возможно, сауна послужит для них «моральным эквивалентом». Да и Грейс, наверное, не прочь будет помыться. Вдруг в парилке с нее спадет ее эта нынешняя одутловатость, и она снова станет стройной?! Какой она раньше была красавицей!

Показалась Барбара с лопатой.

— Где ты ее взяла? И что ты собираешься делать?

— Эта лопата, которой работал Дьюк. Собираюсь копать.
— Босиком? Да ты с ума со... Ба-а, да на тебе ботинки!
— Это ботинки Джо. И джинсы тоже его. А рубашка Карен. Где мне начинать?

— Вот тут, чуть подальше. Если встретится валун тяжелее двухсот килограммов, зови на помощь. Где Карен?

— Купается. А я решила провоняться по сильнее, а потом помыться основательно.

— Мойся, когда захочешь. И не думай работать здесь целый день. Тебе это не под силу.

— Мне нравится работать с тобой, Хью. Почти так же, как и... — Она не договорила.

— Как играть в бридж?

— Как играть в бридж на пару с тобой. Да, можно сказать и так тоже.

— Барби, девочка моя...

После этого он почувствовал, что рытье может быть удовольствием. Голова отдыхает, а мышцы работают в полную силу. Прямо радостно даже. Сколько лет он уже не брал в руки лопату...

В разгар работы появилась миссис Фарнхэм.

Барбара исчезла.

— Ага! А я-то все думала, куда это ты запропастился. Все меня бросили, — запричитала Грейс, представшая в том же, в чем спала. Лицо отекло.

— Просто тебе дали возможность отдохнуть, дорогая.

— Думаешь, приятно просыпаться в одиночестве в незнакомом месте? Я к этому не привыкла.

— Грейс, никто не хотел тебя обидеть, о тебе просто позаботились.

— Это называется забота? Ладно, не будем лучше об этом.

— Хорошо.

— А ты и рад. — Заметно было, что она старается взять себя в руки. — Может быть, ты все-таки остановишься ненадолго и сообщишь мне, куда ты спрятал мою выпивку. Мою! Мою долю. Уж конечно, я не рискну тронуть твою — после тех выпадов в мой адрес. На глазах у слуг и посторонних людей к тому же!

— Грейс, тебе придется поговорить с Дьюком.

— Что это значит?

— Все спиртное находится в ведении нашего сына. Я не знаю, где он держит его.

— Ты лжешь!

— Грейс, за двадцать семь лет я не солгал тебе ни разу.

— О-о! Какой ты все-таки жестокий!

— Возможно. Но я не лжец, и в следующий раз, когда ты позволишь себе обвинить меня во лжи, тебе это даром не пройдет.

— Где Дьюк? Он не позволит тебе разговаривать со мной в таком тоне!

— Дьюк ушел на охоту. Обещал вернуться к трем часам.

Она некоторое время молча смотрела на Фарнхэма, а потом опрометью метнулась за угол. Вновь появилась Барбара, взяла лопату, и они продолжили работу.

— Мне очень жаль, что ты стала невольной свидетельницей этого разговора, — сказал Хью.

— Какого?

— Если только ты не отходила отсюда более чем на сто метров, то ты сама знаешь какого.

— Хью, это не мое дело.

— В нынешних обстоятельствах всем до всего должно быть дело. Теперь ты составила плохое мнение о Грейс.

— Хью, мне и в голову бы никогда не пришло критически подходить к твоей жене.

— И тем не менее у тебя складывается какое-то впечатление о людях. Но я хочу, чтобы твое представление о Грейс не было поверхностным. Представь себе, какой она была двадцать пять лет назад. Посмотри на Карен.

— Должно быть, Карен очень похожа на нее?

— Да, но только внешне. В Карен никогда не было такой ответственности. А Грейс всегда была ответственным и надежным человеком. Я находился на действительной службе — офицерский чин я получил только после Пирл-Харбора. А ее родители были, что называется, «хорошей семьей». И они вовсе не желали, чтобы их дочь вышла замуж за нищего призывника.

— Еще бы!

— А она все же вышла. Барбара, ты даже представить себе не можешь, что значило в эти дни быть женой молодого парня, призванного в армию. При полном отсутствии денег. Родители Грейс звали ее домой, но не присылали ей ни гроша, пока она находилась со мной. Она не бросила меня.

— Она молодец.

— Да. Учти притом, что до этого ей никогда не приходилось жить в одной комнате, пользоваться общей с другими жильцами ванной, ожидать в приемных покоях военно-морских госпиталей. Добираться на другой конец города, чтобы заработать доллар. Остаться совершенно одной, пока я был в море. Молодая и красивая женщина могла бы подыскать себе кучу развлечений в Норфолке, а она вместо этого нашла себе работу в прачечной — сортировать грязное белье. И все же, когда бы я ни приехал на побывку, она была красива, радостна и никогда ни на что не жаловалась. Александр родился на второй год...

— Александр?

— Дьюк. Его назвали в честь дедушки по материнской линии. Крестили без меня. Ее родители, после рождения внука, пошли на попятную: теперь они были согласны принять меня в лоно семьи. Но Грейс не растаяла и так никогда и не взяла от них ни цента — она снова устроилась на работу, а с ребенком целыми днями нянчилась наша квартирная хозяйка. Эти годы были самыми тяжелыми. По службе я продвигался довольно быстро, и деньги потом уже не были такой проблемой. Началась война, я был

произведен из старших унтер-офицеров в младшие лейтенанты, а затем в капитан-лейтенанты. В конце войны мне пришлось выбирать: снова переходить в старшие унтер-офицеры или увольняться в запас. С согласия Грейс я демобилизовался, оказавшись на берегу без работы, но с женой, сыном в начальной школе и трехлетней дочерью. Жить нам пришлось в трейлере: все было дорого, и цены непрерывно росли. Все, что мы имели, — это несколько облигаций военного времени. Настал второй тяжелый период. Я ввязался в подряды, потерял на этом все наши сбережения, после чего мне пришлось устроиться на работу в водопроводную компанию. Но мы не голодали, хотя подчас приходилось варить суп из топора. Грейс все невзгоды переносила мужественно — трудолюбивая домохозяйка, один из столпов местной Ассоциации родителей и преподавателей, а самое главное — всегда оптимистично настроенная. Поскольку я когда-то занимался подрядами, через некоторое время я решил еще раз попробовать свои силы в этой области бизнеса. И на сей раз мне повезло. Кое-как я наскреб с миру по нитке и ухитрился выстроить дом, продал его еще до окончания строительства и тут же построил еще два. С тех пор мне постоянно везло...

Лицо Фарнхэма стало вдруг задумчивым.

— И вот тут-то она начала сдавать. В доме появилась прислуга. Спиртное стало доступным. Мы не ссорились — мы вообще никогда не ссорились, если не считать вопроса о воспитании Дьюка, которого я хотел бы вырастить в строгости, а Грейс не выносила рукоприкладства по отношению к мальчику. Но началось все это именно тогда, когда я стал делать деньги. Она была просто не в состоянии выдержать процветания. Но я все же надеюсь, что ей удастся перебороть себя.

— Конечно, Хью.

— Надеюсь...

— Я рада, что ты рассказал мне о ней, Хью. Теперь я буду лучше понимать ее.

— Черт возьми, я совсем не нуждаюсь в этом. Я просто хотел, чтобы ты знала: эта толстая, глупая и эгоистичная женщина — не вся Грейс. И то, что она покатила по наклонной плоскости, не только ее вина. Не думай, что со мной так просто ужиться, Барбара.

— Вот как?

— Я часто позволял себе задерживаться в конторе вечерами. А когда женщина много времени остается одна, она может постепенно начать с лишнего бокала пива перед телевизором, потом выпить еще один и еще. Хотя все равно, даже если бы я и бывал вечерами дома, я в основном читал бы. Гостей я не люблю. Мало того, мы вместе вступили в семейный клуб. Сначала она посещала его, но скоро перестала. Она прекрасно умеет держаться на людях. Но, видимо, ей надоело играть в обществе какую-то роль, и я не могу корить ее за это. Она избрала свой путь. И если бы я был potvrжде... она... она, вероятно, не стала бы такой, как сейчас.

— Чепуха!

— Что?

— Хью Фарнхэм, кем является человек, это только его собственных рук дело. Думаю, что это так. Я являюсь тем, что я есть, потому что Барби сама пожелала стать такой. То же и с Грейс. И с тобой. — И уже тише Барбара добавила: — Я люблю тебя, и это не твоя вина, и ни в чем из того, что мы сделали, твоей вины нет. И я просто слышать не могу, как ты бьешь себя в грудь и причитаешь: «Моя кулпа!»¹. Ты признаешь достоинство Грейс. Так почему бы тебе не признать ее недостатки?

Он заморгал и улыбнулся:

— Да, все взяты твои.

— Вот так-то лучше.

— Я тебя люблю. Считаю, что я тебя поцеловал.

— Я тебя тоже. Большой шлем. Внимание, сюда идут копы, — процедила она.

Это оказалась Карен, чистая, сверкающая, с расчесанными волосами, свежеподкрашенными губами и улыбающаяся.

— Какое вдохновляющее зрелище! — воскликнула она. — Может быть, несчастные рабы желают корочку хлеба и каплю воды?

— Скоро захотим, — согласился отец. — Помогай нам, только не нагружай корзину с верхом.

Карен попятилась.

— Но я не вызывалась работать с вами!

— Ну и ладно. Не будем формалистами.

— Но, папа, я ведь только что помылась.

— А что, разве ручей пересох?

— Папа, но я уже приготовила ленч. Первоклассный. А вы слишком грязны, чтобы появляться в моем хорошеньком чистеньком домике.

К ленчу миссис Фарнхэм не вышла. Карен заявила, что мама хочет поесть в убежище. Хью решил не вмешиваться: итак, когда вернется Дьюк, предстоит вынести черт знает что.

— Хью? Я вот насчет канализации... — заговорил Джо.

— Придумал что-нибудь?

— Кажется, я придумал, как получить проточную воду.

— В таком случае, за мной идея создания канализации.

— Папа, правда? Я знаю, чего мне хочется, — вмешалась Карен. — Туалет, облицованный цветным кафелем. Наверное, лучше всего зеленым. И обязательно, чтобы в нем было достаточно места для переодевания...

— Помолчи, детка. Так какие у тебя соображения, Джо?

— Я вспомнил римские акведуки. Ручей стекает с возвышенности, так что наверняка где-то он протекает выше убежища. И, насколько я помню, римские акведуки были беструбными. Вода по ним текла под открытым небом.

— Понимаю. — Фарнхэм обдумывал эту мысль. — В сотне метров вниз по течению был небольшой водопад. И скорее всего, его вершина

¹ Моя кулпа — я виноват (латынь).

располагалась выше убежища. Это влечет за собой массу строительных работ, каким бы способом мы его ни строили. И для каждой арки еще понадобится рама.

— А что, если мы просто выдолбим половинки стволов. И укрепим их на опорах из бревен? — предложил Джо.

— Можно и так. — Хью немного подумал, затем добавил: — Да, притом, сделав так, мы убьем сразу двух зайцев. Барбара, какова эта местность?

— Не поняла...

— Ты сказала, что здесь субтропики. Меня интересуют климатические изменения. Я вот к чему клоню: нужна ли нам ирригация?

— Господи, Хью, но я и понятия не имею...

— Подумай хорошенько.

— Ну... — Она огляделась. — Не думаю, чтобы здесь когда-нибудь были морозы. Будь у нас вода, мы могли бы снимать урожай круглый год. Это не тропический влажный лес, иначе подлесок был бы гораздо гуще. Похоже, что здесь дождливые периоды, сменяющиеся засушливыми.

— Но наш ручей не пересыхает: в нем много рыбы. Где ты собиралась разбить сад?

— Может быть, на той полянке немного ниже по течению? Придется, правда, выкорчевывать там несколько деревьев и довольно много кустов.

— Деревья и кусты — не проблема. Гм-м, Джо, пошли прогуляемся. Я возьму ружье, а ты захвати с собой сорок пятый. Девочки, не выкапывайте столько, чтобы вас завалило. Нам будет очень вас не хватать, — не без иронии заметил Фарнхэм.

— Папа, я хотела бы немного вздремнуть.

— Отлично. Копая, обдумай этот вопрос как следует...

Хью и Джо стали пробираться вдоль ручья.

— О чем ты думаешь, Хью?

— Думаю, как лучше провести воду. Мы должны подвести ее к вентиляционному отверстию на крыше. Если нам это удастся, значит, все в порядке. Тогда у нас будет нормальный туалет, проточная вода для готовки и мытья посуды. После чего можно заняться системой орошения для сада Барбары. Женщины будут в восторге от возможности с удобствами мыться и нормально мыть посуду. Мы освободим хранилище и устроим там ванную и кухню.

— Но ведь не может же вода просто стекать вниз через вентиляционное отверстие? Нужно сделать что-то вроде трубы.

— Разумеется, мы обязательно устроим все, как надо. Туалет с бачком нам не осилить, значит, придется сделать туалет, в котором постоянно течет вода. Подобные туалеты широко распространены на военных кораблях. Там это просто доска с несколькими стульчиками. Вода стекает под доску с одной стороны и вытекает с другой. Мы выведем ее через лаз, а затем подальше от дома. Кстати, Джо, ты нигде не встречал глину?

— Ниже по течению в одном месте берег глинистый. Карен еще пожаловалась, что там очень скользко. Из-за этого она купалась выше по течению — где есть песчаный пляжик.

— Надо взглянуть. Если мы сможем обжигать глину, то обзаведемся очень многими вещами: туалетом, раковиной, посудой, трубками. Построим печь для обжига, а также для готовки и гончарных дел. Глина и вода — чистое золото. Недаром все цивилизации возникали близ воды. Джо, мне кажется, что мы забрались достаточно высоко.

— Может, поднимемся еще выше? Обидно будет, если мы напрасно выкопаем канаву длиной метров двести... — предложил негр.

— Гораздо длиннее.

— ... или еще длиннее, а потом увидим, что она проходит слишком низко и ее не провести на крышу.

— Мы сначала все обследуем, — резюмировал Фарнхэм.

— Обследуем? Хью, может, ты сказал, не поджумав, но ведь у нас нет даже обычного спиртового уровня. При взрыве в нем разбилось стекло. А прочие геодезические инструменты просто отсутствуют.

— Египтяне обмеряли свои земли, имея еще меньше, Джо. Неважно, что у нас нет уровня. Мы сделаем его.

— Ты смеешься надо мной, Хью?

— Ничего подобного. Древние механики делали уровни задолго до того, как их стала производить промышленность. Мы сделаем обычный отвес. Он похож на перевернутую букву «Г», к которой прикреплен шнурок с грузом. На вертикальной планке отмечается строгая вертикаль. Лучше сделать его шести футов в длину и шести в высоту, чтобы уменьшить погрешность. Придется разобрать одну из коек на доски. Работа легкая, простая. Ты как раз и займешься этим, пока заживают твои ребра. А девицы тем временем будут копать землю.

— Ты мне только начерти его, а уж сделать-то я сделаю, — с благодарностью отозвался Джо.

— Когда мы выровняем убежище, сразу же проведем воду. Правда, во время рытья канавы нам придется убрать пару-тройку деревьев, но в основном никаких сложностей не предвидится. Так что все будет о'кей, Джо!

— Да, работенка не пыльная.

— Не пыльная, но потная. Если за день мы будем делать метров по шесть неглубокой канавы, то вода для орошения появится у нас как раз к началу сухого сезона. Ванна может подождать — девочки будут рады уже и тому, что она есть в перспективе. Джо, мне кажется, что отвод нужно делать на этом месте. Понимаешь, почему?

— Не совсем.

— Мы повалим вон те два дерева, и они запрудят ручей. Потом засыпем их кроны кустами, грязью — всем, что попадется под руку, — закрепим все это и получим отличный пруд. Нужно бы было сделать шлюз, но я пока не знаю как. Проклятие, решение одной проблемы неизбежно ведет к возникновению другой.

— Хью, цыплят по осени считают.

— Да, скорее всего. Ладно, пошли, посмотрим, много ли девицы выкопали без нас.

Результат их труда оставлял желать лучшего. Дьюк вернулся с охоты, принес миниатюрного оленя. Барбара и Карен теперь безуспешно пытались освежать тушу. Карен с ног до головы была перепачкана кровью.

Заметив вернувшихся мужчин, они оторвались от своего занятия.

— Никогда бы не подумала, что внутри у них столько всего, — произнесла эту фразу, Барбара вытерла пот со лба.

— Просто ужас! — вздохнула Карен.

— Так это еще очень маленький олень, — заметил Хью.

— Сами видим. Папа, покажи нам, как это делается. Мы хотим научиться.

— Я? Но я охотник-спортсмен. Всю грязную работу за нас обычно делал егерь. Хотя... Джо, дай-ка мне вот тот маленький топорик.

— Сейчас. Я как раз вчера наточил его — и он очень острый.

Хью разделил тушу, извлек внутренности, в душе порадовавшись, что девушки не успели проколоть желчный пузырь.

— Ну, вот и все. Остальное — ваша забота. Барбара, если бы ты сумела снять шкуру, то вскоре могла бы уже носить ее. Ты не встречала поблизости дубы?

— Только карликовые формы. И еще сумач. Ты думаешь, где взять танин?

— Да.

— Я знаю, как извлечь его из коры.

— Тогда ты, видимо, знаешь о дублении больше меня. Признаю свое поражение. На всякий случай, в книгах есть описание всего процесса.

— Спасибо, я уже смотрела. Док! Не смей ничего здесь трогать!

— Он не будет есть, — заверил ее Джо, — особенно если это что-то вредное. Коты очень разборчивы в еде.

В то время как разделка туши продолжалась, из убежища появился Дьюк с матерью. На лице мистера Фарнхэма никаких враждебных чувств не отразилось, но и приветствовать вновь присоединившихся к ним он не стал. Миссис Фарнхэм тоже молчала, уставившись на столь непривлекательное зрелище.

— О, бедняжка! Дьюк, как у тебя хватило жестокости убить такую прелесть?

— Я несколько раз промахивался и поэтому разозлился на нее.

— Отличная добыча, Дьюк, — поддержал сына Хью. — И прекрасная еда.

Грейс взглянула на мужа.

— Может быть, ты и станешь есть ее: я же на это не способна.

— Мама, ты что, стала вегетарианкой? — спросила Карен.

— Я не это имела в виду. Я возвращаюсь в убежище. Не хочу больше наблюдать подобное. Карен, перед тем как заходить внутрь, обязательно помойся. Иначе ты перепачкаешь там все, что я дочиста вылизала. Пошли, Дьюк.

— Сейчас иду, мама.

Карен рубанула тушу с ничем не оправданной злобой.

— Где ты подстрелил ее? — спросил Хью.

— На той стороне гряды. Я бы вернулся еще раньше.

— Что тебя задержало?

— Да промахнулся и расщепил стрелу о валун. Охотничья лихорадка. Ведь я из лука стрелял последний раз много лет назад.

— Одна стрела и один олень — это совсем неплохой результат. Ты сохранил законечник?

— Конечно, а что, у меня лицо глупое?

— У тебя-то нет, а вот у меня оно точно глупое, — вступила в разговор Карен. — Братишка, ведь это я привела убежище в порядок. Если мать что-то и убрала, так только за собой.

— Я знаю.

— И бьюсь об заклад, что, когда она учует запах жареной оленины, она сразу передумает.

— Ладно, не надо об этом.

Хью отошел в сторону, сделав Дьюку знак следовать за ним.

— Я рад, что Грейс выглядит довольной и дружелюбной. Видимо, ты успокоил ее.

Дьюк смутился.

— Понимаешь... ты ведь сам говорил, что сразу лишать ее этого зелья нельзя. — И добавил: — Но я дал ей совсем немного, только одну порцию. И еще я обещал ей, что разрешу выпить чуть-чуть перед обедом.

— Кажется, этого вполне достаточно.

— Лучше бы мне пойти за ней. Ведь бутылка там, внутри.

— Да, наверно.

— О, не беспокойся. Я взял с нее честное слово. Ты просто не умеешь с ней обращаться, папа.

— Это верно. Не умею...

6

Из дневника Барбары Уэллс:

«Я вывихнула лодыжку и поэтому могу только лежать. На досуге решила занести кое-что в дневник. Записи я делаю каждую ночь, но в основном стенографические. Расшифровать я успела пока очень немного.

Приходится пользоваться чистыми листами «Британики» — там в конце каждого тома по десять пустых страниц, а томов всего — двадцать четыре. На каждой странице стараюсь уместить по тысяче слов — таким образом, обеспечено место для 24000 слов — вполне достаточный объем. Тем более что расшифрованный текст — лишь сокращенный вариант стенографического.

А все потому, что мне некому поплакаться в жилетку — а девушке так порой это необходимо! И эти стенографические записи по сути — мой

дневник, который никто, кроме меня, прочесть не сможет, потому что Карен действительно подлинный профан в стенографии (как она сама об этом честно заявила).

Хотя, может быть, Джо знаком со стенографией. Ведь ее наверняка преподают в экономических колледжах. Но Джо настоящий джентльмен и никогда не станет тайно читать чужой дневник. Мне нравится Джозеф. Его доброта не напускная. Я уверена, что он в душе переживает очень многое и очень тяжело, но никогда не позволяет себе пожаловаться вслух. Его положение здесь также ненормальное, как и мое, только гораздо более тяжелое.

Грейс, кажется, перестала понукать им, что, впрочем, не мешает ей посылать теперь за каждой мелочью кого-нибудь из нас. Хью отдает распоряжения, но это всегда ради всеобщего блага. Да и не так уж часто он распоряжается. Мы уже втянулись в нашу новую жизнь. Я — фермер и сама планирую свою работу. Дьюк снабжает нас мясом и помогает мне, когда не охотится. Карен в доме делает все, что считает нужным. Хью запланировал, кажется, уже столетия на два минимум всяческой физической работы, и Джо помогает ему.

Все же приказания Грейс служат только ее удобствам. Обычно мы выполняем их — так легче. Она живет по-своему, и особенностью ее образа жизни является то, что она старается причинять окружающим как можно больше беспокойства и неприятностей.

Она опустошила почти все запасы спиртного. Сама я почти не употребляю алкоголь, я не «нуждаюсь» в нем. Но, находясь в компании, я не прочь сделать глоток-другой. Мне все время приходилось напоминать себе, что это не мое виски, а Фарнхэма.

Грейс прикончила свою долю в три дня. Затем та же участь постигла долю Дьюка. И так далее. В конце концов осталось немного виски да кварта бурбона, которую мы называли «медицинской». Грейс выследила Дьюка, узнала, где он прячет ее, и выкопала бутылку. Когда Дьюк вернулся домой, он обнаружил, что мать отключилась, а бутылка валяется рядом пустая.

Следующие три дня были каким-то кошмаром. Она кричала, плакала. Грозилась покончить жизнь самоубийством. Хью и Дьюк объединились, и один из них всегда находился подле нее. Хью заработал огромный синяк под глазом, а на симпатичном лице Дьюка было полно царапин. Думаю, что им пришлось накачивать ее витамином В₁ и насильно кормить.

На четвертый день она просто лежала на койке. На пятый — встала и казалась почти нормальной. Но за ленчем прозвучало ее заявление о том, что русские начали войну как раз из-за этого злосчастного убежища. При этом она сделала вид, что сей факт давно всем известен.

Она не казалась рассерженной, скорее, в словах ее было прощение. В итоге она пришла к выводу, что война скоро кончится, и все мы вернемся домой.

Никто не спорил с ней. Зачем? Кажется, ее помешательство безобидно. Наконец она стала выполнять свои обязанности повара. Правда, нужно еще посмотреть, лучше ли она готовит, чем Карен. Пока она в основном только

ведет разговоры о замечательных блюдах, которые она могла бы приготовить, будь у нее то-то и то-то. Карен, как и раньше, много работает, временами взрывается и кричит даже на меня, а потом подолгу ходит сама не своя.

Дьюк постоянно напоминает ей о терпении. Мне не следовало бы критиковать Дьюка — ведь, возможно, что он станет моим мужем. То есть я хочу сказать, кто же еще может им стать? Я нормально переношу Дьюка, но не представляю, как я буду относиться к Грейс в качестве свекрови. Дьюк очень мил и всегда заботится обо мне и о своей сестре. Сначала он все ссорился с отцом (мне это казалось очень глупым), но теперь они, кажется, уживаются более чем мирно.

Так что среди здешних мужчин — он единственная возможная партия.

Что же до меня, то я совершенно не тороплюсь с замужеством, хотя в принципе и не имею ничего против. Правда, один раз я уже обожглась на этом. Хью считает, что род человеческий должен продолжаться. Что ж, вполне возможно.

(Полигамия? Да, я согласна! Даже если Грейс будет старшей женой. Но меня никто не спрашивает об этом. Да я и не совсем уверена, что Грейс это понравилось бы. Мы с Хью не обсуждаем таких вещей, мы избегаем оставаться наедине вдвоем, и я стараюсь не строить ему глазки. Хватит.)

Вся беда в том, что, хотя мне и нравится Дьюк, между нами никак не возникает подлинное чувство. Поэтому я инертна и не допускаю ситуации, при которой он мог бы попытаться заигрывать со мной. Будет просто очаровательно, если я как-нибудь в одну из ночей после нашей свадьбы, раздраженная поведением свекрови и его попустительством, заявлю ему, что он и наполовину не тот мужчина, каким является его отец.

Нет, Боже сохрани, Дьюк не заслуживает этого.

Джо? Мое восхищение им совершенно искренне, и к тому же он не предлагает такой свекрови.

Джо — первый негр, с которым удалось познакомиться поближе, и впечатления от этого знакомства у меня замечательные. Он лучше, чем я, играет в бридж, и я даже подозреваю, что он вообще умнее меня. Он очень чистоплотен и никогда не появляется в убежище не помывшись. О, конечно, после целого дня тяжелой работы от него воняет, как от козла. Но ведь и от Дьюка воняет, а от Хью еще сильнее. Я вообще не верю в эти слухи об особом «негритянском запахе».

Вам приходилось когда-нибудь бывать в женской раздевалке? Так вот, женщины пахнут значительно сильнее мужчин.

Но с Джо та же беда, что и с Дьюком. Нет подлинного чувства. Да он к тому же еще и застенчив, так что вряд ли осмелится ухаживать за мной. Одним словом, это невозможно. Но он мне нравится... как может нравится младший брат. Он всякий раз готов прийти на помощь. Он, как правило, охраняет нас с Карен у ручья, и всегда успокаивает мысль, что Джо начеку. Дьюк убил пять медведей, а одного убил Джо — во время нашего купания. Джо выпустил в него три пули, да и то упал он все-таки почти на него. Но наш друг не отступил ни на шаг.

Выйдя из воды, мы бесстыдно отдыхали на берегу, и, кажется, наше бесстыдство огорчает Джо гораздо больше, чем медведи, волки, койоты, горные львы или кошка, рассмотрев которую, Дьюк заявил, что это леопард-мутант. Она особенно опасна, так как бросается на жертву с дерева. Мы не плаваем под деревьями и не помышляем удалиться с открытого места без сопровождения вооруженного человека. Ибо это так же рискованно, как пересекать Уилшир-авеню на красный свет.

Змеи здесь тоже водятся, и среди них есть ядовитые. Джо и Хью как-то утром собирались продолжить работы по выравниванию убежища, и Джо прыгнул в яму. Док Ливингстон нырнул вслед за ним — а там оказалась змея. При виде ее Док зашипел; Джо заметил змею слишком поздно: она успела ужалить его в лодыжку. Он убил ее лопатой и рухнул на землю, держась за ногу. Хью тут же разрезал ранку ножом и через считанные мгновения уже отсасывал кровь. Затем он быстро наложил жгут и присыпал место укуса марганцовкой. Когда я прибежала к ним, услышав чей-то крик, почти все было сделано. Джо ввели противоядие.

Переместить юношу оказалось сложной проблемой. В туннеле он потерял сознание. Хью пришлось тянуть его за собой, я толкала неподвижное тело сзади. А вот чтобы поднять негра по лестнице в убежище, понадобились усилия трех человек, включая Карен. Затащив внутрь, мы раздели его и уложили в постель.

Около полуночи дыхание Джо стало совсем слабым, а пульс едва прощупывался. Хью притащил в комнату последний оставшийся у нас баллон с кислородом, надел на голову Джо полиэтиленовый мешок, в котором раньше хранилось белье, и пустил в него кислород.

К утру ему стало лучше.

А через три дня он уже был на ногах и чувствовал себя прекрасно. Дьюк говорит, что это, скорее всего, была гадюка — одна из разновидностей гремучих змей. А противоядие как раз и предназначалось для такого рода укусов. Оно-то, скорее всего, и спасло его.

Во всяком случае, я боюсь любых змей...

Земляные работы под убежищем потребовали три месяца. Валуны! Местность наша — это ровная обширная долина, которая просто-таки усеяна валунами разных размеров. Когда попадается большой, то мы начинаем копать рядом с ним, а мужчины разбивают его и потом вытаскивают наружу с помощью веревок и блоков.

Обыкновенные булыжники удалять было довольно просто. Но как-то раз Карен наткнулась на валун, который, как им показалось, пронзает планету насквозь и снова выходит наружу где-нибудь в Китае.

Окинув его взглядом, Хью произнес:

— Отлично. А теперь нужно выкопать яму рядом с ним с северной стороны, и достаточно глубокую.

Карен ничего не сказала на это, а только непонимающие посмотрела на отца.

Пришлось нам копать. И мы наткнулись на второй валун, почти такой же, как первый.

— Прекрасно, — ликовал Хью. — Теперь копайте еще одну яму к северу от него.

Мы напоролись на третий валун. Но через несколько дней последний из гигантских камней очутился в яме, вырытой нами рядом с ним, средний занял место третьего, а первый — с которого все это началось — благополучно оказался в яме из-под второго.

По мере того как отдельные участки нашего подкопа становились достаточно глубокими, Хью подпирал их кусками бревен: он очень тревожился, как бы убежище не сдвинулось и не придавило кого-нибудь из нас. Поэтому, когда работа подошла к концу, под убежищем был целый лес подпорок.

После всего Хью укрепил два угла убежища, нависшие над подкопом, могучими бревнами и начал постепенно извлекать остальные с помощью все того же блока и веревок. Некоторые из них даже приходилось подкапывать. При этом Хью всегда очень волновался и делал все только сам.

Наконец убежище держали на весу только два крайних бревна.

Вынуть их было невозможно. Им приходилось выдерживать такую тяжесть, что они даже потрескивали от натуги.

На мой вопрос: «Что нам теперь делать?» — Хью ответил:

— Попробуем применить предпоследнее средство.

— А что это?

— Сжечь их. Но для этого потребуются большие костры. В некоторых местах надо удалить траву и кусты. Карен, ты знаешь, где у нас нашатырный спирт и йод? Мне нужно и то и другое.

Я все удивлялась, зачем это Хью столько нашатыря. Запас был действительно довольно велик, и хранился нашатырь в больших пластиковых бутылках из-под хлоракса. Бутыли благополучно перенесли все испытания. А насчет йода я даже не знала, что он есть вообще, да еще в таком количестве, ведь не я занимаюсь лекарствами.

Вскоре рядом с ним образовалось что-то вроде химической лаборатории. Я не переставала выяснять у него, что он делает.

— «Эрзац-динамит». И ни в чьей компании я не нуждаюсь, — явно рассердился Хью. — Штука опасная и взрывается даже от неосторожного взгляда.

— Прошу прощения, — сказала я, попятившись.

Он поднял голову и улыбнулся:

— Эта смесь не угрожает никому, пока не высохнет. Я припас все это на случай, если окажусь в подполье. Оккупационные войска довольно косо смотрят на людей, хранящих дома взрывчатые вещества, а в обычном нашатыре или йоде нет ничего подозрительного. Оба они по отдельности совершенно безопасны. Но вот стоит только соединить их... Правда, я ни-

когда не рассчитывал использовать такую взрывчатку в строительстве. Уж больно она капризна.

— Хью, кстати, я только что вспомнила — ведь мне абсолютно безразлично, ровный пол или нет.

— Если нервничаешь, походи прогуляйся.

Делать взрывчатку было очень просто. Хью сливал вместе раствор йода и обыкновенный домашний нашатырный спирт. Выпадал осадок. После этого он процеживал жидкость через клинекс и на салфетке оставалась каша.

Джо высверлил в упрямых столбах отверстия. Хью завернул по порции кашицы в бумагу и втиснул пакетики в отверстия.

— Теперь придется ждать, пока не высохнет.

Он тщательно вымыл все то, с чем работал, затем искупался прямо в одежде, снял ее в воде и мокрую развесил на берегу. На том день и закончился.

В нашем арсенале имеются два женских карабина 22-го калибра, с хорошей кучностью и оптическими прицелами. Хью велел Дьюку и Джо пристрелять их. Пристреливали их по мешку с песком. Я поняла, что намерения у Хью самые серьезные, потому что он разрешил истратить по пять патронов на каждый карабин. Обычный его лозунг: «Одна пуля — один медведь».

Когда взрывчатка наконец высохла, мы вынесли из убежища все бьющееся. Женщины непосредственного участия в этом не принимали. Карен была занята тем, что держала Дока Ливингстона, а я, вооружившись медвежьим ружьем Дьюка, несла караул.

Отмерив от убежища метров тридцать, Хью уложил Дьюка и Джо с карабинами на землю, а сам встал между ними.

— Можно начинать отсчет? — спросил он.

— Можно, Хью...

— Давай, отец...

— Сделайте глубокий вдох. Немного выдохните, задержите дыхание. Начинайте целиться. Пять... четыре... три... два... один... Огонь!

Раздался грохот, как будто великан сильно хлопнул какой-то гигантской дверью. Средняя часть обоих столбов просто исчезла. Убежище качнулось, как обычный шкаф, затем опустилось, встало горизонтально и замерло.

Мы с Карен захлопали в ладоши. Грейс тоже. Док Ливингстон помчался обследовать место происшествия. Хью взглянул на нас и улыбнулся.

В этот момент убежище дрогнуло и стало чуть заметно сползать по склону вниз, медленно вращаясь на ходу вокруг протуберанца туннеля. Оно скользило все быстрее и быстрее, и я уж думала, что это его путешествие закончится в ручье. В этот момент оно было похоже на большие сани, катящиеся с горы.

Но немного ниже склон выравнивался и вскоре убежище замерло. Туннель был теперь забит землей, и водопровод с канализацией, кажется, здорово отдалились от нас.

Хью взял лопату, спустился к убежищу и начал копать.

Я тоже побежала вниз, по щекам у меня ручьями текли слезы. Негр опередил меня.

— Джо, очисти туннель. Я хочу знать, все ли в порядке внутри, а девушкам, наверное, пора заняться ужином, — обратился к нему Хью.

— Босс... — Джо поперхнулся. — Босс! Какая беда!

Тогда Хью, тоном, каким разговаривают с детьми, сказал:

— Чем ты огорчен, дружище? Это только сэкономит наш труд.

Я решила, что он шутит.

— Что? — недоумевающе переспросил юноша.

— Конечно, — утвердил его Хью. — Смотри, как удобно теперь расположена крыша. Каждый метр, на который убежище опустилось, экономит нам по крайней мере метров тридцать акведука. А выровнять его снова здесь уже гораздо проще — в этом месте земля глинистая и валунов меньше. Если мы все дружно возьмемся за дело, то максимум через неделю все будет в порядке. А после этого сможем заняться водопроводом.

Он оказался прав. Мы уложились в намеченный срок. На этот раз он установил столбы так, что взрывать их не понадобилось. А что самое главное, бронированная дверь стала открываться совершенно свободно. Теперь у нас в изобилии имеется свежий воздух и солнечный свет. Раньше в убежище стояла духота. От свечей толку было мало. В тот же день Хью и Джо начали рыть канаву. В предвкушении торжественного дня Карен набросала на стенах бывшего хранилища очертания умывальника, ванной и унитаза в натуральную величину.

Честно говоря, нам вполне хватает удобств. После того как Карен набила два наматрасника сухой травой, спать на полу стало не менее удобно, чем на койке. Сидим мы на стульях за столом и каждый вечер играем в бридж. Удивительно, как сразу жизнь наша изменилась в лучшую сторону, когда пол вновь стал горизонтальным и не нужно было больше пробираться через узкий туннель, а можно было просто по-людски войти в открытую дверь.

Поскольку наши печь и жаровня не перенесли выпавших на них долю испытаний, нам пока приходится готовить еду на костре. Но мы с Карен больше не жалуемся на это и терпеливо ждем, когда Хью займется гончарным делом и изготовит, по его словам, не только ванну и раковину, но и плиту с трубой, выходящей в вентиляционное отверстие. Какая роскошь!

Мои посевы растут не по дням, а по часам. Интересно, где бы нам размолоть зерно. Смертельно хочется отведать горячего свежее испеченного хлеба...

25 декабря. С РОЖДЕСТВОМ!

По крайней мере, мы так считаем. Хью говорит, что в худшем случае мы ошибаемся всего на день.

Вскоре после того как мы попали сюда, Хью выбрал небольшое деревце, около которого с северной стороны лежал огромный плоский камень, и обтесал его так, что в полдень оно отбрасывало на камень ровную тень. Мне как «Хранительнице Огня» вменили в обязанность сидеть у этого самого камня во время предполагаемого полудня и отмечать конец тени, когда она становится наиболее короткой. Таким образом создавался наш календарь!

Тень постоянно делалась все длиннее, а дни короче. С неделю назад изменения вообще стали почти незаметны, и я сообщила об этом Хью. Мы начали наблюдать вместе, и три дня назад наступил переломный момент... так что этот день мы и сочли 22 декабря, и празднуем теперь Рождество вместо 4 июля. Но зато мы подняли флаг, как и планировал Хью, на вершине самого высокого из растущих поблизости деревьев. С этого дерева мы срубили сучья так, что получился флагшток. Я, Хранитель Огня, ежедневно поднимаю и опускаю его, но первый раз был случай особый. Мы стали тянуть жребий, и честь самому первому поднять флаг выпала Джо. Мы выстроились в шеренгу и запели «Звездно-полосатый флаг». Петь было почти невозможно из-за переполнявших нас чувств.

Затем мы принесли присягу. Может быть, со стороны таких затерянных оборванцев, как мы, это и сентиментальная чепуха, но я думаю иначе. Мы по-прежнему нация, верим в Господа, единая и неделимая, обладающая свободой и справедливостью для всех.

Хью отслужил праздничную службу и зачитал вслух главу о Рождестве Христовом из Евангелия от Луки. Потом мы молились и пели псалмы. У Грейс оказался сильный уверенный голос, Джо обладает звонким тенором, а Карен, я, Хью и Дьюк соответственно имеем сопрано, контральто, баритон и бас. На мой взгляд, все вместе мы звучали неплохо. Во всяком случае, вся команда осталась довольна, даже несмотря на то, что во время пения «Белого Рождества» Грейс начала всхлипать и едва не заразила остальных.

Фарнхэм проводит службу каждое воскресенье. Присутствуют на ней все, даже Дьюк, хотя он и убежденный атеист. Хью читает псалом или одну из глав Священного писания, потом мы поем гимны. Затем наш старейшина или сам читает молитву, или просит кого-нибудь сделать это. Служба заканчивается чтением «Благослови этот дом». Кажется, мы возвращаемся к временам, когда старейшина одновременно являлся и священником.

Но Хью никогда не использует «Деяния Апостолов», его молитвы всегда настолько нейтральны, что он даже ни разу не заканчивал их обычным «Именем Господа, Аминь...».

В один из тех редких случаев, когда нам с ним удалось поговорить наедине — на прошлой неделе мы вместе наблюдали за фазами Луны, — я спросила его, как он относится к вере? (Для меня очень важно, как относится к вере мужчина, даже если он и никогда не будет принадлежать мне.)

— Можешь считать меня экзистенциалистом.

— Так ты не христианин?

— Я этого не говорил. Я не могу выразить этого отрицанием, потому что это утверждение. Но не будем мудрствовать, это только совсем собьет тебя с толку. Ведь тебя интересует, почему я провожу службу, не будучи в то же время набожным?

— В общем... да.

— Потому что это моя обязанность. Богослужения должны быть доступны тем, кто в них нуждается. Предположим, в мире нет добра и нет Бога,

тогда эти ритуалы безвредны. Если же Бог есть, они подобающи — и по-прежнему безвредны. Ведь мы не какие-нибудь темные пахари, приносящие кровавые жертвы и тешащие свое тщеславие, вознося молитвы небу. По крайней мере, я так считаю, Барбара.

Вот и все, что мне удалось вытянуть из него. В прошлой моей жизни вера в Бога всегда была для меня чем-то красивым, теплым и удобным, чему я отдавалась по воскресеньям. Не могу сказать, чтобы я была ревностной христианкой. Но безбожное служение Хью Богу стало вдруг для меня чем-то важным.

Воскресенья имели и другие приметы. Хью не разрешает нам работать в эти дни. Мы только ухаживаем за собой, моемся, предаемся своим любимым занятиям, играем или забавляемся еще как-нибудь. Шахматы, бридж, лепка, пение хором и все такое прочее. А иногда просто болтовня. Игры имеют большое значение: они не позволяют нам постепенно превращаться в животных, единственная цель которых — выжить во что бы то ни стало, а дают нам возможность оставаться людьми, наслаждающимися жизнью и знающими ей цену. Поэтому мы никогда не пропускаем наш ежевечерний роббер.

Мы следим за собой. Я, например, довольно сносно научилась стричь. Дьюк отрастил было бороду, но затем, увидев, что Хью каждое утро тщательно бреется, последовал его примеру. Не знаю уж, что они будут делать, когда кончатся лезвия. Я заметила, что Дьюк уже подправляет лезвие на мыльном камне.

Рождество еще не прошло, и сейчас мы как раз играем в бридж. Праздничный обед был просто роскошен: Грейс и Карен положили на него целых два дня. Мы отведали: речную форель с растительным гарниром, свежие отварные креветки, жареное мясо в соусе из грибов, копченые языки, медвежий бульон, крекеры (довольно удачные), редис, салат-латук, зеленые огурцы и лук, салат из свеклы а ля Грейс и, что главное, целую кастрюльку домашней тянучки, состоящей из сгущенного молока, шоколада и сахара (самых что ни на есть дефицитных продуктов). Обед завершился растворимым кофе и сигаретами — на долю каждого пришлось по две чашки и по две сигареты.

Каждый получил подарки. Все, что у меня сохранилось, кроме одежды, это сумочка. На мне были нейлоновые чулки, но вскоре я их сняла, и поэтому они оставались почти новыми. Я подарила их Карен. Моя помада досталась Грейс. Из кожи я сплела ремень. Его получил Джо. В сумочке был вышитый носовой платок. Я выстирала его, выгладила, прижимая к гладкому бетону, и вручила его Дьюку.

И только сегодня утром придумала, что подарить Хью. Много лет я таскала в сумочке маленький блокнотик. На обложке золотом вытиснено мое имя и целы еще более половины листков. Хью он может пригодиться, но основное — это мое имя на обложке.

Ну, мне пора бежать. Сейчас мы с Грейс должны попытаться оставить с носом Хью и Джо: карты сданы.

Никогда еще в моей жизни не было такого счастливого Рождества...»

Карен и Барбара мылись сами, мыли посуду и стирали белье. Вблизи бдительно нес вахту Джо. Вокруг места, где они обычно купались, кусты и деревья были вырублены так, чтобы хищник, если он появился, не ускользнул от глаз сторожа. Джо непрерывно оглядывал окрестности, боясь пропустить приближение какой-либо опасности. Он не мог позволить себе отвлечься на пикантное зрелище, которое должен был охранять.

— Барби, эта простыня не выдержит еще одной стирки. Она совсем истрепалась, — сказала Карен.

— Ничего, ветошь тоже пригодится.

— Да, но что же мы будем использовать вместо простыни? — не унималась Карен. — А мыло? — Карен зачерпнула ладонью массу из миски, стоящей на берегу. Масса была серой, мягкой, неприятной на ощупь и больше всего напоминала овсяную кашу. — Эта дрянь прямо-таки проедает белье насквозь.

— Простыни — это еще полбеды. А вот что будет, когда не останется ни одного полотенца? — не без грусти заметила Барбара.

— Да, притом последнее из них непременно окажется мамочкиным, — с иронией добавила Карен, — наш хранитель обязательно выдумает причину для этого.

— Вот это ты зря, Карен. Не забывай, что Дьюк проделал колоссальную работу.

— Я знаю, знаю, Дьюк не виноват, что так получается. Это все его приятель Эдди...

— Какой еще Эдди?

— Эдипов комплекс, дорогуша.

Барбара отвернулась и стала полоскать пару заношенных голубых джинсов.

— Ты согласна со мной? — спросила Карен.

— У каждого могут быть недостатки.

— Только не у меня. Даже у папочки есть дефект. Его все еще беспокоит шея.

Барбара выпрямилась.

— Разве она еще не прошла? Может быть, ему помог бы массаж?

Карен хихикнула.

— Ты знаешь, сестричка, в чем твоя слабость? Ты никогда не улавливаешь иронии в свой адрес. Просто у отца негибкая шея упряма, и этого ничем не вылечишь. Его слабость в том, что у него нет слабостей. Не надо хмуриться. Я люблю папочку, просто восхищаюсь им. Но я рада,

что не похожа на него. Пойду отнесу белье к кустам шиповника и развешу его там. Проклятие, почему отец не запасся вешалками для одежды? Эти шипы еще хуже, чем мыло.

— Без вешалок мы можем обойтись. Хью и так запасся невероятно большим количеством необходимого. Буквально все, начиная с будильника с восьмидневным заводом...

— Который, к слову сказать, сразу же разбился, — съязвила Карен.

— ... и кончая инструментами, семенами, книгами и еще бог знает чем. Карен, сначала оденься!

Карен остановилась. Одна ее нога уже стояла на берегу.

— Чепуха. Старина Каменное Лицо не будет подглядывать. Издевательство, самое настоящее издевательство — вот что это такое. Мне кажется, что я сама когда-нибудь наброшусь на него.

— Чем ты недовольна? Просто Джо в экстремальной ситуации показал себя настоящим джентльменом. Так что не надо выходить из себя. Подожди, сейчас я закончу полоскать свое белье, и мы отнесем сушить сразу все.

— Хорошо, хорошо. Но я все время спрашиваю себя, есть в нем что-нибудь человеческое или нет?

— Конечно, есть. Готова поклясться в этом. Он настоящий мужчина.

— Хм... Барби, уж не хочешь ли ты сказать, что наш святой Иосиф подкатывался к тебе?

— Господи, ну конечно же нет! Но он краснеет каждый раз, когда я прохожу мимо него. Карен, Джо очень хороший человек, Жаль, что ты не слышала, как он объяснял мне насчет Дока.

— Что объяснял?

— Ну, понимаешь, Док начинает признавать меня. Вчера он сидел у меня на руках, и я кое-что заметила и сказала Джо: «Джо, Док что-то очень уж сильно растолстел. Или он всегда был такой?» Вот тут-то Джо и покраснел. Но ответил мне с очаровательной серьезностью: «Барбара, Док Ливингстон в сущности не такой уж кот, каким он себя считает, старина Док скорее относится к кошкам. Это вовсе не ожирение. Ээ-э... видишь ли, у Дока скоро родятся детки». Он буквально выдавил это из себя. Наверное, ему показалось, что меня этим можно смутить. Смутить меня не удалось, но удивлена я была чрезвычайно.

— То есть ты хочешь сказать, Барбара, что ты не знала, что Док Ливингстон — кошка?

— Откуда бы мне знать? Все называют его «он», да и имя у него... у нее... мужское.

— Но ведь доктор может быть и женщиной. Ты что же, не можешь отличить кота от кошки?

— Просто я никогда над этим не задумывалась. У Дока такая густая шерсть.

— Мм, да, у персидских кошек действительно сразу трудно разобрать, кто есть кто. Но коты всегда отличаются весьма величественным поведением, да и прочие признаки у них довольно внушительные.

— Даже если бы я и обратила на это внимание, я просто подумала бы, что он кастрирован!

Карен, казалось, была потрясена.

— Смотри, чтобы отец этого не услышал! Он никогда в жизни не позволил бы кастрировать кота. Папа считает, что коты являются равноправными гражданами. Но ты все-таки удивила меня. Котятя, надо же!

— Так мне сказал Джо.

— А я и не заметила. — Карен выглядела озадаченной. — Впрочем, если подумать, так я действительно уже давно не брала ее на руки. Только несколько раз гладила ее, да удерживала от опрометчивых поступков. А то она буквально не давала ничего делать. Стоило открыть какой-нибудь ящик, как она уже оказывалась там. Теперь я понимаю — это она выбирала место для котят. Мне следовало бы быть повнимательнее.

— Карен, а почему вы продолжали говорить «он», «его»?

— Почему? Но ведь Джо тебе все объяснил. Док считает себя котом — а почему я, собственно, должна убеждать его? Он всегда так считал, и он был самым своенравным из всех наших котят. Хм... Котятя. Барби, как-то раз, когда Док достиг зрелости, мы устроили ему встречу с котом-джентльменом самого что ни на есть аристократического происхождения. Но он чем-то не понравился Доку, и Док изрядно потрепал его. С тех пор мы никогда больше не пытались сводить его с кем бы то ни было. Хм... Летописец ты наш, скажи-ка, сколько дней мы уже здесь?

— Ровно шестьдесят два дня. Я уже справилась: нормальный для кошек срок — от шестидесяти до семидесяти дней.

— Следовательно, теперь это может случиться в любой момент. Готова побиться об заклад, что сегодня ночью мы не сомкнем глаз. Кошки никогда не рожают в нормальное время суток. — Тут Карен разко сменила тему разговора. — Барби, чего тебе больше всего не хватает? Сигарет?

— Я уже и думать о них забыла. Скорее всего, яиц. Яиц к завтраку.

— Отец подумал об этом. Оплодотворенные яйца и инкубатор. Но он не построит его, да и все равно яйца разбились бы. Да, мне их тоже, пожалуй, не хватает. Но лучше всего, если бы коровы несли яйца, а отец бы придумал, как сохранить их на долгий срок. Представляешь?! Мороженое! Холодное молоко!

— Масло! — добавила Барбара. — Мелко нарезанные бананы со взбитыми сливками. Горячий шоколад.

— Перестань! Барби, я, кажется, прямо сейчас у тебя на глазах скончаюсь от голода.

— Про тебя никак не скажешь, что ты исхудала, — поддела ее Барбара, — а даже наоборот.

— Возможно... — Карен замолчала и принялась мыть посуду.

Наконец она тихо произнесла:

— Барби, то, что собирается сделать Док и вполтину так не удивит всех наших, как тот сюрприз, который преподнесу им я...

— Что за сюрприз, милая?

— Я беременна.
— Что?..
— То, что слышала. Беременна. Жду ребенка, если тебе так понятнее!
— А ты уверена, дорогая?
— Конечно же, уверена! Я сдала анализы, и очкарик, который занимался мной, получив результат, только вылупил глаза. Прошло уже четыре месяца, — Карен бросилась в объятия подружки, — и я очень боюсь!
— Ну, ну, дорогая. Все будет хорошо, — принялась утешать ее Барбара.
— Черта с два! — воскликнула Карен. — Мать устроит тут такое... И больниц здесь нет... и врачей. Господи, и почему Дьюк не пошел в медицинский? Барби, я, наверное, умру, я знаю.
— Карен, не болтай ерунду. Детей, родившихся без помощи докторов и больниц, гораздо больше, чем детей, привозимых на кормление в тележке. Тебя не так страшит возможность смерти, как объяснение с родителями.
— Да, и это тоже. — Карен вытерла глаза и шмыгнула носом. — Барби, ты только не обижайся... но я именно поэтому пригласила тебя к себе на тот уик-энд.
— Вот как?
— Я подумала, что мать не станет устраивать большого шума при посторонних. Большинство девиц в нашем заведении или мешчанки, или потаскушки, да к тому же еще и абсолютные дуры. А ты ни то и ни другое, и я знала, что ты заступишься за меня.
— Ну, спасибо!
— Это мне-то спасибо! Да ведь я просто собиралась использовать тебя.
— Мне никто никогда еще не делал лучшего комплимента. — Барбара вытерла Карен слезы и потрепала ее по щеке. — Я рада, что оказалась здесь. Так, значит, родители пока еще не в курсе...
— Ну... я собиралась. А потом началась эта война... матери стало плохо... а отец все время обременен заботами, и мне никак не выбрать необходимого момента.
— Карен, а ведь ты не боишься признаться во всем отцу, ты боишься разговора с матерью.
— Да... В основном так. Отец, конечно, будет потрясен и шокирован... он подумает, что с моей стороны было просто глупо попасться.
— Карен, ты не должна носить это в себе, — Барбара заколебалась. — Я постараюсь разделить все твои тревоги.
— Я так и думала.
— Я имею в виду нечто другое. Я тоже беременна.
— Что?..
— Да-да. Так что мы можем сказать им об этом вместе.
— Боже мой! Барбара! Но как же это так?
Барбара пожала плечами:
— Неосторожность. А как это произошло с тобой?
Карен вдруг улыбнулась:

— Как? А просто меня опылила пчелка, как же еще? Ты, наверное, хотела спросить — «кто»?

— «Кто» меня совершенно не интересует. Это твое личное дело. Ну так как, может, пойдем и скажем им? Я готова говорить за нас обоих.

— Подожди минутку. Ты сама-то собиралась говорить кому-нибудь? Или не собиралась?

— В общем-то, нет, — честно ответила Барбара. — Я собиралась подождать еще какое-то время.

Карен взглянула на талию Барбары.

— Ничего не заметно. А ты уверена?

— У меня уже два раза ничего не было. Я беременна. Или больна, но это было бы гораздо хуже. Давай соберем белье, пойдем и все им откроем.

— Но ведь если специально не приглядываться, то по тебе ничего не видно, да и по мне тоже — в последнее время я стараюсь не попадаться матери на глаза раздетой — может, нам пока ничего не говорить, а прибержать эти новости на крайний случай?

— Карен, но почему бы тебе не сказать сначала отцу? А уж он пускай сообщит матери.

Карен выглядела обрадованной.

— А ты думаешь, так можно сделать?

— Я просто уверена, что Хью предпочтет услышать об этом не в присутствии Грейс. Так что иди найди его и все ему расскажи. А я развешу белье.

— Уже бегу!

— И ни о чем не беспокойся. Мы спокойно родим наших детей, и ничего плохого с ними не случится, а потом будем вместе их воспитывать. Знаешь, как нам будет весело! Мы будем просто счастливы.

Глаза Карен засияли.

— Да... и у тебя будет девочка, а у меня — мальчик. Потом мы их поженим и обе станут бабушками!

— Вот теперь ты снова настоящая Карен. — Барбара поцеловала ее. — Беги к отцу...

Хью выкладывал печь, когда Карен сказала ему, что хотела бы с ним поговорить наедине. Он согласился.

— Джо, закончи кладку. А я пойду посмотрю, как там канава. Пойдем вместе, дочка, заодно и поговорим.

Он дал ей лопату, а сам взял ружье.

— Ну, так что у тебя на уме, девочка моя?

— Давай отойдем немного подальше.

Они отошли уже довольно далеко. Хью остановился и стал подравнивать край лопатой.

— Папа! Ты, может быть, заметил, что у нас не хватает мужчин?

— Нет. Трое мужчин и три женщины. Совершенно нормальное соотношение.

— Я хотела сказать «возможных избранников».
— Тогда так и говори.
— Хорошо. Я уже поправилась. Мне нужен совет. Что хуже? Кровосмешение или межрасовый брак? Или мне придется остаться старой девой?

Он еще раз копнул и замер.

— Я не собираюсь заставлять тебя быть старой девой.

— Я так и думала. А как насчет двух других возможностей?

— Кровосмешение... — медленно проговорил он, — ...обычно ни к чему хорошему не приводит.

— Следовательно, у меня остается только один выход.

— Подожди. Я сказал «обычно». — Он уставился на лопату. — В принципе, я никогда не задумывался над этим... у нас и так проблем по горло. Браки между братьями и сестрами — в истории не такая уж редкость. И результаты не обязательно плохие. — Он нахмурился. — Но ведь еще... Барбара. Может быть, вам придется примириться с полигамией.

— Не то, папа. Ведь кровосмешение может произойти не обязательно с братом.

Он с изумлением посмотрел на нее.

— Если ты хотела удивить меня, то тебе это удалось, Карен.

— Шокировать тебя, ты хотел сказать?

— Нет, удивить. Ты что, серьезно собираешься предложить мне это?

— Папочка, это единственное, над чем бы я никогда не стала шутить, — в словах Карен промелькнула грусть, — если бы мне пришлось выбирать между тобой и Дьюком — как между мужьями, естественно, — я бы без колебаний предпочла тебя.

Хью вытер лоб.

— Карен, мне очень не хотелось бы принимать твои слова всерьез...

— Но я говорю серьезно!

— Я так и думал. Следовательно, я должен понимать это так, что Джо-зефа ты отмечаешь начисто? Или ты подумала об этом?

— Конечно, подумала.

— Ну и что?

— Джо очень мил, но, увы, он совсем еще мальчишка, хотя и немного старше меня. И если я когда-нибудь скажу ему: «У-у-ух!», он, по-моему, просто выскочит из собственной кожи. Нет, это не то.

— Может быть, ты лукавишь, и для тебя имеет значение цвет кожи?

— Папа, знаешь что? Мне очень хочется плюнуть тебе в лицо за эти слова. Ты ведь прекрасно знаешь, что я не наша мамочка!

— Я просто хотел быть уверен. Карен, ты знаешь мое отношение к этому. В человеке меня больше всего интересуют совсем другие вещи: крепко ли он держит слово? Выполняет ли он свои обещания? Честно ли он трудится? Храбр ли он? Выступит ли он в защиту справедливости? И Джо отвечает всем моим требованиям. Мне кажется, что ты относишься к нему предвзято.

Он вздохнул.

— Если бы мы по-прежнему жили в Маунтен-Спрингсе, я бы не стал понуждать тебя выходить замуж за негра. Слишком паршиво относятся к этому окружающие. Настолько, что подобные браки почти всегда — трагедия. Но здесь эти варварские пережитки не имеют никакого значения. И я советую тебе задуматься над этим.

— Что ж, я могу выйти за Джо. Но я хотела просто, чтобы ты знал: если бы я могла выбирать свободно, то выбрала бы тебя!

— Благодарю.

— Он еще меня благодарит, черт возьми! Я женщина, а ты мужчина, который нравится мне больше всех. Но мне это все равно ничем не светит... и ты догадываешься почему. Из-за мамочки.

— Я знаю. — Внезапно его лицо приняло усталый вид. — Но обычно приходится делать не то, что хочется, а то, что можно. Карен, мне ужасно жаль, что я лишил тебя возможности выбирать из гораздо более длинного списка кандидатов.

— Папочка, главная мысль, которую я вынесла из всех твоих уроков, это «не проливать слез над тем, чего не понимаешь и чему не можешь». Это любимое занятие матери, но не мое. Да и Дьюк порой не прочь, хотя ему это свойственно в меньшей степени, чем ей. В этом вопросе я больше всего похожа на тебя. Мой принцип — считай свои очки и играй соответственно. Ты ведь не жалуешься на то, что тебе выпали плохие карты? Ты понимаешь меня, отец?

— Да.

— Но я пришла сюда не затем, чтобы предложить тебе руку и сердце. И даже не затем, чтобы утешить тебя, хотя раз уж я сказала так много, я могла бы сказать и то, что ты можешь получить меня, если захочешь. Мне кажется, ты догадывался об этом и раньше. Нет... Я просто хотела прояснить для себя кое-что, прежде чем сказать тебе одну вещь. Я уже подсчитала очки и теперь знаю, как мне играть. Тут уж ничем не можешь.

— Что-что? Может быть, я смогу помочь?

— Вряд ли. Я беременна, папа...

Он выпустил лопату из рук и порывисто обнял дочь.

— О, это же замечательно!

— Папа... если ты не отпустишь меня, я не смогу застрелить медведя. Он тут же разжал объятия, схватил ружье и огляделся.

— Где он?

— Нигде. Но ты сам всегда напоминал нам о бдительности.

— Ах, да. Ну, теперь я настороже. А кто же отец? Дьюк или Джо?

— Ни тот, ни другой. Это случилось еще раньше, в школе.

— О! Это еще лучше!

— Почему? Черт возьми, отец, все идет совсем не так, как я предполагала. Дочь является домой испорченной, и в таких случаях само собой разумеется, что отец вне себя от ярости. А тут все наоборот. Честно говоря, я такого от тебя не ожидала.

— Прошу прощения. При других обстоятельствах я, возможно, подумал бы, что ты была довольно неосторожна...

— О, еще как! Я рискнула так же, как одна негритянская матрона, которая сказала: «Да тыщу раз ничего не случилось». Сам знаешь.

— Боюсь, что да. Но в нашем нынешнем положении этому приходится только радоваться. До сих пор я думал, что ты еще девочка. И вдруг узнаю, что ты женщина, да еще собираешься подарить нам ребенка, отец которого находится вне нашей группы... Разве ты не понимаешь, дорогая? Ты ведь почти удвоила шансы нашей колонии на выживание.

— Это я-то?!

— Подумай сама, ты ведь достаточно умна. Кстати, отец твоего ребенка... он из хорошей семьи?

— А как ты думаешь, папа, связалась бы я с ним, если бы он был безупречен?

— Извини, доченька. Вопрос, конечно, глупый. — Он улыбнулся. — Мне что-то расхотелось работать. Пойдем-ка лучше поделимся с другими этой доброй вестью.

— Хорошо, но, папа... Что же ты скажешь матери?

— Правду, причем говорить буду я. Не беспокойся, девочка моя. Ты только роди ребенка, а уж я позабочусь обо всем остальном.

— Есть, сэр! Папа, ты знаешь, только сейчас я по-настоящему хорошо себя почувствовала.

— Вот и отлично.

— Я почувствовала себя так хорошо, что даже забыла кое о чем. Ты знаешь, ведь Док Ливингстон тоже собирается иметь детей.

— Знаю.

— А почему же ты мне ничего не сказал?

— Ты имела столько же возможностей обратить на это внимание, сколько и я.

— Верно, но вообще-то это нехорошо с твоей стороны — заметить, что Док беременна, и не заметить, что беременна твоя родная дочь.

— Я просто подумал, что ты последнее время слишком много ешь.

— А, так, значит, ты все-таки заметил! Папочка, иногда ты мне просто ужасно нравишься! Но теперь ты мне будешь ужасно нравиться всегда-всегда!

Хью решил сначала подзаправиться, а потом уже поговорить с Грейс. Это решение было вполне оправданно. Из ее напыщенных речей следовало, что Карен была неблагодарной дочерью, позором семьи, бесстыдной маленькой шлюхой, а Хью, в свою очередь, был дрянным отцом, негодным мужем и человеком, на которого можно было свалить всю вину за беременность дочери.

Хью позволил ей нести всю эту чушь до тех пор, пока она не остановилась, чтобы перевести дыхание.

— Успокойся, Грейс.

— Что?! Хьюберт Фарнхэм, вы еще осмеливаетесь затыкать мне рот! Какое вы вообще имеете право сидеть здесь, в то время как ваша дочь так нагло прев...

— Заткнись, или мне придется заткнуть тебе глотку самому.

— Мама, потише, — попросил Дьюк.

— Ах, так, и ты с ними заодно? Боже, могла ли я подумать, что когда-нибудь настанет день...

— Мама, можешь ты вести себя поспокойнее? Давай послушаем, что скажет отец.

Грейс постаралась сдержать гнев, затем выдавила:

— Джо, оставь нас.

— Джо, сиди, где сидишь, — приказал Хью.

— Да, Джо, останься, пожалуйста, — поддержала его Карен.

— Ну что ж, если ни у одного из вас нет даже элементарного чувства приличия...

— Грейс, сейчас я ближе, чем когда бы то ни было к тому, чтобы ударить тебя. Успокойшься ты когда-нибудь или нет? Ты должна послушать, что скажут другие.

Она испытующе посмотрела на сына. Дьюк старательно избегал ее взгляда.

— Хорошо, я послушаю. Хотя толку от этого не будет никакого.

— А мне кажется, что будет, потому что это чрезвычайно важно, Грейс, нет никакого смысла измываться над Карен. Кроме того, твоя жестокость по отношению к ней просто странна. Ведь ее беременность — это счастливое событие для нас.

— Хьюберт Фарнхэм, сдается мне, что вы совсем выжили из ума.

— Прошу тебя. Ты рассуждаешь категориями привычной морали, что при данных обстоятельствах довольно глупо.

— Вот как? Значит, по-твоему, принципы морали глупы, не так ли? Да ты просто распевающий гимны лицемер!

— Моральные принципы не глупы сами по себе, именно мораль есть краеугольный камень наших отношений. Но как бы аморально ни было для Карен забеременеть в другом месте и в другое время, в обществе, которого больше нет, сейчас для нас это не имеет значения, поэтому не будем больше обсуждать ее поведение. Мы стоим перед фактом, и это сущее благословение для нас. Подумайте хорошенько. Нас здесь шестеро, причем четверо из одной семьи. С генетической точки зрения у нас очень ограниченный генный фонд. И все же мы должны как-то продолжать свой род, иначе нет смысла бороться за выживание. Но теперь среди нас появится седьмой человек, хотя и не собственной еще персоной. На такое счастье нам и рассчитывать-то не пришлось. Молю бога, чтобы у нее родились близнецы, которых в нашем роду было немало. Это еще усилит наших потомков.

— Как ты можешь говорить о собственной дочери, как будто это корова!

— Она моя дочь, и я люблю ее, но самое главное сейчас в ней то, что она женщина и ждет ребенка. Я бы хотел, чтобы ты и Барбара тоже были

беременны... причем от совершенно посторонних людей. Нам необходимо смешение самых различных кровей, чтобы не наступило вырождение среди будущих поколений.

— Я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать твои оскорбления!

— Я всего лишь сказал: «хотел бы». И Карен преподносит нам чудо. Мы обязаны просто-таки лелеять ее. Грейс, мы должны проявлять по отношению к ней всю возможную заботу на протяжении ее беременности. И больше всех нас заботиться о ней нужно тебе.

— То есть ты хочешь сказать, что я не собираюсь заботиться о ней? Только ты никогда не беспокоился о собственной дочери.

— То, что она моя дочь, не имеет значения. Мои слова в равной степени относились бы и к Барбаре, и к тебе, и к любой другой женщине, случись вам оказаться в положении. Отныне Карен освобождается от любой тяжелой работы. Стирка, которой она занималась сегодня, возлагается на тебя, довольно тебе сачковать. Будешь во всем помогать ей. А самое главное: больше никаких нравоучений, грубости, обвинений в ее адрес. Ты будешь мила и добра с ней. И постарайся не забываться, Грейс. Или мне придется наказать тебя.

— Ты не посмеешь!

— Надеюсь, у меня не будет случая проверить это. — Хью повернулся к сыну: — Дьюк, могу я рассчитывать на твою поддержку? Отвечай.

— А что ты подразумеваешь под «наказанием», отец?

— Любые решительные меры, которые мы будем вынуждены применить. Общественные меры принуждения. Физические наказания, если потребуются. Все, вплоть до исключения из группы, если иного выбора не останется.

Дьюк барабанил пальцами по столу.

— Все это довольно жестоко, па.

— Да, и я хочу, чтобы ты подумал о самых крайних мерах.

Дьюк взглянул на сестру.

— Хорошо. Я поддерживаю тебя. Мама, тебе придется вести себя соответственно.

Она начала всхлипывать.

— Мой собственный сын пошел против меня! О, господи, зачем я вообще появилась на свет!

Фарнхэм вопросительно взглянул на Барбару.

— Что я думаю? Я согласна с тобой, Хью. Карен необходимо доброе отношение. Ее нельзя упрекать и бранить.

— А ты не лезь не в свое дело! — прошипела Грейс.

Барбара спокойно взглянула на нее:

— Прошу прощения, но меня спросил Хью. Да и Карен настаивала на моем присутствии здесь. Мне кажется, Грейс, что вы вели себя отвратительно. Ребенок не имеет ничего общего с несчастьем.

— Тебе легко говорить!

— Может быть. Но вы постоянно придираетесь к Карен... вы не должны больше этого делать.

— Скажи им Барбара, — вдруг вмешалась Карен, — о себе...
— Ты этого хочешь?
— Лучше скажи. А то она сейчас набросится на тебя.
— Хорошо. — Барбара прикусила губу. — Я сказала, что ребенок и несчастье совсем разные вещи. Я тоже беременна... и очень рада этому.

Наступившая тишина показала Барбаре, что она добилась своего — отвела огонь от Карен. Что касается ее самой, то сейчас она впервые обрела покой с тех пор, как заподозрила, что беременна. Она не проронила ни слезинки — о, нет! — но обнаружилась, что внутреннее напряжение исчезло.

— Ах ты шлюха! Ничего удивительного, что моя дочь пошла по кривой дорожке, если она попала под влияние такой...

— Молчи, Грейс!

— Да, мама, — поддержал отца Дьюк. — Лучше успокойся.

— Я только хотела сказать...

— Ты ничего не скажешь, мама. Я не шучу...

Миссис Фарнхэм сдалась. Хью снова заговорил:

— Барбара, я надеюсь, что ты не шутишь просто ради того, чтобы защитить Карне?

Барбара взглянула на него и ничего не смогла прочесть в его глазах.

— Я не шучу, Хью. Я сейчас на третьем месяце.

— В таком случае, у нас двойная радость. Придется нам и тебя освободить от тяжелой работы. Дьюк, ты не мог бы взять на себя сельское хозяйство?

— Конечно.

— Да и Джо мог бы кое-что делать. Мм... Значит, мы должны потопиться с кухней и ванной. Вам обеим понадобятся такого рода удобства еще задолго до того, как родятся дети. Джо, нужно незамедлительно доделывать медвежеустойчивую хижину. Здесь — прекрасное место для детской, и нам, мужчинам, придется выметаться отсюда, я думаю.

— Хью...

— Что, Барбара?

— Не беспокойся обо мне. Я могу спокойно заниматься садоводством. У меня еще не такой большой срок, как у Карен, и я не испытываю тошноты по утрам. Когда мне понадобится помощь, я сама дам знать.

Он задумался.

— Нет.

— Господи, но я люблю возиться в земле. Матери пионеров всегда работали, будучи беременными. Они переставали трудиться, только когда у них начинались схватки.

— И это часто убивало их. Барбара, мы не можем рисковать вами. Мы будем обращаться с вами обеими, как с драгоценными сосудами. — Он огляделся. — Правильно я говорю?

— Правильно, отец.

— Конечно, Хью! — добавил Джо.

Миссис Фарнхэм встала.

— От этого разговора мне стало дурно.

— Спокойной ночи, Грейс. Так помни, Барбара, никаких земляных работ.

— Давай договоримся, Хью: когда придет время, я сама откажусь от сада.

— Пожалуйста, руководи. И смотри, чтобы я не застал тебя с лопатой. Или за прополкой. Ты можешь повредить себе. Отныне ты — фермер-джентльмен.

— А разве в твоих книгах ничего не сказано о том, какую работу может выполнять беременная женщина?

— Я еще посмотрю. Но даже и в этом случае мы всегда будем становиться на самую консервативную точку зрения. Некоторые врачи держат своих пациенток в постели целыми месяцами, чтобы избежать выкидыша.

— Папа, но ведь ты не собираешься держать нас в постели?

— Возможно, нет, Карен. Но надо проявлять максимальную осторожность. Барбара права, сегодня уже поздно окончательно решать что-либо. Кто желает сыграть в бридж? Или он слишком сильно возбуждает?

— Господи, конечно, нет! — воскликнула Барбара. — Заботу я еще как-нибудь стерплю, но думаю, что уж бридж-то никак не может послужить причиной выкидыша?

— Разумеется, нет, — согласился Хью. — Но то, как торгуется Карен, может вызвать сердечный приступ у кого-нибудь из нас.

— Ха! Что же хорошего, если торговаться, как компьютер? Жить нужно рискуя. Я всегда была за это.

— Это верно.

Но дальше разговора дело о картах не пошло. Доктор Ливингстон, который до тех пор спал в «ванной», появился в комнате. Походка его была необычной — ноги почти не сгибались, а зад он буквально волочил по земле.

Тревожное мяуканье и странная походка кота дали ясно понять, что сейчас произойдет. Джо мгновенно оказался на ногах.

— Док! Что с тобой, Док?!

Он хотел было поднять кота, но тот явно в этом не нуждался. Он замыкал еще громче и стал вырываться.

— Джо, оставь его в покое, — приказал Хью.

— Но старине Доку больно!

— В таком случае, ему надо помочь. Дьюк, нам придется воспользоваться электричеством и переносным фонарем. Задуйте свечи. Карен, постели на стол одеяло и чистую простыню.

— Один момент.

Хью склонился над котом.

— Спокойно, Док. Тебе больно, да? Ничего, потерпи еще немного. Мы здесь, с тобой. — Он погладил кота по спине, затем осторожно пощупал живот. — У него схватки. Карен, поторопись.

— Уже готово, папа.

— Помогите мне поднять его, Джо.

Он положил кота на стол.

— Что нам теперь делать? — спросил Джо.
— Прими таблетку милтауна.
— Но ведь Док страдает...
— Конечно. Но мы ничем не можем тут помочь. Сейчас ему придется туго. Это его первые роды, и он перепуган. К тому же, он довольно стар для первых родов, что усугубляет его состояние.

— Но мы просто должны что-нибудь сделать...

— Все, что ты можешь сделать полезного, это успокоиться. Ты передаешь коту свой страх. А мы должны быть рядом, чтобы он не ощущал одиночества в такие минуты. Так дать тебе успокоительное?

— Да, если можно.

— Дьюк, достань таблетку. Джо, не отлучайся — Док доверяет тебе больше, чем другим.

— Хьюберт, если вы собираетесь всю ночь возиться с котом, мне понадобится снотворное. Иначе заснуть в такой суете невозможно.

— И секунал для твоей матери, Дьюк. У кого есть предложения насчет места для котят?

Фарнхэм порылся в памяти. Каждая коробка, каждый клочок картона был использован, и еще раз использован, и еще, в бесконечном благоустройстве. Построить им логово из кирпичей? Но это можно сделать только с наступлением дня, а бедная зверушка нуждается в домике, безопасном и уютном, прямо сейчас. Может быть, разобрать какие-нибудь стеллажи?

— Папа, а что ты скажешь по поводу нижнего ящика шкафа? — предложила Карен.

— Отлично! Выложите из него все вещи на койку. Постелите туда что-нибудь мягкое. Например, мою охотничью куртку. Сын, сооруди раму, которая поддерживала бы одеяло. Им понадобится нечто вроде маленькой пещерки. Там они будут чувствовать себя в безопасности. Сам знаешь.

— Конечно, мы знаем, — подтвердила Карен. — Не суетись, папа. Нам не впервой.

— Прости, дочка. Кажется, сейчас у нас появится первый котенок. Видишь, Джо?

Шерсть от головы до хвоста встала вдруг у кошки дыбом, затем улеглась обратно. Через несколько минут все повторится снова.

Карен торопливо выбрасывала вещи из нижнего ящика. Наконец, когда он опустел, вытащила его и поставила у стены, положив в него охотничью куртку. Затем она бросилась к столу.

— Ну как, я не опоздала?

— Нет, — успокоил ее Хью. — Но вот-вот это должно случиться.

Док на мгновение перестала тяжело дышать и после двух конвульсивных движений разродилась котенком.

— Да он вроде завернут в целлофан, — с удивлением заметила Барбара.

— А ты разве не знала? — спросила Карен. — Папа, смотри, он серенький! Док, как же это так? Хотя, впрочем, сейчас не время задавать вопросы.

Но ни Хью, ни Доктор Ливингстон и не собирались отвечать ей. Роженица стала тщательно вылизывать новорожденного, пленка лопнула, и маленькие лапки беспомощно зашевелились. Писк, настолько тонкий и высокий, что его было едва слышно, возвестил о появлении на свет смешного существа. Док перекусил пуповину и продолжал вылизывать отпрыска, очищая его от крови и слизи, и не переставал в то же время довольно урчать. Котенку это явно не понравилось, и он снова заявил свой, почти неслышимый, протест.

— Босс, — спросил Джо. — Что-то с ним неладно. Почему это он такой маленький и худой?

— Это просто отличный котенок. У тебя родился замечательный ребенок, Док. Он настоящий бакалавр, хотя сам этого и не сознает. — Хью говорил успокоительным тоном и почесывал кота за ушами. Затем он продолжал теперь уже обычным тоном: — И наихудший образчик подзаборника, который мне когда-нибудь попадался — гладкошерстный, полосатый и серый.

Док неодобрительно взглянул на него, как будто пожал плечами и, исторгнув из себя послед, принялся жевать кровавую массу. Барбара нервно сглотнула и бросилась к двери. Карен опередила подругу, открыла ей дверь. Она поддерживала ее до тех пор, пока та полностью не очистила желудок.

— Дьюк! — позвал Хью. — Охраняй!

Дьюк высунул было голову наружу, но услышал слова Карен:

— Можешь уйти. Здесь мы в полной безопасности. Сегодня очень яркая луна.

— Ладно... но только оставьте дверь открытой. — И он исчез внутри убежища.

— А я думала, что у тебя не бывает тошноты по утрам, — удивилась Карен.

— Так оно и есть. О-о-о! — Она снова почувствовала позыв. — Это из-за того, что сделал Док...

— Ах, вот оно что! Но ведь кошки всегда так поступают. Позволь я вытру тебе рот, дорогая.

— Это ужасно.

— Это нормально. И к тому же полезно для них. Гормоны или что-то в этом роде. Лучше спроси у Хью. Ну как, тебе полегче?

— Немного да, Карен! Правда ведь, нам не нужно делать этого, а? Я не могу сделать этого, не могу!..

— Что? О! Никогда об этом не думала. Да нет, вроде не должны... иначе нам сказали бы об этом в школе.

— Но в школе нам не говорили очень многих вещей, — глухо отозвалась Барбара. — У нас, например, курс по первой помощи вела старая дева. Но я просто не смогу сделать этого. Кажется, я расхотела иметь ребенка.

— Друг мой, — насмешливо сказала Карен, — об этом нам обоим нужно было подумать раньше. Отойди немного, кажется, настал мой черед.

В конце концов они вернулись в комнату — бледные, но довольно крепко держащиеся на ногах. Док родил еще трех котят после их возвращения,

и теперь Барбара наблюдала за родами и последующими операциями Дока, уже не испытывая желания бежать за дверь. Из трех котят только последний заслуживал внимания: маленький котенок, но с задатками крупного зверя. Он был явным мужчиной, его большая голова никак не хотела вылезать, и Док буквально согнулся пополам от боли.

Хью сразу же занялся делом, стараясь помочь маленькому тельцу появиться на свет божий. При этом он обильно потел, совсем как настоящий хирург. Док взвыл и укусил его за палец. Но это не остановило Хью.

Внезапно котенок высвободился, Хью нагнулсь над ним и подул ему в рот. Котенок тут же ответил на это негодующим тоненьким писком. Тогда Хью положил его к матери и позволил Доку вычистить его.

— Еле спасли, — заметил он, пытаясь унять дрожь в руках.

— Не думаю, чтобы старина Док собирался отправиться на тот свет, — мягко сказал Джо.

— Конечно, нет. Кто из вас, девочки, займется моим пальцем?

Барбара перевязала ему палец, повторяя про себя, что она, когда настанет ее очередь, не должна, не должна кусаться...

Котята по порядку располагались следующим образом: гладкошерстный серый, пушистый белый, угольно-черный с белой грудкой и чулочками и пестрый. После долгих споров между Карен и Джо они были названы: Счастливый Новый год, Снежная Принцесса Великолепная, Доктор Черная Ночь и Лоскутная Девочка Страны Оз. Кратко — Счастливчик, Красотка, Полночь и Заплата.

К полуночи мать и новорожденных уже перенесли в ящик. У них была вода, пища и тарелка с песком неподалеку. После этого все отправились спать. Джо улегся на полу, прислонившись головой к кошачьему домику.

Когда все затихли, он поднялся и, включив фонарь, подошел к ящику.

Док Ливингстон держал одного из котят в лапах, а трое других сосали молоко. Док перестал на мгновение вылизывать Красотку и вопросительно взглянул на Джо.

— Твои котята просто прелесть, — одобрил Джо. — Самые лучшие ребятишки на свете.

Док расправил свои королевские усы и заурчал в знак согласия...

2

Хью оперся на лопату.

— Достаточно, Джо.

— Я еще подчищу немного около ворот.

Они находились у верхнего края траншеи, там, где запруда сохраняла воду на случай жаркой погоды. А жара стояла сильнейшая. Лес увядал, солнце палило невыносимо. Поэтому приходилось быть особенно осторожным с огнем.

Зато медведи теперь так не беспокоили, как раньше. Дюк перебил их столько, а заодно и представителей семейства кошачьих, что появление

таковых стало редкостью. Правда, невооруженными по-прежнему никуда не ходили.

Через запруду перетекал только небольшой ручей, но его вполне хватало для поливки и для хозяйственных нужд. Без этого водовода они попросту потеряли бы свой сад.

Раз в несколько дней водную систему необходимо было подравнивать. Хью не сделал настоящего шлюза. Его остановил недостаток инструментов, металла и полное отсутствие древесины. Вместо этого он кое-что придумал. В том месте, где вода из пруда вливалась в водовод, дно было выложено кирпичом, а дно всей канавы — полукруглыми черепичными плитками до самого дома с садом. Поэтому утечки практически не было. Чтобы усилить ток воды, покрытие сняли, углубили дно и вновь положили покрытие. Хотя все это и было довольно неудобно, но оно работало.

Печь для обжига функционировала день и ночь. Практически все их капитальное строительство было возможно благодаря глинистому берегу, расположенному ниже жилища. Но в последнее время хорошей глины стало меньше. Это, правда, не беспокоило Хью. У них было уже почти все необходимое.

Ванная комната теперь не была просто шуткой. Вода поступала в туалет с двумя отделениями, разгороженными оленьей шкурой. Канализационная труба из обожженной глины выходила в туннель и дальше в выгребную яму.

При изготовлении канализационной трубы Хью столкнулся с большими трудностями. После множества неудач он выстрогал цилиндрическую основу, состоящую из трех частей. Так было удобнее, потому что глину приходилось намазывать на цилиндр, а затем подсушивать немного. Вынималась основа по частям, до того, как пересохшая глина начнет трескаться.

Со временем он стал настоящим мастером формовки, допуская минимальное количество брака.

Поврежденный бак для воды он со скрежетом зубным распилил вдоль и сделал две ванны — одну в доме и одну снаружи, под открытым небом. Чтобы не было утечки, он обтянул их изнутри выделанными шкурами, и ванны действительно не текли.

Один угол ванной-кухни занимал кирпичный очаг-печь. Его пока не использовали, так как дни стояли длинные и жаркие. Пищу готовили на улице и ели под аккомпанемент рычащих голодных медведей. Печь в доме была готова в преддверии периода дождей.

Теперь их жилище было двухэтажным. Хью справедливо рассудил, что надстройка, могущая выдержать приступ диких медведей или нашествие змей, должна быть каменной и с прочной крышей. Это они еще способны были сделать, но вот как насчет окон и дверей? Может быть, ему и удастся когда-нибудь сварить стекло, если будет решена проблема соды и извести. Но не так скоро. Крепкую дверь и плотные ставни он мог бы сделать, но такая постройка будет слишком душной.

Поэтому они соорудили на крыше нечто вроде сарайчика с травяным покрытием. Теперь при поднятой лестнице медведь, пришедший помериться с ними силами, встретил бы на своем пути двенадцатифутовую стену. Не будучи вполне уверен, что стена отпугнет абсолютно всех визитеров, Хью устроил нечто вроде сигнализации вдоль края крыши так, что при задевании ее падал кислородный баллон. И в первую же неделю сигнализация сработала, отпугнув непрошеного гостя. Причем Хью утверждал, что тот был напуган сверх всякой меры.

Все, что не должно было испортиться под открытым небом, было вынесено наружу, а центральная комната переоборудована в женскую спальню и детскую.

Хью смотрел вниз по течению ручья, а Джо тем временем заканчивал свою уборку. Отсюда была видна крыша хижины.

«Вполне сносно...» — подумал Фарнхэм.

Все их хозяйство было в прекрасном состоянии, а на будущий год будет еще лучше. Настолько лучше, что у них появится возможность заняться разведкой. Даже Дьюк до сих пор не бывал далее чем в двадцати милях отсюда. Пока для путешествий они мало чем располагают, кроме своих ног, да впридачу их удерживало бесконечное множество всяких срочных дел...

А следующий год уже не за горами.

«Человек не должен останавливаться на достигнутом, иначе для чего же жить?» Когда они начинали, у них не было ни горшка, ни окошка. В этом году — горшок. А в следующем, значит, окно? Не следует торопиться. Пока все идет прекрасно. Даже Грейс как будто поуспокоилась. Он был просто уверен, что она возьмет себя в руки и в конце концов станет счастливой бабушкой. Грейс всегда любила детей. Она умела ухаживать за ними, если ему не изменяла память.

Теперь уже скоро. Малышка Карен, правда, точно не знала срока, но предполагала, что знаменательный день настанет примерно через две недели, и ее состояние подтверждало ее слова, насколько он мог судить.

Чем скорей, тем лучше! Хью изучил в своей библиотеке все книги, касающиеся беременности и родов: он приготовился, как только мог. Обе его пациентки как будто пребывали в отличном здравии, у обеих обмеры талии давали прекрасные результаты. Обе вроде бы избавились от страхов и подбадривали друг друга легким подшучиванием, заодно способствующим сохранению нормального веса. Если Барбара будет поддерживать Карен, а Карен Барбару, если та и другая опираются на опыт материнства Грейс, то им поистине нечего бояться.

Прекрасно все же будет иметь в доме детей...

И в этот момент радостного опьянения Хью Фарнхэм понял, что еще никогда в жизни не бывал так счастлив, как сейчас...

— По-моему, нормально, Хью. А эти лишние плитки захватим домой.

— Хорошо. Возьми ружье, а я понесу инструменты.

— Сдается мне, — сказал Джо, — что мы должны...

Его слова заглушил выстрел. Они замерли. За первым последовали еще два.

Хью и Джо быстро побежали к дому.

Барбара стояла на пороге, подняв ружье и размахивая им. Затем она пошла навстречу, осторожно ступая босыми ногами и двигаясь медленно, чтобы не упасть. Теперь ее беременность была довольно хорошо заметна. Большой живот покоился в просторных шортах, сделанных из старых джинсов Дьюка. На ней была женская рубашка, перешитая специально для раздавленной груди. Ружья в ее руках уже не было.

Джо подбежал к ней первым.

— Карен? — быстро спросил он.

— Да. У нее началось.

Джо поспешно вошел в дом. Хью спросил задыхаясь:

— Ну что?

— У нее отошли воды. Затем начались схватки. Тогда я и выстрелила.

— Но почему же ты... Впрочем, ладно. Что еще?

— Грейс с ней. Но она хочет видеть тебя.

— Дай мне отдышаться. — Хью вытер пот и постарался успокоиться.

Он сделал глубокий вдох, задержал воздух в легких, затем медленно выдохнул. Восстановив дыхание, он проник внутрь, за ним последовала Барбара.

Койки у двери были убраны. Проход загромождала кровать, но за счет убранных полок можно было пробраться в комнату. На кровати лежал травяной матрас, застеленный медвежьей шкурой. На ней сидел пестрый кот.

Хью прошел мимо, почувствовав, как другой кот потерся о его лодыжку. Он оказался в следующем помещении. Здесь из коек была сооружена кровать, на которой лежала Карен. Грейс сидела около нее и обмахивала ее веером. Джо стоял тут же, с выражением молчаливого сочувствия на лице.

Хью улыбнулся дочери.

— Привет, толстуха! — Он нагнулся и поцеловал ее. — Ну, как ты? Больно?

— Да, сейчас больно. Но я рада, что ты здесь.

— Мы спешили изо всех сил.

Кот вскочил на постель и разлегся на Карен.

— Ах ты! Черт бы тебя подрал, Красотка!

— Джо, — сказал Хью, — собери кошек и отправь их в изгнание.

Ход в туннель был завален кирпичом, правда, вентиляционные отверстия и лаз для кошек, который можно было заложить, все же оставили. Коты были невысокого мнения о лазе, но необходимость сделать это стала насущей после того, как Счастливчик пропал без вести и считался погибшим.

— Папа, я хочу, чтобы Красотка была со мной, — попросила Карен.

— Джо, к Красотке мой приказ не относится. Когда наступит самый ответственный момент, хватай ее и суй ко всем остальным.

— Ясно, Хью. — Джо вышел, столкнувшись в дверях с Барбарой.

Хью потрогал щеки Карен, пощупал пульс.

— Ее побрили? — обратился он к жене.

— Пока не было времени.

— Тогда вы с Барбарой побрейте ее и вымойте. Детка, когда же раз-верзлись хляби твои?

— Только что. Я пошла в туалет, и тут-то все и началось. Сижусь себе, ничего не трогаю... а потом вдруг — р-раз — и вот я уже Ниагарский водопад!

— Но схватки-то у тебя были?

— Еще какие!

— Это хорошо. Значит, о схватках можно не беспокоиться. — Он улыбнулся. — В принципе беспокоиться вообще не о чем. Думаю, что большую часть ночи ты проведешь за игрой в бридж. Дети, как и котята, имеют обыкновение появляться на свет под утро.

— Всю ночь? Я хочу, чтобы этот сопляк родился побыстрее, и делу конец.

— Я тоже хотел бы, чтобы все кончилось поскорее, но у детей на этот счет свое мнение, — сказал он и добавил: — Ладно, тебе предстоят кое-какие дела, и я тоже должен сполоснуться. Я в грязи с ног до головы.

Он собрался уходить.

— Папа, подожди секундочку. А я обязательно должна оставаться здесь? Тут очень жарко...

— У двери светлее. Особенно если наш юный Тарзан соблаговолит порадовать нас при свете дня. Барбара, откинь эту шкуру — будет прохладнее. Возьми вон ту простыню или, лучше, чистую, если есть.

— Стерилизованную?

— Нет. Кипяченую простыню не распаковывай до тех пор, пока не начнутся роды. — Хью похлопал пациентку по руке. — Дай бог тебе обойтись без боли в мое отсутствие.

— Папа, тебе нужно было стать врачом.

— А я и есть врач. Самый лучший в мире врач.

Выйдя из дома, он встретил Дьюка, задыхающегося после долгого бега.

— Я слышал три выстрела. Сестренка?

— Да. Не волнуйся, у нее только начались схватки. Я собираюсь принять ванну. Не желаешь присоединиться?

— Сначала я хочу повидаться с Карен.

— Тогда поторопись, сейчас ее будут купать. Заодно захвати Джо, он там размещает котов по камерам. Мужчины там сейчас помеха.

— Может быть, следует накипятить воды?

— Пожалуйста, займись этим, если это успокоит тебя. Дьюк, я давно уже заготовил все необходимое, по крайней мере из того, что у нас имеется. Уже с месяц, как заготовил. В том числе и шесть бидонов кипяченой воды на то на се. Так что пойдешь поцелуй свою сестру и постарайся не показывать ей, что ты волнуешься.

— Ну и хладнокровен же ты, отец!

— Сынок, я сам не свой от страха. Я уже сейчас могу перечислить тринадцать возможных осложнений — и ни с одним из них мне не справиться.

В основном я гожусь на то, чтобы похлопывать ее по руке и уверять, что все идет, как надо... а ей именно это и необходимо. Я хладнокровно осматриваю ее, а сам и не знаю, на что обращать внимание. Делаю это просто, чтобы она обрела спокойствие. Я буду тебе очень признателен, если ты в этом мне поможешь.

— Вас понял, сэр. Буду поддерживать вашу игру, — выразил участие Дьюк.

— Только не переигрывай. Дай ей понять, что ты разделяешь ее уверенность в старом доке Фарнхэме.

— Я постараюсь.

— Если Джо слишком разволнуется, вытаскивай его оттуда. Он дергается больше всех. Грейс справляется прекрасно. Ладно, поспеши, а то они не пустят тебя.

Немного позже, чистый и успокоившийся, Хью выбрался из воды раньше Джо и Дьюка и направился к дому, неся одежду в руках. Ветерок сушил его кожу. Он задержался у дверей, чтобы натянуть шорты.

— Тук-тук!

— Нельзя, — отозвалась из комнаты Грейс. — Мы заняты.

— Тогда прикройте Карен. Мне нужно кое-что сделать.

— Мама, перестань. Входи, папа.

Фарнхэм пробрался мимо Барбары и Грейс и зашел в ванную. Там он очень коротко подстриг ногти, вымыл руки — сначала проточной, а затем кипяченой водой, повторил процедуру еще раз. Помахал ими в воздухе, дождался, когда они высохли, и вернулся в комнату, стараясь ни до чего не дотрагиваться.

Карен лежала на кровати около двери, прикрытая половинкой изношенной простыни. На плечи ее была накинута старая рубашка, которая была на Хью в ночь катастрофы. Грейс и Барбара сидели подле нее. Дьюк стоял в дверях, а Джо печально сгорбился на скамейке сзади.

Хью улыбнулся дочери.

— Ну, как дела? Еще схватки были?

— Ни единой, черт бы их побрал. Хоть бы он родился до обеда.

— Обязательно родится. Потому что никакого обеда тебе не видать как своих ушей.

— Чудовище. Мой отец просто чудовище.

— Доктор Чудовище, с вашего позволения. А теперь, друзья мои, попрошу вас очистить помещение. Мне нужно осмотреть пациентку. Все свободны, кроме Грейс. Барбара, пойди и приляг.

— Я не устала.

— Возможно, нам придется всю ночь провести на ногах. Так что лучше вздремнуть заранее. Я не имею ни малейшего желания иметь дело с преждевременными родами.

Он откинул простыню, осмотрел Карен и ощупал ее живот.

— Ты чувствуешь толчки?

— Еще бы! Когда он родится, его непременно нужно записать в команду Грин Бэй Пэкero. У меня такое впечатление, что на ногах у него бутсы...

— Ничуть не удивлюсь, если это так. Ты, когда зачинала его, была обута?

— Что? Папа, что за гадости ты говоришь! Да.

— Преродовое влияние. В следующий раз перед этим обязательно разуйся...

В это время он напряженно пытался определить, в каком положении находится ребенок — головой вниз или — Боже избавь! — поперек. Но определить это он был не в состоянии. Он улыбнулся Карен и солгал:

— Прекрасно, бутсы нас не беспокоят, поскольку он расположен головкой вниз, именно так, как надо. Кажется, роды будут очень легкими.

— Откуда ты знаешь, папа?

— Положи руку вот сюда, где моя. Чувствуешь его выпуклую головку, вниз которой он и нырнет.

— Кажется, да.

— Если бы ты знала столько, сколько я, ты бы не сомневалась.

По-видимому, ему следовало узнать, не начала ли открываться шейка матки. Но как?! Имело место небольшое кровотечение и поэтому он не решился произвести обследование руками — во-первых, он все равно не знал, как должно все это быть на ощупь, а во-вторых, боялся занести инфекцию внутрь. Он знал, что кое-что ему может повредить ректальное обследование, но опять же не знал, что именно. В таком случае не было никакого смысла подвергать Карен этой малоприятной процедуре.

Он поднял голову и встретился взглядом с женой. Сначала он хотел было посоветоваться с ней, но потом решил, что не стоит. Несмотря на то что дети у Грейс были, о деторождении она знала не больше его самого. Показав Карен, что он колеблется, он пошатнет ее уверенность в благополучном исходе.

Вместо этого он взял свой «стетоскоп», (три последних чистых листа из энциклопедии, скатанные в трубку) и стал прослушивать сердцебиение плода. До этого он неоднократно слышал его. Но сейчас различал только множество шумов, которые он про себя определил, как «бурчание в кишках».

— Тикает, как метроном, — сказал он, снова укладывая дочь. — Твое дитя в отличном состоянии, девочка, и ты сама тоже. Грейс, ты, кажется, завела журнал? Когда начались первые боли?

— Им занималась Барбара!

— Будь добра, сохрани его. А сейчас скажи Дьюку, чтобы он снял ремни со второй кровати и принес их сюда.

— Хьюберт, а ты уверен, что они понадобятся? Ни один из моих врачей не советовал мне ничего подобного.

— Это самое последнее новшество, — заверил он ее. — Теперь его применяют во всех больницах...

Хью где-то читал, что некоторые акушерки заставляют рожениц тянуть во время потуг за ремни. Он просмотрел свои книги, ища подтверждение, но ничего не нашел. Здравый смысл подсказывал ему, что это действительно правильно, — женщине так легче тужиться.

У Грейс на лице отражалось сомнение, но возражать она не стала и вышла из убежища. Хью уже собирался уходить, когда Карен схватила его за руку.

— Побудь со мной, папа!

— Больно?

— Нет. Я хотела сказать тебе одну вещь. Я попросила Джо взять меня в жены. Попросила на прошлой неделе. И он согласился.

— Рад слышать это, дорогая. Тебе достанется настоящее сокровище.

— Мне тоже так кажется. Хотя у меня и нет особенного выбора, но Джо мне действительно нравится. Но мы не поженимся до тех пор, пока я полностью не оправлюсь после родов и не стану сильной и здоровой, как прежде. Да сейчас я и подумать боюсь о разговоре с матерью...

— Я ей ничего не скажу.

— И Дьюку тоже лучше ничего не говори. А Барбара все знает и считает, что так и надо.

У Карен начались схватки. Она вскрикнула, застонала и ухватилась за концы ремней, которые торопливо протянул ей Дьюк. Хью положил руку ей на живот и почувствовал, как напрягается ее матка одновременно с приступами боли.

— Тужься, детка, — советовал ей Хью. — И старайся дышать глубже — это помогает.

Она глубоко вздохнула, но только застонала вновь.

Казалось, прошла вечность, прежде чем она немного расслабилась, выдала улыбку и сказала:

— Ну, наконец-то прошло! Искренне сожалею о звуковых эффектах, папа.

— Если хочешь, кричи на здоровье. Но лучше глубоко дышать. А теперь отдохни немного. А мы тут пока разберемся. Джо, тебя придется использовать в качестве повара. Я хочу, чтобы Барбара отдохнула, а Грейс будет выполнять обязанности медсестры... поэтому приготовь обед, дружище. И заодно чего-нибудь холодненького на ужин. Грейс, ты занесла это в журнал?

— Да.

— Ты заметила, сколько времени длились схватки?

— Я заметила, — первой отреагировала Барбара. — Сорок пять секунд. Карен возмутилась.

— Барбара, да в своем ли ты уме! Они длились никак не меньше часа.

— Ладно, пусть будет сорок пять секунд, — согласился Хью. — В дальнейшем фиксируйте частоту и длительность схваток.

Семь минут спустя начался следующий приступ. Карен постаралась последовать совету отца и дышать глубоко. На сей раз она только слегка вскрикнула. Но когда боль отодвинулась, Карен уже не в состоянии была шутить: она только отвернулась лицом к стене. Схватки были долгими и сильными. Хотя агония дочери и потрясла Хью, он немного приободрился — роды как будто обещали быть короткими.

Но получилось совсем наоборот. Весь этот жаркий и трудный день женщина на кровати старалась избавиться от своей ноши. Лицо ее побе-

лело, то и дело она вскрикивала, с каждой потугой живот ее напрягался, мышцы на руках и на шее вздувались. Как только схватки отступали, она откидывалась на подушки, усталая и дрожащая, не в состоянии разговаривать, слушать, понимать.

Дальше стало хуже. Схватки теперь шли с трехминутными интервалами, причем каждая следующая была длиннее и мучительнее предыдущей. Наконец Хью разрешил ей не пользоваться ремнями: в них было мало толку. Она тут же попросила их, как будто не слыша, что он сказал. Казалось, ремни позволяют ей чувствовать себя немного удобнее.

В девять часов вечера началось кровотечение. Грейс перепугалась до смерти — она много раз слышала, как опасны кровотечения. Хью уверил ее в том, что так и должно быть и что это свидетельствует о скором появлении ребенка. Да он и сам поверил в это, потому что крови было немного, и вскоре кровотечение прекратилось. Чудовищной была мысль, что роды могут произойти еще не скоро.

Грейс, похоже, рассердилась и встала. Барбара тут же опустила в освободившееся кресло. Хью надеялся, что жена решила отдохнуть — женщины дежурили по очереди.

Но через несколько минут Грейс вернулась.

— Хьюберт, — сказала она высоким срывающимся голосом. — Я собираюсь вызвать врача...

— Пожалуйста, — согласился он, следя глазами за Карен.

— Послушайте меня, Хьюберт Фарнхэм. Вам следовало вызвать врача с самого начала. Вы убиваете ее, слышите? Я намерена вызвать врача, и вам меня не остановить!

— Конечно, Грейс, о чем речь. Телефон вон там. — Он указал пальцем на соседнее крыло.

Грейс, казалось, была слегка озадачена, но затем она резким движением повернулась и вышла.

— Дьюк!

В комнату торопливо вбежал сын.

— Да, отец?

Хью с усилием выговорил:

— Дьюк, твоя мать решила позвонить врачу. Пойди, помоги ей. Ты меня понял?

У Дьюка расширились глаза.

— В маленьком помещении на столе. Большой пакет не трогай, только маленький — он стерилизован.

— Ясно. А сколько ей ввести?

— Два кубика. Только смотри, чтобы она не видела иглы, а то она дергается... — Хью вздрогнул и почувствовал сильнее головокружение. — Нет, лучше введи три кубика. Я хочу, чтобы она пришла в себя и выпалась. Она может справиться с этим...

— Иду, иду, — сказал поспешно Дьюк и последовал за матерью.

У Карен как раз наступил перерыв между схватками, и она, видимо, впала в полузабытье. Наконец она прошептала:

— Бедный папочка. Твои женщины доставляют тебе столько огорчений.

— Успокойся, милая.

— Я... О Боже, опять подступает!

В перерывах между мучениями она вскрикивала:

— О, какая боль! Я больше не могу! Ох, отец, я хочу врача! Ну, пожалуйста, папочка! Пусть придет врач!

— Ты тужься, доченька, тужься!

Схватки все продолжались и продолжались до самой ночи. Облегчения не было, а становилось только хуже и хуже. Уже не было смысла фиксировать в журнале их, они стали почти непрерывными. Карен уже не могла говорить. Среди стонов можно было только с трудом различить невнятные просьбы о помощи. Она находилась в полубредовом состоянии.

Перед рассветом — Хью к тому времени стало казаться, что эта попытка длится по меньшей мере неделю, хотя часы утверждали, что схватки длятся всего восемнадцать часов, — Барбара сказала с тревогой в голосе:

— Хью, она больше не выдержит.

— Я знаю, — согласился он, глядя на дочь.

Сейчас как раз она была вся охвачена болью, лицо ее посерело и исказилось, рот искривился в агонии, сквозь зубы вырывались сдавленные стоны.

— И что же дальше? — в отчаянии спросила Барбара.

— Я думаю, что необходимо кесарево сечение. Но я, к сожалению, не хирург.

— Так что же делать?! — В голосе Барби была мольба.

— Не знаю. Я не могу.

— Но ведь ты знаешь об этом гораздо больше, чем первый человек, который решился сделать подобную операцию. Ты знаешь, как обеспечить стерильность. У нас есть сульфонамиды, а ее можно напичкать димедролом. — Она говорила громко, не боясь, что Карен может услышать: Карен уже ничего не интересовало.

— Нет.

— Хью, но ты просто должен. Она умирает.

— Я понимаю. — Он тяжело вздохнул. — Но кесарево сечение делать уже поздно, даже если я бы и мог. Я имею в виду — мог спасти Карен с его помощью. Мы должны спасти хотя бы ребенка. — Он прищурился, и голос его дрогнул. — Но нам не спасти и ребенка. Где мы возьмем кормилицу... Ты кормить не можешь, по крайней мере сейчас. А коров у нас нет...

Он сделал глубокий вдох и попытался взять себя в руки.

— Осталось одно: попробовать эскимосский способ.

— А что это такое?

— Поставить ее на ноги и предоставить действовать земному притяжению. Может быть, это поможет. Позови мужчин, они нам потребуются. Мне нужно вымыться. Вероятно, придется делать надрез. О Боже!

Пока Карен бессильно лежала после очередной схватки, Хью попытался объяснить, что им предстоит сделать. Слова с трудом доходили до нее, но все же в конце концов она слегка кивнула и прошептала:

— Мне уже все равно...

Хью подошел к столу, на котором были разложены его принадлежности, взяв единственный скальпель в одну руку, а в другую — фонарь.

— Ну, ребята, теперь, как только у нее снова начнется, берите ее под руки и поднимайте.

Схватки возобновились буквально через несколько секунд. Хью заметил это и кивнул Дьюку:

— Давайте!

— Джо, помогай.

Они принялись поднимать ее, держа руками за плечи и за бедра.

Карен вскрикнула и стала вырываться.

— Нет, нет! Не трогайте меня... я не вынесу этого! Папочка, пусть они отпустят меня! Папа!..

Они остановились.

— Так что будем делать, отец? — спросил Дьюк.

— Я сказал — поднимайте! Ну!

Они приподняли ее над кроватью с широко разведенными бедрами. Барбара зашла сзади и, обхватив Карен руками вокруг талии, стала сильно давить на измученный живот несчастной страдальицы. Карен снова закричала и стала рваться. Они обхватили ее еще крепче. Хью лег навзничь и стал светить вверх.

— Тужься, Карен, тужься!

— Оооо!

И тут он вдруг увидел темя ребенка, серовато-голубое. Он уже хотел было отложить скальпель, как головка снова исчезла.

— Карен, попробуй еще раз!

Хью снова направил фонарь вверх. Он мучительно пытался определить, где следует сделать разрез: спереди? Или сзади? Или и сзади и спереди? Он снова увидел темя — и опять оно появилось и пропало. Рука его вдруг стала твердой как камень, и, совершенно бессознательно, он потянулся и сделал совсем маленький надрез.

Он едва успел отложить скальпель, как прямо ему в руки шлепнулся мокрый, скользкий, окровавленный ребенок. Память подсказывала, что он должен сделать еще что-то. Хью взял ребенка за обе ножки, поднял и шлепнул по крошечной попке.

Раздался сдавленный крик.

— Теперь осторожно положите Карен на кровать, но только полегче! Они все еще связаны пуповиной.

Ее бережно уложили. Хью встал на колени — руки его были заняты слабо попискивающей ношей. Он попытался вложить ребенка в руки матери, но заметил, что Карен не сможет удержать его. Хотя, казалось, она была в сознании и лежала с открытыми глазами. Его дочь пребывала в глубоком забытьи.

Хью и сам был недалеко от обморока. Он мутным взглядом обвел комнату и вручил ребенка Барбаре.

— Никуда не отходи! — зачем-то предупредил он.

— Отец, а разве не нужно перерезать пуповину? — спросил Дьюк.

— Пока еще нет.

И куда только запропастился этот скальпель? Он наконец нашел его, быстро протер йодом, надеясь таким образом продезинфицировать его. Затем положил его рядом с двумя прокипяченными шнурками, повернулся и пощупал пуповину — пульсирует или нет?

— Он просто замечательный, — мягко сказал Джо.

— Она... — поправил его Хью. — Ребенок — девочка. А теперь, Барбара, если ты...

Он замолчал. Дальнейшее произошло слишком быстро. Ребенок начал задыхаться. Хью схватил его, перевернул головкой вниз, сунул палец в рот младенцу и извлек оттуда комок слизи, снова отдал ребенка Барбаре, снова принялся щупать пуповину и только тут заметил, что Карен в опасности.

С кошмарным сознанием того, что ему следовало бы быть вдвое сильнее, он взял один из шнурков и узлом перевязал пуповину около животика ребенка, пытаясь унять дрожь в руках, чтобы не затянуть узел слишком сильно. Затем он начал завязывать второй шнурок и понял, что это уже не нужно. Карен внезапно исторгла послед, и началось кровотечение. Она застонала.

Одним движением скальпеля Хью перерезал пуповину.

— Заклей их пластырем, — бросил он Барбаре.

Фарнхэм повернулся к дочери. Кровь текла из нее ручьем. Она потеряла сознание. Было уже поздно накладывать швы на сделанный им разрез и следовавшие за ним разрывы. Он видел, что кровь шла изнутри. В попытке остановить ее он вложил внутрь тампон из последней оставшейся марли, в то же время крикнув своим помощникам, чтобы они принесли бандаж и холодный компресс.

Спустя, как ему представлялось, вечность компресс и бандаж были на месте, а марля подкреплена целым ворохом стерильных гигиенических салфеток — вещь, хоть и невосполнимая, но зато и почти ненужная им. Он поднял глаза и взглянул в лицо Карен, затем с панической поспешностью стал нащупывать ее пульс.

Карен скончалась через семь минут после рождения дочери...

3

Кэтрин Джозефин пережила свою мать на день. Хью окрестил ее этим именем и каплей воды через час после смерти Карен. Было ясно, что и девочка долго не протянет. У нее было что-то не в порядке с легкими.

Один раз, когда малышка стала задыхаться, Барбара вернула ее к жизни, прижавшись ртом к ее ротику и высосав из него что-то, что тут же с отвращением выплюнула. Малютка Джоди как будто почувствовала себя лучше.

Но Хью понимал, что это только отсрочка. Он не представлял себе, каким образом им удастся сохранить девочку живой достаточно длительное время — целых два месяца — до тех пор, пока Барбара не сможет кормить ее. У них в запасе оставалось только две банки консервированного молока.

Тем не менее они старались сделать все от них зависящее.

Грейс припомнила состав смеси: кипяченое молоко, кипяченая вода и немного сладкого сиропа. У них, правда, не из чего было кормить, даже не было соски. Осиротевший ребенок — вот чего Хью никак не мог предвидеть. Теперь, задним числом, это виделось ему одним из самых вероятных событий, и он казнил себя за то, что не предусмотрел такой возможности. Поэтому он дал себе клятву приложить все силы к тому, чтобы дочь Карен осталась в живых...

Пластиковую капельницу решено было использовать в качестве соски. Ничего лучше им найти не удалось. С ее помощью они попытались дать малютке смесь, стараясь нажимать на бока капельницы в такт сосательным движениям ребенка.

Но почти ничего не получилось. Маленькая Джоди по-прежнему дышала с трудом и начинала задыхаться каждый раз, когда они пытались покормить ее. На то, чтобы прочистить ей горлышко и дать возможность оправиться, они потратили почти столько же усилий, как и на то, чтобы покормить ее. Создавалось впечатление, что она просто не хочет брать в рот грубую подделку, и, если они старались покормить ее насильно, она тут же начинала задыхаться. Дважды Грейс удавалось скормить ей почти по унции смеси. И оба раза она срыгивала ее. Барбара и Хью не смогли даже этого.

На заре следующего за ее рождением дня Хью проснулся от вскрика Грейс. Ребенок задохнулся и умер.

За этот длинный день, когда трое боролись за жизнь новорожденной, Дьюк и Джо выкопали могилу высоко на склоне холма, на солнечной лужайке. Могила получилась глубокой, кроме того, они запаслись кучей булыжников. Оба в душе боялись того, что медведи или койоты могут разрыть могилу.

Могила выкопана, камни приготовлены.

— Как мы будем делать гроб? — с усилием спросил Джо.

Дьюк вздохнул и вытер со лба пот.

— Джо, гроб нам не сделать.

— Но мы просто должны сделать его, — настаивал Джо.

— Конечно, мы можем нарубить деревьев, расколоть их и получить немного досок — и так мы делали, когда иначе было нельзя. На кухне, например. Но сколько времени это у нас займет? Джо, погода стоит жаркая — Карен не может столько ждать!

— Тогда мы должны разобрать что-нибудь ради такого дела. Кровать или книжные полки.

— Что же, тогда лучше платяной шкаф.

— Ладно, не будем откладывать.

— Джо, любая вещь, которая могла бы пригодиться для этой цели, находится в доме. Неужели ты думаешь, что Хью разрешит нам сейчас войти туда и начать ломать, колотить, прибивать. Того, кто разбудит ребенка или отвлечет девочку во время попытки покормить ее, отец просто убьет. Если Барбара или мать не успеют разделаться с ним сами. Нет, Джо. Придется нам обойтись без гроба.

Из кирпичей, используя почти весь их запас, они выложили нечто вроде ящика на дне могилы, выставив его изнутри тканью бывшего навеса, и сделали из тонких стволов крышу. Хотя все это и было довольно жалким, они почувствовали нечто вроде успокоения.

На следующее утро в этой могиле были похоронены и мать, и дочь...

Спускали их вниз Джо и Дьюк. Сын настоял на том, чтобы отец побыл рядом с Грейс и Барбарой. Матери он предложил вообще не приходить на похороны.

Хью отрицательно покачал головой:

— Я уже думал об этом. Попытайся убедить ее в этом сам. Я не могу препятствовать ей.

Не смог уговорить ее и Дьюк. К тому времени, когда Джо отправился звать остальных, Карен и ее дочь уже мирно покоились, аккуратно прикрытые тканью. Не оставалось ни одного следа тех усилий, которых потребовало помещение их сюда. Никто уже не мог бы догадаться о развалившейся части кладки или, еще хуже, о том, что маленький трупик упал на землю, когда они старались поместить его на груди покойной матери. Лицо Карен выражало умиротворение, а дочурка будто дремала у нее на груди.

Дьюк наклонился и прошептал:

— Прощай, сестричка. Прости меня за все...

Затем он прикрыл ей лицо и осторожно выбрался наверх. По склону холма поднималась небольшая процессия. Хью поддерживал под руку жену, Джо помогал Барбаре. За убежищем, на флагштоке, слегка колыхался приспущенный флаг.

Подойдя к могиле, они встали так, что Хью оказался у изголовья, по правую руку от него стояла жена, по левую — сын. Барбара и Джо расположились с противоположной стороны. К облегчению Дьюка, никто не попросил приоткрыть лица усопших, да и мать как будто воспринимала происходящее достаточно спокойно.

Хью вынул из кармана небольшую черную книжечку и раскрыл ее на заложенном месте:

— «Я есть суть, и я есть жизнь... Ничто не принесли мы в сей мир, и посему ничто не в силах наших взять из него. Господь дал, и Господь же взял...» — читал он.

Грейс всхлипнула, колени у нее начали подгибаться. Хью вложил книгу в руку Дьюка и поддержал супругу.

— Продолжай, сынок!

— Отведи ее назад, отец!

— Нет, нет, я должна остаться... — совершенно убито пробормотала Грейс.

— Читай, Дьюк. Я отметил нужные места.

— «... он копит богатства и не может знать, кто унаследует их. Поелику я все с тобой, и только странник я в этом мире, какими были отцы и деды мои. Одели мне хоть малую толику, чтобы я мог вновь обрести силы мои. Человек, от женщины рожденный, обречен лишь на быстрое бытие, и полон несчастий краткий путь его земной... В руки Господа нашего Всемогущего предаем мы душу сестры нашей — сестер наших — и предаем тела их земле. Землю — земле, прах — праху, тлен — тлену...»

Дьюк остановился и бросил в могилу маленький комок земли. Затем он снова заглянул в книгу, закрыл ее и сказал вдруг:

— Давайте помолимся.

Они отвели Грейс обратно в дом и уложили в постель. Джо и Дьюк вернулись, чтобы засыпать могилу землей. Хью, решив, что жена его теперь отдохнет, принялся снимать нагар со свечей в другой комнате. Она открыла глаза:

— Хьюберт...

— Что, Грейс?

— Я ведь говорила тебе. Я предупреждала. Но ты не хотел меня слушать...

— О чем ты, Грейс?

— Я ведь говорила тебе, что ей нужен доктор. Но ты не вызвал его. Ты слишком горд для этого. Ты принес мою дочь в жертву собственной гордыне. Дитя мое... Ты убил ее.

— Грейс, но ведь здесь нет докторов. Ты прекрасно это знаешь.

— Если бы ты хоть наполовину был мужчиной, ты не искал бы оправданий!

— Грейс, прошу тебя. Дать тебе чего-нибудь? Милтаун, например? А может, сделать тебе укол?

— Нет, нет! — пронзительно воскликнула она. — Именно так ты и помешал мне в тот раз вызвать врача. Наперекор тебе. Больше тебе никогда не удастся обвести меня вокруг пальца с помощью лекарств. И больше не прикасайся ко мне никогда. Убийца!

— Хорошо, Грейс.

Он повернулся и вышел:

Барбара сидела у двери, обхватив голову руками.

— Барбара, нужно снова поднять флаг на самый верх. И сделаю это я, — сказал Хью.

— Так скоро, Хью?

— Да. Жизнь продолжается...

4

Жизнь продолжалась. Дьюк охотился, а также занимался с Джо сельским хозяйством. Хью работал больше обычного. Грейс стряпала, и качество ее блюд улучшалось день ото дня, равно как и ее аппетит. Она

растолстела. Она никогда больше не упоминала о виновности мужа (с ее точки зрения) в смерти их дочери. Она вообще не разговаривала с ним. Когда нужно было что-то обсудить, она обращалась к Дьюку. Грейс перестала посещать и церковные службы.

В последний месяц беременности Барбары Дьюк как-то остался один на один с отцом.

— Отец, ты, помню, предлагал тому, кто захочет уйти, выдать его равную долю имущества. Все припасы, инструменты и так далее.

— Все, что есть, — удивился Хью. — Предприятие надежно, как никогда. Дьюк, неужели ты хочешь оставить нас?

— Да... но не я один. Уйти хочет мать. Именно она настаивает на этом. У меня тоже есть причины, но основная причина в ней.

— Гм... Что ж, давай обсудим. Может быть, ты недоволен тем, как я руковожу? Тогда я с радостью уступлю свое место. Я абсолютно уверен, что Джо и Барбара справятся со всем не хуже меня. Таким образом все окажется заодно. — Он вздохнул. — Я устал нести эту ношу.

Дьюк покачал головой.

— Дело не в этом, папа. Я вовсе не хочу становиться боссом, да и ты прекрасно справляешься с нами. Не могу сказать, что мне понравилось, как ты в начале все взял в свои руки. Но самое главное — результаты, а результатов ты добился отличных. Давай закроем эту тему. Могу только сказать, что с тобой лично это никак не связано... и я бы не расстался с вами, если бы мать просто-таки не зациклилась на этом. Она непременно хочет уйти. И она намерена уйти во что бы то ни стало. А я не могу отпустить ее одну.

— А ты не знаешь, почему Грейс хочет покинуть нас?

Дьюк заколебался.

— Отец, по-моему, это не имеет значения. Она решила окончательно и бесповоротно. Я без конца твержу ей, что не смогу устроить ей такую же безопасную и удобную жизнь, как здесь. Но в этом вопросе она настоящий кремень.

Хью взвесил его слова.

— Дьюк, если твоя мать так считает, мои усилия бесполезны. Я уже давно утратил последние крохи влияния на нее. Но у меня есть две идеи. Может быть, какая-нибудь из них покажется тебе приемлимой?

— Вряд ли.

— Выслушай сначала. Ты знаешь, что у нас есть медные трубки. Часты из них иы использовали при оборудовании кухни. У нас есть все необходимое для того, чтобы изготовить самогонный аппарат. Я запасаю в свое время всеми нужными для него частями, чтобы, если начнется война, иметь возможность торговать спиртным, которое было бы чистым золотом в любом примитивном послевоенном обществе. Я не построил его по известным нам обоим причинам. Но я могу сделать это, и я знаю, как гнать самогон. — Он слегка улыбнулся. — Это не кабинетное знание. Во время службы на юге Тихого океана я заведовал перегонным кубом, конечно, под бдительным надзором своего непосредственного начальника. Тогда-то я и

узнал, как из зерна или картошки, или почти из чего угодно гнать спиртное. Дьюк, возможно, твоя мать была бы счастлива, если бы всегда имела выпивку под рукой...

— Но она спилась бы до смерти.

— Дьюк, Дьюк! Если бы это доставляло ей удовольствие, то кто мы такие, чтобы запрещать? Ради чего ей жить? Раньше она любила смотреть телевизор, бывать в гостях, она могла целый день провести в парикмахерской, затем пойти в кино, а оттуда в гости и выпить там немного с подругой. Вот в чем был смысл ее жизни, Дьюк. Теперь его больше нет, та жизнь ушла безвозвратно! И только то, о чем я говорил и что мы можем ей предложить, немного скрасили бы ее существование. И вправе ли мы указывать твоей матери — спиваться ей до смерти или нет?

— Отец, но дело и не в этом!

— Так в чем же?

— Ну, ты знаешь, что я не одобряю... не одобрял то, что мать слишком много пила. Но я бы, наверное, теперь мирился и с этим. Если ты построишь свой аппарат, мы, возможно, будем твоими покупателями. Но уйти мы все равно уйдем, потому что все это не решает проблем матери.

— Что ж, тогда остается моя вторая идея. Уйду я, а не она. Только вот... — Хью нахмурился. — Дьюк, скажи ей, что я сделаю так, как только Барбара родит. Не могу же я покинуть свою пациентку. Но ты можешь заверить Грейс...

— Отец, но и это не решает проблемы!

— Тогда я не понимаю...

— О Господи, ну да ладно... Дело-то как раз в Барбаре. Она... Короче говоря, мать ополчилась на нее. Совершенно не может ее терпеть с тех пор, как умерла Карен. Она сказала мне: «Дьюк, эта женщина не будет рожать в моем доме! Своего выродка! Я этого не потерплю. Передай своему отцу, что он должен выставить ее отсюда...» Вот ее собственные слова.

— Боже мой!

— Именно. Я пытался урезонить ее. Я без конца повторял ей, что Барбара не может уйти, что ты так же не можешь выставить Барбару, как не мог бы выставить Карен. Я сказал ей даже, что если все-таки у тебя хватит подлости сделать такое (допустим чисто теоретически), то я и Джо будем с оружием в руках защищать Барбару. Но конечно, ты на такое не способен.

— Спасибо и на этом.

— И это решило исход дела. Она верит мне, когда я высказываюсь начистоту. Она окончательно утвердилась в своем решении уйти. Я не могу удерживать ее. Я ухожу тоже, чтобы заботиться о ней.

Хью потер виски.

— Да... ситуация — хуже не бывает. Дьюк, ты должен понимать, что даже вместе с тобой ей некуда деться.

— Это не совсем так, отец.

— Что? — удивился Хью.

— Все можно устроить, если ты согласишься нам помочь. Помнишь ту пещеру в начале каньона Коллинза? Ну, ту, которую еще собиралась превратить наша аристократия в туристский аттракцион? Так вот, она все еще существует. Или ее двойник. Я охотился в той стороне еще в первую неделю нашего пребывания здесь. Каньон выглядел таким знакомым, что можно было без труда отыскать пещеру. И ты знаешь, отец, в ней вполне можно жить и обороняться.

— А вход? А дверь?

— Никаких проблем. Если ты отдашь ту стальную пластину, загораживающую туннель...

— Конечно, о чем речь!

— Пещера имеет небольшое отверстие, которое как раз подходит для дымохода. По пещере протекает ручей, не пересохший до сих пор, несмотря на жару. Одним словом, отец, пещера не менее комфортабельна, чем наше убежище, она нуждается только в небольшой отделке.

— Тогда сдаюсь. Можешь брать почти все, что захочешь. Постельные принадлежности, кухонную утварь. Вашу долю консервов. Спички, оружие, боеприпасы. Составь список, а потом я помогу тебе перенести все.

Дьюк покраснел под своим загаром.

— Отец, ты знаешь, кое-что уже там...

— Вот как? Ты считал, что я окажусь мелким скрягой?

— Э... Я не говорю о последнем периоде. Я перенес туда кое-что раньше, в первые дни. Понимаешь... ну, в общем, у нас с тобой произошла та стычка... а после этого ты назначил меня главным Хранителем. Я решил воспользоваться случаем и после этого неделю или две не выходил из дома ненагруженным, стараясь уйти, когда меня никто не видел.

— Попросту — воровал, — уточнил Фарнхэм.

— Я бы так не сказал. Я никогда не брал больше одной шестой чего бы то ни было... и только вещи первой необходимости. Спички. Патроны. То ружье, что ты никак не мог найти. Одно одеяло. Нож. Немного провизии. Несколько свечей. Дело в том, что... поставь себя в мое положение. Постоянно существовала возможность нашего разрыва. Возникни драка между нами — один из нас непременно был бы убит, ты сам так мне тогда говорил, что я вынужден буду бежать сломя голову и, уж конечно, не смогу ничего взять с собой. Поэтому мне пришлось заняться кое-какими приготовлениями. Но я не крал: ты же сам заявил, что я могу взять свою долю. Скажи только, и я тут же принесу все обратно.

Хью Фархэм взглянул на сына.

— Иногда для человека украсть — значит выжить, не так ли? Я хотел бы узнать только одну вещь, Дьюк: среди тех продуктов, которые ты унес, были банки со сгущенным молоком?

— Ни единой. Отец, неужели ты думаешь, что, если бы там было молоко, я не принес бы его назад тогда, побив все рекорды скорости?

— Да, я знаю. Зря я это спросил.

— Это я зря не утащил несколько банок, они были бы целы.

— Ребенок все равно не успел бы выпить даже то молоко, которое у нас оставалось, Дьюк. Хорошо, нужно все вопросы решить побыстрее, но не забывай, что в любое время ты можешь вернуться. Понимаешь, иногда женщины возраста твоей матери на некоторое время становятся упрямыми... а потом перебарывают в себе это и остаток жизни доживают милыми старушками. Может быть, когда-нибудь наша семья сможет воссоединиться. Надеюсь, время от времени мы будем видеть друг друга. Если захочешь овощей, приходи и бери сколько нужно.

— Я как раз хотел поговорить об этом, отец. Обрабатывать землю я там не смогу. Но зато, если я, например, по-прежнему буду охотиться и для нас, и для вас... нельзя ли мне в обмен на мясо брать овощи?

— Кажется, нам удалось возродить коммерцию, — улыбнулся Фарнхэм. — А мы сможем снабжать тебя глиняной посудой, тогда тебе не придется строить собственную печь для обжига. Дьюк, одним словом, подумай, что тебе будет нужно, и завтра втроем начнем переносить все в вашу пещеру. Особенно не стесняй себя. Вот только...

— Что?

— Книги — мои! Пожалуйста, приходи и смотри, что тебе нужно. В моей библиотека книги на дом не выдаются...

— Что ж, это справедливо.

— Я не шучу. Ты можешь одолжить у меня бритву, можешь взять мой лучший нож. Но попробуй упереть хоть одну только книгу, и я спущу с тебя шкуру и переплету в нее эту книгу. Ну и ладно, я пойду предупрежу Джо и уведу куда-нибудь Барбару. Постараемся не появляться до темноты. Желаю тебе удачи и передай Грейс, пусть не обижается. Передай обязательно. Рай создать можно только вдвоем, а ад очень просто устроить и в одиночку. Не могу сказать, что в последнее время я чувствовал себя счастливым. Возможно, и Грейс намного умнее, чем мы считаем.

— Кажется, таким образом ты просто вежливо посылаешь нас к черту...

— Не исключено.

— Ладно, что бы ты ни имел в виду, желаю того же самого и тебе. То, что я уйду из дому при первой же возможности, — тоже вовсе не случайность.

— Тоже! Ну, ладно, ладно! — Хью повернулся и направился прочь.

Джо ничего не сказал. Он только заметил, что ему лучше пройти и сделать еще несколько оросительных канавок. Барбара не проронила ни слова до тех пор, пока они не остались одни.

Хью взял с собой немного еды: несколько лепешек, вяленого мяса, два помидора и фляжку с водой. Еще он захватил ружье и одеяло. Они поднялись на холм и расположились немного выше могилы, в тени одинокого дерева. Хью обнаружил, что на могильном холмике лежат свежие цветы и подумал: «Неужели это Барбара поднималась сюда?» Подъем давался ей с большим трудом — чтобы добраться сюда, им понадобилось довольно много времени. Или это сделала Грейс? Но это казалось еще менее вероятным. Затем разгадка пришла в голову: Джо.

Когда Барбара улеглась на спину с согнутыми в коленях ногами, Хью многозначительно посмотрел на нее:

— Ну?

Она долго молчала, затем ответила:

— Хью, мне ужасно жаль, что так получилось. Ведь это я виновата, да?

— Ты виновата? Только потому, что не вполне нормальная женщина испытывает ненависть по отношению к тебе? Ты сама как-то учила меня, что не стоит упрекать себя за недостатки других людей. Неплохо, если бы и ты последовала своему совету.

— Я не о том, Хью. Я имею в виду твою разлуку с сыном. Грейс не смогла бы уйти без Дьюка. Он что-нибудь говорил? Обо мне...

— Ничего, только о той навязчивой идее, которая овладела Грейс. А что он должен был говорить?

— Не знаю, имею ли я право рассказать? Но в любом случае расскажу. Хью, после смерти Карен Дьюк просил меня выйти за него замуж. Я отказала ему. Он был обижен. И удивлен. Понимаешь... Ты знаешь насчет Карен и Джо?

— Да.

— Я не знала, поставила ли тебя в известность Карен, когда она решила выйти замуж за Джо, а я за Дьюка. Возможно, она рассказала об этом Дьюку. Во всяком случае, он надеялся на мое «да». А я ответила «нет». Он был оскорблен. Прости меня, Хью. Если хочешь, я скажу ему, что передумала.

— Не спеши! Хотя, на мой взгляд, ты и совершила ошибку, я не хочу, чтобы ты исправляла ее ради моего удовольствия. Что ты теперь намерена делать? Может быть, ты теперь собираешься выйти замуж за Джо?

— Джо? Нет, у меня и в мыслях не было стать женой Джо. Правда, я с наименьшей готовностью могу выйти замуж за него. Хью, я всегда готова делать то, что мне нравится. А мне нравится то, что нравится тебе. — Она перевернулась на бок и взглянула на него. — Да ты и сам знаешь это. Если ты хочешь, чтобы я вышла за Джо, я выйду за него. Если ты хочешь, чтобы я стала женой Дьюка, я стану. Ты только дай знать, а я сделаю все что угодно.

— Барбара, Барбара!

— Я не шучу, Хью. Я готова на все. Я полностью подчиняюсь тебе. Не в чем-то одном, а целиком и полностью. Да разве ты не замечал этого? Я играю строго по книге.

— Не говори чепухи.

— Что ж, это чепуха, но это — правдивая чепуха.

— Возможно. Но я хочу, чтобы ты вышла замуж за того, кто тебе нравится.

— Это единственное, что я не могу сделать. Ты уже женат.

— Ох!

— Ты удивлен? Я удивила тебя тем, что заговорила об этом после столь длительного молчания? Но так есть и так было всегда. И поскольку я не могу выйти замуж за тебя, я выйду замуж, за кого ты скажешь. Или никогда не выйду замуж.

— Барбара, а ты согласилась бы выйти за меня?

— Что ты сказал?..

— Ты согласилась бы стать моей женой?

— Да.

Он потянулся к ней и поцеловал ее. Она ответила на его поцелуй, прижавшись губами к его губам и полностью отдавшись во власть ему.

Наконец он оторвался от нее.

— Ты не хочешь немного поесть?

— Пока нет.

— Я подумал, хорошо бы отпраздновать. Такой случай требует шампанского. Но у нас только лепешки...

— Тогда я, пожалуй, откушу кусочек и глотну воды. Хью, мой любимый Хью, а как же быть с Грейс?

— А никак. Она разводится со мной. Фактически она развелась со мной еще месяц назад, в день... в тот день, когда мы похоронили Карен. И то, что она еще живет с нами, — вопрос чистой нехватки жилья. Для того, чтобы развестись здесь, нам судья не нужен, равно как и для того, чтобы нам с тобой пожениться, не требуется свидетельство о браке.

Барбара обхватила руками свой большой живот.

— Мое свидетельство здесь! — Голос ее был спокоен и счастлив.

— Ребенок мой?

Она взглянула на него:

— Ты знаешь поговорку: «Один глупец может задать столько вопросов, что и тысяча мудрецов не ответят...»

— О, идиот!

— Конечно же, он твой, любимый. Это такая вещь, которую ни одна женщина не может доказать, но знает точно.

Он снова поцеловал ее. Она погладила его по щеке.

— А вот теперь я, пожалуй, съела бы лепешку, даже несколько. Я голодна. Я чувствую, как жизнь переполняет меня. Мне ужасно хочется жить.

— Да! Завтра начнется наш медовый месяц.

— Сегодня. Он уже начался. Хью, я хочу занести это в журнал. Милый, можно, ночью я буду спать на крыше? Я прекрасно управлюсь с лестницей.

— Ты хочешь спать вместе со мной? Распутная девчонка!

— Я не это имела в виду. Сейчас я вовсе не распутна, все мои гормоны встают против этого. Чувственности нет, дорогой. Только любовь. В медовый месяц от меня не будет никакого толка. О, я счастлива, я буду спать вместе с тобой... Мы могли бы быть вместе и все эти месяцы, но я боюсь Грейс, боюсь не за себя, а за ребенка. Хотя это, может быть, и глупо...

— Не так уж и глупо. Скорее всего, ничего не произойдет, но некоторые меры предосторожности мы все-таки примем. Барбара, а что ты вообще думаешь о Грейс?

— Я должна отвечать?

— Если хочешь.

— Она мне не нравится. Это не имеет отношения к моему страху. Мне не нравится, как она ведет себя со мной. Мне не нравится, как она обращается с Джозефом. Мне не по душе было, как она относилась к Карен, я совершенно не перевариваю того, как она обращается с тобой, хотя я всегда была вынуждена делать вид, что не замечаю этого, — и я презираю ее за то, что она сделала с Дьюком.

— Мне она тоже перестала нравится... хотя и с недавних пор. Я рад, что она уходит от нас, Барбара. Я был бы рад этому, даже если бы тебя с нами не было.

— Хью, я так счастлива слышать это! Ты знаешь, что я разведена?

— Да.

— После того как наш брак распался, я поклялась самой себе, что никогда в жизни не послужу причиной чьего-либо развода. Поэтому я чувствовала себя виноватой с той самой первой ночи.

Он покачал головой:

— Забудь об этом. Наш брак с Грейс расстроился давным-давно. Все, что связывало нас, — это дети и обязанности. По крайней мере, меня, так как она обязанностей знать не хотела. А любви мне хотелось так же, как и тебе. Я просто сгорал от желания любить — и я получил тебя.

— Любимый, я больше никогда не дам тебе сгорать...

На следующее утро, около девяти часов, они собрались на улице. Все было готово к переезду.

Хью с иронической улыбкой окинул взглядом то, что отобрала для себя его бывшая жена. Грейс почти буквально восприняла его слова: возьмите, что хотите. Она дочиста обобрала убежище — лучшие одеяла, почти всю утварь, включая чайник, три поролоновых матраца из четырех, почти все консервы, весь сахар, львиную долю остальных продуктов, все пластиковые тарелки.

Хью возразил только в одном случае: соль. Когда он заметил, что Грейс захватила всю имеющуюся соль, он настоял на разделе. Дьюк согласился и спросил, есть ли еще возражения? Хью отрицательно покачал головой. Ведь Барбара не будет мелочиться. «С милым рай и в шалаше...»

Дьюк с видимым напряжением взял одну лопату, один топор, молоток, менее половины гвоздей и не взял ни одного инструмента, если он имелся в единственном экземпляре. Он только попросил, чтобы инструменты ему при необходимости одалживали. Хью согласился и, в свою очередь, предложил помощь в работах, где одному не справиться. Дьюк поблагодарил. Для обоих положение было тягостным, и они тщательно скрывали это за необыкновенной вежливостью. Задержала их стальная пластина для входа в пещеру. Вес ее был вполне приемлемым для такого достаточно сильного мужчины, как Дьюк, но нести ее было неудобно. Пластину нужно было упаковать так, чтобы при такой ноше была еще возможность стрелять.

Кончилось дело тем, что в ход пошла одна из целых медвежьих шкур с кровати, где умерла Карен. Хью жалел только о том, что упущено было вре-

мя. Все, что отобрала Грейс, унести можно было только в шесть ходок всех троих мужчин. Дьюк считал, что две ходки в день — это максимум. И если они чуть-чуть помедлят, то сегодня удастся сделать только одну ходку.

В конце концов они приспособили пластину на спину Дьюку так, чтобы густая шерсть защищала его от металла.

— Кажется, удобно, — решил Дьюк. — Берите свои мешки, и пойдем.

— Уже идем, — отозвался Хью и нагнулся за своей ношей.

— Боже мой!

— Что-нибудь случилось, Дьюк?

— Смотрите!

Над восточным склоном показались очертания какого-то предмета. Он скользил по воздуху курсом, пролегающим в стороне от их места, но, подлетев поближе, вдруг круто свернул и направился к ним.

Он пролетел прямо над их головами. Хью сначала даже не смог правильно оценить его размеры. Его просто не с чем было сравнить — темный предмет, похожий на костяшку домино. Но когда загадочный предмет оказался в футах пятистах над ним, ему показалось, что этот феномен имеет около ста футов в ширину и в три раза длиннее. Точно определить его очертаний он не мог. Двигался предмет быстро, но бесшумно.

Он пролетел дальше, развернулся, описал круг. Затем остановился, еще раз развернулся и прошел совсем над их головами.

Хью не заметил, как одной рукой обхватил Барбару. В момент появления летающего объекта она стояла на некотором удалении от него, замачивая белье в наружной ванной. Теперь же она оказалась обнятой его левой рукой, и он чувствовал, что она дрожит.

— Хью, что это?

— Люди...

Предмет теперь висел над их флагом. Можно было уже различить людей. По краям воздушной машины появились головы.

Вдруг один из углов отделился, резко пикируя вниз, и остановился над самой верхушкой флагштока. Хью увидел, что это машина длиной футов девять и шириной три, с одним пассажиром. Подробностей он разобрать не мог, равно как и понять, что приводит аппарат в движение. Нижняя часть туловища человека была скрыта бортами. Видны были только плечи и голова.

Человек сорвал флаг и вернулся к большому аппарату. Его машина была как будто втянута в него.

Прямоугольник распался.

Он разделился на машины, подобные той, которая завладела их флагом. Большинство их оставалось в воздухе; около дюжины приземлялись, причем три приземлялись вокруг колонистов.

— Внимание! — закричал Дьюк, потянувшись к ружью.

Но ему не удалось достать его. Он наклонился вперед под острым углом, растерянно хватая воздух руками, и был медленно возвращен в вертикальное положение.

Барбара испуганно выдохнула на ухо Хью:

— Хью, что это?

— Не знаю...

Ему не нужно было спрашивать, что она имеет в виду. В то самое мгновение, когда остановили его сына, он испытал ощущение, будто увяз по грудь в зыбучем песке.

— Не сопротивляйтесь, — сказал он.

— А я и не думала даже.

— Хьюберт! Хьюберт, сделай же что-нибудь... — раздался голос Грейс.

Тут ее крики прервались. Казалось, она потеряла сознание, но не упала.

Четыре машины висели в воздухе футах в восьми над ними бок о бок и медленно продвигались к огороду Барбары. Там, где они пролетали, вся растительность: ячмень, помидоры, горох, редис, картофель — одним словом, все, включая даже мелкие оросительные канавки, спрессовывалось в однородное ровное покрытие.

Из устья большой канавы вода стала течь на покрытие. Затем одна из машин, отделившись от остальных, проделала другую канаву, идущую вдоль границ свежеутрамбованной площадки. По ней вновь потекла вода, попадая теперь в ручей немного ниже по течению.

Барбара спрятала лицо на груди Хью. Он успокаивающе похлопал ее по спине.

Машина тем временем двинулась вдоль канавы к ее началу, и вода вскоре вообще перестала течь. После того как сад и огород были превращены в ровную площадку, на нее стали садиться другие машины. За считанные секунды на площадке вырос большой павильон, иссиня-черный и украшенный красными и желтыми узорами.

— Отец! Бога ради, попробуй дотянуться до оружия, — крикнул Дьюк.

У Хью на поясе был сорок пятый. Руки — пусть в малой степени, но подчинялись ему. И все же он ответил:

— Не стану и пытаться.

— Неужели ты собираешься вот так просто стоять и смотреть?..

— Да, Дьюк, подумай сам. Если мы стоим спокойно, то, возможно, поживем еще немного.

Из павильона появился человек. Он, казалось, был выше двух метров ростом, таким высоким делал его еще шлем с перьями, отполированный до блеска. На нем был развевающийся плащ красного цвета, расшитый золотом. Могучий торс его был обнажен под плащом, а ноги обуты в черные сапоги.

Остальные были одеты в черные плащи с красно-золотыми нашивками на правом плече. У Хью создалось впечатление, что этот человек (а в том, что он является предводителем этих людей, сомневаться не приходилось) некоторое время переодевался в свое официальное платье. Хью немного приободрился. Они были пленниками, но раз глава захвативших их людей удосужился переодеться, до того как допрашивать их, значит, они были важными пленниками, и, возможно, переговоры принесут какие-нибудь плоды. Хотя, может быть, он и ошибается.

Его уверенность подкреплялась еще и выражением лица человека. Оно было добродушно-высокомерным, а глаза были блестящими и веселыми. У него был высокий лоб и массивный череп, он выглядел умным и осторожным. Хью не мог определить, к какой расе он относится. Кожа его была коричневой и блестящей. Но рот только отдаленно напоминал негроидный, нос, хотя и широкий, имел горбинку, а черные волосы были волнисты. В руках он держал небольшой стержень.

Он приблизился к ним и, дойдя до Джо, остановился как вкопанный. Затем отдал стоящему рядом с ним человеку какой-то негромкий приказ.

Джо смог выпрямиться и разогнуть ноги.

— Благодарю вас.

Человек сказал что-то Джо.

— Прошу прощения, но я не понимаю, — ответил Джо.

Человек повторил еще раз. Джо беспомощно пожал плечами. Добродушно похлопав его по руке, предводитель нагнулся и поднял ружье Дьюка. Он неуклюже повертел его, рассматривая, и Хью забеспокоился, что оно может выстрелить.

Однако было похоже, что он кое-что понимал в ружьях. Он перевел затвор, дослал патрон в ствол, приложил ружье к плечу и выстрелил в направлении ручья.

Выстрел прозвучал оглушительно, а пуля пролетела совсем рядом с головой Хью. Человек широко улыбнулся, передал ружье своему сопровождающему и, подойдя к Хью и Барбаре, протянул руку, очевидно желая дотронуться до живота женщины.

Хью оттолкнул его руку.

Тогда почти незаметным движением и совершенно беззлобно человек отвел руку Хью своим стержнем. Это был даже не удар, с такой силой он не убил бы и мухи. Хью вскрикнул от боли. Его рука горела, как в огне, и была полностью парализована.

— Не нужно, Хью. Он не собирается причинить мне вред, — тихо сказала Барбара.

Это действительно было так. С абсолютно безразличным интересом, с каким ветеринар мог бы осматривать беременную кобылу, высокий человек ощупал живот Барбары, затем приподнял одну из ее грудей, Хью исходил бессильной злобой, не будучи в состоянии помочь своей возлюбленной.

Наконец человек закончил обследование, улыбнулся Барбаре и погладил ее по голове. Хью попытался забыть о боли в руке и сосредоточился мысленно на когда-то изучавшемся им языке.

— Вы говорите по-рюсски, гаспадин?

Человек взглянул на него, но ничего не ответил.

— Шпрехен зи дойч, майн херр? — спросила Барбара.

Тот только улыбнулся. Тогда Хью окликнул сына:

— Дьюк, пробуй испанский!

— О`кей. Хабла устед эспаньол, сеньор?

Никакого ответа.

— Кажется, мы исчерпали наш запас, — вздохнул Хью.

— Мсье, — вдруг произнес Джо, — эс е ву парле ля ланг франсез? Человек обернулся.

— Тьен?

— Парле ву франсе, мсье?

— Мэ ви! Ву франсе?

— Но, но! Же суи америкэн. Ну сом ту америкен.

— Импоcсиль!

— Се врэ, мсье. Же ву ен ассюр. — И Джо указал на опустевший флагшток. — Лез Этаз-Юни.

Далее за разговором следить стало трудно, так как обе стороны углубились в дебри ломаного французского. Наконец они остановились, и Джо обратился к Хью:

— Он пригласил меня... приказал мне... пойти с ним в палатку и говорить там. Я попросил его сначала освободить вас всех, но он ответил «нет». Вернее, даже «нет, черт возьми».

— Тогда попроси его освободить хотя бы женщин.

— Попробую.

Джо произнес какую-то длинную фразу.

— Он говорит, что беременная женщина — Барбара — может сесть на землю. А «жирная» — он имеет в виду Грейс — должна пойти с нами.

— Молодец, Джо. Попробуй договориться с ним.

— Постараюсь. Плохо только, что я его понимаю с трудом.

Все трое отправились в павильон. Барбара обнаружила, что может сесть и даже вытянуть ноги. Но Хью невидимые пути держали по-прежнему надежно.

— Отец, — забеспокоился Дьюк, — это наш шанс, пока рядом нет никого, кто знал бы английский.

— Дьюк, — стальным голосом ответил Хью. — Ты разве не понимаешь, что все козыри у них? Я думаю, что мы останемся в живых до тех пор, пока не надоедим ему, — и ни минутой дольше.

— Так ты, значит, даже не хочешь попытаться оказать сопротивление? А как же насчет той чепухи — о том, что ты свободный человек и всегда собираешься оставаться им?

— Значит, это на самом деле была чепуха, — согласился Фарнхэм с определением сына.

— Ну, что ж. Я, со своей стороны, ничего не обещаю.

— Хорошо, оставим этот разговор.

— Я не возражаю. Только скажи мне, отец, каково это — испытывать чью-то власть над собой, а не пользоваться властью над другими?

— Мне это не нравится.

— Мне тоже это не нравилось. И я никогда не забуду этого. Надеюсь, что ты доволен.

— Дьюк, ради Бога, перестань пороть всякую ерунду, — умоляюще сказала Барбара.

Дьюк взглянул на нее.

— Хорошо, я перестану. Ответь мне только на один вопрос: от кого у тебя этот ребенок?

Барбара промолчала. Хью тихо сказал:

— Дьюк, если нам удастся выкрутиться, обещаю, что разделаю тебя по орех.

— В любое время, старик.

Разговор прекратился. Барбара дотянулась до Хью и потрепала его по ноге. Около сваленных в кучу пожитков собрались пятеро и внимательно разглядывали их. К ним подошел шестой и отдал какой-то приказ. Они разошлись. Тогда последний сам осмотрел вещи, затем заглянул в убежище и исчез внутри.

Хью услышал шум воды и увидел, как по руслу ручья пронеслась коричневая волна. Барбара подняла голову.

— Что это?

— Нашей плотины больше нет. Но это не имеет значения.

Спустя довольно продолжительное время из павильона вышел Джо, совершенно один. Он подошел к Хью.

— То, что я узнал, — поразительно. По крайней мере, что я смог понять. Вот что я узнал: мы — бродяги, а это частное владение. Он предполагает, что мы беглые преступники. Он, правда, употребил не такое слово, не французское, но смысл именно таков. Я попытался убедить его — и, надеюсь, успешно, — что мы ни в чем не виноваты и попали сюда не по своей вине. Во всяком случае, он ничуть не сердится, даже несмотря на то, что формально мы — преступники. Нам вменяется в вину бродяжничество, разведение растений там, где сельское хозяйство запрещено, постройка плотины и дома на чужой земле и все такое прочее. Думаю, что для нас все кончится хорошо, если мы будем делать то, что нам велят. Он находит нас любопытными — и нас, и то, как мы попали сюда, и все остальное.

Джо взглянул на Барбару.

— Ты помнишь свою теорию насчет параллельных вселенных?

— Наверное, я была права. Да?

— Нет. Хотя я мог не все разобраться, но одно можно сказать с уверенностью. Барбара, Хью, Дьюк — слушайте! Это — наш мир, наш собственный мир!

— Джо, это просто нелепо, — заметил Дьюк.

— Сам спорь с ним. Он не знает, что я подразумеваю под Соединенными Штатами, но знает, где находится Франция. И так далее.

— Ну... — Дьюк запнулся. — Все, конечно, может быть. Ну и что с того? А где моя мать?.. Как ты мог оставить ее наедине с этим дикарем?

— С ней все в порядке, она обедает с ним. И кажется, очень довольна этим. Не беспокойся, Дьюк, все будет хорошо, мне так кажется. Как только они поедят, мы отправляемся...

Вскоре Хью помог Барбаре сесть в одну из странных летающих машин, а сам устроился в другой, позади пилота. Он обнаружил, что сиденье

весьма удобно. Вместо предохранительного ремня здесь имелось все то же поле, которое опять, подобно зыбучему песку, обхватило нижнюю часть тела, едва он уселся. Его пилот — молодой негр — удивительно похож на Джо. Он оглянулся, затем бесшумно поднял машину и присоединился к формирующемуся в воздухе большому прямоугольнику. Хью заметил, что во многих машинах пассажиры были белые, в то время как пилоты всех расцветок — начиная со светло-коричневого цвета явайцев и кончая иссиня-черной кожей уроженцев острова Фиджи.

Машина, в которой находился Хью, летела в заднем ряду. Он огляделся, ища взглядом родное лицо, и слегка удивился, увидев, что Грейс в машине босса, занимающей почетное положение в середине первого ряда. Джо сидел позади них.

Две машины не присоединились к остальным. Одна из них повисла над кучей добра, сложенного возле убежища, собрала все вещи в невидимую сеть и улетела. Вторая повисла над убежищем. Массивная постройка поднялась вверх — исключительно легко, так, что даже навес на крыше не пострадал. Небольшая машина с ее гигантской ношей заняла место футак в пятидесяти от основного формирования.

Огромный прямоугольник двинулся вперед, набирая скорость, но Хью не смог ощутить ветра, обычно дующего в лицо при полете. Машина, несущая под собой их убежище, казалось, без труда летит с той же скоростью, что и другие.

Последнее, что он различил внизу, — это гигантский шрам на том месте, где были посадки Барбары, и длинную черту в районе оросительной канавы.

Он потер большую руку, подумав про себя, что все случившееся с ними было просто цепью удивительных совпадений. Это даже немного оскорбляло его, как оскорбила бы нечестность со стороны заведомо честного человека.

Он вспомнил замечание Джо перед посадкой:

«Нам невероятно повезло, что мы встретили ученого. Французский язык — здесь язык мертвый...».

Несуществующий язык, как он выразился.

Хью повернул голову и встретился взглядом с Барбарой.

Она улыбнулась...

5

Мешток, главный управляющий дворца лорда Протектора Полуденного района, был озабочен и счастлив. Счастлив потому, что озабочен. Не зная до конца своего счастья, он часто жаловался на то, как трудно ему исполнять свои обязанности, так как, по его словам, хотя под его началом и состояло почти восемнадцать сотен слуг, среди них не было и трех, которым он мог бы доверить самостоятельно вылить сосуд с помями.

Он только что имел приятную беседу с шеф-поваром. Мешток утверждал, что даже из самого шефа, несмотря на то что он стар и жилист,

получилось бы жаркое лучше, чем то, которое он послал к столу их Милости накануне вечером. Одной из добровольно взятых на себя обязанностей было лично пробовать все, что предстояло отведать Повелителю, несмотря на риск оказаться отравленным и невзирая на то, что гастрономические вкусы их Милости разительно отличались от его собственных. Это было одним из тех бесчисленных способов, с помощью которых Мешток входил лично во все детали. Благодаря такому усердию, он в своем сравнительно небольшом возрасте возвысился до нынешнего поста.

Шеф-повар проворчал еще что-то, и Мешток отослал его, недвусмысленно намекнув на то, что поваров в наши дни найти не так уж трудно. Затем с удовольствием вернулся к прерванным бумажным делам.

Перед ним лежали груды бумаг. Он только что закончил переезд из дворца в Летний дворец, куда перебрались тридцать восемь Избранных и всего лишь четыреста шестьдесят три слуги: летняя резиденция обслуживалась только костяком персонала. Эти переезды, случающиеся дважды в год, требовали массы бумаг — заказы, наряды, списки, описи, платежные документы, грузовые накладные, перечни обязанностей, депеши. Он все больше склонялся к мысли попросить патрона найти какого-нибудь юнца посимпатичнее, вырезать ему язык и обучить обязанностям письмоводителя. Но затем отбрасывал эту идею: Мешток не доверял слугам, умеющим читать, писать и производить арифметические действия, — это всегда вело к тому, что ими овладевали всякие крамольные мысли, даже если они не могли говорить.

А правда заключалась в том, что Мештоку нравилось эта работа, и он не хотел делить ее с кем-либо. Его руки так и летали над ворохом бумаг, проверяя цифры, ставя подписи под резолюциями, одобряя платежи. Перо он держал довольно странно — между указательным и безымянным пальцами правой руки — больших пальцев на руках у него не было. Он прекрасно обходился и без них и теперь уже с трудом мог бы вспомнить, что это значит — иметь их. Да он в них и не нуждался. Он вполне мог держать ложку, перо и хлыст и без их помощи, а больше ему ничего держать в руках и не нужно было.

Он словно гордился их отсутствием: оно доказывало, что он служил своему повелителю в двух основных ипостасях — на конюшне, когда был помоложе, а затем, вот уже на протяжении многих лет, в качестве вышколенного слуги. Любой из слуг в возрасте старше четырнадцати лет (за небольшим исключением) был способен либо на то, либо на другое. И очень немногим было дано пройти путь, подобный пройденному Мештоком, — от конюха до управляющего — может быть, только несколькими сотням человек на всей Земле. Эти немногие говорили друг с другом как равные. Они считали себя элитой.

Кто-то поскребся в дверь.

— Войдите! — крикнул он, а увидев вошедшего, прорычал: — Чего нужно?

Рык был совершенно автоматическим, но ему действительно был очень не по душе этот слуга, и по очень серьезной причине: он не обязан был подчи-

няться Мештоку. Он был представителем другой касты — касты охотников, стражников, хранителей и загонщиков — и подчинялся Мажордому-хранителю. Мажордом считал себя равным Главному управляющему по рангу, и формально так оно и было. Однако большие пальцы на руках у него имелись.

Летний дворец не нравился Мештоку прежде всего потому, что здесь ему приходилось сталкиваться с той разновидностью слуг, которые имели непростительный недостаток — они не находились у него в подчинении. В принципе, стоило ему только хотя бы намекнуть их Милости, и любого из них постигла бы заслуженная кара, но просить он не любил. С другой стороны, тронь он кого-либо из них в надежде остаться безнаказанным, мерзавец непременно пожаловался бы своему начальнику. А Мешток считал, что разногласия между старшими слугами ведут к падению нравов среди подчиненных.

— Послание от Повелителя. Их Милость изволит пребывать на обратном пути во дворец. С их Милостью четыре захваченных дикаря и эскорт. Приказано немедленно подняться на крышу для встречи Повелителя и получения распоряжений насчет пленников. Все.

— Все? Черт побери, что значит — «все»? Какие еще пленники? И, во имя Дяди, когда они прибывают?

— Все! — стоял на своем посланец. — Депеша передана двадцать минут назад. Я искал вас повсюду.

— Вон!

Самым важным в сообщении было то, что их Милость возвращался домой, а не будет отсутствовать всю ночь. Шеф-повар, начальник протокола, Музыкальный Директор, Домоправитель, начальники всех департаментов... — он не успевал отдавать приказы. При этом он не переставал размышлять: четыре дикаря? Но кому какое дело до дикарей?

На крыше он оказался вполне своевременно. Нельзя было не быть там, раз прибывает сам лорд Протектор...

...Хью так и не сумел повидаться с Барбарой. Когда поле «предохранительного ремня» исчезло, перед ним предстал совершенно лысый белый человек со злым выражением лица, резкими движениями и хлыстом. На нем было белое одеяние, напоминавшее ночную рубашку, если бы не красно-золотая нашивка на правом плече, которую Хью предварительно определил как эмблему Повелителя. Та же эмблема повторялась в рубинах и золоте на медальоне, висящем на тяжелой золотой цепи на груди коротышки.

Человек оглядел его с головы до ног с видимым презрением и затем передал его под начало другому белому в ночной рубашке. У этого уже не было медальона, но хлыст зато был. Хью потерял руку и решил, что не стоит проверять, так же ли эффектен этот простой хлыст, как и тот, который был у их Повелителя.

Проверил это Дьюк. Сердитый коротышка дал указания их новому стражу и ушел. Тот отдал какой-то приказ, который Хью, оценив интонацию

и жест, понял как: «Ладно, вы, пошли», — и двинулся вперед. Дьюк заупрямился. Тогда их провожатый слегка коснулся хлыстом его лодыжки. Дьюк закричал. Остаток пути он проделал хромя: сначала вниз — по спуску, затем очень быстрый лифт. В конце концов они попали в освещенную, с выкрашенными в белый цвет стенами комнату без окон, слегка напоминавшую больницу.

На сей раз Дьюк сразу понял приказ раздеться, и стимуляции с помощью хлыста не потребовалось. Он выругался, но повиновался. Хью отнесся к приказу совершенно спокойно. Кажется, он начал понимать систему. Хлысты применялись здесь так же, как опытный всадник применяет шпоры, — заставляя беспрекословно повиноваться, но не причиняя вреда.

Из первой комнаты их перегнали во вторую, поменьше, где в них со всех сторон вдруг ударили струи воды. Оператор находился на галерее. Он криком привлек их внимание, а затем показал, что они должны скрестись. Они начали соскабливать с себя грязь. Водяные струи исчезли, и их обдало жидким мылом. Они еще раз помылись, их сполоснули, после чего им пришлось помыться еще раз. Мытье сопровождалось жестами, недвусмысленно свидетельствовавшими о том, каким тщательным должно быть мытье. Струи воды стали очень горячими, затем холодными и, наконец, сменились потоками горячего воздуха.

Хью все это напоминало автоматическую посудомойку, но все же, помывшись, они стали намного чище, чем когда-либо за все время своего пребывания в этом мире. Помощник банщика наклеил им на брови полоски липкого пластыря, втер им в голову какую-то эмульсию, затем ее же в их бороды, уже довольно заметные, так как в этот день они не брились, в спины и грудь, ноги и руки и в конце концов в их лобки. Прежде чем Дьюк подчинился последней процедуре, он сподобился заработать следующее угощение хлыстом. Зато после того, когда им пришлось вытерпеть еще и клизмы, Дьюк стиснул зубы, но подчинился. Ватерклозет находился здесь в виде небольшого отверстия в полу, где крутился водоворот. Затем им очень коротко остригли ногти на пальцах рук и ног.

После этого их снова вымыли. Вода смыла наклейки на бровях, а заодно и все их волосы. Когда они вышли из бани, они были абсолютно лысыми, остались только брови.

Банщик заставил их прополоскать рот, опять же показав им, что от них требуется. Они прополоскали рот трижды — жидкость была приятна на вкус, хотя и немного едковата. Закончив эту процедуру, Хью обнаружил, что его зубы теперь кажутся более чистыми, чем когда-либо раньше. Он почувствовал себя абсолютно очищенным, оживленным и просто-таки сочащимся благополучием, но вместе с тем он не мог отделаться от неприятного осадка, как будто над ним издевались.

Их провели в другую комнату и там обследовали. Человек, занимавшийся ими, носил обычную белую рубашку и небольшую эмблему на тонкой золотой цепочке. Не нужно было иметь диплома, чтобы догадаться

о его профессии. С больным он обращался так, что вряд ли когда-нибудь разбогател бы практикуя, решил Хью. В нем было что-то от военного врача, он вел себя не то чтобы недоброжелательно, но довольно безразлично.

Он очень заинтересовался съемным мостом, обнаруженным во рту Хью. Он внимательно осмотрел его, затем обследовал дыру, которую тот прикрывал, передал мост одному из своих помощников и отдал какое-то распоряжение. Помощник ушел, а Хью подумал о том, что жевать ему не так уж удобно, как раньше.

Врач потратил на них по часу или даже больше, пользуясь инструментами, неизвестными Хью. Единственными жестами и тестами, знакомыми ему, были измерения роста, веса и давления. С ними обоими что-то делали, но ни одна манипуляция не причинила боли — никаких скальпелей или подкожных инъекций. За это время мост принесли обратно, и Хью получил разрешение вставить его на место.

Но обследования и процедуры часто казались им унижительными, хотя и не болезненными. После одной из них, когда Хью уложили на стол, с которого только что отпустили сына, Дьюк спросил:

— Ну и как тебе все это, отец?

— Отдыхаю...

Дьюк фыркнул.

То, что оба человека имели шрамы после операции аппендицита, показалось врачу не менее интересным, чем съемный мост. Жестами он изобразил боль в животе, а затем большим пальцем указал на местоположение аппендикса. Хью с трудом удалось выразить согласие, так как утвердительное кивание головой, по-видимому, носило здесь смысл отрицания.

Ассистент вошел снова и вручил врачу какой-то предмет, похожий на еще один мост. Хью было велено открыть рот: старый мост был извлечен и прилажен новый. Хью потрогал его языком, и ощущение было такое, будто он ощупывает зубы. Врач исследовал им все зубы, очистил их и запломбировал — совершенно безболезненно, но и без анестезии, насколько понял Хью.

Хью опять был внезапно «связан» (то же невидимое поле), укреплен на столе в положении «лежа на спине», а ноги его были подняты и разведены в стороны. После чего подкатили столик с инструментами, и Хью догадался, что его собираются оперировать, а затем с ужасом понял и то, какого рода операция его ожидает.

— Дьюк! Дьюк! Не давайся им! Попробуй выхватить у него хлыст!

Но Дьюк колебался слишком долго. Врач не держал хлыста в руке, но зато всегда имел его рядом. Дьюк рванулся к нему, но врач оказался проворнее. Через несколько мгновений Дьюк уже был уложен на спину с разведенными ногами, еще не успев оправиться от настигшей его пронизывающей боли. Но они оба продолжали протестовать, насколько это было в их ситуации возможно.

Врач задумчиво посмотрел на них. Был вызван конвоир, сопровождавший их сюда. В конце концов пришлось пригласить злущего коротышку

с большим медальоном, который пришел, оценил обстановку и вихрем умчался.

После этого какое-то время ждали. Между тем главный врач заставил своих ассистентов закончить приготовления к операции, и теперь уже не оставалось ни малейших сомнений в ее характере. Дьюк заметил, что лучше бы им сегодня утром оказать сопротивление и погибнуть мужчинами, чем вот так покорно ожидать своей поросейшей участи. Да они бы дрались, как подобает мужчинам, напомнил он отцу, если бы он не струсил.

Хью не стал спорить. Он согласился. Он все пытался убедить себя в том, что его нерешительность была вызвана заботой о женщинах. Но это мало утешило его. Что правда, то правда, свои... он в последние годы использовал довольно редко... а теперь они, может быть, вообще ему больше никогда не понадобятся. Но, черт побери, он привык к своим яйцам, и все тут! А для Дьюка, в его молодые годы, обходиться без них будет еще труднее.

Спустя какое-то время коротышка ворвался к ним, разъяренный, как никогда. Он выкрикнул какой-то приказ. Хью и Дьюк тут же были освобождены.

На этом все и закончилось, если не считать того, что они полностью были натерты ароматным кремом. Им выдали по ночной рубашке, провели по длинным пустынным коридорам. Хью был посажен в камеру. Дверь не запирали, но открыть ее было невозможно.

В одном из углов стоял поднос с едой и ложкой. Пища была превосходной, но кое-какие блюда он даже не смог определить. Хью ел с аппетитом, выскреб дочиستا все тарелки и запил обед легким пивом. После чего улегся спать на мягкой подстилке на полу, отрешившись от всех забот...

Разбудили его шаги.

Он был отведен в другое помещение, тоже более чем просто отдаленное. Это оказалась учебная комната. Здесь его поджидали два невысоких белых в ночных рубашках. Они обладали всем необходимым для организации учебного процесса: разновидностью классной доски (с нее можно было стирать написанное быстро и бесследно каким-то удивительным способом), терпением и хлыстом, поскольку занятия проводились «под неумолчный напев ореховых розг», как сказал поэт. Ни одна ошибка не оставалась незамеченной. Оба они умели рисовать и прекрасно жестикулировали, объясняя что-либо Хью. Его учили говорить.

Хью заметил, что память улучшается под воздействием боли — желания повторять ошибку дважды у Хью не возникало. Первое время его наказывали только за то, что он забывал слова, но со временем можно было ожидать всплески боли и за неточности в склонении, синтаксисе, идиоматике и произношении.

Такое обучение по Павлову — если его мысленные подсчеты были верны — продолжалось семнадцать дней. Ничем, помимо учебы, он не занимался и не видел ни одной живой души, кроме своих учителей. Они обучали его по очереди, на занятия уходило по шестнадцать часов в день. Выспаться при этом ему не дали ни разу. На уроках он не дремал — не осмеливался. Раз в

день его мыли и выдавали чистую ночную рубашку. Дважды в день кормили, пища была обильной и вкусной. Трижды в день его под конвоем водили в туалет. Все остальное время он учился говорить, каждую минуту опасаясь того, что за ничтожный промах его опалит жгучая боль. Но он научился предотвращать наказание. Вопрос, заданный достаточно быстро, иногда изрядно выручал его. «Учитель, ничтожный слуга понимает, что есть протокольные разновидности речи для каждого статуса, от высшего к низшему, и наоборот. Но ничтожный в своем глубоком невежестве никак не может догадаться, что из себя представляет каждый статус — не осмеливаясь даже и предположить, какими путями шел Великий Дядя, создавая оные — и не зная даже иной раз, какой из стилей речи имеет честь употреблять почтенный учитель, обращаясь к ничтожному слуге своему во время занятий, и какой из них ему, ничтожному, следует осмелиться употребить в ответ. Более того, покорный слуга не имеет ни малейшего понятия о своем собственном статусе в Великой семье, если будет угодно милостивому Наставнику...»

В таких случаях хлыст откладывался в сторону и на протяжении часа ему читали лекцию. Эта проблема волновала Хью гораздо меньше, чем можно было понять из его вопроса. Самым низким статусом был статус жеребца. Нет, был еще более низкий: дети слуг. Но поскольку от детей всегда можно было ожидать ошибок, они в счет не шли. Более высокое положение занимала прислуга, затем шли оскопленные — категория слуг, различия внутри которой были настолько незначительны и многочисленны, что в их среде почти всегда употреблялась речь равных, если разница в положении не была очевидной.

Над слугами возвышалась каста Избранных, с неограниченными и иногда меняющимися вариациями рангов, куда входили и такие ритуальные обстоятельства, при которых женщина становилась более важной персоной, чем мужчина. Но это-то как раз сложности не представляло — всегда можно было пользоваться речью низшего. Однако...

— Если двое Избранных заговорят с тобой одновременно, которому из них ты ответишь?

— Младшему, — быстро среагировал Хью.

— Почему?

— Поскольку Избранные не ошибаются, ничтожный слуга ослышался. Старший из Избранных в действительности не говорил, в противном случае младший никогда бы не осмелился прервать его.

— Правильно. А если ты, оскопленный садовник, встретишь в саду Избранного, ранг которого соответствует рангу твоего Повелителя-Дядюшки, он говорит тебе: «Малыш, что это за цветок?»

— Их Милость, несомненно, знает все сущее несравненно лучше, чем ничтожный, но если глаза последнего не лгут ему, то этот цветок, возможно, лилия.

— Неплохо. Но при этом следует опустить глаза долу. Теперь о твоём статусе... — В голосе наставника звучала неподдельная боль. — У тебя вообще нет статуса.

— Прошу прощения, учитель?

— О, Дядя! Как только ни пытался я выяснить это. Но никто ничего не смог мне сказать вразумительного. Наверное, знает только наш лорд Дядюшка, но их Милость мне повидать не удалось. Во всяком случае, ты не ребенок, не жеребец, не скопец — ты не принадлежишь ни к одной прослойке. Ты просто дикий и ни в какие ворота не лезешь.

— Но какой же стиль мне употреблять в речи? — поинтересовался Хью.

— Всегда только речь нижестоящего. О, конечно, это не относится к детям. И к жеребцам тоже, они этого не заслуживают.

Не считая изменения по склонениям, согласно статусу, Хью находил, что этот язык очень прост и логичен. В нем не было неправильных глаголов и порядок слов в предложении был неизменен. Возможно, когда-то его намеренно привели в порядок. По словам, таким, как: «симба», «баана», «вазир», «этаж», «трек», «онкл», Хью предполагал, что корни его лежат в нескольких африканских языках. Но это не имело значения — это была «Речь», и, по мнению его учителей, она была единственным языком, который использовался во всем мире.

Ко всему прочему часть слов в языке была двойной, одно из слов использовалось Вышестоящими в разговоре с нижестоящими, синоним его, с совершенно другим корнем, использовался нижестоящими в разговоре с Вышестоящими. Нужно было знать оба слова — одно, чтобы использовать его в разговоре, другое, чтобы распознать его в речи Вышестоящего.

Произношение сначала давалось ему с трудом, но уже к концу первой недели он довольно неплохо чмокал губами, щелкал языком, мог выдержатл посреди слова необходимую паузу, различать на слух и произносить настолько малоразличимые звуки, что раньше он и не подозревал об их существовании. На шестнадцатый день он уже свободно болтал и даже начинал думать на новом языке, так что хлыст обжигал его довольно редко.

На следующий день к вечеру лорд Протектор послал за ним...

6

Несмотря на то что в этот день его уже купали, Хью пришлось помыться еще раз. Затем его смазали ароматным кремом и выдали свежее одеяние и только потом проводили в покои лорда. Здесь ему, следующему по пятам за Мештоком, пришлось преодолеть несколько приемных с секретарями, после чего они оказались в огромной, роскошно отделанной приемной.

Самого лорда еще не было. Зато он увидел Джозефа и Дока Ливингстона.

— Хью! Как здорово! — воскликнул Джо и бросил Главному управляющему: — А ты свободен.

Мешток поколебался и, попятившись, вышел. Джо, не обращая на него внимания, взял Хью под руку, подвел его к дивану и усадил.

— Как я рад тебя видеть! Садись сюда и поболтаем, пока нет Понса. Ты прерасно выглядишь.

Док Ливингстон потерял о лодыжки Хью, замурлыкал и улегся рядом с ним.

— Со мной все в порядке. А кто такой этот Понс? — Хью почесал кота за ухом.

— Ты разве не знаешь, как его зовут? Я имею в виду лорда Протектора. Хотя, конечно, я мог бы сам догадаться. Так вот, это одно из его имен, которое используется только в узком семейном кругу. Но это все ерунда. Лучше расскажи, как с тобой обращались?

— В принципе, неплохо.

— Еще бы! Понс распорядился, чтобы тебе ни в чем не отказывали. Если что-нибудь будет не так, ты мне только скажи. Я все улажу.

Хью поколебался.

— Джо, тебе приходилось хоть раз испытывать на своей шкуре действие хлыста?

— Мне? — удивился Джо. — Конечно, нет. Хью, неужели они наказывали тебя? Ну-ка, скинь этот дурацкий балахон и дай мне взглянуть на тебя.

Хью покачал головой.

— На мне нет никаких следов. Но мне это не нравится.

— Но ведь если тебя секли без причины... Хью, понимаешь, Понс как раз этого совершенно не выносит. Он очень гуманный человек. Все, что ему нужно, это — дисциплина. Если же кто-нибудь — любой человек, даже Мешток, — был неоправданно жесток по отношению к тебе, то он получит свое.

Хью задумался. Учителя вызывали у него симпатию. Они обучали его языку и посвящали в таинство употребления речевых стилей.

— Нет, Джо. Мне вреда не причиняли. Просто на ум пришло.

— Рад слышать это. Да и вообще, наверное, особенно жаловаться было бы и не на что. Я еще понимаю — тот жезл, который носит Понс, им можно убить человека на расстоянии футов сто. Чтобы научиться пользоваться им слабо, нужно долго тренироваться. А те игрушки, что у слуг, это просто погонялки, ни на что больше не годные.

Хью решил больше не оспаривать мнения Джо о погонялках, ему нужно было узнать кое-что более важное.

— Джо, а как остальные? Ты видел их?

— О, с ними все в порядке. Кстати, ты слышал насчет Барбары?

— Ни черта я не слышал! Что с Барбарой?

— Не волнуйся, не волнуйся. Я хотел сказать, слышал про ее детей?

— Ее ребенка?

— Детей. У нее близнецы, совершенно одинаковые. Родила неделю тому назад.

— Ну и как она? Как она себя чувствует? Отвечай!

— Легче, легче! Лучше и быть не может. Само собой. Ведь они тут в медицине намного опередили нас, и у них и слухом не слыхивали, чтобы при родах умерла мать или дитя... — Джо внезапно помрачнел. — Просто страшно досадно, что они не наткнулись на нас чуть раньше. — Затем

он просветлел: — Барбара говорила мне, что если у нее будет девочка, то она назовет ее Карен. А когда оказалось, что у нее мальчики-близнецы, она того, что постарше на пять минут, назвала Хью, а младшего — Карл Джозеф. Здорово, правда?

— Я польщен. Так, значит, ты видел ее, Джо? Я тоже должен пови-
даться с ней. И немедленно. Как бы устроить, а?

Джо был удивлен.

— Но это невозможно, Хью. Да ты и сам должен понимать.

— А почему это невозможно?

— Но ты же не оскроплен, вот почему. Просто невозможно, и все.

— О, Господи...

— Очень жаль, но таково положение вещей. — Вдруг он внезапно переключился. — Тут дошли слухи, что ты чуть было не получил такую возможность. Понс чуть не умер со смеху, узнав о том, как вы с Дьюком кричали, распознав, что вас ждет.

— Не вижу в этом ничего смешного.

— Понимаешь, Хью, просто у него очень большое чувство юмора. Он смеялся, рассказывая мне об этом. А я не смеялся, и тогда он решил, что у меня совсем нет чувства юмора. Разные люди смеются по разным поводам. Карен обычно любила поговорить с псевдонегритянским акцентом, а у меня от этого сводило челюсти. Но она же не желала никому причинить зла. Карен... хотя, что толку вспоминать об этом, верно? А ты знаешь, если бы тот ветеринар зашел бы с вами далеко, Понс сказал, что это стоило бы ему обеих рук. Он так и передал ему. Ну, конечно, он, может быть, позже и смягчился бы — хороших хирургов не хватает, но, в принципе, намерения врача относительно вас были вполне оправданны, Хью. И ты и Дьюк слишком велики и стары для жеребцов. Однако Понс не выносит небрежности в работе.

— Ладно, ладно. И все-таки, что плохого в том, что я повидаюсь с Барбарой и взгляну на детишек. Ты же, например, виделся с ней? А ведь ты тоже не оскроплен.

Джо начал слегка раздражаться.

— Хью, но ведь это разные вещи. Неужели ты не понимаешь?

— Почему же это разные?

Джо вздохнул:

— Хью, не я устанавливаю правила. Но, согласно им, я — Избранный, а ты — нет, и все тут. Я же не виноват, что ты белый.

— Хорошо, хорошо. Забудем об этом.

— Нужно радоваться, что хоть один из нас, в данном случае — я, находится в положении, когда может помочь остальным. Надеюсь, ты согласишься с тем, что все вы были бы просто уничтожены, если бы с вами не было меня?

— Да, мне это уже приходило в голову. Хорошо, что ты говорил по-французски. И он тоже...

Джо покачал головой.

— Французский тут ни при чем. Он просто сэкономил мне время. Дело именно в том, что там был я... и только поэтому все были освобождены от всякой ответственности. Единственное, что требовалось установить, — это степень моей вины. Надо мной нависла опасность. — Джо нахмурился. — Я до сих пор еще не совсем оправдан. Несмотря на то что Понс уже окончательно убежден в моей невиновности, дело обязательно должен рассмотреть Верховный лорд Владелец — это его прерогатива, ведь Понс — просто Хранитель. Меня еще могут казнить...

— Джо, но за какие же такие грехи тебя могут покарать?

— О, их множество! Суди сам. Если бы вы вчетвером — белые — были без меня, то Понс приказал бы пытать вас только за это. Два основных преступления самоочевидны. Беглые. Слуги, которые сбежали от своего повелителя, наносящие ущерб бродяжничеством в личном имении лорда Владетеля. Дело совершенно ясное, и в обоих случаях приговор один — смертная казнь. И не убеждай меня, что все было не так, я сам прекрасно знаю, но ты не представляешь себе, какого труда мне стоило объяснить это Понсу, да еще на языке, который мы с ним практически не знаем. Так вот... — Джо просветлел. — Понс сказал мне, что лорд Владелец затратит еще многие годы на то, чтобы рассмотреть все те дела, по которым должен вынести обвинительное заключение, и что уже давно не только не посещал своих владений здесь, но даже и не приближался к ним... и что к тому времени, когда очередь дойдет до меня, следов нашего пребывания там почти не останется. Деревья уже сейчас сажают, а учета медведей, оленей и прочей живности никто не вел. Так что он советовал мне не беспокоиться.

— Что ж, это хорошо, — одобрил Хью.

— Представляешь, стоит хотя бы тени моей упасть пред светлые очи лорда Владетеля, и мне конец, не говоря уже о том, чтобы чихнуть в его присутствии... поэтому, сам понимаешь, что незнакомое вторжение на его личные земли — это тяжелейшее преступление. Но раз Понс говорит: «Не беспокойся!», я не беспокоюсь. Он относится ко мне как к гостю, а не как к пленнику. Ну ладно, теперь расскажи о себе. Я слышал, что ты учился языку. Я ведь тоже. Как только выдавалось свободное время, тут же являлся преподаватель.

— С благосоизволения их Милости, ничтожный слуга, как, вероятно, прекрасно известно их Превосходительству, не осмеливался посвящать свое время ничему иному, — сказал Хью.

— Ого! Ты говоришь на нем лучше, чем я.

— Мне в этом немало помогли, — ответил Хью, снова переходя на английский. — Джо, ты не виделся с Дьюком? Или с Грейс?

— С Дьюком нет. Я и не пытался. Понс почти все время был в разъездах и постоянно брал меня с собой. Так что я был ужасно занят. А Грейс я видел. Возможно, и ты ее увидишь. Она часто бывает в этих покоях. Да это и единственная для тебя возможность встретиться с ней. Только здесь. И только в присутствии Понса. Он не любитель придерживаться протокола. В узком кругу, я имею в виду. На людях он старается не отступать от правил.

— Хм... Джо, в таком случае не мог бы ты попросить его устроить мне свидание с Барбарой и близнецами? Здесь. В его присутствии.

Джо стал раздражаться.

— Хью, но как ты не понимаешь, что я всего-навсего гость? Я здесь на птичьих правах. У меня нет ни одного собственного слуги, нет денег, нет титула. Я сказал, что ты, возможно, увидишься с Грейс. Я ведь не говорил, что ты обязательно ее увидишь. Если это произойдет, то только потому, что он пошлет за тобой и не сочтет нужным удалять ее из покоев — но ни в коем случае не ради меня. А твоя просьба насчет Барбары просто невыполнима. И все тут! Тебе не советую что-либо предпринимать. Иначе, вероятно, не обойтись без его жезла, а это не игрушечная погонялка...

— Но я только хотел...

— Тихо! Он идет, — предупредил Джо.

Джо пошел навстречу хозяину. Хью стоял, потупив глаза, с опущенной в поклоне головой, и ждал, когда на него обратят внимание. Понс вошел широкими шагами, одетый почти так же, как и при первой их встрече, правда, шлем на этот раз заменила небольшая красная шапочка. Он поприветствовал Джо, тяжело уселся на диван и вытянул ноги. Док Ливингстон тут же вскочил ему на колени. Понс погладил его. Неизвестно откуда появились две служанки, сняли с него обувь, обтерли ему ноги горячим мокрым полотенцем, затем вытерли их насухо, помассировали, обули шлепанцы и исчезли.

Пока все это делалось, лорд Протектор беседовал с Джо о чем-то, чего Хью полностью не понимал, а мог выхватить из разговора лишь отдельные слова. Но не ускользнуло от него то обстоятельство, что вельможа в разговоре с Джо использует формы равенства и Джо отвечает ему тем же. Поэтому Хью решил, что положение Джо упрочилось, как, впрочем, и положение Дока Лингвистона. Что ж, Джо и в самом деле довольно симпатичный парнишка.

Наконец Владыка обратил внимание и на него.

— Садись, малыш.

Хью уселся прямо на пол.

— Ну что, выучил язык? Нам сказали, что ты владеешь им, — спросил Лорд.

— С позволения их Милости, ничтожный раб посвящал все свое время этой благородной цели, и хотя результат и довольно плачевен, как их Милость имеет, видимо, честь прекрасно знать, несравненно больше, чем их покорнейший и презренный слуга...

— Что ж, неплохо. Произношение бывает и хуже. Но ты пропустил инфикс. Как тебе нравится погода? — Лорд продолжал задавать вопросы.

— С позволения их Милости, погода стоит именно такая, какой установил ее Дядя Всемогуший. И ежели любезнейший племянник Всевышнего довольствуется ею, то что может осмелиться сказать по этому поводу его ничтожнейший слуга?

— Хорошо. Акцент есть, но понять можно легко. Поработай еще над произношением. Передай своим учителям, что так распорядились Мы.

А теперь оставь этот глупый стиль. У меня нет времени выслушивать все эти обороты. Отныне в разговоре со мной всегда используй только речь равных. Наедине, естественно...

— Хорошо, я... — Хью запнулся, так как вернулась одна из служанок и подала какое-то питье на подносе.

Понс взглянул на Хью, затем перевел взгляд на девушку.

— Это? Не смущайся, они глухонемые. Так что ты говорил?

— Я хотел сказать, что не успел составить представления о погоде, так как просто не имел возможности почувствовать ее ни разу, с тех пор как попал сюда.

— Само собой разумеется, я отдал приказ, чтобы тебя как можно быстрее выучили языку, а мои слуги обычно воспринимают приказы буквально. Никакого воображения. Ладно, с этого момента дадут возможность гулять каждый день по часу. Скажи об этом тому, кто занимается тобой. Просьбы есть? Как кормят? Как обращаются?

— Питание неплохое. Вообще я привык питаться три раза в день, но...

— Можешь питаться хоть четыре раза. Опять же — скажи об этом, кому следует. Ну, довольно. Перейдем теперь к другим вопросам. Хью... тебя ведь так зовут, да?

— Совершенно верно, их Милость.

— Ты что, не слышал, что я сказал? Я сказал: «Пользуйся речью равных». Мое частное имя — Понс. Так меня и называй. Хью, если бы я сам не нашел вас, если бы я не был ученым и если бы я собственными глазами не видел тех забавных вещей в строении, которое вы называете домом, я бы не поверил во все это. Но я — человек без предрассудков. Пути Дяди неисповедимы, но чудес он не творит... и я не боюсь заявить об этом в любом из его храмов на Земле, как бы неортодоксально это не звучало. Джо... так сколько времени прошло?

— Две тысячи сто три года.

— Ну, скажем, две тысячи. Что с тобой, Хью?

— О, ничего, ничего.

— Если тебя тошнит, то лучше выйти. Эти ковры мне очень нравятся. Так вот, я и говорю, что все это дало пищу для ума моим ученым — и неплохую пищу, должен сказать. За долгие годы они не выдумали ничего, кроме какой-нибудь усовершенствованной мышеловки. Ленивые отродья. И я приказал им явиться ко мне с разумным советом — никаких чудес. Мне надо было узнать, как пять человек или шесть и сооружение определенной массы могли преодолеть пропасть в двадцать веков, да еще так, что ни один волос не упал с их головы? Чистой воды преувеличение. Правда, Джо рассказал мне, что вы там сломали себе пару костей и еще кое-какие мелочи. Кстати, о костях. Джо предупреждал меня, что тебе не придется по душе такой разговор, да и ему тоже. Мне пришлось приказать моим ученым потревожить кое-какие кости. Был проведен анализ изотопов строения, вот так это называется, но ты вряд ли когда-нибудь слышал об этом. Верное доказательство того, что труп достиг зрелости, до того как

радиоактивность стала максимальной... Слушай, я ведь предупреждал тебя насчет этих ковров. Не смей!

Хью всхлипнул. «Карен! Карен! Моя милая доченька!»

— Ну как? Тебе лучше? Наверное, следовало сразу сказать, что при вскрытии захоронения присутствовал священник и были произведены все необходимые церемонии... С ней обошлись так же, как если бы она была одной из Избранных. Состоялась специальная служба по моему разрешению. А после завершения исследований буквально каждый атом вернулся на место, и могила была закрыта с соблюдением всех положенных обрядов.

— Это правда, Хью, — сурово сказал Джозеф. — Я был там. И я возложил на могилу свежие цветы. Цветы, которые всегда будут свежими, как мне сказали.

— Конечно, будут, — подтвердил Понс. — До тех пор, пока они не распадутся от обычной эрозии. Я не знаю, почему вы используете для этого цветы, но если необходимо еще что-то или нужно принести какие-нибудь жертвы во искупление того, что, на ваш взгляд, является святотатством, то только скажи. Я человек широких взглядов. Я прекрасно понимаю, что в иные времена и обычаи были иными.

— Нет... Нет, пусть будет так.

— Как хочешь. Все это пришлось сделать ради научной цели. И мне показалось, что это разумнее, чем отрезать, например, один из твоих пальцев. Другие тесты также заставили моих ученых примириться с очевидностью. Пицца, законсервированная методом настолько древним, что я сомневаюсь, знает ли кто-нибудь из современных специалистов по гастрономии, как их воспроизвести... А все же продукты оказались вполне съедобными. По крайней мере несколько слуг ели их, и никто не отравился. И еще этот удивительный перепад радиоактивности между внутренней и наружной поверхностями покрытия. Я обратил их внимание и на эту деталь. Основываясь на информации, полученной от Джо, я приказал им искать данные в подтверждение того, что это событие произошло в начале войны между Западом и Востоком, в ходе которой было уничтожено все Северное полушарие. И они нашли эти данные. Расчеты показали, что сооружение, вероятно, находилось в эпицентре атомного взрыва. И все же оно было целехонько. На почве этого возникла теория настолько дикая, что я не буду утомлять тебя, излагая ее. Я просто велел им продолжать исследования. Но самое главное — это целый ряд подлинных исторических сокровищ. Я ведь историк, Хью. История, если ею правильно пользоваться, может поведать обо всем на свете. И сокровищем, безусловно, являются книги, попавшие сюда вместе с вами. Теперь я могу сказать, что они — самое ценное мое достояние. В мире имеется всего лишь две копии Британской Энциклопедии, но они не того же издания и пребывают в таком плачевном состоянии, что, скорее, просто редкость, чем источник, с которым мог бы работать ученый. В Смутные времена о них, видимо, никто не заботился. — Понс откинулся назад и казался прямо-таки счастливым. — Но моя зато в превосходном состоянии! — И до-

бавил: — Я прекрасно понимаю значение и других книг. Буквально все они — сокровища. Особенно «Приключения Одиссея», которые известны только по названию. Наверное, иллюстрации также относятся к временам Одиссея?

— Боюсь, что нет. Художник в мое время был еще жив.

— Это плохо. Но тем не менее они интересны. Примитивное искусство гораздо более сильное, чем наше современное. Но я слегка преувеличил, сказав, что самое ценное мое приобретение — это книги.

— Почему?

— Потому, что самое ценное — это ты! Вот почему! Разве ты не рад этому?

Хью слегка помедлил, затем ответил:

— Рад, если правда. («Если правда то, что я твоя собственность, надменный ублюдок, то уж пусть я лучше буду ценной собственностью...»)

— О, конечно, конечно. Если бы ты говорил в модальности подчиненного, ты не смог бы выразить сомнение. Помни, Хью, я никогда не лгу. Ты и... ну, тот, другой, как его, Джо?

— Дьюк, — подсказал Джо.

— Вот-вот, Дьюк. Джо очень высокого мнения о твоём образовании и немного низкого о его. Сейчас я объясню. Есть и другие ученые, владеющие древним английским, но их мало, поскольку он не лежит в основе ни одного из современных языков. Тем не менее ученых я мог бы отыскать. Но мне никогда не найти такого специалиста, как ты. Потому что ты на самом деле жил в то время, ты сможешь делать переводы со знанием дела, без этих сводящих с ума четырех, а то и пяти разных толкований одного и того же отрывка, которые обесценивают большую часть переводов древних текстов из-за того, что ученые не знают, о чем же на самом деле писал древний автор. Я называю это нехваткой культурного контекста. И вне всякого сомнения, ты сможешь объяснить мне вещи, очевидные для тебя и непонятные мне. Ведь так? Теперь ты понимаешь, что мне нужно? Начинай с Британской Энциклопедии. Начинай прямо с сегодняшнего дня, садись за перевод. Просто как можно скорее нацарапай перевод, а в презентабельный вид его приведет уже кто-нибудь другой. Понимаешь? Ну и хорошо, тогда и начинай.

Хью с трудом сглотнул.

— Но, Понс, дело в том, что я не умею писать на Языке.

— Что-о?

— Меня учили только говорить, но никто не учил меня писать и читать.

Понс прикрыл глаза.

— Мешток!

Главный управляющий дворца появился так быстро, что его можно было заподозрить в подслушивании. А так оно и было — один из способов услужить, о котором, как считал Мешток, ничего не известно лорду Протектору... но на всякий случай он тяжело дышал. Конечно, здесь была какая-то доля риска, и это все же лучше, чем засылка сюда не совсем глухонемой прислуги.

— Мешток, я ведь велел тебе научить его говорить, читать и писать на Языке.

Хью слушал их разговор, потупив глаза, в то время как Главный управляющий пытался возражать, что подобного приказа ему никто не отдавал (это действительно было так), но тем не менее он был выполнен (очевидная ложь) и что он вовсе не пытается возражать лорду Протектору (вещь совершенно нетерпимая, невозможно даже и представить, чтобы кто-нибудь даже попытался).

— Чушь, — изрек в конце концов Понс. — Я и сам не пойму, почему я тебя все никак не отправлю в шахты? Ты бы прекрасно смотрелся в угольной шахте. Белизну твоей кожи великолепно бы оттеняла въевшаяся в нее здоровая угольная пыль. — Он слегка пошевелил своим жезлом, и Мешток побледнел еще больше. — Ладно, исправляй свой промах. Пусть полдня с ним занимаются чтением и письмом, а другую половину пусть он переводит и диктует в рекордер. Я мог бы и раньше подумать об этом — письмо занимает слишком много времени. Но все равно я хочу, чтобы он умел читать и писать. — Он повернулся к Хью. — Еще что-нибудь тебе нужно? Подумай!

Хью начал излагать длинную фразу с необозначенной направленностью речи, с помощью которой попросить было ничего нельзя, поскольку речь адресовалась от нижестоящего к Вышестоящему.

Понс оборвал его:

— Говори прямо, Хью. Мешток, зажми уши. В присутствии Мештока можешь обходиться без церемоний. Он член моей внутренней семьи, мой, так сказать, племянник по духу. Можешь открыть уши.

Мешток расслабился и постарался принять вид настолько доброжелательный, насколько это позволяло вечно кислое выражение его лица.

— Ну что ж, Понс, в таком случае мне нужно помещение для работы. Моя каморка размером примерно с этот диван.

— Говори все, что тебе нужно.

— Ну, мне нужна комната с естественным освещением, площадью приблизительно в одну треть этой. Столы для работы, книжные полки, принадлежности для письма, удобное кресло. Кстати, хотелось бы иметь и свободный доступ в туалет, без того, чтобы ждать, когда стража соизволит отвести меня туда. Иначе это будет мешать мне сосредоточиться.

— А разве ты лишен такой возможности?

— Да. И еще, я не считаю, что мои мыслительные процессы стимулируются под воздействием хлыста...

— Мешток, ты наказывал его хлыстом?

— Нет, Дядюшка, клянусь чем угодно.

— Ты способен покаяться и будучи застигнутым на месте преступления. Кто наказывал его?

Хью осмелился вмешаться в разговор:

— Я не жалуюсь, Понс. Но эти хлысты нервнируют меня. И еще, я не знаю, кто имеет право отдавать мне приказы. По-моему, кто угодно. Я так и не сумел выяснить свой статус.

— Мм... Мешток, какое положение он занимает в семье?

Главный слуга вынужден был признать, что ему так и не удалось решить эту проблему.

— Тогда давайте решим ее на месте. Назначим его Главой департамента. Мм... Департамент Древней Истории. Титул: Главный исследователь. Следовательно, он — глава одного из департаментов, по старшинству следует сразу после тебя. Известно об этом всех. Я делаю это для того, чтобы показать, насколько этот слуга ценен для меня. И любой, кто посмеет мешать ему работать, кончит печально. Скорее всего, этот департамент так и будет состоять всего из одного человека, но ты сделай все, что необходимо, чтобы он выглядел посolidнее, придай ему учителей, кого-нибудь, кто занимался бы его рекордером и готовил материалы для меня. Корректура или двух, которые просматривали бы тексты... Я не хочу, чтобы он тратил свое драгоценное время на всякие мелочи. Посыльного. В общем, сам понимаешь. По этому дому болтаются десятки бездельников, даром едящие свой хлеб, но некоторые вполне могут украсить департамент Древней Истории. А теперь приготовь небольшой хлыст и малый значок. Пошевеливайся.

Через считанные минуты на Хью уже висел медальон, ненамного меньше того, что украшал грудь Мештока. Понс взял хлыст и что-то вынул из него.

— Хью, я не даю тебе заряженного хлыста, потому что ты все равно не умеешь обращаться с ним. Если один из твоих оболтусов будет нуждаться во взбучке, Мешток всегда будет рад помочь тебе. Может быть, позже, когда ты научишься пользоваться им, мы посмотрим. Ну а теперь... ты удовлетворен?

Хью решил, что сейчас не время просить свидания с Барбарой. По крайней мере, не в присутствии Мештока. Но он начинал надеяться.

Его и Мештока отпустили одновременно. И Мешток не стал возражать, когда Хью вышел первым...

7

Мешток хранил молчание все время, пока они шли через вотчину слуг. Он на ходу прикидывал, как более выгодно использовать неожиданный поворот событий.

Положение этого дикаря беспокоило Главного управляющего с самого момента его прибытия сюда. Он никак не вписывался в обстановку, а в мире Мештока все должно было укладываться в определенные рамки. Что ж, теперь дикарь получил утвержденный статус. Их Милость сказал, и этого было достаточно. Но ситуация ничуть не улучшилась. Новый статус был таким нелепым, что превращал всю подлестничную структуру дворца в простую насмешку, а ведь именно подлестничный мир составлял суть жизни Мештока.

Но Главного управляющего отличала проницательность и практичность. Краеугольным камнем его философии стало изречение: лбом каменную стену не пробьешь. А в основу его излюбленной стратегии легло весьма прагматическое правило: если не можешь одолеть врага, стань его другом...

Дядя! Да ведь этот дикарь еще даже не оскоплен. И скорее всего, не будет. По крайней мере, сейчас. Возможно, позже — тогда все более или менее встанет на свои места. Мешток был искренне удивлен, когда их Милость велел отложить неизбежное. Он-то свое оскопление почти и не помнил. Его чувства и мотивы поступков того времени были абсолютно призрачными, смутными воспоминаниями — как будто речь шла о чужом человеке. Дикарю не имело смысла поднимать вокруг столько шума; оскопление придавало назначению подлинный вес. Мешток предвкушал еще лет пятьдесят десятилетия, власти, приятной жизни — кто из жеребцов может мечтать о таком?

Но этот, по-видимому, мог. Как бы все-таки скрасить все это?

Достопримечательность! — вот что представлял из себя дикарь. У всех великих лордов Достопримечательности. Временами даже он сам бывал озабочен тем фактом, что его собственный Повелитель совершенно не интересуется Достопримечательностями. Во всем их имении не было ни сямских близнецов, ни даже, на худой конец, двухголового уродца. Не было и карлика с перепонками между пальцами. Их Милость был — следует признать это — слишком прост в своих вкусах для человека столь высокого положения. Иногда Мештоку прямо-таки становилось стыдно за него. Ведь он почти все свое время проводит под свитками и прочей чепухой, а как бы ему следовало позаботиться о чести дома.

Вот, к примеру, тот лорд в Хиде... Что за титул у него был?

Принц чего-то или еще какая-то глупость. Но, несмотря на это, у него была огромная клетка, где жеребцы и прислуга совокуплялись с громадными обезьянами. Причем они бормотали что-то одинаково неразборчивое, так что их вполне можно было перепутать — Языка не знали ни те, ни другие и отличались только волосатостью. Вот это была Достопримечательность, достойная поистине Великого владения! Главный управляющий того лорда клялся и божился, что у них есть живые выродки, появившиеся на свет в результате такого скрещивания, только они спрятаны подальше от жрецов, чтобы те не узнали о них и не наложили бы запрет. Это вполне могло быть и правдой, так как официально дети от связей между Избранными и слугами считались невозможными, но все же рождались, хотя согревательницы постелей всегда были стерильны. Правда, подобным сведением никогда не удавалось просочиться наружу.

Значит, Достопримечательность: вот под каким углом зрения его следует представлять. Неоскопленный, который тем не менее стал ответственным слугой. Знаменитый Ученый, не умеющий даже говорить на Языке, хотя бы ничуть не моложе Мештока. Человек из ниоткуда. Со звезды. Ведь любому известно, что где-то на звездах есть люди.

А может быть, чудо... ведь храмы постоянно стараются обнаружить наличие чудес, и тогда очень скоро это владение станет самым знаменитым, благодаря своей Достопримечательности. Да. Это вполне осуществимо. Слово здесь, слово там, завуалированный намек...

— Хью, — сердечно произнес Мешток. — Можно, я буду звать тебя просто «Хью»?

— Что? А, да. Конечно!

— А ты зови меня «Мешток». Давай немного прогуляемся и выберем помещение для твоего департамента. Я так думаю, что ты предпочел бы солнечное место. Может быть, комнаты, выходящие окнами в сад? А как насчет твоих личных апартаментов? Должны они примыкать к департаментскому помещению или ты хотел бы, чтобы они располагались отдельно? Лучше последнее...

Да, лучше последнее. Мешток мог бы выкинуть старшего садовника и старшего над жеребцами да отдать их помещение дикарю — вот тогда все и поймут, какой важной птицей является эта Достопримечательность... а заодно и настроить их обоих тем самым против дикаря. Тогда этот свежеиспеченный скоро осознает, кто ему друг. А им будет, конечно же, Мешток, и никто другой. Кроме того, садовник последнее время стал заносчив, утверждая, что не обязан подчиняться Главному управляющему. Ему не повредит небольшая встряска.

— О, мне не нужно ничего особенного, — сказал Хью.

— Пошли, пошли! Мы хотим, чтобы у тебя были все удобства. Мне и самому подчас хочется скрыться куда-нибудь от всех этих треволнений. Но я не могу — проблемы, проблемы, проблемы — целые дни напролет, что некоторые люди совершенно не способны думать самостоятельно. Так что нам очень не хватает умного человека. Мы подберем тебе и твоему слуге удобное помещение, где вам обоим вполне хватит места.

Слуга? Был ли под рукой какой-нибудь малый, оскотенный и достаточно надежный, которому можно было поручить докладывать обо всем и притом надеяться, что больше он никому ничего не расскажет? Например, если сейчас кастрировать сына его старшей сестры, то успеет ли парень оправиться ко времени? И поймет ли сестра всю мудрость этого решения? Он возлагал на парня очень большие надежды. Мешток в глубине души сознавал, что когда-нибудь ему придется уйти — может быть, и через много лет, — и лучше бы было, если бы его высокий пост унаследовал его родственник. Планировать приходится заранее, а делать это слишком поспешно — глупо. Если бы можно было убедить сестру.

Мешток вел Хью по запруженным слугами дорожкам: слуги так и разлетались в стороны при их приближении. Когда один из них замешкался, он был сразу же наказан хлыстом за свою нерасторопность.

— Ничего себе! Какое огромное здание! — удивился Хью.

— Это? Подожди, ты еще не видел дворца — он, несомненно, окончательно развалится под умелым руководством моего заместителя. Хью, мы берем сюда только четверть всего персонала. Здесь не устраиваются официальные торжества, а только приемы в саду. И только для горстки гостей. В городе нас постоянно посещают Избранные. Иногда меня по нескольку раз за ночь поднимают с постели, чтобы я приготовил покои какого-нибудь лорда и его дам. Заметь, никакого предварительного уведомления. И вот именно в таких случаях мне каждый раз помогает предусмотрительность. Я всегда могу отпереть перед нежданнами визитерами двери крыла для гостей и всегда

знаю — знаю, смекай, — что кровати застелены свежearоматным бельем, что гостей ожидают напитки, нигде ни пылинки и чуть слышно играет музыка.

— Да, но это, наверное, требует от прислуги безукоризненной работы? — поддержал беседу Фарнхэм.

— Безукоризненной! — фыркнул Мешток. — Хотел бы я согласиться с тобой. А на самом деле это все тоже ложится на мои плечи. Каждый вечер перед сном, независимо от моего состояния, я совершаю бесконечные обходы всех помещений дворца, заглядывая в каждую комнату. Затем я еще должен встать и убедиться лично, что недочеты устранены, не полагаясь на их ложь. Они все лжецы, Хью. Слишком много «счастья». Их Милость слишком щедр, он никогда не урезает рацион.

— Я считаю, что питание вполне достаточное. И вкусное.

— Я ведь не сказал «пища», я сказал «счастье». Я распоряжаюсь пищей и не считаю, что их нужно морить голодом, даже в качестве наказания. Хлыст куда лучше. И они это понимают. Всегда помни, Хью: у большинства слуг мозгов, как таковых, нет. Они так же бездумны, как и Избранные... это, естественно, не относится к их Милости — я бы никогда не посмел критиковать своего патрона. Я говорю об Избранных вообще. Ну, ты сам понимаешь. — Он подмигнул и шутливо ткнул Хью пальцем.

— Я знаю об Избранных не так уж много, — сказал Хью. — Да и почти не встречал их.

— Ничего... еще повстречаешь. Чтобы иметь хоть небольшое соображение, недостаточно только темной кожи, хотя в храмах и учат, что это не так. Только учти, цитировать мои слова не нужно, да я и не признаюсь никогда, что говорил такое. Но... как ты думаешь, кто в действительности управляет этим именем?

— Я здесь еще слишком недолго, чтобы составить какое-нибудь мнение. — Хью попытался уйти от ответа.

— Неглупые слова! Ты мог бы пойти очень далеко, если бы был честолюбив. Тогда позволь, я объясню. Если их Милости вдруг не стало бы, хозяйство функционировало бы как ни в чем не бывало. Но если вдруг не станет меня или даже я просто заболел... Ты знаешь, я просто боюсь подумать о таком. — Он взмахнул хлыстом. — И они это знают. С Его дороги они бы так быстро не сворачивали, как с моей.

Хью решил переменить тему:

— Я все-таки не понял твоего замечания насчет рациона «счастья».

— Разве ты не получил свое? — усомнился Мешток.

— Я даже не знаю, что это такое.

— Ого! А ведь вам троим каждый день отправляли ваши порции. А они, значит, до вас не доходили? Придется заняться этим. А что касается того, что это такое, то я сейчас тебе покажу.

Мешток вывел Хью на небольшой балкон. Под ними простирался Центральный обеденный зал для слуг, по которому змеились три очереди.

— Сейчас как раз время раздачи — само собой, жеребцы приходят за ним в другое время. Его можно получить в виде пищи, питья или курева.

Доза во всех трех случаях одинакова, но некоторые считают, что курение доставляет наибольшее и утонченное наслаждение.

Мешток употребил несколько слов, незнакомых Хью. Хью сказал ему об этом.

— Ничего страшного, — ответил Мешток. — «Счастье» улучшает аппетит, успокаивает нервы, гарантирует крепкое здоровье, заменяет все виды удовольствий и абсолютно лишает честолюбия. Вся штука в том, чтобы либо пользоваться им, либо совсем не пользоваться. Я лично никогда не принимал его регулярно, даже будучи жеребцом, потому что был честолюбив. И сейчас я принимаю его только изредка — по праздникам и всяким таким случаям, в самых умеренных количествах. — Мешток улыбнулся. — Сегодня вечером сам узнаешь.

— Как это?

— А разве я не говорил тебе? Ведь сегодня после вечерней молитвы устраивается банкет в твою честь...

Хью почти не слышал его. Он напряженно обшаривал взглядом дальнюю очередь, пытаясь разглядеть Барбару...

...В качестве почетного эскорта Мешток избрал Старшего Ветеринара и Главного Инженера имения. Хью был слегка обеспокоен таким вниманием со стороны хирурга, помня о том беспомощном положении, в котором он оказался при предыдущей встрече с этим человеком. Но Ветеринар был сама сердечность.

Мешток сидел во главе длинного стола. Хью — по правую руку от него, а остальные места занимали двадцать начальников других департаментов. За стулом каждого гостя стоял слуга, а непрерывные вереницы слуг появлялись и исчезали, принося и унося приборы и блюда. Банкетный зал был красиво украшен, с удобной мебелью, а празднество было пышным и продолжительным. Хью не мог представить себе, какой же должна быть пища Ибренных, если их верховные слуги питались так роскошно.

Скоро он отчасти узнал это. Мештоку подавали дважды: сначала блюда из общего меню, затем из другого. Эти другие блюда он только пробовал, откладывая их себе на отдельную тарелку, но, как правило, всего лишь пробовал. Зато блюда, стоящие на столе, он ел с большим аппетитом.

Перехватив взгляд Хью, он пояснил:

— Это обед лорда Протектора. Хочешь, попробуй. На свой страх и риск.

— Какой риск? — удивился Хью.

— Яд, конечно. Когда человеку больше ста лет, естественно, что его наследник пребывает в нетерпении. Не говоря уже о деловых соперниках, политических противниках и бывших друзьях. Не бойся: их пробуют за полчаса до того, как их отведают их Милость или я. За этот год мы потеряли всего одного дегустатора.

Хью решил, что Мешток испытывает его, и набрал полную ложку.

— Нравится? — спросил Главный управляющий.

— Немножко жирновато.

— Слышишь, Гну? Наш новый кузен человек утонченного вкуса. Слишком жирно. В один прекрасный день тебя самого зажарят в собственном жиру. Дело в том, Хью, что мы едим лучше, чем Избранные... хотя сервируются их трапезы гораздо роскошнее. Но я гурман и люблю артистизм в еде. А их Милости все равно, что жевать, лишь бы не пищало во рту. Если ему подать блюдо под слишком изощренным соусом или со слишком экзотическими специями, он просто отошлет все это обратно и потребует кусок мяса, ломоть хлеба и стакан молока. Верно я говорю, Гну?

— Ты же сам знаешь, — ответил шеф-повар.

— И все труды насмарку.

— Точно, — согласился Гну.

— Поэтому кузен Гну все силы вкладывает в приготовление пищи для нас, в то время как Избранные перебивают друг у друга искусных поваров, которые запросто могут обтянуть приготовленную птицу кожей, не повредив перьев. А теперь, кузен Хью, с твоего позволения я поднимусь в большой зал и прослежу за тем, чтобы шедевр кузена Гну выглядел лучше, чем он есть на самом деле. В мое отсутствие не верь тому, что они тут будут говорить обо мне — все это сущая правда. — Он показал зубы, сделав гримасу, которая должна была быть улыбкой, и вышел.

Некоторое время все молчали. В конце концов кто-то — Хью решил, что это начальник Транспортной службы (слишком много знакомств за один вечер), — спросил:

— Главный исследователь, в чьем имении вы находились, прежде чем были приняты к нам, осмелюсь спросить?

— Спрашивайте. Владение Фарнхэма, Чрезвычайного Владетеля.

— Вот как! Вынужден признать, что титул вашего Избранного мне внове. Может быть, это новый титул?

— Наоборот, очень старый, — заметил Хью. — Исключительно древний и установленный самим Всемогущим Дядей, благословенно будь его имя. Грубо говоря, этот титул приближается к королевскому, но только старше.

— Неужели?

Хью решил, что лучшая оборона — нападение. Из предшествующих разговоров он знал, что Мешток осведомлен о великом множестве вещей, но почти ничего не знает об истории, географии и вообще о том, что выходит за пределы жизни в имении. А из своих занятий Языком он усвоил, что слуга, умеющий читать и писать, — большая редкость, если только эти знания не используются для исполнения им своих обязанностей. Такое положение господствовало даже среди старых слуг. Мешток в разговоре с ним с гордостью заявил, что он подал прошение о том, чтобы ему позволили научиться читать, еще когда был жеребцом. И потом он учился до седьмого пота к великому удовольствию других жеребцов. «Я ушел заглядывать в будущее, — как-то сказал он Хью. — Я мог бы провести среди жеребцов еще пять, а то и все десять лет, но, как только научился читать, я сразу же подал прошение об оскотлении. И все-таки я смеюсь последним, а где теперь те, кто тогда смеялся надо мной?..»

Хью решил наступать широким фронтом. Большая ложь легко могла сойти за правду.

— Титул сохраняется в неприкосновенности вот уже на протяжении трех тысяч лет. Линия преемственности, благодаря Всемогущему Дяде, не прерывалась ни разу, даже в Смутные времена и в период Изменения. В силу божественного своего титула носитель его разговаривает с Властителем на равных. На «ты». — Хью гордо выпрямился. — А я был главным Фактотумом лорда Фарнхэма.

— И в самом деле благородный дом. Но что такое Главный Фактотум? У нас здесь нет такого поста. Это управляющий?

— И да и нет. Главный управляющий находится под началом Фактотума. Собеседник ахнул.

— И все остальные ответственные слуги тоже. Конечно, положение обязывало... — продолжал Хьюберт.

— Надо думать!

— В самом деле. Я стал стареть, и здоровье мое начало ухудшаться... и перенес временный паралич нижних конечностей. По правде говоря, посты никогда не прельщали меня, по натуре я — ученый. Поэтому я подал прошение, чтобы меня переместили, — и вот я здесь, ученый Избранный, который имеет склонности, схожие с моими собственными... весьма подходящее для моих преклонных лет положение.

Тут Хью понял, что, по крайней мере, в одном он зашел слишком далеко: ветеринар поднял голову.

— Насчет паралича. При осмотре я не заметил никаких его признаков.

(Черт бы побрал этих докторов, вечно они заняты только своими профессиональными проблемами.)

— Паралич разбил меня внезапно однажды утром, — спокойно сказал Хью, — и с тех пор больше ни разу не беспокоил. Но для человека моего возраста это было первым предупреждением.

— А сколько же вам лет? Интересно, конечно, чисто профессионально. Могу я задать такой вопрос? — заинтересовался ветеринар.

Хью попытался принять такой же вид, как у Мештока.

— Не можешь. Я сообщу его, когда мне понадобятся твои услуги, — добавил он, чтобы разрядить обстановку. — Могу честно признаться, что рожден я на несколько лет раньше, чем их Милость.

— Удивительно. С точки зрения вашего физического состояния — мне оно показалось весьма приличным — я бы дал вам не больше шестидесяти.

— Это у нас в крови, — загадочно ответил Хью. — Я не первый в нашем роду, кто прожил очень длинную жизнь.

От других вопросов его спас приход Мештока. Все встали. Хью вовремя не заметил вошедшего, поэтому продолжал сидеть и очень смутился. Но Мешток, даже если и остался недоволен этим, никак этого не выказал. Садясь рядом, он хлопнул Хью по плечу.

— Бьюсь об заклад, они рассказывали тебе, что я пожираю собственных детей?

— У меня сложилось впечатление, что все вы — одна большая семья, которую возглавляет любящий Дядюшка, — потрафил Главному управляющему Фарнхэм.

— Лжецы, все они лжецы. Ну, остаток вечера я свободен (дай бог, чтобы не случилось чего-нибудь из ряда вон выходящего). Их Милость знает, что мы тут пируем в твою честь, и он великодушно разрешил мне не являться до конца банкета в Большой Зал. Поэтому мы теперь можем расслабиться и повеселиться. — Главный управляющий постучал ложкой по кубку. — Кузены и племянники, предлагаю тост за здоровье нашего нового родственника. Вы, может быть, уже слышали, что я сказал, — лорд Протектор очень доволен нашей скромной попыткой дать возможность кузену Хью почувствовать себя уютно в семье их Милости. Но я думаю, вы уже сами догадались, что... так как невозможно не заметить вещь, которой обладает кузен Хью, это не малый хлыст, а хлыст чуть поменьше моего! — Мешток хитровато улыбнулся. — Будем надеяться, что ему никогда не придется воспользоваться им.

Слова шефа вызвали бурю аплодисментов. Он сурово продолжал:

— Вы все должны знать, что даже мой старший заместитель не носит подобного символа власти, не говоря уже об обычном главе департамента... и я надеюсь, что вы сами на основании этого сделаете вывод о том, что самый легкий намек кузена Хью, Главного Исследователя и помощника их Милости по делам науки, назначенного личным приказом их Милости, — то же самое, что мой приказ, и не советую доводить дело до моего вмешательства. А теперь тосты! Поднимем бокалы все вместе, и пусть «счастье» свободно вливается в наши жилы... пусть тост скажет самый младший из нас. Кто у нас самый младший, ну!..

Вечеринка становилась шумной. Хью заметил, что Мешток пьет очень немного. Он вспомнил предупреждение и решил следовать ему. Но это было невозможно. Главный управляющий мог пропустить любой из тостов, просто подняв бокал, но Хью как почетный гость чувствовал себя обязанным выпить каждый раз.

Через какое-то время (Хью уже смутно представлял, который сейчас час) Мешток отвел его в новые роскошные апартаменты. Хью чувствовал хмель, но не было той неустойчивости, что обычно его сопровождает, напротив, он ощущал какое-то парение над землей, просветление. Чувствовал, что в него вселилась мудрость веков, подплыв к нему на серебряном облаке и войдя в него в виде ангельского счастья. Что это за напиток? Алкоголь? Возможно. Бетель? Грибы? Может быть. Марихуана? Наверняка. Он должен записать состав, пока он еще свеж в его памяти. Это как раз то, в чем нуждается Грейс. Он должен... Но конечно же, он у нее теперь есть. Просто прекрасно. Бедняжка Грейс... Он никогда не понимал ее... А ведь все, что ей было нужно, — это немножко «счастья».

Мешток довел его до спальни. Поперек изножия его прекрасной новой кровати спало какое-то существо, явно женского пола, кудрявая блондинка.

Хью взглянул на нее со своей стофутовой высоты и недоуменно заморгал:

— Кто она?

— Согревательница твоей постели. Разве я не говорил тебе? — прозвучал голос Мештока.

— Но...

— Да, да, я знаю, что фактически ты — жеребец. Но ты не сможешь причинить ей вреда — именно для этой цели она и существует. Так что не беспокойся. Все будет в порядке.

Хью повернулся, чтобы обсудить вопрос подробнее. Двигался он медленно из-за своей необъятной ширины и высоты. Мешток исчез. Хью почувствовал, что едва сможет добраться до постели.

— Подвинься, киска, — пробормотал он и мгновенно уснул.

Проснулся он поздно, но киска все еще была здесь. Она явно ждала его завтрака. Он испытывал в ее присутствии какое-то неудобство. И это не следствие похмелья — похмелья не было. Видимо, «счастье» не требовало подобной расплаты за злоупотребление им. Он чувствовал себя физически сильным, ум его обострился, и он страшно хотел есть. Но эта девочка-подросток смущала его.

— Как тебя зовут, киска?

— Да будет им известно, что каково бы ни было имя их слуги, это не имеет ни малейшего значения, и они могут звать ее, как им заблагорассудится, она все равно будет более чем довольна.

— Ладно, ладно. Говори со мной, как с равным.

— У меня нет настоящего имени. В основном мне говорят: «Эй, ты!»

— Хорошо, тогда я буду звать тебя Киска. Тебя это устраивает? Ты в самом деле похожа на котенка.

На щеках у нее появились ямочки.

— Да, сэр. Это гораздо более приятное имя, чем «Эй, ты!».

— Отлично, в таком случае, отныне ты — Киска. Можешь сказать об этом всем и больше не откликайся на «Эй, ты!». Скажи, что имя тебе присвоено официально Главным Исследователем, а если кто-нибудь будет сомневаться, то пусть спросит у Главного управляющего. Если осмелится...

— Да, сэр. Спасибо, сэр. Киска, Киска, — повторила она, как бы запоминая, потом вдруг хихикнула. — Чудесно!

— Я рад за тебя. Это мой завтрак?

— Да, сэр.

Он поел прямо в постели, предлагая ей куски, и понял, что она этого ожидала или, по крайней мере, того, что ей разрешат поесть. Еды было вдоволь и четверым. Вдвоем им удалось осилить приблизительно тройную порцию. Затем он обнаружил, что она собирается помогать ему в ванной. Он отказался от ее услуг.

Немного погодя, собираясь приняться за порученное дело, он вдруг спросил:

— А что ты собираешься делать теперь?

— Я вернусь в помещение для прислуги, сэр, как только вы отпустите меня. Появлюсь снова, когда вы будете ложиться спать... или когда скажете.

Он уже хотел было, наговорив ей кучу комплиментов, отказаться от ее услуги... но остановился. Ему в голову неожиданно пришла мысль.

— Послушай. Ты знаешь высокую прислугу по имени Барбара? Она вот настолько выше тебя. Она здесь всего недели две, и у нее есть дети, близнецы. Они родились совсем недавно.

— О, конечно, сэр. Дикарка.

— Да-да. Это она. Ты знаешь, где она?

— О да, сэр. Дикарка еще в палате для лежачих. Я очень люблю ходить туда и смотреть на малышей. — Она погрузилась. — Как это должно быть прекрасно!

— Да. Ты не могла бы передать ей записку?

Киска задумалась.

— Но она может не понять ее. Она ведь совсем дикая и даже говорить еще толком не умеет.

— Мм... Черт возьми. Впрочем, может быть, это и к лучшему. Подожди минутку.

В его комнате был стол, он подошел к нему, взял одну из тех замечательных ручек — они не ржавели, чернила в них никогда не кончались и казались твердыми — и отыскал листок бумаги. Он торопливо написал записку Барбаре, спрашивая ее о здоровье близнецов и ее собственном. Описал свое необычное возвышение, сообщил ей, что вскоре он как-нибудь ухитрится увидеться с ней — пусть она не волнуется и терпеливо ждет — и заверил ее в том, что его чувство к ней по-прежнему горячо.

Затем он добавил P.S.: «Податель сей записки, девушка по имени Киска, если только она невысока, блондинка, с хорошо развитой грудью и в возрасте четырнадцати лет. Она — моя согревательница постели. Это по сути ничего не значит, а у тебя, конечно, сразу начнут закрадываться всякие подозрения, злючка ревнивая! Я собираюсь оставить ее при себе, чтобы через нее держать связь с тобой, — это единственная возможность. Постараюсь писать каждый день и каждый день буду ждать ответа. Если кто-нибудь посмеет обидеть тебя, немедленно сообщи, и я тут же пришлю тебе голову обидчика на блюде. Кажется, это в моих силах. Все обстоит довольно неплохо. Посылаю тебе также бумагу и ручку. Люблю, люблю, люблю. Твой Х.

P.P.S. — полегче со «счастьем». Оно вызывает привыкание».

Он передал девушке записку и принадлежности для письма.

— Ты знаешь Главного управляющего в лицо?

— О да, сэр. Я согревала его постель. Дважды.

— Вот как. Удивительно.

— Почему, сэр?

— Ну, я не думал, что такие вещи его интересуют...

— Вы имеете в виду то, что он оскoплен? Но некоторые старшие слуги все равно любят, чтобы им согревали постель. Мне больше нравится бывать у них, а не наверху. Здесь меньше беспокойства и можно выспаться. Главный управляющий обычно не посылает за согревательницами, но иногда он просто проверяет нас и обучает поведению в постели, перед тем как допустить нас наверх. Понимаете, он неплохо разбирается в подобных вещах, потому что когда-то и сам был жеребцом. — Она взглянула на Хью с невинным любопытством. — А правда то, что о вас рассказывают? Могу я спросить?

— Э-э... Не можешь.

— Прошу прощения, сэр, — расстроилась она. — Я не хотела ничего плохого. — Она со страхом взглянула на хлыст и потупила глаза.

— Киска!

— Да, сэр.

— Видишь этот хлыст?

— О-о... ко-неч-но... сэр!..

— Так вот, ты никогда, слышишь? Никогда не попробуешь его на себе. Обещаю тебе. Никогда. Мы с тобой друзья.

Лицо ее просветлело, и в этот момент она казалась не просто хорошенькой, а просто-таки ангельски красивой.

— О, не знаю, как вас и благодарить, сэр!

— И еще одно. Единственный хлыст, которого тебе отныне следует опасаться, это хлыст Главного управляющего — поэтому держись от него подальше. В остальных случаях положишься на мою защиту.

— Да, сэр. — Она, казалось, была вне себя от радости.

«Слишком уж рада», — решил Хью.

— Но старайся не попадать в беду. Не делай ничего такого, что может вызвать мой гнев, иначе мне придется послать тебя к Управляющему, чтобы он тебя высек как следует, он этим славится. А теперь ступай и отнеси записку. Увидимся вечером, часа через два после вечерней молитвы. А если захочешь спать, приходи раньше и ложись.

«Надо не забыть распорядиться, чтобы для нее здесь поставили маленькую кровать», — подумал он про себя.

Киска коснулась рукой лба и вышла.

Хью отправился в свой кабинет и остаток дня провел за изучением алфавита и за переводом трех статей из Британики. В процессе перевода он обнаружил, что его запас слов недостаточен, и послал за одним из своих учителей, чтобы пользоваться им в качестве словаря. Но вскоре он убедился, что многие вещи требуют почти бесконечных объяснений и комментариев, так как понятия за прошедшие века радикально изменились.

Киска же отправилась прямо к Главному управляющему в кабинет, доложила обо всем и отдала Мештоку записку и принадлежности для письма. Мешток был страшно обеспокоен тем, что держал в руках и что могло иметь важнейшее значение в качестве обвинительного документа — и при этом не было никакой возможности узнать, что же там написано. Правда, ему пришло в голову, что тот, другой... как бишь его... Дьюк? Юкк? Что-то

в этом роде... наверное, мог бы прочесть эти каракули. Но, во-первых, неизвестно, смог ли бы он это сделать, а во-вторых, даже с помощью хлыста нельзя было доподлинно удостовериться в том, честно ли он перевел содержание.

Попросить помощи у Джо не приходило ему в голову. Равно как просить содействия у новой согревательницы постели их Милости. Но был во всем этом и еще один интересный аспект. Неужели прислуга-дикарка в самом деле умела читать? А возможно, и более того — смогла бы написать послание в ответ!

— Все в порядке. Отныне ты — Киска. И веди себя точно так, как он велел, не позволяй никому наказывать тебя и обязательно распусти слух об этом. Но чтобы ты не забывалась... — Он тронул ее хлыстом в качестве напоминания. Она подскочила от боли. — Помни, что этот хлыст всегда ждет тебя, если ты в чем-нибудь ошибешься.

— Ничтожная слышит и повинуется!

... В этот вечер Хью вернулся из столовой для старших слуг довольно поздно: там они долго сидели и болтали. Войдя в спальню, он обнаружил, что Киска, свернувшись калачиком, спит в ногах его постели. Только тут он вспомнил, что забыл попросить еще одну кровать для нее.

В ее крепко сжатом кулачке виднелся листок бумаги. Осторожно, боясь разбудить ее, он вытащил записку и стал читать:

«Мой милый!

Каким неизъяснимым счастьем для меня было увидеть твой почерк! От Джо я узнала, что ты в безопасности, но ничего не слышала о твоём продвижении, и уж конечно, не представляла, что ты знаешь о существовании близнецов. Сначала о них: оба растут, как на дрожжах, оба как две капли воды похожи на своего отца, у обоих его ангельский характер. Родились они, по моим приблизительным подсчетам, по три килограмма каждый. Их взвешивали после родов, но здешние меры веса мне неизвестны.

Теперь немного о себе. Относятся ко мне как к знаменитой племенной корове, стараются не причинять никаких волнений, а медицинское обслуживание, коим меня удостоили, было на удивление хорошим. Как только начались схватки, я тут же получила какое-то питье. Потом я совершенно не испытывала боли, хотя отлично помню все подробности родов, но так, как будто это происходило не со мной, а с кем-то другим. Все прошло без малейших неприятных ощущений и даже наоборот, настолько приятно, что я бы, кажется, теперь рожала каждый день. А особенно, если бы у меня каждый раз рождались такие прелестные малыши, как Хью и Карл Джозеф.

В остальном жизнь моя довольно скучна. Изю всех сил овладеваю языком. Молока у меня предостаточно: кормлю досыта двоих малышей и даю немного девушке на соседней кровати, которой не хватает своего.

Я буду терпеливо ждать. Зная тебя, ничуть не удивлена твоим быстрым повышением. А если через месяц ты вообще станешь тут самым главным, то и это не будет для меня неожиданностью. Я полностью уверена в своем муже. Мужчине. Какое это приятное слово: муж...

Теперь о Киске. Я не верю твоим вероломным словам насчет ваших отношений. Собственный опыт подсказывает, что ты склонен к соблазнению невинных девушек. А она очень хорошенькая... Теперь серьезно. Милый, я знаю, насколько ты благороден, и ни на миг не заподозрила чего-либо дурного. Но вдруг благородство изменит тебе... Что ж, я не буду тебя осуждать. В конце концов эта девушка выполняет определенные функции. Я даже постараюсь не ревновать... но дай слово, что ваши отношения не станут постоянными. Я не хочу думать, что ты можешь забыть обо мне теперь, когда вновь просыпаются мои желания. Но с другой стороны, избавиться от нее сейчас — это потерять единственную возможность связи между нами. Будь добр с ней, она — чудесное дитя. Хотя я знаю, что ты всегда очень добр со всеми.

Буду писать каждый день и всякий раз, не получая твоей записки, буду плакать в подушку от смертельной тревоги за тебя.

До свидания, мой любимый.

Ныне и присно и во веки веков...

Б.

P.S. Это пятно — отпечаток ножки маленького Хью».

Хью нежно поцеловал письмо и лег в постель, прижимая его к себе.

Киска так и не проснулась...

8

Хью обнаружил, что чтение и письмо на Языке дается ему довольно легко. Написание было фонетическим, для каждого звука имелась соответствующая буква. Незначащих букв не было, как не было и никаких исключений в произношении или в написании слов. Произношение точно соответствовало написанным буквам или имелись специальные знаки, указывающие на необходимое изменение звука. Система была полностью свободна от ловушек, как, например, эсперанто. Таким образом, как только был выучен 47-буквенный алфавит, он мог написать любое знакомое слово, а слегка поразмыслив, и прочесть любое написанное слово.

Печатные буквы были очень похожи на рукописные, поэтому страницы книг выглядели так, как будто их от руки написал какой-нибудь опытный писец. Он не удивился, обнаружив, что буквы похожи на арабские. Посмотрев соответствующую статью в Британике, Хью окончательно утвердился в мысли, что, скорее всего, этот алфавит развился из арабского письма его времени. Около полудюжины букв вообще не претерпели никаких изменений, несколько хотя и изменились, но не сильно. Было много

новых букв, которые призваны были обозначать звуки, отсутствующие в арабском языке XX века. Проконсультировавшись еще раз в Британике, он понял, что основными корнями Языка были арабский, французский и суахили, и еще Дядя знает что. Подтвердить он этого не мог, поскольку словаря, отражающего исторические изменения в лексике, не было, видимо, вовсе. А его учителя, кажется, были свято убеждены в том, что Язык всегда был таким, каким они знали его. Они даже понятия не имели ни о каких изменениях.

Впрочем, все это представляло теоретический интерес. Хью не знал ни арабского, ни французского, ни суахили. В университете он владел начатками латыни и немного немецким, а в последующие годы пытался учить русский. Поэтому он не обладал знаниями, достаточными для выяснения истоков Языка, им двигало чисто человеческое любопытство.

Но даже и на простое любопытство он не имел права тратить драгоценное время. Если он хотел угодить их Милость, то ему нужно было чем-то заинтересовать его — в данном случае переводами, для того чтобы тот разрешил ему повидаться с Барбарой. Это значило, что он должен просто-таки завалить Понса материалами. Хью работал не покладая рук.

На второй день своего назначения Хью попросил, чтобы ему прислали Дьюка, и Мешток удовлетворил его просьбу. Вид у Дьюка был довольно измученный: под глазами мешки. На Языке он говорил, хотя и не так хорошо, как его отец. Видимо, в процессе учебы ему не раз пришлось отведать хлыста, так как он находился на грани отчаяния и довольно заметно хромал.

Мешток не имел абсолютно ничего против передачи Дьюка в Департамент Древней Истории.

— Только рад буду избавиться от него. Для жеребца он чудовищно велик, хотя, по-видимому, ни на что другое не годен. Конечно, пусть работает у тебя. Не переносу вида слуг, которые шляются без дела и только дармоедствуют...

И Хью взял его к себе. Дьюк окинул взглядом апартаменты Хью и присвистнул:

— Ну и ну! Да ты, я вижу, из дерьма ухитрился выбраться, благоухая, как роза! Как это ты?

Хью объяснил ему ситуацию.

— Вот поэтому я и хотел бы, чтобы ты перевел статьи, касающиеся юриспруденции и родственных ей отраслей знаний — то, что тебе удастся лучше всего.

Дьюк упрямо сжал кулаки.

— Сам переводи...

— Дьюк, оставь такой тон. Ведь это прекрасная возможность для тебя.

— Скорее для тебя. А что ты сделал для матери?

— А что я мог сделать? Встречаться мне с ней не разрешают, как, впрочем, и тебе. Сам знаешь. Но Джо уверяет меня, что она не только прекрасно устроилась, но и счастлива.

— Информация со слов Джо меня не устраивает. Я хотел бы убедиться в этом собственными глазами. Я, черт возьми, настаиваю на этом.

— Настаивай, сколько хочешь. Пойди скажи Мештоку. Хочу предупредить заранее, что я не смогу защитить тебя от него.

— Я и так знаю, что мне скажет и что сделает этот маленький грязный человек. — Дьюк поморщился и потер больную ногу. — Зато ты должен побеспокоиться обо всем. Раз уж ты так ловко втерся в доверие, то тебе и карты в руки. Используй хотя бы часть своей власти на то, чтобы спасти мать.

— Дьюк, я не могу ничего поделать. Со мной обращаются хорошо по тем же причинам, что и с породистой лошадей. И потребовать я могу примерно столько же, сколько эта самая лошадь. Я могу помочь тебе добиться сравнительно хороших условий, если ты будешь сотрудничать со мной, — удобное жилье, сносное обращение, нетяжелая работа. Но я ни в малейшей степени не могу вмешиваться в женские вопросы. Мне легче слезать на Луну, чем получить разрешение на перевод сюда Грейс. Ты ведь знаешь, что порядки у них как в гареме.

— Значит, ты собираешься выполнять роль ученого тюленя для этой черной обезьяны и даже пальцем не пошевелишь, чтобы помочь матери? Ну уж, уволь меня!

— Дьюк, я не намерен спорить с тобой. Я выделяю тебе комнату и каждый день буду посылать тебе по тому Британики. Если ты не будешь переводить, я постараюсь сделать так, чтобы Мешток не узнал об этом. Но, скорее всего, у него всюду есть осведомители.

На том разговор и закончился. Сначала Дьюк действительно не помогал ему. Но скука сделала свое дело там, где не сработали доводы. Дьюк не выдержал ничегонеделания в запретной комнате. В принципе, он мог бы выйти из нее, но останавливала возможность наткнуться на Мештока или на кого-нибудь из старших слуг, которых могло заинтересовать его присутствие здесь. Слуги всегда должны были казаться занятыми каким-нибудь делом, даже когда и бывали свободны — от утренней молитвы до вечерней.

Дьюк начал выдавать переводы, но вскоре обнаружил, что у него недостаточный запас слов. Хью прислал ему помощника-клерка, который имел отношение к юридической стороне дел их Милости.

Но видел он Дьюка редко. Это по крайней мере избавляло его от необходимости постоянно спорить с ним. Производительность труда Дьюка после первой недели стала возрастать, но зато ухудшилось качество работы: Дьюк обнаружил чудодейственные свойства «счастья».

Хью подумал, что не стоит предостерегать Дьюка насчет наркотика, и решил не вмешиваться. Если ему нравилось принимать его, то почему он должен удерживать его от этого? Качество переводов сына мало волновало Хью. Их Милость не имел возможности судить о нем... разве Джо мог волея-неволей открыть ему глаза, но это было маловероятно. Да он и сам не особенно старался. Сойдет, считал он. «Отсылай боссу побольше и пояснее, а трудные места можно и пропустить», — рекомендовал он самому себе.

Кроме того, Хью заметил, что пара порций «счастья» после обеда прекрасно окрашивает остаток дня. «Счастье» давало ему возможность прочитывать очередное письмо Барбары в состоянии какого-то теплого радостного опьянения, затем сочинять прочувствованный ответ, который предстояло отнести Киске. И уже только после этого размягченный Хью крепко засыпал.

Фарнхэм не злоупотреблял напитком. Он опасался его. У алкоголя, размышлял он, есть преимущество — он ядовит. И когда человек начинает злоупотреблять спиртным, он это сразу чувствует. «Счастье» же никак не давало о себе знать. Оно просто все тревоги, подавленность, беспокойство, скуку — одним словом, все неприятные ощущения — превращало в радостное теплое сияние счастья. Уж не было ли «счастье» в основном метил-мепроароматом? Но он слишком плохо знал химию, да и его ничтожные знания относились ко временам двухтысячелетней давности.

Входя в группу ответственных слуг, Хью имел возможность неограниченно получать наркотики. Со временем он заметил, что Мешток был не единственным из старших, кто умеренно употреблял напиток. Никто не смог бы пробиться наверх, одурманивая себя наркотиком. Иногда даже случалось, что человек, попавший в высшие слои иерархии слуг, скатывался обратно на дно, не будучи в силах справиться с собой. Хью даже не представлял себе, что с такими людьми бывало потом.

Зато бутылка «счастья» в его комнате решила проблему Киски.

Хью так и не попросил кровати для нее. Он не хотел наводить Мештока на мысль о том, что использует дитя только в качестве связующего звена между женскими помещениями и Департаментом Древней Истории. Киска теперь располагалась на диване в его жилой комнате.

Девушка была огорчена... Согревательницу постели пугало, что Хью лишает ее права исполнять свой долг, то есть создавать мужчине комфорт и приносить ему утешение. Если она не по душе хозяину, она вскоре может потерять самое лучшее из всех когда-либо имевшихся у нее мест. Докладывая обо всем, она не осмелилась сказать Мештоку, что Хью пренебрегает ею.

Киска плакала. Лучше и придумать было нельзя. Всю жизнь Хью не выносил даже вида женских слез. Он усадил ее на колени и объяснил, что она ему очень нравится и только его пожилой возраст не дает ему по достоинству оценить ночную подругу и что чье-либо присутствие в его постели мешает ему спать. Хью не забыл уверить девушку в том, что он доволен ее службой.

— А теперь вытри глазки и глотни вот этого.

Он знал, что она принимает «счастье». Свои порции она получала в качестве жевательной резинки. Многие слуги предпочитали «счастье» в таком виде, потому что это позволяло им целый день проводить в приятном полуопьянении, жуя резинку за работой. Киска все свои ничем не занятые дни проводила у Хью, дожидаясь очередной порции жвачки. Поэтому он не колеблясь предложил ей напиток.

Счастливая Киска отправилась спать, больше не беспокоясь о том, что хозяин захочет избавиться от нее. Таким образом прецедент имел место. После этого каждый вечер за полчаса до того, как ложиться спать, Хью давал ей немного «счастья».

Некоторое время он отмечал уровень жидкости в бутылке. Киска часто бывала у него, когда он сам отсутствовал, и он знал, как она любит зелье. Замков у него в помещении не было, хотя они полагались ему как одному из старших слуг. Мешток не удосужился сказать ему об этом.

Но после того как он убедился, что Киска не потягивает потихоньку, он перестал волноваться. В самом деле, Киску ужасала бы даже мысль о том, что она может что-нибудь украсть у хозяина. Само сознание ее было на уровне мышкиного. Она была ничтожнее, чем пустое место, и знала об этом. У нее никогда ничего не было, даже имени, до тех пор пока Хью не дал ей его. Благодаря доброте этого человека, она начинала становиться личностью, но этот сдвиг все еще был едва заметен, и любая мелочь могла свести на нет все его усилия в этом направлении. Поэтому она не стала бы рисковать красть у него, равно как не рискнула бы, например, убить его.

Хью, наполовину по наитию, укреплял ее уверенность в себе. Она была опытной банщицей. В конце концов он сдался и разрешил ей тереть ему спину и регулировать воду для мытья, одевать его и заботиться о его одежде. Она была еще и опытной массажисткой. Иногда ему даже приятно было чувствовать, как ее маленькие ручки разминают ему шею и голову, затекшие после целого дня, проведенного над книгами или у просмотрного экрана. Одним словом, она старалась делать все, чтобы быть полезной.

— Киска, а чем ты обычно занимаешься днем? — спросил Хью.

— В основном ничем. Прислуга из моей полукасты днем обычно не работает, если у них есть ночная работа. Поскольку я каждую ночь занята, мне разрешают до полудня оставаться в спальном помещении. Обычно я так и делаю, потому что наша начальница любит давать тем, кого она видит шляющимися без дела, какую-нибудь работу. После полудня... Ну, в основном я стараюсь никому не попадаться на глаза. Это самое лучшее. Безопаснее.

— Понятно. Если хочешь, можешь отсиживаться здесь. Вернее, если можешь.

Лицо ее просветлело.

— Если вы достанете мне разрешение, то смогу.

— Хорошо, достану. Можешь здесь смотреть телевизор... Хотя в это время еще нет передач. Мм... ты ведь не умеешь читать? Или умеешь?

— О, конечно, нет! Я бы никогда не осмелилась подать прошение.

— Хм...

Хью знал, что разрешение учиться читать не мог дать даже Мешток. Требовалось вмешательство самого их Милости и обязательное расследование причин такой необходимости. Подобная просьба могла еще больше

уточнить и без того очень тонкую нить, связывающую Хью с Барбарой, окончательно лишив его надежды на воссоединение с ней.

Но... черт возьми, мужчина должен быть всегда мужчиной!

— У меня здесь есть свитки и экран. Ты хотела бы научиться читать?

— Да защитит нас Дядя!..

— Не поминай Дядю. Если хочешь и если можешь держать свой маленький языкочек за зубами — я научу тебя. Чего ты так испугалась! Обязательно сразу решать. Скажи мне, когда надумаешь.

Киска не проговорилась. Умалчивать она тоже боялась, но инстинкт самосохранения подсказывал ей, что если она доложит об этом, то ее безоблачное счастье может кончиться.

...Киска стала для Хью чем-то вроде семьи. Она ласково провожала его на работу, вечером с улыбкой встречала, беседовала с ним, если ему того хотелось, и никогда не заговаривала первой. Вечера она обычно проводила перед телевизором — вернее, так называл его Хью, — это и в самом деле было телевидение: цветное, трехмерное, но без привычных строк, работавшее на принципах, которых он не понимал. Передача начиналась ежевечерне после молитвы и продолжалась до отбоя. Большой экран был установлен в холле, где собирались слуги, а несколько малых экранов располагались в комнатах старших слуг. Хью проявлял к нему любопытство, надеясь лучше понять общество, в котором ему предстоит жить.

Посмотрев телевизор несколько раз, он решил, что с таким же успехом можно стараться понять жизнь Соединенных Штатов по многосерийному фильму «Пороховой дымок». Передача оказалась крикливой мелодрамой с действием, выдержанным в духе китайского театра. Похоже было на то, что верный слуга славно гибнет, спасая жизнь своему Повелителю. По понятиям подлестничного мира, телевизор служил вторым по значению развлечением после «счастья». Для Киски это было истинное удовольствие.

Обычно она смотрела его, не вынимая изо рта своей жвачки и издавая сдавленные восклицания, боясь отвлечь Хью. После окончания передачи она радостно вздыхала, принимала свою порцию «счастья» с изъявлениями величайшей благодарности, касалась на прощание рукой лба и отправлялась спать. Хью нередко засиживался допоздна.

Он очень много читал — каждый вечер (если только Мешток не наносил визита) и половину следующего дня. Он, конечно, отрывал время от переводов для их Милости, но никогда не злоупотреблял этим. Ведь работа была единственной надеждой на будущее. Он понимал, что если хочет делать достаточно понятные переводы древних текстов, то должен хорошо разбираться в современной культуре. В Летнем дворце была хорошая библиотека, и, когда он заявил, что для работы ему необходимо иметь к ней доступ, Мешток все устроил.

Но истинной его целью было не улучшение качества переводов, а стремление понять, что случилось с ЕГО миром и почему возник ЭТОТ мир.

Поэтому в его экране для чтения постоянно был заряжен какой-нибудь свиток. Принцип печатания на свитках он нашел просто-таки восхити-

тельным. Он превращал старую систему чтения переплетенных листов в принципиально новую и куда более эффективную систему считывания. Для чтения было всего-навсего необходимо опустить в читающее устройство сдвоенный цилиндр, включить устройство и смотреть на экран. Буквы бежали перед глазами с определенной скоростью, и, когда строчка доходила до конца, цилиндры начинали вращаться в обратном направлении, давая возможность читать следующую строчку, которая была напечатана по отношению к первой вверх ногами.

Глаза не теряли времени на возвращение к началу следующей строчки. Зато скорость воспроизведения текста на читающем устройстве можно было регулировать, сообразуясь с собственной возможностью воспринимать его. И по мере приобретения опыта Хью увеличивал скорость все больше и больше и мог читать уже в несколько раз быстрее, чем по-английски.

Но он не находил того, что искал.

Где-то в прошлом различие между фактом, выдумкой, историей и религиозными писаниями, казалось, стиралось. Даже после того как он выяснил, что война между Востоком и Западом, забросившая его сюда из собственного столетия, датировалась здесь 708 годом до Великого Изменения, он все равно с трудом находил соответствие между миром, который был ему когда-то знаком, и «историей», заключенной в свитках.

Описаниям войны еще можно было верить. Сам он был свидетелем только первых ее часов. Свитки давали возможность узнать, как примерно разворачивались события далее: ракетно-бомбовые удары, которые именовались «блестящим превентивным ударом» и «массированным ударом возмездия», тершие с лица Земли города от Пекина до Чикаго и от Торонто до Смоленска; огненные смерчи, причинившие ущерб в десятки раз больший, чем бомбы; нервный газ и другие ОВ уничтожили тех, кого пощадили пожары и болезни.

Осуществление всего этого сделали возможным башковитые ребята, на которых те работали, даже и не подумали предотвращать все это, будто бы забыв о нависшей опасности. Просто башковитые ребята делали все, что заказывали им их боссы.

Нет, напомнил он себе, он никогда не считал, что «лучше красный, чем мертвый», не считает так и теперь. Нападение было на сто процентов односторонним, и он не жалел ни об одной мегатонне «массированного удара возмездия».

Но что было, то было. Свитки поведали об уничтожении всего Северного полушария.

А как же насчет остального мира? В свитках говорилось, что в Соединенных Штатах ко времени войны негры находились на положении рабов. Значит, кто-то выкинул целое столетие истории. Сознательно или нет? Не вышло ли это следствием путаницы и отсутствия сведений? Насколько ему было известно, в Смутное время, на протяжении почти двух столетий, по всему миру пылали костры из книг. Сожжение книг продолжалось даже и после Изменения.

Было ли это утраченной историей, как история Крита, например? Или жрецы сочли, что так будет лучше?

А с какого момента китайцев стали считать «белыми», а индусов «черными»? Конечно, если судить исключительно по цвету кожи, то китайцы и японцы были такими же светлокожими, как и любой средний белый его времени, а индусы так же темнокожи, как и африканцы. Но тогда антропологическое деление народов было совсем иным.

По всей вероятности, имелся в виду только цвет кожи. История утверждала, что белые, со своими дурными наклонностями, уничтожили друг друга почти окончательно... оставив в наследство Землю простодушной, душевной, милосердной темной расе, Избранной расе Великого Дяди.

Немногочисленные выжившие белые, спасенные Дядей, были выхожены и выпестованы, как дети, и теперь снова плодились и размножались под благосклонным руководством Избранных. Так было написано.

Хью мог судить, что война, которая полностью уничтожила Северную Америку, Европу и всю Азию, кроме Индии, могла унести жизни большинства белых и почти всех китайцев. Но что же случилось с белым меньшинством в Южной Америке, с белыми в Южно-Африканской Республике, с австралийцами и жителями Новой Зеландии?

Как Хью ни бился, ответа так и не нашел. Единственное, что было определенным, так это то, что Избранные все были темнокожими, а их слуги — бледнолицыми и обычно низкорослыми. Хью со своим сыном были гораздо выше других слуг. И наоборот, даже те немногие Избранные, которых он видел, были весьма крупными людьми.

Если нынешние белые произошли от австралийцев... Нет, этого не может быть, австралийцы никогда не были низкорослыми.

А так называемые «Экспедиции Милосердия» — что это? Вылазки за рабами? Или погромы? Или, как говорится в свитках, спасательные экспедиции для поисков уцелевших?

Вину за все эти пробелы в истории, скорее всего, следовало списать за счет сожжений книг. Хью было неясно, все ли книги швырялись в костер, или, возможно, технические литература сохранилась, поскольку было ясно, что Избранные обладали технологией гораздо более развитой, чем в его время. И было непохоже, чем они начинали с нуля.

Мог быть и другой вариант. Ведь современные ему наука и техника в основном развились в последние пятьсот лет, при этом большая часть создавалась в последнее столетие, а наиболее удивительным открытиям не было и пятидесяти лет от роду к началу войны. Так мог ли мир, откатившись в пучину варварства, вновь выбраться из нее за два тысячелетия? Конечно же, мог!

Так или иначе, но Коран был, похоже, единственной книгой, которая официально избежала костра. Да и то у Хью появилось сомнение — тот ли это Коран? В свое время у него был перевод Корана, и он несколько раз перечитывал его.

Теперь он очень жалел о том, что не взял с собой в убежище, потому что Коран в том виде, в каком он видел его теперь на Языке, не соответствовал тому, что был у Хью. Например, он помнил, что Магомет был рыжеволосым арабом, в этом же Коране неоднократно подчеркивалось, что цвет его кожи был черным. И еще Хью был убежден, что Коран совершенно не нес в себе расистских взглядов. Исправленная же и дополненная его версия просто-таки изобиловала ими.

К тому же в Коран входил теперь Новый Завет с казненным Мессией. Он проповедовал свою веру и был повешен — все религиозные свитки были испещрены виселицами. Хью не имел ничего против того, что он Новый. За прошедшие века вполне могли появиться новые откровения (ведь в любой религии откровения появлялись так же легко, как котята). Но его корбила определенная ревизия слов пророка. Очевидно, она была произведена ради соответствия с этой Новой книгой. Вот это уже не было нечестно. Это было самым настоящим обманом.

Структура общества также была загадочна. Он только начал с трудом разбираться в этом сложном организме: высокоразвитая технология, немного излишеств, все гладко, эффективно — и в то же время постепенно приходит в упадок. Церковь и государство — едины: «Один язык, один Король, один Народ, один Господь». Лорд Владелец был как главой государства, так и главой церкви, владея абсолютно всем по воле Дяди, а лорды Хранители, такие, как Понс, обладали всего лишь ленными поместьями и являлись его епископами. К тому же были еще и многочисленные граждане (разумеется, Избранные, так как белый личностью не являлся): торговцы, земледельцы, люди разных профессий и так далее. Кое в чем можно было заметить чуть ли не проблески тоталитарного коммунизма на фоне частного предпринимательства... Черт, если он правильно понял прочитанное, то здесь существовали даже корпорации.

Хью особенно заинтересовала система наследований (попутно ему удалось выяснить, что его статус, согласно закону и обычаю, равнялся нулю). Семья была всем, браки — ничем, то есть они существовали как таковые, но особого значения не имели. Наследование происходило по женской линии, власть осуществлялась мужчинами.

Это смущало Хью, пока в один прекрасный день все не встало на свои места. Понс являлся лордом Протектором потому, что он был старшим сыном чьей-то старшей дочери, старший брат которой был лордом Протектором перед Понсом. Таким образом, наследником Понса становился старший сын его старшей сестры — титул передавался от матери к дочери непрерывно и бесконечно, причем власть сосредотачивалась в руках старшего брата каждой из наследниц-женщин. Кем был отец Понса, совершенно не имело значения, и еще меньшее значение имело то, сколько у него было сыновей, поскольку ни один из них не обладал правом наследования.

Хью понимал, что при подобной системе брак никогда не смог бы играть хоть мало-мальски значительную роль — побочные дети вообще не учитывались, — но СЕМЬЯ приобретала, как никогда раньше, важное зна-

чение. Женщины (Избранные) теперь никак не могли быть недооценены. Они обладали значительно большим весом, чем мужчины еще и потому, что правили посредством своих братьев, и религия признавала это. У единого Бога — Всемогущего Дяди, — была старшая сестра — Мамалой Вечная... настолько священная, что ей даже не осмеливались молиться и имя ее никогда не поминалось всуе. Она просто была Могущественная, воплощение женщины, которая дала жизнь всему сущему.

У Хью создалось впечатление, что он когда-то уже читал о таком порядке наследования — от дяди к племяннику по женской линии, поэтому он справился в Британике. И с удивлением обнаружил, что такая система доминировала то в одной культуре, то в другой в разные времена и на всех континентах.

Великое изменение имело место, когда Мамалой наконец преуспела — действуя последовательно, как всегда, — в объединении всех чад своих под одной крышей. Назначив ответственным за все их Дядю, она удалилась на отдых.

Хью так прокомментировал это:

— И Господь помог человеческой расе!

Фарнхэм все ждал, что их Милость пошлет за ним. Но прошло уже два месяца, а о нем словно забыли. Хью уже начал опасаться, что у него никогда не появится возможности попросить о свидании с Барбарой. По-видимому, Понс потерял к нему всякий интерес, пока получал переводы. Перевод же всей Британики, казалось, мог стать делом нескольких жизней. Хью решил ускорить развитие событий и в один прекрасный день отправил Понсу письмо.

Неделю спустя лед тронулся. Мешток явился за ним с известием от Протектора. Приплясывая, управляющий все же настоял на том, чтобы перед аудиенцией Хью совершил необходимый туалет и надел чистый балахон.

Лорду Протектору не было никакого дела до того, благоухал ли Хью свежестью или нет. Он заставил его подождать, видимо занимаясь чем-то другим. Хью молча стоял и ждал. Здесь же была и Грейс.

Она возлежала на диване, возясь с кошками и жуя резинку. Она только раз взглянула на Хью и больше уже не обращала на него никакого внимания. На лице у нее застыла затаенная улыбка, которую Хью знал очень хорошо. Он называл ее: «канарейка, съевшая кота».

Док Ливингстон приветствовал Хью. Спрыгнув с дивана, он подбежал к нему и потерялся о его ноги. Хью отлично понимал, что он должен терпеливо ждать, когда лорд заметит его присутствие... но ведь этот кот долгое время был ему другом, и он не имел права забывать об этом. Он наклонился и погладил кота.

Небеса не разверзлись. Их Милость не заметил нарушение правил.

В конце концов лорд Протектор произнес:

— Мальчик, иди сюда. Что это еще за чушь насчет того, чтобы делать деньги на твоих переводах? Что вообще привело тебя к мысли, что я нуждаюсь?

Хью со слов Мештока знал, что тому приходилось много экономить. Ведение столь обширного хозяйства требовало колоссальных затрат, а жизнь с каждым годом становилась все дороже и дороже.

— Да будет угодно выслушать их Милости ничтожное мнение их ничтожнейшего слуги...

— Оставь этот цветистый стиль, черт тебя подери!

— Понс, там, в мире, откуда я пришел, во все времена не было человека, настолько богатого, чтобы ему не нужно было денег еще больше. Обычно бывало так: чем он богаче, тем больше денег ему необходимо.

Лорд улыбнулся:

— Что ж, Хью, я вижу, ты занят не только поглощением «счастья», но и стараешься думать кое о чем. Положение вещей таково и в наши дни. Ну и что же? Что ты придумал? Давай выкладывай!

— Мне сдается, что в вашей энциклопедии есть вещи, которые могли бы приносить выгоду. Процессы и тому подобное, что было утрачено людьми за последние два тысячелетия, но что сейчас могло бы давать доход.

— Отлично, займись этим. Все посылаемые тобой переводы, конечно, те, что я успел прочесть, вполне удовлетворительны. Но многие тривиальны. Например: «Смит, Джон, родился и умер... политик, успевший сделать очень мало, а то, что успел, — очень плохо». Понимаешь, о чем я?

— Думаю, что да, Понс.

— Отлично, тогда отбрось весь этот хлам и подыщи мне три-четыре индейки, из которых я мог бы выжать деньги.

Хью колебался.

— Так что? Ты меня понял? — переспросил Понс.

— Мне, наверное, понадобится помощь. Я достаточно хорошо ориентируюсь в жизни дворца, а вот что творится за его пределами — не знаю. Думаю, в этом случае меня смог бы выручить Джо.

— Каким образом?

— Я так понял, что он путешествует с вами и многое видит. Джо представляет себе проблемы; заслуживающие изучения. Пусть он выберет соответствующие статьи, я их переведу, а вы уже будете судить, стоит ли с этим связываться. Я могу изложить их краткое содержание, чтобы вы не теряли времени на незначительные подробности.

— Неплохая идея. Я уверен, что Джо будет просто счастлив помочь. Хорошо, присылай энциклопедию. Все.

Хью был отпущен так стремительно, что даже не успел замолвить словечка насчет Барбары. Но потом он вспомнил, что все равно не смог бы riskнуть упомянуть ее имя в присутствии Грейс.

Сначала он хотел найти Дьюка и рассказать ему, что он собственными глазами видел его мать раздобревшей и счастливой, но потом решил воздержаться...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Джо посылал по тому много дней подряд. Некоторые страницы в них были помечены. Хью приходилось трудиться над переводами не покладая рук и выдавать статьи, могущие принести практическую пользу. Через две недели за ним снова пришли.

Он ожидал, что состоится что-то вроде совещания по какому-либо деловому вопросу. Но оказалось, что в покоях Понса сидят: сам хозяин, Джо и какой-то Избранный, которого Хью до этого ни разу не видел. Фарнхэм мгновенно приготовился говорить, как предписывалось слугам в унижительном наклонении.

— Подойди сюда, Хью. Сними карты. И не вздумай вдаваться в эти утомительные формальности, — предупредил лорд Протектор. — Это семья. Все свои.

Хью, поколебавшись, приблизился. Второй Избранный, крупного телосложения, темнокожий человек, с вечно хмурым выражением лица, казалось, не очень-то обрадовался его появлению. Хлыст был у него с собой, и он вертел его в руках. Джо взглянул на Хью и улыбнулся:

— Я учил их играть в бридж. Нужен четвертый. Я все время твержу Понсу, что ты самый лучший из виденных мною когда-либо игроков. Ты уж постарайся не подводить меня, а?

— Постараюсь. — Хью сразу узнал одну из своих бывших колод.

Вторая колода, похоже, была сделана и расписана вручную. Работа была изумительной. Карточный столик, обильно украшенный резьбой по дереву, не принадлежал к обстановке убежища и также являлся настоящим произведением искусства.

Хью выпало быть партнером незнакомого Избранного. В связи с этим он усердно изображал волнение, сознавая, что чем-то не приглянулся партнеру.

У его партнера был контакт при трех пиках — по счастливому раскладу карт они взяли четыре.

— Парень, ты маловато заказал. Игра впустую. Постарайся, чтобы этого больше не случилось, — буркнул незнакомец.

Хью промолчал и сдал карты вновь.

В следующем круге Джо и Понс взяли пять трэф.

— Если бы ты зашел с бубен, мы бы обставили их. А ты вместо этого подставил нас! Я ведь предупреждал тебя. Ну, теперь... — негодовал Избранный.

— Мрика! — резко оборвал его Понс. — Это бридж. И играй в него. А хлыст убери. Слуга сыграл совершенно правильно.

— Ничего подобного! И будь я проклят, если буду играть с ним дальше! Я всегда чувствую, что имею дело с вонючим слугой, как бы хорошо его не выскребли. А этот, по-моему, вообще не мылся!

Хью почувствовал, как с него стекает пот, и вздрогнул. Но Понс ровным голосом произнес:

— Хорошо, мы извиняем тебя. Можешь идти.

— И отлично! — Избранный встал. — Но прежде чем я уйду, я хотел спросить одну вещь... Если промешкаешь еще немного, то Их Превосходительство отдаст Протекторат Северной Звезде...

— Уж не собираешься ли ты вложить в это дело деньги? — круто спросил их Милость.

— Я?.. Но ведь это семейное дело. Что касается меня, то я-то уж не упустил бы такого случая! Сорок миллионов гектаров, сплошь покрытых первосортным лесом? Я бы не думал ни секунды! Но у меня буквально нет ни гроша... и вы сами знаете почему.

— Конечно, знаем. Ты злоупотребляешь азартными играми.

— О, это совершенно напрасно. Деловому человеку приходится рисковать. Нельзя же назвать азартной игрой то, что...

— А мы считаем, что азартные игры. Мы не против риска, но терпеть не можем проигрышей. И если тебе снова придется проиграть, то желательно, чтобы ты вкладывал свои собственные деньги.

— Но это ведь вовсе не так рискованно. Дело практически верное... все равно что породниться с Их Превосходительством. Семье...

— Позволь решать нам, что семье выгодно, а что нет. А тебе придется еще немного подождать этого права. Пока же мы не менее твоего хотели бы доставить удовольствие лорду Владетелю. Но ни в коем случае не с помощью сумм, каковыми семья в данный момент не располагает.

— Деньги можно занять. Под проценты, которые...

— Ты собрался уходить, Мрика. Будем считать, что ты уже ушел. — Понс взялся за карты и начал тасовать их. Молодой Избранный фыркнул и вышел.

Понс разложил пасьянс, снова смешал карты, раздал их и начал игру в селитер. Через некоторое время он обратился к Джо:

— Иногда этот юноша так выводит меня из себя, что у меня появляется нетерпеливое желание изменить завещание.

Джо казался озадаченным.

— А я всегда думал, что его нельзя лишить наследства.

— Конечно, нет! — Их Милость выглядел шокированным. — Такого не сделает и последний крестьянин. До чего бы мы докатились, не будь на Земле стабильности? Даже думать не хочется о таком, пусть это и дозволено было бы законом. Нет, он мой наследник. Я имел в виду только слуг.

— Тогда я не понимаю... — сказал Джо.

— Ну, ты же знаешь... Хотя, возможно, и нет. Я все время забываю, что ты недавно среди нас. В завещании я распорядился вещами, принадлежавшими лично мне. Их не так много... украшения, свитки и тому подобное. Стоимость всего этого примерно около миллиона. Пустяки. Если не считать домашних слуг. Только домашних. Я не говорю о слугах на шахтах или на фермах, или на других предприятиях. Обычай таков, что всех домашних слуг упоминают в завещании поименно. В противном случае, они обязаны следовать в загробный мир вслед за своим Дядюшкой (в данном случае — мной). — Он улыбнулся. — Была бы неплохая шутка, когда после моей смерти Мрика обнаружил бы, что ему нужно набрать денег на покупку полутора — двух тысяч слуг или заколотить дворец и жить в шалаше. У меня эта сцена так и стоит перед глазами. Парень и сливы с дерева не достанет без того, чтобы ее не трясли четверо слуг. Я даже не уверен, умеет ли он сам обуваться. Хью, не утверждай, что черная дама бьет красного валета, иначе я накажу тебя. Я в очень плохом настроении.

— Разве? А я и не заметил, — торопливо произнес Хью.

— Тогда что же ты уставился в карты?

Хью и в самом деле уткнулся взглядом в свои карты, стараясь сделаться как можно незаметнее. Он очень нервничал, оказавшись невольным свидетелем ссоры между Понсом и его племянником, и все же не упустил ни слова из их перепалки, поскольку нашел ее более чем интересной.

— А ты что предпочел бы, Хью? — Понс продолжал. — Сопровождать меня в мир иной или остаться здесь служить Мрике?... Только отвечай сразу. Но предупреждаю тебя, что уже меньше чем через год после моей смерти тебе придется обгрызать себе пальцы на ногах от голода... В то же время, как гласит Благый Свиток, небеса — довольно приятное местечко.

— Выбирать сложно, — философски заметил Фарнхэм.

— А тебе выбирать и не придется. И ты никогда не узнаешь, что тебя ожидает. Слуга не должен знать этого, чтобы всегда хорошо служить своему Повелителю. Этот мерзавец Мешток так и ходит за мной по пятам, упрямившая удостоить его чести сопровождать меня на небеса. И если бы я был уверен, что он просит искренне, я бы непременно отказал ему из-за его бездарности, — Понс смешал вдруг карты и выругался. — Черт бы побрал этого мальчишку! Он, конечно, партнер не ахти какой, но мне так хотелось сыграть еще несколько настоящих сильных робберов. Джо, нам нужно научить играть еще кого-то. До чего же тоскливо остаться без четвертого партнера!

— Конечно, — согласился Джо. — Прямо сейчас!

— Нет, нет. Я хочу играть по-настоящему, а не смотреть, как новичок спотыкается на каждом ходе. Я уже втянулся в эту игру. Она позволяет совершенно отвлечься от неприятных мыслей.

И тут Хью осенило:

— Понс, есть еще один игрок, но он — слуга...

— Конечно же! Он... — просветлел Джо.

— Барбара, — быстро перебил его Хью, чтобы тот не успел назвать Дьюка.

Джо растерянно заморгал. Но затем постарался сгладить собственные слова:

— Он — я имею в виду Хью — собирался назвать прислугу по имени Барбара. Она очень хорошо играет в бридж.

— Что? Так ты, значит, кое-кого обучил игре под лестницей, Хью? — спросил Понс и добавил: — Барбара? Я что-то не припоминаю такого имени. По крайней мере, она не относится к старшим слугам.

— Вы должны помнить ее, — сказал Джо. — Она была с нами, когда вы нас подобрали. Ну, такая высокая...

— Ах, да! Конечно! Так значит, Джо, ты утверждаешь, что она умеет играть в эту игру?

— Она — игрок высокого класса, — заверил его Джо. — Играет лучше меня. Господи, Понс, да она обыграет вас, как мальчишку. Правду я говорю, Хью?

— Барбара великолепный игрок, — подтвердил Фарнхэм.

— Пока не увижу — не поверю...

Через несколько минут Барбара, вымытая и приведенная в порядок, уже стояла на пороге. Она взглянула на Хью, очень удивилась, открыла рот, потом закрыла его и стояла так, ничего не произнося.

К ней приблизился Понс:

— Так это, значит, и есть прислуга, умеющая играть в бридж? Не бойся, малышка, никто тебя не съест. — И далее он добродушно уверил ее в том, что вызвана она только для того, чтобы составить компанию за карточным столиком, и что она может расслабиться и не соблюдать унцижительной формы речи. — В общем, веди себя так, как будто ты у себя внизу приятно проводишь время с другими слугами. Поняла меня?

— Да, сэр.

— И еще одно. — Он похлопал ее по плечу. — Пока ты будешь моей партнершей, я не рассержусь на тебя, если ты допустишь промах, — ведь ты все-таки прислуга, и вообще удивительно, что ты способна играть в интеллектуальную игру, но... — он сделал паузу, — когда ты будешь играть против меня и попытаешься подыгрывать мне, обещаю, что тебя накажут. Поняла?

— Правильно, — согласился Джо. — Их Милость вправе требовать этого. Играй по книге и старайся изо всех сил.

— По книге, — повторил Понс. — Я, правда, никогда не видел этой книги, но Джо уверяет, что научил меня играть именно по ней. Так что дерзай. Ну ладно, давайте сдавать.

Хью почти не слушал его. Он блаженно взглянул на свою возлюбленную. Она достаточно хорошо выглядела и на вид была здорова, но ему странно было видеть ее стройной, как прежде, — вернее, почти как прежде, так как талия ее еще не совсем достигла прежнего объема, а грудь значительно увеличилась в размере. Загар с нее почти сошел, а одета она

была, как и вся прислуга, в бесформенный белый балахон, довольно короткий. Хью очень обрадовался тому, что она не лишилась своих волос. Волосы, правда, были коротко подстрижены, но их снова можно было отрастить.

Тут он заметил, что его собственная внешность почему-то удивила Барбару, и понял почему. Улыбнувшись, он сказал:

— Я теперь причёсываюсь шкуркой, Барби. Какая разница? Тем более что я уже привык быть лысым, да мне это даже и нравится.

— Ты выглядишь просто изысканно, Хью.

— Он страшен, как смертный грех, — заметил Понс. — Но зачем мы здесь собрались? Поболтать? Или сыграть в бридж? Твое слово, Барбара.

Они играли несколько часов подряд. И чем больше играли, тем больше Барбара успокаивалась и приходила в себя. В конце концов игра, по-видимому, даже начала доставлять ей удовольствие. Она стала улыбаться в основном Хью, но и Джо тоже, а иногда и их Милости. Она играла строго по книге, и Понсу ни разу не удалось поймать ее на фальши в игре. Хью, наконец, пришел к выводу, что их хозяин хороший игрок, не отличный, конечно, пока, но, по крайней мере, запоминал битые карты и в торговле был точен. Хью находил его вполне достойным партнером и довольно сильным противником. Игра была настоящей и увлекательной.

Один раз, когда Барбара была партнершей Понса и контракт был у нее на руках, Хью обратил внимание, что Понс, который выложил вала, казался слишком много. И тогда он осмелился на один верный трюк, дававший Барбаре возможность взять контракт, выиграть игру и роббер.

Хью поймал как бы вскользь брошенный Барбарой безразличный взгляд и почти неуловимую усмешку Джо. Понс ничего не заметил. Оставшись в дураках, он взревел от огорчения, потянулся и погладил Барбару по голове.

— Изумительно! Изумительно! Малышка, да ты, кажется, и впрямь умеешь играть! Да у меня самого вряд ли бы так получилось!

И не стал он жаловаться на судьбу, когда в следующем роббере Барбара и Хью жестоко наказали его и Джо. Тогда Хью решил, что в Понсе есть то, что называется «спортивным духом», и к тому же неплохие способности к карточной игре.

Появилась одна из глухонемых прислужниц, наклонилась и подала их Милости бокал чего-то холодного, затем такой же бокал подала и Джо. Понс отхлебнул глоток, вытер губы и произнес:

— Уф! Очень кстати.

Джо шепотом предложил ему на ухо что-то. Понс, казалось, удивился, но ответил:

— Конечно. Почему бы нет?

Таким образом, Хью и Барбару так же обслужили. Хью с удовольствием обнаружил, что в бокале у него чистый яблочный сок. Если бы там оказалось «счастье», то он не поручился бы за свою дальнейшую способность играть.

Во время следующего роббера Хью заметил, что Барбара чем-то озабочена и с большим трудом сосредотачивается на игре. Когда они доиграли круг, он тихонько спросил:

— Что-нибудь не в порядке, милая?

Она бросила взгляд на Понса и прошептала в ответ:

— В общем, да. За мной послали как раз во время кормления малышей.

— О! — Хью повернулся к хозяину. — Понс, Барбаре необходимо сделать перерыв.

Понс оторвался от тасуемых им карт.

— Не иначе как в туалет. Думаю, что одна из моих служанок покажет ей, где это. Ведь сами-то они ходят куда-нибудь...

— Нет, не то. Впрочем, может быть, и это тоже. Но я хотел сказать, что у Барбары есть дети. Близнецы.

— Ну так и что из этого? У прислуги обычно и бывают близнецы. Ведь у них две груди.

— В том-то и дело, она еще кормит их грудью, а последний раз их нужно было кормить несколько часов назад. Ей просто необходимо уйти.

Понс, казалось, был слегка раздражен. Поколебавшись немного, он заявил:

— Чепуха. Молоко, небось, не свернется из-за такого небольшого опоздания. Сдавай карты.

Но Хью даже не прикоснулся к колоде.

— Ты что, не слышал меня? — задал вопрос Понс.

Хью встал. Его сердце билось, как молот, и он почувствовал, что дрожит от страха.

— Понс, Барбара страдает. Ей именно сейчас просто необходимо покормить малышей. Я, конечно, не могу принудить вас отпустить ее ... но неужели вы думаете, что я буду продолжать игру после того, как вы этого не сделаете? Если вы так считаете, то, видимо, вы сошли с ума...

Понс долго и внимательно рассматривал его, ни капли не изменившись в лице, потом вдруг улыбнулся:

— Хью, а все-таки ты мне нравишься. Ты уже как-то раз устраивал нечто в этом роде, не так ли? Наверное, эта прислуга — твоя сестра, да?

— Нет.

— Тогда если кто из нас и сошел с ума, так это ты. Да знаешь ли, дерзкий, как близок ты был к тому, чтобы стать просто мясом?

— Могу предположить...

— Вряд ли, поскольку по тебе этого никак не скажешь. Но я уважаю отвагу, даже в слугах. Ладно, пусть ее близнецов принесут сюда. Они могут сосать и в то время, как мы будем играть.

Принесли малышей, и Хью смог убедиться в том, что это самые симпатичные и самые здоровенькие детишки, когда-либо являвшиеся на свет Божий. Он шепнул об этом Барбаре. Но в первый момент ему не удалось дотронуться до малышей, так как Понс сразу же подхватил их и рассмеялся и, подув обоим в ротки, немного их покачал.

— Отличные мальчуганы, — воскликнул он. — Отличные мальчуганы у тебя, Барбара! Сущие маленькие дьяволята, готов поклясться! Давай, давай, малыш, сжимай кулачок. Ну-ка, ткну-ка Дядюшку в нос еще разок! Как их зовут, Барбара? У них есть имена?

— Вот этот — Хью...

— Что? Разве у них с Хью есть что-нибудь общее? Или, может, он просто так считает?

— Он их отец...

— Ну и ну! Ты, Хью, может быть, и некрасив, но, видимо, у тебя есть другие достоинства. Если только Барбара говорит правду. А как же зовут второго?

— А это маленький Джо. Карл Джозеф...

Понс взглянул на Джо.

— Так, значит, прислуга называет своих отпрысков в твою честь, Джо? Придется получше присматривать за тобой, разбойник ты этакий. Что же ты подарил Барби?

— Прошу прощения? — недоумевал Джо.

— Что ты подарил ей за рождение ребенка, идиот? Подари ей это кольцо, которое у тебя на пальце. В этом доме столько детей названо в мою честь, что мне приходится заказывать целые мешки безделушек. Эти osoby знают, что я обязан что-нибудь подарить им. Хью, счастливчик, — ему нечего отдать. Ха, у Хьюги, кажется, зубки!

Самому Хью удалось подержать их немного, пока Барбара устраивалась так, чтобы иметь возможность и кормить детишек грудью и играть в бридж одновременно. Она кормила их по очереди, а свободной рукой в это время играла. Вокруг ребенка, которого не кормили, суеились глухонемые служанки, а как только кормление закончилось, унесли их обратно. Несмотря на довольно сложные обстоятельства, Барбара играла неплохо. В результате Понс набрал очков больше всех, Барбара оказалась второй, а Джо и Хью разделили третье и четвертое места. Хью пожульничал совсем немного, чтобы добиться такой расстановки. Понсу действительно шла карта, особенно когда его партнершей была Барбара: им даже удалось сделать два Малых Шлема.

Протектор пребывал в отличном настроении.

— Барбара, поди сюда, малышка. Скажи своей начальнице, что я приказал найти кормилицу для твоих близняшек и что я хочу, чтобы ветеринар как можно быстрее прекратил лактацию у тебя. Ты немедленно нужна мне в качестве партнера или противника по бриджу. Ты играешь, как настоящий мужчина.

— Да, сэр. Не позволено ли будет задать вопрос? — спросила Барбара.

— Позволено.

— Я бы предпочла кормить их сама. Ведь они — это все, что у меня есть.

— Ну, что ж... — Он пожал плечами. — Кажется, сегодня у меня день упрямых слуг. Видимо, вы оба — все еще дикари. Вам бы отнюдь не повредила небольшая порка. Хорошо, но тогда тебе придется иногда играть только одной рукой: я не желаю, чтобы игра прерывалась. — Он усмехнулся. — Кроме того, я время от времени буду даже рад видеть маленьких разбойников, особенно того, который умеет кусаться. Можешь идти. Все.

Барбара была отправлена так внезапно, что Хью едва успел на прощание обменяться с ней улыбками. Он-то рассчитывал, что они будут спускаться вместе вниз, а может быть, даже зайдут к нему ненадолго. Но их Милость не отсылал его, поэтому ему пришлось остаться. На душе у него было тепло и хорошо. Сегодня у него впервые за долгое время были минуты настоящего счастья.

Понс сразу перешел к делу: он объяснил ему, почему ни одну из переведенных им статей нельзя было использовать практически.

— Но не отчаивайся, Хью. Продолжай работу, и нам обязательно что-нибудь попадетсЯ. — В голосе Протектора звучали дружелюбные нотки.

Он перевел разговор на другую тему, все еще не отпуская Хью. Фарнхэм отметил для себя, что Понс — эрудированный собеседник, который интересуется всем и готов как внимательно послушать, так и рассказать о чем-нибудь сам. Он показался Хью воплощением настоящего циника, дилетанта в искусстве и науке. Но в нем не проглядывались признаки ни милосердия, ни жестокости, ни расизма. Судя по всему, он мало ценил собственное положение. К Хью он относился, как к равному по уму.

Пока они беседовали, маленькие прислужницы накрыли стол для Понса и Джо. Хью не пригласили, да он и не ждал этого и не хотел, так как всегда мог приказать накрыть ему стол в его кабинете, если не успевал к общему обеду в столовой для старших слуг. Мешток был прав: слуги питаются лучше хозяев.

Но когда Понс наелся, он пододвинул свое блюдо Хью.

— Ешь.

Хью колебался какие-то доли секунды. Он прекрасно понимал, что ему оказана великая честь — для слуги, разумеется. На блюде оставалось еще очень много — раза в три больше, чем съел Понс. Хью не мог припомнить, чтобы ему приходилось подъедать чьи-нибудь объедки, да еще грязной ложкой. Но он принялся за еду.

Меню их Милости не пришлось по вкусу Хью — что-то жирное, а он всегда недолголюбил свинину. Свинина редко подавалась слугам, но зато была обычной принадлежностью блюд, которые постоянно пробовал Мешток. Это очень удивляло Хью, так как в реализованном Коране еще сохранялись религиозные предписания по поводу пищи, а Избранные следовали некоторым мусульманским обычаям. Они практиковали обрезание, не употребляли никакого спиртного, не считая легкого пива, и со-

блюдали рамадан, во всяком случае, номинально, поскольку назывался он именно так. Магомет был бы потрясен коренными изменениями, которые претерпело его учение.

Но хлеб был вкусен, фрукты — превосходны, равно как и мороженое и многое другое. И Хью отведал всего понемножку.

Понс поинтересовался, каким был во времена Хью климат этого района.

— Джо говорит, что иногда у вас бывали морозы. Даже снег.

— Конечно. Каждую зиму, — подтвердил Хью.

— Удивительно. И какой же бывал мороз?

Хью задумался. До сих пор он не знал, как эти люди измеряли температуру.

— Если взять диапазон температур, — принялся объяснять Фарнхэм, — между замерзанием воды и ее кипением, то иногда температура доходила до одной трети этого промежутка.

Понс удивился.

— Ты уверен? Мы называем этот диапазон от точки кипения до точки замерзания — ста градусами. И следовательно, ты утверждаешь, что температура доходила иногда до тридцати трех градусов ниже нуля.

Хью с интересом отметил, что стоградусная шкала пережила два тысячелетия. Впрочем, почему бы и нет — ведь они пользовались десятичным исчислением в арифметике и в денежной системе. Он еще раз прикинул в уме.

— Да, именно это я имел в виду. Мороз, почти достаточный, чтобы заморозить ртуть, а в горах вполне достаточный для этого. — Хью указал на горы, вздымающиеся за окном.

— Да, — согласился Джо, — такой мороз, что зубы стыли. Только из-за этого я был готов двинуть на Миссисипи.

— А где находится Миссисипи? — спросил Понс.

— Ее больше не существует, — пояснил Джо. — Сейчас она под водой, к сожалению.

Все это привело к тому, что они начали обсуждать причину изменения климата, и их Милость послал за современными картами и за последним томом Британики, в котором содержались древние карты. Они все вместе склонились над ними. Там, где раньше была Миссисипи, теперь далеко на север простирался Залив. Флориды и Юкатаны не было, а Куба представляла собой группу маленьких островов. Калифорния имела собственное внутреннее море, а большая часть Северной Канады исчезла.

Такого же рода изменения произошли повсюду. Скандинавский полуостров стал островом, Британские острова стали группой небольших островков, под водой оказалась и часть Сахары. Все низменности в мире покрыты водой — не было Голландии, Бельгии, Северной Германии. Не было и Дании — Балтика стала заливом Атлантического океана.

Когда Хью увидел все это, его охватила какая-то печаль, и он почувствовал тоску по дому. Он и раньше из книг знал, что так должно было произойти, но впервые видел перед собой подтверждение тому — карту.

— Вопрос в том, — сказал Понс, — явилось ли таяние льдов следствием большого количества радиоактивной пыли в атмосфере в результате войны между Востоком и Западом, или все случилось благодаря природным явлениям, которые только в небольшой степени были ускорены искусственно? Некоторые из моих ученых придерживаются первой версии, некоторые — второй.

— А сами вы что думаете? — спросил Хью.

Лорд пожал плечами.

— Я не так глуп, чтобы составить мнение, не располагая достаточной информацией. Поэтому оставляю это на рассмотрение ученым. Единственное, за что я благодарен Дяде, так это за то, что я живу во времени, когда могу выйти за порог, не обморозив ступней. Однажды я был на Южном Полюсе — у меня там кое-какие шахты. Так что вы думаете — иней на земле. Ужасно. Льду место в напитках!

Понс подошел к окну и некоторое время стоял, глядя в силуэты гор на фоне заката.

— Все же, если бы здесь стало так холодно, то мы бы мигом выковырили их оттуда. А, Джо?

— Да, и они вернулись бы, поджав хвосты, — согласился Джо. Хью был озадачен.

— Понс имеет в виду, — объяснил Джо, — беглых, скрывающихся в горах, за которых сначала приняли и нас при нашем обнаружении.

— Да, беглые и горстка аборигенов, — добавил Понс. — Дикари. Бедняги, никогда не вкушавшие плодов цивилизации. Их очень трудно спасти, Хью. Они не ждут, к сожалению, когда их схватят, как вы, например. Они хитры, как волки. Стоит в небе появиться хоть тени, замирают на месте. И никак их не обнаружить с воздуха. Кроме того, они способны на все. Конечно, мы с легкостью могли бы выкурить их оттуда, но тогда и игра кончится, а это нежелательно. Хью, кстати, ты ведь и сам жил там, поэтому должен знать, как это можно устроить. Как нам переловить всех этих бродяг, не портя игры?

Мистеру Хью Фарнхэму понадобилось несколько секунд на то, чтобы сформулировать ответ:

— Их Милость, должно быть, знает, что ничтожный слуга — всего лишь слуга. И он никогда не осмелится предложить, что его незначительные сообщения могут хотя бы близко подойти к тем гениальным решениям проблемы, которые, несомненно, переполняют великий ум их Милости.

— Что такое, черт побери? Перестань, Хью. Я действительно хочу знать твое мнение.

— Вы уже знаете мое мнение, Понс. Я слуга. И мои симпатии на стороне беглецов и дикарей. Вам известно, что я и сам пришел сюда не по собственной воле, — Хью мужественно вступил в диалог с лордом Протектором.

— Ну уж, наверное, ты теперь не жалеешь об этом? Конечно, и ты, и даже Джо были захвачены. Но ведь тогда свою роль сыграл языковой барьер. Теперь-то ты видишь разницу. Не так ли?

— Да, вижу.

— Тогда ты должен видеть и то, как улучшились условия твоей жизни. — Понс словно убеждал собеседника. — Разве теперь ты не спишь в лучшей постели? Разве не ешь сытнее и вкуснее? Дядя! Да ведь когда мы подобрали вас, вы голодали и били вшей. Вы были чуть живыми от непосильного труда, я же знаю! Я не слепой, и я не глуп: в моей семье даже последний слуга не работает и в половину того, как приходилось вам, и спит в куда лучшей постели, а у вас еще стояла и вонь — нам едва удалось вывести ее. А что касается пищи, если можно так назвать то, что ели вы, то любой из моих слуг просто побрезговал бы взять в рот такую гадость. Разве все это не правда?

— Правда.

— Так в чем же дело?

— Я предпочитаю свободу, — ответил Хью.

— Свободу! — Их Милость презрительно фыркнул. — Понятие такое же воображаемое, как, например, «призрак». Бессмыслица. Хью, тебе бы следовало запастись семантикой. Современной семантикой, конечно. Вряд ли в ваше время такая наука существовала. Мы все свободны — идти предписанными путями. Так же, как камень волен падать, когда ты подбрасываешь его в воздух. Никто не свободен в абстрактном слысле этого слова. Может, ты думаешь, я свободен? Поменялся бы я с тобой, если бы мог? С радостью, клянусь! Ведь ты даже представления не имеешь о том, какие заботы обуревают меня. Иногда я по полночи лежу не в силах заснуть и мучительно размышляю о том, как мне быть дальше, — а ведь такого в спальнях слуг не бывает. Они счастливы, у них нет забот. А я должен терпеливо нести свое бремя.

Лицо Хью приняло упрямое выражение. Понс подошел к нему и обнял его за плечи.

— Ладно, давай обсудим это без эмоций, как два умных человека. Я не отношусь к тем отягченным предрассудками людям, которые считают, что слуга не способен думать, потому что кожа его белого цвета. А ведь такие есть, ты знаешь. Разве я не уважаю твой интеллект?

— Да... уважаете.

— Это уже лучше. Тогда позволь мне кое-что объяснить тебе — Джо знает что, — а ты будешь задавать вопросы, и мы придем к разумному взаимопониманию. Во-первых... Джо, ты же видел Избранных повсюду. Свободных Избранных, по определению Хью. Расскажи ему о них.

Джо хмыкнул:

— Хью, доведись тебе увидеть их, ты посчитал бы за счастье жить в имении Понса. Я могу описать их существование только так: «Нищее черное отребье». Совсем как то «нищее белое отребье», жившее на берегах Миссисипи. Нищее черное отребье, которое даже не знает, что будет есть в следующий раз.

— Понимаю.

— Я, кажется, тоже понимаю, — согласился их Милость. — Очень выразительно. Я предвижу день, когда каждый человек будет иметь слуг. Конечно, этого не случится за одну ночь, потребуется долгое время, чтобы прийти к такому. Но мой идеал — это слуги в доме каждого Избранного, а о слугах будут заботиться так же, как в моем имении. И я для этого делаю все, что в моих силах. Я слежу за тем, чтобы они с рождения до смерти ни в чем не испытывали недостатка. Им нечего бояться, они живут в абсолютной безопасности — чего нет в этих горах, и думаю, что тебе это известно, как никому другому. Они счастливы, они никогда не работают до седьмого пота — как я, например, — они развлекаются, чего я никак не могу сказать о себе! Эта партия в бридж — мое первое настоящее развлечение за целый месяц. И их никогда не наказывают, разве что только для того, чтобы показать им, что они совершают ошибки. И это необходимо, так как сам знаешь, что большинство из них — глупцы. И не подумай, что я тебя отношу к этой же категории... Нет, я могу честно сказать, что считаю тебя способным руководить другими слугами, несмотря на цвет твоей кожи. Хью, неужели ты считаешь, что простые слуги могли бы сами позаботиться о себе так же хорошо, как я забочусь о них?

— Наверное, нет. — Хью уже слышал все это несколько дней тому назад, и почти в этих же самых выражениях, — от Мештока. Но с той разницей, что Понс, казалось, искренне заботится об их благополучии и любит их, а Главный управляющий открыто их презирает, даже еще больше, чем втайне презирает Избранных. — Нет, большинство из них не смогло бы позаботиться о себе.

— Ага! Так ты согласен со мной? — ликовал Понс.

— Нет.

Протектор был ошеломлен:

— Хью, как же мы можем спорить, если ты сначала говоришь одно, а потом сам же себе противоречишь?

— Просто я не предпочитаю благополучие свободе.

— Но почему, Хью? Назови же мне настоящую причину, а не философскую абстракцию. Если ты несчастлив, то я хочу знать почему. Чтобы я мог исправить положение.

— Одну причину я могу назвать. Мне не дают жить с моей женой и детьми, — сказал Фарнхэм.

— Что?

— С Барбарой и близнецами.

— Ах вот оно что! А разве это очень важно? Ведь у тебя есть согревательница постели. Так мне сказал Мешток, и я даже поздравил его с тем, как он ловко справился с необычной ситуацией. От этой старой лисы ничего не ускользает. Так что женщина у тебя есть, и к тому же она гораздо более искушена в постельных делах, чем обычная прислуга. А что касается близнецов, то ты всегда можешь повидаться с ними. Только прикажи, и тебе тут же принесут их. Но кто же согласится жить с детьми? Или с женой? Я, например, со своей женой и детьми не живу, кланюсь.

Я иногда вижусь с ними, когда это необходимо. Но разве кто-нибудь захотел бы жить вместе с ними?

— А я хочу, — настаивал Хью.

— Ну, знаешь... Дядя! Я желаю, чтобы ты был по-настоящему счастлив. Это можно устроить.

— Можно?

— Конечно. Если бы ты не стал поднимать столько шума из-за оскпления, ты бы уже давным-давно жил вместе с ними — я до сих пор не понимаю, почему ты отказался. Так ты согласен на встречу с ветеринаром?

— Э-э... нет.

— Ну, тогда есть другая возможность. Я прикажу стерелизовать женщину.

— Нет...

Понс вздохнул:

— Тебе трудно угодить. Но будь же рассудительным, Хью. Не могу же я изменить научную теорию размножения только ради того, чтобы сделать приятное одному из слуг. Да ты знаешь, сколько слуг в этой семье? Здесь и во дворце? Думаю, что около тысячи восьмисот. А знаешь, что произойдет, если дать им возможность беспрепятственно размножаться? Через десять лет их число удвоится. А потом они начнут голодать. Я не в силах обеспечить их полностью при неограниченном приросте. Конечно, если бы я мог, я бы сделал это. Но это неосуществимо. Да и никто не смог бы справиться с ними, если бы они стали размножаться стихийно. Так что же лучше? Контролировать рождаемость? Или пусть голодают? — Их Милость вздохнул. — Жаль, что ты не на голову ниже. Возможно, тогда мы что-нибудь придумали бы. Ты когда-нибудь бывал в помещениях жеребцов?

— Да, однажды мы с Мештоком были там.

— Ты заметил там дверь? Тебе пришлось наклониться, А Мешток прошел не сгибаясь — ведь он тоже когда-то был жеребцом. И в любом из бараков для жеребцов, по всему миру, двери одинаковой высоты. И ни одному слуге, если он выше ростом, не стать никогда жеребцом. И твоя прислуга слишком высока. Этот закон очень мудр, Хью. Не я устанавливал его. Он был введен давным-давно Их Превосходительством, который правил в те времена. Если бы им позволили родиться высокими, пришлось бы чаще наказывать их, а это плохо, как для слуги, так и для хозяина. Нет, Хью. Все имеет свои причины. Но не проси невозможного. — Он поднялся с дивана, на котором они с Хью разговаривали, и пересел за карточный столик. Взяв колоду, он сказал: — И давай больше не будем об этом. Ты умеешь играть в двойной селитер?

— Да.

— Тогда подсаживайся, и посмотрим, сумеешь ли ты обыграть меня. Только не будем дуться. А то мужчины обычно расстраиваются, когда их усилия не увенчиваются успехом...

Хью смолк. Он печально раздумывал о том, что Понс ни в коем случае не злонамерен. Просто он является представителем правящего класса,

а они и в истории всегда были одинаковы... Будучи искренне уверенными в своих благих намерениях, они огорчались, когда их пытались разубедить в этом.

Партию сыграли. Хью проиграл, потому что мысли его витали далеко. Начали вторую, и тут их Милость заметил:

— Надо бы приказать, чтобы расписали еще одну колоду, а то эта уже поистерлась.

— А разве нельзя сделать это быстрее, отпечатав ее, как свиток? — поинтересовался Хью.

— А-а? Мне это никогда не приходило в голову. — Понс потер пальцем одну из карт XX века. — Эта, во всяком случае, не очень-то похожа на напечатанную. А что, их в самом деле печатали?

— Конечно, — в свою очередь, удивился Хью. — Даже, можно сказать, миллионами, учитывая то, что продавались они в огромных количествах.

— Вот как? Никогда бы не подумал, что бридж, при том что игрокам необходим острый ум, мог привлечь много людей.

Хью внезапно положил карты.

— Понс, вы хотели сделать деньги...

— Да, хотел.

— Так вот они — у вас в руках. Джо! Иди сюда и давай обсудим это. Сколько колод продавалось в Соединенных Штатах ежегодно?

— Ну, я точно не знаю, Хью. Наверное, миллионы, — ответил Джо.

— Я тоже так думаю. С прибылью около девяносто процентов. Мм... Понс, а ведь бридж и селитер — не единственные игры, в которые можно играть с помощью карт. Возможности тут неограниченные. Есть игры такие же простые, как селитер, но в которые могут играть два, три или большее число игроков. Есть игры, когда одновременно может играть дюжина людей. Игры простые и сложные. Есть даже разновидность бриджа — «двойной», как его называют. Понс, каждая семья — маленькая семья — всегда имела одну, две, а то и дюжины колод. В редком доме не держали карт. Можно примерно посчитать, сколько колод продавалось. Вероятно, только в Соединенных Штатах в ходу было около ста миллионов колод. А перед вами девственный рынок. Все, что потребуется, — это заинтересовать людей.

— Понс, Хью прав, — подтвердил Джо. — Возможности неограничены.

Лорд Протектор поджал губы.

— Если продавать их по бычку за колоду, ну, скажем... ммм...

— Слишком дорого, — возразил Джо. — Ты убьешь рынок, еще не начав дела.

— Джо, помнишь, есть какая-то формула для установления цены, дающей максимальную прибыль? — спросил Хью.

— Она срабатывает только при полной монополии.

— Да? А как здесь насчет этого? — не переставал выяснять Фарнхэм. — Патенты, авторское право и все такое прочее? В тех свитках, что я читал, об этом ничего не было сказано.

— Хью, Избранные не имеют такой системы, она им не нужна. Все прекрасно разработано, изменения очень редки, — ответил Джо.

— Это плохо. Не пройдет и двух недель, как рынок переполнится подделками.

— Что за беллиберда? Говорите на Языке, — вставил Понс.

(Вопрос Хью мог сформировать только по-английски; Джо соответственно, и ответил на него также по-английски.)

— Прошу прощения, Понс... — заторопился Джо и объяснил ему, что понимается под патентом, авторскими правами и монополией.

Хозяин облегченно вздохнул:

— О, это очень просто. Когда на человека снисходит вдохновение Небес, лорд Владелец запрещает кому бы то ни было другому пользоваться этим. Но это случается редко. На моей памяти такое бывало всего дважды. Но, во всяком случае, было.

Хью не был удивлен, узнав, как редко случаются здесь изобретения. Эта культура была статичной, большая часть того, что здесь называлось «наукой», пребывало в руках оскопленных рабов. А поскольку запатентовать новую идею было так трудно, то и инициатива в этом направлении была редка.

— Значит, вы заявляете, что эта идея — вдохновение Небес? — не скрывая любопытства, спросил Хью.

Понс немного подумал и ответил:

— Вдохновение — это то, что их Милосердие в Их мудрости признает вдохновением. — Он вдруг улыбнулся. — На мой взгляд, все, что будет приносить бычки в сундуки семьи, является вдохновением. Проблема в том, чтобы Владелец думал так же. Но это можно устроить. Продолжайте.

— Хью, охраняться должны будут не только игральные карты, но и игры вообще, — заметил Джо.

— Конечно. Если не будут покупать карты их Милости, то пусть и не играют в его игры. Конечно, трудно гарантировать, что кто-нибудь не попытается подделать колоду карт, но монополия сделает это противозаконным.

— И не только такие карты, но и любую разновидность игровых карт. Ведь в бридж можно играть картами, на которых проставлены одни номера, — добавил Джозеф.

— Да, — согласился Хью. — Джо, а ведь у нас в убежище где-то была коробка со скрэбблом.

— Она здесь. Ученые Понса спасли ее, Хью. Я понимаю, к чему ты клонишь, но здесь никто не сможет играть в скрэббл, потому что никто не знает английского.

— А что мешает нам изобрести скрэббл, но уже на Языке? Стоит мне только посадить свой штат за частное изучение Языка, и я очень вскоре смогу изготовить скрэббл и доску, и фишки, и правила, но уже на Языке.

— Что еще, во имя Дяди, такое этот ваш скрэббл? — воскликнул Протектор.

— Это игра, Понс. Очень хорошая. Но главное то, что за нее можно просить гораздо дороже, чем за колоду карт, — сказал Джо.

— И это еще не все, — присоединился Хью. Он начал загибать пальцы. — Парчизи, монополия, бэгэммон, старушка для детей — ее можно назвать как-нибудь иначе, — домино, анаграммы, разные джигсо. Вы когда-нибудь видели их?

— Нет.

— Они годятся для любого возраста, бывают самых разных степеней сложности. Жестянщик. Кости — множество игр с костями. Джо, здесь есть казино?

— Своего рода. Здесь есть места для игр, но многие предпочитают играть дома.

— Рулетки?

— Не уверен, — засомневался Джо.

— Тогда страшно подумать, что мы можем сделать. Понс, складывается впечатление, что отныне вы все ночи будете проводить, подсчитывая бырыши...

— Для этого есть слуги. Я только хотел бы знать, о чем вы говорите. Не будет ли позволено спросить? — не без ехидства спросил лорд Протектор.

— Простите, сэр. Джо и я говорили о других играх... и не только об играх, но и всякого рода развлечениях, которые раньше были в большом ходу, а потом забылись. Так я, по крайней мере, думаю. А ты, Джо?

— Единственная игра, с которой я здесь столкнулся, — это шахматы.

— Неудивительно, что они сохранились. Понс, дело в том, что любая из этих игр может принести деньги. Бесспорно, у вас есть замечательные игры. Но эти игры будут новшеством. Хотя они и очень стары. Пинг-понг... стрельба из лука! Джо, у них есть все это?

— Нет.

— Биллиард. Ладно, хватит. Мы и так уже перечислили достаточно. Понс, значит, сейчас самое важное — это добиться покровительства Их Милосердия, которое должно распространяться на все это... и я, кажется, подумал, как выдать это за вдохновение свыше. Назвать чудом.

— Что? Ерунда. Я не верю в чудеса, — отбросил эту идею Понс.

— А вам и не надо верить. Смотрите сами: нас обнаружили на земле, принадлежащей лично Владетелю, а нашли нас вы. Разве это не выглядит убедительным: Дядя хотел, чтобы о нашем существовании стало известно Владетелю? И чтобы вы как лорд Хранитель хранили это?

Понс просветлел:

— Но это могут начать оспаривать. Может дорого обойтись. Но ведь не вспяпятишь воды, не истопив печку, как говорила моя тетушка. — Он встал. — Хью, я хочу посмотреть на этот самый скрэббл. И как можно

скорее. Джо, мы выберем время, чтобы ты объяснил нам все остальное. Мы отпускаем вас обоих. Все...

Киска уже спала, когда вернулся Хью, но в кулачке у нее была зажата записка:

«О, милый, как чудесно было увидеть тебя!!! Жду не дождусь, когда их Милость снова позовет нас играть в бридж! Он просто старый душка! Пусть даже и проявивший недомыслие кое в чем. Но он поправил свою ошибку, а это признак настоящего джентльмена.

Я так возбуждена тем, что повидалась с тобой, что едва могу писать. А ведь Киска ждет записку для тебя. Близнецы посылают тебе свои поцелуи... слюнявые свои. Люблю, люблю, люблю!

Твоя, только твоя Б.»

Хью читал написанное Барбарой со смешанным чувством. Он разделял ее радость по поводу встречи, хотя она и была довольно непродолжительной, и тоже с нетерпением ждал того времени, когда Понс, ради своего удовольствия, позволит им побыть вместе. А что же касается остального... Лучше постараться вытащить ее оттуда до того, как она начнет мыслить, как обыкновенная прислуга! Конечно, в общепринятом смысле слова Понс был джентльменом. Он сознавал свои обязанности, был великодушен и щедр по отношению к своим подданным. В общем, джентльмен.

Но он же был и проклятым сукиным сыном! И Барбаре не следовало бы забывать этого! Игнорировать это — да! Иначе просто невозможно. Но забывать — никогда!

Он должен освободить ее.

Но как?

Хью улегся в постель.

Промаявшись около часа, он поднялся, перебрался в гостиную и встал у окна. За темным покровом ночи он различил еще более темные очертания Скалистых гор. Где-то там были свободные люди. Он мог разбить окно и уйти по направлению к горам, затеряться в них еще до рассвета и найти свободных товарищей. А, впрочем, зачем разбивать, он просто мог бы проскользнуть мимо дремлющего привратника или воспользоваться данной ему властью, олицетворяемой хлыстом, и пройти мимо стражи. Никаких особых препятствий для ухода слуг не чинилось. Стража содержалась скорее для того, чтобы предотвратить проникновение извне. Большинство слуг и не подумало бы бежать, как, например, собаки.

Собаки... А ведь одной из должностей была должность содержателя гончих.

Если понадобится, он сможет убить собаку голыми руками. Но как бежать, когда на руках двое грудных детей?

Он взял бутылку, налил себе порцию «счастья», выпил ее и вернулся в постель...

В течение многих дней Хью занимался тем, что перерабатывал игру скрэббл, переводил хейловское «Полное собрание игр», диктовал правила и описания игр и развлечений, которых не было у Хейла (например, пинг-понг, гольф, катание на водных лыжах), и часто встречался с Понсом и Джо — за игрой в бридж.

Последнее было самым приятным. С помощью Джо он научил играть нескольких Избранных, но чаще всего они играли вчетвером: Хью, Понс, Джозеф, Барбара. Понс отдавался игре с энтузиазмом новообращенного. Он посвящал ей почти каждую свободную минуту, причем предпочитал, чтобы состав игроков не менялся (все те же четверо).

Хью казалось, что Понс искренне симпатизирует Барбаре, равно как и коту, которого он звал «Даклистон» и никогда просто «Док». Похоже, коты получили статус равных, кто-то из них всегда мог запросто вспрыгнуть хозяину на колени, даже если Понс в это время «торговался». Ту же вежливость и доброе отношение он проявлял и к Барбаре. Он стал называть ее «Барба» или «деточка». И уже никогда не обращался к ней, как к неодушевленному предмету, как то предписывали правила Языка. Барбара в свою очередь называла его «Понс» или «Дядюшка» и явно испытывала удовольствие от его общества.

Иногда Понс оставлял Хью и Барбару наедине, однажды — на целых двадцать минут. Эти минуты были настоящим сокровищем, ценность которого просто не поддавалась исчислению. Они даже не рисковали потерять эту привилегию и удовлетворились лишь легким пожатием рук.

Если наступало время кормить детей, Барбара сообщала об этом Понсу, и он тут же отдавал соответствующее распоряжение. Однажды он даже приказал принести их ради своей прихоти. Ему хотелось посмотреть, сильно ли они подросли за неделю. Игру пришлось отложить до тех пор, пока «Дядюшка не навозится с ними всласть» на ковре, издавая разные забавные звуки.

— Детка, они растут, как сахарный тростник. Надеюсь, что увижу их взрослыми, — сказал он Барбаре, начав игру.

— Дядюшка, вам еще жить да жить!

— Возможно. Я пережил уже, наверное, с дюжину пробователей пищи, но это ничего не меняет. А наши мальчишки вполне могут стать прекрасными лакеями. Я так и вижу их подающими блюда на банкете во дворце — в Резиденции, конечно, а не в этой хибаре. Чей ход?

Несколько раз Хью видел Грейс, буквально не несколько секунд. При его появлении в покоях Понса Грейс немедленно удалялась с выражением крайнего неудовлетворения на лице. Если же Барбара приходила раньше Хью, то он вообще уже не заставлял Грейс. Было ясно и то, что она по-прежнему не переносит Барбару, а заодно и Хью. Но она ни разу не обмолвилась об этом, видимо научившись не поступать вопреки воле их Милости.

Теперь Грейс официально имела статус согревательницы постели их Милости. Хью узнал об этом от Киски. Прислуга всегда знала, у себя ли лорд по тому, была ли Грейс наверху или внизу. Других занятий его бывшая жена не имела, и никто, даже Мешток, не имел права наказывать ее. Она всегда была роскошно одета и увешана драгоценностями.

Грейс очень растолстела, настолько, что Хью испытал облегчение от того, что теперь даже номинально не обязан делить с ней ложе. Но вообще-то почти все согревательницы постели, по мнению Хью, были слишком полными. Даже Киска была весьма пышной. По меркам XX века девушка ее габаритов уже вполне могла бы начинать садиться на диету. Но Киска очень огорчалась тому, что никак не может пополнить еще больше, и все спрашивала Хью, не разонравится ли она ему из-за этого?

Киска была еще настолько молода, что нежность ее форм была довольно приятна, как приятны пухлые дети. Но совсем другое дело — полнота Грейс. Где-то в этой расплывшейся туше скрывалась прелестная девушка, которая была когда-то его женой. Он старался не думать об этом и не понимал, как Понсу может нравиться это — если, конечно, она ему нравится. По правде говоря, Хью допускал, что официальное положение согревательницы постели еще ничего не говорило обо всем прочем. Ведь Понсу было более ста лет от роду. Так был ли он еще в состоянии иметь дело с женщинами? Хью этого не знал, да и мало интересовался. На вид Понсу можно было дать лет шестьдесят пять, причем он был еще весьма силен и бодр. Но Хью все же склонялся к мысли, что роль Грейс в его жизни более чем скромная.

Но если ему было непонятно на Грейс, то за нее очень волновался Дьюк. Как-то раз сын ворвался в кабинет к отцу и потребовал разговора с глазу на глаз. Хью отвел его в свою комнату. Они не виделись уже около месяца. Дьюк только посылал переводы, поэтому не было никакой необходимости встречаться.

Хью попытался сделать встречу хоть немного приятной.

— Садись, Дьюк. Хочешь немного «счастья»?

— Нет уж! Спасибо. Что я слышал такое насчет матери?

— И что же ты слышал? (О боже! Опять начинается!)

— Ты чертовски хорошо знаешь, о чем идет речь!

— Боюсь, что нет.

Хью буквально выдавил эти слова из себя. Дьюк располагал всеми фактами, но, что странно удивило Хью, узнал их только в этот день. Поскольку более четырехсот слуг были отлично осведомлены о том, что одна из варварок — не та, высокая и худая, а другая — проводила в покоях их Милости гораздо больше времени, чем в помещениях для прислуги, то казалось невероятным, что Дьюку эта информация была так долго неизвестна. Впрочем, у Дьюка было мало общего с другими слугами, да и сам он не пользовался популярностью — Мешток называл его «возмутитель спокойствия».

Хью не стал ни подтверждать, ни отрицать то, что выложил ему Дьюк.
— Так что же? — требовательно спросил сын. — Что ты собираешься предпринимать?

— Ты о чем, Дьюк? Ты хочешь, чтобы я прекратил все эти сплетни среди слуг?

— Я не о том. Ты что же, думаешь отсидеться здесь, пока твою жену насилуют?

— Не исключено. Ты приходишь ко мне с какими-то слухами, которые дошли до тебя от старшего помощника младшего дворника, и требуешь от меня каких-нибудь действий. Прежде всего я хотел бы знать, что убеждает тебя в правдивости этих слухов? Во-вторых, почему ты называешь это изнасилованием? В-третьих, каких поступков ты ждешь от меня? В-четвертых, как ты полагаешь — что я могу сделать? А теперь подумай над моими вопросами и постарайся быть рассудительным. После этого мы с тобой можем поговорить о том, что я могу и чего я не могу.

— Не увливай! — раздраженно сказал Дьюк.

— Я ни от чего не увливаю. Дьюк, ты получил дорогостоящее образование юриста — я знаю, так как я платил за тебя. И ты сам много раз повторял мне выражение «волею обстоятельств». Так примени теперь это свое образование. Расположи вопросы по порядку. Почему ты думаешь, что эти слухи — правда?

— Ну... я узнал об этом и проверил. Все это знают.

— Вот как? Но раньше же знали, что Земля плоская. А это оказалось совсем не так. Согласись.

— Но я же говорю тебе. Мама назначена согревательницей постели этого ублюдка.

— Кто это сказал?

— Да все говорят!

— А ты спрашивал у начальницы прислуги?

— Что я, с ума сошел, что ли?

— Нет, это я просто... Кратко можно дело определить так: Грейс назначена прислуживать наверху. Обязанности ее могут быть самыми разными: прислуживать их Милости, прислуживать знатным дамам или еще что-нибудь. Может быть, устроить тебе свидание с начальницей, чтобы ты сам мог узнать у нее, чем занимается наверху твоя мать? Мне, например, неизвестно, какие функции она выполняет.

— Нет уж, сам спрашивай.

— Не буду. Я уверен, что Грейс сочла бы это неприличным и недостойным. Теперь допустим, что ты спросил ее и получил ответ, что она действительно согревательница постели их Милости. Допустим это только в качестве предположения, потому что ты ничем не можешь это доказать. Но при чем же здесь изнасилование?

Дьюк был удивлен.

— Это говоришь мне ты? Значит, ты можешь сидеть здесь и думать, что мама по доброй воле согласится на такое?..

— Я уже давно стараюсь не думать, на что способна твоя мама. Начнем с того, что, кроме тебя, мне никто не говорил о том, что она назначена согревательницей постели. А ты полагаешься на слухи. Невыясненным остается также: действительно ли она побывала в его постели, добровольно или нет. Если твои измышления в чем-то и верны, то опять же у меня нет никаких оснований полагать, что имело место что-то большее, чем совместный сон. Я и сам не раз делил ложе с особами женского пола, причем мы просто спали вместе. Такое бывает. И, даже допуская мысль о возможности интимных отношений между ними — опять же, заметь, твое предположение, а не мое, — я искренне сомневаюсь, что их Милость хоть раз в жизни изнасиловал какую-нибудь женщину. Особенно в этом возрасте...

— Чушь! Ни один черный ублюдок не упустит случая изнасиловать белую женщину.

— Дьюк! То, что ты говоришь, — ядовитая, безумная чепуха! Ты заставляешь меня думать, что ты не в своем уме.

— Я...

— Молчать! — закричал в сердцах Фарнхэм. — Ты прекрасно знаешь, что Джозеф много раз имел прекрасную возможность изнасиловать любую из трех белых женщин на протяжении долгих девяти месяцев. И ты прекрасно знаешь и то, что его поведение было превыше всяческих похвал.

— Ну... у него просто не было случая.

— Я ведь уже сказал тебе — прекрати молоть этот вздор. Возможностей у него было хоть отбавляй. Скажем, в то время, когда ты был на охоте. В любой день. Ведь он оставался наедине с каждой из них множество раз. Так что перестань. Я имею в виду — оскорблять Джозефа, пусть даже и за глаза. Мне просто стыдно за тебя.

— А мне — за тебя. Ты — заживевший кот черномазого короля.

— И прекрасно. Значит, нам обоюдно стыдно друг за друга. Что же касается заживевших котов, то я в твоих услугах не нуждаюсь. Если тебе не нравится быть заживевшим котом, можешь отправляться мыть посуду или делать, что прикажут.

— Мне все равно, — равнодушно отозвался сын.

— Тогда будь добр, сообщи мне, когда тебе надоест. Правда, это будет стоить тебе собственной комнаты, но, как понимаешь, отдельная комната — привилегия заживевших котов. Впрочем, ладно. Я, кажется, вижу только одну возможность узнать правду. Нужно спросить самого лорда Протектора.

— Отлично! Наконец-то слышу от тебя разумные слова! — обрадовался Дьюк.

— Только спрашивать я не буду. Не я же подозреваю его в изнасиловании. Спроси его сам. Повидайся с Главным управляющим. Он выслушает любого из слуг, пожелавшего встретиться с ним. На страх и риск слуги, конечно, но я не думаю, что он без достаточно веских причин будет наказывать кого-нибудь из моего департамента — у меня все же есть кое-какие привилегии заживевшего кота. Вот и скажи ему, что ты хочешь встретиться с лордом Протектором. Думаю, что больше ничего и не пона-

добиться. Разве что подождать неделю или две. Если Мешток откажет тебе, дай мне знать. Я уверен, что смогу добиться от него этой аудиенции. А потом, когда предстанешь перед лордом Протектором, просто спроси его напрямую.

— И мне не солгут в глаза. Да если я когда-нибудь окажусь рядом с этой черной обезьяной, я убью его...

Мистер Фарнхэм вздохнул:

— Дьюк, у меня просто в голове не укладывается, что один человек может так много и так часто ошибаться. Если тебя удостоит аудиенцией, то рядом будет находиться Мешток. Со своим хлыстом. Лорд Протектор будет на расстоянии футов в пятьдесят от тебя. К тому же хлыст, который висит у него на поясе, — не обычная игрушка-погонялка, а смертоносное оружие. Старик прожил долгую жизнь, и убить его не так-то просто.

— Ничего, я попробую!

— Возможно. Но с таким же успехом кузнецик может попытаться напасть на газонокосилку. Можно восхищаться его отвагой, но не его рассудительностью. Но ты также заблуждаешься и в том, что считаешь их Милость способным солгать тебе. Если он действительно сделал то, что ты предполагаешь, то есть изнасиловал Грейс, он ничуть не постыдится этого, равно как и не постыдится дать тебе честный ответ. Дьюк, пойми, он также не станет лгать тебе, как не подумает, например, уступить тебе дорогу. К тому же... а своей матери ты поверишь?

— Конечно, поверю.

— Тогда попроси его дать тебе возможность увидеться с ней. Я почти уверен, что он не откажет. Позволит тебе встретиться с ней на несколько минут, и только в его присутствии. Правила гарема он нарушает исключительно по своему желанию. Так что, на мой взгляд, это единственная для тебя возможность увидеть мать и убедиться, что она в безопасности и хорошо устроена. Другого способа встретиться с ней нет. То, с чем ты придешь к нему, настолько необычно, что должно ошеломить его, — в этом вся твоя надежда.

Дьюк был озадачен.

— Слушай, а какого черта ты сам его не спросишь? Ведь ты видишься с ним почти каждый день. По крайней мере, я слышал такое...

— Я? Да, мы видимся довольно часто. Но спрашивать его об изнасиловании? Ты ведь это имеешь в виду?

— Да, если ты предпочитаешь это выражение, — уточнил Дьюк.

— Изнасилование — это то, что беспокоит тебя. Я же ни в коей мере не подозреваю его в этом. И не собираюсь служить выразителем твоих грязных подозрений. Если нужно спросить, то имей смелость сделать это сам. — Хью поднялся. — Мы и так потеряли уже массу времени. Так что или принимайся за работу, или иди и повидайся с Мештоком.

— Я еще не кончил, — с чувством собственного достоинства добавил Дьюк.

- Нет, кончил. Это приказ, а не предложение.
- Если ты думаешь, что я боюсь хлыста...
- Господи, Дьюк, не стану же я наказывать тебя сам. Если ты доведешь меня, я попрошу Мештока наказать тебя. Говорят, он крупный специалист. А теперь — выметайся. Ты отнял у меня половину утра...

Дьюк ушел. Хью некоторое время пытался собраться с мыслями. Стички с Дьюком всегда выводили его из себя еще с тех пор, когда мальчишке было всего двенадцать. На душе скребли кошки. Он использовал все свои возможности, чтобы убедить сына отказаться от своих планов. Его абсолютно не тревожило то, что составляло основной предмет беспокойства Дьюка. Чтобы ни случилось с Грейс, он был уверен, что дело не в изнасиловании.

Беда вся в том, что Дьюк, вероятно, забыл древний Закон Победжденных, гласящий, что их женщины должны подчиняться победителю, и обычно по своей воле.

Он подозревал, что Грейс просто не представилось возможности подчиниться. Не вызывало сомнений, что и при таком раскладе она была довольна своей судьбой — чисто по-обывательски. Но это ни в коей мере не задевало его. Он честно старался исполнять свой долг по отношению к ней, но она сама отдалилась от него. Ему только не хотелось бы, чтобы Барбаре когда-нибудь пришлось испытать на себе гнет этой безнадежности, которая способна была — и превращала на всем протяжении — женщин в добровольных наложниц. Хотя он и любил эту женщину, но не питал никаких иллюзий по поводу ее святости. Даже сабинянки не выдержали выпавшего на их долю испытания и сдались, сдается и она в случае чего. «Лучше смерть, чем бесчестье» — всегда был не очень популярным лозунг. Чаще всего его сменяло доброжелательное сотрудничество, подчас счастливое.

Он достал бутылку «счастья», посмотрел на нее... и поставил на место. Нет, он никогда не будет решать своих проблем таким путем.

Хью и не пытался узнать, виделся ли Дьюк с Мештоком. Он вернулся к своей бесконечной работе, имеющей цель умаслить их Милость любым доступным способом, будь то бридж, прибыльные идеи или просто переводы. Он больше не надеялся на то, что босс позволит ему взять к себе Барбару и близнецов. В этом вопросе старый Понс был тверд, как камень. Но быть в фаворе все равно полезно, даже необходимо, что бы ни случилось. Кроме того, это позволяло ему хоть изредка видеться с Барбарой.

Хью вынашивал идею побега. По мере того как лето подходило к концу, он все больше укреплялся в мысли, что бежать в этом году всем четверым, да еще с грудными младенцами на руках, — невозможно. Вскоре хозяин со своей двorneй переедет обратно в город, а он понимал, что единственный шанс бежать — это бежать в горы. Ничего. Пусть еще год, пусть два и даже больше. Может быть, лучше подождать до тех пор, пока мальчишки

не научатся ходить. Даже и тогда побег будет более чем труден. При первом удобном случае он должен все это потихоньку рассказать Барбаре.

Он не осмелился письменно изложить свой план. Понс мог бы получить перевод его записки — ведь где-то были ученые, знавшие английский язык, даже если Джо и не выдаст его. А Грейс? Нет, не должна, а впрочем... судить трудно. Возможно, Понс и так все знал об этой переписке, каждый день получал переводы записок, смеялся над ними и не обращал на них внимания.

Может быть, разработать код — что-нибудь вроде первого слова в первой строчке, второе слово во второй и так далее. Можно рискнуть.

К тому же он сообразил, что у них есть еще одно преимущество, которое здорово помогло бы им, невзирая на их неискушенность в жизни этого общества. Беглецы редко достигали своей цели просто потому, что их выдавала внешность. Белую кожу еще можно было скрыть, но слуги всегда были на несколько дюймов ниже и на несколько фунтов легче, чем Избранные.

И Барбара, и Хью были высокого роста. В этом отношении они могли сойти за Избранных. Черты лица? У Избранных лица тоже отличались значительным разнообразием. Индусские черты смешивались с негроидными и многими другими. Проблему представляла собой его лысина. Значит, придется украсть парик. Или сделать его. Имей они краденую одежду, припасенную пищу, хоть какое-нибудь оружие и грим, они вполне могли бы сойти за «Нищее черное отребье» и отправляться в путь.

Если путь только не окажется слишком длинным. Если их не настигнут собаки. Если они по неведению не допустят какого-нибудь дурацкого ляпсуса. Но слуги (а их сразу выдаст телосложение) не имеют права хоть на шаг выходить за пределы имения, фермы, ранчо или своего рабочего места вообще без пропуска своего Повелителя.

Возможно, ему удастся увидеть такой пропуск и даже подделать его. Но ни он, ни Барбара не могли бы воспользоваться им по известной причине.

Чем больше Хью размышлял, тем больше приходил к выводу, что побег следует отложить, по крайней мере, до следующего лета.

Оставалось только мечтать, чтобы они оказались среди слуг, отобранных для поездки в Летний дворец на будущий год... Да, но попадут ли они все вчетвером в этот список?! Об этом-то он и не подумал. Господи Иисусе! Да ведь их маленькая семья может никогда и не собраться больше под одной крышей. Может статься, что из-за этого им придется бежать сейчас, в тот короткий промежуток времени, что отделял их от переезда. Бежать, несмотря на собак, да еще с двумя младенцами на руках. Боже! Было ли когда-нибудь у мужчины меньше шансов спасти свою семью?

Да. У него самого... когда он строил убежище.

Подготовиться, насколько это возможно... и молить о чуде. Он начал припасать еду из тех блюд, которые ему приносили в комнату. Приберегалось все, что подлежало длительному хранению. Он стал присматриваться,

где бы украсть нож или что-нибудь, из чего его можно изготовить. Все эти приготовления он тщательно скрывал от Киски.

Гораздо раньше, чем он ожидал, ему удалось достать грим. Праздник всегда означал оргию слуг в Большом зале, где рекой лилось «счастье». Настал праздник, который всякий раз предполагал небольшие представления, устроенные силами слуг. Хью выпало играть комическую роль лорда Протектора в небольшой веселой пьеске. Он, не колеблясь, согласился, потому что даже сам Мешток отметил, что его комплекция делает его самой подходящей кандидатурой на эту роль. Хью ревел на импровизированной сцене, размахивая жезлом, раза в три больше, чем жезл их Милости.

Он имел успех. Фарнхэм заметил, что Понс следит за его игрой с балкончика, где они с Мештоком как-то наблюдали за раздачей «счастья» слугам. Понс смотрел и смеялся. И Хью, будучи Повелителем, пусть даже шутовским, крикнул:

— Эй, там, на балконе! Потише! Мешток, а ну-ка всыпь этому на-смешнику!

Тут их Милость расхохотался пуще прежнего, слуги чуть ли не катались по полу от восторга. На следующий день за бриджем Понс похлопал его по плечу и заметил, что лучшего лорда Чепухи он еще не видывал.

Результат превзошел все ожидания: украденный пакетик краски, которую достаточно было смешать с обыкновенным кремом, — и пожалуйста, изображай копию их Милости; парик, отлично скрывавший лысину под копной черных волнистых волос. Это был не тот парик, в котором он играл, — тот он вернул Глвному управляющему, нет, этот парик он выбрал из множества других, из года в год накапливавшихся после представлений, и он тоже отлично подходил ему. Хью примерил его, отбросил, даже поддал ногой, а затем украдкой подобрал и сунул под балахон, где и держал несколько дней, не зная, хватятся его или нет. Когда стало ясно, что пропажа осталась незамеченной, он вечером спрятал его под стеллажом в рабочем кабинете, задержавшись там немного дольше своих помощников.

Фарнхэм продолжал подыскивать что-нибудь, из чего можно было бы выточить нож.

После встречи с сыном прошло уже три недели, и за это время он ни разу не видел Дьюка. Иногда от него поступали переводы, иногда день или два ничего не было. Хью прощал ему эти перерывы. Но когда прошла целая неделя без единого перевода от Дьюка, Хью решил проверить, в чем дело.

Он подошел к комнатке, которая была одной из «привилегий» Дьюка как «последователя истории». Постучав в дверь, он не получил ответа.

Недостучавшись, Хью подумал, что Дьюк или спит, или отсутствует. Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Дьюк не спал, но пребывал в состоянии самого сильного наркотического опьянения, которое только приходилось когда-нибудь наблюдать Хью. Он

лежал на постели совершенно голый. Увидев отца, Дьюк поднял голову, глупо хихикнул, взмахнул рукой и произнес:

— Привет, старый мшенник! Кээк тьи дделла!

Хью приблизился к нему, чтобы получше рассмотреть то, что, как он подумал, ему просто показалось, и тут, когда он убедился, что глаза его не обманывают, его чуть не стошнило.

— Сынок! Сынок!

— Все ноешь, Хьюги! Старый ппадлюка Хью, выжжига чертофф!

Судорожно сглатывая, Хью попятился и чуть не налетел спиной на главного Ветеринара. Хирург улыбнулся и спросил:

— Пришли навестить моего пациента? Сейчас он вряд ли в этом нуждается.

Пробормотав извинение, он проскользнул мимо Хью, подошел к кровати и поднял Дьюку веко, затем обследовал его еще несколькими способами, при этом шутливо похвалив:

— Дела идут отлично, кузен. Давай-ка сделаем еще процедуру, и можно будет послать тебе вкусный обед. Как ты насчет этого?

— Аттлична, док! Зазамечательно! Я ття уважаю! Очень уважаю!

Ветеринар покрутил циферблат на каком-то маленьком приборчике, прижал его к бедру Дьюка, подержал немного и удалился. Уходя, он сказал Хью с неизменной улыбкой:

— Практически здоров. Еще несколько часов он пробудет в забытьи, затем проснется голодным и даже не заметит, сколько прошло времени. Тогда мы покормим его и дадим порцию... Прекрасный пациент — никакого беспокойства. Он даже не знает, что случилось. А когда поймет, не будет ничего иметь против.

— Кто приказал сделать это?..

Хирург был явно удивлен:

— Конечно, Главный управляющий. А что?

— Почему мне не сообщили?

— Не знаю. Лучше спросите его самого. Для меня это обычный приказ, и выполнили мы его, как всегда. Сонный порошок в ужин, затем ночью — операция. Затем послеоперационный уход и обычные большие дозы транквилизаторов. Некоторые из них первое время нервничают. Поэтому иногда мы поступаем немного по-другому. Но сами видите, он воспринял это исключительно легко, как будто ему удалили зуб. Кстати, все забываю спросить: как тот мост, который я вам поставил? Довольны?

— Что? Ах, да. Но это неважно. Я хочу знать... — Мысли Хью путались.

— С вашего позволения, лучше поговорить с Главным управляющим. Теперь, если будет позволено, я осмелюсь покинуть вас, так как я спешу к больному. Я заглянул просто проведать пациента.

Хью вернулся к себе, и тут его вырвало. Он тотчас же отправился разыскивать Мештока.

Мешток принял его в своем кабинете незамедлительно, пригласил садиться. Фарнхэм уже понемногу стал считать Главного управляющего если не другом, то, по крайней мере, почти другом. Мешток часто захаживал к нему по вечерам и, несмотря на то что по сути дела был просто старшим слугой, оказался человеком недюжинных способностей и острого ума, по своему довольно эрудированным. Создавалось впечатление, что Мешток страдает от одиночества, которое сродни одиночеству капитана судна, и что в обществе Хью ему приятно расслабиться и насладиться задушевной беседой.

Поскольку другие старшие слуги были, скорее, подчеркнуто вежливы со Старшим Исследователем, нежели дружелюбны, Хью также страдал от одиночества. Поэтому компания Мештока его вполне устраивала... до сегодняшнего дня.

Хью прямо, пренебрегая формальностями, объяснил Главному управляющему, с чем он к нему пришел.

— Зачем вы сделали это?

Мешток, казалось, был удивлен:

— Что за вопрос? Что за неприличный вопрос? Конечно, потому, что таков был приказ лорда Хранителя.

— Он отдал такой приказ? — переспросил Хью.

— Дорогой кузен! Оскопление никогда не делается без приказа лорда. Конечно, иногда я рекомендую ему это. Но приказ о непосредственном исполнении должен исходить только от него. Однако, если это так важно, могу заверить, что подобной рекомендации я не давал. Мне просто был отдан приказ. Я его исполнил. Вот и все.

— Но мне тоже есть до этого дело! Он работает в моем департаменте!

— О, но его перевели еще до того, как это было сделано, — успокоил Мешток. — Иначе я бы не преминул известить тебя. Приличия, приличия — вот что главное в жизни. Я всегда строго контролирую своих подчиненных. Но зато и сам никогда не подвожу их. Иначе хозяйство вести нельзя. Честность есть честность.

— Но мне не было сообщено, что он переведен. Разве это не называется «подвести»?

— Как же, как же? Обязательно известили. — Мешток взглянул в свою картотеку и вытащил одну записку. — Вот она.

Хью стал читать:

«Служебные обязанности — изменение — один слуга, пол — мужской (дикарь, обнаруженный и принятый в семью), известный под кличкой «Дьюк». Далее шло описание.

Хью пропустил его.

«... освобождается от всех обязанностей по департаменту Древней Истории и переводится на личную службу их Милости. Вступает в силу немедленно. Местопребывание и питание: прежние, до дальнейших распоряжений...»

— Но я не видел этого!

— Это моя архивная копия. А тебе послан оригинал. — Мешток указал на левый нижний угол листка. — Вот подпись вашего заместителя. Всегда приятно, когда подчиненные умеют читать и писать. Меньше беспорядка. Например, болвану Главному Хранителю сколько угодно можно вдалбливать одно и то же, а потом этот старый козел будет утверждать, что слышал совсем не то. Даже хлыст улучшает его память всего на один день. Весьма прискорбно. Нельзя же, в самом деле, вечно наказывать одного из старших слуг. — Мешток взглянул на него. — Я бы порекомендовал их Милости сменить его, если бы его помощник не был еще глупее.

— Мешток, я никогда не видел такой записки...

— Возможно. Но она была направлена к тебе в департамент, и твой помощник расписался в получении. Поищи у себя в кабинете. Ручаюсь, что ты найдешь ее. Или, может, ты хочешь, чтобы я пощекотал твоего помощника? Буду только рад.

— Нет, нет...

Мешток, скорее всего, был прав. Департамент Хью разросся, и теперь в нем было две или три дюжины человек. Создавалось впечатление, что количество их растет с каждым днем. Такой штат ему был не нужен, и все они только отрывали у него драгоценное время. Хью уже давно распорядился, чтобы его не беспокоили. Распоряжение это он отдал давным-давно своему заместителю — честному, очень образованному клерку. Иначе Хью просто вообще не смог бы заниматься переводами. Здесь вступал в действие Закон Паркинсона. Клерк, выполняя его приказ, полностью взял все бумажные дела на себя. Примерно раз в неделю Хью быстро пробегал глазами поступившую за этот период корреспонденцию и отдавал ее заместителю, с тем чтобы тот подшил ее в архив или сжег, или неизвестно что еще сделал с этими бесполезными бумажками.

Возможно, что приказ о переводе Дьюка валялся сейчас среди прочих непрочитанных еще бумаг. Если бы он только наткнулся на него раньше... Слишком поздно, слишком поздно!

Он сгорбился в кресле и закрыл лицо руками. Слишком поздно! Ох, сынок, мой сынок!

Мешток почти ласково коснулся его плеча:

— Кузен, ну возьми же себя в руки. Ведь твои привилегии не были ущемлены, правда? Сам видишь, что это так!

— Да, да... Я понимаю, — промямлил Хью, не отрывая рук от лица.

— Тогда отчего же ты так переживаешь? — В голосе Мештока звучало удивление.

— Он был... он мой... мой сын.

— Он? Тогда отчего же ты ведешь себя так, словно он твой племянник? — Мешток воспользовался специфическим словом, обозначающим «старший сын старшей сестры», и был искренне озадачен странной реакцией дикаря. Он еще мог бы понять заботу матери о сыне —

о старшем сыне, по крайней мере. Но отец? Дядя! Да у Мештока тоже были сыновья, он был в этом уверен, среди прислуги. Начальница прислуги называла его даже: «Мешток без промаха». Но он не знал их и даже представить себе не мог, чтобы их судьба его когда-нибудь заинтересовала. Или чтобы он проявил хоть какую-то заботу о них.

— Потому что... — начал Хью. — А, впрочем, ладно. Ты только выполняй свой долг. Все нормально.

— Но... ты все еще огорчен. Я, пожалуй, пошлю за бутылочкой «счастья». И на сей раз выпью с тобой, — предложил Главный управляющий.

— Нет, нет. Благодарю вас.

— Ну будет, будет! Тебе это необходимо. «Счастье» прекрасно тонизирует, и случай как раз подходящий. Им только не нужно злоупотреблять.

— Благодарю, Мешток, но я не хочу. Сейчас мне нужно быть особенно собранным. Я хочу повидать их Милость. Прямо сейчас, если можно. Вы не сможете устроить мне это?

— Не могу.

— Черт возьми, я же знаю, что можете. И знаю, что, если вы попросите, он примет меня.

— Кузен, но ведь я сказал «не могу», а не «не хочу». Их Милости здесь нет.

— О-о-о!

Тогда Фарнхэм попросил, чтобы ему разрешили повидаться с Джо. Но Главный управляющий ответил, что молодой Избранный отбыл вместе с лордом Протектором. Но он пообещал дать знать Хью, как только кто-нибудь из них вернется.

Хью не стал обедать, ушел к себе и впал в горькое раздумье. Он не мог не мучить себя мыслью о том, что здесь отчасти была и его вина — нет, нет, не в том, что он не читал всей входящей корреспонденции по мере ее поступления. Нет, это было просто невезение. Даже если бы он проверял весь этот «мусор» каждое утро, он все равно мог бы опоздать — оба приказа, по всей вероятности, были отданы одновременно.

Мучило его другое: возможно, он сам послужил инициатором той ссоры с Дьюком. Тогда он вполне мог солгать мальчику: сказать, что Грейс, как ему доподлинно известно, служит обыкновенной служанкой, или что-нибудь в этом роде, у сестры лорда Протектора, пребывая в полной безопасности королевского гарема, и что ни один мужчина ее даже не видит. Она полностью довольна, живет прекрасно и счастлива. А другая версия — это просто сплетни, которыми слуги заполняют свой дурацкий досуг.

Дьюк поверил бы этому, потому что очень хотел в это верить.

Как это могло быть... Очевидно, Дьюк отправился на встречу с их Милостью. Мешток устроил эту встречу, или, может быть, Дьюк просто решил ворваться туда силой, и шум драки достиг ушей Понса? Похоже, последнее. И в результате этой сцены Понс отдал приказ оскотить Дьюка,

как он обычно приказывал подать машину. Все это очень смахивало на правду...

Он пытался убедить себя, что никто не ответственен за поступки другого человека. Он сам всегда так считал и жил, свято в это веря. Но сейчас он чувствовал, что эта истина не приносит ему облегчения.

Наконец он заставил себя уйти от тяжелых мыслей и начал писать Барбаре... До сих пор ему еще не представлялась возможность рассказать ей о своих планах побега и не было времени разработать код. Но она должна быть начеку, и ему нужно как-то предупредить ее. ✓

Барбара знала немецкий язык. Его знания сводились к минимуму, поскольку он изучал его всего один год в школе. Он изучил русский в достаточной мере, чтобы вести простой разговор. Барбара, пока они жили дикарями, успела подхватить от него несколько русских слов — игра позволяла им общаться, не вызывая ревность у Грейс.

Он составил послание, затем с превеликим трудом перевел письмо в мешанину из немецких, русских разговорных слов, жаргона битников, литературных аналогий, примитивной латыни и специальных идиоматических выражений. В конце концов у него получился текст, который Барбара, он был уверен, сможет разгадать. Зато ни один специалист по древним языкам, даже в том, более чем маловероятном случае, если он одновременно будет знать английский, немецкий и русский, не сможет перевести его на Язык.

Он не боялся также, что раскусить это письмо сможет еще кто-нибудь. Для Грейс оно прозвучит белибердой, так как она не знает ни русского, ни немецкого. Дьюк пребывал в наркотическом забытии. Джо может попробовать догадаться, что все это значит, но он полностью доверял Джо. И тем не менее он попытался завуалировать смысл таким образом, чтобы его не понял даже Джо, нарушив синтаксис и намеренно исказив правописание некоторых слов.

Послание гласило следующее:

«Дорогая!

Уже некоторое время я планирую наш побег. Не знаю пока, как все это устроить, но ты в любую минуту должна быть готова — днем или ночью — схватить близнецов и просто следовать за мной. Если сможешь, запаси немного провизии, прочную обувь и попробуй украсть нож. Мы пойдем в горы. Сначала я собирался дожидаться следующего лета: малыши успели бы немного подрасти, однако случилось кое-что, что изменило мои планы, — Дьюк оскотен. Я не знаю почему и слишком огорчен, чтобы обсуждать это. Но следующим могу оказаться я. Даже хуже того... Помнишь, как Понс говорил, что представляет наших сыновей прислуживающими на банкете? Так вот, дорогая, жеребцы никогда не прислуживают на банкетах. И судьба их ждет только одна, так как они обещают быть слишком высокими. Это произойти не должно!

Мы не можем ждать. Столица Протектора, по-видимому, недалеко от того места, на котором прежде стоял Сен-Луи. Немыслимо пройти весь

путь до Скалистых гор с мальчиками на руках. Надежды на то, что нас всех четверых пошлют в Летний дворец на будущий год, нет.

Так что мужайся. С этого времени не прикасайся к «счастью», в каком бы виде оно ни было. В решительный момент мы обязаны быть в хорошей форме.

Я люблю тебя. Хью».

Вошла Киска, он велел ей смотреть телевизор и не отвлекать его. Девочка повиновалась.

Она уже спала, когда Хью кончил составлять это письмо на странном жаргоне. Затем он порвал оригинал текста и спустил его в водоворот. Только после этого лег спать. Через некоторое время он вспомнил глупое хихиканье Дьюка, его бессмысленное лицо человека, одурманенного наркотиками. Пришлось встать и в нарушение указаний, данных им самим Барбаре, утопить свои печали и страхи в бутылке со «счастьем»...

3

Ответ Барбары гласил следующее:

«Дорогой,

когда заказываешь три при бескозырке, мой ответ будет семь при бескозырке, и рука не дрогнет. И тогда будет Большой шлем — или мы влетим, но не заплачем. Как только наберешь четыре взятки, мы будем готовы сыграть.

Любовь навеки... Б.».

Больше в этот день ничего не случилось. И на следующий тоже... и еще через день. Хью привычно диктовал перевод, хотя мыслями был далеко. Он стал очень осторожен в еде и в питье, поскольку знал теперь, каким гуманным способом хирург овладевает жертвой. Он ел только блюда, которые до него попробовал Мешток, и всегда старался как можно незаметнее не брать фрукты или пирожное, лежавшее ближе всего к нему, особенно если блюдо подносил слуга. За столом он ничего не пил, а пил только воду из-под крана. Он продолжал завтракать у себя, но отдавал предпочтение теперь неочищенным фруктам и яйцам в скорлупе.

Он сознавал, что все эти предосторожности не спасут его. Поступи им свыше такой приказ в отношении Хью, они наверняка нашли бы иной способ утихомирить буйного пациента: скажем, обработав его хмелем. Правда, в этом случае у него останется время опротестовать приказ, потребовать, чтобы его отвели к лорду Протектору.

Что же касается хлыстов... Он начал вспоминать уроки каратэ, упражняясь в своей комнате. Удар каратэ, нанесенный достаточно быстро, заставил бы заскулить даже обладателя хлыста. Впрочем, надежды у него не было никакой. Просто ему не хотелось сдаваться без боя. Дьюк был прав: лучше сражаться и погибнуть.

Хью и не пытался встретиться с Дьюком. Он продолжал запасать пищу, прихватывая часть своих завтраков — сахар, соль, черствый хлеб, Фарнхэм предполагал, что такая пища не должна быть отравлена, хотя сам и не ел ее, а судил по тому, что она никак не действовала на Киску.

Обычно он ходил босиком, а на улице надевал фетровые шлепанцы. Как-то он пожаловался Мештоку, что гравий причиняет ему боль сквозь тонкие подошвы — неужели в имении нет чего-нибудь получше?

Ему была выдана пара кожаных сандалий, и теперь наружу он выходил в них.

Он приручил Главного инженера имения, поведав ему, что в молодости отвечал за проектирование у своего прежнего хозяина. Инженер был весьма польщен, потому что, будучи самым младшим из ответственных слуг, привык больше выслушивать жалобы и нарекания, чем видеть дружеское участие. Хью сидел с ним после обеда и пытался выказать осведомленность тем, что внимательно слушал.

Фарнхэм получил приглашение осмотреть его хозяйство и провел довольно утомительное утро, пробираясь между труб и рассматривая схемы. Инженер не умел писать, но немного умел читать и понимал чертежи. Само по себе такое времяпрепровождение и не было бы столь скучным, если бы Хью не обуревали другие заботы. Ведь он и сам имел кое-какое отношение к технике в прошлом. Но он сосредоточился на том, чтобы запомнить все увиденные чертежи, сопоставить их с теми ходами, которые запечатлелись в его памяти. Несмотря на то что он большую часть лета прожил во дворце, ему удалось ничтожно мало узнать о дворцовых помещениях. Внутри маленький садик. Его существование здесь ограничивалось небольшими кусочками пространства. Для слуг снаружи он должен был изучить весь план дворца. Ему необходимо было знать любой возможный выход из помещений слуг, каково внутреннее расположение этого помещения и где там искать Барбару и малышей.

Он добрался даже до двери, ведущей на женскую половину. Инженер заколебался при виде насторожившегося часового.

— Кузен Хью, я уверен, что со мной вы вполне имеете право войти сюда, но, может, нам все-таки лучше сходить сейчас к Главному управляющему и просить его выписать вам пропуск? — на всякий случай спросил он.

— Мне все равно, кузен. — Хью пытался изобразить безразличие.

— Но, в принципе, ничего по-настоящему интересного там нет. Обычные коммуникационные системы для барачников: водопровод, электричество, вентиляция. Все самое интересное: энергостанция, кремационные печи, управление вентиляцией и так далее, можно посмотреть и здесь. А ведь вы знаете нашего начальника — он страшно не любит, когда допускается хоть малейшее отступление от заведенного порядка. Так что если вы не возражаете, осмотр там я произведу позже.

— Ваше дело, вы и решайте, — ответил Хью с явным выражением чувства оскорбленного достоинства.

— Понимаете... любой знает, что вы не какой-нибудь там молодой провинциальный жеребец. — Инженер казался расстроенным, — Я вот что вам советую: вы прямо скажите мне, что хотите осмотреть все до конца... я имею в виду то, что входит в мое ведомство... и я тут же отправлюсь к Мештоку и доложу ему, что вы изъявили такое желание. Он знает... Дядя! Да все мы знаем, что вы пользуетесь расположением их Милости. Вы понимаете меня? Я не хочу вас обидеть. Мешток выпишет пропуск, и тогда я останусь чист, равно как и часовой и начальник стражи. Вы тогда подождите здесь. Располагайтесь поудобнее. Я мигом!

— Не стоит беспокоиться. Там нет ничего любопытного для меня, — солгал Хью. — Я всегда говаривал так: «Видел одну баню, значит, видел их все». Ха-ха! Но мы еще не были в столярной и слесарной мастерских...

И они, рука об руку, отправились в мастерские. Хью не подавал виду, но внутри у него все кипело. Он был так близко! И все же никак нельзя было наводить Мештока на мысль, что его интересуют женские помещения.

Тем не менее это не пропало даром. Хью не только, подобно взломщику, определил слабые места здания (например, дверь, через которую выгружались привозимые товары, — ее запирали не так уж крепко, и замок вполне можно было взломать), но и сделал два ценных приобретения.

Первым был кусок стальной пружины длиной около восьми дюймов. Хью заметил его в куче какого-то хлама в слесарной мастерской, незаметно подобрал и тут же, извинившись, прошел в туалет. Там он надежно привязал пружину к руке.

Второе приобретение было еще более ценным: отпечатанный план самого нижнего уровня, на котором были обозначены как все инженерные объекты, так и все проходы и двери, включая и вход на женскую половину. Хью стал восхищаться планом:

— Дядя! Какой великолепный чертеж! Собственного изготовления?

Инженер смущенно подтвердил это. Мол, сами понимаете, в основе чертежа лежит, конечно, исходный архитектурный план, но пришлось внести довольно много изменений и дополнений.

— Великолепно! — повторил Хью. — И как обидно, что он в единственном экземпляре.

— О, нет! Экземпляров сколько угодно, ведь они быстро изнашиваются. Не хотите ли один?

— С величайшим удовольствием! Собственно, если на нем будет дарственная надпись автора. — Видя, что он колеблется, Хью добавил: — Позвольте мне предложить текст? Я вот здесь набросаю его, а вы перепишите...

И, уходя, Хью уносил с собой план со следующей надписью: «Моему дорогому кузену Хью, брату по ремеслу, который умеет ценить искусную работу».

Вечером он показал его Киске. Девушка была поражена. Она и понятия не имела о том, что такое карта, и никак не могла представить себе, что на листе бумаги возможно было изобразить длинные коридоры и запутан-

ные переходы привычного ей мира. Тогда Хью продемонстрировал ей путь из его апартаментов в столовую для старших слуг, нашел местоположение Центральной столовой для простых слуг и объяснил, каким путем можно выйти в сад. Она медленно подтвердила справедливость его слов, хмурясь от непривычных умственных усилий.

— А ты, скорее всего, живешь где-нибудь здесь, Киска. Вот это помещение прислуги.

— Да неужели? — Киска явно была изумлена.

— Теперь давай посмотрим, сможешь ли ты сама определить, где ты живешь. Теперь без подсказки. Я буду просто сидеть и смотреть.

— О, помоги мне Дядя! Давайте посмотрим. Во-первых, я должна пройти по спуску... — Она запнулась, обдумывая что-то, в то время как Хью продолжал сидеть с совершенно бесстрастным лицом. Она лишний раз доказала то, что Хью уже почти перестал подозревать: малютка была послана к нему, чтобы шпионить. — Затем... вот в эту дверь, да?

— Правильно, — с напускным равнодушием ответил Хью.

— Теперь я иду прямо мимо кабинета начальницы, до самого конца, поворачиваю и... кажется, я живу вот тут! — Она в восторге захлопала в ладоши и рассмеялась.

— Ваша комната расположена напротив столовой, да? — переспросил Фарнхэм.

— Да.

— Тогда ты права, хоть и впервые. Просто удивительно! Давай посмотрим, на что ты еще способна...

И на протяжении следующей четверти часа она показывала ему подробно, где и что находится на женской половине — комнаты младших и старших, столовые, спальни девственниц, спальни согревательниц постелей, ясли, палата для лежачих больных, детская комната, служебные помещения, бани, игровая площадка, двери в сад, кабинеты, апартаменты Старшей надзирательницы — в общем, все, все, все. Хью, кстати, узнал, что Барбара больше не находилась в палате для лежачих. Киска сама сказала об этом.

— Барба, знаете, да та дикарка, которой вы все время пишете, раньше она лежала здесь, а теперь она вот тут, — неожиданно сказала Киска.

— Откуда ты знаешь? Эти комнаты выглядят совершенно одинаково.

— Уж я-то знаю! Вторая комната для матерей с грудными детьми по этой стороне коридора, если идти из бани.

Хью с глубоким интересом отметил, что подобный туннель, служащий для ремонта бани, проходит как раз под комнатой Барбары и даже имеет люк, а затем, с еще более глубоким интересом, то, что этот туннель соединяется с другим, прилегающим под всем зданием дворца. Неужели существует широкий, никем не охраняемый путь, соединяющий все помещения для слуг? Невероятно, так как из чертежа следовало, что любой мало-мальски соображающий жеребец мог проползти всего с сотню футов и преспокойно оказаться в помещениях прислуги.

И все же это было похоже на правду — ведь откуда бы жеребцу знать, что туннель ведет именно в женское помещение? И чего ради жеребец станет рисковать, даже если и предположить, что это так? При том, что он имеет возможность наслаждаться женщинами практически сколько угодно, как бык в коровьем стаде. Да и отсутствие больших пальцев на руках помешало бы ему справиться с запорами.

Любопытно, можно ли открыть эти люки снизу?

— Ты быстро усваиваешь знания, Киска. Теперь давай поищем помещения, которые тебе не так хорошо знакомы. Попробуй по чертежу узнать, как пройти из этой комнаты в мой кабинет? А если ты справишься с этой задачей, то я задам тебе еще более трудную. Куда и как тебе следует отправиться, если я пошлю тебя с запиской к Главному управляющему?

Над первым заданием ей пришлось немного помучиться, зато второе она выполнила без малейших колебаний...

На следующее утро за ланчем, сидя бок о бок с Мештоком, Хью через весь стол обратился к инженеру:

— Пайпс, старина! Я насчет того замечательного чертежа, который вы подарили мне вчера... Как вы думаете, не смог бы один из ваших работников изготовить для него раму? Мне хотелось бы повесить его над моим рабочим столом, чтобы им могли восхищаться и другие люди.

Инженер вспыхнул и широко улыбнулся:

— Конечно, кузен Хью! Красное дерево вас устроит?

— Замечательно. — Хью повернулся к Мештоку: — Кузен Мешток, наш кузен просто хоронит свой талант среди канализационных труб. Он же настоящий художник. Как только я повешу его чертеж, приходите и полюбуйте на него.

— Буду рад, кузен. Как только выберу время... — принял приглашение Главный управляющий.

Прошло уже более недели, а ни о Джо, ни об их Милости не было ни слуху ни духу. Целая неделя без бриджа, без Барбары. Наконец как-то за завтраком Мешток сообщил:

— Кстати, все собираюсь тебе сказать. Вернулся молодой Избранный. Ты все еще хочешь увидеться с ним?

— Конечно. А их Милость тоже вернулась?

— Нет. Их Милосердная сестра полагает, что он вообще может не вернуться сюда до самого переезда. Ах, какой дворец, кузен! Не то что эта хибара. День и ночь суета — и ваш покорный слуга будет рад, если за целую зиму ему хоть раз три дадут спокойно поесть. Все беготня, беспокойство, проблемы, суета, суета, суета... — сказал он с затаенной гордостью. — Радуйся, что ты ученый.

Через пару часов стало известно, что Джо готов принять своего бывшего хозяина. Фарнхэм знал дорогу наверх, в покои Джо, так как не раз ходил туда учить Избранных играть в бридж. Поэтому он отправился один.

Джо радостно приветствовал его:

— Входи, Хью! Присаживайся, Никакого протокола, потому что здесь, кроме нас, старых приятелей, никого нет. Ты только послушай, что мне удалось сделать. Если б ты знал, как я был занят! Одна мастерская уже готова к действию в качестве опытного предприятия и начнет выдавать продукцию еще до того, как их Милость выхлопочет покровительство. Все организовано на высшем уровне. Начать массовый выпуск предусмотрено в день получения покровительства. Условия, надо сказать, довольно неплохие. Их Превосходительство получает половину, их Милость — вторую половину и полностью финансирует предприятие. Я получаю десять процентов от прибыли их Милости и управляю делами. Как только дело начнет развиваться по другим линиям — а, кстати, все предприятие названо: «Игры, ниспосланные свыше», и хартия составлена так, что сюда попадает почти любое развлечение, кроме разве что постельных утех, — так вот, когда дело начнет развиваться по другим направлениям, мне понадобится помощь — и для меня это настоящая проблема. Боюсь, что Понс решит взять в долю кого-нибудь из своих близких родственников. Возможен лучший вариант — это обучить специально отобранных слуг — по крайней мере дешевле, особенно если найдутся толковые ребята. Как ты считаешь, Хью? А как ты насчет того, чтобы управлять фабрикой? Дело очень большое: у меня работает уже сто семь человек.

— Почему бы и нет? Раньше под моим началом бывало и в три раза больше народу, а в Сибири я как-то руководил двумя тысячами человек. Но видишь ли, Джо, я пришел сюда совсем по другому поводу.

— Ну, конечно, конечно, выкладывай. А потом я покажу тебе чертежи.

— Джо, тебе известно про Дьюка?

— А что с ним такое?

— Он оскотлен. Разве ты не знал?

— Ах, да! Знал. Это случилось как раз перед моим отъездом. Но, надеюсь, с ним все в порядке? Осложнений не было?

— В порядке?... Джо, ты, наверное, не понял... Его оскотили. А ты ведешь себя так, как будто ему вырвали зуб. Так ты, значит, знал? А ты пытался помешать этому?

— Нет.

— Но ради Бога, почему? — В голосе Хью звучало недоумение.

— Позволь мне кончить, ладно? Я что-то не припоминаю, чтобы ты, со своей стороны, пытался воспрепятствовать этому...

— Но я просто не имел возможности. Я ничего об этом не знал.

— И я тоже. Именно это я и пытаюсь тебе втолковать, а ты все норовишь вцепиться мне в глотку. Я узнал обо всем только после того, как это случилось.

— О, тогда прости. А мне показалось, что ты хочешь сказать, что в любом случае не стал бы вмешиваться.

— Нет, это не так. Но если бы я даже и знал, то не представляю, чем бы я мог быть полезен. Разве что мог бы попросить Понса сначала поговорить с тобой. Но еще неизвестно, как закончился бы такой разговор. Так что, может быть, и к лучшему, что мы остались в стороне. Ну, а теперь насчет чертежей... Взгляни вот на эту схему.

— Джо!

— Что?

— Ты что, не видишь, что я не в настроении говорить сейчас о фабриках игральные карт? Дьюк — мой сын...

Джо свернул чертежи.

— Прости, Хью. Давай тогда просто поболтаем, если это облегчит твою горе. Постарайся не думать об этом — я представляю, как тебе сейчас тяжело... с отцовской точки зрения.

Джо слушал, Хью говорил. Наконец Джо покачал головой:

— Хью, в одном пункте ты можешь быть совершенно спокоен: Дьюк никогда не встречался с лордом Протектором. Так что твой совет Дьюку — хороший, на мой взгляд, совет — не имеет ничего общего с тем, что его оскопили.

— Надеюсь, что ты прав. Будь я уверен в своей виновности, я бы, наверное, перерезал себе глотку.

— Но поскольку это не так, тебе нечего травить себя.

— Постараюсь. Джо, но что могло заставить Понса пойти на такой шаг? Он же отлично знал наше отношение к этому... после того случая с хирургом. А я считал его своим другом...

Джо выглядел расстроенным:

— Ты в самом деле хочешь знать правду?

— Я ее должен знать.

— Так вот... сейчас ты ее узнаешь. Это дело рук Грейс.

— ЧТО? Джо, ты, наверное, ошибаешься. Конечно, не спорю, у Грейс есть свои недостатки. Но она никогда не сделала бы такого... да еще своему собственному сыну.

— Нет, конечно, нет. Я даже сомневаюсь, чтобы она знала о происшедшем заранее. Но все равно именно она явилась инициатором. С самого первого дня она твердила Понсу, что хочет видеть Дьюка рядом с собой. Она все-время ныла, знаешь, таким детским плачущим голоском: «Понси, я так одинока! Понси, ты совсем не любишь свою Грейс! Понси, я не отстану от тебя до тех пор, пока ты не скажешь «да». Понси, но почему ты не хочешь?»

— Мне, наверное, следовало свернуть ей шею. Понс почти не обращал на нее внимания, до тех пор пока она не начинала щипать его. Тогда он заливался хохотом, валил ее на ковер, и они возились на полу. Потом он обычно приказывал ей замолкнуть, и некоторое время она сидела тихо. В общем, он обращался с ней, как с одним из котов. Честно говоря, я не думаю, что он хоть раз... Я хочу сказать: из того, что я видел, трудно заключить, что он хоть в малейшей степени интересовался ею, как...

— Я тоже не интересуюсь. А кто-нибудь предупреждал Грейс, что повлечет за собой воссоединение с сыном?

— Не думаю. Понсу и в голову никогда бы не пришло, что такие вещи нужно объяснять... а я уж, само собой, никогда не стал бы обсуждать с ней такие вопросы. Да она и терпит меня — я слишком часто отнимаю у нее ее милого Понса. — Джо потер переносицу. — Так что я сомневаюсь в том, что ей это было известно. Конечно, она могла бы догадаться. Но извини — все-таки Грейс твоя жена, — мне кажется, что она глуповата.

— Да еще и увлекается «счастьем» — по крайней мере, я ни разу не видел ее трезвой, — добавил Хью. — Конечно, она недалекого ума. Да и не жена она мне. Моя жена — Барбара.

— Ну... с формальной точки зрения слуга не может иметь жену.

— А я не с формальной. Я говорю то, что есть на самом деле. И все же я в какой-то мере рад, что Грейс, возможно, не знала, чего это будет стоить Дьюку.

Джо задумался.

— Хью, она, конечно, не знала... но боюсь, что ее это просто мало заботило... И к тому же вряд ли правильно было бы сказать, что это чего-то стоило Дьюку.

— Не понимаю. Объясни, может, я немного поглупел... — Хью был явно озадачен.

— Ну, если Грейс и огорчена тем, что Дьюка оскопили, она никак этого не проявляет. Она довольна донельзя и, кажется, вообще ничего не имеет против.

— А ты видел их? После всего этого?

— О, да! Я завтракал вместе с их Милостью, и они оба тоже присутствовали. Это было не далее как вчера.

— А я думал, что Понса нет.

— Он ненадолго вернулся и снова уехал, — продолжал Джо. — Теперь уже на Западное Побережье. Мы буквально вгрызлись в этот бизнес. Он пробыл здесь всего пару дней. Но успел преподнести Грейс подарок. Она как-то заявила Понсу, что собирается устраивать день рождения (хотя здесь справляются именины), и приставала к нему все время — а ведь ты знаешь Понса: он снисходителен и к животным и к детям. Поэтому он решил сделать ей сюрприз. И тотчас же, как вернулся, он подарил ей ко дню рождения Дьюка. Черт возьми, они отхватили комнату в личных покоях Понса. Теперь они совсем не спускаются вниз, а даже ночуют здесь...

— Ладно, мне безразлично, где они ночуют, — прервал его Хью. — Ты начал рассказывать мне, как отнеслась к этому Грейс. И сам Дьюк.

— Ах, да! Не могу точно сказать, когда именно Грейс поняла, что с ним сделали. В разговоре со мной она проявляла несвойственную ей сердечность. Рассказывала, что Понси все устроил, и убеждала меня, что Дьюки выглядят просто великолепно в своих новых одеждах. И все такое.

Она разodela его в ливрею вроде тех, что носят слуги наверху. Как ты понимаешь, здесь не носят подобных рубищ, наподобие твоего... Она даже нацепила на него украшения. Понс на все согласен. Дьюк, сущий пода-рок — слуга прислуги Понса. Не думаю, чтобы он хоть палец о палец ударил. Он просто любимая игрушка Грейс. И ей это все очень нравится.

— А самому Дьюку?

— Вот об этом-то я и хотел рассказать, Хью. Дьюк ничуть не огорчен случившимся. Теперь он как сыр в масле катается. Он чуть ли не покровительствует мне. Можно подумать, что я, а не он ношу ливрею. За спиной Грейс, которая крутит боссом, как хочет, Дьюк, по его словам, устроился капитально. К этой мысли он пришел, конечно, не без помощи транквилизатора.

— Так ты, считаешь, что это очень хороший способ устроиться капитально, когда тебя хватают, спаивают, кастрируют, а потом держат в постоянном опьянении, так, что тебя больше ничего не волнует? Джо, ты удивляешь меня.

— Конечно, это так! Хью, постарайся отбросить свои предрассудки и взглянуть на вещи трезво. Дьюк счастлив. Если не веришь, я провожу тебя к ним, и ты сам сможешь поговорить с Дьюком. Или с обоими. Как хочешь.

— Нет, боюсь, что это будет слишком тяжелым зрелищем. Я согласен, что Дьюк счастлив. Если напоить человека этим чертовым «счастьем», он будет счастлив и тогда, когда ему отрежут руки-ноги, начнут перепиливать горло. Того же эффекта можно добиться и с помощью морфия. Или героина. Или опиума. В этом нет ничего хорошего. Это настоящая трагедия.

— О, не надо устраивать мелодраму, Хью. Все в жизни относительно. Дьюка все равно рано или поздно кастрировали бы: держать слугу такого роста в качестве жеребца — просто противопоказано, и ты сам об этом знаешь. Поэтому практически нет никакой разницы — случилось это на прошлой неделе или на будущий год, или после смерти Понса. Есть даже положительный момент в том, что это произошло именно сейчас: он живет в обстановке роскоши, а не надрывается на рисовом болоте. Он ничего не умеет, у него нет надежды когда-нибудь подняться повыше. Среди слуг, конечно.

— Джо, а ты знаешь, как ты стал разговаривать? Как какой-нибудь белый апологет рабства, рассуждающий о том, как здорово живется черненьким: сиди себе на завалинке, пощипывай свое банджо да распевай гимны...

— Неправда, — заморгал Джо.

Хью Фарнхэм почувствовал, что его разбирает злорада, и слова его были безжалостны:

— Давай, давай! Утверждай, что это неправда! Я не могу перечить тебе. Ты теперь — Избранный. А я — ничтожный слуга. Масса Джо, позвольте я поправлю ваш балахон? В каком часу сегодня собирается Клан?

— Молчать! — вырвалось у Джо откуда-то изнутри.

Хью Фарнхэм замолчал. Джо тихо продолжал:

— Я не собираюсь пикироваться с тобой. Возможно, что тебе все действительно представляется в таком свете. Но если это так, то неужели ты ждешь, что я буду соболезновать? Просто все радикально переменилось — и как раз вовремя. Раньше я был слугой — теперь я уважаемый бизнесмен, причем у меня есть все шансы стать, благодаря браку, племянником в какой-нибудь благородной семье. Неужели ты думаешь, что я теперь брошу все это и пойду на попятную. Да еще ради Дьюка! Я бы не сделал этого даже ради кого-то из вас — не буду лицемерить. Тогда я был слугой, теперь слуга — ты. Так в чем же дело?

— Джо, ты же был просто наемным работником, с которым всегда хорошо обращались. Ты же не был рабом...

Глаза молодого человека вдруг заблестели, а лицо напряглось и приняло такое выражение непреклонности и суровости, какого Хью никогда раньше не видел.

— Хью, — мягко сказал он, — тебе никогда не приходилось переезжать на автобусе через Алабаму? В качестве «ниггера»?

— Нет.

— Тогда лучше помолчи. Ты просто многого не знаешь... — И, помолчав, продолжал: — Ну, ладно, хватит об этом. Давай поговорим о деле. Я хочу, чтобы ты узнал, что я уже сделал и что я собираюсь сделать. Эта идея, с играми, — самая лучшая из когда-либо приходивших мне в голову...

Хью не стал спорить насчет того, чья это была идея. Он наблюдал, как молодой человек все больше и больше распалялся. В конце концов Джо отложил перо и откинулся назад.

— Ну, и как тебе все это? Есть какие-нибудь идеи? Помню, когда я предложил это дело Понсу, ты внес кое-какие ценные дополнения. Так что если ты будешь продолжать оставаться полезным, для тебя в этом деле всегда найдется теплое местечко.

Хью колебался. Ему казалось, что планы Джо слишком обширны для рынка, который был всего лишь потенциальным и спрос на котором еще нужно было породить. Но он только заметил:

— Может быть, стоило бы с каждой колодой продавать, не повышая цены, описания игр?

— Нет. Их мы будем продавать отдельно и тоже заработаем на этом.

— Я не говорю о полном Хойле. Просто брошюрку с описанием некоторых самых простых игр. Криббедж. Парочка селитеров. И еще одна или две игры. Покупатели сразу же смогут начать играть. Начнется бойкая продажа.

— Хм... надо подумать. — Джо сложил бумаги, отодвинул их в сторону. — Хью, ты так кипятился, что я забыл сказать тебе одну вещь.

— Слушаю.

— Понс, конечно, великий старик, но не может же он жить вечно. И потому я хочу стать финансово независимым от него. Попробую

вкладывать куда-нибудь доходы или что-нибудь в этом роде. Я думаю, тебе не нужно говорить, что я не очень-то горю желанием иметь своим боссом Мрику (надеюсь, все останется между нами). Думаю, к тому времени, когда Мрика займет место Понса, меня здесь уже не будет. Я стану хозяином собственного имени, конечно, скромного, и мне понадобится слуга. Догадываешься, кого я собираюсь взять туда с собой?

— Нет, не догадываюсь.

— Не тебя... хотя ты вполне мог бы выполнять обязанности слуги, ведающего бизнесом. Если, разумеется, окажется, что ты действительно справляешься с делом. Нет, я имею в виду Дьюка и Грейс.

— Что?..

— Ты удивлен? Мрике они не будут нужны, это ясно. Он ненавидит Грейс из-за ее влияния на дядю, и, понятно, Дьюка он жалуется не больше. Оба они ничему не обучены, поэтому и стоить будут совсем недорого (если мне еще удастся скрыть свою заинтересованность в них). Но для меня они просто находка. Во-первых, они говорят по-английски, и я смогу разговаривать с ними на языке, которого никто больше не понимает, а это иногда бывает необходимым в окружении других слуг. Во-вторых, Грейс при желании может отлично готовить (порой так хочется простого американского блюда). Вот я и сделаю ее поварихой, а Дьюка — лакеем. Его можно быстро научить прислуживать за столом. Ну и как тебе моя идея?

— Джо, а ведь они нужны тебе не потому, что Грейс умеет готовить... — медленно проговорил Хью.

Джо нагло улыбнулся:

— Да, не только поэтому. Мне кажется, что Грейс будет отлично выглядеть в качестве моей кухарки, а Дьюк — моего лакея. О, я буду хорошо обращаться с ними, Хью, можешь не беспокоиться. Если они будут исправно работать и хорошо вести себя, никто их не накажет. Так, для остротки, пару раз наказать их все-таки придется. — Он покрутил свой жезл. — И должен признаться, что мне будет довольно приятно поучить их уму-разуму. Я им кое-что должен. Три года, Хью. Три года бесконечных придираек Грейс, которая никогда ничем не была довольна... и три года этого покровительственно-презрительного отношения со стороны Дьюка.

Хью ничего не сказал. Джо продолжал:

— Ну? Так как тебе нравится мой план?

— Я был о тебе лучшего мнения, Джо. Я всегда считал тебя джентльменом. Но, похоже, я ошибался...

— Вот как? — Джо слегка сжал свой жезл. — Ладно, малыш, мы отпускаем тебя. Все...

4

Хью уходил из покоев Джо расстроенным. Он понимал, что вел себя просто по-дурацки... нет, просто-таки с преступной неосторожностью. Как он мог позволить Джо усестись на любимого конька? Джо был необходим.

До тех пор, пока Барбара и близнецы не будут надежно укрыты в горах, ему требовалась любая поддержка. Джо, Мешток, Понс — кто угодно... Джо бывает везде. Он мог бы рассказать ему то, чего он не знал, доставать ему вещи, которых он сам никогда не смог бы достать. В крайнем случае, он даже рассчитывал на помощь Джо в организации побега.

Но после того что между ними произошло! Идиот! Совершеннейший дурак! Рисковать судьбами Барбары и мальчиков только потому, что не можешь держать в узде свой дурацкий характер!

Ему теперь казалось, что положение вещей хуже некуда — и отчасти из-за него самого.

Но отпускать руки не следовало. Он отправился к Мештоку. Теперь, как никогда раньше, было важно найти какой-нибудь способ связаться с Барбарой тайно. А для этого срочно нужна игра в бридж.

Когда он подошел к кабинету Главного управляющего, тот как раз выходил из него.

— Кузен Мешток, можно вас на пару слов?

Всегда нахмуренное лицо немного прояснилось:

— Конечно, кузен. Но только нам придется немного пройтись, ничего? Неприятности, неприятности, неприятности... можно подумать, что глава департамента не может управляться с делами без того, чтобы кто-нибудь не вытирал ему сопли! Ничего подобного! Рабочий при холодильнике жалуется Главному мяснику, тот жалуется шеф-повару, а вопрос этот чисто технический. По идее, Гну следовало бы связаться с технарями и все уладить, верно? Как бы не так! О, нет! Они оба идут со своими несчастьями ко мне. Ты, кажется, немного сведущ в инженерном деле?

— Да, — согласился Хью, — но теперь я чуть отстал. Прошло слишком много лет. (Около двух тысяч, друг мой! Но об этом мы умолчим...)

— Техника есть техника. Пойдем со мной, и позволь мне воспользоваться твоей просвещенной консультацией.

(И выяснить, что я лгу. Ну уж нет. Постараюсь затуманить тебе мозги как следует.)

— Конечно, пошли. Если только мнение такого ничтожного слуги может иметь какое-нибудь значение.

— Все проклятый холодильник. С ним каждое лето что-нибудь не так. Скорей бы вернуться во дворец! — сетовал Мешток.

— Да позволено будет спросить, назначена ли дата переезда?

— Позволено, позволено. Через неделю. Теперь у тебя будет время подумать о том, как лучше упаковать имущество департамента и подготовиться к переезду.

— Так скоро? — удивился Хью.

— Тебя что-то тревожит? Да ведь вам и паковать-то нечего. Архив да кое-какая мебель. А ты знаешь, сколько тысяч предметов предстоит перевезти мне? Сколько всего раскалывают, теряют или просто портят эти идиоты! Дядя милостивый!

— Да, должно быть, это ужасно, — согласился Хью. — Я кое-что вспомнил. Я просил вас известить меня в случае приезда их Милости. А молодой Избранный сообщил мне, что их Милость два дня назад приезжали и уехали снова.

— Ты недоволен? — спросил Мешток.

— Дядя избави! Я просто спрашиваю.

— Их Милость действительно физически присутствовал здесь некоторое время. Но официально он не возвращался. Мне показалось, что он неважно себя чувствует, защити его Дядя!

— Да сохранит его Дядя! — искренне подхватил Хью. — Понятно, что при подобных обстоятельствах вы не осмелились просить его дать мне аудиенцию. Но если можно, я хотел бы заручиться вашей поддержкой в следующий его приезд...

— Поговорим об этом позже. Нужно еще посмотреть, что там случилось у двух этих беспомощных...

Шеф-повар и Главный инженер встретили их у начала владений Гну. Они все прошли через кухню, потом через мясницкую и очутились в холодильном помещении. Правда, в мясницкой им пришлось задержаться, пока на очень торопившегося Мештока не надели похожее на парку теплое одеяние.

Мясницкая кишела живыми слугами и неподвижными шутами — птица, рогатый скот, рыба — словом, все, что угодно. Хью отметил про себя, что тридцать восемь Избранных и четыреста пятьдесят слуг потребляли значительное количество мяса. Помещение это показалось ему даже слегка угнетающим, хотя он сам в своей жизни забил и разделал немало животных.

Но внешне выдать своего потрясения от того, что он увидел на полу, ему помогло только природное чувство самообладания. Это был кусок, отрубленный явно от человеческого трупа, — изящная, пухлая, очень женственная рука.

Хью стало нехорошо, в ушах стоял какой-то шум. Он моргал несколько раз, но рука не исчезла. Рука, очень похожая на маленькую ручку Киски...

Он осторожно вздохнул, постарался подавить поднимающуюся в нем тошноту и стоял, отвернувшись, до тех пор, пока ему не удалось восстановить полный контроль над собой. Ему внезапно открылась правда, до сих пор скрывавшаяся за некоторыми несоответствиями, идиомами, казавшимися ему бессмысленными шутками.

Гну тем временем с кем-то горячо спорил, а Мешток стоял рядом и ждал. Затем Гну направился к разделочной, по пути машинально пнув изящную маленькую ручку, которая отлетела к куче отбросов.

— Вот эту-то вы не станете пробовать, Управляющий? — поинтересовался шеф-повар. — Если только не вернется старик.

— Я всегда все пробую, — холодно ответил Мешток. — Их Милость требует, чтобы стол был отменным независимо от того, здесь он или нет.

— О да, разумеется, — согласился Гну. — Именно это я всегда и твержу своим поварам. Но... Да вот хотя бы этот кусок... видите — он слишком жирен и после приготовления останется таким же. А все из-за того, что это мясо прислуги. Хотя на мой взгляд, самым лакомым кусочком, нежным, но упругим, было бы жаркое из мальчишки, оскопленного лет в шесть и забитого не позже двадцати.

— Никто твоего мнения не спрашивает, — сердито заметил Мешток. — Значение имеет только мнение их Милости. А он считает, что прислуга более нежна.*

— О, конечно, конечно, я согласен. Я ничего такого и не хотел сказать!

— А я ничего и не думал. В принципе, я придерживаюсь такого же мнения, но это не имеет никакого значения. Я вижу, их уже доставили. Надеюсь, новых пока не заготавливают?

Вся группа в теплых одеяниях вошла внутрь. Инженер до сих пор не проронил ни слова и только кивнул и слегка улыбнулся Хью. Теперь же он стал объяснять, в чем заключается проблема, проклятая проблема замораживания. Хью постарался целиком забить голову техническими описаниями процесса замораживания, чтобы не обращать внимания на то, что хранилось в холодильном помещении.

Большинство туш здесь были говяжьими и птичьими. Но в середине комнаты висел ряд крюков, на которых было то, что он уже и ожидал увидеть, — человеческие трупы, выпотренные, вычищенные и замороженные, висящие вверх ногами и без голов. Молодые прислуги и мальчишки, насколько он мог судить, вот только невозможно было определить, оскоплены ли мальчишки. Он сглотнул и поблагодарил судьбу за то, что трагическая маленькая ручка дала ему возможность подготовиться и не потерять сознания.

— Ну, кузен Хью, что скажешь? — раздался голос Мештока.

— Что ж, я согласен с Пайпсом.

— В том, что проблему нам не решить?

— Нет, нет. — Хью прослушал. — Его рассуждения правильны, и он предложил выход. Как он утверждает, нужно не пробовать чинить оборудование сейчас, а подождать с неделю, демонтировать то, что есть, и полностью сменить его.

Выражение лица Мештока стало кислым.

— Слишком долго.

— Зато со временем окупится. За несколько бычков хорошего оборудования не купишь. Экономить тут нечего. Верно, Пайпс?

Инженер радостно закивал:

— Именно это я всегда и говорил, кузен Хью! Вы абсолютно правы.

Мешток все еще хмурился.

— Ну... ладно, подготóвь расчеты. И перед тем как представить их мне, покажи кузену Хью.

— Есть, сэр!

Мешток приостановился и похлопал одно из мальчишеских тел:

— Вот что, на мой взгляд, настоящее мясо. А, Хью?

— Замечательное, — выдавил из себя Хью, который все еще не мог придать своему лицу нормальное выражение. — Возможно, ваш племянник? Или просто один из сыновей?

Наступило ледяное молчание. Никто не шевелился, только Мешток, казалось, стал выше ростом. Он чуть приподнял свой хлыст, даже не приподнял, а скорее сжал его изо всех сил. Затем он выдавил из себя что-то вроде кривой улыбки и издал неприятный смешок.

— Кузен Хью, ты когда-нибудь насмешишь меня до смерти. Ну у тебя и шутки! Эта особенно хорошо. Гну, напомни мне, чтобы я не забыл рассказать ее вечером остальным.

Шеф-повар пообещал обязательно выполнить просьбу Мештока и хихикнул, инженер разразился хохотом. Мешток еще раз усмехнулся, довольно прохладно.

— Боюсь, что не вправе претендовать на столь высокую честь, Хью. Все эти тушки — выкормыши в ранчо, поэтому среди них нет ни одного моего кузена. Конечно, я знаю, что в некоторых имениях принято... но их Милость считает, что подавать к столу домашних слуг — вульгарно, даже если смерть наступила в результате несчастного случая... Кроме того, слуги, не будучи уверенными в своем будущем, становятся беспокойными.

— Логично, — согласился Фарнхэм.

— Да, и, кроме того, гораздо приятнее закусывать теми, от кого все равно нет никакого толка. Ну ладно, хватит об этом, мы теряем время. Хью, обратно пойдём вместе.

Когда они удалились от остальных, Мешток спросил:

— Так что ты там говорил?

— Прошу прощения? — переспросил Хью.

— Будет, будет, ты сегодня что-то очень рассеян. По-моему, ты что-то спрашивал насчет возвращения их Милости.

— Ах, да! Мешток, не могли бы вы, в качестве огромного личного одолжения мне, сообщить о возвращении их Милости в имение сразу же? Независимо от того, официально он вернется или нет. Не просить за меня о чем-нибудь, а всего лишь сообщить...

Мысленно Хью перебрал все возможные варианты.

Черт возьми, время безвозвратно утекает, как кровь из перебитой артерии. Единственное, что он еще может сделать, это приползти на брюхе к Джо с унижительными извинениями и молить его о помощи.

— Нет, — ответил Мешток. — Нет, не думаю, что смогу.

— Тысяча извинений. Возможно, ничтожный слуга невольно нанес оскорбление?

— Ты имеешь в виду ту остроту? О небо, конечно, нет! Может быть, кому-нибудь она и показалась бы вульгарной, и можно держать пари, что кое-кому из слуг стало от нее дурно. Но я, Хью, если чем и горжусь, так это тем, что у меня есть чувство юмора, — и в тот день, когда я не смогу

оценить шутку только потому, что она относится ко мне, я тут же подам прошение об отставке. Нет, просто теперь настала моя очередь подшутить над тобой. Я сказал: «Не думаю, что смогу». В этой фразе заключен двойной смысл. Я не думаю, что смогу сказать тебе, когда вернется их Милость, так как он известил меня, что вообще больше сюда не вернется. А потому увидеть его ты сможешь только во дворце... там уж я обещаю сообщить тебе, как только он будет на месте. — И Главный управляющий слегка ткнул Хью под ребра. — Жаль, что ты не видишь выражения своего лица. Моя шутка была далеко не так остроумна, как твоя. Но тем не менее челюсть у тебя прямо-таки отвалилась... Вот умора!

Хью извинился, ушел к себе, лишний раз помылся, очень тщательно, гораздо тщательнее, чем обычно, а затем просто сидел и размышлял до самого обеда...

Перед обедом он слегка подбодрил себя небольшой порцией «счастья», вполне достаточной, чтобы дать ему возможность благополучно перенести обед. (Теперь, когда он знал, почему «свинина» так часто подается к столу Избранных). Правда, у него были основания предполагать, что свинина, идущая в пищу слугам, — настоящая свинина. Но, несмотря на это, он больше не намерен был есть грудинку, равно как и ветчину, свиные отбивные, колбасы. Так, чего доброго, он вообще станет вегетарианцем — по крайней мере, до тех пор, пока они не окажутся в горах на свободе, где пища была одинаковой для всех.

Но доза «счастья» вполне позволила ему даже улыбнуться, когда Мешток отведal жаркого, предназначенного наверх, и спросить:

— Ну как? Жирно?

— Даже хуже обычного. Попробуй, — предложил Мешток.

— Нет, спасибо. Я и так представляю. Я бы, наверное, и сам смог бы готовить гораздо лучше, хотя наверняка держал бы себя очень круто и взыскательно. Впрочем, может быть, кузен Гну и смягчил бы меня со временем...

Мешток так расхохотался, что даже подавился.

— Ой, Хью, не смей меня больше так смешить за едой! А то ты когда-нибудь убьешь меня!

— Ваш покорный слуга нижайше надеется, что этого никогда не произойдет. — Хью поковырял кусочек мяса в тарелке, отодвинул ее в сторону и съел несколько орехов.

Вечером он засиделся в кабинете допоздна. Киска уже спала, а он все еще составлял письмо. Ситуация требовала немедленного тайного извещения Барбары, а сделать это было возможно только через Киску. Задача заключалась в том, чтобы Барбара разобрала зашифрованное сообщение. Та причудливая смесь, которой он воспользовался в прошлый раз, на этот раз не годилась — он должен был передать ей подробные инструкции.

«МИЛА Я!

Если бы ты была со мной, то мы могли бы поболтать немного о литературе. Ты, конечно, понимаешь, что я имею в виду, например, творчество Эдгара Аллана По. Можешь, так вспомни, что я всегда считал его единственным автором таинственных историй. Прочитать и перечитать его — сущее удовольствие уже потому, что с одного раза его не раскусишь. Ответь, например, попробуй на все вопросы, встающие по ходу дела в его «Золотом жуке», «Убийстве на улице Морг» или в «Пропавшем письме» и т.д. Таким же образом, то есть по нескольку раз, следует перечитывать почти всего По. Способом, который один только и может раскрыть читателю окончательно все потаенные оттенки мыслей писателя, является более чем внимательное чтение каждой его фразы с самого первого слова, а не вскользь. Конец нашего разговора об этом действительно великом человеке мог бы отложиться на неопределенное время, но уже поздно, поэтому приходится прервать его; в следующий раз предлагаю обменяться мнениями о творчестве Марка Твена...

С ЛЮБОВЬЮ...».

Поскольку Хью никогда раньше не обсуждал с Барбарой творчество Эдгара Аллана По, он был совершенно уверен, что она начнет искать в письме скрытое сообщение. Вопрос был в том, сможет она его обнаружить или нет — тайное послание должно было читаться так:

ЕСЛИ
ТЫ
МОЖЕШЬ
ПРОЧЕСТЬ
ЭТО
ОТВЕТЬ
ТАКИМ
ЖЕ
СПОСОБОМ
КОНЕЦ

Прежде всего он избавился от черновиков, а затем приготовился сделать кое-что гораздо более рискованное. Теперь он готов был променять свое ночное блаженство на обыкновенный фонарик или даже на обычную свечку. Дело в том, что освещались дворцовые помещения при помощи сфер, расположенных в верхних углах комнат. Хью понятия не имел, что они собой представляют, так далеки они были от всех известных ему видов освещения. Они совершенно не нагревались, похоже, не нуждались в проводке и регулировались небольшими рычажками.

Такой же светильник, размером с мяч для гольфа, был вмонтирован в его читающее устройство. Регулировался он вращением, каким-то образом поляризуясь.

Он попытался извлечь сферу из читающего устройства.

Все же ему удалось это сделать, сломав верхнюю панель. У него в руках оказалась ярко светящаяся сфера, и отрегулировать силу света было уже невозможно. Это было почти также плохо, как и отсутствие освещения.

В конце концов он догадался, что ее можно спрятать подмышкой. Свет немного пробивался наружу, но уже не такой сильный. Он удостоверился, что Киска спит. Выглянул в коридор. Коридор освещался только одним светильником на столбике, находившемся на пересечении проходов, ярдах в пятидесяти от него. К сожалению, идти ему нужно было именно в том направлении. Он не ожидал, что в это время работает освещение.

Он дотронулся до своего «ножа», накрепко привязанного к левой руке, — некоего подобия ножа, который он заострил с помощью камня, подбранного возле садовой дорожки. Безусловно, эта вещьца требовала усовершенствования, а заняться этим он мог только после того, как засыпала Киска, или во время оторванных от основной работы минут. Но все-таки иметь его было необходимо, тем более что он служил в дополнение и стамеской, и отверткой, и фомкой.

Люк, ведущий в туннели обслуживания, находился в правом проходе от освещенного перекрестка. В принципе годился любой люк, но этот был расположен на пути к комнате ветеринара. Так что если его застигнут, то у него всегда будет наготове оправдание, что заболел живот и он идет к врачу.

Крышка люка, сделанная на шарнире, легко откидывалась. Запиралась она обыкновенной защелкой. Дно туннеля, сумрачно освещенное его спрятанной сферой, находилось на глубине около четырех футов. Он начал спускаться вниз и столкнулся с первой неприятностью.

Эти люки и туннели предназначались для людей, которые были на фут ниже и фунтов на пятьдесят легче его, Хью Фарнхэма. Соответственно, у́же были и их плечи, бедра, высота на четвереньках и так далее.

Но он тоже мог одолеть этот туннель. Просто обязан был.

Он попытался представить себе, как он будет ползти, имея на руках, по крайней мере, одного грудного ребенка... Но и с этим он должен был справиться. И он справится, обязательно справится.

Хью чуть было не устроил себе западню. Буквально в самый последний миг он обнаружил, что на внутренней стороне крышки, абсолютно гладкой, не было никакой ручки и что при закрывании запор защелкивался снаружи автоматически.

Все это объясняло то, что никто не беспокоился по поводу возможного внезапного появления жеребца в помещениях прислуги. Но это было и значительным преимуществом. Хью сразу оценил его. Если все будет спокойно на другом конце, то он разбудит Барбару, они вчетвером спустятся в туннель, вылезут по нему наружу в любом доступном месте и направятся в горы пешком, дойдут до них перед рассветом, найдут какой-нибудь ручей и пройдут по воде расстояние, достаточное для того, чтобы на их след не напали собаки. Вперед, вперед, вперед!.. Почти без пищи, практически с голыми руками, не считая самодельного ножа, без какого-либо снаряжения, кроме «ночной рубашки», и без всякой надежды на лучшее, вперед! Нужно или спасти семью, или погибнуть вместе с ней. Но погибнуть свободным!

Может быть, в один прекрасный день его сыновья-близнецы, которые, возможно, в чем-то будут мудрее его и закалятся в борьбе за существование, возглавят восстание против царящих здесь ужасов. А от него сейчас зависело, вырастут ли они свободными.

Или не умрут, но...

Таковы были его планы. Он не стал терять ни минуты на сетования по поводу пружинного запора. Нужно было связаться с Барбарой, назначить время, потому что ей придется открывать крышку люка на своем конце туннеля. Сегодня он должен только провести рекогносцировку.

Лента, которой его нож был привязан к руке, как выяснилось, прекрасно удерживала запор в открытом положении. Он попробовал снаружи. Теперь крышку можно было открыть, не отодвигая защелки.

Но инстинкт самосохранения предостерегал его. Лента может не выдержать до тех пор, пока он не вернется. И тогда он окажется в ловушке.

Следующие полчаса он в поте лица ковырял защелку ножом и пальцами, держа светильник в зубах. Наконец ему удалось сломать пружину. Тогда он полностью вынул защелку. Люк внешне выглядел также, как и раньше, но теперь его можно было открыть изнутри простым толчком. Только после этого он позволил себе опуститься и закрыть люк над головой.

Он начал было свой путь, но проклятый балахон мешал ему ползти. Он поднял его до талии. Балахон упорно съезжал обратно.

Тогда он вернулся к шахте люка, снял с себя упрямое одеяние, оставил его здесь же и снова пополз, но уже обнаженным, с ножом, привязанным к руке, да светильником во рту. Полностью встать на четвереньки он так и не смог. Руки в локтях приходилось сгибать, нижняя часть туловища задиралась, что само по себе создавало странное неудобство, да еще попадались места пересечения трубопроводов, где приходилось пролезать буквально на брюхе.

Хью не мог представить себе, какую часть пути он уже проделал. Однако оказалось, что приблизительно через каждые тридцать футов в стенах туннеля имеются стыки. Он стал считать их и попытался в уме сопоставлять пройденное расстояние со схемой.

Вот уже позади два люка... поворот налево в другой туннель под следующим люком... проползти еще около ста пятидесяти футов и еще под одним люком...

Примерно через час он оказался, по его мнению, под ближайшим к Барбаре выходом. Если только он не заблудился в недрах дворца, если он правильно помнил сложную схему, если схема была современна (может быть, хоть за прошедшие две тысячи лет научились своевременно вносить поправки в чертежи), если только Киска не ошиблась в определении местоположения Барбары таким новым и необычным для нее способом. Если Барбара все еще находилась там же...

Он в неудобной позе попытался приложить ухо к крышке люка.

Хью услышал детский плач. Чуть позже различил над головой баюканье. Кто-то прошел мимо, затем вернулся и встал над крышкой.

Хью напрягся и приготовился к отступлению. Места было так мало, что самым очевидным казалось ползти задом наперед, что он и попытался сделать. Но это было настолько неудобно, что пришлось вернуться к шахте, и там, ценой невероятных усилий и ободранной кожи на боках, ему удалось развернуться.

Казалось, прошло уже несколько часов. Он решил, что потерялся. Хью уже начал раздумывать, от чего он умрет: от голода или от жажды? Может быть, какой-нибудь ремонтник испытает нервное потрясение, наткнувшись здесь на него?

Но он продолжал ползти.

Руки наткнулись на балахон раньше, чем он разглядел его глазами. Он быстро оделся, и через мгновение Фарнхэм уже стоял в коридоре, а крышка люка была закрыта. Он буквально заставил себя не пуститься бегом в свои комнаты.

Киска не спала.

Он и не подозревал об этом. Вдруг она очутилась сзади него в ванной. Широко раскрыв глаза, она с ужасом произнесла:

— О дорогой мой! Бедные колени! Бедные локти!..

— Я споткнулся и упал...

Она не стала спорить, а только настояла на том, что сама вымоет его, смажет и заклеит ссадины. Когда она собиралась заняться его грязной одеждой, он резко приказал ей отправляться в постель. По сути, он ничего не имел против этого, но на балахоне лежал его нож, и ему пришлось долго маневрировать, чтобы все время находиться между ней и балахоном, прежде чем удалось прикрыть нож складками одежды.

Киска молча отправилась спать. Хью спрятал нож на прежнем месте (слишком высоко расположенном для Киски), вернулся в комнату и обнаружил, что малютка плачет. Он стал гладить ее, утешать, сказав, что не хотел быть с ней грубым. Налил ей в утешение дополнительную порцию «счастья». Потом он просидел с ней до тех пор, пока она не забылась в счастливом сне.

Киска заснула, положив одну руку на одеяло. Ее ручка напоминала Хью ту, которую он видел полдня назад в мясницкой.

Он совершенно выбился из сил, и наркотик сразу же усыпил его. Но покоя не было и во сне. Ему приснилось, что он на званом обеде при черном галстуке и одет соответствующим образом. Но вот только меню ему что-то не нравилось.

Венгерский гуляш... Французское жаркое... мясо по-китайски... сэндвичи с мясом... фазанья грудка... — но все это было свиной. Хозяин дома настаивал, чтобы он попробовал каждое блюдо.

— Ну же, ну! — подбадривал он с ледяной улыбкой на устах. — Откуда вы знаете, что вам это не нравится? Один бычок три сбережет, ты должен полюбить такую пишу...

Хью стонал во сне, но никак не мог проснуться...

За завтраком Киска ничего не сказала, и это его более чем устраивало. Двух часов кошмарного сна было совершенно недостаточно, но он должен был идти в свой кабинет и делать вид, что работает. В основном он просто сидел, уставившись на обрамленную схему, висящую над его рабочим столом, даже не пытаясь смотреть на экран включенного ридера. После ленча он ускользнул к себе и попытался вздремнуть. Но в дверь осторожно постучался инженер и со многими извинениями попросил взглянуть на смету холодильной установки. Хью налил гостью щедрую дозу «счастья» и сделал вид, что внимательно изучает ничего не говорящие ему цифры. Когда прошло достаточное количество времени, он похвалил молодого человека, написал записку Мештоку, где рекомендовал смету к утверждению.

В письме Барбы, которое он получил вечером, всячески приветствовалась идея организации литературно-дискуссионного клуба по переписке и содержались весьма интересные мысли о творчестве Марка Твена. Но Хью интересовали только первые слова предложений:

«Я
ПРАВИЛЬНО
ПОНЯЛА
ТЕБЯ
МИЛЫЙ...»

5

«ДОРОГАЯ
МЫ
ДОЛЖНЫ
БЕЖАТЬ
НА
ТОЙ
НЕДЕЛЕ
ИЛИ
ДАЖЕ
РАНЬШЕ
БУДЬ
ГОТОВА
В
НОЧЬ
ПОСЛЕ
ПИСЬМА
СОДЕРЖАЩЕГО
СЛОВА
СВОБОДА
ПРЕЖДЕ
ВСЕГО
ОДИНОЧЕСТВО».

В течение следующих трех дней письма Хью к Барбаре были длинными, и в них обсуждалось все, что угодно, начиная с того, как Марк Твен использует коллоквиальные идеи, и кончая влиянием прогрессивных методов обучения на ослабление норм грамматики. Ее ответы такими же растянутыми и такого же литературного достоинства. Она сообщала, что будет готова открыть люк, что у нее почти не припасено продовольствия, нет ножа, нет обуви, но что подошвы ее ног стали очень мозолистыми. Единственно, о чем она беспокоилась, так это о том, чтобы близнецы не расплакались или не проснулись ее соседки по комнате, особенно те две, которые еще кормят своих детей по ночам грудью. Но пусть Хью ни о чем не тревожится, она постарается все устроить.

Хью припрятал полную бутылку «счастья» в люке, ближайшем к комнате Барбары. В очередной записке он велел ей сказать товаркам, что она украла ее, и напоить их так, чтобы те не смогли помешать их делу. Малышам тоже придется влить определенную порцию зелья для поддержания тишины в дороге.

Хью ухитрился извлечь из этой вылазки с бутылкой пользу. Он не только засек по часам в кабинете затраченное время и запомнил все изгибы лабиринта до мельчайших подробностей, но и взял с собой куль со свистками, который был наверняка значительно тяжелее ребенка. Куль он привязал к груди полоской материи, оторванной от украденного чехла читающего устройства. Он сделал две такие перевязи — одну для себя и одну для Барбары, приспособив их так, чтобы привязанного ребенка можно было передвинуть на спину и нести по-папуасски.

Он обнаружил, что нести ребенка таким образом было довольно трудно, но вполне возможно. Хью отметил про себя места, где нужно было быть особенно осторожным, имея в виду «драгоценную» ношу, которую, чего доброго, можно было придавить. Существовала также опасность и зацепиться за что-нибудь перевязью.

Удовлетворенный результатами вылазки, он вернулся к себе, не став будить Киску, — сегодня он дал ей необычно большую порцию «счастья». Он положил на место свистки, спрятал ножи и светильник, промыл колени и локти, не забыв смазать их. Затем сел и написал длинное дополнение к предыдущему письму к Барбаре, в котором объяснил, как найти бутылку. В дополнении высказывались некоторые соображения, возникшие в ходе дискуссии о философских воззрениях Хемингуэя, и подчеркивалось, что, как ни странно, в одном из своих произведений писатель говорит, что «свобода — это прежде всего одиночество», а в другом утверждается прямо противоположное... и так далее.

На следующий вечер он опять дал Киске усиленную дозу «счастья», сославшись на то, что в бутылке осталось совсем немного и что ее нужно допить, а завтра он принесет новую.

— О, но тогда я совсем поглупею, — пробормотала Киска, — и перестану нравиться вам.

— Пей, пей! За меня не волнуйся, как-нибудь переживем. Для чего еще и жить, как не для удовольствий?

Через полчаса Киска уже не могла даже без посторонней помощи добраться до постели. Хью побыл с ней до тех пор, пока она не начала всхрипывать. Потом встал, бережно прикрыл ее одеялом, поцеловал на прощание и некоторое время постоял, с жалостью глядя на это нелепое существо.

Через несколько минут он уже спустился в люк.

Там он снял балахон, сложил в него все, что ему удалось собрать: пищу, обувь, парик, две баночки с кремом, в которой уже был замешан коричневый пигмент. Он не очень-то рассчитывал на грим, но в случае, если их застигнет рассвет до того, как они дойдут до гор, он собирался загримировать их всех. Из балахонов предполагалось сделать какое-то подобие штанов и накидок, напоминающих обычную одежду свободных крестьян — Избранных — по словам Джо, «обедненного черного отребья». В таком виде они должны были продержаться до темноты.

Одну из перевязей он нацепил на себя, другую положил в тючок и пополз. Он торопился, так как время теперь решало все. Если даже Барбаре удалось напоить товарок, если им без труда посчастливится забраться в туннель, если передвижение по туннелям займет не более часа — что довольно сомнительно при наличии близнецов, — им ни за что не выбраться за пределы имения раньше полуночи. Тогда у них будет всего пять часов темноты, столь малый срок — на путь до гор. Интересно, смогут ли они идти со скоростью три мили в час? Вряд ли, поскольку обуви у Барбары не было, а на руках у них обоих дети, местность им незнакомая, и кругом темно. Горы как будто начинались милях в пятнадцати от имения. Им придется очень и очень трудно, даже если все будет идти по плану.

Он заторопился к помещениям прислуги, не жалея локтей и коленей.

Бутылки на месте не было — он ощупал место, где прикрепил ее. Тогда он расположился поудобнее и сосредоточился на том, чтобы унять бешено бьющееся сердце, замедлил дыхание и расслабился. Он попытался ни о чем не думать.

Это помогло, он даже начал впадать в легкую дремоту, но мгновенно пришел в себя, услышав, как поднимается крышка люка.

Барбара действовала совершенно бесшумно. Она передала ему одного из сыновей, которого он сразу же положил как можно дальше, насколько хватило длины рук, затем второго — он положил его рядом с первым, затем протянула ему трогательный маленький узелок с пожитками. Но поцеловал он ее только тогда, когда они оба были уже внизу и крышка с легким стуком захлопнулась над ними.

Всхлипывая, Барбара прильнула к нему; он сурово прошептал ей на ухо, чтобы она не шумела, и объяснил, что нужно делать. Она тут же затихла.

В таком тесном пространстве приготовиться к передвижению было му-чительно трудно. Здесь нигде было развернуться и одному, не говоря уже

о двоих. Безысходность руководила их действиями. Сначала он помог ей снять одеяние, затем она легла ногами в туннель, и он привязал ей одного из близнецов. Привязав второго к себе, он проверил, хорошо ли затянуты узлы. После чего Хью сделал из ее одежды маленький кулек, а рукавами привязал его к своей левой лодыжке так, что при движении тот волочился за ним. Сначала он собирался прикрепить его к себе на пояс, но рукава оказались слишком короткими.

Когда все было закончено (ему показалось, что прошли долгие часы), Барбара отползла еще дальше назад, и он с невероятными трудностями развернулся в узкой шахте люка. Хью ухитрился оказаться в нужном положении в туннеле, не ушибив при этом маленького Хьюги. Или, может быть, это был Карл Джозеф? Он забыл спросить. Во всяком случае, как бы то ни было, почувствовав маленькое теплое тельце ребенка, прижатое к его собственному телу, легкое сонное дыхание мальчика, Хью ощутил прилив свежих сил и отваги. Видит Бог, они справятся! А если кто-то встанет у них на пути, то погибнет...

Держа светильник в зубах, он, по возможности, передвигался как можно быстрее. Барбару он предупредил заранее, что останавливаться не будет, если она его не позовет.

Она так ни разу и не окликнула его. Однажды узелок соскользнул у него с ноги. Они остановились, и Барбара снова привязала упавшую одежду. Это и было их единственной передышкой. Скорость перемещения была довольно неплохой, но ему снова показалось, что прошла целая вечность, пока они не наткнулись на его вещи.

Они отвязали детишек и перевели дух.

Хью помог Барбаре приспособить перевязь так, чтобы ребенка теперь можно было привязать на спину, по-папуасски, и сложил все припасы в один общий узел. При себе пришлось оставить нож, балахон и светильник. Он показал ей, как нужно держать светящийся шарик между зубами, слегка раздвинув ее губы так, чтобы наружу выбивался только тоненький лучик света. Потом она попробовала сделать это самостоятельно.

— Ты похожа на приведение, — прошептал он. — А теперь слушай внимательно. Я сейчас вылезу. Будь готова передать мне мою одежду. Я должен произвести разведку.

— Давай я помогу тебе одеться прямо здесь.

— Нет, если меня застукают вылезавшим из люка, будет драка, и балахон замедлит мои движения. Да он, в принципе, и не понадобится мне до следующей остановки, а она намечена у кладовой. Как только я подам тебе знак, ты тут же передашь мне наши пожитки и ребенка. Учти, потом тебе придется нести и его, и наши вещи — у меня должна быть свобода действий. Понимаешь, милая, я не хотел бы пачкать руки в крови, но, если кто-нибудь встанет нам поперек дороги, я убью его. Ты понимаешь?

Она кивнула:

— Значит, я понесу все? Хорошо, мой повелитель, я вполне справлюсь с этим.

— Иди за мной и не отставай. До кладовой не более двух кварталов, и, скорее всего, по дороге мы никого не встретим. Днем я залепил замок жвачкой Киски. Как только мы окажемся снаружи, я возьму часть вещей, и посмотрим, не подойдут ли тебе мои сандалии.

— За мои ноги не беспокойся, с ними все будет в порядке. Чувствуешь, как они загубели?

— Тогда, может быть, будем одевать сандалии по очереди. Затем план такой, — продолжал Фарнхэм, — я сломаю замок на двери в загрузочную. С неделю назад я заметил там металлическую полосу. Она поможет нам спуститься, и дальше — в путь. Наше исчезновение обнаружат только завтраком, потом потребуется некоторое время, чтобы удостовериться в нашем побеге, и еще больше времени, чтобы организовать погоню. Так что мы должны успеть добраться до гор.

— Конечно, успеем, — подбадривала его и себя Барбара.

— И еще одно... Пока ты останешься в туннеле одна с детьми, не издавай ни звука и не пытайся выглядывать.

— Хорошо.

— Я могу отсутствовать около часа. Возможно, мне придется симулировать боль в животе и зайти к ветеринару.

— Ладно.

— Барбара, не исключено, что тебе придется ждать все двадцать четыре часа. Не дай Бог такого. Ты сможешь столько пробыть здесь, причем не давая малышам плакать?

— Я на все готова, Хью.

Он поцеловал ее.

— А теперь возьми светильник в рот и сомкни губы. Я хочу выглянуть наружу.

Фарнхэм чуть приподнял крышку и снова опустил ее.

— Очень удачно, — тихо произнес он. — Даже фонарь погасили. Ну, я пошел. Будь готова передать мне вещи. Но прежде всего — Джо.

Он поднял крышку и беззвучно опустил ее на пол, подтянулся и очутился в коридоре.

Луч света ослепил его.

— Довольно, — сухо сказал кто-то. — Ни с места!

Он так быстро ударил ногой по руке, держащей хлыст, что обладатель не успел им воспользоваться. Хлыст отлетел в сторону. Хью прыжком преодолел разделявшее их расстояние и ударил рукой — ТАК! а потом — ВОТ ТАК! Этого оказалось более чем достаточно. У человека была сломана шея (все как в учебнике по каратэ).

Хью тут же наклонился над люком.

— Давай! Быстро!

Он схватил ребенка, затем багаж. После этого помог Барбаре выбраться наружу.

— Посвети, — прошептал он. — А то его фонарь потух.

Она посветила ему.

Мешток...

Хью с удивлением покачал головой, столкнул тело в люк и закрыл крышку.

Барбара уже была готова, один ребенок прочно привязан за спиной, другой — в левой руке, а в правой — вещи.

— Пошли! Иди за мной, не отставай! — шепотом приказал Фарнхэм. Он дошел до перекрестка, нащупывая дорогу рукой вдоль стены.

6

Довольно долго мистер Хью Фарнхэм не чувствовал ничего, кроме боли. Как только боль немного отпустила его, он обнаружил, что находится в камере, — вроде той, в которой он содержался первые дни пребывания в имении лорда Протектора.

Он провел в ней три дня. По крайней мере, так ему показалось, потому что кормил его за это время шесть раз. Перед раздачей пищи его обволакивала невидимая паутина, кто-то входил, оставлял еду, менял парашу и уходил. И слуга, выполнявший эту обязанность, ни за что не отвечал ни на какие вопросы.

Когда, по его подсчетам, прошло три дня, он неожиданно почувствовал, что его опутала паутина (это случилось как раз после еды), и вошел небезызвестный «кузен» Главный ветеринар. У Хью были более чем веские основания подозревать, в чем причина его визита. Вскоре это предчувствие превратилось в уверенность, и он стал просить, требовать, чтобы его отвели к лорду Протектору. В конце концов он перешел на крик.

Врач никак не отреагировал на это. Он вколол что-то Хью в ляжку и вышел.

К некоторому облегчению Хью, сознание он не потерял, но, после исчезновения поля, он почувствовал, что все равно не может пошевелиться, и впал в какое-то подобное летаргии оцепенение. Вошли двое слуг, подняли его и положили в ящик, похожий на гроб.

Хью понял, что его куда-то несут. Ящик несли довольно аккуратно, и он только однажды ощутил подъем, затем — остановку: его ящик куда-то поставили и через несколько минут, часов или дней снова понесли. Наконец он оказался в другой камере. Она немного отличалась от первой: стены здесь были светло-зелеными, а не белыми. Ко времени очередного кормления оцепенение покинуло его, и он снова очутился во власти невидимого поля.

Так продолжалось сто двадцать два кормления. Хью отмечал каждое из них на внутренней стороне руки при помощи обгрызанного ногтя. Это отнимало у него ежедневно не более пяти минут. Остальное время он беспокойно размышлял о судьбе Барбары и близнецов или спал. Сон был гораздо хуже яви, потому что во сне он снова и снова совершал побег и каждый раз его ловили — правда, всегда в разных местах. И точно так

же ему приходилось убивать своего «друга», Главного управляющего. А два раза им даже удавалось добраться до самых гор, прежде чем их настигала погоня. Но рано или поздно их все равно ловили, и он обязательно просыпался с криком, зовя Барбару.

Его ни на минуту не отпускала тревога за нее и сыновей, хотя малыши были для него какими-то не совсем реальными. Ему ни разу не приходилось слышать, чтобы прислугу за что-нибудь серьезно наказали, точно так же, как и о прислуге, попытавшейся совершить побег, да еще отягощенный убийством. Он знал только одно, что лорд Протектор предпочитает к столу мясо прислуги.

Хью старался убедить себя, что старик Понс ничего не сделает с Барбарой, которая кормит грудью — а кормить ей предстояло еще довольно долго. Прислуга обычно растила детей до двух лет, как ему было известно со слов Киски.

Беспокоился он и за судьбу Киски. Не накажут ли малышку за то, к чему она, практически, не имела никакого отношения?

Ведь она совершенно посторонний во всем этом деле человек. И опять он ни в чем не мог быть уверен. В этом мире существовала своего рода «справедливость», она являлась составной частью религиозных писаний. Но «правосудие» его собственной культуры она напоминала весьма отдаленно и оставалась для него тайной за семью замками.

Итак, он размышлял о том, что ему следовало бы сделать, а не о том, что он сделал.

Теперь он видел, что его планы были просто смехотворными. Ему не следовало так быстро поддаваться панике и торопиться с побегом. Куда лучше было бы упрочить связи с Джо, ни в чем не противоречить ему, играть на его тщеславии, работать на него, со временем Барбара и дети поступили бы к нему в услужение. Джо был легко располагающим к себе человеком. Старый Понс весьма щедр, поэтому он мог бы даже не продавать Джо трех бесполезных слуг, а просто подарить их. Тогда мальчикам на протяжении многих лет ничего не будет угрожать. Хью в будущем вполне мог бы рассчитывать стать доверенным слугой, занимающимся деловыми операциями хозяина, с правом свободного доступа куда угодно по делам своего Повелителя. Вскоре он мог бы так изучить все пружины, приводящие в действие механизм этого мира, как никакой другой домашний слуга. И вот тогда ему удалось бы спланировать настоящий побег.

Какое бы общество ни создал человек, напомнил он себе, в нем непременно можно добиться успеха. Слуга, имеющий дело с деньгами, всегда найдет способ немного украсть. Возможно, здесь тоже существовало что-то вроде «подпольной железной дороги», по которой беглецов переправляют в горы. Как все-таки глупо, что он поторопился!

Обдумывал он и другие возможности, более широкие, — восстание рабов, например. Он представлял себе, как туннели используются не в качестве пути для побега, а как места встреч, где тайно обучаются грамоте — обучаются шепотом, дают клятвы, такие же прочные, как посвящение

Мау-Мау. Он так и видел слуг, терпеливо превращающих куски металла в ножи.

Эта «конструктивная» мечта нравилась ему больше прочих. Правда, верилось в то, что она когда-нибудь может сбыться меньше всего. Неужели эти покорные овцы способны созреть для восстания? Это казалось маловероятным. В сущности, его отнесли к тому же виду, но исключительно из-за цвета кожи. На самом же деле те были совершенно другой породы. Столетия направленной селекции сделали их такими же непохожими на него, как комнатная собачка на лесного волка.

И все же откуда ему знать? Ведь он видел только оскотиненных слуг да несколько женщин из прислуги, вечно одурманенных довольно щедрыми порциями «счастья». К тому же неизвестно еще, как влияло на боевой дух мужчин то, что они лишались больших пальцев в самом раннем возрасте и что их постоянно подгоняли хлыстами, которые не были просто хлыстами.

А скажем, вопросы расового неравенства — или, наоборот, абсурдная идея «расового равенства». Никто ведь не подходил раньше к этой проблеме с научной точки зрения. Слишком много эмоций обуревало и ту и другую сторону. Никому не нужны были объективные данные.

Хью вспомнил район Пернамбуко — он побывал там, служа во флоте. Здешними владельцами богатых плантаций были преисполненные чувством собственного достоинства, выхоленные, получившие образование черные, в то время как слугами их и рабочими на полях — вечно хихикающие, плутоватые, задиристые, явно неспособные ни на что большее... белые. Он даже перестал рассказывать этот «анекдот» в Штатах: ему никогда не верили, не верили даже те из белых, которые кичливо ратовали за «помощь американским неграм в самоусовершенствовании». У Хью сложилось впечатление, что почти все эти «кровоточающие сердца» дальше этого не шли. Полное уравнивание негров в правах они просто эмоционально воспринять были не в состоянии.

Но Хью знал, что положение вещей может быть совершенно иным. Когда-то он видел такое, теперь ему пришлось испытать это на собственной шкуре.

Знал Хью и то, что устройство его мира гораздо более запутанно, чем считало большинство людей. Многие граждане Рима были «черны, как смоль», а многие рабы были именно такими блондинами, о которых мечтал Гитлер. Поэтому каждый человек, в чьих жилах текла кровь европейцев, наверняка имел примесь негритянской крови. А у некоторых ее было гораздо больше. Как же звали этого сенатора с Юга? Того, который сделал себе карьеру на «превосходстве белого человека». Хью узнал два забавных факта: этот человек умирал от рака и перенес множество переливаний крови — поэтому тип его крови был таким, что можно было говорить уже не о примеси негритянской крови, а о целой бочке ее. Флотский хирург рассказал об этом Хью и доказал все это потом в своих медицинских статьях.

Тем не менее вся эта сложная история со взаимоотношениями рас никогда не найдет какого-либо логического решения, так как почти никому не нужна правда.

Взять хотя бы пение. Хью считал, что негры его времени в общем были лучшими, чем белые, певцами. Многие думали так же. И те же самые люди, громче других кричавшие о «равенстве рас», будь то негры или белые, казалось, были просто-таки счастливы признать, что негры все же, хотя бы в этом, обладают превосходством. Все это было очень похоже на «Скотоферму» Оруэлла, где говорится: **«ВСЕ ЖИВОТНЫЕ РАВНЫ, НО НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ БОЛЕЕ РАВНЫ, ЧЕМ ОСТАЛЬНЫЕ...»**

Что ж, он-то знал, кто здесь бесправен, несмотря на то что статистически он тоже имеет свою примесь черной крови. Этого человека зовут Хью Фарнхэм. Теперь он не был полностью согласен с Джо. Если уж возможности неравны, то лучше оказаться наверху!

На шестьдесят первый день, проведенный им в новой камере, если только это действительно был шестьдесят первый день, за ним пришли, вымыли, обстригли ногти, смазали ароматическим кремом и повели к лорду Протектору.

Хью чувствовал некое унижение, оставаясь обнаженным, но справедливо заключил, что это оправданная мера в обращении с пленником, который может убивать голыми руками. Сопровождали его два молодых Избранных, вероятно, военные. И их хлысты явно не были бутафорией.

Они шли очень долго. Очевидно, здание было огромным. Комната, куда они в конце концов попали, была очень похожа на те личные покои, где Хью когда-то играл в бридж. Из широкого окна открывался вид на тропическую реку.

Хью заметил ее только мельком. В комнате находился сам лорд Протектор.

Малыши ползали по полу. Но Барбара по грудь была опутана невидимым полем, была в ловушке, в которую сразу же попал и Хью. Она улыбнулась ему, но ничего не сказала. Он с радостью отметил про себя, что она цела и невредима, только похудела немного, да под глазами у нее были темные круги.

Хью хотел заговорить, но Барби глазами и движением головы предостерегла его. Тогда Хью взглянул в сторону лорда Протектора и обнаружил, что рядом с ним расположился Джо, а Грейс с Дьюком играют в какую-то карточную игру в углу комнаты, жуя жвачку и намеренно не обращая внимания на Хью. Он перевел взгляд на их Милость.

Хью решил, что Понс после тяжелой болезни. Несмотря на то что Хью было нехолодно и нагишом, Понс был тепло одет, на плечах у него было шаль, и выглядел он дряхлым стариком.

Но когда он заговорил, оказалось, что голос его ничуть не потерял звучности и силы:

— Можешь идти, капитан. Мы отпускаем тебя.

Эскорт удалился. Оглядев Хью с ног до головы, их Милость печально сказал:

— Ну что, парень, наделал ты дел, а?

Он опустил глаза и поиграл с чем-то у себя на коленях, поймал «это» и снова посадил на середину шали. Хью увидел, что «это» была белаямышь. Внезапно он почувствовал к ней симпатию. Похоже было, что ей не нравится сидеть на коленях у Понса, но и бежать ей было некуда, так как на полу ее подстерегали коты. Мэг наблюдала за ней с нескрываемым интересом.

Хью не ответил. Вопрос Понса показался ему чисто риторическим. Но тем не менее он был удивлен. Понс накрыл мышку ладонью и взглянул на Хью.

— Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь!

— Вы говорите по-английски? — Хью был несколько озадачен.

— Не нужно глупо вытаращивать глаза. Я ведь ученый, Хью. Неужели ты думаешь, что я могу окружить себя людьми, говорящими на языке, которого я не знаю? Да, я говорю на нем и читаю на нем. Должен сказать, письменность эта довольно примитивна. Я каждый день занимался с опытнейшими преподавателями плюс разговорная практика с ходячим словарем. — Он кивнул в сторону Грейс. — Или ты думаешь, что мне не хочется самому прочитать все свои книги? А не зависеть от твоих, сделанных тяп-ляп, переводов? Я дважды прочел «Истории, рассказанные запросто» — они очаровательны! А сейчас читаю «Одиссею».

Он снова перешел на Язык:

— Но мы здесь не для того, чтобы беседовать о литературе...

Вбежали четверо слуг и поставили перед их Милостью стол и разложили на нем какие-то вещи. Хью узнал их — самодельный нож, парик, две баночки с кремом, пустая бутылка «счастья», маленькая сфера, больше не светящаяся, пара сандалий, два балахона — один длинный, другой короткий, оба измятые и грязные — и, на удивление, высокая стопка бумаг, тоже измятых и исписанных.

Понс посадил мышку на стол, переложил несколько вещей с места на место и задумчиво проговорил:

— Я не так глуп, Хью. Я имел дело со слугами всю жизнь. Я раскусил тебя раньше, чем ты сам себя. Такого человека, как ты, нельзя помещать вместе с преданными слугами, это приведет к их разложению. У них тут же начинают появляться разные ненужные мысли. Я и так собирался дать тебе возможность бежать, как только ты перестанешь быть мне нужен. Так что ты мог бы немного подождать с побегом.

— Неужели вы думаете, что я поверю в это? — В голосе Хью звучало сомнение.

— Какая разница, поверишь ты или нет? Я просто не мог бы держать тебя здесь слишком долго — одно гнилое яблоко портит остальные, как любил говорить мой дядя. Не мог я и продать тебя, потому что какой-ни-

будь ни о чем не подозревающий человек заплатил бы немалые деньги за слугу, который разложит его остальных слуг, оказавшись за пределами моей досягаемости. Нет, тебе пришлось бы дать возможность бежать.

— Даже если это и так, я никогда бы не убежал без Барбары и сыновей, — не сдавался Хью.

— Я же говорю тебе — я не дурак. Будь добр — запомни это. Я как раз и собирался использовать Барбару — и этих очаровательных малышек — как средство вынудить тебя бежать. Но только когда я счел бы это необходимым. А ты все испортил. Теперь я должен примерно наказать тебя в назидание другим. Остальным слугам это пойдет на пользу. — Он нахмурился и взял в руки грубый нож. — Плохо сбалансирован. Хью, неужели ты всерьез рассчитывал пробиться с таким жалким оружием? У тебя не было даже обуви для твоей несчастной подруги. Если бы ты немного подождал, тебе бы представился удобный случай украсть все, что нужно.

— Понс, вы играете со мной так же, как с этой мышкой. Ведь на самом деле вы вовсе не собирались давать мне возможность бежать. По крайней мере, бежать по-настоящему. Я бы в конце концов оказался на вашем столе...

— Перестань! — На лице старика появилась гримаса недовольства. — Хью, я нездоров, кто-то опять пытается отравить меня — скорее всего, племянник, — и на сей раз ему это почти удалось. Не спорь со мной, у меня начинаются спазмы в животе. — Он вновь окинул взглядом Хью. — Жесткий. Невкусный. Старый дикий жеребец — это дрянь. Слишком воюет. Кроме того, джентльмен никогда не станет есть членов своей семьи, независимо от его проступка. Так что давай оставим этот дурной тон. У тебя нет никаких оснований держаться таким образом. В принципе, я не сержусь на тебя, просто ты сорвал мои планы. — Он посмотрел в сторону близнецов. — Хьюги, перестань дергать Мэг за хвост. — Голос его не был ни громок, ни строг. Несмотря на это, ребенок тут же остановился. — Вполне возможно, что эти двое были бы вкусны, но они тоже принадлежат к моей семье. Впрочем, они так милы и так похожи друг на друга, что я нашел бы им гораздо лучшее применение, пока они не понадобились бы мне для твоего побега.

Понс вздохнул:

— Но я вижу, что ты по-прежнему не веришь ни единому моему слову, Хью. Ты просто не понимаешь системы. Впрочем, слугам это не дано. Тебе никогда не приходилось выращивать яблоки?

— Нет.

— Так вот, хорошее вкусное яблоко — твердое и сладкое — никогда не вырастет само по себе. Оно всегда получается в результате кропотливой селекционной работы из чего-то такого маленького и кислого, что даже не годится на корм скоту. Кроме того, требуется еще особый уход и защита. С другой стороны, слишком высокоразвитые растения или животные могут стать невкусными, потерять упругость, вкус, стать рыхлыми и бесполез-

ными. Это — палка о двух концах. И подобная проблема постоянно возникает со слугами. Нужно регулярно удалять возмутителей спокойствия, не давая им возможности плодиться. Однако эти же самые возмутители спокойствия, худшие из них, являются бесценным генетическим фондом, который нельзя утрачивать. Поэтому мы делаем и то, и другое. Тех бунтарей, что появляются сами по себе, мы безжалостно выкорчевываем — чаще всего просто кастрируем. Самых же закоренелых — таких, как ты, — мы побуждаем бежать. Если вам удастся выжить — а некоторым это удается, — мы в конце концов захватываем вас или ваше потомство немного позже и сознательно при вашей помощи обновляем генетический код какой-либо дряхлеющей линии. Наш общий несчастный друг Мешток был как раз результатом такого скрещивания. Он был на четверть дикарем — само собой разумеется, он и не подозревал об этом — и потому прекрасным жеребцом, который отлично помог улучшить породу. Но слишком долго держать слугу в жеребцах — опасно и ненадежно. Тогда его ознакомили с преимуществами, даваемыми оскотением. Большинство моих старших слуг имеют свежую примесь дикой крови. Некоторые из них — сыновья Мештока. Например, инженер. Нет, Хью, ты никогда не оказался бы ни на чьем столе. И тебя не стали бы кастрировать. Я бы с удовольствием держал тебя около себя как ручного: ты забавен и к тому же отличный партнер по бриджу. Но я не мог не позволить тебе находиться в контакте с верными слугами, даже изолировав тебя нелепым титулом. Вскоре ты бы, видимо, вступил в контакт с подпольем...

Хью в изумлении открыл рот.

— Что, удивлен, а? Там, где существуют классы угнетателей и угнетенных, всегда есть и подполье. Именно всегда! Не будь его, мы бы создали его сами. Однако, поскольку оно имеется, мы следим за ним, подчиняем его, и оно начинает действовать в наших интересах. Среди Старших слуг союзником является ветеринар, который пользуется всеобщим доверием и совершенно бесстыдно лишен сентиментальности. Мне лично он несимпатичен. Через него ты мог бы наладить связь... Я бы с радостью использовал тебя на покрытие хотя бы сотни прислуг, а потом отпустил бы на все четыре стороны. Да, да... Ведь даже их Превосходительство использует жеребцов, которым приходится нагибаться, входя в помещение прислуги. В мою задачу входило сохранить вас как представителей здорового начала — тебя и твоих очаровательных младенцев. В горах вы могли сразу погибнуть.

Их Милость поднял стопку доставленных Киской записок.

— Вот это... от моего Главного управляющего требовалось только удерживать тебя от опрометчивых поступков. Он не знал о тайных функциях ветеринара. Что ты, мне даже пришлось немного нажать на Мештока, чтобы получить эти копии. После первой же игры в бридж я без труда догадался, что ты не преминешь связаться со своей подругой. Тогда я послал за Мештоком, и точно, ты уже начал переписку. Правда, сначала они не хотели в этом признаваться, потому что вовремя не доложили...

Хью не покидала мысль, что так говорят, раскрывая все карты, с людьми обреченными. Никто из них четверых из этой комнаты живым не выйдет. Впрочем, скорее всего, это не касается близнецов. Понсу нужна была свежая кровь. Но он и Барбара — у них даже не будет возможности перемолвиться словом.

Понс продолжал говорить:

— Но у тебя все еще есть шанс исправить ошибку. А ты их наделал немало. Одна из написанных тобой записок, по словам моих ученых, была полной бессмыслицей, вовсе даже и не английским языком. И тогда я понял, что это — тайное послание. После этого все твои письма подвергались тщательному исследованию. И конечно же, мы нашли ключ — впрочем, это и кодом-то трудно назвать, настолько он наивен. Но мне это стоило! Мешток всегда недооценивал дикарей, он даже представить себе не мог, на что они способны, когда их прижимают в угол...

Лорд Протектор нахмурился:

— Черт бы тебя побрал, Хью, твоя безжалостность стоила мне ценной собственности. Я не продал бы Мештока и за десять тысяч бычков — да и за двадцать, пожалуй, не продал бы. А теперь и твоя жизнь висит на волоске. Ну, обвинение в попытке к бегству — это еще полбеды. Обойдемся легким наказанием на глазах у других слуг. Этого будет вполне достаточно. Уничтожение собственности хозяина можно скрыть, если никто ничего не узнает. Кстати, тебе известно, что согревательница твоей постели была в курсе большинства твоих планов? Знала обо всем? Прислуга ведь любит болтать.

— И она вам все рассказала? — вырвалось у Хью.

— Нет, будь она проклята, она не рассказала и половины всего, что знала. Остальное пришлось извлекать из нее хлыстом. И тогда оказалось, что она знает столько, что мы не могли позволить ей встречаться со слугами, которые вполне могли сложить одно с другим. Ей пришлось исчезнуть...

— Вы убили ее. — Хью почувствовал прилив сострадания и сказал это, зная, что никакие его слова больше не имеют значения.

— А тебе-то что? Она была недостойной жить дальше, изменив хозяину. Но я все же не так расточителен, как ты думаешь. У этой дурочки просто не было никакого понятия о морали, и она не отдавала себе отчета в своих действиях. Должно быть, ты загнипнотизировал ее. Хью, повторяю, я не человек порыва. Я никогда не швыряюсь своей собственностью налево и направо. Я продал ее так далеко, что она с трудом будет понимать тамошний акцент, не говоря уже о том, чтобы там кто-нибудь поверил ее басням.

Хью перевел дух:

— Я очень рад.

— Что, понравилась тебе эта прислуга? Что в ней такого? — удивился Понс.

— Она была просто невинным младенцем. И я не хотел причинять ей вреда.

— Все может быть. А теперь, Хью, ты можешь оправдать все убытки, которые я понес по твоей вине. Оплатив мне ущерб, в то же время ты можешь извлечь выгоду для себя...

— То есть как это?

— А очень просто. Твоя эпопея дорого мне обошлась. В моем имении нет больше человека, достойного Мештока. Поэтому ты займешь его место. Никакого скандала, никакого шума, никакого волнения внизу. Под лестницей — слуги, потенциальные свидетели происходящего, уже проданы в далекие края. А о том, что случилось с ним, можешь придумать все, что хочешь. Или даже утверждать, что ничего не знаешь. Барбара, ты сможешь удержаться от сплетен?

— Конечно, если от этого зависит благополучие Хью!

— Вот и умница, — одобрил Понс, — а то бы мне очень не хотелось делать тебя немой. Игры стали бы не такими захватывающими. Впрочем, Хью, наверное, будет слишком занят, чтобы играть в бридж. Хью, вот тот самый мед, из-за которого медведь попал в капкан. Ты начинаешь исполнять обязанности Главного управляющего — работа, которую тебе ничего не стоит освоить, как только вникнешь в детали, а Барба с близнецами живет с тобой. Именно то, чего ты все время добивался. Таков выбор. Или ты становишься моим старшим слугой, или вы все лишаетесь жизни. Что скажешь?

Хью Фарнхэм был так изумлен, что никак не мог совладать с собственным голосом, чтобы изъяснить согласие. Между тем их Милость добавил:

— Еще одна деталь — я не смогу позволить тебе начать жить с ними прямо сейчас.

— Нет?

— Нет. Я все еще хочу получить твое потомство от нескольких прислуг, пока тебя не оскопили. Но это не надолго, если ты так крепок, как кажешься.

— Нет! — теперь сказала Барбара.

Хью Фарнхэму пришлось принимать ужасное решение:

— Барбара, подожди, Понс! А как насчет близнецов? Их тоже оскопят?

— О-о, — задумался Понс. — Ну и силен ты торговаться, Хью! Предположим, это не случится. Скажем так — я некоторое время буду использовать их в качестве жеребцов и не буду отрезать им большие пальцы рук. А лет в четырнадцать или пятнадцать я дам им возможность бежать. Тебя это устраивает?.. — Старик замолчал, зашедшись в кашле. Он весь содрогался. — Проклятие, ты утомляешь меня!

— Понс, но ведь вас может и не быть в живых через четырнадцать или пятнадцать лет, — заметил Хью.

— Верно. Не очень-то вежливо напоминать мне об этом.

— А не могли бы мы договориться о том же с вашим наследником — Мрикой? — посоветовал Фарнхэм.

Понс пригладил волосы ладонью и улыбнулся:

— Умный ты малый, Хью. Какой из тебя получится Главный управляющий! Так вот, конечно же, договориться я об этом не могу — именно поэтому я и хочу кое-что получить с тебя, а не дожидаться, покада повзрослеют мальчишки. Но выбор у тебя есть и сейчас. Я могу позаботиться о том, чтобы вы сопровождали меня в последний путь — все вы и мальчики тоже. Или можете остаться в живых и попытаться заключить новую сделку, если только это удастся. «Король умер. Да здравствует король!» Так в древности звучала мысль о том, что, если умирает один Протектор, ему на смену приходит другой. Так что как знаешь. Я готов и на то, и на другое.

Хью все еще обдумывал невеселые предложения, когда снова заговорила Барбара:

— Их Милость...

— Да, детка?

— Лучше бы мне вырезали язык. Прямо сейчас, здесь, в этой комнате. Потому что мне вовсе не нравится весь этот замысел. И я не буду держать язык за зубами. НЕТ!

— Барба, Барба, хорошие девочки так себя не ведут!

— А я и не девочка. Я — женщина, жена и мать! И я никогда больше не буду называть вас «дядюшкой» — вы злой человек! И я никогда больше не стану играть с вами в бридж, с Языком или без Языка. Мы беспомощны... Но от меня вы ничего не добьетесь. Посмотрите, что вы нам предлагаете. Вы хотите, чтобы мой муж согласился на оскпление в обмен на то, что он сможет провести несколько жалких лет со мной и с нашими детьми — ровно столько, сколько ваше злобное тело, милостью небес, будет ходить и дышать. А что потом? Вы и тут обманываете его. Мы умираем. Или оказываемся отданы на милость вашего племянника, который еще хуже, чем вы. Уж я-то знаю! Все согревательницы ненавидят его лютой ненавистью, они рыдают, когда их посылают прислуживать ему, и рыдают еще горше, когда возвращаются от него. Но я бы не позволила Хью согласиться на ваши предложения даже в том случае, если бы вы предложили ему целую жизнь, проведенную в роскоши. Нет! Никогда, никогда! Только посмейте сделать это, и я убью своих детей! Потом себя. А после этого и Хью покончит с собой, я уверена! Какие бы золотые горы вы ему не посулили! — Она остановилась и плюнула изо всех сил в направлении старика, затем разрыдалась.

— Хьюги, — произнес их Милость, — я ведь сказал тебе, чтобы ты не дергал кошку за хвост. Она может оцарапать тебя. — Он медленно встал. — Теперь ты уговаривай их, Джо... — И вышел из комнаты...

Джо вздохнул и приблизился к ним.

— Барбара, — мягко начал он. — Возьми себя в руки. Ведь то, что ты говоришь, не пойдет ни в коей мере на пользу Хью. Тем более что человеку в возрасте Хью такая потеря не должна казаться слишком большой.

Барбара взглянула на него так, как будто увидела его впервые в жизни. Затем снова плюнула. Джо стоял довольно близко, и она попала ему прямо в лицо.

Он отшатнулся и поднял руку. Хью резко остановил его:

— Джо, если хоть пальцем тронешь ее, а меня когда-нибудь освободят, я сломаю тебе руку...

— У меня и в мыслях не было трогать ее, — медленно ответил Джо. — Я просто хотел вытереть лицо. Я не ударю Барбару, Хью. Я восхищаюсь ею. Просто я думаю, что она рассуждает не совсем здраво. — Он поднес к лицу платок. — Видимо, нет смысла спорить.

— Нет, Джо. Прости, я жалею, что плюнула в тебя, — извинилась Барбара.

— Ничего, Барбара. Ты просто расстроена... и ты никогда не обращалась со мной как с ниггером. Так что, Хью?

— Барбара уже решила для себя. А у нее слова никогда не расходятся с делом. Впрочем, я и не жалею. Оставаться в живых здесь просто не имеет смысла. Даже если бы мне и не предстояло оскотление... — заключил Хью.

— Жаль, что ты так думаешь, Хью. Как бы то ни было, а мы с тобой всегда хорошо ладили. Ну, что ж, если это твое последнее слово, я, пожалуй, пойду и извещу их Милость. Хорошо?

— Иди.

— Иди, Джо, — добавила Барбара.

— Что ж... Прощай, Барбара. Прощай, Хью.

Он вышел.

Обратно вернулся один лорд Протектор, двигаясь с медленной осторожностью старого и больного человека.

— Так, значит, вы вон что решили, — сказал он, садясь и запахивая шаль.

Понс потянулся за мышкой. Появились слуги и убрали все со стола.

— Не могу сказать, что я очень удивлен... — продолжал он, — ведь я играл в бридж с вами обоими. Ну, тогда есть еще одна возможность. Ваши жизни — компенсация, и я не могу оставить их вам просто так. Поэтому мы используем вас. Мы пошлем вас назад.

— Куда назад, Понс? — поинтересовался Фарнхэм.

— Как куда? Конечно же в ваше собственное время. Если только получится. Возможно, и получится. — Он погладил мышку. — Вот эта малышка проделала такое путешествие. Правда, ее посылали всего на две недели. И это ей ничуть не повредило. Хотя, конечно, трудно судить о том, как действуют две тысячи лет...

Снова появились слуги и стали раскладывать на столе следующие предметы: мужские часы, канадский дюйм, пару поношенных горных ботинок, охотничий нож, грубо выделанные мокасины, пару джинсов, потрепанные хлопчатобумажные шорты большого размера, автоматический пистолет 45-го калибра с португеей, две изношенных и выцветших рубашки, одна из которых была перешита, полкоробка спичек, небольшую записную книжку и карандаш.

Понс взглянул на вещи.

— Было ли у вас что-нибудь еще? — Он вытащил из пистолета обойму и взвесил ее на ладони. — Если нет, одевайтесь.

Невидимое поле выпустило их...

7

— Не понимаю, чему вы удивляетесь, — сказал им Понс. — Хью, ты должен помнить, как я велел своим ученым выяснить способ, которым вы попали сюда. Никаких чудес. Я говорил вполне серьезно. И они почувствовали, что я буду очень огорчен, если ученым Протектората не удастся разрешить эту проблему при таком изобилии данных. И они справились с задачей. Возможно... По крайней мере, им удалось отправить вот эту малышку в будущее. Она вернулась сегодня, почему я и послал за вами. И теперь остается выяснить, можно ли при помощи этой установки отправиться в прошлое. И еще, работает ли большой аппарат так же хорошо, как настольная модель. Мне кажется, что для перемещения требуется не такое уж большое количество энергии — не нужно никаких атомных бомб, — если энергию приложить точно в нужном направлении. Но все это мы скоро узнаем.

— Но каким образом? Мы-то узнаем — сработает она или нет, но вы-то? — спросил Хью.

— А-а, вон что! Мои ученые не так уж глупы, они все предусмотрели. Один из них вам сейчас объяснит.

Позвали ученых — двух Избранных и пятерых слуг. Никаких предисловий не последовало. Хью почувствовал, что с ним обращаются так же безразлично, как и с мышкой, все еще не теряющей надежды спуститься на пол, где ее поджидала смерть. Хью было предложено снять рубашку, и двое ученых-слуг прикрепили к его правому плечу небольшой предмет.

— Что это? — не переставал проявлять любопытство Хью.

Предмет казался необычайно тяжелым, несмотря на небольшие размеры. Слуги молчали, а старший Избранный сказал:

— Скоро ты получишь ответ. Подойти сюда. Взгляни.

Взглянуть, как выяснилось, следовало на бывшую собственность Хью — подробную геодезическую карту графства Джеймс.

— Ты знаешь, что это такое? Или нужно объяснить?

— Знаю. — Хью прибег к речи равных, но Избранный игнорировал это, продолжая обращаться к нему, как к низестоящему.

— Тогда ты должен знать, что это место, откуда вы прибыли.

Хью согласился, следя за пальцем ученого, показывающим место, где когда-то стоял его дом. Избранный задумчиво кивнул и добавил:

— Ты понимаешь значение этих отметок? — Он указал на маленький крестик и цифры возле него.

— Конечно. У нас это называлось «репер», или эталонная отметка. Точно указанное местоположение и высота над уровнем моря. Это базисная точка для всей остальной карты.

— Превосходно. — Избранный ткнул в аналогичную точку у вершины горы Джеймс. — А теперь скажи мне, если знаешь, — но только не лги, это не пойдет тебе на пользу, — как велико отклонение этих двух точек по вертикали и горизонтали?

Хью немного подумал и, подняв руку, развел указательный и большой пальцы примерно на дюйм. Избранный прищурился.

— В то варварское время не могло быть такой точности. Мы считаем, что ты лжешь. Попытайся еще раз. Или признайся, что понятия не имеешь об этом.

— А я утверждаю, — настаивал Фарнхэм, — что вы сами не знаете, о чем говорите. Ошибка, может быть, даже и меньше...

Хью хотел было рассказать им, что он сам возглавлял разведывательные партии в Сибири, да и сам занимался геодезическими измерениями, когда имел дело с подрядами, и что, хотя он не знал, насколько точны геодезические измерения, при установлении реперов эти измерения были на порядок точнее обычных. Но потом он решил, что рассказывать об этом бессмысленно.

Избранный взглянул сначала на него, потом на их Милость. Старик внимательно слушал, но лицо его оставалось бесстрастным.

— Ладно. Допустим, что отметки точно соотносятся друг с другом. Что является исключительным везением, поскольку одной из них нет, — он указал на первую, около того места, где был дом, — а другая, — палец его передвинулся, на вершину горы Джеймс, — по-прежнему на месте, в прочнейшей скальной породе. А теперь покопайся в памяти и не пытайся снова солгать, так как это прежде всего касается тебя самого... и имеет значение для их Милости, поскольку даже обычная твоя лож может свести на нет множество усилий, и их Милость наверняка будет очень недоволен. Так вот: где поблизости от этой точки и на той же высоте — во всяком случае не выше — находится... находилось, я хотел сказать, в те первобытные времена — ровное гладкое место?

Хью задумался. Он-то точно знал, где располагался этот репер: в основании Саутпортского банка. Представлял он собой медную пластину, заглубленную в камень позади мемориальной таблички, приблизительно на высоте восемнадцати дюймов от тротуара на северо-восточном углу здания. Ее поместили туда вскоре после открытия Саутпортского торгового центра. Хью, проходя мимо, часто смотрел на эталонную отметку. Это наполняло его душу покоем и ощущением стабильности. Одной стороной здание банка выходило на стоянку для автомобилей, обслуживающую супермаркет «Сейфвэй» и еще пару магазинов.

— Ровное и гладкое место тянется от этой точки до этой на расстояние... — Хью прикинул ширину стоянки в футах, переводя в уме на современные единицы. — Или немного больше. Это на глаз. Размеры неточные.

— Но место действительно ровное? И не выше отметки? — не унимался Избранный.

— Оно даже ниже и немного наклонно, чтобы вода здесь не задерживалась, — пояснил Хью.

— Отлично. А теперь взгляни сюда. — Это снова была собственность Хью — на сей раз карта штата. — Предмет, который на тебе, можно считать часами. Не стоит объяснять тебе принцип их действия — ты все равно не поймешь. Достаточно сказать, что с помощью радиоактивного распада они измеряют время. Поэтому они так тяжелы. Корпус изготовлен из свинца, чтобы погасить радиацию и предохранить их. — Избранный указал город на карте.

Хью отметил про себя, что здесь помещался университет штата.

Избранный сделал движение рукой, и ему передали клочок бумаги.

— Ты можешь прочесть, что здесь написано? Или нужно объяснить? — обернулся он к Хью.

— Здесь написано: «Государственный университетский банк», — ответил Хью. — И мне действительно помнится, что в этом городке, в свое время, было подобное заведение. Хотя с уверенностью сказать не могу. Я с ним никогда не имел дела.

— Было, было, — уверил его Избранный, — и совсем недавно обнаружены его развалены. Ты должен добраться до него. Там сохранилась подвальная комната, в самой нижней части фундамента. Эти часы нужно поместить туда. Ты понимаешь?

— Понимаю, — утвердительно кивнул Фарнхэм.

— По велению их Милости эта комната до сегодняшнего дня не вскрыта. После того как вас пошлют в прошлое, ее вскроют. Часы будут там, и мы измерим их показания. Теперь тебе ясно, почему это жизненно важно для эксперимента? Мы не только узнаем, что вы благополучно перенесли путешествие, но и точно определим промежуток времени, разделяющий наши эпохи. На основании полученных данных мы сможем гораздо точнее настроить приборы. — Избранный теперь говорил почти с жестокостью. — И указания смотри выполняй с точностью. Или тебя строго накажут...

При этих словах Хью встретился взглядом с Понсом. Старик не смеялся, но в глазах его прыгали веселые огоньки.

— Сделай это, Хью, — негромко попросил он. — Будь молодцом.

— Я все сделаю. Я понимаю, — повернулся к Избранному Хью.

Избранный сказал:

— С благословения их Милости, покорный слуга готов взвесить их и отправиться к месту запуска.

— Мы передумали, — известил Понс. — Мы будем наблюдать за отправлением. — И добавил: — Как нервы, Хью? В порядке?

— Вполне.

— Вам всем, перенесшим первое перемещение, было предложено вернуться, не помню, говорил я тебе об этом или нет? Джо сразу же отказался. — Старик выглянул через плечо. — Грейс, ты не передумала, малышка?

Грейс подняла глаза.

— Понси! — укоризненно сказала она. — Ведь ты же знаешь, что я никогда не покину тебя.

— Дьюк?

Оскопленный слуга даже не поднял глаза. Он просто отрицательно помотал головой.

Понс поторопил ученого:

— Нужно взвесить их. Сегодня мы намерены ночевать дома...

Возвышение соорудили где-то в недрах дворца. Перед тем как их поместили на пластину весов, лорд Протектор вытащил обойму, которую ранее извлек из пистолета Хью.

— Хью! Ты обещаешь не делать глупостей? Или мне приказать, чтобы пули отделили от пороха?

— Нет, я обещаю.

— Да, но что ты обещаешь? При определенной скорости движений ты бы вполне мог прикончить меня. Но подумай о том, что будет после этого с Барбарой и нашими малышами.

«Я уже думал об этом, старый ты негодяй. И я всегда делаю только то, что мне кажется лучшим».

— Понс, а почему бы вам не отдать обойму Барбаре. Пусть она положит ее к себе в карман. В этом случае, даже если мне и придет в голову что-нибудь, я не успею зарядить пистолет достаточно быстро.

— Неплохо придумано. Держи, Барба!

Старший ученый, казалось, был недоволен общим весом своего экспериментального груза.

— С разрешения их Милости ничтожный слуга осмеливается доложить, что собственный вес обоих взрослых, должно быть, сильно уменьшился с тех пор, как делались расчеты...

— И что же ты хочешь от нас? — сердито произнес Понс.

— О, ничего, ничего, с благосоизволения их Милости. Просто предстоит небольшая задержка. Масса должна быть точной. — Избранный начал тополивно накладывать на платформу металлические диски.

Это навело Хью на мысль:

— Понс, вы действительно думаете, что эта штука сработает?

— Если бы я знал это точно, не было бы надобности опробовать ее. Надеюсь.

— Допустим, перенос удался, тогда нам понадобятся деньги с самого начала. Особенно если мне придется пересечь почти половину штата, чтобы захоронить эти часы, — заметил Фарнхэм.

— Логично. Ведь вы, кажется, там пользовались золотом? Или серебром? Я понял тебя. — Он сделал жест рукой. — Прекратите взвешивание.

— У нас в ходу было и то и другое, но на нем должно было быть клеймо нашего Протектората. Понс, в моем доме было довольно много американских серебряных долларов, которые вы забрали у меня. Нельзя ли их получить обратно?

Получить их оказалось можно и прямо во дворце, а старик не имел ничего против того, чтобы их использовали в качестве недостающего веса. Старший ученый был весьма обеспокоен задержкой. Он объяснил своему Повелителю, что расчеты были сделаны на определенное время, равно как и на определенную массу, с тем чтобы доставить их в прошлое за несколько дней до начала войны, плюс-минус некоторое время на ошибку. Но запас времени подходил к концу, и если не произвести отпавку в ближайшие секунды, то придется снова перерасчитывать эксперимент и перенастраивать приборы. Хью не понял большинства подробностей.

Понс, видимо, тоже их не понял. Он резко оборвал ученого:

— Если понадобится, сделаешь расчеты заново. Все.

Чтобы найти человека, который знает того, кому известно местонахождение предметов, изъятых у дикарей, и кто при этом способен доставить их, потребовалось больше часа. Понс молчаливо играл с мышью. Барбара возилась с близнецами, потом перепеленала их. Она добила разрешения, чтобы всем им дали возможность сходить в туалет. Просьба была удовлетворена, правда под охраной, — и от всего этого вес снова изменился, и все пришлось начинать заново.

Хью был рад, что за время одиночного заключения он похудел. Однако для покрытия разницы в весе потребовалось всего около трехсот долларов, да еще пуля и несколько клочков фольги.

— С позволения их Милости покорный слуга считает, что подопытных следует незамедлительно поместить в контейнер, — прозвучал голос Избранного.

— Исполняй! Не трать понапрасну время!

Внесли контейнер. Он представлял собой металлический ящик, гладкий снаружи, пустой внутри, без каких-либо выступающих частей. Высота его едва позволяла Хью стоять выпрямившись, а места в нем было ровно столько, сколько требовалось всем четверым. Хью забрался внутрь первым, помог забраться Барбаре. Затем им передали детей, и Хьюги тут же начал плакать и толкать братишку.

Понс выглядел расстроенным.

— Прислуга избаловала детишек. Хью, я решил не присутствовать при отправлении, я очень устал. Прощайте, вы оба, и счастливо добратся. Из вас никогда не получились бы верные слуги. Но мне будет очень не хватать ваших партий в бридж. Барба, нужно серьезно заняться воспитанием малышей. Только смотри, не запугай их вконец. Они — хорошие мальчишки... — Он повернулся и быстро вышел.

Крышку заперли. Теперь они были одни. Хью тут же воспользовался этим преимуществом, чтобы поцеловать жену. Поцелуй вышел довольно неуклюжим, потому что они оба держали в руках по ребенку.

— Теперь мне все равно, что с нами будет, — сказала Барбара, как только рот ее освободился. — Именно этого мне больше всего и не хватало. Ой, милый, Джо опять мокрый. А как там Хьюги?

— Они единокровны. Хьюги тоже мокрый. Но ты ведь, кажется, только что сказала, что тебе теперь все равно...

— Мне-то да, но попробуй объясни это детям. Сейчас я бы с радостью отдала один из этих свертков с долларами за десяток новых пеленок.

— Дорогая, а тебе никогда не приходило в голову, что человечество, по крайней мере, миллион лет прекрасно обходилось без пеленок? А нам, возможно, предстоит прожить без них не более часа. Так что давай не будем о них думать.

— Да нет, я только хотела сказать... Послушай! Кажется, они передвигают нас. — В голосе Барбары чувствовалось волнение.

— Сядь на пол и упрись ногами в стенку. Пока дети еще целы. Так что ты говоришь?

— Я просто хотела сказать, дорогой, что меня вовсе не волнуют пеленки. Меня вообще ничто не волнует теперь, когда ты со мной. А вдруг эта штука сработает и нам суждено будет выжить, тогда моя практичность будет очень кстати. А что может быть практичнее пеленок?

· — Поцелуй, например, любовь...

— Да, конечно. Но они все равно приводят к пеленкам, — возразила Барбара. — Милый, а ты не мог бы переложить Хьюги в другую руку, а этой обнять меня? О, они снова нас куда-то двигают. Хью, как по-твоему, этот аппарат сработает? Или мы просто внезапно умрем? Ладно, путешествие в будущее я еще как-то могу себе представить — во всяком случае, мы совершили его. Но никак не могу представить себе путешествие в прошлое. Я имею в виду, что прошлое уже было. Правильно? Разве не так?

— В принципе, да. Но ты, по-моему, неправильно сформулировала. Я понимаю это так, — принялся пояснять свою мысль Хью, — что парадоксов времени не существует, их просто не может быть. Если нам удастся совершить этот прыжок во времени, то, значит, мы его уже совершили. Вот что произошло. А если аппарат не сработает, то потому, что этого не случилось.

— Но ведь этого еще не случилось. — Барбарой двигало желание разобраться. — Следовательно, ты утверждаешь, что поскольку этого не произошло, то и не могло произойти. То же самое говорю и я.

— Нет, нет! Мы не знаем, случилось это или еще нет. Если случилось, то все будет в порядке. А если нет, то — нет, — подвел черту Хью.

— Дорогой, я совсем запуталась.

— Не беспокойся. «Пероты, перо держащие, выводят букву и, только выведя ее, свой продолжают труд...» — и о том, как обстоит дело, мы узнаем только после всего. Мне кажется, нас выводят на финишную прямую. Мы больше не покачиваемся, и чувствуется только легчайшая вибрация. По всей вероятности, они собираются отправить нас из графства Джеймс. Значит, у нас в запасе еще примерно час безмятежной жизни. — Он обнял ее крепче. — Поэтому давай хоть этот час будем счастливы...

— Любимый, мы с тобой столько перенесли! Если нам отведен всего лишь час, я буду наслаждаться каждой его секундой. Если нам отведено сорок лет, я буду наслаждаться каждой секундой этих лет. Только бы быть вместе. Вместе до самого конца.

— Да, до самого конца, — повторил Хью.

Она счастливо вздохнула, переложив мокрого спящего младенца, уткнулась в плечо мужа и прошептала:

— У меня такое чувство, что это снова наш самый первый день. Я имею в виду убежище. Там было так же тесно и даже еще жарче — и никогда еще я не была так счастлива. И мы тогда тоже не знали, доживем мы до следующего дня или нет. В ту ночь.

— По крайней мере, не надеялись, — подтвердил Хью. — иначе сейчас у нас бы не было близнецов.

— Хью, а здесь места не меньше, чем было тогда в нашем распоряжении, а?

— Женщина, ты просто ненасытна в своей похоти... Ты можешь шокировать мальчиков.

— Мне, по крайней мере, не кажется, что один раз больше чем за год — это ненасытность. А мальчикам еще слишком мало лет, чтобы их можно было чем-нибудь шокировать. О, милый, ну, давай! Ты же сам сказал, что, возможно, через час нас не станет.

— Да, это не исключено, и в твоих словах есть большая доля правды, и теоретически я полностью «за». Но на самом деле здесь не так много места, и даже, если бы здесь не толпилась мокрая малышня, я совершенно не представляю, как это механически все можно сделать. Это будет не акт, а прямо какой-то тессеракт.

— Что ж... наверное, ты прав. Действительно все так. Да и погибнуть в таком виде сущее бесстыдство.

— Я отказываюсь допускать, что нам предстоит погибнуть. Все мои планы строятся на том, что мы останемся в живых. Жизнь продолжается. Что бы там ни было — жизнь продолжается.

— Согласна! Семь без козырей! — воспрянула духом Барбара.

— Так-то лучше.

— Удваиваю и еще раз удваиваю. Хью, как только мальчики подрастут настолько, что смогут удержать в руке тридцать карт, мы начинаем учить их играть в бридж. Тогда у нас будет своя семейная четверка.

— Согласен. А если они не смогут научиться, мы оскопим их и попробуем снова, — неудачно пошутил Хью.

— Не произноси при мне больше этого слова...

— Прошу прощения.

— И вообще я больше слышать не желаю этот Язык, дорогой. Мальчики должны расти, слыша только английскую речь.

— Еще раз прошу прощения. Ты права. Но я могу сорваться иногда. Я столько перевидел, что иногда начинаю думать на этом Языке. Так что не сердись, если у меня иной раз и сорвется словечко.

— Изредка — это не страшно. Кстати, о словечках. Не обменивался ли ты кое-какими словечками с Киской?..

— Нет.

— А почему? Я бы ничего не имела против. Вернее, почти ничего. Она была очень мила. Готова была возиться с детьми в любое время, когда ей только разрешали. Она очень любила наших малышей.

— Барбара, я не хочу думать о Киске. Мне больно вспоминать о ней. Я надеюсь только на одно — что ее новый владелец добр к ней. Она совершенно беззащитна — как котенок с непрорезавшимися глазками. Беспомощна. Киска напоминает мне обо всем самом чертовски проклятом, что только есть в рабстве.

Она сжала его руку.

— Надеюсь, что с ней обращаются хорошо. Но, милый, зачем себя мучить, ведь все равно ей ничем не поможешь.

— Я понимаю и именно поэтому не хочу говорить о ней. Но мне ее не хватает. Как дочери. Да, пожалуй, она была мне дочерью. И никогда — «сгоревательницей постели».

— Я ни секунды не сомневалась в этом, дорогой. Но... жизнь-то продолжается. Так что мне не хотелось бы, чтобы ты обращался со мной, как с дочерью! Лично я намерена содержать твою постель раскаленной докрасна! — не унималась Барбара.

— Хм... Ты хочешь напомнить мне о моих преклонных годах.

— О, мои натруженные ноги! Он еще говорит «преклонные года»! Мы давно ровесники с тобой, Хью, — нам обоим будет примерно по четыре тысячи лет, считая туда и обратно. А я преследую сугубо практические цели. Ты понял?

— Слушай, у тебя мысли работают только в одном направлении. Ладно. Я буду просто лежать и беречь силы. А тебе предоставляю делать все остальное. Ха, да мы, кажется, приехали!

Ящик несколько раз передвинули, затем он некоторое время пребывал в неподвижности, вдруг неожиданно взлетел вверх, так что заныло под ложечкой, так же внезапно остановился, вздрогнул и теперь уже застыл окончательно.

— Вы находитесь в экспериментальной камере, — произнес голос ниоткуда. — Вас, возможно, ожидает падение с небольшой высоты. Советуем вам обоим встать, взять на руки по одному ребенку и быть готовыми к падению. Понятно?

— Да, — ответил Хью, помогая Барбаре встать. — С какой высоты? Ответа не последовало.

— Дорогая, я не понял, что они имели в виду, — сказал Хью. — «С небольшой высоты» может оказаться и один фут и пятьдесят. Обхвати Джо руками, чтобы он не ушибся, и лучше немного согни ноги в коленях. В случае сильного толчка не напрягай ноги, а мягко опустишься на землю. Боже упаси приземлиться на вытянутые ноги. Этим шутникам нет до нас ровным счетом никакого дела.

— Согнуть ноги в коленях, — повторяла команды Барбара, — обхватить Джо. Понятно.

И они упали...

8

Хью так и не определил точно, с какой высоты им пришлось падать, но в конце концов решил, что там было не более четырех футов. Вот еще мгновение назад они стояли в ярко освещенной камере, в тесноте, — в следующее мгновение они уже оказались под открытым небом, в ночной тьме. Они падали.

Когда его подошвы ударились о землю, он мягко повалился, слегка задев правое бедро, и в тело ему впились два очень твердых свертка с долларами, которые лежали у него в заднем кармане брюк. Потом он перекатился на бок, оберегая ребенка от ушиба.

Затем он сел. Барбара лежала на боку подле него. Она не шевелилась.

— Барбара! Что с тобой?

— Ничего, — тихо сказала она. — Кажется, цела. Просто перепугалась.

— А с маленьким Джо все в порядке? Хьюги-то цел и невредим, но, боюсь, он теперь гораздо более чем просто мокр.

— С Джо тоже все в порядке.

Джо, как бы в подтверждение этих слов, громко расплакался; брат тут же присоединился к нему.

— Думаю, он тоже перепугался до смерти. Помолчи, Джо. Видишь, мама занята. Хью, где мы?

Он огляделся.

— Мы, — возвестил он, — на автомобильной стоянке в Торговом центре, примерно в четырех кварталах от моего дома. Но, скорее всего, довольно близко к нашему собственному времени. По крайней мере, вот это — «форд» шестьдесят первого года выпуска, и мы почти что свалились на него.

Стоянка была пуста, если не считать этой машины. Ему вдруг пришло в голову, что их прибытие вполне могло быть не просто хлопком, а, например, взрывом, если бы они приземлились футах в шести правее. Но он тут же отогнал эту мысль. Они уже столько всего вынесли, что еще одна миновавшая их опасность значения не имела.

Он встал и помог подняться Барбаре. Она поморщилась, вставая, и в тусклом свете, падавшем на стоянку из окна банка, Хью сразу заметил это:

— Что-нибудь не в порядке?

— При падении я, кажется, подвернула ногу.

— Идти можешь?

— Могу.

— Я понесу обоих ребятишек. Здесь недалеко.

— Хью, куда мы направляемся?

— Домой, конечно. Куда же еще?

Он заглянул в окно банка, стараясь взглядом отыскать календарь. Он увидел его наконец, но не мог разобрать цифры.

— Интересно, какое сегодня число? Милая, ты знаешь, мне кажется, что путешествие во времени связано с некоторыми парадоксами. Я думаю, для кого-то мы можем стать сильным потрясением.

— Для кого?

— Например, для меня. В моем более раннем воплощении. Может быть, мне следует сначала позвонить, чтобы не заставить себя врасплох? Хотя нет, он... то есть я, просто не поверит такому. Ты действительно можешь идти?

— Конечно.

— Прекрасно. Возьми на секундочку наших маленьких чудовищ — я хочу взглянуть на часы. — Он снова заглянул через окно в банк, где на стене висели часы. — Отлично. Давай детей обратно. И скажи, если тебе потребуется отдых.

Они отправились в путь. Барбара хоть и прихрамывала, но не отставала. Они молчали, так как Хью все еще не мог осмыслить случившееся. Вновь увидеть город, который он считал уничтоженным, такой тихий и мирный теплой летней ночью, было для него неожиданно сильным потрясением. Он старательно избегал думать о том, что может обнаружить у себя дома. Однако одна мысль упорно свербилась ему: если окажется, что убежище еще не построено, то оно не должно быть построено никогда.

Постепенно он свыкся с этой мыслью и сосредоточился на радостном сознании того, что Барбара была женщиной, которая никогда не откроет рта, если чувствует, что мужчина хочет, чтобы она молчала.

Наконец они свернули на дорожку, ведущую к его дому. Барбара прихрамывала, а Хью почувствовал, что у него затекли руки: для своего возраста малыши отнюдь не были хилыми. У дома стояли две машины. Он остановился у первой, дал поддержать детей Барбаре, чтобы открыть дверцу, и сказал:

— Залезай внутрь, усаживайся и дай ноге отдохнуть. Мальчишек я оставлю с собой и проведу рекогносцировку.

Дом был ярко освещен.

— Хью! Не нужно!

— Почему?

— Это моя машина. Это та самая ночь!

Он смотрел на нее. Потом тихо сказал:

— Все равно необходимо осмотреться. Оставайся здесь.

Вернулся назад он минуты через две, распахнул дверцу и повалился на сиденье, с шумом выдохнув воздух.

Барбара позвала его:

— Милый! Милый!

— О боже мой! — Он закашлялся и некоторое время ничего не мог вымолвить. — Она там! Грейс! И я тоже... — Он опустил голову на руль и всхлипнул.

— Хью!

— Что? О Боже мой!

— Успокойся, Хью. Пока ты ходил, я завела машину. Ключ был здесь. Я оставляла его, чтобы Джо ее отогнал. Так что мы можем ехать. Ты в состоянии вести машину?

Он постепенно успокаивался.

— В состоянии. — Секунд десять ему понадобилось на осмотр панели управления. Он немного отодвинул сиденье назад, включил задний ход и выехал на улицу. Через четыре минуты он свернул на шоссе, ведущее в горы, внимательно следя за знаками. Он сообразил, что в эту ночь, находясь за рулем без водительских прав, не стоит нарываться на полицию.

Где-то в отдалении пробили часы. Он взглянул на наручные и заметил, что они отстают на одну минуту.

— Включи радио, дорогая.

— Хью, прости, пожалуйста, оно у меня как-то вышло из строя, и я все никак не могла собраться отдать его в ремонт.

— Ох!.. Ну ладно. Я имею в виду, что новости сейчас не имеют значения. Я все пытаюсь прикинуть, как далеко мы успеем отъехать за час. За час с минутами. Ты не помнишь, когда первая ракета поразила нас?

— Кажется, ты сказал, что было одиннадцать сорок семь.

— И мне тоже так кажется. Я почти уверен в этом. Просто хотел, чтобы ты подтвердила. Но все совпадает. Ты готовила креп-сюз, потом вы с Карен подали их, и начались десятичасовые новости. Я ел очень быстро — они были просто изумительны, когда этот старый чудаковатый позвонил в дверь. Я вышел к нему. Допустим, это было в десять двадцать или чуть позже. Так что сейчас мы слышали, как бьет половину десятого, и то же самое говорят мои часы. Итак, у нас в распоряжении около семидесяти пяти минут, чтобы убраться от эпицентра как можно дальше...

Барбара ничего не ответила. Через несколько мгновений они выехали за пределы города. Хью нажал на газ, и скорость сразу поднялась с осторожных сорока пяти миль в час до верных шестидесяти пяти.

— Милый! Мне очень жаль, — заговорила Барбара, — жаль Карен, я хочу сказать. Больше мне жалеть не о чем.

— А я вообще ни о чем и ни о ком не жалею. Даже о Карен. Да, меня действительно потряс сейчас ее веселый смех. Но с этой минуты я верю в бессмертие. Карен жива — там, позади, — и все же мы видели, как она умерла. Поэтому в каком-то бесконечном смысле Карен живет всегда, где-то в неизвестности. Не проси меня объяснять это, но я чувствую, что это так.

— Я всегда думала то же самое, Хью. Только не решалась сказать.

— Можешь всегда говорить все, что захочешь, черт возьми! Я давным-давно говорил тебе об этом. Так что теперь я больше не испытываю печали по Карен. И, честно говоря, ничуть не жалею Грейс. Некоторым людям удастся добиться успеха именно тем, что они всегда следуют намеченным курсом. Она как раз из таких. А что касается Дьюка, то мне и думать-то о нем противно. Я возлагал на сына столько надежд! Он был моим первенцем. Но я никогда не принимал участия в его воспитании и поэтому не мог сделать его тем, кем собирался. К тому же, как заметил Джо, Дьюку не так уж плохо — благополучия, безопасности и счастья для этого достаточно. — Хью пожал плечами, не отрывая рук от руля. — Постараюсь никогда больше не думать о нем...

Через некоторое время Фарнхэм заговорил снова:

— Дорогая, ты не могла бы, хотя у тебя на руках детишки, как-нибудь снять у меня с плеча эту штуковину?

— Конечно, могу.

— Тогда сделай это, пожалуйста, и выбрось ее в кювет. Я предпочел бы, чтобы она оказалась в эпицентре взрыва — если мы еще не выбрались из него. — Он нахмурился. — Мне не хотелось бы, чтобы у этих людей когда-нибудь появилась возможность путешествовать во времени. Особенно у Понса...

Она немного повозилась, ничего не говоря. Действовать ей приходилось из неудобного положения, да к тому же еще и одной рукой. Наконец она отцепила радиационные часы и выбросила их в темноту за окном автомобиля.

— Хью, я не думаю, что Понс ожидал, что мы примем это предложение, — заговорила Барбара, — мне кажется, что он сознательно поставил такое условие, на которое я никогда бы не согласилась, даже если бы ты и решился принести себя в жертву.

— Конечно! Он воспользовался нами, как морскими свинками или как своей белой мышью, и вынудил нас согласиться. Барбара, ты знаешь, я, в принципе, могу выносить и в чем-то понимать откровенных сукиных сынов. Хотя и не прощать. Но на мой взгляд, Понс был гораздо хуже, чем все они вместе взятые. У него всегда как будто были самые добрые намерения. Он всегда мог доказать, как дважды два, что пинок, который он тебе дает, служит тебе же на пользу. Я презираю его.

— Хью, сколько белых людей нашего времени ты знаешь, которые обладали бы такой же властью и могуществом, как Понс, могли бы пользоваться ими с такой же мягкостью, как он? — упрямо спросила Барбара.

— Что? Да нисколько. Даже твой покорный слуга не был способен на это. Кстати, насчет «белых людей» — это уже удар ниже пояса. Цвет кожи тут ни при чем.

— Согласна. Я забираю назад слово «белый». И я уверена, что только ты бы один и был способен на это. Больше я никого не знаю.

— Даже я не смог бы. Да и никто вообще. Единственный раз, когда у меня была такая возможность, я воспользовался ею так же отвратительно,

как Понс. Я имею в виду тот случай с Дьюком, когда по моему приказу Джо пригрозил ему ружьем. Мне следовало просто воспользоваться приемом каратэ и сбить с ног или, может быть, даже убить его. Но не унижать. Так что никто, Барбара. Никто. И все же Понс был особенно отвратителен. Возьми, к примеру, Мештока. Мне по-настоящему жаль, что я убил его. Он был человеком, который вел себя лучше, чем мог бы, согласно своему характеру, ни в коем случае не хуже. В Мештоке было очень много злобы, даже садизма. Но он держал эти стороны натуры под жестким контролем: они не должны были мешать ему отлично исполнять свои обязанности. Но Понс... Барби, милая, наверное, это вопрос, в котором мы никогда не приходим к согласию. Ты чувствуешь к нему симпатию потому, что он хорошо относился к тебе большую часть времени и всегда был мил с нашими малышами. Но именно из-за этого я презираю его, потому что он всегда любил показать свою «королевскую милость», но никогда не забывал напомнить своей жертве о том, как он мог бы быть жесток, если бы не был таким милым и добрым старичком и таким милостивым владыкой. И я презираю его за это. Я начал испытывать презрение к нему еще задолго до того, как узнал, что ему к столу подают убитых и «вкусно» приготовленных молоденьких девушек...

— Что? — поразилась Барбара.

— А ты разве не знала? Странно, ты должна знать об этом. Помнишь последний разговор с Понсом? Ты что, не слушала?

— Я сочла это за оскорбительную шутку с вашей стороны.

— Ничего подобного. Понс — людоед. Может быть, не людоед, поскольку он не считает нас людьми, но тем не менее он ест нас. Да и все они. Понс всегда ест только девушек. Примерно по одной в день подается ежедневно к их семейному столу. Девушка возраста Киски и ее телосложения.

— Но... Но... Хью, я ведь ела то же, что и он, много раз. Значит, я... Значит...

— Конечно. И я тоже. Но только до того, как узнал, что это такое.

— Милый... останови, пожалуйста, машину. Меня сейчас стошнит.

— Эту машину ничто не остановит, дорогая.

Она с трудом открыла окно и высунулась наружу. Через некоторое время он спросил:

— Ну, как, тебе лучше?

— Немного.

— Милая, пойми, факт каннибализма ни в малейшей степени не говорит против него. Ведь он действительно не видел в этом ничего плохого, и нет никакого сомнения в том, что коровы тоже считали бы нас извергами, если бы умели думать. Но все остальное... вот тут-то он прекрасно знал, что делает. Потому что всегда стремился к тому, чтобы жертва в конце концов согласилась с ним... Палач добивался, чтобы она добровольно вошла на плаху и еще дала ему на чай.

— Я больше не хочу говорить о нем, дорогой. У меня в голове все перемешалось.

— Прости. Я полупьян, хотя не выпил ни капли, и болтаю сам не знаю что. Больше не буду. Посмотри, не едет ли кто-нибудь за нами — я собираюсь поворачивать налево.

Она оглянулась, и, когда они свернули на проселочную дорогу, находившуюся в ведении штата, узкую и не слишком ровную, он сказал:

— Я, кажется, придумал, куда мы поедem. Сначала я хотел просто убраться подальше. Теперь у нас есть цель. И возможно, там мы будем в безопасности.

— Что это за место, Хью?

— Заброшенная шахта. Она называется Ховли Лоуд. Когда-то я вложил в нее деньги и потерял их. Может быть, теперь она окупит себя. Там отличные просторные штольни, и к ней легко добраться по этой дороге. Если только я смогу отыскать вход в темноте, то мы успеем схорониться в ней до ракетного удара.

Он сосредоточился на дороге, переключая передачи на подъемах и спусках, резко тормозя перед рывками, а затем заставляя машину с натужным гудением переползать через них.

После очередного резкого поворота Барбара, чуть не вывалившись из машины, заметила:

— Дорогой, я понимаю, что ты горишь желанием спасти нас всех. Но я не вижу особой разницы, погибнем мы от водородной бомбы или в авткатастрофе.

Он улыбнулся, но скорости не сбавил.

— Барби, мне приходилось водить «джип» даже в полной темноте. Уверяю тебя, мы не разобьемся. Мало кто представляет себе все возможности машины, в которой толковый водитель и ручное переключение передач. В горах оно просто необходимо. Я бы не решился заехать сюда на другой машине.

Они добрались до небольшой площадки почти на вершине горы. Дальше дорога раздваивалась. На развилке виднелся свет. Заметив его, Хью сказал:

— Посмотри, сколько на часах.

— Одиннадцать двадцать пять.

— Отлично. Мы теперь отдалены от нулевой отметки на пятьдесят с лишним миль. Я имею в виду мой дом. А отсюда до Ховли Лоуд не больше пяти минут езды. Теперь я знаю, как туда добраться. Кажется, бензин у нас как раз кончается, а у Шмидта открыто. Прихватим немного бензина и кое-какой провизии тоже — да, я помню, что у тебя в машине есть и то и другое. Но запас нам не повредит. Мы все равно успеем до того, как опустится занавес.

Он притормозил у бензоколонки и выскочил из машины.

— Беги внутрь и начинай набирать провизию. Положи близнецов на пол и закрой дверцу. Ничего с ними не случится. — Он тем временем сунул наконецник шланга в бак машины и начал качать топливо старомодным насосом.

Барбара, заскочив внутрь станции, тут же выглянула и крикнула:

— Там никого нет!

— Тогда посигналь. Голландец, скорее всего, в своем домике, позади станции.

Барбара несколько раз нажала кнопку клаксона. Заплакали ребяташки. Хью повесил шланг на место.

— Теперь мы должны ему за четырнадцать галлонов. Давай войдем. У нас в распоряжении есть еще минут десять, чтобы быть точными.

«Уголок Шмидта» был бензозаправочной станцией, небольшой закуской и маленьким гастрономом одновременно. Тут было все, что могло бы понадобиться людям, живущим поблизости, — рыбакам, охотникам и туристам, любителям забираться в глушь. Хью не стал терять времени на поиски хозяина. Обстановка говорила сама за себя. Свет был полностью включен, ставни на входных дверях подняты, на плите шипел кипящий кофе, стул перевернут, а радио настроено на частоту сигнала тревоги.

Внезапно оно заговорило:

«Воздушная тревога. Третья воздушная тревога. Кроме шуток. Немедленно в убежища. Любые убежища. Черт бы вас всех подрал, через несколько минут вам на пустые головы посыплются атомные бомбы. Лично я, черт возьми, собираюсь сейчас забросить к дьяволу этот дурацкий микрофон и кубарем скатиться в подвал. Еще бы, ведь до начала бомбежки осталось всего пять минут! Так что, раздолбаи чертовы, скорее прячьтесь в свои норы, не высовывайтесь и перестаньте слушать чушь, которую я тут порю. Все в убежище!!!»

— Скорее бери эти пустые коробки и наполняй их. Не нужно ничего укладывать, просто все бросай в них. А я буду выносить их наружу. Мы забудем заднее сидение и пол...

Хью тут же последовал собственному совету, наполнил одну из коробок и сделал это гораздо быстрее, чем Барбара. С ношей в руках он бросился к машине, потом бегом вернулся. Его ждала уже следующая кладь.

— Хью, подожди. Одну секунду. Ты только взгляни, — остановила его Барбара.

Последняя коробка не была пустой. Там была кошка-мать, которая ничуть не испугалась незнакомых людей, видимо будучи привычной к ним. Она спокойно взглянула на них, а четверо пищащих малышей продолжали сосать ее. Хью тоже взглянул ей в глаза.

— Ладно, — согласился он. — Положи в коробку сверху что-нибудь не очень тяжелое, но такое, что не давало бы им опрокинуться во время езды. Скорее.

Он бросился бегом к машине, неся в руках «кошачий домик» с их обитателями, которые писком выражали свое неудовольствие происходившим.

Барбара быстро последовала за ним с наполовину наполненной коробкой и поставила ее в машине на ящик с кошками. Затем они оба заторопились внутрь станции.

— Захвати все сгущенное молоко, что попадется. — Хью на мгновение приостановился, чтобы положить на прилавок колбаску с долларами. — И еще прихвати всю туалетную бумагу или клинекс. Нам осталось не более трех минут.

Они покинули станцию только через пять минут, но зато с еще несколькими коробками. Теперь заднее сиденье автомобиля было полностью загружено.

— Я прихватила дюжину чайных полотенец и шесть больших пачек Чакс.

— Чего-чего?

— Пеленок, дорогой, пеленок. Надеюсь, что этого хватит надолго. И еще я прихватила две колоды карт. Может быть, и не следовало делать этого...

— К чему лицемерить, любимая. Придерживай малышей и убедись, что дверца закрыта как следует. — Он отъехал несколько сот ярдов, все время выглядывая. — Вот она!

Ехать было трудно. Хью вел машину медленно и осторожно.

После одного из поворотов, они увидели темное отверстие, зияющее в склоны горы.

— Отлично, мы успели! И можем прямо заехать внутрь. — Он тронулся с места и снова нажал на тормоз. — Боже милостивый! Корова.

— И теленок, — добавила Барбара, выглядывая со своей стороны.

— Придется оставить их.

— Хью, это же КОРОВА... С теленком.

— Э-э... но как же мы будем кормить их?

— Хью, может быть, здесь ничего и не сгорит. А ведь это настоящая живая корова.

— Э-э... ладно, ладно, хорошо. Будет туго, съедим их, — решил Хью.

Внутри шахты, в тридцати футах от входа, была деревянная стенка и крепкая дверь. Хью подал машину вперед, понуждая упрямую корову идти перед ними, и в конце концов прижал машину к каменной стене.

Корова тут же сделала попытку вырваться на свободу. Перегородив ей дорогу дверцей со своей стороны, Барбара задержала ее. Теленок мычал. Ему вторили звуки эхо.

Хью с трудом выбрался наружу. Дверь была заперта только на засов без замка. Ему пришлось немного подвинуть коровий зад, чтобы открыть ее.

— Включи фары, а то ничего не видно, — попросил Хью.

Включив освещение, Барбара настояла на том, чтобы корову с теленком тоже загнали внутрь. Хью пробормотал себе под нос что-то вроде: «Чертов Ноев ковчег», но согласился, тем более что корова мешала въезду. Дверь, хотя и широкая, была всего на дюйм уже, чем буренка, и та просто-таки не желала пролезть сквозь нее. Тогда Хью наставил ее головой в дверь и отвесил ей здоровенного пинка. И она оказалась внутри. А теленок сразу последовал за матерью.

Хью неожиданно понял, почему корова и теленок не рвались больше отсюда. Кто-то, по-видимому, из местных жителей приспособил устье шахты под коровник. Внутри находилось штук двенадцать, или около того, копен сена. Как только корова увидела такое изобилие, все мысли об уходе ее тут же покинули.

Припасы были занесены в их новое обиталище. Из двух коробок вытряхнули содержимое и в каждую посадили по близнецу. Рядом с ними поставили ящик с котятками. Все три коробки были закреплены так, чтобы их нельзя было ни опрокинуть, ни выбраться из них.

В то время, как Барбара и Хью сустились вокруг машины, вдруг стало светло словно днем.

— О, господи! Мы не успеваем... — с отчаянием сказала Барбара.

— Продолжай разгружать вещи. До того, как нас достанет звуковая волна, еще пройдет, может быть, минут десять. А вот как насчет взрывной волны, не знаю. Возьми-ка ружье.

Они уже выгрузили из машины канистры с бензином и с водой, но еще не успели унести их. Земля задрожала, и им стало казаться, что где-то под ними помчались поезда гигантского метрополитена. Хью быстро отнес канистру внутрь.

— Давай скорее эти! — крикнул он.

— Хью, иди сюда!

— Сейчас...

Прямо за машиной лежало сено. Он собрал его, просунул в дверь, вернулся и подобрал остатки — не ради того, чтобы спасти сено, а чтобы уменьшить угрозу воспламенения бензина в баке автомобиля. Он сначала даже хотел вывести машину наружу и спустить ее под откос. Но потом решил не рисковать. В глубине были еще и боковые туннели, и в случае сильного жара автомобиль можно загнать туда.

— Барбара! Ты включила свет!?

— Да! Прошу тебя, иди сюда. Пожалуйста!..

Он вошел внутрь, закрыв за собой дверь.

— Теперь нужно отодвинуть все это сено вон туда, подальше от входа. Ты будешь светить, а я понесу сено. Только смотри под ноги. Дальше начинаются сырые места. Именно поэтому мы и закрепили в свое время шахту. Слишком дорого обходилась откачка.

Они перенесли провизию (в том числе и корм для животных) и предметы первой необходимости в боковой туннель, футов на сто в глубь горы. По пути им попалось место, где вода доходила до щиколоток, но боковой туннель оказался немного выше и абсолютно сухим. Один раз у Барбары с ноги свалился мокасина.

— Извини, — сказал Хью. — Эта гора настоящая губка. Буквально из каждой дырки начинает бить фонтан воды.

— Я женщина, которая высоко ценит воду. И на то у меня есть серьезные причины...

Хью ничего не ответил, так как в это время все кругом осветила вспышка от взрыва второй бомбы — осветила даже на такой глубине — видимо, через щели в деревянной стенке. Он взглянул на часы.

— Как раз вовремя. Теперь нам придется второй раз смотреть то же самое кино, Барби. Только на этот раз, я надеюсь, будет не так душно в зале.

— Не знаю, не знаю, — подозрительно сказала Барбара.

— Будет ли не так душно? Конечно, будет значительно прохладнее. Даже если снаружи все будет гореть. Кажется, есть место, где мы можем укрыться и остаться в живых — мы да еще кошки (только уж не корова с телятком), даже если внутрь пойдет дым от пожаров.

— Хью, я не то имею в виду...

— А что же?

— Хью, я сразу не сказала тебе об этом. Я так расстроилась и не хотела расстраивать тебя. У меня никогда не было машины, которая управлялась ручным переключением передач...

— Что? Тогда чья же это машина? — в свою очередь удивился Хью.

— Моя. Я хочу сказать, что в ней действительно торчали мои ключи — и в багажнике находились припасенные мною вещи. Но у меня было автоматическое переключение.

— Милая, — медленно произнес он, — наверное, ты слегка переволновалась...

— Я так и знала, что ты примешь меня за сумасшедшую, и именно поэтому я и не говорила тебе ничего до тех пор, пока мы не окажемся в безопасности. Но, Хью, выслушай меня, дорогой! Я действительно никогда в жизни не имела автомобиля с ручным переключением. Я и не сумела бы вести такую машину. Я просто не знаю, как переключают передачи.

Он задумался.

— Тогда я ничего не понимаю...

— И я тоже. Милый, когда ты вернулся от своего дома к машине, ты сказал: «Она там, Грейс». Ты имел в виду, что видел ее?

— Конечно, видел. Она клевала носом перед телевизором, наполовину отключившись.

— Но, миленький, Грейс действительно сначала клевала носом перед телевизором. Но ты же уложил ее в постель, пока я готовила креп-сюзет. Разве ты не помнишь? Когда объявили тревогу, ты пошел к ней и на руках принес ее вниз — она так и была в ночной рубашке.

Несколько мгновений Хью Фарнхэм стоял неподвижно.

— Так оно и было. Я все так и сделал, — согласился он наконец. — Ладно, давай занесем сюда остатки вещей. Самый большой взрыв будет примерно через полтора часа.

— А ты думаешь, он будет? — спросила Барбара.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Хью, я не знаю, что произошло. Может быть, это совсем другой мир. Или, может быть, мир тот же самый, но только совсем чуточку изменившийся... под влиянием нашего возвращения, хотя бы...

— Не знаю, не знаю. Сейчас мы должны перенести сюда остатки вещей.

Самый сильный взрыв произошел вовремя. Их потрянуло, не обошлось без повреждений. Когда их достигла взрывная волна, их опять потрянуло. Но никаких неприятностей не случилось и в этот раз, разве что сдали нервы у некоторых слишком нервных животных. Близнецы же, наоборот, как будто даже привыкли к этой суровой жизни, и она им начинала нравиться.

Хью засек время, потом задумчиво произнес:

— Если это и другой мир, то от нашего он отличается совсем незначительно. И все же...

— Что, милый?

— И все же он отличается. Например, ты не забыла, что машина у тебя была другая. А я помню, что уложил Грейс в постель очень рано. После этого мы еще поговорили с Дьюком. Так что, он отличается от нашего... — Тут он вдруг улыбнулся. — И он может быть отличен от нашего в очень важных вещах. Если будущее может изменять прошлое, то почему бы и прошлому не изменить будущее. Соединенные Штаты, может быть, и не будут полностью уничтожены. Может быть, ни та, ни другая из сторон не пойдут на такой самоубийственный шаг, как использование бактериологического оружия. Может быть... Черт возьми, а может быть, у Понса никогда больше и не будет возможности иметь к столу молоденьких девушек! — И добавил: — Я бы что угодно сделал ради этого. И вероятно хочется своими глазами убедиться, что он лишился этого удовольствия...

— Мы попытаемся! И наши мальчики попытаются!

— Да, но все это завтра. По-моему, на сегодня фейерверк окончен. Мадам, как вам кажется, вы сможете уснуть на копне сена?

— Вот так просто взять и уснуть? — недоумевая, спросила Барбара.

— До чего же ты похотлива! У меня был долгий, трудный день...

— Но у тебя и в первый раз позади был долгий, трудный день.

— Ну что ж, раз уж ты мне напомнила... — невозмутимо произнес Хью.

9

Они пережили ракеты, бомбы, пожары. Они пережили эпидемии, которые оказались вовсе не такими уж опустошительными и, вполне возможно, не были вызваны применением бактериологического оружия (во всяком случае, обе воюющие стороны горячо отрицали это). Они пережили длительный период беспорядков, когда гражданское правительство корчилось в агонии, как змея со сломанным хребтом. Они продолжали жить. Жизнь продолжалась.

Вывеска над их жилищем гласила:

«СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА
ФАКТОРИЯ РЕСТОРАН БАР
АМЕРИКАНСКАЯ ВОДКА
КУКУРУЗНЫЙ ЛИКЕР
ЯБЛОЧНОЕ БРЕНДИ
НАСТОЯЩАЯ РОДНИКОВАЯ ВОДА
ПАРНОЕ МОЛОКО
СОЛОНИНА С КАРТОШКОЙ
ЖАРЕННОЕ МЯСО С КАРТОШКОЙ
МЯСО И ИНОГДА ХЛЕБ
КОПЧЕНАЯ МЕДВЕЖАТИНА
ВЯЛЕНАЯ ДИЧЬ
КРЕП-СЮЗЕ ПО ЗАКАЗАМ
В КАЧЕСТВЕ ПЛАТЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛЮБЫЕ КНИГИ
ДНЕВНОЙ ПРИСМОТР ЗА ДЕТЬМИ
БЕСПЛАТНЫЕ КОТЯТА
КУЗНЕЧНЫЕ РАБОТЫ, РЕМОНТ МЕХАНИЗМОВ, РАБОТЫ ПО ЛИСТОВО-
МУ МЕТАЛЛУ — МЕТАЛЛ ПРЕДОСТАВЛЯЕТ ЗАКАЗЧИК
ФАРНХЭМОВСКАЯ ШКОЛА БРИДЖ-КОНТРАКТА
УРОКИ ПО ДОГОВОРЕННОСТИ
КАЖДУЮ СРЕДУ — ВЕЧЕРА ВСТРЕЧ

Предупреждение!

Позвоните в колокольчик. Дождитесь ответа. Приближайтесь к с поднятыми руками. Не сходите с тропинки, участок заминированную прошедшую неделю мы потеряли трех покупателей. Мы не можем себе позволить потерять еще и вас! Торговля налогом не облагается.

ХЬЮ, БАРБАРА И СЫНОВЬЯ
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА»

А высоко в небе над вывеской развевается самодельный звездно-полосатый флаг...

И жизнь их продолжается по-прежнему...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОДАЛ ЛУНУ. <i>Повесть</i>	3
ДА БУДЕТ СВЕТ. <i>Рассказ</i>	74
РЕКВИЕМ. <i>Рассказ</i>	87
ПЕРОГИ ДОЛЖНЫ КАТИТЬСЯ. <i>Рассказ</i>	103
ЗВЕЗДНЫЕ РЕЙНДЖЕРЫ. <i>Роман</i>	131
СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА. <i>Роман</i>	291

Ответственный редактор *И.А. Лазарев*
Редактор *С.А. Кукуш*
Художник *А.В. Вальдман*
Технический редактор *Ю.А. Мухин*
Корректор *Е.Н. Петрова*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 17.08.92. Формат 60 х 84 1/16.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,69. Уч.-изд. л. 46,66. Тираж 50 000 экз. Заказ N 3893.

Торгово-издательское объединение "Центрполиграф".
127018, Москва, ул. Октябрьская, 18.

Отпечатано в ГИПП "Нижеполиграф", 603006, Н. Новгород, Варварская ул., 32

